

86

СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

ВАЯТЕЛЕЙ, ЖИВОПИСЦЕВЪ, ЗОДЧИХЪ, РИСОВАЛЬЩИКОВЪ,
ГРАВЕРОВЪ, ЛИТОГРАФОВЪ, МЕДАЛЬЕРОВЪ, МОЗАИЧИ-
СЛОВЪ, ИКОНОПИСЦЕВЪ, ЛИТЕЙЩИКОВЪ, ЧЕКАН-
ЩИКОВЪ, СКАНЩИКОВЪ И ПРОЧ.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ
(XI—XIX вв.).

СОСТАВИЛЪ

НА ОСНОВАНІИ ЛѢТОПИСЕЙ, АКТОВЪ, АРХИВНЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ, АВТОБІОГРАФИЧЕСКИХЪ
ЗАМѢТОКЪ И ПЕЧАТНЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

Н. П. СОБКО.

(Съ 1867 по 1892 г. включит.).

ТОМЪ II, ВЫП. 1.

И, I.

(425 именъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1895.

Да простятъ меня мои подписчики и читатели за то, что я издаю свой «Словарь» не съ такою быстротою, какъ бы хотѣлъ: хоть у меня и собранъ за 25 лѣтъ весь матеріалъ съ А до Θ включительно, не мало времени беретъ, однако, обработка біографій, неизбѣжная провѣрка нѣкоторыхъ источниковъ, подборъ снимковъ и исполненіе клише, не говоря уже о самомъ печатаніи, требующемъ громадныхъ затратъ сразу, безъ расчета на скорое возмѣщеніе всѣхъ издержекъ. Во 2-хъ за то, что я буду выдавать свой трудъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ буквъ русской азбуки, а по мѣрѣ составленія мною статей о болѣе извѣстныхъ изъ нашихъ художниковъ для «Біограф. Словаря русс. дѣятелей», издаваемого Имп. Русс. Истор. Обществомъ въ 4-хъ отдѣлахъ сразу—на буквы: А—З, И—О, П—У, Ф—Θ. Въ 3-хъ за то, что я особенно распространился о знаменитомъ Алекс. Андр. Ивановѣ, въ виду отсутствія до сихъ поръ хоть сколько-нибудь достойной этого великаго художника біографіи; при этомъ я ввелъ совсѣмъ новый элементъ въ свой трудъ—сообщеніе отзывовъ современной, а иногда и позднѣйшей критики о произведеніяхъ разсматриваемаго автора, имѣя въ виду трудность достать многія изъ прежнихъ изданій, особенно періодическія, не только въ провинціи, но и въ столицахъ. Но какія-бы ни были помѣхи, я все-таки думаю кончить свое изданіе, если не въ 4 года, какъ рассчитывалъ, то въ 6 лѣтъ; въ случаѣ же моей преждевременной смерти, по моимъ матеріаламъ можетъ продолжать это изданіе профессоръ исторіи искусства въ Берлинской Академіи Художествъ и Художественно-Промышленной школѣ Э. Я. Доббертъ, статьи котораго о русскихъ художникахъ, по собиравшимся имъ независимо отъ меня матеріаламъ, отличались, изъ всѣхъ другихъ, особенною точностью и полностью свѣдѣній.

2432

Дозволено цензурою. Сиб., 6 апрѣля 1896 г.

2007338332

И.

Иваницкая, Екатерина Евгениевна, художница-любительница из Одессы. Участвовала въ III-й период. выставкѣ южно-русс. художниковъ своимъ пейзажнымъ этюдомъ.

См. „Катал. этой вист.“, Од. 1892, № 35.

Иваницій, Александръ Ивановичъ, архитекторъ. Род. 1818 г.; воспитывался на счетъ Вологодской губ. въ Строит. Учил. съ 3 февр. 1835 по 6 февр. 1838, когда былъ выпущенъ съ чиномъ 14 кл. и сдѣлался смотрителемъ дорогъ въ Вологодской губ., а затѣмъ губ. архитекторомъ тамъ же. Съ 1859—60 г. онъ состоялъ уже въ 7 классѣ.

По рукоп. матер. *П. Н. Петрова.*

Иванова, Вѣра Викторовна, художница-любительница. Дочь ген.-лейт., она выставила въ Имп. Акад. Худож. въ 1873 г. портреты: А. А. Б. (Бекманъ), г-жи Ивановой (матери художницы), барон. А. И. Каульбарсъ и маркиза А. И. де Траверсе, а также два этюда женскихъ головокъ съ натурѣ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 107/1873 и „Указат. вист.“ 1873 г., №№ 69—72 и 77—78; въ изд. же *О. Бунакова* „Наши Художники“ (I, 156) указанъ неѣрно 1872 г.

Иванова, Ксеція Васильевна, художница-любительница. Ученица Моск. Училища живописи и ваянія, она выставяла свои портреты на выставкахъ: VII-й ученической 1884 г.—неизвѣстной личности; академическихъ 1887 г.—истор. Е. А. Бѣлова, живоп. Г. Г. Мясоедова, публициста О. К. Нотовича (за что получила званіе—поч. воля. общника), и 1888 г.—писат. П. И. Вейнберга, г-жѣ Н и *; наконецъ, XI-й периодической въ Моск. Обществѣ Любит. Худож. 1891 г.—картину „Балконъ“. Кромѣ того, на VI-й аквар. выставкѣ 1886 г. въ Общ. Поощр. Худож. въ СПб. была акварель г-жи Ивановой „Дорожка въ лѣсу“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 169/1887.—„Катал. вист.“: VI-й ученич., № 7; XI-й периодич., № 109, и „Указат. вист.“: въ И. А. Х. 1887 г., №№ 164—6, и 1888 г., №№ 137—9; VI-й аквар., № 74.

Иванова (по мужу Раевская), Марья Дмитриевна, живописица. Дочь псаломщика, она род. въ Гавриловкѣ, Изюмского у., Харьковской губ., училась же въ СПб. Рисов. Школѣ

для вольноприход. (въ 1855—57 г.г.) и у проф. А. Эргардта въ Дрезденѣ. Познакомившись съ заграничными рисов. школами и вернувшись въ отечество, она выставила въ Акад. Худож.: въ 1867 г.—портретъ г-жи Н. и картинку „Дерев. дѣвушка въ Саксоніи“ и въ 1868 г.—другую картину „Смерть крестьянина въ Малороссіи“, доставившую ей званіе некл. художника (въ сент.), а съ 1869 г. поселилась въ Харьковѣ и положила тамъ основаніе частной школѣ рисованія и живописи. За послѣднее, равно какъ за „успѣшное веденіе преподаванія, за рациональный методъ и успѣхи учениковъ“ (которыхъ было въ то время отъ 15 до 20 чел.), Коммиссія, назначенная Е. И. В. Товарищемъ Президента Имп. Акад. Худож. для разсмотрѣнія ученич. рисунковъ, присланныхъ изъ гимназій и друг. училищъ вѣдомства Мин. Нар. Просв. и имѣвшая нѣск. засѣданій съ 9 нояб. 1871 по 12 янв. 1872 подъ предѣлительствомъ рект. *О. И. Гордана*, положила войти съ особ. представленіемъ въ Совѣтъ И. А. Х. о присужденіи ей званія поч. вольнаго общника (что и было исполнено 4 нояб. 1872), а также ходатайствовать передъ Е. И. В. Товарищемъ Президента о представленіи ея къ Высочайшей наградѣ; изъ учениковъ же ея—трѣмъ: Данилевскому, Кондратенко и Шаховскому присудила серебря. медали и похвальн.отзывы, а шести лицамъ—одна похв.отзывы. Примѣненная у И-ой метода преподаванія рисованія была изложена ею въ особой запискѣ, напеч. при Протоколѣ засѣданій Коммиссін“ (прилож. № 2) въ концѣ „Отчета И. А. Х.“ за 1870—71 г.; тамъ же помѣщались, въ слѣд. годахъ, и дальнѣйшія свѣдѣнія о состояніи Харьк. школы, откуда видно, что число учащихся быстро увеличилось, но съ 1887 г. прекратилось самое печатаніе Академич. отчетовъ. Преподавая рисованіе, кромѣ своей школы, и въ мѣстной 2-й женской гимназій, М. Д. издала въ 1879 г. собственную „Азбуку рисованія для семьи и школы“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1/И. — *Н. П. Собко* Историч. Очеркъ СПб. Рисов. Школы за 1889—89 г.г.“ алфав. — „Указат. вист. въ И. А. Х.“: 1867 г., живопись, №№ 60—61, и 1868 г., № 222.—„Отчетъ И. А. Х.“ за 1870

—71 г., Протоколъ засѣд. Ком., стр. 88, и слѣд. годовъ.—Въ изд. *С. Булакова* „Наши Художники“ (II, 114) помѣщ. портретъ художника среди миниат. снимковъ съ ея произвед.

Иванова (по 1-му мужу **Скородумова**), Марья Ивановна, граверша конца XVIII и начала XIX ст., см. подъ Скородумовой.

Ивановскіе, А. и К., граверъ и рисовальщикъ. Работы ихъ помѣщ. между прочимъ, въ „Живоп. Обзор.“ 1876 г. (стр. 721 и 665).

Ивановскій, Викторъ Людвиговичъ, архитекторъ. Род. въ 1855 г. Воспитаникъ училищъ: Ревельскаго реальнаго—до 1876 и СПб. Строительнаго (что нынѣ Инстит. Гражд. Инжен.)—до 1883 г., онъ вышелъ изъ послѣдняго съ званіемъ гражд. инжен. и съ чиномъ X в. к. и, причислившись къ Технич. Стронт. Комитету Мин. Внутр. Дѣлъ, занимался у акад. В. И. Шестова, а съ 1885 г. сдѣлался младш. архитекторомъ Стронт. отд. въ Симбирскѣ, причемъ съ того времени до 1892 г. имъ произведены постройки: по готовымъ проектамъ—3-хъ кам. церквей въ с. с. Кержмановѣ, Ивановкѣ и Барышеная слобода, равно какъ достройка кам. собора въ Корсунѣ, по своимъ же собственнымъ—престройки къ церквамъ въ с. Барышеная слобода и въ г. Алатырѣ, постройки кам. колоколенъ въ с. Яровинскѣ и въ г. Симбирскѣ при церквяхъ „Всѣхъ святыхъ“, а также кам. корпуса фабрики Степанова, и, наконецъ, перестройки дома фабр. Степанова и Алѣева и кам. зданій сук. фабрики Бѣлоусова и отдѣленія Госуд. банка.

См. составл. *Г. В. Барановскимъ* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92 г.“, стр. 180.

Ивановскій, Никодимъ Ксаверьевичъ, художникъ-любитель. Родомъ дворянинъ, живя въ г. Шаули, Ковенской губ., онъ выставилъ въ Имп. Акад. Худож. въ 1873 г. картину „Затруднит. вопросъ“, съ подт.: Н. Е. Iwanowski 1872, а въ 1875 г. прислалъ еще двѣ: „Возвратъ“ и „Среди русалокъ“, которыя затѣмъ, по просьбѣ автора, были пересланы въ Варшавское Общество Поощр. Художествъ.

См. „Указат. означ. выст.“, № 63, и въ Архивѣ И. А. Х., дѣло 132/1875.

Ивановъ, Абросимъ (Обросимъ), кормовой мастеръ Моск. Серебр. Палаты XVII в. Ему, вмѣстѣ съ Кир. Кузьминимъ и Петр. Федоровымъ, отпущено было 12 сент. 1625 г. 47-мъ венгерскихъ золотыхъ на поволоту 15-ти звеньевъ отъ „тремащихъ“ серебр. дѣней, принесенныхъ изъ Ковноп. приказа.

См. *А. Викторовъ* „Описаніе книгъ и бумагъ

стар. Дворц. приказ.“, М. 1883, II, 572.—У *И. Забѣлина* онъ пропущ.

Ивановъ, Авраамій, живописецъ XVII в. въ Псковѣ. Имъ переписана была, по порученію псковичей, на погорѣвшей доскѣ, по прежнему, мѣстная чудот. икона с. великомуч. Дмитрія Селунскаго съ дѣяніями—изъ Гдовской соборной церкви, гдѣ она вся обгорѣла въ уголь во время случившагося тамъ пожара при одномъ изъ нашествій нѣмцевъ и вступленіи ихъ короля въ городъ (въ 1636).

См. „Полн. собр. русс. лѣтоп.“, V, 73.—У *Д. Ровинскаго* онъ только упомя. безъ обознач. года.

Ивановъ, Автономъ, Московск. иконописецъ XVII в. Онъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановымъ, былъ въ 1668 у „Савинскаго письма“, а въ 1679, вмѣстѣ съ друг. царскими живописцами: Ян. Ивановымъ, Карп. Золотаревымъ, Ив. Мирескимъ и Вас. Познанскимъ, писалъ на лазури, широкою и бойкою кистью въ греч. стилѣ, лики святыхъ въ иконостасѣ вновь постр. соборной церкви Покрова Богородицы въ подмоск. селѣ Измайловѣ, гдѣ они сохранились до послѣдняго времени.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школы иконопис.“, СПб. 1856, с. 147 (упом.), и „Русс. Старину“, *А. Мартынова* и *И. Сенирева*, изд. 2-е, годъ 4-й, с. 111—3.

Ивановъ, Аггей, золот. дѣлъ мастеръ начала XVIII в. въ Москвѣ. Состоя при Оруж. Палатѣ, онъ находился въ 1701—5 гг. на окладѣ въ 61 р.

См. *А. Викторовъ* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, М. 1883, II, 466, 476, 482.—У *И. Забѣлина* онъ лишь упомя. съ 1701 г.

Ивановъ, Александръ, рѣшникъ Канцеляріи Строевой. Про него извѣстно только, что „по имѣющейся въ немъ способности и склонности къ продолженію дальнѣхъ знаній въ художествѣ“, кураторъ Моск. унив. И. И. Шуваловъ просилъ Канцелярію отъ Строевой въ мартѣ 1761 уволить его для нахождения при Акад. Худож. въ числѣ прочихъ учениковъ академическихъ, но Канцелярія отвѣтила 31-го числа, что, „по имѣющейся въ немъ особой надобности, потому что находится при самозанятіи какъ по Зимнему каменному Ея И. В. дому (который, въ силу именнаго Ея И. В. Высочайшаго указа, повелѣно нынѣшняго года совсѣмъ привести въ окончаніе), такъ и въ комнатахъ Ея И. В. и Ихъ И. В. работахъ“, она, безъ доклада гр. В. В. Фермора, какъ главнаго оной командира, сама собою уволить не можетъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 8/1761.

Ивановъ, Александръ Алексѣевичъ, литейщикъ и чеканщикъ. Принятъ въ Имп. Акад.

Худож. въ 1779, онъ, по исполненіи заданной 31 дек. 1793 г. программы—вылить изъ мѣди и вычеканить бюстъ Эйлера, выпущенъ былъ 20 іюня 1794 подмастерьемъ (съ аттестатомъ 4-й степ. безъ шпаци).

См. „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“...
И. Н. Петрова, I, 168 (№ 41), 316, 335.

1. Портретъ А. А. Иванова
(съ рис. С. А. Иванова 1846 г.,
гравиров. И. Н. Крамскимъ въ 1879 г.).

Ивановъ, Александръ Андреевичъ, живописецъ. Род. 16 іюля 1806, ум. 3 іюля 1858 въ Петербургѣ, отъ холеры. Онъ представляется намъ однимъ изъ величайшихъ русс. людей, не только художниковъ, но и вообще—по рѣдкому соединенію въ одной личности столькихъ, самыхъ разнородныхъ качествъ, какъ природныхъ, такъ и приобретенныхъ съ теченіемъ времени, а именно: необыкновенно свѣтлаго ума въ связи съ выдающимся худож. дарованіемъ, замѣчательнаго самообразованія въ связи съ сильнымъ критическимъ анализомъ, полной независимости характера въ связи съ крайней правдивостію, непоколебимой настойчивости въ связи съ необычайной мягкостію, и проч. Быть можетъ, многое изъ всего этого перешло къ нему отавизмомъ, т. к. отецъ его былъ изъ незаконнорожденныхъ, а вѣдомо, что зачастую самая выдающаяся лича выходитъ именно изъ таковыхъ, но не малымъ онъ былъ обязанъ и исключительно самому себѣ. Не маловажное значеніе играло тутъ, конечно, и то обстоятельство, что онъ, воспитываясь собственно дома, испытать на себѣ меньше многихъ другихъ весь вредъ и пагубное вліяніе школы,

годной болѣе для заурядныхъ людей, чѣмъ для выходящихъ изъ ряда вонъ: рутинная Академія Художествъ не только не коснулась общаго развитія и направленія его способностей, но порядкомъ не научила его даже тѣмъ элементарнымъ правиламъ, которыми собственно и должна бы только учить, т. е. все остальное можетъ придти само собою, разъ у человѣка есть дарованіе. Ивановъ, въ качествѣ истинно передовой личности, болѣе всякаго другого, вполне чувствовалъ и сознавалъ это, почему весь свой вѣкъ и возставаъ до такой степени вездѣ, гдѣ только можно было, противъ глубоко укоренившихся повсюду академическихъ традицій. Въ этомъ отношеніи онъ опередилъ и Крамского, и Перова.

Онъ явился на свѣтъ въ то время, когда въ худож. мірѣ существовала еще извѣстная патриархальность, чуждая стремленія въ храмъ искусства изъ-за какихъ-либо постороннихъ побужденій, и когда нерѣдко можно было встрѣтить преемственность отъ отца къ сыну, какая поадѣе сохранилась лишь въ нѣкоторыхъ художеств. семьяхъ въ Москвѣ. Гени въ художествѣ, какъ и во всемъ другомъ, очень рѣдки, и потому всегда можно ждать болѣе проку отъ лица, унаследовавшихъ извѣстныя способности родителей, чѣмъ отъ случайныхъ элементовъ чаще всего влекомыхъ въ Академію, какъ и въ другія высшія учебныя заведенія, по неизмѣнимымъ ничеу общаго съ искусствомъ или наукою соображеніямъ. Домашняя же среда всегда имѣла, имѣетъ и должна имѣть гораздо болѣе значенія въ смыслѣ истиннаго направленія человѣка на ту или другую отрасль дѣятельности, чѣмъ всякія инныя причины. Отрицательные результаты получаются въ данномъ случаѣ только тогда, когда дѣйствовало насилие противъ настоящаго призванія. Но относительно Иванова этого нельзя сказать: напротивъ, судя по той осторожности, съ какою его отецъ, какъ это видно изъ ихъ взымной переписки, относился въослѣдствіи къ избранію рода дѣятельности для меньшаго сына Сергѣя, ставшаго потомъ архитекторомъ, можно скорѣе думать, что и на старшаго сына не было прямого вліянія въ этомъ смыслѣ, кромѣ развѣ родительскаго припѣра. Мать Иванова, рожд. Димертъ или Демертъ, тоже принадлежала къ худож. семьѣ—три брата ея учились въ Академіи: одинъ, Александръ, пейзажной живописи (съ 1800) и двое, Андрей и Егоръ, архитектурѣ (до 1809); въ академ. квартирѣ Ивановыхъ, какъ мы узнаемъ изъ вышеупом. пере-

писки, часто собирались разныя, прикосновенныя къ художествамъ, лица. Все это, выѣстъ взятое, не могло недѣйствовать благотворно на юнаго Иванова и потому немудрено, что онъ охотно началъ учиться рисованью, едва только могъ держать въ рукахъ карандашъ; на 12-мъ же году, по просьбѣ отца, ему дозволено было Академ. Совѣтомъ (9 окт. 1817) „пользоваться учениемъ, преподаваемымъ какъ въ учебныхъ, такъ и въ художеств. классахъ Академіи.“

1817—30.

Такимъ образомъ, миновать воспитат. училище, И—въ поступилъ собственно въ такъ назыв. Академію и потому могъ оставаться въ ней менѣе назначенныхъ нов. правилами 12-ти лѣтъ; при этомъ, посѣщая Академ. классы, онъ продолжалъ жить по прежнему у отца, а не выѣстъ съ казенными и своеобразными воспитанниками, и въ отлчіе отъ нихъ считался „постороннимъ ученикомъ“. Это не помѣшало ему на третнемъ экзаменѣ въ декабрѣ 1822 получить 1-ю серебрян. медаль за рис. съ натуры; но затѣмъ, хотя онъ каждый экзаменъ подавалъ эскизы, въ началѣ же 1824 исполнилъ программу: 1. „Блудный сынъ“, одобренную на экзаменѣ, онъ не получилъ ни за то, ни за другое никакой награды, т. к. входилъ въ „3-мъ возрастъ“ и писалъ послѣднюю—дома, а проф. Егоровъ, —читаемъ мы въ письмѣ самого И—ва къ дядѣ А. И. Демурту отъ того года,—высказалъ мнѣніе объ его работѣ, что онъ выполнилъ ее „не самъ“. Тогда же И—въ выставилъ еще своего: 2. „Монсея, издающаго во второй разъ законъ“, а къ апрѣлю того же года окончилъ: 3. „Іоанна Крестителя (въ ростѣ), проповѣдующаго въ пустынѣ“—для полученія награды, на которую рассчитывалъ при подачѣ назв. выше композиціи. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ надѣяться на получение золотыхъ медалей п, слѣдоват., на заграничное пенсіонерство: Акад. Худож., на основаніи устава своего, награждала золот. медалями только собственныхъ воспитанниковъ, по окончаніи ими полнаго курса ученія; воспитанники же, вышедшіе прежде времени изъ Академіи, не имѣли права на получение золот. медалей; молодые художники, вовсе не принадлежавшіе къ Академіи, также не могли получать за свои произведенія золот. медалей. Но, на его счастье, Комитетъ образовавшагося въ 1820 г. Общества Поощренія Художниковъ положилъ, какъ мы знаемъ изъ его отчета за 1824 г., „жертвовать въ Акад. Худож., при каждомъ выпускѣ

изъ оной воспитанниковъ (черезъ 3 года), по три золотыя медали: одну большаго и двѣ меньшаго достоинства,—съ тѣмъ, чтобы медали сіи были опредѣляемы и выдаваемы не принадлежащимъ къ Академіи молод. художникамъ за отличнѣйшія изъ числа произведеній, кои представлять они на судъ ея“. А Академія, принявъ съ удовольствіемъ сдѣланное въ томъ году пожертвованіе, наградила, по большинству балловъ, съ согласія присутствовавшихъ въ публичномъ собраніи ея 16 сент. членовъ Общества, золотую медалью 2-го достоинства, въ числѣхъ постор. художниковъ, и А. Иванова—за 4. картину, изображ. „Пріама, испрашивающаго у Ахиллеса тѣло Гектора“ и бывшую на Акад. выставкѣ того года (находившійся у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ), наравнѣ со своими учениками: А. Марковымъ, А. Пикетиннымъ, А. Нотбекомъ, К. Осоевымъ, и с. Ив. Кобелевымъ, исполнившими ту же программу.

Одни изъ тогдашнихъ критиковъ (какъ *Борисъ Федоровъ* въ „Отеч. Зап.“ 1824, XX, 316—7) считали картину И—ва „болѣе согласной съ повѣствованіемъ Іліады“, указывая на брошенный жезлъ Меркурія, на короткіе волосы Ахиллеса, на покрытый барсовой кожей стулъ, ва урну съ прахомъ Патрокла; другіе (какъ *В. И. Григоровичъ* въ своемъ „Журналѣ Изящныхъ Искусствъ“ 1825, № 1, с. 61—62) видѣли, на оборотъ, въ кадуцѣхъ противорѣчіе словамъ Гомера, а золотую урну и бюстъ Зевеса на орлѣ, поставленные на гранитномъ полиров. пьедесталѣ, признавали „отзывающимися временемъ гораздо позднѣйшимъ“. Первые находили положеніе героя—разительнымъ, отлѣку утварей и украшеній аттра—паячною, краски — роскошными, яркими, и только полосатую мантию Пріама—пестрою, а слезы обонхъ—слишкомъ искусственными, „что, по ихъ мнѣнію, охлаждало дѣйствіе картины на душу зрителя, который въ живописи желаетъ видѣть не краски, а природу“. Вторые, напротивъ, признавая сочиненіе обдуманнѣмъ, исполненіе—тщательнымъ, все писаннымъ съ натуры, а выраженіе въ положеніяхъ и головахъ — близкимъ къ истинѣ и костюмъ довольно вѣрнымъ, находили, однако, картину вообще нѣсколько пестрою, но тутъ же прибавляли, что „замѣчанія, сдѣланныя на картину Иванова, почитали не излишними потому именно, что видѣли въ немъ художника, могущаго выникать въ предметъ свой и обшлагого много въ будущемъ“.

Два года спустя (осенью 1826), И—въ, видимо по совѣту отца, склонялся, между прочимъ, еще: 5. аллегорическій рисунокъ „Благоденствіе Россіи“ подъ скинцетомъ имп. Николая I, который и былъ представленъ на Высочайшее возвращеніе президентомъ Акад. Олевиннымъ 12 окт., чрезъ министра нар. просвѣщ. Шипкова, но, вмѣсто ожидавшагося поощренія, послѣдовало Высочайшее замѣчаніе, что „въ исторіи нашей есть довольно предметовъ для живописца и полезнѣе бы было молодому Иванову заниматься имп“. Эта неудавшаяся попытка въ аллегорич. родѣ была первая и послѣдняя у нашего художника, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще-то не имѣлъ расположенія къ аллегоріи. Но отецъ его все-таки совѣтовалъ ему, когда тотъ былъ уже за границей, написать картину на помннутый сюжетъ, съ одобренія президента Олевина (письмо отъ 25 нояб. 1831).

Еще черезъ годъ, по данной отъ Комитета покровительствованнаго ему Общества программѣ, И—въ исполнилъ: 6. картину „Іосифъ, толкующій сны заключеннымъ съ нимъ въ темницѣ виночершію и хлѣбодарю“ (наход. въ 1864 г. у г. Костылева въ СПб.) и 7. картину: „Группа Лаокоона съ дѣтьми“, выставл. въ томъ же 1827 г. въ Академіи. Представляя эти произведенія, равно какъ и его же трудное 8. картонъ, изображ. „Венеру Медицискую“, на усмотрѣніе членовъ Общества, Комитетъ послѣднего, въ своемъ отчетѣ за тотъ годъ (стр. 17—18) замѣчалъ, „что Ивановъ принадлежить къ числу весьма немногихъ молодыхъ художниковъ съ дарованіями, по лѣтамъ его весьма много обѣщающимъ, и что, въ рисунокѣ, выраженіи и эффектѣ, онъ доказываетъ способности, большую на него надежду подающія“. По представленіи же первыхъ двухъ работъ на судъ Академіи, вмѣстѣ съ произведеніями друг. постороннихъ художниковъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Общества, при ручательствѣ, что всѣ они „трудились безъ малѣйшаго чьего либо пособія“, въ публичномъ собраніи 21 сент. И—въ награжденъ былъ, по рѣшенію Академ. Совѣта и съ согласія присутствовавшихъ членовъ Общества, золот. медалью 1-й степ., а Комитетъ положилъ (см. стр. 20—22 его „Отчета“): „для вышшаго усовершенствованія въ художествѣ, отправить его на счетъ Общества въ Италію, къ чему, съ прекращеніемъ срока пребыванія въ чужихъ краяхъ Ал. Брюллова, представлялась совершенная возможность“, но при этомъ онъ былъ того мнѣнія, „что тѣмъ болѣе будетъ

полезенъ для молодого художника, чѣмъ съ болѣе широкимъ запасомъ опытности и познаній онъ прибудетъ въ Италію, гдѣ обыкновенно прѣзжающіе художники учатся безъ посторонняго надзора, избирая по собств. произволу образцы для руководства и подражанія“. (Это показыв., что посылка И—ва за границу была окончат. рѣшена гораздо ранѣе 1829 г., къ которому относили это рѣшеніе пѣткоры изъ прежнихъ біографовъ). „Кромѣ картона Венеры Медициской, который приказано было нарисовать Иванову,—сообщалось въ томъ же отчетѣ Комитета,—дабы познакомиться съ совершенствомъ женской фигуры, соединяющей въ себѣ всѣ красоты и прелести прекраснаго пола, было предложено ему сдѣлать подобный же 9. картонъ со статуи, долго пошившей имя Гладіатора Боргезскаго, но новѣйшими антикваріями: Гейномъ, Висконтіемъ и Ламберти признанной за Воина, сражающаго копейемъ, (т. к.) статуя сія есть единств. образецъ ученаго познанія мускулатуры человѣка, находящагося въ сильномъ движеніи. Всѣ сіи пріуготовительныя, такъ сказать, труды Иванову служить къ пріобрѣтенію большей твердости и чистоты въ рисунокѣ, который есть первое условіе всякаго художественнаго творенія и главнѣйшая, основная часть искусства“. „Мы желаемъ,—говорилось тамъ же въ заключеніе,—чтобы Ивановъ, будучи посланъ въ чужіе края носѣтъ К. Брюллова, не уступилъ ему и—рѣшительно предугадываемъ, что если онъ пойдетъ начатымъ путемъ далѣе, то будетъ истиннымъ художникомъ, и тогда соперничество молодыхъ отличнѣйшихъ русс. художниковъ для него не будетъ страшно“.

Съ немалыми похвалами и предсказаніями видной будущности отзывалась объ И—вѣ, по поводу его новыхъ произведеній, и тогдашняя худож. критика.

„Если Ивановъ будетъ идти впередъ подобнымъ шагомъ, то въ скорости станеть въ ряду первоклассныхъ художниковъ нашихъ“—писалъ *П. Свининъ* въ своихъ „Отеч. Зап.“ 1827 г. (XXXII, 156). „Отчаяніе хлѣбодаря, радость виночершія и хладнокровное достоинство, соединенное съ нѣжнымъ внутреннимъ возвышеніемъ, прекраснаго Іосифа—говорилъ онъ—представлены художникомъ съ поразительною истинною. Въ картинѣ сей непропущено для очарованія зрителя ни малѣйшаго предмета, не оставлено ничего безъ тщательнаго изученія; самая мѣстность, изобра-

жающая Египетскую тюрьму, — знакомитъ зрителя съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ сцена сія. Можно пожелать равнѣ, чтобъ натура, съ коею представленъ идеаль красоты Іосифа, была счастливѣ избрана и фигура сего послѣдняго нѣсколько увеличена“. Другой писатель, г. Z въ „Сѣв. Пчелѣ“ (№ 114), если и желалъ видѣть „поменѣе сухости въ положеніи тѣла Іосифа, побольше выраженія въ лицѣ его и жизни—въ рукахъ“; если и желалъ, „чтобы движеніе и лицо скованнаго хлѣбодаря яснѣе выражали испугъ несчастнаго, слышащаго роковую вѣсть, а не несчастнаго человѣка, бѣшеннаго“, то находилъ фигуру виночерпія—прекрасной, совершенно выходящей изъ полотна, и признавалъ, что „художникъ отлично нарисовалъ ее и поставилъ, умѣлъ дать выраженіе радости чертамъ лица и освѣтилъ превосходно“, причемъ „весьма умно и осторожно пользовался свѣтомъ свѣта съ тѣнью“. Одежда же Іосифа и двухъ заключенныхъ, іероглифическая надпись на стѣнѣ, стоящій на полу глиняный сосудъ—все показывало, по его замѣчанію, „что Ивановъ изучалъ свой предметъ исторически, и старался во всемъ соблюсти правдоподобіе“. „Словомъ, добавлялъ онъ, картина сія и тогда бы заслуживала (ту же) похвалу, когда бы была написана художникомъ, болѣе опытнымъ и болѣе владѣющимъ кистью, нежели Ивановъ, и мы судили строго о нѣкоторыхъ частяхъ ея только для того, чтобы показатъ, въ какой мѣрѣ она заслуживаетъ вниманія“.

Упомянувъ картонъ, рисованный Ивановымъ съ извѣстной группы Лаокоона съ дѣтми, *Ситингъ* замѣчалъ (стр. 146): „строгая правильность въ рисункѣ свидѣтельствуетъ, что сія отличительная черта русс. школы вполне еще сохраняется между юными художниками“; г-тъ же Z говорилъ, что онъ „отлично хорошо, какъ по вѣрности рисунка, такъ и по искусству, съ какимъ художникъ передалъ карандашомъ свѣтъ и тѣни, видѣнные имъ на самой группѣ“, ибо „какъ онъ смотрѣлъ на нее въ полночь свѣтъ, такъ и представилъ на бумагѣ“.

Съ своей стороны Совѣтъ Академическій, разсуждая, 13 сент. 1828, „что, какъ сынъ проф. живописи Иванова, Александръ И., не имѣлъ случая быть воспитанникомъ въ числѣ питомцевъ сей Академіи, не менѣе того преуслѣлъ отличнѣмъ образомъ въ живописи исторической, что онъ уже доказалъ живописными и рисовальными въ большомъ видѣ произведеніями своими, такъ что, по удостоеніи Академіи, награжденъ золотую

медалью 1-го достоинства изъ жертвуемыхъ Обществомъ Поощренія Художниковъ, а потому во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ быть признаннымъ въ званіи художника 14 кл.“, опредѣлилъ: „предоставить г. президенту исходатайствовать чрезъ г. мин. нар. проsv. всемілостивѣйшее соизволеніе на пожалованіе Иванова въ званіе художника 14 кл.—въ воздаяніе его неусыпнаго старанія объ усовершенствованіи себя въ живописномъ искусствѣ“.

Наконецъ, отчетъ Общества за 1828 (чит. въ Собраніи 30 нояб. 1828; см. стр. 14—15) свидѣтельствовалъ, что „А. А. Ивановъ отлично хорошо нарисовалъ картонъ съ извѣстной статуи Гладіатора Боргескаго, нѣмѣ почитаемой за Воина, сражающагося копейемъ (подар. художникомъ, вмѣстѣ съ двумя прежними картонами, Моск. Худож. Классу, по его преобразованіи въ 1845) и написалъ нѣск. картинъ“, но что „въ ожиданіи товарища для путешествія, худ. Рабуса, находящагося въ отсутствіи, отправленіе Иванова въ Римъ отложено, по его просьбѣ, до будущей осени“, къ чему прибавлялось: „дарованія Иванова речутся намъ, что онъ оправдываетъ вниманіе, обращенное на него Обществомъ“.

Этотъ Рабусъ былъ на столько чтиль И-вымъ, что счужилъ повліять на его разумъ и склонить къ подчиненію послѣднему влеченій сердца, когда намъ юный художникъ, почувствовавъ впервые любовь къ одной молодой дѣвушкѣ—дочери музык. Гюльмена, жившаго тоже въ Академіи, сталъ уже колебаться между женитбой на любимой дѣвушкѣ и поѣздкой въ Италію. „Не стану описывать то время, —говорилъ И—въ въ первомъ письмѣ своемъ отъ 27 апр. 1829 г. къ Рабусу, уѣхавшему въ Малороссію,—когда въ, пребывая въ Петербургѣ, отторгши мою душу отъ мрачныхъ и неприятныхъ мыслей, которые теперь рѣдко посѣщаютъ меня; коротко скажу, что пребываніе наше здѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью“, и далѣе: „Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я опять-таки вамъ обязанъ“...

Передъ самымъ окончаніемъ послѣдней работы, И—въ, какъ видно изъ того же письма, заболѣлъ (на страстной недѣлѣ въ 1829 г.) и долго велъ, по его словамъ, знакомство съ пастырями, микстурами, порошками и проч. „Впрочемъ, рисунокъ Бойца въ величину статуи,—прибавлялъ онъ тутъ же,—почти оконченъ, и я получалъ за него одобреніе отъ членовъ Академіи и президента (А. Н. Оленина), также отъ

нѣтокъ членовъ Общества, т.-е. знатоковъ; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя ихъ трудно пріобрѣсти; смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить,—а сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, перемена климата много дѣйствуетъ на здоровье, то, дабы меня побережь, за лучшее наши пріоритеты пріобрѣсти мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, К. И., если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы сами окажете мнѣ великое благодареніе⁴.

Замѣчаемое тутъ нѣтокъ противорѣчіе съ вышепривед. мѣстомъ изъ отчета Общества объясняется довольно просто: весьма вѣроятно, что Комитетъ рѣшилъ изъ-за болѣзни И.—ва отложить его поѣздку въ чужіе края до осени; самъ же И.—въ, которому, какъ мы узнаемъ изъ его письма къ Рабусу отъ 16 авг., представилось четыре случая къ отправленію: 1) съ живопис. Ваньковичемъ (студентомъ Виленскаго унив.—та и поспор. ученикомъ Акад. Худож.), оставшимся, однако, жить въ своемъ помѣстьѣ; 2) съ грав. Горданомъ, уѣхавшимъ ранѣе; 3) съ живопис. Лаиченко, оставленнымъ на нѣск. времени въ Россіи гр. Воронцовымъ, и, наконецъ, 4) съ Рабусомъ, предполагавшимъ ѣхать черезъ Одессу, — предпочитая отправиться именно съ послѣднимъ, въ видахъ чего просилъ даже предсѣдателя Общества гр. Кутайсова довести его до Малороссіи.

Между тѣмъ, время шло. „Боецъ, — писалъ И.—въ Рабусу осенью того же года, — окончаніемъ своимъ далеко превзошелъ прежнія картины, но, вмѣстѣ съ похвалой, получилъ и я выговоръ за продолжительность времени, которое я употребилъ на сей рисунокъ (6-ть мѣсяцевъ). Обезпокоенный симъ, долженъ былъ я начать: 10. картину, представл. „Беллерофонта, когда онъ отправляется въ походъ противъ Химеры“ (в. 2, ш. 1½, арх.; наход. у М. П. Вотикина въ СПб.). ...Срокъ или конецъ прошедшаго лѣта окончилъ и мою картину, которая была принята съ неудовольствіемъ. Говорили, что она совсѣмъ не превосходитъ „Іосифа въ темницѣ“ и что имъ (членамъ Общества П. Х.) оскорбительно, что я не слушаю ихъ совѣтовъ въ разсужденіи композиціи. Однимъ словомъ, упомянутая картина чуть не поколебала отправленіе мое въ чужіе края. Въ сихъ-то обстоятельствахъ вы мнѣ подали руку дружества... Теперь остается сказать нѣчто о будущности, хотя она известна одному Богу. Тутъ мнѣ гремятъ строжайшей инструкціей и, за неисполненіе одного, хотя

маловажнаго пункта, я буду лишень срочнаго пребыванія за границей. Ожесточенные поступками К. Брюллово⁵), они, грозя ему палкомъ, надъ первымъ мною хотятъ привести въ дѣйствіе свои несбыточные приказанія. Часто разстроенный душевно, не мудрено, что я впадалъ въ болѣзнь, но я уже начинаю привыкать къ непріятностямъ“.

Очевидно позднѣе, И. писалъ своему другу—13 сент. того же 1829 года: „Наконецъ, я достигая своей цѣли, — Общество рѣшило отправить меня за границу, но завершеніе сего весьма важнаго для меня путешествія зависитъ отъ васъ... Возьмите на себя трудъ распорядить нашъ путь, ибо я совершенно человѣкъ неопытный въ семъ случаѣ; мнѣнія же людей-совѣтниковъ—не хочу придерживаться: трудно, не зная дѣла, слушать ихъ совѣты, противорѣчія же между собою... Когда мысля, что Общество приходитъ въ упадокъ отъ усилившихся недомогъ, то весьма хочется поспѣшить, снѣмъ дѣломъ, т.-е. ѣхать нынѣшнею осенью“.

Однако, отъѣздъ его былъ еще разъ отложенъ и, послѣ исполненія: 11. картины „Діогенъ“ (которую И.—въ просилъ потомъ Моллера, писавшаго отъ 25 дек. 1848, —сжечь), 12. эскиза (во время вѣтр. осы) съ изображ. „Милосерднаго Самарянина“ и 13. рисунка для Рабуса съ головы Шиллера (раб. Даннекера) въ Академ. музеѣ, онъ занялся еще писаніемъ; 14. небольшихъ образовъ для иконостаса въ какую-то церковь, причѣмъ моделью ему служилъ, стоя на столѣ, будущій скульпторъ Рамазановъ, въ то время еще мальчикъ съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, за что былъ накормленъ сладкимъ пирогомъ.

Тѣмъ временемъ И.—въ дѣятельно занимался чтеніемъ книгъ и вообще самообразованіемъ. Уже изъ перваго письма къ Рабусу видно, что онъ съ живностію слѣдилъ за тогдашней литературой. „Вездѣ кричатъ о романѣ „Ив. Выжигина“—писалъ онъ своему другу еще 27 апр. 1829 г.—Его здѣсь превозносятъ, и я, бывъ отягченъ недугомъ и чувствуя себя не въ силахъ заниматься серьезнымъ, прочиталъ сіи 4 части и нашелъ, что Булгаринъ столько же имѣетъ дара описывать пороки, сколько самъ въ нихъ неподражаемъ; въ отношеніи же добродѣтели во всемъ романѣ чувствуешь натяжку“. „По крайней мѣрѣ, К. И.—писалъ онъ тому же Рабусу 24 сент.—общанное прошу исполнить,

⁴) Обратной посылкой имъ въ Петербургъ пенсіонерскаго содержанія, несправно присланнаго ему въ Римъ.

перевести мнѣ нѣск. строкъ изъ котораго нибудь изъ главныхъ вѣдѣйшихъ авторовъ касательно художниковъ; я ихъ буду читать жаждущимъ познаний моимъ собратіямъ и глубоко впечатлѣнію ихъ въ моей памяти". А когда тотъ указалъ своему юному другу на Винкельмана, послѣдній отвѣчалъ ему осенью того же года: „Исторія художествъ, о которой вы говорите, весьма мнѣ кажется важною; на русс. языкѣ есть, кажется, нѣкоторыя изъ нея статьи въ „Журналѣ Писацкихъ Искусствъ“, — впрочемъ, нигдѣ болѣе; и такъ, я буду надѣяться ее имѣть". „Обильныя ваши наставленія, — писалъ еще разъ И.—въ Рабусу 15 дек., испугавшись начатаго для него послѣднимъ труда, очевидно по переводу Винкельмана—(я уже плодъ ихъ вкусила, читавъ „Исторію литературы древнихъ и новыхъ народовъ" Фр. Шлегеля), доставляютъ мнѣ полное удовольствіе. Вы мнѣ называли великихъ писателей, между коими нахожу знакомаго Зюльпера, — я читалъ его теорію. Потомъ вы говорите о просвѣщеніи художниковъ. Думая о семъ врожденномъ стремленіи каждаго благомыслящаго, я почелъ необходимымъ поправить свою жестокую ошибку, хотя нѣск. поздно, и теперь учусь по-французски (у франц. гувернера Лювена), — ибо я къ нѣмецкому юзе не приготовленъ, — чтобы не быть въ чужихъ краяхъ безъ книгъ и безъ языка".

Ивановъ до такой степени видѣлъ пользу отъ товарищества Рабуса — „какъ въ отношеніи просвѣщенія, такъ и въ дорожныхъ обстоятельствахъ", — что радъ былъ даже, судя по письму отъ 24 сент., отсрочкѣ поѣздки до весны, лишь бы ѣхать вмѣстѣ, и потому, узнавъ съ одной стороны, что картина, которую тотъ началъ, должна занять его довольно продолжит. время, а съ другой, желая избавиться отъ Иенки, котораго Комитетъ Общества назначалъ ему въ товарищи, въ качествѣ пенсіонера, отправлявагося въ Венецію, писалъ своему другу въ апр. 1830: не можетъ ли тотъ поспѣть къ 12-му и 13-му мая въ Петербургъ, т. к. онъ могъ оттянуть отъѣздъ только до 13-го мая. Но, хотя И.—въ уѣздѣ за границу мѣсяцемъ позднѣе (въ половинѣ іюня), онъ отправился все-таки не съ Рабусомъ, а съ Иенко, снабженный обширною инструкціей отъ Общества, гдѣ и что ему смотрѣть и дѣлать по пути въ Римъ, причемъ на путешествіе по Европѣ ему полагался годъ времени.

„Выскакивая изъ Гамбурга, — писалъ онъ въ Общество изъ Флоренціи 28 февр. 1831, — я въ то же время несъ трудную должность кон-

дуктора и не имѣлъ ни часу покоя; въ промежуточное время отъ наблюденій, надобно было изучать слова, чтобы не впасть въ обманъ, а ограниченная сумма требовала чрезвычайной расчетливости, сдѣловат., умственная система моя отъ непрерывнаго напряженія начинала притупляться". Все это, вмѣстѣ взятое, а также и нѣкоторыя другія причины побудили его значит. сократить путешествіе, ограничившись болѣе подробнымъ осмотромъ только Дрездена (гдѣ онъ сдѣлалъ наход. теперь у М. П. Боткина 15. оконч. рисунокъ съ головъ Сикст. Мадонны и Младенца Христа, раб. Рафаэля) и Мюнхена, и „съ прискорбіемъ оставить пять славныхъ городовъ Италіи": Тренто, Верону, Мантую, Болонью и, наконецъ, Флоренцію, гдѣ онъ, какъ видно изъ его перваго письма отъ 13 сент. 1830 (оставшагося не напечатаннымъ), предполагалъ провести зиму.

Поселившись въ этомъ послѣднемъ городѣ, онъ подробно описывалъ въ своихъ донесеніяхъ находящіяся тамъ худож. произведенія, считая, посѣтъ Дрезденской галлерей, собраніе картинъ во дворцѣ Питти—лучшимъ, какое онъ видѣлъ до тѣхъ поръ, причемъ нѣсколько не стѣсняясь высказывать иногда мнѣнія, не согласныя съ общепринятыми, напр., о „Венерѣ" Кановы или Тиціана, и проч.

Начесть этихъ отчетовъ тогдашній конференцъ-секретарь Акад. Худож., В. И. Григоровичъ, отзывался весьма выгодно для И.—ва. Онъ полагалъ, какъ мы видимъ изъ письма А. И. И.—ва къ сыну отъ 26 авг. 1831, „что отъ начала Акад. Худож. никакой пенсіонеръ ея не представлялъ своихъ отчетовъ всего, имъ видимаго въ чужихъ краяхъ, съ такою разсудительностью, какую находилъ въ его—о предметахъ художественныхъ, а равно и чувствованій ихъ правильности сочиненія оныхъ; спрашивалъ, гдѣ тотъ учился оному?" — на что отецъ отвѣчалъ, „что отчасти въ классахъ Академіи, а болѣе употребилъ послѣднее время на оное передъ отъѣдомъ своимъ, а у кого учился — неавѣсто". Этотъ отзывъ старика И.—ва можетъ служить лучшимъ доказательствомъ именно замѣчательнаго самообразованія его сына.

1831—36.

На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Италіи, молодой И.—въ занялся 16. картиной „Аполлонъ, Кипарисъ и Гяцпнть, ваим. музыкой" (в. 7, ш. 9 верш.; нынѣ у М. П. Боткина), о которой Торвальсенъ и Камуччини отзывав-

лись въ общемъ одобрително: 1-й какъ-то простосердечно, 2-й съ каппми-то раздраженіемъ (судя по письму И-ва въ Общество изъ Рима отъ 2 авг. 1831), и насчетъ которой отецъ И—ва дѣлалъ сыну разныя наставленія въ письмѣхъ къ нему отъ 2 іюля, а также—эскизами: 17. „Сусанна“ (1831), 18. „Ахиллесъ, укор. Париса“, 19. „Самсонъ и Далила“, 20. „Давидъ, утѣш. Саула игрой на гусляхъ и пѣніемъ“, 21. „Іосифъ съ женой Пентефрія“, 22. „Братья Іосифовы находятъ чашу въ мѣшкѣ Веніамина“ (нынѣ въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ). Камучини, которому онъ ихъ показывалъ, какъ видно изъ вышепривед. письма, громко разсѣялся, увидавъ первый изъ нихъ, и сказалъ при этомъ, „что чувства весьма много, но мало благороднаго; что бгущіе старики могутъ быть только позволительны въ эскизѣ, а для картины надо выбрать положеніе, могущее продолжаться нѣск. минутъ“ (въ справедливости чего И—въ, однако, сомнѣвался), при взглядѣ же на послѣдній видимо перемѣнился и увѣрялъ нашего художника, „что сей эскизъ его совершенно удовлетворяетъ, что тутъ онъ видитъ много хорошаго вкуса, вслѣдствіе чего и совѣтовалъ начать по немъ картину“. Хотя другіе одобряли также и его „Давида передъ Саулономъ“, но самъ И—въ предпочелъ все-таки именно тотъ, какъ „способъ къ изученію наготы“ и, сдѣлавъ два эскиза на одинъ и тотъ же сюжетъ (в. 11, ш. 14 верш. и в. 8, ш. 12½, верш.; оба теперь—въ гал. Третьякова въ Москвѣ), представилъ оба сперва на судъ тѣхъ же цѣнителей, а потомъ пославшаго его за границу Общества. При этомъ онъ сообщалъ послѣднему, что, „мнѣнія товарищей—всѣхъ, кромѣ Маркова,—противорѣчатъ первымъ двумъ мнѣніямъ, опираясь на исторію“, почему онъ и находится въ затрудненіи, т. е. „первыя два мнѣнія—людей, приобрѣтшихъ европ. репутацію, а послѣднія—важны по тѣсной связи съ исторіей“. Какъ прежде относилъ „Аполлона, Кипариса и Гадцинта“, такъ теперь относилъ „Братьевъ Іосифовыхъ“, отецъ И—ва дѣлалъ разныя замѣчанія и подавалъ разныя совѣты сыну, полавъ ему даже цѣлый чертежъ съ обозначеніемъ предлагаемыхъ перемѣнъ въ его композиціи и съ изложеніемъ своихъ собственныхъ мыслей въ письмахъ отъ 26 авг. и 17 сент. 1831 и, въ особенности, отъ 20 сент. и 28 окт. 1832. Но тутъ же онъ писалъ ему, однако: „чертежъ твой сего изображенія я одобряю и небольшая въ немъ перемѣна можетъ его улучшить, по моему мнѣнію; но я боюсь за тебя,

если ты строго будешь держаться мнѣнія гг. художниковъ, кои видѣли оный прежде меня, и не допустишь въ ономъ никакой перемѣны для того только, чтобъ не огорчить ихъ. Я въ этомъ случаѣ такого мнѣнія, что почтенные художники выдаютъ отъ тебя къ нимъ уваженіе, стараются съ своей стороны быть также учтивыми противъ тебя и не хотятъ трогать твоего честолюбія палишиною своею откровенностію“. Говоря такъ, старикъ И—въ очевидно не зналъ критическаго отношенія подразумѣв. имъ тутъ художниковъ къ работамъ его сына и этого послѣдняго—къ ихъ учительскимъ наставленіямъ. Чего же совѣтъ не одобрялъ старшій И—въ, это: 23. чертежъ „Воспитаніе Юпитера“, непредставившій, по его мнѣнію, „никакой выгоды—ни съ нравственной, ни съ живописной сторонъ“.

Тѣмъ временемъ молодой И—въ, по распоряженію пославшаго его Общества, оканчивалъ въ Сикстинской капеллѣ: 24. картонъ въ величину оригинала съ „Сотворенія человека“ Микель-Анджело (в. 2 арш. 15 верш., ш. 7 арш. 7 верш.; подар. Комитетомъ Общества въ Имп. Акад. Худож.), очень одобренный Камучини и русс. посланникомъ въ Римѣ, а потомъ, при выставкѣ въ Акад. Худож. въ 1833 г. доставившій „единогласную похвалу молодому художнику, умѣвшему постигнуть стили рисунка безсмертнаго Микель-Анджело“, какъ сказано въ отчетѣ Общества за 1832—34 г. (с. 6), и являлся, по совѣту В. И. Григоровича, вмѣсто большихъ копій,—25. этюдами головъ и драпировокъ съ картинъ Рафаэля („Преображенія“ и др.)—„для пріученія себя къ хорошему вкусу“ (нынѣ у М. П. Вогкина). Хотя И—въ и прислушивался къ мнѣніямъ другихъ, это не мѣшало ему, однако, критически относиться къ выслушиваемымъ сужденіямъ, и потому онъ могъ совершенно справедливо писать къ сестрѣ въ концѣ 1831 г.: „впрочемъ, я работаю доселѣ болѣе для удовлетворенія желаній собственныхъ, т. е. чтобы удовлетворить вѣчно недовольный глазъ мой, нежели для снисканія чего-то“. Насколько усиленно вообще работалъ онъ уже въ то время—видно изъ слѣд. письма его въ Общество отъ начала 1833 г.: „пославъ къ вамъ эскизъ мой [„Братья Іосифа“], я со всею моею силою изобрѣтательною сочинилъ новыхъ 20-ть [очевидно на тотъ же сюжетъ], пытаюсь образцами жившихъ до меня художниковъ, учиться отъ конхъ я нынѣ имѣю полные отъ васъ способы. Дошедши, наконецъ, до послѣдняго мнѣ совершенства въ компози-

ція, я подвергнулъ опыте (эскизы) сужденіямъ художниковъ, и преимущественно выбралъ судьей своимъ одного изъ отличѣйшихъ живописцевъ—благочестиваго Овербека, не столько славнаго исполнительной частью, сколько сочиненіями,—человѣкъ весьма образованный онъ.“ И тутъ замѣтно опять не рабочіе преклоненіе передъ Овербескомъ, какъ и передъ Калуччини, а критическое отношеніе къ нему, съ оцѣнкой въ немъ болѣе ученаго, чѣмъ художника. На этомъ-то основаніи И—въ и не могъ не согласиться съ мыслію Овербека, что „предметъ его есть эпизодъ исторіи Іосифа, а всякій эпизодъ не долженъ быть большою картиною, ибо (онъ) входящая часть исторіи есть, и потому лучше выбирать сюжеты для большихъ произведеній, составляющіе цѣлый объемъ чего-либо—поэму“ (хотя это мнѣніе и оспаривалъ старикъ И—въ въ письмѣ къ сыну отъ 14 февр. 1833).

Тогда нашъ художникъ занялся спора отысканіемъ для себя сюжета: „прислушивался, какъ онъ самъ выражается, къ исторіи каждаго народа климата умѣреннаго, прославившаго себя дѣяніями, и нашелъ, что выше евреевъ ни одного народа не существовало, ибо имъ ввѣрено было свыше возродить Мессію, откровеніемъ Коего начался день, для человечества, нравственнаго совершенства или, что все-равно,—познать вѣчно сущаго Бога! Такимъ образомъ, идя вслѣдъ за алканіемъ пророковъ,—продолжаетъ онъ,—я остановился на Евангеліи, на Евангеліи Іоанна! Тутъ, на первыхъ страницахъ, увидѣлъ я сущность всего Евангелія, увидѣлъ, что Іоанну Крестителю поручено было Богомъ пригласить народъ къ принятію ученія Мессіи, а, наконецъ, и лично представить его народу! Сей-то послѣдній моментъ,—прибавляетъ онъ въ заключеніе,—выбираю я предметомъ картины моей, т.-е. когда Іоаннъ, увидѣвъ Христа, идущаго къ нему, говоритъ народу: Се агнецъ Божій, вземай грѣхи міра. Сей есть, о немъ же азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ мужъ, иже предо мною будетъ, яко первѣе менѣ бѣ. И азъ не видѣхъ его, но да явится Израилеви.“ Приведенное мѣсто изъ письма И—ва лучше всего показываетъ, насколько самостоятельно и съ какою глубиною изученіемъ предмета доходитъ онъ до всего, не взирая на совѣты отца, писавшаго ему, пользуясь своимъ вліяніемъ на сына, еще 5 марта 1831 г.: „Когда ты разсудишь заняться чѣмъ-либо серьезно, то не думай очень много о сюжетѣ, но вы-

бери какой-нибудь обыкновенный предметъ и начинай съ Богомъ производить оный; (только) старайся не брать предметовъ развратныхъ для нравственности“.

„Зная по опыту,—писалъ онъ сыну въ другой разъ (15 іюня 1833),—сколь трудно самому собою приискать сюжетъ, которымъ бы могъ быть доволенъ художникъ, я не совѣтую тебѣ много па то устремляться, а особливо на чтѣ ни есть необыкновенное, новое, если то само собою не представится какимъ ни есть случаемъ. Повѣрь мнѣ, что простой предметъ, хорошо обработанный, будетъ уваженъ; я понимаю простой—многогрантованный, но трактовать одинъ и тотъ же предметъ можно различными образомъ... Отбрось же всѣ заботы по сему дѣлу, пиши картины небольшія, но съ отдѣлкою,—это будетъ лучше и вѣнзурительно для твоего здоровья“. „Не предпринимай чего-либо высокаго, огромнаго,—уговаривалъ отецъ сына еще разъ (1 окт.),—но выбрай предметы простые и пріятны: годныя для церквей нашихъ предметы всегда хороши и съ успѣхомъ событи быть могутъ въ свое время, другого же рода—въ галлерей или академій“... „Я конечно увѣренъ,—признавался, однако, отецъ сыну (15 іюля 1834), по поводу выбора мнѣ, наконецъ, сюжета для новой картины,—что избраніе сюжета для картины есть дѣло важное, но за всѣмъ тѣмъ не должно увлекаться въ семъ случаѣ за предѣлы,—я почитаю выбранный тобою предметъ за таковой, ибо онъ долженъ быть неудобоисполнителенъ по ограниченности живописи: смыслъ всего Евангелія—предметъ довольно важный, но какъ ты оный изобразишь?“

Это не мѣшало старику нѣсколько ранѣе (14 февр.) давать совѣты молодому художнику насчетъ изображенія Іоанна Крестителя въ его будущей картинѣ. „Я видѣлъ,—писалъ онъ,—изображеніе Іоанна Предтечи въ копіи съ картины Рафаэля, назыв. *Madonna di Foligno*, которое мнѣ чрезвычайно нравится, почему и совѣтовалъ бы тебѣ подражать тому халіу, вѣру, который данъ сей фигурѣ,—это, по моему мнѣнію, совершенный Іоаннъ, жившій въ удаленіи отъ людей нѣсколько лѣтъ: онъ имѣетъ весь отпечатокъ дикаго, но благороднаго вида чело-вѣка. Не надѣвай на него никакой драпировки краснаго или другого цвѣта, ибо это служить сознаніемъ художника, что онъ изобразитъ его по описанію былъ не въ силахъ, а, имѣя образецъ передъ глазами, слѣдуй оному, чѣмъ удовлетворишь знатоковъ и избѣгнешь критики“...

Но и въ этомъ случаѣ молодой И—въ не послѣдовалъ совѣту старика, а сдѣлалъ по своему.

Вообще, при всемъ уваженіи къ отцу, онъ часто не соглашался съ его взглядами, и, когда тотъ, напр., изъ-за экономическихъ соображеній, предложилъ отдать меньшого сына Сергѣя въ Академію Художествъ, писалъ ему въ отвѣтъ на его письмо отъ 4 авг. 1832 (безъ сомнѣнія осенью того же года, а не весной 1833, какъ напечатано въ изд. Боткина, ибо 6 дек. отецъ уже отвѣчалъ ему): „Съ прискорбною душою соглашаюсь, чтобы юноша поступилъ въ хаосъ безтолковыхъ методовъ наукъ въ нашей Академіи Художествъ,—а письмо сіе да будетъ ему въ памятникъ, что пуща и крайность дѣлають. Я всегда думаю, что, во 1-хъ, должно получить общее образованіе, а въ 15—16 лѣтъ самъ юноша скажетъ, къ чему онъ болѣе имѣетъ охоту. Дѣйствовать вопреки его охотѣ, вопреки его природнымъ наклонностямъ—значитъ противиться Богу, вызывающему его посредствомъ наклонностей заняться тѣмъ, что ему суждено непремѣнно“. Точно также, когда старикъ И—въ, въ письмѣ отъ 27 мая 1833, находилъ неприличнымъ для сына „брать на себя чужія дѣла (т.-е. товарищей) и по онимъ утруждать людей, которыхъ расположеніе неизвѣстно“ (т.-е. начальствующихъ), тотъ отвѣчалъ ему: „Я теперь самъ знаю, что не сдѣлалъ ничего для погибающихъ товарищей monks: глядѣть холодно на умирающаго [Карчевскаго или Гофмана], не обращать вниманія на трепещущій голосъ близкаго къ тюрьмѣ [Зассена] и не доставить сѣльному другу [Лапченку] изъ себя волатато,—я былъ не въ силахъ. Я еще имѣю совѣсть и сохраняю ее какъ сокровище“.

Подобно тому, какъ молодой И—въ опередилъ своихъ собратьевъ по искусству во взглядахъ на отсталость Академіи Художествъ, такъ точно онъ первый, сколько извѣстно, поднялъ вопросъ о необходимости національнаго музея, говоря въ письмѣ къ В. И. Григоровичу отъ осени 1833 г., что „пора бы предложить, гдѣ слѣдуетъ, выстроить особня, всегда открыта для публички залы для помѣщенія будущихъ произведеній по исторической живописи и скульптурѣ отечественныхъ художниковъ“. По его мнѣнію, „изъ Кабинета Его Величества, что у Анничкова моста, удобнѣе всего было бы сѣмъ залы устроить... Залы сѣмъ должны быть высокія, обширныя и со сверху сущеснымъ свѣтомъ. Тутъ же будутъ художественныя афиши, въ которыхъ будутъ называться обл. успѣ-

хахъ иностранцевъ и нашихъ по всѣмъ отраслямъ искусствъ. При входѣ въ выходѣ изъ залъ будутъ находиться кружки для добровольныхъ пожертвованій для успѣховъ художниковъ... Съ открытіемъ сихъ залъ извѣститъ публику, что если нравятся таковыя храмы искусства, то начинать складываться для постройки другого, ему подобнаго“¹⁾.

Работая умственно надъ разными вопросами, нашъ художникъ не упускалъ изъ виду задуманной имъ новой картины, по, въ ожиданіи подбора необходимыхъ матеріаловъ для нея и окончательной разработки своей идеи, занялся еще другимъ произведеніемъ, быть можетъ натолкнутой на новый сюжетъ письмомъ отъ 23 сент. 1832. „Много времени протекло, какъ родилась у меня мысль ѣхать въ Палестину,—писалъ онъ неизвѣстному (вероятно, В. А. Жуковскому) въ концѣ 1833,—чтобы обогатить и оживить мои свѣдѣнія, какія необходимы для начатія настоящей моей картины (т.-е. „Явленіе Мессіи“), такъ я будущихъ изъ Св. Писанія. Но, не имѣя ни естественныхъ способовъ, ни счастливыхъ случаевъ, намѣреніе мое, хотя и многими одобряемое, оставалось какъ бы умершимъ. Настоящій случай мнѣ подаетъ поводъ исполнить свое счастье. Я узналъ, что гр. Гурьевъ весьма сильно отговаривалъ Брюлоу (Карла) не ѣхать съ Давыдовымъ (на Востокъ), вслѣдствіе чего я васъ просилъ бы развѣдать: на какихъ условіяхъ возьметъ Давыдовъ живописца, если Брюлоу совершенно откажется.“ „Скажите В. И. Григоровичу,—просилъ онъ отца въ окт. 1833, въ отвѣтъ на письмо № 1 отъ августа того года (а не въ началѣ 1836, какъ напечатано въ изданіи Боткина),—чтобы поговорилъ съ Жуковскимъ. Если случится немедленно все то, что сей послѣдній обѣщаетъ мнѣ,—восторженный удачею, всѣ силы приложу справиться трудами моими съ колоссальными моимъ предпріятіемъ“. „Григоровичъ видѣлся съ Жуковскимъ,—отвѣчалъ старикъ И—въ слѣдуя 3 нояб.,—слышалъ его хорошіе о тебѣ отзывы... (тотъ)

¹⁾ Лишь три года спустя (въ 1836) художникъ А. Добровольскій началъ въ Москвѣ „Предположеніе объ учрежденіи въ Москвѣ картинной галлерей и при ней выставки художественныхъ произведеній“. Брошюра эта такъ рѣдка, что осталась неизвѣстна даже В. В. Стасову, изложившему исторію ходъ развитія идеи объ устройствѣ русс. худож. галлерей въ своей статьѣ „П. М. Третьяковъ“ въ „Русс. Стар.“ 1893 (№ 12).

говорилъ ему о желаніи твоемъ видѣть Палестину или то мѣсто, гдѣ Спаситель явился для пріятія крещенія отъ Іоанна,—для вѣрнѣшаго мѣстоположенія въ предпринимаемой тобою картинѣ, такъ равно и друг. подробностей и характеровъ. На сіе отвѣчалъ ему Григоровичъ, что ты предпринимаешь дѣло доброе, но безъ согласія Общества, коего иначе ожидать нельзя, какъ удовлетворивъ оное прислаиѣмъ своихъ трудовъ по живописи, хотя въ одной фигурѣ, что либо представляющей, или что иное?... „Я видѣлся съ В. А. Жуковскимъ,—сообщалъ А. И. сыну 16 янв. 1834,—онъ очень хорошо о тебѣ отзывался и будетъ стараться у членовъ Общества о тебѣ, когда увидятъ они труды твои, почему и старайся прислать картину твоего сочиненія“.

„Я началъ 26. картину „Иисусъ послѣ воскресенія является Магдалинѣ“ (в. 3 1/2 а., ш. 4 1/2 а.; нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ),—писалъ молодой И—въ другому неизвестному (быть можетъ, Шевыреву) въ началѣ 1834 г., въ отвѣтъ на его письмо отъ 19 нояб. 1833: она уже подмалевана; но грусть, невольно завладѣвая мною при отбѣдѣ вашемъ, часто вырывается у меня изъ рукъ палитры. Какъ видимо званіе ученаго... Жуковский говоритъ о моемъ намѣреніи ѣхать въ Палестину съ Григоровичемъ, на что сей послѣдній согласился съ тѣмъ, однакожъ, чтобы я прислалъ своихъ трудовъ что-либо въ Петербургъ, судя по коимъ и будутъ уже даны мнѣ способы совершить сей voyage, или чтобы постараться склонить кого-либо изъ большаго въ Римѣ написать въ Петербургъ. Я думаю употребить въ семь случаевъ Торвальдсена“. „Не испытывай себя никогда въ производствѣ большого,—сообщалъ онъ председателю Общества П. Х. Мусину-Пушкину-Брюсу 28 февр. 1834.—я предпринялъ теперь написать картину въ двухъ фигурахъ, въ естественную величину, представляющую „Иисуса въ вертоградѣ“, которая уже и подмалевана. Занимаюсь также обработываніемъ сюжета моего: 27. „Появленіе Мессіи“, и мою судьбу ниспославъ мнѣ способы исполнить его въ большомъ видѣ, ибо съ настоящими этого сдѣлать невозможно. Эскизы оного, доселѣ сдѣланные, коихъ произвожу пятиѣй (наход. въ гал. Третьякова въ Москвѣ, у насл. Д. П. Боткина въ Москвѣ, гр. С. Г. Строганова въ СПб., у М. П. Боткина въ СПб. и насл. А. С. Хомякова въ Москвѣ), по словамъ Торвальдсена, Овербека, Корнеліуса, Камуччини и др., ведутъ композицію къ совершенству“.

„Я долженъ тебѣ сказать,—говорилъ отецъ И—ва сыну въ письмѣ отъ 20 марта 1834,—слышанный мною отзывъ Григоровича на счетъ рекомендательнаго письма Торвальдсена; онъ мнѣ читалъ его: оно чрезвычайно хорошо написано и содержитъ отзывъ о тебѣ со знаменитаго человѣка съ весьма хорошей стороны; но что, за всѣмъ тѣмъ, Общество, хотя и не сомнѣвается въ тебѣ, но распоряженія свои касательно тебя сдѣлаетъ не иначе, какъ по присылкѣ тобою живописныхъ трудовъ твоихъ и, смотря по онымъ, дѣйствовать будетъ касательно дальнѣйшихъ твоихъ намѣреній и нужныхъ къ тому со стороны его твоихъ пособій“. И такъ, какъ видно изъ приведенной переписки, нашъ художникъ не встрѣчалъ еще пока препятствій къ осуществленію своихъ заветныхъ мыслей въ будущемъ, а если его что и тревожило, то только напоминовеніе о возможности возвратѣ на родину.

„Усталый умственно и физически,—писалъ И—въ отцу изъ Виченцы и неизвестному (быть можетъ, Смирнову) изъ Рима въ маѣ 1834 г.,—я рѣшился воспользоваться позволеніемъ Общества и сдѣлать путешествіе по Сѣв. Италіи“, чтобы „видѣть все то, чѣмъ Италія отличалась въ живописи, изучить характеръ всѣхъ школъ и, наконецъ, составить изъ нихъ себѣ методъ“, —какъ онъ сообщалъ пославшему его Обществу въ ноябрѣ того же года. „Надѣюсь,—прибавлялъ онъ въ письмѣ къ отцу,—что волежъ мой укрѣпитъ мои силы физически, невнутренныя частными непріятностями [главнымъ образомъ матеріальными]. Надѣюсь также, что наглядка на произведенія венеціанской школы и другихъ поможетъ, по возвращеніи, окончить начатую картину „Иисусъ въ вертоградѣ“... Часто ли вы видаетесь съ Жуковскимъ?—спрашивалъ онъ дядѣ. Я къ нему хочу послать эскизы „Появленія Мессіи“, но не прежде, какъ остановлюсь на сочиненіи, которымъ я еще не доволенъ. ...Я боюсь, чтобы вы не воспрепятствовали моему вознужу въ Палестину,—изъ письма вашего это видно. Пожалуйста, вы хотѣ нейтральнымъ будьте, и вспоминайте то время, когда хотѣли отправить меня въ Китай на 12 лѣтъ“.

Во время своей поѣздки по Сѣв. Италіи, И—въ велѣ обстоятельныя путевыя замѣтки, описывая въ нихъ и каскадъ Терни, и видѣнную тамъ вечеромъ религіозную процессію въ страстную пятницу, и особенности мѣстнаго костюма, и различіе во вѣрности жителей, и видѣнные облики дѣльных городовъ и отдаленныхъ вданій, а также болѣе или менѣе подробно

разбирая осмотрѣнныя имъ худож. произведе-
нія: К. Чиньини—въ Фазнѣ, Люд. Караччи—
въ Имола, Гвидо Рени („Піета“), Рафаэля („св.
Цецилія“), Доменикино, Фр. Франчин, Гвертино,
Пармеджанино—въ Болоньѣ, П. Веронесе („Ма-
донна со святыми“, „Бракъ въ Капѣ Галилей-
ской“, плафоны въ Палаццо Дукале), Тиціана
(„Ассунта“, или „Вознесеніе В. М. на небо“, и
„Мученіе Петра“, съ которыхъ онъ сдѣлалъ да-
же 28—29. копій, наход. теперь у М. П. Веткина;
„Введеніе во храмъ Богородицы“, „Снятіе со
креста“ и вѣк. др.), П. Бордоне („Рыболовъ“),
Тинторетто („Чудо св. Марка надъ слугою“, съ
котораго онъ также сдѣлалъ 30. копій), І. Бел-
лини („Мадонна“, „Христосъ въ Эмаусѣ“ и проч.),
Пальма („св. Варвара“, „св. Семейство“) — въ Ве-
неціи, Джотто—въ Падуѣ, опять П. Веронесе
(„Мадонна di Monte“, „Богоматерь со святыми“) —
въ Венеціи и Веронѣ, опять Тиціана („Ассун-
та“) — въ Веронѣ, Говетти (фрески и картины) —
въ Бергамо, Л. да Винчи („Тайная Вечеря“),
Аппіани (фрески), снова П. Веронесе („органъ“),
снова П. Бордоне, снова Рафаэля (картонъ въ
Амброс. библиотекѣ), Бассано („Рожд. Іисуса“) —
въ Миланѣ, Боргоньоне („Распятіе“) — въ Павіи,
Камуччини — въ Пиаченцѣ, Корреджіо („Охота
Діаны“, „Мадонна св. Іеронима“, „св. Семейство“
и проч.), снова Гвидо и Караччи — въ Пармѣ.

По возвращеніи въ Римъ, черезъ Фло-
ренцію, Ивановъ задумалъ, между прочимъ,
сдѣлать въ Альбано, чтобы сдѣлать 31. этюдъ
съ натурщицы Витторіи, вышедшей замужъ за
Лапченко, для „Богородицы всѣхъ скорбя-
щихъ“ и окончить 32. начатый имъ съ этой кра-
савицы портретъ (наход. у М. П. Веткина),
а тамъ снова принялся за свою картину. Но
тутъ онъ опять вступилъ въ небольшой споръ
со отцомъ по поводу сдѣланныхъ тѣмъ въ пись-
мѣ отъ 17 авг. 1834 замѣчаній на присланный
имъ чертѣжъ „Явленія Христа Магдалинѣ“,
не признавая, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ,
необходимости въ измѣненіи положенія Христа
и Магдалины и допуская лишь незначительныя
перемѣны въ поворотѣ руки, въ уборѣ го-
ловы, въ приближеніи камня къ гробу, и проч.
Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ ноября былъ
оконченъ 5-й живописный эскизъ „Явленія
Мессіи“. Напядка въ Венеціи и копированіе
съ Тиціана, — сообщалъ онъ Обществу около
того времени, — много мнѣ помогли къ оконча-
нію большой моей картины и эскиза, которые
уже, послѣ разныхъ перемѣнъ и переписокъ,
естественныхъ учащемуся, доведены до окон-
чательнаго вида“.

Какъ вдругъ онъ получаетъ письмо отъ Гри-
горовича, по поводу котораго отецъ пишетъ
ему 16 окт. 1834: „Ты въ немъ найдешь то,
о чемъ я тебѣ предсказывалъ и [почему]
не совѣтовалъ настаивать [на просьбѣ] объ
отправленіи тебя въ Палестину для пред-
принимаемой тобою картины; хотя перво-
начально мысль твоя и была поддержи-
ваема самими членами Общества (не
всеми), — я это самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ,
даже и отъ В. А. Жуковского, — но, несмотря
на все это, она мнѣ всегда казалась странною;
теперь же она и для всѣхъ покажется таковою,
какъ то изъ письма усмотрѣть можешь. Какъ
дѣлъ такого рода судятся по обстоятельствамъ
страны, въ настоящемъ ея положеніи находя-
щейся, — въ отношеніи къ предмету, для коего
путешествіе предпринимаетъ художникъ, то
дѣйствительно такое намѣреніе его должно ка-
заться таковымъ [т. е. страннымъ]... Но не
странно бы оно было, еслибъ ты предпринялъ
что нибудь сдѣлать изъ Росс. исторіи и за-
хотѣлъ обозрѣть мѣстность, гдѣ то происше-
ствіе совершилось, а особливо, если мѣсто со-
хранило что нибудь отъ тѣхъ временъ, по
нынѣ существующее. Но пустыня — что можетъ
представить подобное? — ничего; съ довольно
хорошимъ воображеніемъ, читая путешествіи,
можно представить оную въ выгодѣйшемъ
положеніи для картины, нежели сама природа
что бы представила глазамъ художника — при-
рода, совершенно измѣнившаяся во всѣхъ пред-
метахъ, кромѣ несноснаго жара, который и у
насъ, на сѣверѣ, иногда къ тому довольно при-
ближается и даетъ объ ономъ, если не совер-
шенное, то довольно понятіе, еслибъ еще
присовокупить безводіе тѣхъ странъ къ на-
шимъ. Такая страна сама уже по себѣ пред-
ставляетъ всю невыгоду для обитанія людей“...
Однако И — въ не согласился съ подобными
доводами и отвѣчалъ Григоровичу: „Вы гово-
рите, ѣздилъ ли Камуччини въ Палестину,
когда писалъ сюжетъ, заимствованный изъ
Нов. Заветѣ? Отвѣчаю: холодный Камуччи-
ни принадлежать къ проходящей школѣ
художниковъ, на которую мы смотримъ съ
уваженіемъ потому только, что она вышла
изъ барокко, но что Овербекъ въ образномъ
стилѣ гораздо болѣе приблизился къ исти-
ному классическому; то англичанинъ Изыкъ,
который пользуется и до сихъ поръ именемъ
отличнаго художника, работая изъ греческой
исторіи, въ заключеніе ученія своего въ Римѣ,
ѣздилъ въ Афины; что К. Брюлло сдѣлалъ

такъ отчетливо, скопировать „Улицу гробовъ“— для „Послѣдняго дня Помпей“...

Потерявъ надежду быть посланнымъ въ Палестину, И—въ просилъ Общество 27 нояб. 1834 хоть о продленіи ему пенсіонерства еще на нѣкот. время, поставивъ на видъ, что если онъ не представитъ до сихъ поръ ни одной картины въ краскахъ и собств. сочиненія, то это произошло не отъ лѣности и нерадѣнія, а изъ нежеланія представить что нибудь не вполне удовлетворительное, и что изъ 4-хъ лѣтъ „дѣлаго года мало на достиженіе стѣли великихъ мастеровъ, на небольшомъ опытѣ и подражаніи имъ, въ различномъ родѣ дѣлаемые“, а цѣлый годъ, страдавъ отъ безпрестанныхъ лихорадокъ (послѣ отставки отца), онъ пролежалъ въ постели. Но прошеніе его долго не приходило въ Петербургъ, а потому старикъ И—въ, совѣтовавшись съ Григоровичемъ, самъ написалъ просьбу о продленіи его сыну пенсіонерства на 2 года, ссылаясь на примѣръ Акад. Худож., посылающей своихъ пенсіонеровъ на 6 лѣтъ, и подаль ее 13-го декабря. Прошло три дня и Комитетъ Общества рѣшилъ удовлетворить это ходатайство, къ великой радости обонхъ И—выхъ. Тѣмъ не менѣе, получивъ извѣстіе объ отсрочкѣ пенсіонерства, сынъ писалъ отцу весной (10 апр. н. с.) 1835, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4 февр.: „Какъ грустно родиться нищимъ, чувствовать это въ полной степени и не видѣть ничего впередъ для поправленія своего состоянія! Работы мои остановились и я похожу теперь болѣе на движущійся истуканъ или на скота, получившаго ударъ буха въ голову“, намекая тѣмъ на отказъ въ доставленіи средствъ на путешествіе въ Палестину. Нѣсколько же спустя, послѣ поѣздки въ Тиволи съ цѣлію написать этюды столѣтнихъ кинарисовъ въ саду д'Эсте для картины „Исусъ и Магдалина“, онъ сообщалъ старику 1 іюля 1835, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 24 апр. (а не осенью 1834, какъ запечатано въ над. Веткина): „Такимъ образомъ окончилъ у меня готовъ, и я принимаюсь за окончаніе фигуръ. Какая равнина писать большую картину или маленькую! Я въ отчаяніи отъ фигуры Христа. Думаю, думаю, углубляюсь—и въ наблюденіе великихъ мастеровъ, и въ природу, —никакого не нахожу пособія. Совѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, ибо постигающе точку совершенства изящныхъ искусствъ хотя и имѣютъ ее общему дѣлю, но каждый идетъ къ ней путемъ различнымъ“... „Наскучивъ однообразными воспоминаніями и разборами о подлѣмъ вос-

питаній, которое получили всѣ мы въ Академіи, —прибавлялъ онъ далѣе, — слѣдствіемъ коего укрѣпилась въ насъ, высто дѣятельности къ ученію и наблюденію природы, —природная свора и разгульная жизнь, я совершенно оставилъ русскихъ, которыхъ люблю до самоотверженія“, послѣ чего описывалъ занятія иностранныхъ художниковъ, начиная съ Торвальдсена, Корнеліуса и Овербека.

Когда же отецъ всячески успокаивалъ сына въ его тревогахъ насчетъ изображенія Христа, молодой И—въ отвѣчалъ старику 9 окт. 1835 на его письмо отъ 3 августа: „Вы говорите, что достаточно формъ благородныхъ, чтобы сдѣлать фигуру Исуса соответственной воображенію. Если бы этимъ въ самомъ дѣлѣ можно было довольствоваться, то моя картина кончена, ибо гармонія линий и правильность рисунка всѣми уже одобрена. Но какъ это недостаточно для большой картины нашего времени, которое требуетъ непременно и силы и гармоніи красокъ, и мастерской ловкости кисти, не выходящей за границы строгаго рисунка и выраженія, свойственнаго каждому предмету! Вотъ эти-то условія, о которыхъ намъ не говорили въ Академіи, меня совершенно теперь приводятъ въ тупъ“.

Наконецъ, въ исходѣ 1835 г., картина „Спаситель передъ Магдалиною въ вертоградѣ“ была окончена и должна была быть отправлена въ Петербургъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ эскизомъ „Явленія въ міръ Мессіи“, при письмѣ автора на имя Общества отъ 28 декабря. Однако это было отложено на нѣкоторое время.

„Недовольствуясь замѣчаніемъ и одобреніемъ извѣстныхъ художниковъ на мою картину „Исусъ съ Магдалиною“, нарочно пригласившихъ въ мою мастерскую, и въ разные времена дѣлаемыми, —говорилъ онъ въ проектѣ своего письма въ Общество отъ іюня 1836 (совершенно передѣланнаго потомъ—10 іюля), — я рѣшился выставить ее публичнѣе, и тутъ, сколько можно было замѣтить, картина моя не терялась, стоя въ ряду пестрыхъ картинъ—tableaux de genre, которыя, какъ киндающіися въ глаза въ первыхъ, болѣе обольщали глаза римской публики, нежели тѣ вещи, гдѣ нуженъ глазъ воспитанный и умственное направленіе, чтобы постигать ихъ и, слѣдоват., постоянно наслаждаться. Итальянецъ, усталый, истощенный надъ вѣсѣмъ высокимъ и пріятнымъ, ищетъ теперь легкихъ, модныхъ игрушекъ. Это конечно удѣлъ всякой отвлѣченной націи. Зватоки, съ именитыми художни-

ками, составляли хотя малую, но весьма полезную часть публики; их-то приговоръ любопытнѣе, но слишкомъ бы было меня безприничиво докладывать вамъ объ этомъ... Въ послѣднѣй эскиза я остановился, ибо теперь нѣтъ въ немъ крайнюю пуглу, начавъ большую мою картину [в. 2½ арш., ш. 3½ арш.; нынѣ у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ], гдѣ многія части удержаны такъ, какъ онѣ въ эскизѣ находятся; (по) при первомъ отвѣсѣ намекъ я принялъ къ вамъ съ курьеромъ русскимъ не только упомянутый эскизъ, писанный масл. красками, но и рисунокъ съ производной уже картины, гдѣ если и будетъ перемена, то самая незначущая".

Насколько И—въ былъ далекъ отъ зависти къ другимъ художникамъ, составившимъ себѣ имя и привлекавшимъ вниманіе публики, видно изъ его отношеній къ собратьямъ и заботъ объ ихъ прославленіи. Такъ, онъ проситъ 24 іюня 1836 Шевырева перевести съ итальянскаго и напечатать въ к. л. русскомъ журналѣ благоприятный отзывъ "Тиберию" о "Мѣдномъ змѣѣ" Бруни—до пріѣзда послѣдняго въ Петербургъ; проситъ лѣтѣмъ того же года одного пензенскаго (вѣроятно Ободовскаго) составить привѣтственную рѣчь Кипренскому при поднесеніи ему серебрянаго стакана отъ русскихъ въ Римѣ въ знакъ признательности и уваженія, и т. п.

Спусти нѣкот. время послѣ отправки оконченной картины черезъ Ливорно (въ маѣ мѣсяцѣ), И—въ послалъ отцу давно ожидаемый тѣмъ эскизъ своего будущаго произведенія, снабдивъ его подробнымъ описаніемъ сюжета и объясненіемъ всѣхъ входящихъ туда фигуръ, начиная съ самого Іоанна Крестителя, его учениковъ: апостола и евангелиста Іоанна, Андрея, брата Петрова, Наанаила (хотя его и не было тамъ на самомъ дѣлѣ), пришедшихъ креститься мытарей, кающихся грѣшниковъ съ растрепанными, посыпанными прахомъ волосами и въ изорванныхъ рубахахъ, и кончая сомнѣвающимися левитами и фарисеями и, наконецъ, воинами,—при видѣ Іисуса. При этомъ онъ прибавлялъ: "чтобы извѣстность монотонности мужчинъ, которые должны быть, конечно, главными, ибо у евреевъ женщины занимаются только домашнимъ бытомъ, я представляю на второмъ планѣ молодую дѣву, коей помогаютъ снять платье двѣ другія, пожилыя женщины; всѣ онѣ въ эту минуту тоже заняты словомъ Іоанна, хотя для нихъ, какъ для женщинъ, не совсемъ понятнаго. Эта группа даетъ маленькую грацію

картинѣ". Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и въ отрывкѣ изъ записной книжки И—ва, передающемъ порвую мысль картинѣ, какъ она была выражена въ первоначальныхъ эскизахъ—писанномъ масл. красками и рисованномъ карандашомъ: "Тутъ вдова схватилась встрѣчать Іисуса; преклонныхъ лѣтъ женщина, въ испуганномъ любопытствѣ, столкнула записывающаго слово Іоанна; далѣе блудница, скорбящая о грѣхахъ своихъ, суетной рукой ищетъ сбросить хламиду, печально се закрывающую по обычаю того времени"...

Но старикъ И—въ, указывая сыну въ письмѣ отъ 8 авг. 1836 на необходимость сдѣлать мѣстность болѣе пустынною и дикою, затѣмъ показавъ колесницы, привезшія престарѣлыхъ людей креститься, далѣе—войновъ на коняхъ, нѣсколько болѣе обнаженныхъ фигуръ, чѣмъ представлено, наконецъ—менѣе значительное заданіе въ отдаленіи, не считая разныхъ перемены въ положеніяхъ изображенныхъ у него лицъ, находилъ, "что будетъ неприлично допускать женщинъ, а тѣмъ болѣе дѣвицъ, къ крещенію, сдѣловательно и къ обнаженію ихъ, но онѣ могутъ быть въ картинѣ помѣщаемы съ приличіемъ ихъ полу и возрасту". Возражая въ отвѣтномъ письмѣ на нѣкоторыя замѣчанія, напр.—относительно недопущенія старцевъ въ композицію, "по причинѣ ихъ бесцѣльности путешествовать въ пустынь", сынъ обѣщалъ отцу подумать объ остальныхъ и, по сдѣланіи перемены, прислать новый чертежъ. "Между тѣмъ,—прибавлялъ онъ,—если придетъ вамъ что на мысль къ пополненію моего предмета или къ улучшенію, то вы мнѣ оное сообщите. Я ѣздилъ за нѣсколько миль отъ Рима для написанія этюдовъ околѣности, которую теперь почти привелъ въ порядокъ. Не легко сочинить приличный ландшафтъ, а еще труднѣе сочинять его отдѣлку. Портретнымъ образомъ работать ландшафты гораздо легче, чѣмъ идеальнымъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ изъ Италіи должно переселиться (мысленно) въ Сирійскія горы". Судя по послѣдней редакціи картины, И—въ, отринувъ одинъ изъ отцовскихъ совѣтовъ, все-таки принялъ другіе, напр.—насчетъ прибавки конныхъ воиновъ и изысканій обнаженныхъ женщинъ. Но, устранивъ собственно изображенія женщинъ, онъ тѣмъ не менѣе ввелъ ихъ въ свою картину въ иномъ видѣ, а именно взявши прототипами изображеній не только второстепенныхъ личностей, но и главныхъ (Мессіи и Претечи)—этюды женскихъ головъ, показавшихся ему наиболѣе подходящими.

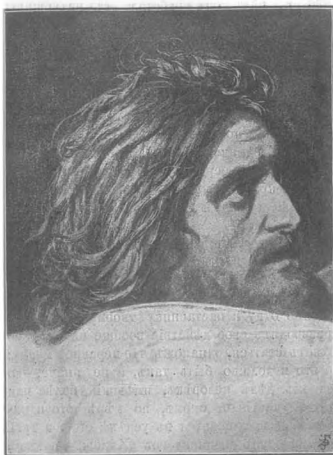

2—3. Изображеніе Мессіи и этуодъ послужившей для него женской головы, раб. А. А. Иванова.

Кромѣ главной картины, И—ва занимали одновременно и нѣкоторые другіе сюжеты, напр.: 33. „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей“, 34. „Изгнаніе изъ Рая“, и проч., которые его братъ Сергѣй относилъ къ серединѣ 30-хъ годовъ, т. е. къ эпохѣ окончанія картины „Христосъ и Магдалина“. Появленіе послѣдней на Академической выставкѣ осенью 1836 г. составило цѣлое событіе въ адѣшнемъ художественномъ мірѣ и имѣло большія послѣдствія для нашего художника.

„Ты напрасно заботился о золотой рамѣ, о помѣщеніи картины твоей на выгодномъ для нея мѣстѣ и прочемъ, — писалъ отецъ сыну 4 октября того года, — для такой картины, какъ твоя, ничего подобнаго не нужно: она беретъ собственною своею силою все, производитъ сильное впечатлѣніе на душу зрителя — по чувствамъ въ ней изображеннымъ, плѣняетъ воображеніе — по высокому идеалу и дѣйствию фигуръ, на ней изображенныхъ, и заставляетъ всѣхъ зрителей согласиться, что они видятъ истинное происшествіе, передъ своими глазами происходящее, а не картину... Академія Художествъ, такъ сказ. при семъ случаѣ можно, вся — въ восхищеніи отъ твоей картины, не исключая и самого начальника — Президента [т. е. Оленина]; всѣ члены ея меня, какъ отца и наставника твоего, поздравили съ такимъ произведеніемъ моего сына и ученика, и Президентъ Академіи также удостоилъ своихъ объятій и поздравленій. Чтѣ можетъ быть большою наградою для тебя? — ибо все это, за небытностью твоею, на меня падаетъ и обременяетъ пріятнымъ бременемъ, изъ котораго я имѣю право удѣлить нѣсколько и для себя. Можетъ ли быть большія награда за труды художника, какъ не единодушная похвала трудовъ его? — это цѣль его; когда же онъ достигъ оной, то, конечно, будетъ тѣмъ доволенъ. Это

4—5. Изображение Предтечи и этюдъ послужившей для него женской головы, раб. А. А. Иванова (изъ предпринятаго К. А. Фисеромъ изданія большой биографіи Иванова, равно какъ и этюдъ для изображенія Мессія).

идеалъ великодушнаго художника, который я въ тебѣ подозреваю, и остаюсь покоенъ—ты не огорчишься, что за трудъ твой не дано тебѣ чего болѣе, ибо ты получилъ все, еще и съ избыткомъ, такъ что не достааетъ и мѣста въ сердцѣ для вмѣщенія тѣхъ похвалъ, которыми меня за трудъ твой обременяютъ. Въ предварительномъ собраніи Академія Художествъ признала тебя и Маркова [за картину „Фортуна и Нищія“]—академиками, по уставу своему о пенсіонерахъ, находящихся въ чужихъ краяхъ и заслуживающихъ трудами своими на то право, безъ особенной имъ задачи для программы отъ себя... Всѣ, занявшіе при Академіи должности профессоровъ, академики произведены ею въ профессора. Изъ сего видѣть тебѣ можно надежду—быть нѣкогда также профессоромъ ея, дай только Богъ тебѣ здоровья; впрочемъ и теперь отъзвѣвъ всѣхъ о тебѣ таковы, что ты заслуживаешь это званіе и теперь, по одной этой картинѣ, предметъ которой сдѣлался, такъ скаж., обыкновеннымъ, въ самомъ же дѣлѣ есть происшествіе необыкновенное: изъ числа многихъ и знаменитыхъ художни-

ковъ, трактовавшихъ оной, ты одинъ представилъ его достойнымъ образомъ. Я слышалъ о ней отъзвѣвы не только почтенной публики, но и самихъ художниковъ, участвующихъ въ нынѣшней экспозиціи своими трудами—трудами, достойными великаго уваженія, что картина твоя есть лучшее произведеніе оной. Неужели это лестъ?—не думаю. Въ первую недѣлю открытія Академіи пускается лучшая публика, но и тутъ—нашлися грѣшныя люди, которымъ угодно было картину твою причислить къ копіямъ съ знаменитыхъ мастеровъ по обыкновенію: съ нѣкотораго времени Академія ихъ много имѣетъ изъ чужихъ краевъ. Сіе сужденіе объявилъ мнѣ самъ Президентъ, котораго извѣстилъ о семъ Кукольникъ, личный свидѣтель сего сужденія и который, какъ я слышалъ, хотѣлъ помѣстить оное въ своемъ изданіи о выставкѣ академической, или въ „Журналѣ Изыщныхъ Искусствъ“ [т. е. въ „Худож. Газетѣ“], имъ издаваемомъ, какъ наилучшую похвалу твоей картинѣ. Члены Общества П. Х. хотятъ тебя оставить въ Римѣ и дать тебѣ способы для совершенія предпринятаго труда

(„Явление Мессіи“). Картина твоя безоруживаетъ всѣхъ—ты побѣдитель!.. Я представлю распоряженіе картиною твоею Членамъ Общества, какъ они употребятъ оную... но желать бы знать и твое мнѣніе о семъ дѣлѣ... продать ли ее желающимъ пріобрѣсть оную и за какую цѣну, или нѣтъ“.

„Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ письму вашему,—отвѣчать молодой И—въ 22 ноября (а не въ октябрѣ, какъ напечатано въ над. Воткина),—я его читалъ всегда съ самымъ живымъ удовольствіемъ, и представляю себѣ все о сѣ пору снова. Кто бы могъ думать, чтобы моя картина „Иисусъ съ Магдалиной“ производила такой громъ. Сколько я ее знаю, она есть начатокъ понятія о чемъ-то порядочномъ. Но какъ я доволенъ, какъ я доволенъ, что вы радуетесь, что въ восхищеніи и Совѣтъ и Президентъ! Вы говорите, что мнѣ продолжать хотѣть пенсію для картины „Появление Мессіи“,—это есть единственное мое желаніе. Помогите, Господи! Какъ я радъ, что Общество мною доволено. Да правда ли это?—я привыкъ видѣть только выговоры со стороны моихъ покровителей!.. Прошу меня извинить, мнѣ все какъ-то это кажется невѣроятнымъ, страннымъ. Васъ, какъ наставника искусству, я долженъ бы благодарить впервыхъ, но, если позволите мнѣ замѣтить, вы уже слишкомъ хвалите мою картину: я въ вашихъ словахъ вижу болѣе отца, чѣмъ безпристрастнаго судью. Какъ жаль, что меня сдѣлали академикомъ,—мое намѣреніе было никогда никакого не имѣть чина, но что дѣлать: отказаться отъ удостоенія—значитъ обидѣть удостоившихъ. Однакожъ, я, можетъ быть, попробую объ этомъ намекнуть Григоровичу... На мою картину смотрѣли болѣе художники; Торвальдсенъ въ особенности объявилъ всѣмъ свое о ней довольство. Это лестно!—заслужить похвалу Торвальдсена не легко: купить ее нелзя ни деньгами, ни подлостью!.. Я думаю картину мою оставить въ полное распоряженіе Общества; если, однакожъ, Маркова „Фортуна“ будетъ представлена Государю Императору, то хорошо бы было и мою пустить въ ту же дорогъ“... Далѣе слѣдовало о смерти Кипренскаго и о работахъ русс. и иностр. художниковъ въ Римѣ: Маркова, Гордана, Каневского, Веклера, Вильямса и др., съ критич. замѣтками о нихъ.

Получивъ похвалы своей картинѣ не только отъ отца, но и отъ старшей сестры Еватеріи, молодой И—въ описывалъ ей въ концѣ

1836 г., какъ онъ работалъ съ натурщицы Магдалины: „Она такъ была добра,—говоритъ онъ,—что, припоминая всѣ свои бѣды и раздробляя на части передъ лицомъ своимъ лукъ самый крѣпкій, плакала, а въ ту же минуту я ее тѣшилъ и смѣшалъ такъ, что полныя слезъ глаза ея съ улыбкой на устахъ давали мнѣ совершенное понятіе о Магдалинѣ, увидавшей Иисуса. И, однакожъ, работалъ въ то время не хладнокровно, сердце мое билось сильно при видѣ прекрасной головы, улыбающейся сквозь слезы. Я думаю, и моя фізіономія была необыкновенная“.

Для разувѣренія сына въ преувеличенности похвалъ его картинѣ по родственнымъ чувствамъ, старикъ И—въ писалъ ему 17 ноября: „Но не подумай, чтобы это было только свойственно отцу и наставнику твоему: нѣтъ, она производитъ свое дѣйствіе вообще на всѣхъ—можетъ статься, однакожъ, что неравное моему; но это и должно быть такъ, а не иначе,—во всякомъ дѣлѣ человѣкъ, имѣющій болѣе или менѣе участія въ ономъ, по мѣрѣ того и радуется, и восхищается въ успѣхъ его“, и тутъ же приводилъ выписку изъ „Худож. Газетъ“, что „особеннаго вниманія Его Имп. Величества удостоилась картина Иванова „Явление Спасителя по воскресеніи Маріи Магдалинѣ“, [причемъ] Государь Императоръ отдавалъ особенную похвалу художнику за постановку и выраженіе божественности въ фигурѣ, изображающей Спасителя“. Немного найдется людей, говорилося тамъ далѣе, которые бы могли сдѣлать подобное замѣчаніе, между тѣмъ какъ на всѣхъ одинаково производитъ впечатлѣніе фигура Маріи Магдалины, изображеніе которой доступно для каждаго человѣка, ибо видать въ ней человѣка; но чтобы видѣть въ художественномъ произведеніи что либо идеальное, относящееся къ божественнымъ качествамъ, потребно, чтобы и художникъ, и зритель имѣли образованный разумъ и понятіе о предметахъ изображенія и искусствъ, и тогда только (они) и встрѣчаются какъ знакомые со взаимнымъ пріѣтствіемъ“. Сообщая вслѣдъ за тѣмъ, со словъ Григоровича, что Общество П. X. отсрочиваетъ своему пенсіонеру еще на два года пребываніе въ Римѣ и картину его подносить Государю, старикъ И—въ прибавлялъ: „Не по вліянію ли П. Вернета Государь картину твою принимаетъ, ибо онъ, въ бытность свою въ Академіи, спросилъ о ней, какъ она дѣлана, т. е. не по заказу ли чьему либо; замѣтилъ, что лицо Маріи Магдалины могло бы

быть пригоже, а голова Спасителя у тебя въ картинѣ весьма удачно сдѣлана и представляется образъ Того, въ Кого всё христіане вѣруютъ; сравнивалъ одну съ головою Спасителя Л. да Винчи въ его „Тайной Вечери“ и находилъ въ послѣдней изображеніе еврейское, принадлежащее особенно сей націи, а Богъ не долженъ принадлежать кому либо въ особенности, хотя и долженъ былъ воплотиться въ какой-либо“.

Въ отвѣтномъ письмѣ на это, молодой И—въ писалъ отцу уже про будущую свою картину. „Какъ трудно придумать эпизоды въ мою картину,—сообщаетъ онъ 1 января 1837. (а не въ декабрѣ 1836, какъ напечатано въ изд. Боткина),—о сю пору совсѣмъ не доволенъ ими. А когда же буду доволенъ? Помощи просить едва ли у кого можно. Кто захочетъ для меня такъ глубоко входить во всё подробности моего предмета? Торвальдсенъ говоритъ, что этотъ предметъ можно сочинить на сто различныхъ манеровъ. Овербекъ желалъ бы въ подобныхъ сюжетахъ видѣть моральную часть, какъ можно строже обдуманную; онъ не вѣритъ, чтобы безъ совершенной преданности религіи и самой высокой набожности самого художника можно было успѣть въ таковыхъ сюжетахъ. Корнелиусъ еще строже: колоритъ, рельефную отдѣлку онъ пропускаетъ безъ вниманія, и глядитъ на то только, въ чемъ онъ самъ силѣтъ,—на композицію. О прочихъ художникахъ я не упоминаю: изъ нихъ итальянскіе гроша не стоятъ—это корыстолюбивое отродье помѣшаны на шарлатанствѣ, хвастовствѣ и интригахъ и считаютъ каждый успѣхъ иностранца въ художествѣ крайней для себя обидой. Они думаютъ, что художниками могутъ быть одни итальянцы“.

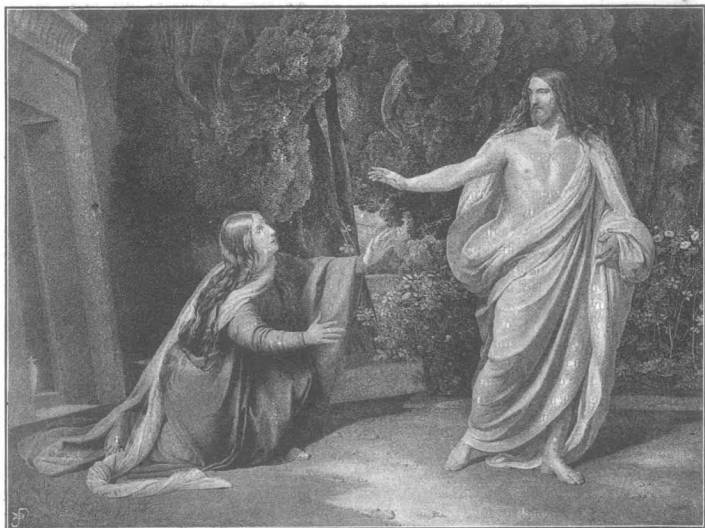
„Вы полагаете,—заключалъ вышеприведенное письмо И—въ, въ отвѣтъ на замѣчаніе отца о его благодарности К. Брюллову, „если тотъ не будетъ препятствовать, а тѣмъ болѣе еще, если будетъ способствовать къ ванятію при Академіи должности его сыномъ“,—что жалованье въ 6—8 тыс. (ассиг.) по смерти, получить красивый уголъ въ Академіи—есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть совершенное его несчастье. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ; независимости его должна быть безпредѣльна. Вѣчно въ наблюденіяхъ натуры, вѣчно въ пѣдрахъ тихой умственной жизни, онъ долженъ набирать и извлекать во-

вое—изъ всего собраннаго, изъ всего видѣннаго. Русскій художникъ непременно долженъ быть въ частомъ путешествіи по Россіи и почти никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, не имѣющемъ ничего характеристическаго. Академія Художествъ есть вещь прошедшаго столѣтія, ее основали уставшіе изобрѣтать итальянцы. Они хотѣли этой мыслію воздвигнуть опять художество на степень высокую, но не создали ни одного гевія о сю пору. Если живописецъ привелъ въ нѣкоторый восторгъ часть публики, расположенной понимать его, то вотъ уже онъ, по моему мнѣнію, достигъ всего, что доступно художнику. Купеческіе разсчеты никогда не подвинутъ впередъ художества, а въ шитомъ, высоко стоящемъ воротникѣ—тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ какъ стоять, вытянувшись“.

И въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, И—въ неизмѣримо опередилъ не только своихъ современниковъ, видѣвшихъ въ Академіи Художествъ, по недостаточной развитости или по любви къ карьерѣ, главную цѣль всѣхъ стремленій, но большинство своихъ преемниковъ, постоянно забывающихъ Евангельскую истину, что нельзя вливать вино новое въ мѣхи старые. Поэтому, чѣмъ чаще будутъ повторяться подобныя вышеприведеннымъ слова, тѣмъ будетъ болѣе польза для молодого поколѣнія, являющагося на сѣнѣ отживающему.

Но обратимся къ отзывамъ соврем. критики о выставленной въ 1836 картинѣ И—ва „Явленіе Христа Магдалинѣ“.

„Голова Магдалины написана кистью мастера—говоритъ художеств. критикъ „Сѣв. Пчелы“ г. В. (6 окт., № 228, с. 912).—Видно, что эта женщина пропала два дни и ночи; престелое лицо ея искажено внутреннимъ страданіемъ, но не до безобразія; молитвенные взоры, съ выраженіемъ надежды, устремлены къ источнику радости и милости, къ Спасителю. Жаль, что полотно слишкомъ велико: на немъ много пустаго мѣста; первый взглядъ на картину невыгоденъ для художника“. Отричая послѣднее, „Журналъ общепол. свѣдѣній“ А. Башудкаго, гдѣ въ числѣ сотрудниковъ находились: В. И. Григоровичъ, Н. В. Кукольникъ, А. И. Сапожниковъ и др., писалъ (№ 43, отъ 24 окт., с. 356): „Картина безподобная; если по чувствамъ можно судить объ искусствѣ, то эта картина должна быть увѣчана,—она возродила всеобщее, необыкновен-

6—7. „Явленіе Христа Магдалинѣ“, А. А. Иванова: картина 1835 г. и анвар. эскизъ 1848 г.

ное участіе... Картина велика, но въ ней только двѣ фигуры: Спаситель и Магдалина; созданіе просто и возвышенно, какъ просто и высоко самое дѣйствіе; чистота рисунка не отвлекаетъ ничего желатѣ; Спаситель дышетъ небомъ, Онъ весь — милость; Магдалина — на коѣнѣяхъ; положеніемъ тѣла, поднятыхъ рукъ и раздвинутыхъ пальцевъ, чуднымъ выраженіемъ лица, на которомъ глубоко начертаны страданія, молитва и надежда,—она приковываетъ вашу душу; глаза ея красны, слезы текутъ, лицо и тѣло взволнованы и, вмѣстѣ, подвижны отъ сильнаго чувства; исполненіе мастерское, и какъ все просто! Также сильно выражался и *Сеньковский* въ „Вибліот. для Чтенія“ (т. 18, отд. VI, с. 57—58): „Первое мѣсто, — говорилъ онъ, — занимаютъ двѣ большія картины: „Спаситель въ вертоградѣ“, Иванова, и „Фортуна и нищія“, Маркова. Первая изъ нихъ есть твореніе истинно великаго таланта, хвалить ее за чистоту и правильность рисунка — значить обижать питомцевъ Академіи... Всего замѣчательнѣе въ этой картинѣ... простота и, вмѣстѣ, смѣлость созданія. Какая сила выраженія въ этихъ чистыхъ и почти прямыхъ линіяхъ! Какъ это выполнено величественно, широко, вѣрно! Неземное благородство чертъ и положенія Спаси-

теля; это дивное лицо женщины, изломанное страстями и воспламененное огнемъ раскаянія; эта слеза, жагучая слеза, которая катится изъ горящаго, заплаканнаго глаза, — все, все заслуживаетъ величайшей похвалы“. Нѣкто *А. Кораблинскій*, повторяя въ „Литерат. Прибавл. въ Русс. Инвал.“ (7 нояб., № 90—91, с. 725) вышепривед. слова изъ „Журнала общепол. свѣдѣній“, бѣвъ ссылки, впрочемъ, на источникъ, и указывая, что „Сеньковский находитъ эту картину твореніемъ истинно великаго таланта“, обвинялъ послѣдняго лишь въ нарушеніи правилъ грамматики и синтаксиса, хотя бездоказательно. Наконецъ, „Худож. Гав.“ Кукольника (декабрь, № 9—10, с. 146—7) заявляла слѣдующее: „Вся картина состоитъ изъ двухъ только фигуръ и весьма многихъ достоинствъ. Сочиненіе просто до возможнаго: Магдалина, узнавъ Спасителя, упала на коѣнѣи и протянула руки не молящія, а испитующія. Спаситель начинаетъ рѣчь свою: „Не прикасайся ко мнѣ“. Удивленіе Маріи безмѣрно: она едва вѣрится, а слезы ясно рассказываютъ предъидущее; онъ не успѣлъ скатиться съ лица, преображеннаго удивленіемъ и радостью; уста полутверсты тѣми же чувствами и вниманіемъ. Спаситель поставленъ весьма счастливо: движеніе его легко, но величественно; правая рука

¹⁾ Еще за годъ передъ тѣмъ, *А. В. Тимофеевъ* сообщалъ въ томъ же изданіи (т. 11, отд. III, с. 82—83), описывая мастерскія русс. художниковъ въ Римѣ: „У Иванова вы увидите „Явленіе Спасителя, по воскресеніи, Маріи Магдалинѣ въ вертоградѣ“ — сюжетъ, надъ которымъ трудились многіе живописцы; но что въ этой картинѣ особенно хорошаго — положеніе Спасителя. Это — Богъ! величіе, кротость, увѣренность, благодать, святость, могущество! Картина эта прекрасна! Нѣкоторые упрекаютъ Иванова въ излишнемъ приближеніи къ идеализму, въ небольшой сухости. Но судить о произведеніи художника можно только, когда произведеніе это кончено. Возлѣ этой картины вы увидите другую: „Іоанна въ пустынѣ, встрѣчающаго Іисуса Христа“... Ивановъ, какъ кажется, посвятилъ свое искусство почти исключительно высокимъ предметамъ св. Писанія, и, надобно сознаться, предметы эти находятъ себѣ искуснаго толковника въ его кисти... Ивановъ хорошо обдумалъ мысль свою...; (но) главное — болѣе жизни, болѣе мягкости и свободы“. Запрошенный Обществомъ П. Х., какъ видно изъ его отчета за 1885—86 гг. (стр. 9—10), секретарь русск. миссіи въ Римѣ, Пав. Изв. Крив-

цовъ, также сообщалъ, что „Ивановъ занимается съ отличѣйшимъ стараніемъ избраннѣйшимъ имъ искусствомъ и привелъ къ окончанію большую историч. картину, представл. „Явленіе Іисуса Маріи Магдалинѣ въ вертоградѣ“, (примечъ) образъ Спасителя написанъ особенно удачно и соединяетъ въ себѣ вѣрность рисунка съ живостью колорита“. „Но какъ ни велики, какъ ни блестятельны были надежды наши, — говорилось еще въ отчетѣ Общества за 1886—87 (стр. 146—7), — Ивановъ превзошелъ всѣ ожиданія, доставивъ намъ превосходную картину свою „Явленіе Спасителя Маріи Магдалинѣ по воскресеніи“... Не станемъ распространяться объ отличныхъ достоинствахъ этого мастерскаго произведенія, въ которомъ соединено столько знанія, гениальности и искусства. Всякій изъ васъ, конечно, съ чувствомъ благоговѣнія и удивленія останавливался передъ ликомъ Спасителя, выраженномъ такъ величественно и спокойно; всякій былъ тронутъ и пораженъ вмѣстѣ съ Магдалиною, исполненною прошедшей скорби и настоящаго восторга. Да, Ивановъ умѣлъ подѣйствовать самымъ сладостнымъ образомъ на душу зрителей!“

сопровождаетъ слова Спасителя; драпировка брошена съ искусствомъ. Во всемъ сочиненіи—простога самая строгая, но обдуманная до той степени, что уже не видно никакого усиія: сочиненіе кажется самымъ простымъ, естественнымъ. Гробница, садъ,—все превосходно согласено съ цѣлымъ. Выраженіе головы Маріи Магдалины достигло высокой правды, хотя нѣкоторые желали бы въ ней видѣть болѣе женской красоты (намекъ на замѣчаніе имп. Николая I). Мы были ослѣплены выраженіемъ. Лица Спасителя выражаетъ тихое, торжественное спокойствіе; но сколько намъ до сей поры случалось видѣть изображеніе Спасителя, всегда мы встрѣчали человѣка и никогда—Божественнаго страдальца. Но какая кисть сильна творить въ предѣлахъ, ей указанныхъ, какое воображеніе достигнетъ сочетать черты Бога и человѣка, и такъ—будетъ снисходительнымъ, и въ произведеніи Иванова похвалимъ: выборъ человѣческой натуры, наиболѣе соответственной; сохраненіе возможнаго понятнаго намъ благородства въ очертаніи лица и безстрастное, холодно-величественное спокойствіе, данное художникомъ,—всѣмъ, по нашему мнѣнію, умно и расцѣпливо. Въ отношеніи къ рисунку я слышалъ нѣкоторые обвиненія, но, не имѣя возможности повѣрить замѣчанія обвинителей и охоты разрушать очарованіе, я счелъ обязанностью забыть ихъ—и это удалось совершенно. Живописи Иванова обнаруживаетъ, съ какою пользою онъ смотритъ на, окружающихъ его нынѣ, классическихъ мастеровъ. Далѣе приводился анекдотъ, какъ человѣкъ со вкусомъ и знаніемъ, признавшій картину И—ва за „превосходную копію съ какого нибудь первокласснаго итальянскаго живописца“ и разувѣренный въ этомъ тутъ же, воскликнулъ: „Если это правда (т.-е. что это произведеніе русс. художника), то поздравляю,—мы имѣемъ еще одного отличнаго художника“. (Какъ бы въ видѣ дополненія къ этой статьѣ, въ „Худож. Газетѣ“ за мартъ 1837, № 6, ст. 93—97, появилась другая—подъ заглав.: „О картинахъ Иванова и Маркова и гравюрѣ Юрдана“).

Съ приведеннымъ мнѣніемъ „Худож. Газетѣ“ любопытно сопоставить два другихъ, правда, позднѣйшихъ отзыва *Кукольника*, отъ 1843 г.—въ „Библиот. для Чтен.“ (т. 56, отд. VI, с. 52, въ ст.: „Соврем. художества Россіи“) и отъ 1846 г.—въ изд. „Картины русс. живописи“ (стр. 101). Въ первомъ онъ говоритъ не безъ нѣкоторой завышенности: „Большинство.. на выставкѣ 1836 г. восхищалось

безъ мѣры картиною Иванова „Явленіе Христа Маріи Магдалинѣ“, потому что въ очажъ ея счастливо отразились два смѣшанныхъ противоположныхъ чувства—печали и радости; о г. Ивановѣ критики говорятъ весьма затруднительно: по одному произведенію невозможно судить о силѣ и степени таланта—тѣмъ болѣе, что и все достоинство этого единственнаго произведенія заключается въ выраженіи одного лица. Въ сочиненіи нѣтъ ничего особенно новаго; рисунку не безъ упрека; колоритъ безъ большой теплоты.. Повѣрить, случайные ли это недостатки или существенные,—невозможно, потому что г. Ивановъ ни въ 1839, ни въ 1842 на выставку нашу не являлся. Впрочемъ, и эта единственная картина выдвинута г. Иванова изъ ряду обыкновенныхъ художниковъ.—Можетъ быть, дѣятельность его въ Римѣ совершенно разрушаетъ наши сомнѣнія; но Римъ—за горами, а здѣсь мы отъ г. Иванова уже шесть лѣтъ ничего не видимъ“. Во второмъ онъ писалъ (вѣроятно около 1842 г.): „Явленіе Христа Магдалинѣ“, Иванова, въ Имп. Эрмитажѣ; фигуры писаны въ ростъ. Отличается необычайною экспрессіей лица Магдалины: чувство горькой печали борется съ живою радостью при видѣ воскресшаго Спасителя, котораго смерть она за мгновеніе еще оплакивала. Эта картина возбуждала живѣйшій восторгъ въ публикѣ на предпослѣдней выставкѣ (въ Имп. Акад. Худож. выставки бывали тогда черезъ 3 года,—слѣдоват. послѣдняя передъ тѣмъ была въ 1839, а предпослѣдняя въ 1836). Написана въ Италіи, гдѣ художникъ до нынѣ находится и занимается исполненіемъ новой большой картины. Прошло 6 лѣтъ, и Россія въ правѣ пожелать видѣть новую картину того же художника въ настоящую выставку“ (т.-е. 1842 г.).

1837—45.

Но никакія похвалы выставл. картинѣ не могли вскружить голову И—ву, и если онъ чѣмъ былъ дѣйствит. доволенъ, то только тѣмъ, что результатомъ всеобщаго восторга—было продолженіе ему со стороны Общества пенсіонерскаго содержанія еще на 2 года, а это давало ему возможность продолжать вновь начатый трудъ. „Я, благословя судьбу, положилъ себѣ за непрѣмное,—сообщалъ онъ Обществу весной 1837,—написать во что бы то ни стало большую мою картину „Появленіе Мессіи“. Намѣреніе чрезвычайное,—прибавлялъ онъ,—

какое я, при вашемъ только покровительствѣ и въ Римѣ только, могу исполнить, да и то, мнѣ кажется,—всякій новый шагъ къ одному мнѣ страшенъ, встрѣчая въ каждой фигурѣ, въ каждой головѣ тысячу затрудненій. Мнѣ бы всего болѣе хотѣлось приблизиться въ пути къ Л. да Винчи—вы знаете, какъ онъ труденъ и медлененъ. Изъ живущихъ, мнѣ полезенъ одинъ Овербекъ: одинъ онъ своими сочиненіями совершенно дотрогивается до сердца—безъ чего, чѣмъ такое историческая живопись? „Картину мою „Появленіе Мессіи“ я было подмалевалъ,—доводилъ онъ до свѣдѣнія Общества 10 мая, послѣ четырехмѣсячной лихорадки,—имѣя фигуры въ третью часть роста человеческого: эту мѣру устроила мнѣ крайняя нужда, въ которой находился я до прибытія трудовъ моихъ въ Петербургъ. Теперь же это устроенное сочиненіе служить мнѣ только эскизомъ, а для настоящей картины заказанъ холстъ,—выш. 8 арш., а шир. 10 1/2. Сего лѣта, во время сушки холста, я намѣренъ сдѣлать большой этюдъ съ натуры для окolicности моей картины, въ коей входитъ значительная часть деревьевъ; потомъ мнѣ бы нужно было сѣдѣть опять на сѣверъ Италіи—посмотрѣть на живописи XIV ст., гдѣ съ теплой вѣрой выражались художники своими чувствами. Мое намѣреніе быть въ Ассизи и Орвието—видѣть Джотто, І. да Фиеоле, Гирландайо, Синьорелли и др., и наконецъ,—въ Ливорно, чтобы замѣтить типы еврейскихъ благородныхъ лицъ: здѣсь, въ Римѣ, евреи въ стѣсненномъ положеніи... Представьте: въ продолженіе наблюденія цѣлаго года я могъ замѣтить только 3 головы изрядныя. Все это я надѣюсь кончить въ два мѣсяца, и въ сентябрѣ начать большую картину. Въ разсужденіи присылки эскиза я не знаю, чѣмъ мнѣ дѣлать. Если прислать вамъ писанный масл. красками—тотъ, что обѣщалъ я,—онъ ужъ мало похожъ на настоящее мое сочиненіе. Представить вашему усмотрѣнію едва отфѣненный чертежъ съ устроеннаго сочиненія—вамъ, можетъ быть, покажется слишкомъ незначительно...”

Предвидя, что издержки, сопряженныя съ вновь начатою картиной, превысятъ вновь назначенное содержаніе на два года, И—въ рѣшавшись уже взяться, въ видѣ отдыха среди самостоятельныхъ работъ, за копированіе въ Ватиконѣ столь любимого имъ фреска Рафаэля съ изображеніемъ „Воздержанія, Силы и Благоразумія“, въ надеждѣ получить за свою копію,

подобно друг. художникамъ, к. л. значительную сумму для подкрѣпленія денежныхъ средствъ, но т. к. ему предложили за это всего 3000 р., то расчеты его рухнули въ этомъ отношеніи. Точно также, по поводу его плава подготовительныхъ работъ, въ Обществѣ сдѣлано было расхолаживающее замѣчаніе такого рода: „Хорошо изучаться надъ всѣми школами, ибо каждая имѣетъ свое отдѣльное достоинство, но одни только пѣмцы, на посѣщеніице итальянцевъ, потѣютъ надъ школами живописцевъ XIV ст. Для сего не нужно ѣздить въ Италію, ибо въ Германіи есть Гольбейны, Альберты Дюреры и др. Эти всѣ художники—начало, но не конецъ искусства; и тамъ, гдѣ есть Рафаэли, Корреджіи, Тиціаны, Тверичины и проч.,—не учатся надъ Джотто. Романтизмъ губитъ и литературу, и художество, и не худо бы было предостеречь молодого художника“. Кажется, однако, это не было сообщено И—ву, насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по его ответнымъ письмамъ отъ весны и осени 1838 г.—на бумаги Общества отъ 22 сент. 1837 и 3 іюля 1838, когда, послѣ присылки имъ рисунка съ большой, слегка оттусованной уже однимъ тономъ картины, ему отсрочено было пребываніе въ Римѣ еще на 1 годъ (см. отчетъ Общ. за 1838—39 г., стр. 6). Благодаря за послѣднее, И—въ писалъ своимъ благодѣтелямъ: „Я съ моей стороны постараюсь изыскать, всевозможными моими мыслями,—способы, чтобы ввести въ порядокъ картину, которая уже и теперь, если смѣю замѣтить, правится высокимъ художникамъ, проживающимъ въ Римѣ... Все, куда достигнуть можетъ умъ мой, я готовъ принести къ улучшенію моего предмета. Прошедшій (1837) годъ я путешествовалъ въ Ассизи, Орвието, во Флоренцію, Ливорно и др. мѣста Тосканы, чтобы замѣтить у живописцевъ XIV ст. этотъ безвозвратный стиль, въ который облекались теплыя мысли первыхъ художниковъ христіанскихъ, когда они, не зная свѣтскихъ удобностей и интригъ, руководимые чистой вѣрой, высказали свою душу на безсмертныхъ стѣнахъ въ альфреско и алътемперо. Я соглашалъ ихъ творчество съ натурой; въ ихъ типахъ, въ ихъ духѣ искалъ головъ въ Ливорно и, такъ образъ, набралъ себѣ портфель для начатія картины. Іюль и августъ этого (1838) года я ѣздилъ въ окрест. Неаполя, и привезъ этюды горъ, составляющихъ окolicность моей картины. Въ слѣдующее лѣто (1839) я думаю отправиться въ Миланъ и Венецію—въ первый, чтобы постигнуть драгоценные остатки

Леонарда (да Винчи), а потомъ въ Венецію, чтобы приспособить къ своей картинѣ общую силу красокъ, ибо безъ красокъ одинъ только мѣръ художниковъ можетъ оцѣнить картину. ...Изъ всего этого вамъ теперь понятна необходимость исполненія картины моей въ Италіи, взятая не изъ каприза, не изъ пустого тщеславія, чтобы дать вѣсть труду, присланному изъ Рима, но изъ непремѣнныхъ надобностей изъ натуральныхъ причинъ“.

По поводу же замѣченнаго имъ желанія поторопить его съ его огромнымъ трудомъ, И—въ отвѣчалъ 7 нояб. 1838: „Безпрестанно сравнивая себя со всѣми, что Римъ и Италія имѣютъ классическаго и высокаго, я всегда остаюсь въ какомъ-то заботливомъ недовольствѣ, иногда въ отчаяніи. Нѣтъ черты, которая бы не стоила мнѣ строгой обдуманности. Для окончанія такого труда, я смѣю увѣрить, что нужно болѣе времени, чѣмъ предполагаютъ высокіе мои покровители“.

Мы подошли какъ разъ къ 1837—38 г., весьма немаловажнымъ по нѣкот. послѣдствіямъ для нашего художника. Весной 1837 или, скорѣе, зимой 1837—38 г. И—въ познакомился и сразу близко сошелся съ Гоголемъ, который, судя по его письмамъ, пробывъ въ Римѣ сперва съ половины марта до половины юня 1837, поселился тамъ вѣтнмъ, послѣ побѣды по Италіи и Швейцаріи,—съ половины января того года. „Подъ чуднымъ небомъ Италіи, въ вѣчномъ городѣ съ его бессмертными красотоми... именно здѣсь встрѣтились два крайне несходныхъ по натурѣ, но несомнѣнно близкихъ другъ другу чеховъна, близкихъ по любви къ искусству, по способу отношенія къ своимъ созданіямъ,“—говоритъ *Е. Некрасова* въ статьѣ „Н. В. Гоголь и А. А. Ивановъ и ихъ взаимныя отношенія“, появившейся въ 12-мъ Мѣ „Вѣстн. Европы“ за 1883 г. „Здѣсь, вдали отъ родины, въ тиши отъ людей, воплощали они въ своихъ произведеніяхъ наполнявшіе ихъ душу образы: Гоголь писалъ свою поэму, Ивановъ—свою картину. Созданіе „Явленія Христа“ какъ бы сливается съ созданиємъ „Мертвыхъ душъ“. „Хорошо было, еслибы ваша картина и моя поэма явились вмѣстѣ“—говорилъ Гоголь. „Оба влили душу въ свои произведенія; оба съ одинаковою добросовѣстностью и поразительнымъ терпѣніемъ трудились надъ усовершенствованіемъ своей работы и своимъ собственнымъ... Отношенія обоихъ въ высшей степени любопытны—въ смыслѣ освѣщенія характеровъ того и другого художника“.

Въ самомъ же концѣ 1838 (въ декабрѣ мѣсяцѣ) Римъ постигъ тогдашній Наслѣдникъ престола, вполнѣдствіи Императоръ, Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи Жуковскаго. Всѣ русскіе художники встрепенулись, поднесли Его Высочеству альбомъ аquareльных рисунковъ своей работы, величину въ аршинъ, въ томъ числѣ и И—въ, занявшійся въ первый разъ аquareлью и исполнившій 33. „Ave-Maria“, т-е римскую толпу изъ 26 фигуръ, б. ч. дѣвницъ, въ национальныхъ костюмахъ, со старикомъ запѣвалой посреди, поющихъ передъ образомъ Богородицы на улицѣ, а Цесаревичъ надавалъ разныхъ заказовъ нашимъ пенсіонерамъ. При этомъ И—въ просилъ Вел. Князя дать ему трехлѣтнее содержаніе (послѣ назначеннаго Обществомъ на одинъ годъ—послѣдній) для окончанія картины, съ тѣмъ, что ова будетъ принадлежать потомъ Его Высочеству (онъ сдѣлалъ это по совѣту отца). „Трудъ ужасный я отдаю даромъ—писалъ онъ отцу въ томъ же декабрѣ (а не въ январѣ 1839, какъ напечатано, въ изд. Веткина),—и отдаю себя отъ личнаго съ вами свиданія еще на 4 года. Но я не могъ сдѣлать иначе: приобрѣтеніе общей довѣренности въ искусствѣ заставляетъ меня жертвовать и интересомъ, столь необходимымъ въ мои лѣта, и скорѣйшимъ съ вами свиданіемъ, ибо трудъ мой не есть заказная работа русская, оканчивающаяся довольствомъ Академіи Художествъ,—картину мою будутъ судить европейскіе судьи“. „Мы всѣ представлялись Наслѣднику безъ бородъ и усовъ, и во все время его здѣсь пребыванія жили по-петербургски—сообщалъ онъ отцу 18 апр. 1839 г. (а не въ январѣ, какъ напечатано въ томъ же изд.): дѣлали визиты то тому, то другому; принимали къ себѣ въ мастерскія—князей и графовъ съ фамиліями; втолковывали имъ итоги нашего здѣсь пребыванія; и, наконецъ, рады, рады были, что все разлѣхалось, оставя намъ, вмѣсто бритны, щетокъ и фрака,—кисти и палитру, и, одѣвшись въ полубразбойничье платье, я подмалевалъ всю мою большую картину, и—весьма ею доволенъ“.

„Прошедшее лѣто я ѣздилъ въ Неаполь,—отвѣчалъ И—въ на двѣ бумаги изъ Общества отъ 16 декабря 1838 и 10 февраля 1839—весной того года (но едва-ли въ мартѣ, какъ напечатано въ изд. Веткина),—задуманный мотивъ околнчностей меня туда завлекъ. Этнмъ лѣтомъ я отправился въ Ассизи, чтобы болѣе углубиться въ релігіозный духъ живописей XIV в.,

а потомъ отправлюсь въ Венецію, дабы разгадать общій тонъ картины, трудность котораго состоитъ въ томъ, чтобы картинѣ дать силу, но чтобы не сдѣлать ее веселою, цвѣтною, а, напротивъ,—серьезною и важною. Трудностей на каждомъ шагу бедна, онѣ требуютъ тройного вниманія, не перебитаго никакими препятствіями... Картина моя подмалевана, все на ней гораздо лучше прежнихъ этюдовъ и эскизовъ, люди понимающие настоящимъ видомъ картины довольны "... О сую порушительныя перемены послѣдовали только въ околнностяхъ, и именно въ дальностяхъ,—писалъ онъ отцу тою же весною:— вмѣсто городскихъ стѣнъ, теперь дальнія горы близятся сюда равнинами, а во второмъ планѣ кроются обильными оливоми; все это подернуто утреннимъ испареніемъ земли, и сими-то воздушными тонами гораздо болѣе и спокойнѣе дѣлится Христосъ. Да и, кромѣ того, картина получила сильную глубину въ перспективѣ. На сихъ дняхъ думаю попросить къ себѣ Овербека, этого высочайшаго и единственнаго моего судью и совѣтника. Что-то онъ скажетъ! Вѣрнѣе, что онъ будетъ весьма недоволенъ,—трещу заранѣе. Вы, утѣшала меня, говорите, что это не послѣдній трудъ мой, а я скажу, что это послѣдній, потому что я съ нимъ явлюсь въ Петербургъ, гдѣ дюжинные иконостасы и портреты превратятъ меня въ купца! "... Путешествіе мое въ Венецію было безъ несчастій и неприятностей, — сообщалъ онъ отцу осенью 1839,— но о результатѣ не буду говорить теперь, ибо его надобно показывать на дѣлѣ. Уже мѣсяць, какъ я въ Римѣ. Принялся за картину: думаю, дѣлаю, спѣшу, и не тороплюсь. Но не могу себя увѣрить въ счастливое ея окончаніе, хотя лучшіе художники Рима и довольны настоящимъ ея положеніемъ."

Работая самъ усиленно, И.—въ не переставалъ заботиться и о меньшомъ братѣ Сергѣѣ, поступившемъ уже въ Академію. "Пожалуйста, скажите Сережѣ,—совѣтовалъ А. А. отцу въ декабрѣ 1838, узнавъ, что юноша берется за все,— чтобы онъ непременно выбралъ одно изъ двухъ художествъ—живопись или архитектуру, и поступите съ нимъ въ семь случаевъ строго и строго, иначе мы пропадемъ! ни тому, ни другому онъ не научится, будетъ въ обоихъ дряннымъ, что хуже всего, не будетъ въ чужихъ краяхъ, а надобно, чтобы онъ сѣлнлъ меня здѣсь и именно такъ, чтобы въ Римѣ мы вмѣстѣ могли прожить цѣлый годъ,—я его со всѣмъ познакомлю и дамъ порядочное направленіе, какъ

себя вести. Пожалуйста, будьте внимательны въ семь случаевъ: нѣтъ его письма и вижу вашу совершенную о немъ безпечность,—грустно и больно; я очень, очень беспокоюсь". "Я надѣюсь,—писалъ онъ въ друг. письмѣ въ январѣ 1839, получивъ свѣдѣнія о ибѣнотѣ неудачахъ будущаго художника въ Академію,—что у брата Сергѣя будетъ столько благоразумія, чтобы преодолѣть всѣ случающіяся обиды и непріятности на пути своего ученія. Онъ, кажется, у насъ весьма не глупъ—такъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ я его 10 лѣтъ тому назадъ". "Я радъ усиѣхамъ брата въ рисованіи,—сообщалъ онъ отцу весной 1839,— тѣмъ болѣе, что онъ скидываетъ съ себя привычку неkopировать натуру. Въ натурномъ классѣ непременно надобно копировать натуру, но не въ каррикатурномъ, а въ возможно благородномъ видѣ,—ловить въ ней лучшее. Поправлять же ее по антикамъ [что было въ ходу въ Академіи до послѣдняго времени] сопряжено съ большою опасностью жалить принятую манеру, особенно для начинающаго только. Я бы совѣтовалъ брату всѣ, просто недѣльные рисунки дѣлать въ гипсовомъ классѣ". "Радуюсь, что братъ мой, оставя манерность, достигъ наконецъ до 2-й и 1-й серебряной медали,—говорилъ онъ еще въ одномъ письмѣ отъ 27 іюня 1840.—Желательно бы, чтобы эту дорогу онъ не оставлялъ. Его лѣта и его знаніе еще не въ состояніи чувствовать идеала, а особенно въ натурномъ классѣ, гдѣ самое вѣрнѣйшее дѣло копировать съ натуры, съ мутными къ тому знаніямъ анатоміи. Такимъ образомъ глазъ его оставаться будетъ въ несправности до тѣхъ поръ, пока лѣта и практика не разовьютъ его природныя чувства. Желательно бы, однакожъ, чтобы его недѣльные рисунки всегда бы были съ гипсовыхъ фигуръ."

Эти наставленія брату, какъ пользоваться Академіей не мѣшали, однако, нашему художнику по прежнему ненавидѣть послѣднюю. "Я давно уже ненавижу Петербургъ съ его Академіей Художествъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ отцу отъ 20 апр. 1840 (а не отъ весны 1839, какъ напечатано въ изд. Воткина)... Я совершенно увѣренъ, что самое лучшее мое положеніе теперь, а что, по возраженію въ отчество, я буду мученикомъ... Овербекъ моею картиною доволенъ,—сообщалъ онъ въ томъ же письмѣ далѣе,—кромѣ нѣкоторыхъ фигуръ, напр.: сидящихъ на первомъ планѣ, богатымъ человѣкомъ и рабомъ, развертывающимъ для него платъ. Онъ говоритъ, что эти двѣ фигуры не ясныя мою мысль,—нельзя угадать ее,

смотря на нихъ. На сей конецъ съ нынѣшняго лѣта я отправляюсь къ берегамъ рѣкъ видѣть купающихся различнаго званія людей, и, можетъ быть, навлеку что-нибудь къ большему поясненію задум. мысли... У меня о сю пору сдѣлано: ансамблей для фигуръ, входящихъ въ мое сочиненіе 105

писанныхъ головъ съ нат., близкихъ или воображаемыхъ 20

рисованныхъ 40

писанныхъ фигуръ, голыхъ 6

съ манекеновъ въ драпировкахъ, писан. рисованныхъ прямо съ натуры 35

эскизовъ, писанныхъ въ довольно большомъ видѣ. 5

рисованныхъ, тоже не въ маломъ 5

не считая того, что послано въ Общество ландшафтовъ, относящихся сколько нибудь къ задум. моменту 18

Итого 242,

не считая головъ съ Рафаэлева „Преображенія“, съ Тиціанова „С. Пиетро Мартире“ и др. безъ счету этюдовъ, сдѣланныхъ во Флоренціи, Ассизи, Венеціи, и болѣе или менѣе относящихся къ моей картинѣ¹⁾... Перемѣны о сю пору чувствительны только въ окрестности, а въ фигурахъ онѣ только бываютъ въ деталяхъ“.

Въ другомъ письмѣ къ отцу (уже цитированномъ нами)—отъ 27 июня 1840 п въ письмѣ къ Гоголю, писанномъ немного ранѣе, И—въ еще ближе опредѣляетъ цѣль только что упомянутой здѣсь поѣздки по Италіи. „Послѣ завтра я отправляюсь изъ Рима,—пишетъ онъ первому,

¹⁾ По счету С. А. Иванова отъ апрѣля 1862 г., его братомъ было исполнено масл. красками: эскизовъ для картины „Явленіе Христа народу“ 5 этюдовъ для той же картины:

головъ 117

рукъ и ногъ 34

цѣлыхъ фигуръ 16

фигуръ, пис. на солнцѣ и вообще на воздухѣ 16

драпировокъ 30

ландшафтовъ 63

Итого . 281

затѣмъ: непринлежащихъ къ картинѣ . . 20

для „Явленія Христа Магдалинѣ“ . . . 4

копій головъ съ Рафаэля 10

„ „ „ Тиціана 2

Итого . 36

кромя 332 рис. къ Нов. и Ветх. Завету и 12—съ разн. сюжетами.

Въ общемъ . 317

поискать каменьевъ и воды для моей картины, наблюдать купающихся для первоначальной средней группы, которую... улучшить мнѣ совѣтовалъ Овербекъ; возвращусь въ Римъ въ концѣ августа“. „Я располагаю отправиться, во 1-хъ, въ Перуджію—для наблюденія купающихся въ Тибрѣ лучшаго класса людей,—сообщаетъ онъ второму,—ибо въ Римѣ купальни устроены въ видѣ кабинетовъ, гдѣ ни щелчи не оставляется для глаза наблюдательнаго,—это все клонится къ перемѣнѣ или улучшенію первоначальнаго срединнаго группа въ моей картинѣ. Перваго августа надѣюсь быть въ Минѣ, видѣть праздникъ отпущенія грѣховъ, съ надеждою почерпнуть что нибудь для моихъ фizioномій въ семъ религіозномъ торжествѣ; а второго или третьяго отправляюсь въ Семигалию, на знаменитую ярмарку, присмотрѣться къ азиатскимъ чертамъ лица. Пробывъ тамъ два или три дня, отправлюсь во Флоренцію для скопированія нѣкоторыхъ этюдовъ въ галереѣ Питти²⁾. Тутъ пройдутъ двѣ недѣли, послѣ чего намѣренъ странствовать въ горахъ около Рима, чтобы къ осени привести этюды для первоначальныхъ каменьевъ рѣки. Вотъ планъ моего путешествія“. Въ приведенномъ выше письмѣ

Всего же насчитывается для означ. картинъ: эскизовъ 5 этюдовъ:

головъ 146

рукъ и ногъ 102

фигуръ 37

драпировокъ 28

пейзажей 63

Итого . 381

рисунковъ (въ томъ числѣ 2 оконч.). . . 224

затѣмъ:

друг. эскизовъ 8

рисунковъ разныхъ сюжетовъ 9

для „Явленія Христа Магдалинѣ“ 5

копій съ итал. мастеровъ 12

тоже, рисов. 21

портретовъ 5

академич. рисунковъ 84

Итого . 144

А въ общемъ . 749,

не считая 5 картинъ и 363 (332 + 31) эскизовъ съ Библейскими сюжетами.

²⁾ Айвазовскій, какъ видно изъ его автобиографіи, напеч. въ „Русс. Стар.“ 1878, очень изумлялся, заставъ тамъ Иванова за копированіемъ деревьевъ изъ пейзажей Сальватори Розы для его картинъ.

къ отцу И—въ такимъ образомъ объяснялъ причины всѣхъ своихъ стараній: „Заставить согласиться иностранцевъ, что русские живописцы не хуже ихъ,—дѣло весьма мудреное, ибо всѣ озлоблены на русскихъ по случаю политики; все ищутъ пятея, рады всякимъ расказамъ и унижаютъ всякое въ насъ достоинство; слѣдовательно, художественная вещь должна быть вътрое лучше ихъ произведений, чтобы только принудить ихъ уравниять со своими. Въ случаѣ неудачи довести до такого совершенства предметъ мой, я утѣшусь тѣмъ, что, на семь турниръ потерявъ премію, я совершенно стѣю быть закабаленнымъ подкоманду архитекторовъ нашихъ, писать шкоптасъ,—единственное требованіе русскихъ частныхъ людей, что исполнять, въ случаѣ вышеупомянутаго выигрыша, было бы нетерпимо обидно“. Описывая тутъ же отношенія разныхъ художниковъ къ выставленной тогда въ Римѣ и признаваемой имъ очень важною большою картиною Овербека „Торжество христіанской религіи въ нязнанныхъ искусствахъ“, онъ прибавлялъ въ заключеніе: „Одинъ изъ самыхъ острыхъ нѣмецкихъ противниковъ, пѣвственный скульпторъ и живописецъ, нѣкто Вагнеръ, замѣчаетъ, впрочемъ не безъ основанія, что аллегорія Овербека никому не понятна, что фонтанъ съ двумя чашами, составляющій основную мысль картины, никакъ разгаданъ быть не можетъ безъ письменныхъ объясненій. Вотъ и Овербекъ, какъ ни глубокомысленъ, а толкнулся тоже въ темноту, не достигнувъ совершенства,—аллегорія весьма, впрочемъ, немногимъ удавалась“.

Въ письмѣ къ сестрѣ отъ осени того же 1840 года И—въ сообщалъ ей уже о результатахъ своей поѣздки. „Я выѣхалъ изъ Рима для написанія этюдовъ для моей картины въ Субіако, городокъ, отстоящій отъ Рима въ 40 верстахъ,—онъ лежитъ въ горахъ Сабинскихъ. Дикія и голыя скалы, его окружающія, рѣка чистѣйшей и быстротекущей воды, окруженной пами и тополлями, мнѣ послужили матеріаломъ. Я радовался, видя ихъ сродство съ тѣми идеями, какія я пріобрѣлъ посредствомъ книгъ о Палестинѣ и Иорданѣ и окружающихъ его деревьяхъ и горахъ... Я уѣхалъ изъ Субіако съ этюдами скалъ, изъ и тополей, обставилъ себя Библіей, манекенами, оперою (т.-е. сочиненіями) Феррари и Ланчи, Евангеліемъ,—съ надеждою выслѣдить какую нибудь новую мысль къ улучшенію моего сочиненія; я даже никуда не по-

казываюсь, развѣ только въ пятницу-вечеромъ и въ субботу утромъ меня можно видѣть въ Гетто, т.-е. въ еврейской синагогѣ“.

Въ одномъ изъ слѣдовавшихъ затѣмъ писемъ къ отцу—отъ декабря того года, И—въ, какъ бы въ дополненіе къ прежнимъ своимъ словамъ объ Овербекѣ, писалъ про него и Камуччини: „Картонъ Камуччини („Олимпъ“), натурально, долженъ нравиться Академіи, ибо въ немъ все тѣ помѣщено, чему учить Академіи. Но вынесите его изъ четырехъ стѣнъ приготовительной сей школы и спросите у просвѣщенныхъ и расположенныхъ къ изысному людей, какое онъ на нихъ дѣлаетъ впечатлѣніе? Ледовитая правильность рисунка, казенное направленіе складокъ, совершенное отсутствіе выраженія въ головахъ—никакого не дѣлаютъ впечатлѣнія. Весьма натурально, что Овербека у насъ не поймутъ: люди, старѣющіеся и учащіеся здѣсь по 10 лѣтъ, по большей части его не понимаютъ,—какъ же вы хотите, чтобы кто и не выѣзжалъ (никуда), и не vznikалъ ни во что глубоко, могъ что-нибудь о немъ сказать, кроме дерзости и хахалства? Моего пророка, моего единственнаго наставника, поэта-художника христіанскаго, не долго мнѣ слушать! Картина моя запла за половину дѣла, а съ нимъ выѣстъ близится роковое разставаніе“.

Къ 1840—41 относятся: 34. исполненные И—мъ портреты Гоголя: 1—карандашемъ (нынѣ въ Имп. Публ. Библ.) и 2—масл. красками (нынѣ у Рейтерна—отъ Жуковскаго и въ Моск. Публ. Музеѣ—отъ Погодина).

Съ 1841 г. письма И—ва, кромѣ постоянныхъ заботъ объ изысканіи себѣ средствъ для окончанія большой картины и частныхъ наставленій брату, заключаютъ въ себѣ особенно много характеристикъ различныхъ лицъ и разныхъ художеств. произведеній. Хлопоча черезъ Жуковскаго (15 марта и 6 октября 1841 и въ іюлѣ 1842) и черезъ Общество Поощренія Художниковъ (4 іюня 1841 и 12 мая 1842) о прошеніи ему Наслѣдникомъ Цесаревичемъ пенсіонерскаго содержанія еще на 3 года, по составленному для него Гоголемъ письму къ Его Высочеству, а затѣмъ—передъ самымъ Обществомъ о ссудѣ ему въ томъ же размѣрѣ подѣ обеспечение сдѣланныхъ имъ копій, этюдовъ и эскизовъ все для той же картины, онъ продолжалъ тѣмъ временемъ свои обычные занятія. Такъ, въ письмахъ къ Гоголю онъ пишетъ: отъ окт. 1841.—„Я привезъ съ собою изъ Аричи 10 этюдовъ, которые теперь приспособляю

къ картинѣ; отъ іюля 1842.—„Я было началъ мои занятія и именно копіей съ „Мадонны di Poligno“ (его 35. копія съ „Неапол. Мадонны“ Рафаэля—наход. у М. П. Боткина въ СПб.), чтобы приступить къ окончанію головы въ моей картинѣ; но глаза опять заболѣли“. Эта болѣзь глазъ, потребовавшая поѣздки къ знаменитому тогда доктору Циммерману въ Неаполь, а затѣмъ леченія водами въ Монтекатини близъ Флоренціи и питья декокта въ Римѣ, только и могла остановить работы нашего художника на цѣлыхъ два года (т.-е. до 1844), да и то лишь по настоятельному требованію врача. Впрочемъ, прибѣвъ в. к. Маріи Николаевны съ герц. Лейхтенбергскимъ въ декабрѣ 1842 оставилъ И—ва заняться одно время японскими акварелями для альбома Ея Высочества, какія онъ дѣлалъ также Жуковскому и Гоголю; къ числу ихъ относятся: 36. „Женнхъ самраццuolo, выбирающихъ серьги для своей невѣсты“, 37. „Октябрьскій танецъ на одной изъ loggia“ (2 рис.), 38. „Октябрьскій праздникъ у Testaccio въ Римѣ“, 39. „Октябрьскій праздникъ у Ponte Molle“ (3 рис.), и проч.

Самъ постоянно нуждается, И—въ продолжалъ, однако, попрежнему заботиться о доставленіи средствъ и заказовъ друг. молодымъ художникамъ, его соотечественникамъ или единоплеменникамъ, напр. сербу Станиславлевичу (1841), Шаповалову (1842), Серебрякову (1844), а также объ оказаніи нравственной помощи нуждающимся въ ней, напр.—семьѣ умершаго поэта Баратынскаго (1844). Рядомъ съ этимъ онъ, хотя и издали, а все же слѣдилъ за успѣхами и вообще воспитаніемъ своего меньшаго брата Сергѣя. „Продолжаетъ ли онъ рисовать съ антиковъ?—спрашиваетъ А. А. отца 15 авг. 1841.—это, по мнѣ, нужнѣе для него, чѣмъ натурщикъ“, и тутъ же поясняетъ свою мысль: „Архитекторы вообще прибѣгаютъ къ помощи живописца, когда случаются статуи въ ихъ проектахъ,—говоритъ онъ,—а лучше-бы, еслибы они сами ихъ рисовали, ибо чужое чувство слишкомъ рѣдко попадаетъ въ цѣль; да и всегда ли случится найти рисовальщика“. „Тебѣ не худо бы нѣсколько быть потерпѣливѣе,—наставляетъ онъ брата 18 нояб.,—не огорчаться, не оглядываться при встрѣчѣ непріятностей и не ласкать себя моей будущностью. Три вещи намъ нужны: совѣстливость труда, строгая нравственность и настойчивость,—эти дары мы уже болѣе или менѣе имѣемъ, и, слѣдовательно, должны быть довольны нашимъ настоящимъ положеніемъ и—благодарить Бога“.

„Наука и искусство вѣчно живутъ и, слѣдовательно, движутся,—пишетъ онъ отцу 4 янв. 1843, радуясь, что братья его въ помощникахъ у Топа, въ ожиданіи программы на 1 зол. медаль,—а особливо въ новомъ народѣ, каковъ русскій, гдѣ еще, можно сказать, только что начинаются, и, слѣдоват., брату моему, какъ истинно русскому, предстоитъ здѣсь бездна занятій на попрѣвъ соревнованія съ европейскими представителями по его части. Дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ болѣе меня, мнѣ было слишкомъ много препятствій—ему, мнѣ кажется, будетъ легче“, и тутъ же онъ излагаетъ цѣлую программу для его будущихъ занятій: „Въ Римѣ архитекторы начинаютъ, мѣрняютъ лучшія (созданія) древности, привыкаютъ къ чистотѣ вкуса посредствомъ реставраціи зданій лучшаго времени. Другія мѣста Италіи представляютъ имъ красоты средняго вѣка. Къ удобствамъ частныхъ домовъ нужна Англія, а къ познанію корней, откуда родился русскій стиль церковный, нужно изучить 14-е и 15-е столѣтія, столь живо еще живущія въ Италіи,—нужно потомъ загнать въ Грецію и Сирію“. „Не увлекайся общимъ направленіемъ людей, въ чемъ бы то ни было,—рекомендуетъ онъ брату въ окт. 1843.,—а старайся имѣть свое“. „Что касается до трактата новаго объ архитектурѣ,—писалъ онъ ему же въ Москву осенью 1844,—то я очень сожалѣю, что тебѣ голову сломали эти споры. Ланковъ и Поповъ (А. Н.), какъ не художники, начинаютъ съ того, чѣмъ художникъ оканчиваетъ и довершаетъ свое ученіе, когда ему лѣтъ подлѣ 40. Чтб-жъ дѣлать, надобно привыкать къ свѣту. Если же тебѣ очень безпокойтъ ихъ споры, то оставь ихъ. Все, что ты мнѣ пишешь, не подведено подлѣ гармоническую систему, которой, разумеется, ты достигнешь, но нужно тутъ долговременное и всесильное ученіе. Я не архитекторъ и потому трудно мнѣ вникнуть въ твою часть. Впрочемъ, читая исторію архитектуры Аленкура, никакъ не могу согласиться, что средній вѣкъ, передѣлавшій для насъ языческія храмы въ церкви, будто бы есть упадокъ архитектуры. Мнѣ все кажется, что этотъ готическій, византійскій родъ совершенно выразилъ чувство христіанское, какъ и древній языческое. Къ этому роду, съ небольшимъ намѣненіемъ, принадлежатъ и наши русскія церкви. Что касается до архитектуры нашего времени, то, мнѣ кажется, никогда она еще не была такъ

жалка и безхарактерна. Скажи самъ, кто теперь истинный художникъ-архитекторъ? — Шинкель, да и все, а потомъ—все люди, болѣе заботящіеся о тугомъ карманѣ, чѣмъ о совѣстливой преданности своему искусству. Впрочемъ, мы, русскіе, можемъ утѣшаться тѣмъ, что начинаемъ свою карьеру въ образованіи: у насъ, слѣдоват., могутъ случиться гораздо скорѣе люди, чѣмъ гдѣ-нибудь,—наши силы свѣжи... Мы съ тобой должны сдѣлать многое еще и потому, что всѣ наши художники приняли самое жалчайшее направленіе: вдумываться въ дѣло—совсѣмъ не въ поманіи... Ты не вѣришь, чтобы архитектуру одного человѣка приняло все государство за образецъ,—тебѣ кажется, это дѣло невозможное. А по моему, если нашъ художникъ, вслѣдствіе глубокаго своего ученія за-границей, окончить свои занятія по Россіи, то, само собою разумѣется, что изъ русской души его выйдетъ прекрасная русская архитектура XIX ст., которая сдѣлается сейчасъ же оригиналомъ для всѣхъ прочихъ его современныхъ художниковъ, менѣе способныхъ къ своему дѣлу". „Я думаю,—высказывалъ онъ Языкову лѣтомъ 1845,—что путешествіе по Россіи для художника творящаго лучше и вѣрнѣе сдѣлать по окончаніи ученія своего въ чужихъ краяхъ". Таковы были взгляды И—ва на задачи соврем. искусства, нужды нѣтъ, что его отдѣляло отъ насъ дѣльныхъ польвѣка.

Какъ на примѣры характеристикъ разныхъ личностей и ихъ дѣлъ можно указать на слѣдующіе отзывы И—ва, встрѣчающіеся въ его письмахъ. Такъ онъ пишетъ брату про Маркова 22 мая 1841: „Странное явленіе—вотъ человѣкъ, котораго чужіе края уничтожили! Онъ добръ до слабостей, весьма разсудителенъ, но лѣньнѣе до безподобія, и потому свобода пенсіонера его совсѣмъ ступила", или про Айвазовскаго—Ланченкѣ осенью того же года: „Айвазовскій работаетъ тоже скоро, но хорошо,—онъ исключительно занимается морскими видами, и, т. к. въ этомъ родѣ нѣтъ здѣсь художника, то его заслуги и захвалили. Онъ много работаетъ на заказъ, имѣя пенсіона на 6 лѣтъ, и, слѣдовательно, будетъ имѣть добрый капиталъ", а затѣмъ отцу—18 нояб.: „Айвазовскій человѣкъ съ талантомъ. Его „День Неаполя" заслужилъ общее одобреніе въ Римѣ—воду никто здѣсь такъ хорошо не пишетъ, а его „Хаоса" я не видалъ, ибо онъ былъ написанъ для папы, съ намѣреніемъ получить крестъ. Но, вмѣсто этого, онъ полу-

чилъ медаль, стоющую гораздо менѣе, чѣмъ рама картинны, съ просьбою дать болѣе опредѣленія головѣ Саваова—окладъ фигуры какъ бы изъ водяной пыли и нахлобученныхъ облаковъ. Все это показываетъ всышки горячей головы Айвазовскаго и заставляетъ за него бояться, чтобы онъ не сбился въ маньеризмъ. У него, между прочимъ, большая страсть печататься въ газетахъ". Про Пименова онъ отзывался въ друг. письмѣ къ брату отъ лѣта 1842: „Жаль, что этотъ талантъ не образованъ, а то бы онъ могъ стать наравнѣ съ самыми лучшими скульпторами нашего времени". „О Тырановѣ можно пожалѣть,—высказываетъ онъ отцу въ окт. 1843,—что въ позднія лѣта и съ малымъ образованіемъ посланъ онъ въ Римъ, гдѣ, какъ человѣкъ съ талантомъ, невольно почувствовалъ желаніе устремиться къ чему-то возвышенному, и сдѣлалъ историч. картину; онъ, однакожъ, опять займется портретами".

Познакомившись съ Гоголемъ, И. сообщаетъ отцу 15 авг. 1841: „Этотъ человѣкъ необыкновенный, имѣющій высокой умъ и вѣрный взглядъ на искусство. Какъ поэтъ, онъ проникаетъ глубоко; чувства человѣческія онъ изучилъ и наблюдалъ, словомъ—человѣкъ самый интереснѣйшій, какой только можетъ представиться для знакомства; ко всему этому онъ имѣетъ доброе сердце". Узнавъ поближе Языкова, онъ говоритъ брату въ авг. 1844: „Этотъ самый лучшій дѣвъ нашего отечества; нѣтъ ни одного человѣка, который бы, зная сколько нибудь Языкова, не отказался о немъ съ похвалою... Онъ намъ совершенно сочувствуетъ, онъ намъ русскій славный поэтъ!" А про А. Н. Попова: „Это правда, что этотъ человѣкъ еще молодой, но онъ горячій патріотъ, умный и добрый человѣкъ".

Цѣна въ другихъ доброе сердце, И—въ самъ имѣлъ таковое, какъ мы видѣли уже не разъ изъ его заботъ о товарищахъ. Слѣдующее письмо указываетъ на его необыкновенную привязанность къ отцу: „Для меня одна награда существуетъ,—пишетъ онъ ему въ февр. 1843, по полученіи извѣстія о смерти матери,—кончить мою картину, встрѣтить васъ здоровымъ, живымъ. Молю Бога, чтобы онъ этого меня не лишилъ, а къ вамъ принадлеа на колѣняхъ и прошу бережъ ваше здоровье. Простите меня, если я когда либо васъ тѣмъ нибудь обидѣлъ. Я болѣе къ вамъ привязанъ, чѣмъ вы можете себѣ вообразить. Успѣхи мои въ искусствѣ имѣютъ одну цѣль—со временемъ доставить вамъ ра-

достъ на землѣ. Вы изъ этого видите, что я радъ торопиться съ моимъ огромнымъ дѣломъ, и опять прошу васъ беречь свое здоровье: я помню, какъ вы, бывало, его не берегли. Васъ вѣскольکو разъ предостерегала отъ этого матушка-покойница (ей не довелось видѣть возвратъ мой!), а братъ мой, можетъ быть, для этого молодъ".

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій получилъ былъ отвѣтъ на ходатайство И—ва о продленіи ему пенсіона для окончанія его труда. Но каково-же было его разочарованіе, когда ему выдано было въ 1842, „въ силу представленія о немъ Жуковскаго, всего 1500 р. асс. единовременно, а, „всѣдствие старанія начальника надъ русс. художниками въ Римѣ Кривцова",—2800 р. При этомъ ему пришлось выслушать со стороны Жуковскаго такого рода замѣчаніе: „Да куда онъ пишетъ такіа картины, вѣдь и поставить некуда?" Но на это онъ отвѣчалъ Чижову (сообщившему ему такой отзывъ писемомъ отъ авг. 1842): „Конченная большаа картина русс. художника, пробрѣвшая европейское вниманіе, не можетъ быть, чтобы не нашла мѣста въ нашемъ отечествѣ. Я знаю, что для коммерціи лучше бы было писать маленькія вещицы, но какъ не стыдно говорить это Василию Андреевичу! При его умѣ и образованіи, я думаю, онъ войдетъ гораздо глубже въ мое положеніе, и тогда бы онъ увидѣлъ, что я только несчастливъ, но совершенно правъ, видя пришлецовъ и иностранцевъ, завладѣвающихъ всѣмъ вниманіемъ моего отечества, [и] зная какія громадныя суммы издерживаются правительствомъ на покупку самыхъ посредственныхъ картинъ. Могутъ ли, будучи русскимъ, смотрѣть на все это хладнокровно? Не долженъ ли я пожертвовать совершенно всѣмъ для такого предпріятія, которое бы современемъ поставило меня на художническую каеедру, съ которой бы я могъ умалить злоупотребленія?" Ту же мысль онъ изложилъ и въ письмѣ къ самому Жуковскому отъ 4 сент.: „Не думайте,—писалъ онъ ему,—чтобыя скольконибудь раскаявался, что началъ и довелъ за половину дѣла огромный трудъ мой. Напротивъ, я этимъ только и буду утѣшаться всю остальную жизнь. Кромѣ того, желаю, чтобы мои соотечественники-художники шли той же трудной стезей строгаго ученія;... чтобы не бросались они ни въ шуточный жанръ, ни въ акварель, ни въ радужный колеръ, ни въ быстроту эскизнаго исполненія,—заразительныя введенія нашихъ пришлецовъ,

ломающихъ искусство въ способы, чтобы жить со всѣми прихотями роскоши и забавъ, не думая о послѣдствіяхъ и не зная отечества. Имя впереди двухъ пришлецовъ, занявшихъ быстротою эскизнаго исполненія все вниманіе русскихъ, плодомъ коего я предвижу гибель для школы отечественной, я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло". „Напрасно, кажется, вы думаете, — писалъ онъ еще Гоголю въ мартѣ 1844 г. — что моя метода: силою сличенія и сравненія этюдовъ подвигать впередъ трудъ доведетъ меня до отчаянія. Способъ сей согласенъ и съ выборкою предмета, и съ именемъ русскаго, и съ любовью къ искусству. И бы могъ очень скоро работать, еслибы имѣлъ единственную цѣлью деньги. Признаюсь, я не вижу въ остальной моей жизни ничего, лучше настоящаго моего положенія. Еслибы картина моя осталась навсегда неоконченною, то это все столько же было бы для меня горько, какъ еслибы какая-нибудь деспотическая сила заставила меня окончить ее противъ моихъ правилъ и убѣжденій... Признаю и это: пока не сдѣлалъ дурно, не сдѣлаешь хорошо. Дурное все остается въ пробныхъ этюдахъ, изъ которыхъ одно лучше вносится въ настоящую картину".

На счастье И—ва къ нему явился въ этотъ разъ на помощь его со товарищъ по искусству — Моллеръ, послѣ того, какъ новый секретарь Общества П. Х., Мих. Дм. Рѣзвый, отозвался, что „произведеніе И—ва выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ и должно принадлежать къ тѣмъ, коими справедливо будетъ гордиться наше отечество, а потому способствовать къ его удачному исполненію есть благородный порывъ всякаго добраго патріота", и позаботился объ исходатайствованіи у Государя вновь содержанія своему другу (въ 300 червонныхъ въ годъ), кромѣ вознагражденія въ 1500 руб. сер. за картину „Явленіе Христа Магдалинѣ", поднесенную Ею Величеству Обществомъ П. Х. въ 1836 г., какъ можно заключить изъ писемъ И—ва къ самому Моллеру и къ отцу отъ января 1843, а также изъ письма старика И—ва къ сыну отъ 23 дек. 1842 г. и изъ протоколовъ засѣданій Академ. Совѣта отъ 19 нояб. и 9 дек. того же года. Но третій годъ истекалъ, а картина все еще не была кончена. Поэтому И—въ, подвѣяніемъ Гоголя, снова сталъ хлопотать объ изысканіи дальнѣйшихъ средствъ. Иавѣстна А. О. Смирнова должна была, по его писму отъ 12 февр. 1845, ходатайствовать черезъ герц. Лейхтенбергскаго о продленіи ему пенсіона,

если не на три года, то на 2 и даже хоть на одинъ; Жеребцова обѣщалась Моллеру, какъ видно изъ письма къ Гоголю отъ 15 марта, уговорить кн. П. М. Волконскаго (мин. Имп. Двора) не оставивать о немъ представленія академическаго, несмотря на представившуюся работу для храма Спаса въ Москвѣ; К. Тонъ, замолвившій уже за него Госуд. Императору, благодаря чему и устроилось его содержаніе, котораго должно было хватить еще на годъ, обѣщала нашему художнику, какъ видно изъ письма его къ брату отъ того же времени, сказать въ Академіи, что онъ нуждается въ трехлѣтнемъ содержаніи (18,000 руб. асс.), чтобы кончить настоящую картину; наконецъ, послѣ посѣщенія его мастерской Имп. Николаемъ I въ дек. 1845, онъ самъ просилъ герц. Лейхтенбергскаго—весною 1846 (а не 1847, какъ намеч. въ изд. Вяткина) и Наслѣдника Цесаревича—4 іюля 1847 о дальнѣйшемъ вспоможеніи. Но всѣ эти ходатайства, какъ прежнія, такъ и новыя, кончились, судя по протоколамъ Академ. Совѣта отъ 4 мая 1845, 20 марта и 20 іюня 1846, —тѣмъ, что весной 1845 г. Высочайше повелѣно было дать И—ву изъ Госуд. Казначейства 300 червонныхъ единовременно въ пособіе, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ окончилъ свою работу непремѣнно въ продолженіе года со дня полученія имъ послѣдняго. Затѣмъ, весной 1846, не взирая на рапортъ вице-презид. Академіи гр. Ѳ. П. Толстаго изъ Рима на имя Августѣйшаго Президента, что „при посѣщеніи мастерской акад. Иванова, этого страстнаго художника, всею душой преданнаго своему дѣлу, Его Имп. Вел. благосклонно выслушавъ краткое объясненіе сюжета картины, въ которомъ Ивановъ выразилъ свое теплое религіозное чувство, вызвавшее его на созданіе колоссальнаго произведенія, полного большихъ особенностей; изволилъ остаться чрезвычайно довольнымъ картиною Иванова и, въ самыхъ лестныхъ словахъ для художника, приказавъ оканчивать ее, сказалъ: „прекрасно началъ“.—Академ. Совѣтъ, разсмотрѣвъ прошеніе художника, опредѣлилъ: „отвѣчать Иванову, что Академія не можетъ о немъ ходатайствовать, хотя бы и желала, ибо много разъ сдѣланныя ему милости давно бы должны были побудить его довершить свое твореніе; но время уходитъ, а картина, имъ начатая, не оканчивается, и онъ продолжаетъ обращаться съ просьбами о пособіяхъ, какъ человѣкъ, не могущій достать трудами достаточной суммы для своего

содержанія“⁴. Наконецъ, лѣтомъ того же года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе выдать Иванову, за заказанную ему Его Вел. картину, 1500 руб. сер. (5500 р. асс.), но опять съ тѣмъ, чтобы онъ картину эту непременно окончилъ въ теченіе одного года со дня объявленія ему о томъ. Въ заключеніе всего, какъ узнаемъ изъ собств. писемъ И—ва къ граф. С. П. Апраксиной отъ осени 1847 и къ Жуковскому отъ 21 нояб., ему было Высочайше назначено, по представленію презид. Акад., на содержаніе въ Римѣ на полгода, для окончанія картины,—1768 фравк. 80 савт., да отъ Наслѣдника Цесаревича приславо 3000 р.

Пока И—въ скромно жилъ и работалъ въ Римѣ, друзья и почитатели его, восхищенные предпринятымъ имъ колоссальнымъ трудомъ, вслѣдствіе стараній о распространеніи его славы въ русс. обществѣ. Такъ, проф. Шевыревъ, сообщая въ своихъ „Путевыхъ запискахъ 1840 г.“ въ „Москвитинѣ“ 1841 (ч. VI, № 11, с. 150) о „русс. художникахъ въ Римѣ“⁵), писалъ между прочимъ: „Изъ мастерской славнаго Бруни я повелу читателя въ мастерскую другого художника нашего—Иванова. Здѣсь ожидаетъ насъ еще новое впечатлѣніе, радостное сердцу русскаго. Здѣсь, хотя медленно, но съ обдуманностью добросовѣстной, готовится глубокомысленное созданіе—картина, внушенная также мыслію религіозною [слѣдуетъ описаніе сюжета]... Не знаемъ, скоро ли эта картина будетъ приведена къ концу, но можемъ сказать одно только, тѣмъ болѣе художникъ трудится надъ нею, тѣмъ болѣе яснѣетъ каждое лицо картины, выступая съ новою выразительностію... Извѣстно, что намъ Ивановъ въ послѣднее время сошелся съ славнымъ живописцемъ Овербекомъ, представителемъ школы, такъ назыв., пуристовъ. Онъ во многомъ слѣдуетъ его совѣтамъ и сочувствуетъ направленію, какое Овербекъ даетъ искусству, стараясь возратить къ первоначальному спокойствію древнихъ школъ. Отсюда объясняется въ главномъ и характеръ картины, господствующая черта которой есть тоже самое спокойствіе. Это вліяніе Овербека на нашего художника могло бы павести насъ современемъ на созданіе своего особеннаго рели-

⁴) Помѣщенная подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Худож. Газетѣ“ 1840 (№ 6, с. 12) выписка изъ письма (б. м., отъ В. И. Григоровича) изъ Рима отъ 18(30) янв. 1840 г.,—не можетъ быть принята тутъ въ расчетъ по своей незначительности.

гознаго стиля, о которомъ мы до сихъ поръ въ новой живописи нашей и не думали". Другой профессоръ, *Поудинъ*, въ своемъ дневникѣ „Мѣсяцъ въ Римѣ“ въ „Москвитян.“ 1842 (ч. II, № 4, с. 312), сообщалъ подъ 25-мъ марта [1839 г.]: „Г. [т. е. Гоголь] поведъ насъ въ студию (рабочую) русс. художника Иванова... Стѣны испещрены разными фигурами: которал—мѣломъ, которал—углемъ; вотъ—группа, вотъ—цѣлый эскизъ... Въ срединѣ господствуетъ, на огромныхъ подставкахъ,—картина, надъ которою трудится художникъ... Вокругъ него, по всѣмъ сторонамъ, лежатъ нѣсколько картоновъ съ его корректурами, т. е. съ разными опытами представить то или другое лицо, развить фигуру такъ или иначе... Однимъ словомъ, задумано превосходно, есть гдѣ развернуться художнику, есть что представить. Говорятъ, что Ивановъ работаетъ очень медленно, безпрестанно поправляетъ себя, недовольный. Жаль: съ такимъ расположеніемъ души, лучше бы ему писать картины не столь сложныя, какъ эта...“ Третій профессоръ, *Чижовъ*, разсказывалъ въ „СПб. Вѣдом.“ 1842 (№ 224, ст. 979—980) про „русс. художниковъ въ Римѣ“ въ письмѣ къ А. Н. Очкину, послѣ подробнаго описанія картины И—ва „Явленіе въ міръ Мессіи“, съ упоминаніемъ на Евангельскіе тексты, говорилъ въ заключеніе: „Простота освѣщенія не усилена и не измѣнена никакимъ эффектомъ свѣта; спокойствіе изображаемой минуты не допускаетъ ни движенія страстей, ни малѣйшей театральности положеній; святое величіе предмета, собирая все на ликъ Спасителя, требуетъ полного подчиненія всего дѣйствія Его Божественному явленію—вотъ три данныя для составленія сужденій о достоинствѣ картины. Что касается до меня, то я прошу вашего позволенія остаться адѣсь простымъ повѣствователемъ: картина еще нѣсколько не кончена, и потому всякій разговоръ со стороны судящаго, по моему мнѣнію, былъ бы величайшею дерзостью, особенно въ такомъ—и огромномъ, и высокомъ, начинаніи. Если я позволилъ себѣ высказывать данныя для составленія сужденій, то въ этомъ случаѣ меня оправдываетъ желаніе представить вамъ дѣло съ той стороны, которая могла бы нѣсколько противостать противу требованій большинства, не совѣмъ выгодныхъ для истинно художественныхъ произведеній.“

Въ другой статьѣ своей—отъ мая 1845, написанной также въ видѣ письма о русс. художникахъ въ Римѣ—на этотъ разъ къ изда-

телю „Моск. Литерат. и Учен. Сборника“ 1846 г., гдѣ она и появилась, Чижовъ говорилъ по поводу картины (стр. 56—57, 62—69): „Ивановъ изобразилъ въ ней самую торжественную минуту въ исторіи человечества—вступленіе на попріи дѣятельности Искупителя міра. Вотъ первое право и первая необходимость дать картинѣ такой размѣръ, чтобы лица на первомъ планѣ явились въ настоящую величину человѣческаго роста. Въ картинѣ Иванова общее сочненіе такъ высоко, что не оставляетъ желать ничего болѣе. До сихъ поръ весьма немногія лица ближи къ окончанію, поэтому нѣтъ еще пока возможности судить о полнотѣ жизни остальныхъ; но участіе каждаго въ общей драмѣ, умно размѣренное не холоднымъ разсудкомъ, а живымъ представленіемъ себѣ всего дѣйствія и глубокимъ вниканіемъ въ нравственную природу человѣческую, видно уже ясно и въ настоящемъ состояніи картины... Совершенствомъ исполненія въ картинѣ уже рѣшительно безспорно. Благородство рисунка, высокообразцовая, типическая красота лицъ, возможно прекрасное сочненіе въ пейзажѣ, высшая степень изящества въ наброскѣ одежды, сила и стройность цвѣтовъ—вотъ существенная достоинства того, что я называю исполненіемъ... О послѣднемъ, т. е. о цвѣтахъ, нельзя судить въ несовершенномъ произведеніи, потому что оно является на полотнѣ послѣднимъ, но все прочее такъ высоко, что тѣ художники, котормъ, по ихъ исключительнымъ занятіямъ, ближе то или другое, не могли говорить о немъ безъ восхищенія. На картинѣ вы видите живую природу во всей ея свѣжести, по природу въ полномъ убранствѣ, ц. мало того,—природу, являющуюся такъ, что она, своимъ присутствіемъ, сосредоточиваетъ вась на высококомъ предметѣ картины. Вся тайна—въ полной стройности ея съ предметомъ, въ совершенномъ спокойствіи сочненія, первыхъ признакахъ того, что въ душѣ художника жилъ предметъ, а не желаніе выставить на томъ или другомъ свое искусство и свою силу... Наброска одежды у нѣкоторыхъ фигуръ,—потому что у прочихъ она или еще не совершенно опредѣлена, или, по самому ихъ движенію или положенію, не могла занимать значительнаго мѣста,—такъ хороша, что переноситъ вась сама собою въ пластическій міръ древняго ваянія... Послѣдній вѣнецъ всего—высокое благородство рисунка и образцовая, типическая красота не только лицъ, но вообще

всего, входящаго въ картину... До сихъ поръ тѣ фигуры, которыя окончены въ картинѣ Иванова, представляютъ истинно художественные образцы лицъ, въ нихъ изображенныхъ. Не забудьте, что эти лица—лицъ Спасителя, Иоанна Предтечи и тѣхъ изъ послѣдователей Христа, которыхъ дѣянія, въ церкви христіанской, поставили на первую ступень человѣческаго величія... Вотъ лица, образцы которыхъ нужно было создать художнику. Рѣшимся ли мы укорять его за то, что онъ не скоро останавливается на найденномъ, не бываетъ доволенъ описаннымъ, и, не смотря ни на требованія нетерпѣливыхъ соотечественниковъ, ни на укоры товарищей, не подчиняясь даже житейскимъ нуждамъ, борясь съ ними со всею бодростью силъ, остается неизмѣнно вѣрнымъ искусству?... Величавыя и высоко вознесенныя надъ обиходною человѣческою природою выраженія главныхъ лицъ дѣлаютъ то, что лица крестьянскихъ кажутся чрезчуръ обыкновенными. Можетъ быть, дѣйствительно художникъ былъ въ нихъ слишкомъ вѣренъ тѣмъ народнымъ образцамъ, которыхъ глубокое изученіе отпечаталось на всѣхъ возможныхъ выраженіяхъ чувствъ, во всѣхъ восторженныхъ особахъ. Но это еще дѣло окончанія, теперь пока все это—портреты, и потому объ нихъ еще нельзя судить окончательно.“... „Пора намъ уѣхать и убѣдить міръ—говорилъ Чижовъ въ заключеніе,—что наша народность имѣетъ собственное свое содержаніе, что подражаніе было только первымъ шагомъ ея на пути къ развѣтлю“¹⁾, и далѣе: „Къ борьбѣ съ общественными нападками, съ гнетомъ обстоятельствъ, присоединилась (у Иванова) сильная глазная болѣзнь, самая ужасная изъ болѣзней въ быту живописца. Въ теченіи 4-хъ послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ мною за границею, онъ едва ли имѣлъ полныя 4 мѣсяца, когда онъ могъ совершенно отдаться работѣ. Вотъ еще одно, что очень сокращаетъ 9 лѣтъ работы надъ картиною,—общій, доселѣ единственный укоръ его произведенію. Теперь, слава Богу, состояніе глазъ его далеко лучше прежняго; къ тому же и самая картина доведена до той степени, когда уже трудъ сдѣлался опредѣлительнѣе,

потому что большая часть рѣшена и подготовлена къ окончательной отдѣлкѣ.“

Но всѣхъ силнѣе выразился Гоголь въ 1846-г., напечатавъ въ своей знаменитой книгѣ „Избранный изъ переписки съ друзьями“ (подъ № XXIII), письмо къ М. Ю. Вѣльгорскому подъ заглавіемъ: „Историч. живописецъ Ивановъ“. „Доселѣ раздавался ему упрекъ въ медленности—писалъ Гоголь. Говорили всѣ: „Какі! 8 лѣтъ сидѣлъ надъ картиною, и до сихъ поръ картинѣ нѣтъ конца?“ Но теперь этотъ упрекъ утихнулъ, когда увидѣли, что и каляя времени у художника не пропала даромъ; что однихъ этюдовъ, приготовленныхъ имъ для картины, наберется на цѣлый залъ и можетъ составить отдѣльную выставку; что необыкновенная величина самой картины, которой равной еще не было (она больше картинъ Брюлова и Бруни), требовала слишкомъ много времени для работы, особенно при тѣхъ малыхъ денежныхъ средствахъ, которыя не давали ему возможности имѣть нѣсколько моделей вдругъ, и притомъ такихъ, какихъ бы они хотѣли. Словомъ, теперь всѣ чувствуютъ негѣдность упрека въ медленности и лѣни такому художнику, который, какъ труженникъ, сидѣлъ всю жизнь свою надъ работою и позабылъ даже: существуетъ ли на свѣтѣ какое нибудь наслажденіе, кромѣ работы. Еще болѣе будетъ стыдно тѣмъ, которые упрекали его въ медленности, когда узнаютъ и другую сокровенную причину медленности. Съ производствомъ этой картины связалось собственное, душевное дѣло художника. Явленіе слишкомъ рѣдкое въ мірѣ, явленіе, въ которомъ вовсе не участвуетъ произволъ человѣка, но воля Того, Кто выше человѣка. Такъ уже было опредѣлено, что бы надъ этою картиною совершилось воспитаніе собственнаго художника, какъ въ рукотворномъ дѣлѣ искусства, такъ и въ мысляхъ, направляющихъ искусство къ законному и высшему назначенію. Предметъ картины, какъ вы уже знаете, слишкомъ значителенъ. Изъ Евангельскихъ мѣстъ взято самое труднѣйшее для исполненія, доселѣ еще небранное нѣкъ изъ художниковъ, даже прежнихъ Богомольно-художественныхъ вѣковъ, а именно—первое появленіе Христа народу... [слѣдуетъ описаніе картины]. Не легко изобразить на лицахъ весь этотъ ходъ обращенія человѣка къ Христу! Есть люди, которые увѣрены, что великому художнику все доступно: земля, море, человѣкъ и моленіе Богу, словомъ—все

¹⁾ „Мнѣ ваша картина—не только ваше произведеніе, мнѣ въ ней видна будущность цѣлой школы,—писалъ тотъ же Чижовъ самому И.—пу еще 9 сент. 1842. — Получай я лѣтъ тысячъ въ годъ, я бы раздѣлялъ ихъ съ вами, принудилъ бы васъ слѣпо взять у меня“...

можетъ достаться ему легко, будь онъ талантливый художникъ, да поучись въ Академіи. Художникъ можетъ изобразить только то, что онъ почувствовалъ и о чемъ въ головѣ его составила уже полная идея: иначе картина будетъ мертвая, академическая картина. Ивановъ сдѣлалъ все, что другой художникъ почелъ бы достаточнымъ для окончанія картины. Вся матеріальная часть, все, что относится до умнаго и строгаго размѣщенія группы въ картинѣ, исполнено въ совершенствѣ. Самыя лица получили свое типическое, согласно Евангелію, сходство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, сходство еврейскія. Вдругъ видишь по лицамъ, въ какой землѣ происходитъ дѣло. Ивановъ повсюду бѣдиль нарочно изучать для того еврейскія лица. Все, что на касается до гармоническаго размѣщенія цвѣтовъ, одежды человѣка и до обдуманной ея наброски на тѣло, изучено до такой степени, что всякая складка привлекаетъ вниманіе знатока. Наконецъ, вся ландшафтная часть, на которую обыкновенно немного смотритъ историческій живописецъ, видъ сей живописной пустыни, окружающей группу, исполненъ такъ, что изумляются сами ландшафтные живописцы, живущіе въ Римѣ. Ивановъ для того просиживалъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ нездоровыхъ Понтийскихъ богатыхъ и пустынныхъ мѣстахъ Италии, перенесъ въ свои этюды всѣ дикія захолусты, находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камешекъ и древесный листокъ, словомъ—сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, все изобразилъ, чему только нашелъ образецъ. Но какъ изобразить то, чему еще не нашелъ художникъ образца? Гдѣ могъ найти онъ образецъ для того, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины,—представить въ лицахъ весь ходъ человѣческаго обращенія ко Христу? Откуда могъ онъ взять его—изъ головы? создать воображеніемъ? постигнуть мыслью? Нѣтъ, пустыня!—холодна для этой мысли и ничтожно воображеніе. Ивановъ напрягалъ воображеніе, елико могъ, старался на лицахъ всѣхъ людей, съ какими встрѣчался, ловить высшія движенія душевныя, оставался въ церквахъ слѣдить за молитвою человѣка,—и видѣлъ, что все безсильно и недостаточно, и не утверждаетъ въ его душѣ полной идеи о томъ, что нужно. И это было предметомъ сильныхъ страданій его душевныхъ и виною того, что картина такъ долго застывала. Нѣтъ, пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія ко Христу,

не изобразить ему того на полотнѣ...¹⁾ Достоинство картины уже начинается обнаруживаться всѣмъ. Весь Римъ начинаетъ говорить гласно, судя даже по нынѣшнему ея виду, что подобнаго явленія еще не показывалось отъ временъ Рафаэля и Леонарда да Винчи. Будетъ окончена картина, такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухъ сотъ тысячъ*.

Послѣдній, кто писалъ въ то время про И—ва, это нѣкая писательница *Е. И. К.*, напечатавшая въ „Москвитинѣ“ 1848 (ч. VI, № 11, „Моск. лѣтоп.“, с. 5 и 6) статью объ Айвазовскомъ. „Нельзя не обратить вниманія на плодovitость А—го,—говорила она—и на необыкновенную скорость его работы. Находятся люди, которые укоряютъ его за это точно также неосновательно, какъ укоряютъ за медленность Иванова, имя котораго знакомо многимъ русскимъ по слуху, уважается всѣмъ, кто видѣлъ въ Эрмитажѣ прекрасное его произведеніе—„Христосъ являющийся Магдалинѣ“, и высоко чтится нѣкоторыми свѣдѣтелями теперешней его неоконченной работы—„Явленіе Мессии на проповѣдь“. Девять уже лѣтъ трудится надъ нею художникъ, и третья доля картины еще не кончена. Конечно, нельзя никому ругаться за то, что еще не сдѣлано; однако, можно поручиться, по крайней мѣрѣ, за то, что искусство есть тайна, которая не знаетъ времени, не беретъ въ расчетъ усилій и не подчиняется никакому измѣненію“ (все это,—б. ч., выписки изъ 2-й статьи Чижова, безъ указанія, впрочемъ, источника).

Изъ приведенныхъ отзывовъ, заимѣли Шеврева и Погодина, кажется, были неизвѣстны И—ву, но относительно 1-й статьи Чижова (которую старикъ И—въ привѣлъ за произведеніе В. П. Григоровича) онъ писалъ отду въ декабрѣ 1848: „Статья о русс. художникѣ, напечатанная въ Академ. Вѣдомостяхъ, написана Чижовымъ, профессоромъ Петерб. университета. Онъ теперь здѣсь, въ Римѣ, постарался со мною сблизиться и мы теперь съ нимъ какъ друзья. Однако, наша пріязнь началась по напечатаніи его статьи, о кото-

¹⁾ Еще въ янв. 1845 Гоголь писалъ И—ву: „Работа ваша соединена съ вашими душевнымъ дѣломъ, и покуда въ душѣ вашей не будетъ, кистью высшаго художника, начертана эта картина, покуда не напишется она вашею кистью на холстѣ. Когда же напишется она на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли“...

рой я совсѣмъ не зналъ, и потому не думайте, чтобы тутъ закрадывалась съ моей стороны какая охота къ печатнымъ похваламъ: я, право, не Г—скій.“ По поводу же статьи Гоголя онъ сообщалъ Чичову въ юнѣ 1848: „Читалъ я на дняхъ его книгу „Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями.“ Не знаю, за что это на него такъ нападаютъ—тамъ есть превосходныя мѣста. Жаль, однако жъ, что онъ тамъ написалъ обо мнѣ и Гюгдѣ: эти мѣста невѣрны.“ Затѣмъ въ свою записную книжку онъ занесъ слѣдующее (Рукоп. Румянц. Музея, № 2194): „Ник. Вас. Гоголь сдѣлалъ меня извѣстнымъ, вывелъ на трескучую мостовую человѣческихъ страстей: ходя по буграмъ и кочкамъ, трудно идти, невозможно спокойно углубляться въ нисходящія думы. Этотъ опытный христіанинъ пропустилъ весьма важный фактъ христіанства, что, прежде чѣмъ не вырѣзълъ человѣкъ и не почувствовалъ самъ себя окончаніемъ, не должно ему выходить къ людямъ, которые, по слабости своей природы, готовы загрузить набраннаго—своими тяготами“. Но Гоголю онъ все-таки написалъ въ дек. 1847 г., по прочтеніи его статьи, что цѣлуетъ и обнимаетъ его въ знакъ совершеннаго съ нимъ замиренія (объ ихъ размолвѣ—рѣчь впереди). Послѣ этого не было объ И—вѣ слуховъ въ печати почти 10 лѣтъ.

Продолжая все время попрежнему работать надъ своей большой картиной, для производства которой ему приходилось столько унижаться, хлопоча о всякаго рода субсидіяхъ, И—въ дѣлалъ все новыя и новыя этюды къ ней, лишь только болѣзнь не препятствовала его занятіямъ. „Теперь живу за городомъ и работаю этюды для моей картины“,—пишетъ онъ брату изъ окрест. Рима въ авг. 1844; „сильно пораженъ былъ видомъ Рима на 9-й верстѣ, въ Альбано, и занялся этимъ видомъ“—сообщаетъ онъ ему же лѣтомъ 1845, или еще: „вчера поздно пріѣхалъ я со всѣмъ приборомъ изъ горъ въ Римъ, гдѣ уже останусь до послѣднихъ чиселъ іюля будущаго года“—говоритъ въ друг. письмѣ отъ 10 (12) сент. Но около 1844, его видимо, начинаютъ уже занимать другіе сюжеты—правда, тоже Библейскіе. Такъ, изъ письма къ отцу отъ іюля 1844, мы узнаемъ, что, почувствовавъ его нужду имѣть книгу „Пророковъ“, вдова Баратынскаго обѣщалась ему ее доставить въ Неаполь; прося Чичова въ октябрѣ того же года купить соч. Pio „De l'art chrétien“, онъ спрашиваетъ его: можно ли купить Библію черезъ Зайцевскаго; поручаетъ въ февр. 1845

Гоголю узнать въ Парижѣ: вышелъ ли послѣдній томъ Библія, въ изд. S. Cahen, т. е. Эсфирь, Іовъ, Псалмы, Притчи, Экклезиастъ, Псалмъ Псалмъ, такъ какъ прочіе 15 томовъ онъ уже имѣетъ и читаетъ, находя это изданіе чрезвычайно любопытнымъ; тоже порученіе даетъ брату 10 (22) сент. того года, прося также купить Евангеліе на франц. языкѣ, хотя въ мартѣ просилъ его привести славянскую Библію; лѣтомъ 1846 сообщаетъ Шевыреву, что думаетъ сѣздить дней на 10-ть въ Палермо для срисовки греч. мозаикъ въ Монреале, а осенью—Гоголю, что занимался въ Неаполит. библиотекѣ древностями Египта и рѣшился имѣть собственностью лучшее изданіе, т. е. Розеллини „Monumenti di Egitto e di Nubia“, несмотря на дороговую цѣну—100 скудъ; о томъ же читаемъ и въ его записной книжкѣ подъ 18 сент. 1847. Все это показываетъ, что тогда же у И—ва ронялась въ головѣ мысль объ иллюстрированіи св. Писанія.

Рядомъ съ этимъ, заботясь „о доставленіи себя способамъ на окончаніе картины“, И—въ нашелся вынужденнымъ „заняться сочиненіемъ запрест. образа въ храмъ Спаса въ Москвѣ, архитекторъ коего, Тонъ, весьма желалъ ему поручить его“. Получивъ такое предложеніе, онъ, со свойственной ему добросовѣстностью, тотчасъ же принялся за всестороннее изученіе предмета, долженствовавшего послужить сюжетомъ для будущей работы. „Сочинивъ образъ Воскресенія Христова—писалъ онъ Смирновой 12 февр. 1845,—тысячи нужно свѣдѣній для меня: нужно знать, какъ онъ былъ понимаемъ нашею правосл. церковью въ то время, когда религія не была трупомъ; нужны совѣты нашихъ образованныхъ богослововъ и отцовъ церкви... Но я увлекся сочиненіемъ „Воскресенія“ не для того, чтобы жадно пріобрѣсти значительный задатокъ, но потому, что двухмѣсячнымъ чтеніемъ и думами пріучилъ мысли мои строико слѣдовать въ глубину новаго предмета. Чтобы отдалить отъ меня эти новыя мысли, нужно время; я постараюсь все это оставить, но не вдругъ“. „Позовите, пожалуйста, брата моего къ вамъ,—проситъ онъ Лыжкова въ томъ же февралѣ,—и укажите ему, гдѣ бы можно было въ Москвѣ найти иконныя образа—побораженія Воскресенія Христова, и съ этихъ композицій, въ какихъ бы онъ уродливыхъ формахъ ни были, потрудился бы мнѣ начертить [онъ копія] въ маленькомъ видѣ, дабы имѣть понятіе, какъ греки передали сей образъ, когда сочиненія церковныя вы-

ходили из самой церкви, безъ претензій на академизмъ, который насъ теперь совсѣмъ заурядилъ“. „Ты мнѣ сдѣлаешь существенную услугу, — объясняетъ онъ и брату, — безъ которой я совсѣмъ не могу сочинить этого образа. Если изображенія иконныя развѣются между собою, то все мнѣ передай“.

„Три мѣсяца сочиняя 40. эскизъ Воскрес. Христ., я все поджидалъ Тона въ Римъ — сообщалъ И — въ Гоголю 15 марта того же года. Его встрѣтили всѣ торжественнымъ обѣдомъ, гдѣ онъ объявилъ мнѣ громкогласно, что поручаетъ мнѣ самую отличнѣйшую работу въ Моск. храмѣ, т. е. на парусахъ написать 4-хъ евангелистовъ, прибавивъ, что его слово вѣрно и неизмѣнно. Всѣ съ шумомъ бросились меня поздравлять. А я, пораженный горько переменной сюжета, не зная, что дѣлать? Тонъ, какъ видно, удивлялся моему безвощищенію, потому что всѣ были въ полномъ восторгѣ, которымъ онъ раздалъ другія порученія. Образъ Воскресенія остался за К. Брюлло. Студіей моей онъ (Тонъ) очень доволенъ; но взгляды его на искусство наше устарѣли, если еще и былъ прежде воспитанъ въ высокой типичн. Рима. Въ разговорахъ онъ съ нами казался какинъ-то хозяиномъ-повелителемъ: давая порученія, онъ привыкъ видѣть получающихъ уже весьма осчастливленными“. „Сочинялъ я три мѣсяца образъ Воскр. Христ. [всѣ эскизы его наход. въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ] — писалъ И — въ брату около того же времени, — читая все около моего предмета; срисовалъ все относительно его въ Ватиканѣ, съ греческихъ и нашихъ образовъ старинныхъ; отнялъ вѣрно много времени (отъ своей работы) и, наконецъ, все кончилось... Не сердись, братъ, на Тона — онъ не виноватъ: онъ извѣстенъ давно, какъ невѣрный въ словѣ. Мы съ тобой виноваты, что, зная это, ему повѣрили... К. Тонъ былъ принятъ съ общимъ восторгомъ; кромѣ Монигетти, всѣ охотно его окружали. На другой день пріѣзда давали ему обѣдъ; подъ конецъ обѣда все превратилось въ неистовый шумъ. При отъѣздѣ тоже былъ данъ обѣдъ, а въ послѣдній день К. А. Тонъ намъ вдалѣ обѣдъ, гдѣ уже было раздолье. Но это все не важно и не замѣчательно, а вотъ что важно — что пріѣздъ Тона окончилъ совершенно свободное состояніе художника. Это правда, что все къ этому уже было готово. Молодое поколѣніе, видя въ наставникахъ своихъ — безбожниковъ, пьяницъ, гулякъ, вартужниковъ и эгоистовъ, приняло всѣ

эти качества въ основаніе, и вотъ свобода пенсіонерская, способная усовершенствовать, оперить и окончить прекрасно начатаго художника, — теперь была обращена на усовершенствованіе необузданностей. Некогда думать, некогда углубляться въ самого себя и оттуда вызывать предметы для исполненія... Разумѣется, что тутъ уже лучше заняться заказной работой — вотъ вамъ, г. г., и цѣны; Тонъ привезъ работы — вотъ вамъ сюжеты, вотъ мѣры; вдалѣ — деньги и приставники, чтобы работали, а не кутили, а, можетъ быть, и вызовъ безвременный въ Россію. Прощай все прекрасное, все нѣжно-образованное, прощай соревнованіе русскихъ съ Европой на полѣ искусства! Мы — пошлые работники, мы пропили и промотали свою свободу. Самое интересное вотъ что: Тонъ ругаетъ иностранцевъ-художниковъ, а что касается до меня, я глубоко уважаю иностранные таланты, и охотно ставлю выше своихъ — по убѣжденію. Ненавижу я иностранцевъ посредственныхъ и плохихъ, пріѣзжающихъ къ намъ подавать все наше и оставлять своихъ сыновъ на погибель своей народности“.

Но и послѣ неудачи съ образомъ Воскрес. Христ., И — въ не переставалъ интересоваться иконной живописью. „У меня еще секретъ, — повѣрялъ онъ брату своему 10 (22) сент. 1845, — который должны знать только трое, т. е. я, ты и Чижовъ, виновники его. Мы должны переговорить втроемъ о путешествіи въ отечество Кирилла и Меодія — этихъ двухъ славянъ, важныхъ служителей всей Россіи: они намъ принесли религію и съ нею поставили первый камень своего образованія. Чижовъ, путешествуя въ сихъ краяхъ, нашелъ много сокровищъ для себя, для тебя, какъ для архитектора, и для меня, какъ для живописца, старающагося узнать корень иконной живописи русской. Это тайна, которую ты не долженъ говорить даже батюшкѣ: онъ можетъ проговориться и нашъ замыселъ потеряетъ дѣятельность“. Однако, этому не суждено было осуществиться. „Онъ (пейзажистъ Солнцевъ) мнѣ сказывалъ, — сообщалъ И — въ Чижову въ октябрѣ же, — что братъ его назначенъ, по именному повелѣнію, ѣхать въ Славянскія земли и въ Италію для срисовки всего, соприкосновеннаго русскимъ шоломъ и древностямъ. Вотъ наше проектированное путешествіе въ Албанію — хорошо, что еще русскому оно досталось“. Въ связи съ желаніемъ изучить русс. иконную живопись находятся, вѣроятно, и хлопоты И — ва о подученія „Памятн-

8. Эскизъ „Воскресенія изъ мертвыхъ“, раб. А. А. Иванова.
 (изъ изд.: „Изображенія изъ Свящ. Писанія оставл. эскизовъ А. А. Иванова“, Берлинъ 1879—87,
 какъ и снимки подъ №№ 7, 10, 11, 12).

вовъ Моск. древности" Снегирева, черезъ посредство Шевырева, въ концѣ 1846 г., а также внимательное изученіе имъ трудовъ по Русск. исторіи Ардыбашева и Карамзина. „Вы противъ Ардыбашева?—пишетъ онъ тому же Шевыреву лѣтомъ 1846,—а мнѣ онъ нравится болѣе Карамзина: у Карамзина, прекраснымъ русскимъ слогомъ, очень вѣжливо и учтиво выглажены всѣ остроты, оригинальности и рѣкости, такъ что все, что свадѣ текста, въ концѣ книги, то лучше самой книги. Извините, пожалуйста, что я пустился говорить съ вами дерзко. Но, право, это только порывъ русскаго къ истинѣ“...

Ко времени исполненія эскизовъ образа „Воскрес. Христ.“ относится еще друг. работа И.—ва: 41. „Рѣчь Христа на горѣ Элеонской о второмъ пршествіи“ (в. 10, ш. 14 верш.; вышъ у М. П. Вотики).

Вѣчно заботясь, кромѣ нынѣшнихъ средствъ къ продолженію своего труда, еще о собственномъ самообразованіи, а также о направленіи занятій брата Сергія, пригтовлявшагося уже къ заграничному путешествію, въ качествѣ пенсионера Акад. (причемъ онъ составлялъ ему даже маршрутъ), И.—въ не переставалъ заботиться и о другихъ русск. художникахъ въ Римѣ, рекомендуя ихъ своимъ вліятельнымъ друзьямъ для доставленія имъ заказовъ и вообще занятій по худож. части, хотя зачастую встрѣчалъ, вмѣсто благодарности, однѣ только непріятности.

„Замѣть, пожалуйста, что въ Римѣ и вообще въ Италіи,—поисняетъ онъ брату 18 окт. 1845,—все оканчивается XVI-мъ столѣтіемъ; что все, что послѣ этой эпохи дѣлалось на свѣтѣ, едва знаютъ по слуху и, слѣдоват., ни эстамповъ для архитектора, ни книгъ, ни матеріаловъ,—нпчего нѣтъ, все дрянъ, все веи изъ Парижа.“ „Пожалуйста, ты не надѣйся на Римъ въ разсужденіи свѣдѣній,—подтверждаетъ онъ въ янв. 1846,—здѣсь только одна нзаячная архитектура на самой практикѣ, т. е. монументы стоять въ оригиналахъ всякаго рода. Но ученость и свѣдѣнія, описанія и измѣренія,—все, все въ Парижѣ и Лондонѣ, а потому ты веи съ собою книги о механикѣ и физикѣ“...

„Я былъ все свободное время занятъ „Солнцевымъ (Ег. Гр., пейзажистомъ), котораго теперь очень заучилъ,—сообщалъ И.—въ Языкову лѣтомъ 1845: это брало золотая, русское золото, нужно, чтобы его обработать,—надежда веи на его 26 лѣтъ“; нѣсколько же похвалѣ, въ октябрѣ того же года,—Чижову: „Но Солнцевъ лѣнливъ и хвастунъ, все хвалитъ себя и свою

работу—плохой знакъ для высоты художнической“. Затѣмъ И.—въ хлопотѣхъ, лѣтомъ 1846, о доставленіи возможности Гр. К. Михайлову, какъ видно изъ ихъ переписки, къ налучшему исполненію имъ портрета граф. С. П. Апраксина „во славу русск. искусства“; печется также, осенью 1844, о возвращеніи на худож. поприще В. А. Серебрякова; въ концѣ 1845—о Борисполѣдѣ и въ началѣ 1846—о Чмутовѣ; указываетъ Языкову или Шевыреву въ авг. 1844 (?) на Завьялова и Пименова, какъ особенно способныхъ занять мѣста профессоромъ „въ новой Акад. Худож. въ Москвѣ“ (т. е. въ Моск. Училищѣ живописи и ваиня), а въ концѣ 1846, сообщая Шевыреву нѣск. мыслей въ разсужденіи Рисов. класса Московскаго, старается убѣдить, что „Завьяловъ для него - драгоценность: никто лучше его не знаетъ рисунокъ, такъ строго и учено. Еслибъ Завьяловъ обилнѣлъ былъ въ творчествѣ и литературныхъ занятіяхъ, тогда бы онъ не имѣлъ терпѣнія быть учителемъ рисованія; но человекъ вообще самолюбивъ и, чѣмъ меньше вообще онъ имѣетъ даровъ отъ природы, тѣмъ болѣе онъ думаетъ, что ими владѣетъ; русскій же притомъ гораздо раздѣрчивѣе, потому что идетъ въ раздоръ жившихъ и живущихъ другихъ народовъ“... Наконецъ, любопытны поведенія И. о Сорокинѣ и Капковѣ. Прослышавъ, что первый работалъ на конкурсѣ вмѣстѣ съ Конст. Григоровичемъ, „а т. к. у него была весьма замѣчательная программа, Вас. Ив. Григоровичъ (конференцъ секретарь Акад. Худож.) далъ Сорокину мѣсто внутри Россіи, съ тѣмъ, чтобы не выставлялъ онъ своей картины“, И.—въ пишетъ Молдеру 28 дек. 1848: „О Сорокинѣ я давно слышалъ, что онъ имѣетъ способности, какими никто еще не былъ надѣленъ изъ учащихъ въ Академіи... Сами согласитесь, если все тѣ, что тутъ сказано, правда, то уже величайшій подвигъ со стороны вашей будеть, если Сорокина выручить изъ тѣмъ мірскихъ выгодъ на свѣтѣ Божій, въ Римѣ. Что касается до меня, то я готовъ тутъ употребить деньги на его путешествіе и первую его здѣсь обстановку“. Относительно втораго онъ прибавлялъ тутъ же: „Судя по отзывамъ Капкова, этотъ нашъ талантъ желалъ отдать себя въ жертву своимъ родителямъ и брату, то мы теперь должны видѣть въ этомъ только превосходную душу русскую и не допускать до паденія прекрасныхъ его способностей по искусству. Если онъ согласится жить со мной въ одномъ здѣсь

домѣ, то тутъ можетъ быть весьма полезная связь между молодымъ историч. живописцемъ и мною“.

Вотъ насколько И—въ былъ не только далека отъ всякой зависти, какъ истинный талантъ, къ другимъ худож. силамъ, вновь появившимся на горизонтѣ, но еще расположенъ къ собственнымъ лишениямъ и неудобствамъ ради спасенія другихъ, въ комъ видѣлъ, хотя бы и ошибочно, хорошіе задатки. Поэтому совершенно справедливо онъ могъ писать неизвѣстному (б. м., Шевыреву) въ апрѣлѣ 1846, отклоняя предложеніе заняться, за врем. жалованье, надзоромъ надъ художниками при производствѣ копій, назнач. имъ отъ имп. Николая I въ Римѣ, Пави, Флоренці и Болоніи. „Что же касается до меня, то студія моя, всегда закрытая для публики, открыта для моихъ родныхъ братій русс. художниковъ,—это подтвердитъ самый младшій изъ нихъ. Жалованье за это брать я стыжусь и думать, хотя нахожусь въ совершенномъ безденежьи“. Вообще онъ былъ сильно противъ платы за подобный трудъ. „Мнѣ кажется, учитель въ Академіи на жалованьи изъ себя дѣлаетъ пошлаго чиновника“—писалъ онъ Шевыреву въ концѣ 1846.—Эту форму должно избѣгнуть въ будущемъ устройствѣ“ (т. е. въ Москвѣ).

1846—54.

Зато, какіе часто невзгоды преслѣдовали И—ва за его безкорыстныя заботы о другихъ. „Будучи свидѣтелемъ заказовъ царскихъ въ Римѣ для моихъ братьевъ русс. художниковъ“,—сообщаетъ онъ неизвѣстному (б. м., Смирновой) въ маѣ 1846, послѣ посѣщенія имп. Николая I,—я, какъ опытный художникъ, ввѣлся охранять ихъ распоряженія. Изъ этого безкорыстнаго самоотверженія и свободного дѣйствія моей души вылилось уланское чувство, за подписью Адлерберга, гдѣ видно, что Киль (нов. начальникъ надъ русс. художниками въ Римѣ) почувствовалъ во мнѣ для себя надобность, вздумалъ обращаться со мной, какъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ, и, не спрося моего ни мѣнія, ни согласія, прямо написалъ бумагу, представивъ меня какъ нестоящаго довѣренности слуга Государю“...

Съ этимъ Килемъ у И—ва не разъ уже бывали непріятности. „Говорили,—писалъ онъ Гоголю еще въ нояб. 1844,—что у насъ будетъ, вмѣсто покойнаго Кривцова, Киль, курляндецъ. Я его образъ мыслей внаую, и съ нимъ

уже имѣлъ ссору“; затѣмъ, въ друг. письмѣ отъ февр. 1845: „Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы безъ его соприкосновенія къ моимъ дѣламъ могло бы устроиться мое положеніе“ или, еще разъ, 15 марта: „Я его рѣшился не пускать въ студию и къ нему не представлялся: это, м. б., поведетъ меня къ бѣдамъ, но, скажите, какъ мнѣ быть?“ А нѣсколько ранѣе, въ письмѣ къ Смирновой отъ 12 февр. 1845: „Я еще предвижу самое грозное для меня—это Киль. Десять лѣтъ назадъ я съ нимъ имѣлъ небольшую непріятность, которую онъ мнѣ не забудетъ теперь выместить... Маракуня что-то такое акварелью, въ глазахъ свѣта это даетъ ему право быть судьей художниковъ. Благодарилъ бы я судьбу, еслибы задвигка моей студиі не отворилась бы ни для кого уже“... Однако, ему не удалось избѣгнуть новыхъ столкновений съ новымъ начальникомъ надъ русс. художниками въ Римѣ, а потомъ и съ секретаремъ дирекціи Зубковымъ. Хотя И—въ, получивъ предписаніе отъ послѣдняго ждать г.-м. Киль, какъ заведующаго Высочайшими заказами въ Римѣ, у себя въ мастерской въ опредѣленный день и часъ (5 янв. 1847, отъ 10 до 12 дня), и отвѣтилъ Зубкову, что, работая безостановочно надъ своею картиною въ виду данной при полученіи денегъ отъ Государя подписки въ скорѣйшемъ ея окончаніи, онъ не можетъ уделить ни сколько времени для приѣма посѣтителей, почему и отказывается въ томъ же какъ самымъ близкимъ ему людямъ, такъ и глубоко уважаемымъ имъ госуд. лицамъ,—этимъ дѣло не ограничилось, и тогда И—въ составилъ цѣлый проектъ о преобразованіи инспекціи надъ русс. художниками въ Римѣ. По этому проекту, Гоголь долженъ былъ вступить на службу секретаремъ русс. художниковъ при кн. Г. П. Волконскомъ (сынѣ министра Имп. Двора), какъ главнымъ руководителѣ Киль; Чижову должны были предложить званіе агента (на мѣсто Зубкова, о чемъ И—въ писалъ уже ему осенью 1846); Киль же оставался бы только попечителемъ „художниковъ 3-го званія, имѣющихъ надобность въ помощи“ и передавалъ бы всея пенсіонерамъ. „Вся ваша дѣятельность—сообщалъ онъ Гоголю 22 янв. 1847—будетъ писать отчеты обо всѣхъ насъ, во все продолженіе окончанія моей картины. Вы, геніальнымъ перомъ вашимъ, приготовите Государю на вѣрную оцѣнку нашихъ художническихъ произведеній, которыя, въ продолженіе этого же времени, будутъ имѣть свое окончаніе. Отчеты будутъ печататься по Высочайшему повеленію, и, слѣдоват., приготовить

публику русскую понимать величіе и высоту художника русскаго... Должность его (Чижова) будетъ замѣнить начитанность художническую, т. е. онъ, вмѣсто насъ, будетъ читать книги необходимыя на разныхъ языкахъ и выносить намъ оттуда результаты, приспособленныя къ художнической точкѣ зрѣнія, изъ чего, вы, пожалуй, составите книгу для образованія молодыхъ, будущихъ въ Россіи, художниковъ. Къ этому онъ знаетъ математику — слѣдоват., нулеи и архитекторамъ. Ему будетъ вѣрена и библиотека, которой приращеніе будетъ завистъ отъ васъ и общаго совѣта нашего, подъ предводительствомъ князя. Онъ будетъ имѣть казенныя двѣ комнаты на сей конецъ. Князь можетъ тогда оставить доктора и эти деньги обратить на покупку книгъ¹⁾.

Но этотъ проектъ принесъ И—ву, вмѣсто пользы еще больше бѣды, чѣмъ все остальное. Онъ могъ поссорить его съ Чижовымъ и сильно поколебалъ прежнія отношенія съ Гоголемъ. Въ первомъ случаѣ дѣло обошлось гораздо проще, благодаря чрезвычайной мягкости профессора¹⁾, но во второмъ — произошелъ почти полный разрывъ. Сознавъ свою ошибку, И—въ писалъ Чижову въ началѣ 1848: „Неопытность моя въ обращеніи съ людьми сравить меня на каждомъ шагѣ и особливо въ письменныхъ выраженіяхъ. Я долженъ, наконецъ, сказать, что много пострадалъ въ этомъ году отъ (своихъ) писемъ къ друзьямъ. Однакожъ, ваше отъ 24 декабря непрѣменно вызываетъ меня на это дѣло. Богу угодно, чтобы страданіями приобрѣтала я опытность. Прошу предварительно снизить къ выраженіямъ: я не литераторъ. Прошу также взять въ соображеніе, что человекъ всегда находится подъ какой-нибудь минутой его страсти, которая иногда овладѣваетъ и самимъ разумомъ. Однимъ словомъ, пригото-

¹⁾ На сколько вообще деликатенъ былъ въ своихъ выраженіяхъ Чижовъ—видно изъ слѣд. словъ письма его къ И—ву отъ 11 іюля 1848: „Гоголь сдѣлалъ очень хорошо, что написалъ вамъ дружескій выговоръ; но, мой добрый швейцарскій А. А. Андр., никакіе выговоры васъ не исправятъ,—не сердитесь на меня за это. Возросши и сформировавшись въ тишинѣ вашей мастерской, въ каждое происшествіе, хотя на шагъ отступающее отъ обычнаго хода вещей, считаете уже потрясеніемъ... Дорога жизни велика, ...дорога жизни длинна; пора привыкать встрѣчать и неудачи. ...А вамъ нѣтъ возможности жить безъ заботъ“.

тесь мнѣ прощать. Къ чему каждый изъ насъ призванъ—это, мнѣ кажется, мы ни одинъ не можемъ разгадать. Углубляясь болѣе и болѣе въ собственную свою душу, я всегда объ одномъ только забочусь: чтобы въ предположеніяхъ моихъ никого не насловать и ни надъ кѣмъ не владычествовать“. Затѣмъ, нѣсколько позже: „Опять я въ искушеніи, опять пашу, опять боюсь. Въ послѣднемъ письмѣ... все-таки проглянуло у васъ какое-то неудовольствіе за тѣ, (что) я васъ назвалъ полемнымъ для нашего художническаго міра, тогда какъ я не только не хотѣлъ васъ этимъ обидѣть, но истинно утѣшить. Благодаримъ требуетъ восторжествовать надъ недоразумѣніями, и хотя бы стоило обоюдныхъ страданій, все прокладывать дорогу новымъ разъясненіямъ чувствъ и мнѣній. Изъ всего, что случается кругомъ меня, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что пока художникъ русскій не вступитъ въ печатный бой съ отечественными литераторами, до тѣхъ поръ не встаетъ искусству крѣпко и прочно на свои собственные базы. А чѣмъ это начнешь, какъ не письмами?“ На этомъ, судя по дальнѣйшей взаимной перепискѣ, и окончилась временная размолвка между двумя друзьями, если вообще можно такъ назвать эту мимолетную тѣнь, легшую было на ихъ отношенія.

Не такъ легко было позадить съ Гоголемъ, задѣтымъ за живое еще прежней запиской И—ва о возлагаемыхъ на него надеждахъ на пріѣздъ молодого гр. В. В. Апраксина, обѣщавшаго ему устроить его дѣла, о которыхъ вѣдалъ уже хлопотать Гоголь. Раньше того, по поводу письма И—ва изъ Неаполя отъ осени 1846 объ его неурядицахъ съ Зубковымъ, о предположеніи имъ этого мѣста Чижову и о нѣкотор. недоразумѣніяхъ съ Апраксиной, онъ писалъ своему другу 7 нояб.: „За него (т. е. за назв. письмо) слѣдовало бы васъ крѣпко выбрать, еслибы я не зналъ, что подобное малодушіе — не отъ васъ, а отъ нервъ вашихъ. Въ каждой строкѣ письма вашего слышно, что нервы ваши спалаты и бунтуютъ, не давая вамъ ни минуты покою. Охота вамъ заниматься всѣми вѣтшностями. Гнали бы свою картину и ничего больше — и все бы само собою пошло хорошо. Нѣтъ, вижу я слишкомъ хорошо, что у васъ нѣтъ полной любви къ труду своему“¹⁾. Теперь же онъ, столь нѣжно заботившійся о своемъ другѣ, постоянно утѣшавшій его во всѣхъ его невгодахъ и дававшій ему разные совѣты, не

стѣсняся ничѣмъ, обращаться по нѣскольку разъ то въ тому, то въ другому вліятельному лицу для устройства его дѣлъ, вдругъ написала истинно благоговѣвшему передъ нимъ человѣку (12 дек. 1846): «Въ жизнь мою еще не встрѣчалъ такой безпокойной головы, какъ ваша. Вамъ чудится и представляется, что о васъ должны всѣ хлопотать и метаться, какъ угорѣлыя кошеня, точно такимъ же самымъ образомъ, какъ вы мечетесь во всѣ стороны и углы, по поводу даже всякаго ничтожнаго, не только важнаго дѣла. ...Вы всѣмъ надоели и я не удивляюсь, почему даже Чижевъ пересталъ къ вамъ писать... Рѣшаюсь, собравши все свосѣтерѣніе, изъ котораго вы способны вывести всякаго человѣка, повторить вамъ въ послѣдній разъ: сидите спокойно, не наевернчайте по вашему дѣлу (потому что вы не умѣете поступать въ своемъ дѣлѣ благородно и здраво, а все дѣйствуете какими-то переулками, которые рѣшительно похожи на интриги), не безпокойте никого, молчите и не говорите ни съ кѣмъ о вашемъ дѣлѣ“...¹⁾»

Видимо, по отправленіи этого письма, Гоголь писалъ опять И—ву: «Вѣрно, вы не молитесь, или дурно молитесь. Еслибы вы молились такъ, какъ слѣдуетъ, письмо мое принесло бы вамъ радость, а не огорченіе... Много я бы далъ за тѣ, еслибы кто нибудь написалъ [мнѣ] письмомъ того же самаго содержанія и въ такихъ же самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. Истинно говорю вамъ, что я... поблагодарилъ бы человѣка, который твердо говорить мнѣ оставить работу о своемъ дѣлѣ и положить на него. ...А вы не проникли даже въ смыслъ письма, въ простое содержаніе, доступное всякому простому человѣку, потому что видите всѣ вещи такъ, какъ представляють ихъ вамъ расстроенные глаза ваши, а не

¹⁾ Если Г. писалъ прежде нѣчто подобное И—ву, то гораздо сдержаннѣе, какъ, напр., 17 мая 1843: «А у васъ есть тотъ грѣхъ, что вы никогда не обдумываете дѣла, да и не можете обдумывать, потому что для этого нужно быть въ хладнокровномъ расположеніи духа. А вы взволнованы. Въ одинъ и тотъ же день вы уже успѣли въ трѣхъ написать письма, и письма безпокойныя. Вы будете отговариваться вашимъ характеромъ, который живо принимаетъ къ сердцу всякое дѣло и способенъ волноваться, но въ такомъ случаѣ вы должны сообразоваться съ вашимъ характеромъ, т. е. не предпринимать ничего до истеченія по крайней мѣрѣ двухъ дней послѣ всякаго полученнаго извѣстія“.

такъ, какъ онѣ есть дѣйствительно. Письмо, къ вамъ писанное, было писано вовсе не съ тѣмъ, чтобы бить лежащаго, но чтобы поднимать того, который изъ всѣхъ силъ старается лежать и валяться“.

Затѣмъ, желая своему другу наканунѣ новаго русскаго года, «чтобы онъ исполненъ былъ для него благодати небесной“ (Гоголь прибавлялъ: «За мои два письма, нѣсколько жесткія, не сердитесь. Что жъ дѣлать, если я долженъ именно такія, а не другія, письма писать къ вамъ“ — и посылалъ ему въ утѣшеніе свою молитву.

И уже послѣ всего этого, онъ отвѣчалъ (4 февр. 1847) И—ву, написавшему ему: «Не отвѣчаю ни на одно изъ трехъ вашихъ писемъ, потому что отвѣтъ боюсь похѣрить бумагѣ, только при свиданіи лично вы замѣтите: виновать я, или нѣтъ“,— въ такомъ духѣ: «Я съ изумленіемъ прочелъ ваше письмо, недоумывая, ко мнѣ ли оно писано? Предложеніе ваше, сдѣланное въ прошломъ году Чижевю, котораго вы хотѣли сдѣлать секретаремъ,—положимъ еще могло имѣть какой нибудь смыслъ, потому что Чижевъ занимался этой частью и притомъ не избралъ себѣ никакого отдѣльнаго поприща; но и ему неприлично было такое мѣсто: какъ бы то ни было, онъ профессоръ и приготовилъ себя вовсе не для того, чтобы сѣдять роль чиновника для письма. Но сдѣлать мнѣ такое предложеніе—ужъ этого сюррирва я никакъ не могъ ожидать²⁾... Но все это вдругъ вышло у васъ изъ головы, какъ бываетъ со всѣми тѣми людьми, которые не умѣютъ ничего хорошененько сообразить и обо всемъ порядочно подумать. И какой странный, рѣшительный тонъ письма: такой-то долженъ быть тѣмъ-то... Наконецъ, мнѣ самому предписаны границы и предѣлы моихъ занятій, такъ что я невольно спросилъ: да чья же здѣсь воля изъ-

²⁾ Быть можетъ, Г. еще отъ того былъ такъ разсерженъ предложеніемъ И—ва, что онъ уже раньше писалъ ему (20 сент. 1841): «Кривцовъ твердо увѣренъ, что я иду у него мѣста, и сказалъ Жуковскому, что онъ для меня приберегъ удивительное мѣсто—мѣсто библиотекаря еще помѣстѣ на существующей библиотекѣ. Итакъ, вы видите, что у васъ штатъ готовится огромный и на широкую ногу. Я однакожъ, какъ вы сами догадаетесь, за мѣсто поблагодарилъ, сказавши, что хотя бы Кривцовъ предложилъ мнѣ свое собственное мѣсто, то и его бы не взялъ, по причинѣ другихъ дѣлъ и занятій“.

является. По слогу письма можно бы подумать, что это пишетъ полномочный человѣкъ: герцогъ Лейхтенбергскій или князь П. М. Волконскій по крайней мѣрѣ. Всякому вѣдчаво и съ генеральскимъ спокойствіемъ указывается его мѣсто и назначеніе. Словомъ, какъ бы распоражался здѣсь какой-то крѣпшій, а вовсе не тотъ человѣкъ, котораго въ силахъ смутить и заставить потѣряться на цѣлый мѣсяцъ первая бумага Зубкова. Миѣ опредѣляется и постановляется въ законъ писать пять отчетовъ въ годъ—даже и число выставлено! И какія странныя выраженія: писать я ихъ долженъ геніальнымъ перомъ. Стоять отчеты ни о чемъ—геніальнаго пера?.. Какое странное ребячество въ мысляхъ и какое неразуміе даже въ словахъ, въ выраженіяхъ... Пора бы вамъ уже, наконецъ, перестать быть ребенкомъ! Но вы всякимъ новымъ подвигомъ вашимъ, какъ бы нарочно стараетесь подтвердить разнесшуюся нелѣпую мысль о вашемъ помѣшательствѣ... Ради Христа, гоните этого духа искушенія, присущаго вамъ, оболочающаго васъ, разгорачкающаго воображеніе ваше, поселяющаго въ васъ большое надменіе самимъ собой и увѣренность въ умѣ своемъ, вставляющаго васъ вълюбляться въ собственныя мысли, изъ которыхъ нины, если и не глупы въ основаніи своемъ, то выражаются у васъ въ такомъ видѣ, что скорѣй походятъ на бредъ човѣка въ горячкѣ!..

Можетъ статься, отвѣтомъ на это должно было служить слѣд. письмо, сохранившееся въ записной книжкѣ И—ва (Рукон. Румянц. Музея, № 2194), да не отправленное по назначенію: „Вы на меня разсердились, и это для меня всего несправедливѣе. Это правда, я не успѣлъ совершенно обдумать послѣдняго моего письма, а потому и вы его не такъ поняли. Писать о дѣлахъ моихъ я къ вамъ больше не буду—было бы совѣтъ безразсудно изъ-за какого-нибудь неудачнаго выраженія терять, что досталось не легко—драгоцѣнное знакомство съ вами. Постараюсь, подъ защитой молчанія, не тратить моихъ силъ ни на что другое, какъ на мое дѣло въ студии. Съ этой теократической системой все приметь свою существенную законченность и, что всего важнѣе,—я успѣю возвратить опять ваше прежнее ко мнѣ расположеніе“...

Самъ Гоголь, пожалуй, въ тотъ моментъ не имѣлъ полнаго представленія о томъ, какое собственно дѣйствіе должны были произвести на впечатлительнаго И—ва подобныя его письма, и потому, нѣсколько позднѣе, писалъ

ему, какъ ни въ чемъ не бывало, съ гр. Ив. Петр. Толстымъ (братомъ графа С. П. Апраксинской) и его женой (рожд. граф. Строгановой), 25 марта того же года (очевидно, до полученія к. а. писемъ): „Миѣ кажется, что непременно нужно, дабы всѣмъ слѣдѣлось извѣстно и очевидно ваше положеніе. Теперь же, я думаю, вы больше спокойны, чѣмъ прежде, а потому можете рассказать все, что претерпѣли,—покойно, не жалуясь ни на кого, не обвиняя никого, изображая только вѣрную картину испытаній, черезъ которыя провѣлѣть васъ Богъ. Не нужно скрывать ничего въ своей исторіи, ни даже черныхъ несправедливостей, вамъ оказанныхъ (въ словахъ должно быть всегда справедливу), но нужно рассказать такъ, чтобы слушающій васъ оставилъ въ сторонѣ судъ надъ врагами вашими (подобно вамъ самимъ) и проникнулся бы въ такой степени участіемъ къ тому положенію, въ какомъ можете очутиться всякій истинный художникъ, взглянувшій на трудъ, какъ на святое дѣло, что сталъ бы горой за васъ и употреблялъ бы съ тѣхъ поръ все, чтобы образумить тѣхъ, кому слѣдуетъ взглянуть разумно на всѣ эти вещи... Нѣчто, какъ о вашей картинѣ, такъ и о положеніи вашемъ, какъ художника, сказано мною въ одномъ изъ моихъ писемъ, напечатанныхъ отдѣльною книжкою [„Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями“]. Книги этой я не получилъ, а потому и не могу знать, что изъ этого письма оставлено, а что выброшено. А было бы хорошо, еслибы это письмо было доведено цѣликомъ до свѣдѣнія публики. Совѣтую вамъ также не гнѣваться на тѣ мои жесткія письма, которыя я писалъ къ вамъ изъ Неаполя. Повѣрьте, что ихъ полезно перечитывать, несмотря даже и на то, еслибы они были совершенно несправедливы. Говорю вамъ это по опыту. Если имѣете что сказать миѣ, обратитесь къ графу, или, лучше, графинѣ, и она миѣ это передастъ“.

Но И—въ отвѣтилъ Г. только слѣд. строками (въ апрѣлѣ того года): „Получилъ письмо ваше отъ графа. Толстой, но, т. е. письма ваши изъ Неаполя превъышали всѣ несправедливости, какія миѣ случалось претерпѣть въ эту зиму, то я рѣшился оставить это ваше письмо не распечатаннымъ, дабы не пострадать снова... Если уже вамъ очень нужно что-нибудь отъ меня, то гораздо миѣ легче къ вамъ прѣхать въ Неаполь, чѣмъ простѣе ваше письмо. Скажите черезъ кого-нибудь, и я сейчасъ прѣйду“.

Исполнивъ, однако, немедленно порученіе Гоголя, сдѣланное въ предыд. письмѣ, насчетъ пересылки его письма Чижову, И—въ получилъ отъ своего друга новое письмо отъ 22 апр., гдѣ тотъ писалъ ему между прочимъ: „А вы будьте покойны и не страшитесь больше отъ меня никакихъ писемъ. Упрековъ отъ меня больше не будетъ. Будьте беззаботны насчетъ будущаго: оно въ рукахъ Того, Кто всехъ насъ умѣе. Мы съ вами переговоримъ и перетолкуемъ на словахъ обо всемъ тихо, рассудительно и такъ, что останемся оба довольны другъ другомъ. Затѣмъ обнимаю васъ, а выѣстъ съ вами и вашего добраго брата“... И, вслѣдъ за тѣмъ, другое—отъ того же числа (несправедливо отнесенное Кудинцемъ, какъ и предыдущее, и послѣдующее,—къ 1845 г.): „Едва только я написалъ къ вамъ письмо, какъ получилъ отъ вашего брата извѣщеніе о томъ, что вы сдѣлались больны. Въ тотъ же часъ я отправился къ Циммерману, и передаю вамъ все, что онъ сообщилъ... Ради Бога успокойтесь и не смущайте себя ничѣмъ. Мнѣ очень прискорбно, если я участвовалъ также неужесткими моими письмами къ вашему огорченію. Но возложите несокрушимое упованіе на Бога: Онъ васъ вынесетъ отовсюду. Обо всемъ прочемъ переговоримъ лично“.

Въ то-же время Гоголь писалъ 24 апр. изъ Неаполя неизвѣстному (безъ сомнѣнія, Моллеру): „Я получилъ отъ брата Ал. Андр. Иванова извѣстіе, что самъ Ал. Андр. боленъ стѣсненіемъ въ груди, съ просьбою, чтобы я посоветовался по этому поводу съ Циммерманомъ. Я отправился тотъ же часъ къ Ц. и все, что получилъ отъ него въ отвѣтъ, написалъ въ письмѣ, купленномъ отсюда третьяго дня. А потому прошу васъ убѣдительно — немедленно навѣдаться къ И. и узнать, получилъ ли онъ это письмо вмѣстѣ съ другимъ предыдущимъ, стравленнымъ того же дня. Оба были адресованы въ кафе Гресо [куда И—въ могъ не ходить]. Если жь, на случай, онъ ихъ не получилъ, то вотъ вамъ вѣровъ предписаніе Ц-на... А потому объявите объ этомъ И—ву. Скажите также, что о немъ, т.-е. относительно его дѣла, кое-что переговорено. Но самое лучшее съ его стороны даже и не помышлять, ни разспрашивать никого объ участи его дѣла. Я хотя человѣкъ самъ по себѣ и не важный, но устроилъ такъ, что въ Петербургѣ всѣмъ обнаружилось производительное дѣло картины И—ва [благодаря письму въ „Вѣстн. містакъ изъ переписки съ друзьями“] и теперь смеялись даже и не-

дальніе умы, что И—ва торопить никакъ не слѣдуетъ. Я это ему давалъ знать и въ письмахъ, которыя такъ огорчили его (что для меня до сихъ поръ загадка), прося его положиться хоть сколько нибудь на меня и не безпокоиться. Но я не знаю, почему онъ не повѣрилъ моимъ словамъ тогда, (а) когда, послѣ меня, Апраксинъ, молодой человѣкъ, почти ему незнакомый, сказалъ ему тѣ же слова, не объясняя даже причинъ, на которыхъ онъ ихъ основалъ, и онъ (И—въ) ему повѣрилъ и успокоился. Правда, въ письмахъ моихъ были жесткія слова, но я ихъ нарочно наставилъ съ тѣмъ, чтобы дать ему случай этимъ же самыми словами прекратить себя самого за свое малодушіе. Слова эти были тѣ же самыя, которыя я употреблялъ весьма часто и въ разговорахъ, и за которые онъ никогда не сердился. Но теперь только вижу, какаѣ разница сказать то же самое въ письмѣ и на словахъ. Скажите ему, что я прошу у него прощенья. Я не только не думалъ оскорблять его, но даже хотѣлъ излѣчить отъ безпокойства и, какъ плохой докторъ, не попалъ, какъ слѣдуетъ, въ болѣзнь. На письмо это отвѣтъ напишите немедленно, чтобы я зналъ, что оно вами получено“.

Вѣроятно тогда-то И—въ и отвѣчалъ Гоголю: „Я былъ очень встревоженъ вашимъ письмомъ изъ Неаполя [т. е. прежнимъ], и подвѣяніемъ сихъ безпокойствъ, послалъ вамъ мое послѣднее. Вы подробности не знаете моего положенія; слѣдоват., строго говоря, нельзя мнѣ васъ винить, и потому пока, какъ есть дѣло, я прошу у васъ извиненія за то, что такіе письма мои послѣдніе были извѣстной страсти, изъ чего вышла новая бѣда. Чтобы не вадѣтъ никого, я молчу, даже писалъ къ вамъ: молчаніе точно есть единственное средство въ настоящую минуту. Скажу одно, что тогда только чувствую себя вполнѣ сильнымъ, спокойнымъ и даже способнымъ служить другимъ, когда нѣтъ покусенія на мою независимость. Въ бесѣдахъ съ вами, и только съ одними вами духъ мой не утомляется. Вы знаете, что мнѣ сказать, и что не говорить. Вы меня любите глубоко мудрымъ образомъ, но васъ нѣтъ на лицо, а я поставленъ все въ какое-то столкновеніе съ людьми, и, никогда не имѣя случая изучить ихъ, мучаюсь въ этой каторжной работѣ“.

Хотя Гоголь и предполагалъ видѣться лично съ И—вымъ въ Римѣ — 12 мая, но невѣстнн, состоялось ли это, т. к., судя по его письму къ Смирновой,—20-го числа онъ

былъ уже въ Генуѣ, а 18-го июня писалъ И—ву изъ Франкфурта: „Отъ васъ я давно не имѣю никакихъ вѣстей... Напишите хотя два словечка. Я все время хворалъ... Но все-таки имѣю желаніе и намѣреваюсь ѣхать къ вамъ... на осень и зиму въ Римъ... Пишите мнѣ въ Гастейнъ, куда я ѣду теперь же... Самъ же я все еще не въ силахъ много писать“

Отвѣтное письмо И—ва было „нѣсколько темновато“, поэтому Гоголь не зналъ: „будетъ ли въ попадѣ его отвѣтъ“ изъ Остенде отъ 24 іюля (отнесенный Кулишомъ неправильно къ 1844 г.). „Не позабывайте—писалъ онъ,—что вы находитесь въ состояніи того нервическаго размягченія, когда все чувствуется сильнѣе и глубже—удовольствія и непріятности... Но нужно помнить, что Творецъ высшихъ ощущеній есть Богъ, возвышающій наше сердце до нихъ, а не самый тотъ предметъ, который, повидимому, произвелъ ихъ. Я не понимаю также хорошо, вѣдьмъ именно вы привели слова еванг. Луки. Если вы подумали о какомъ домашнемъ очагѣ, о семейномъ бытѣ и женщинѣ, то сами знаете—врядъ ли эта доля для васъ! Вы—нищій, и не имѣть вамъ такъ же угла, гдѣ приклонить голову, какъ не имѣть его и Тотъ, Котораго пришествіе дерагаетъ въ изобразить кистью! А потому евангелисты правы, сказавши, что иные уже не свяжутся никакими земными узами. Но оставимъ рѣчи о томъ, что въ разговорѣ можетъ объясниться, а не на письмѣ“.

Отказываясь въ своемъ отвѣтѣ сообщать о своей жизни и обѣщая все разсказать при свиданіи, И—въ прибавлялъ: „Если, однажды, вы прежде сознаетесь сами, что обидѣли меня многими выраженіями въ письмѣ вашемъ“, и затѣмъ говорилъ въ заключеніе: „Что касается до моихъ недоразумѣній, то я надѣюсь, что они всѣ вдругъ разрѣшатся съ окончаніемъ моей картины, а до тѣхъ поръ я бы весьма желалъ и все употребляю, чтобы всѣ и вы считали меня за мертвѣго человѣка. Этимъ спасется мое время, сосредоточатся силы, столь нужныя въ совершенному окончанію дѣла. Избавится душа отъ страданій, какія безпрестанно являются отъ различныхъ несовершенствъ соприкасающихся ко мнѣ людей“.

Долго изъ это письмо по назначенію или вообще переписка приостановилась на время, но 5 дек. Гоголь снова пишетъ И—ву изъ Неаполя: „Давно уже я о васъ не имѣю никакихъ вѣстей. Пожалуйта, уведомляйте меня отъ времени до времени о себѣ, о томъ, что дѣлается какъ въ васъ, такъ и около васъ. Не

опасайтесь отъ меня жесткихъ писемъ: я ихъ теперь даже и не сужу написать, ибо вижу, что если и нужно кого попрекать, такъ это больше себя, а не другого“...

„Очень приятно мнѣ было,—отвѣчалъ И—въ (какъ видно изъ его вѣщанной книжки въ Румянц. Музей)—чувствовать письменное преобразование ко мнѣ отъ 5 декабря“, хотя и находилъ это „совершенно несообразнымъ съ своимъ настоящимъ положеніемъ“. „Я бы желалъ молчать—прибавлялъ онъ,—ибо въ этомъ только нахожу свое спасеніе“, а въ заключеніе говорилъ: „Герценъ сильно возстаетъ противъ вашей послѣдней книги [„Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями“]—жалъ, что я ее не читалъ... Племянница моя почувствовала ко мнѣ глубокое уваженіе вслѣдствіе вашего обо мнѣ тамъ письма. Отецъ началъ посылать деньги. Академія устыдилась и изумилась и, полагаю, что вслѣдствіе сего ко мнѣ на полгода (выслала) содержаніе“.

Отвѣтомъ на это служило письмо Гоголя отъ 14 декабря слѣд. содержанія: „Благодарю васъ за письмо, несмотря на то, что въ немъ и немного говорите о себѣ самомъ. Боритесь, крѣпитесь! Вотъ все, что долженъ говорить на этой страждущей землѣ человѣкъ человѣку. А потому, вѣроятно, и я скавалъ бы вамъ эти же самыя слова, еслибъ вы что-нибудь написали о нашемъ состояніи духа. Я такъ, въ правду, что умолчалъ... Помните, что ни на кого въ мірѣ нельзя возложить надежды тому, у кого особенная дорога и путь, непохожіи на путь другихъ людей. Совершенно понять ваше положеніе никто не можетъ, а потому и совершенно помочь вамъ никто не можетъ въ мірѣ. Какъ вы до сихъ поръ не можете понять хорошенько, что вамъ безъ Бога ни до порога, и, ложась, вы должны молиться, чтобы день вашъ и наступилъ, и прошелъ благополучно—безъ помѣхи, чтобы Богъ далъ вамъ силъ, даже если и случится помѣшательство, не возмутитесь оттого! Но довольно объ этомъ. Поговоримъ о прочемъ въ вашемъ письмѣ. Герцена я не знаю, но слышалъ, что онъ благородный и умный человѣкъ, хотя, говоря, черезъ-чуръ вѣритъ въ благодатность нынѣшнихъ европ. прогрессовъ и потому врагъ всякой русской старины и коренныхъ обычаевъ. Напишите мнѣ, какимъ онъ показался вамъ, что онъ дѣлаетъ въ Римѣ, что говоритъ... Я не знаю, что вы не читали моего письма: я думалъ, что вы прочли всю мою книгу у С. П. [Апраксиной] въ Неаполѣ. Если вы любопытны знать

его, то посылаю его при семь, выдравши изъ книги. А книгу привезетъ вамъ С. П. Я не знаю, сдѣлано ли мое писмо что-нибудь въ вашу пользу, но, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда я его писалъ, я былъ увѣренъ, что оно у васъ нужно“.

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо И—въ писалъ Гоголю, очевидно, въ томъ же мѣсяцѣ (а не въ началѣ 1848, какъ напечатано въ изд. Боткина): „Какъ ни заикался я ни къ кому не писать писемъ, но ваша статья обо мнѣ насильно водитъ перо и руку. Цѣлую и обнимаю васъ въ знакъ совершеннаго съ вами замиренія и возвращаюсь опять въ то положеніе, когда, смотря на васъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, вѣрилъ и покорствовалъ вамъ во всемъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что посредникомъ между художниками и высшимъ начальствомъ, кромѣ васъ, никто не можетъ быть. Чѣмъ скорѣе вы тутъ будете, тѣмъ менѣе мы понесемъ страданій, которыя, за неимѣніемъ такого человѣка, какъ вы, обрушиваются на лучшихъ, въ особенности на меня. Вотъ все, что я могу сказать... Одно мнѣ позвольте возразить противъ слѣд. словъ вашей статьи: „Ивановъ ведетъ жизнь истинно монашескую“, — и очень бы не отказался имѣть женой монахиню—женщину, занятую преслѣдованіемъ собственныхъ своихъ пороковъ! Я опять испугался людей, чувствуя себя нѣсколько разстроеннымъ, и потому боюсь въ этомъ положеніи являться обществу. Вотъ почему и къ Герцену неиду. Новое политическое состояніе Рима (послѣ революціи) требуетъ большаго времени, чтобы замѣнить важныя и истинныя плоды“..

Въ свою очередь Гоголь отвѣчалъ И—ву 28 дек.: „Очень радъ, что мое писмо о васъ показалось вамъ удовлетворительнымъ... Нападенія на книгу мою отчасти справедливы. Я ее выпустилъ весьма скоро послѣ моего болѣзненнаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не пришли еще въ надлежащій порядокъ. Я поторопился точно такимъ же образомъ, какъ любите торопиться вы, и впутался въ дѣло прежде, чѣмъ показалъ на это право свое. Нужно было не соваться прежде, чѣмъ не сдѣлаешь свое собственное дѣло, и копаться около него, закрывши глаза на все, но пословицѣ: знай, сверчокъ, свой шестокъ! Этой поспѣшностью я даже повредилъ многому тому, что хотѣлъ защитить... Каковы нынѣшнія ваши обстоятельства: смущенія и заботы,—я не знаю; но, впрочемъ, смущенія и заботы—въ

изобиліи, какъ у всякаго очень чувствительнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ скажу вамъ то, что говорю самому себѣ, что осталось въ результатѣ изъ всей моей опытности и мудрости, какія только пребываютъ въ моей блѣдной головѣ. Работая свое дѣло, нужно твердо помнить, для кого его работаете, нѣтъ безпрестанно въ виду того, кто заказалъ вамъ работу. Работаете вы, напр., для земли своей, для вознесенія искусства, необходимаго для просвѣщенія человѣка, но работаете потому только, что такъ приказалъ вамъ тотъ, кто далъ вамъ всѣ орудія для работы. Стало быть, заказыватель Богъ, а не кто другой. А потому его одного слѣдуетъ знать... Только мысля такимъ образомъ, мнѣ кажется, можно остаться покойнымъ среди всего. Кто же не можетъ такимъ образомъ мыслить, въ томъ, значитъ, еще много есть тщеславія, самолюбія, желанія временной славы и земныхъ помысловъ. И никакими средствами, покровительствами, защищеніями не спасетъ онъ себя отъ безпокойства“..

А слѣдъ затѣмъ Г написавъ И—ву уже 16-го янв. 1848, надо полагать, въ отвѣтъ на несохранившееся писмо: „Чтобы не осталось чего-нибудь между нами, увѣдомляю васъ, что въ писмѣ моемъ я не имѣлъ никакого намѣренія упрекнуть васъ. Напротивъ, я хотѣлъ только показать вамъ, что я ничуть не умнѣе васъ во многихъ дѣлахъ. Если вы прочтете еще разъ мое писмо, то почувствуете это сами. Бога ради, не будьте такъ подозрительны и не приписывайте простымъ словамъ какого то сокровеннаго смысла, желанія васъ обидѣть какъ-то обиднымъ заключеніемъ. Этимъ подозрѣніемъ вы, во-1-хъ, себѣ самому нанесете много смущенія и всякаго горя. Скажу вамъ истинно и откровенно, это я никогда въ васъ не подовѣрвалъ никакой хитрости; но было время, когда я нарочно хотѣлъ кольнуть васъ и попрекнуть нѣкоторыми писмами, желая васъ заставить вать нѣкоторую власть надъ самимъ собою и устыдиться своего малодушія. Это было сдѣлано неловко. Пожалуйста, сожгите всѣ мои письма. Я теперь вижу, какъ разны человѣческія природы и какъ нельзя судить по себѣ о другомъ. Вы пишете о желаніи со мною увидѣться; но для этого никакъ не будетъ времени. Какъ ни пріятно мнѣ тоже васъ видѣть, но чувствую, что ничего не могу теперь сказать вамъ нужнаго. Я занятъ теперь совершенно самимъ собою и столько вижу въ себѣ достойнаго осужденія и упрековъ, что не въ силахъ ни осудить кого бы то

ни было, ни дать умнаго совѣта. Чувствую только, что прежде всего слѣдуетъ заняться душой своей, хотя я самъ не знаю, какъ это сдѣлать. Что же касается до житейскихъ заботъ и обстоятельствъ, то они теперь у всѣхъ плохи—положеніе всѣхъ затруднительно. Все это заставляетъ меня не полагаться на то, что будетъ, и ускорить отъѣздъ мой въ св. Землю⁴.

Послѣ этого, въ отвѣтъ на извѣщеніе Гоголя отъ 14/26 апрѣля о благополучномъ совершеніи путешествія въ Иерусалимъ, И—въ писалъ ему 25 іюля: „Чѣмъ-то вы насъ подарите?—вѣдь отъ васъ всѣ ждутъ чудесъ. Я тоже думаю, что, можетъ быть, въ этой вашей будущей книгѣ и художникъ изъ ничтожества и предмета печатной колкой наемѣшки вынесется въ дѣятеля общественнаго образованія, и тогда мы съ вами съ миромъ изыдемъ, чтобы приготовить миръ міру... Если случится истинно отдохнуть и придти опять въ спокойствіе и полныя силы, то напишу къ вамъ и подробнѣе, и поочетливѣе обо всемъ.“ Неизвѣстно, отвѣчалъ ли Гоголь на предложенный въ томъ же письмѣ вопросъ по поводу желанія Чижова написать разсужденіе объ иконной и исторической живописи: „можетъ ли описаніе предствѣствовать факту“, т. е., по мнѣнію самого И—ва, прежде чѣмъ представительный живописецъ не представитъ, хотя въ малыхъ видахъ, икону и историческую картину, —нельзя литературѣ говорить объ этомъ предметѣ вѣрно и смѣло.

Но почти черезъ годъ, на запросъ Гоголя отъ 7 апр. 1849 о томъ, какъ живетъ и работаетъ, и на призывъ въ Москву, гдѣ открывается такъ много древностей, И—въ сообщалъ ему 15 мая о временной пріостановкѣ въ работѣ изъ-за осады Рима французскими, испанскими и неаполитанскими войсками и угрозы правителей съечь все, прибавляя въ концѣ: „Очень жалѣю, что вы мнѣ ни о чемъ не написали. Со знакомствомъ вашимъ, особенно въ послѣдніе годы, много открылось у меня изумительныхъ осязаній будущей жизни“.

Какъ видно изъ слѣдующаго затѣмъ письма Гоголя отъ апр. 1850, онъ еще разъ писалъ И—ву, но не получилъ отъ него отвѣта; на послѣднее же тотъ отвѣчалъ ему 5 іюля такъ обрад.: „Что вамъ сказать обо мнѣ? Я все тотъ же, что и былъ при васъ въ Римѣ. Живу жизнью одной студіи, и перемиѣтъ почти никакихъ нѣтъ. Объ одномъ иногда только жалѣю, что нельзя записывать мнѣ моихъ мыслей въ памятную книжку. Прежде я

имѣлъ это обыкновеніе—наблюдать за ихъ разросаніемъ. Впрочемъ, я и на это не рощу, вѣря, что уже скоро будетъ всему развязка“.

Лишь 16 дек., поздравляя И—ва съ новымъ годомъ, Гоголь утѣшалъ его: „Не все же продолжаться этимъ безотраднымъ явленіемъ суматохъ и безпорядковъ; пора, наконецъ, показаться на свѣтъ плодамъ мира, обдуманнѣмъ въ глубинѣ души, мыслей и высокихъ совершѣній, совершившихся въ тишинѣ. Хорошо бы было, еслибы и ваша картина и моя поэма [„Мертвыя Души“] явились вѣстѣмъ“. Въ отвѣтъ на это, И—въ написалъ только написать Гоголю 30 янв. 1851: „Въ глазахъ художника и, въ особенностъ, въ моихъ—вы все кажетесь прерваснымъ теоретическимъ человѣкомъ. Нельзя не полюбоваться вашимъ послѣднимъ письмомъ; но меня здѣсь совсѣмъ другое. Говорить подробно обо всемъ—не было бы благоразумно; разсказывать часть—темно, и потому скажу только то, что уже крайне необходимо“—знать точный адресъ Г. для непріятнаго И—ву дѣловаго письма, которое приходилось послать все-таки мѣсяца черезъ два.

Можно думать, что послѣднее касалось к. л. новыхъ недоразумѣній съ администраціей, т. е. Гоголь, доказывая отвѣтнымъ письмомъ отъ 18 марта, что онъ „похожъ теоретическій человѣкъ, да и практическій также“, говорилъ въ заключеніе: „Но на мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы должны научитися снисходительности къ людямъ. Если я, человѣкъ, долго близъ васъ жившій и притомъ все-таки понимающій, хоть, положимъ, теоретически, художество, такъ еще далекъ отъ того, чтобы понимать вещи и обстоятельства въ настоящемъ видѣ; то какъ же можно требовать отъ начальства, состоящаго изъ чиновниковъ, чтобы поняты были ими внутреннія требованія оригинальнаго, не похожаго на другихъ художника? Повѣрьте, никто не можетъ понять васъ даже и такъ, какъ мы себя понимаемъ, и счастливъ тотъ, кто, все это сообразя впередъ, прокладываетъ самъ себѣ дорогу, не опираясь ни на кого, кромѣ Бога!.. Чтобы вамъ написать хоть что нибудь о вашемъ житіи—быть—не о томъ, которое проходитъ въ заперти, въ студіи, но о движущемся на улицѣ... Гдѣ вы обѣдаете, куда ходите, на что гладите, о чемъ говорите. Въ иной разъ много бы далъ за то, чтобы побесѣдовать вновь такъ же радужно, какъ бесѣдовалъ мы нѣкогда у Фальконе [въ трактирѣ]. Не будьте скупы и напишите о себѣ—не какъ о художникѣ, погруженномъ въ совершѣнье,

но какъ о добромъ, миломъ моему сердцу человѣкѣ, развеселившемся отъ воспоминаній о прежнемъ“.

Раздѣляя это письмо Гоголя на двѣ половины, И—въ отвѣчать ему 20 мая: „Вышнее управленіе, подъ которымъ мы находимся, лучше всего оставляетъ неприкосновеннымъ для нашихъ сужденій, особенно письменныхъ: мы, христіане, должны въ молчаніи и съ покорностью ждать обѣщаннаго блаженства и нечесь только о томъ, чтобы быть богѣе и болѣе его достойнымъ. Этимъ я кончу, для себя, первую половину вашего письма. Во второй вы спрашиваете о моей жизни внѣ студіи. Внѣ студіи я довольно несчастенъ и, если бы не студія, то уже вполнѣ бы былъ убитъ. Такъ, покаместъ, стоить дѣло. Все, что вы разумѣли о моихъ страданіяхъ, печатал статью обо мнѣ, составляетъ, можетъ быть, четвертую только долю того, что случилось послѣ,—такъ что, выражаясь языкомъ переходнаго человѣка, я уже начинаю чувствовать какую-то художническую самостоятельность. И можете ли что быть этого справедливѣе? Вѣдь уже мы мало-по-малу подходили къ послѣднему вопросу: быть ли живописцу, или не быть? Но я слышю, кажется, увлекся, желая отвѣчать вамъ на вторую половину вашего письма. Я обѣдаю въ Фальконе, и это потому, что изъ всѣхъ камергеровъ нашъ Лундженъ одинъ оставался мнѣ вѣренъ—отъ другихъ я уходилъ съ животной болѣю. Въздвигнутаго же переставалъ-было ходить въ кафе завтракать. Теперь однакожъ нашъ кафе—на площади S. Carlo, гдѣ можно безъ опасенія позавтракать. Я почти ни съ кѣмъ незнакомъ и даже оставилъ прежнія знакомства. Я, такъ скаж., ежедневно болтаюсь между двумя мыслями: искать знакомства, или бѣгать отъ нихъ?—и, вися въ серединѣ, кое-какъ разговариваю съ людьми, всегда имѣя къ нимъ всевозможную снисходительность и шая ихъ благо-расположенія, какъ необходимости для меня же. Какъ ни странно это положеніе, но, вѣстѣ, и угѣнительно. Никогда такъ я не былъ наблюдателемъ, какъ теперь, и въ этомъ я нахожу отраду... Братъ мой все еще со мной. Мы думаемъ въ іюлѣ, въ первыхъ числахъ, ѣхать вмѣстѣ въ Неаполь, въ Торъ-Аннунціато, для принятія морскихъ купаній и ваннъ въ Помпей. Оттуда, въ началѣ августа, думаю я возвратиться въ Альбано для этюдовъ перваго плана картины (пожалуйста, не бранитесь—вѣдь вы тутъ только теоретикъ), а потомъ, въ

октябрь, я въ Римѣ, для окончанія картины, а онъ думаетъ въ Сицилію“.

По всему вѣроятію, отвѣтомъ на это письмо, гдѣ говорилось, между прочимъ, о предполагаемой поѣздкѣ въ Римъ Гоголя—черезъ Грецію и Н. П. Воткина—черезъ Лондонъ, было слѣдующее письмо, наклеенное И—вымъ на оборотѣ заглавнаго листа въ альбомѣ съ новыми композиціями: „Ник. Петр. Боткинъ передаетъ вамъ мой поцѣлуй, многолюбимый мною А. А. Андр.—Богъ въ помощь вамъ въ трудахъ вашихъ; не унывайте, бодритесь, благословеніе святое да пребудетъ надъ вашею кистью и картина ваша будетъ кончена со славою. Отъ всей души, по крайней мѣрѣ, желаю. Весь вашъ Н. Г.—Ни очень говорить не хочется: все, что ни есть въ мѣрѣ, такъ ниже того, что творится въ уединенной кельѣ художника, что я самъ не гляжу ни на что и мѣръ кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христосъ съ вами“.

На этомъ, очевидно, прекратилась переписка между двумя великими людьми русскими: 21 февраля 1852 Гоголя не стало. Намъ пришлось остановиться особенно долго на его взаимныхъ отношеніяхъ съ И—вымъ и, по возможности, рассказать о нихъ ихъ собств. словами, потому что событие это играло большую роль въ жизни нашего художника, а, между тѣмъ, его дружба и разладъ съ знаменитымъ писателемъ не были до сихъ поръ вполнѣ разсѣдованы: П. Кулишъ, напечатанному въ „Современ.“ 1858 (№ 11) „Переписку Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ“, остались неизвѣстны многія письма не только второго, но и перваго; статья же Е. Некрасовой въ „Вѣст. Европы“ 1883 (№ 12), несмотря на все ея дарованіе, представляетъ въ нѣкотор. отношеніяхъ скорѣе поэтическое проповѣденіе, нежели простое историческое изложеніе, изъ котораго говорящіе за себя факты обнаруживались бы сами собою, безъ всякихъ предположеній и заключеній со стороны автора. Поэтому, только возможно-полный пересказъ всей ихъ переписки въ состояніи возстановить передъ глазами читателей настоящую картину взаимныхъ отношеній двухъ выдающихся лицъ на поприщѣ нашего умственного развитія.

Несмотря на врем. неудовольствія другъ другомъ, въ сердцахъ обоихъ великихъ людей, видимо, до конца сохранялись чувства взаимнаго уваженія и любви. Хотя И—въ и пишетъ какъ-то про Гоголя графъ С. П. Апраксинъ (судя по его записной книжкѣ въ Румянц. Музеѣ), вѣроятно весной 1847, до прочтенія из-

вѣстной статьи въ „Выбр. мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“: „Жаль, что въ запискѣ выдается мнѣ чувства свои Ник. Вас. — Онъ какъ-то все не можетъ примириться съ мыслью, что художникъ такъ же въ свою очередь можетъ быть, какъ и онъ (свободнымъ или независимымъ) человѣкомъ. Я съ нимъ на скоромъ свиданіи. Любопытно, какимъ-то онъ меня гостинцемъ упочуетъ“...; тѣмъ, не менѣе, онъ все-таки былъ очень высокаго мнѣнія о знаменитомъ писателѣ. Такъ онъ признается той же Апраксеной 29 окт. того года: „Извините, что опаздываю отвѣтомъ на оба ваши письма, въ которыхъ столь прекрасно выражается чудная, свѣтлая душа ваша. Отлагаю я и потому, что ждалъ нашего общаго друга и учителя — Ник. Вас., и потому (что) не явился до сего дня въ канцелярію нашего посольства, что составляетъ важную эпоху, съ нѣкотораго времени въ моей жизни, по ощущеніямъ, какія чувствуетъ душа моя“... „Гоголь навѣрное поѣдетъ нынѣшней весной, и даже очень скоро, — сообщаетъ И — въ Чижову въ началѣ все того же года, — поклонится св. Гробу и напечатать свою вторую книгу, которую всѣ благомыслящіе ждутъ съ благоговѣніемъ“. — „Очень бы желательно слышать что-нибудь о Ник. Вас. — спрашиваетъ онъ неизвѣстное лицо (вѣроятно, Чижова) около того же времени (а не весной 1848, какъ напечатано въ изд. Боткина, потому что тогда уже не было въ живыхъ Языкова, о которомъ тамъ также идетъ рѣчь). „Общій воспитатель, вѣроятно, еще болѣе усовершенствовался внутри себя. Неужели истиннымъ способностямъ необходимо безобразное клеймо казенное и особенно тогда, когда оно еще не совсемъ утвердилось въ общемъ мнѣніи. Я полагаю, что бесѣда художниковъ для его будущности необходима: онъ зачерпнетъ изъ нея многое, чтобы создать планъ будущаго блестящаго для нихъ дѣйствія. Не одѣтый въ казенную форму, онъ гораздо открытѣе найдетъ сердца лучшихъ, на которыхъ опирается все въ будущемъ, а, исполнивъ свои сочиненія и окончивъ удобопонятнымъ обществомъ (образомъ), приобрететъ законную себѣ опредѣлительность, какъ отъ васъ, общества, такъ и отъ правительства, и тѣ, что теперь было отрицательно, будетъ тогда и справедливо и необходимо“... Наконецъ, уже послѣ кончины Гоголя, И — въ письмѣ Погодину: „Въ захолустѣ отъ русской литературы, услышалъ весьма порицательные отзывы Гоголю за то, что онъ напечаталъ при жизни свое „Завѣщаніе“. Теперь

смерть совершилась. Я, услышавъ о сей важной уtratѣ, сейчасъ же, въслѣдствіе его „Завѣщанія“, написалъ къ В. А. Жуковскому, какъ къ старшимъ литераторамъ русскимъ, просьбу исполнить завѣщаніе покойнаго — одолжить портретъ, съ него мною писанный, для гравированія, — О. И. Гордану. Письмо мое, какъ видно, застало на столѣ самого Вас. Андр. ...Въ такомъ трудномъ положеніи, я рѣшился писать вамъ, ибо, по словамъ покойнаго, другой такой же портретъ, съ него много писанный, подаренъ вамъ, что уже теперь болѣе не можетъ быть тайной, какъ того желалъ всегда при жизни нашъ знаменитый покойникъ. Посему, теперь прошу васъ покорнѣе, во имя памяти общаго нашего друга, портретъ, вамъ принадлежащій, выслать въ Петербургъ, въ Акад. Худож., для проф. О. И. Гордана“... Еще позднѣе, сообщая Погодину или Ковалевскому въ 1856, по случаю предпринятаго изданія писемъ Гоголя, послѣднее письмо знаменитаго писателя въ нему въ копіи, онъ прибавляетъ: „Не думайте, чтобы я не дорожилъ оригинальностью и другихъ писемъ важнѣйшаго изъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ жизни, но копировать такое множество писемъ — совсѣмъ не изъю времени“.

Необходимость передать въ послѣдovat. порядкѣ взаимныя отношенія великаго художника и великаго писателя заставила насъ нѣсколько отклониться отъ хронологическаго изложенія обстоятельствъ жизни интересующаго насъ лица, и потому теперь приходится вернуться къ событіямъ, бывшимъ за нѣск. лѣтъ до только-что изложеннаго здѣсь.

Помимо размовки съ Гоголемъ, 1846 годъ имѣлъ значеніе въ жизни И — ва еще и въ другихъ отношеніяхъ. „Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ онъ объялъ своего брата, переплывавъ его нѣсколько разъ и все принимаясь снова; видѣться съ нимъ хотѣлось безпрестанно, работа на умъ болѣе не шла“, — какъ мы узнаемъ изъ письма самого А. А. къ отцу отъ 7 апрѣля того года (а не отъ марта, какъ напечатано въ изд. Боткина). Другое немаловажное обстоятельство въ быту нашего художника было то, что къ нему, среди постоянныхъ денежныхъ затрудненій, вдругъ пришла на помощь частная поддержка. „Неужели вы думаете, — спрашивалъ его Чижовъ еще 20 сент. 1845, — что, уѣхавши изъ Рима, у меня все съ вами прекратилось? ...Однимъ словомъ помните, — продолжалъ онъ, — что ваше положеніе лежитъ на сердцахъ людей, вамъ принадлежащихъ, а число ихъ со дня на

день увеличивается, и я увѣренъ, что увеличится, когда еще напечатано мою статью,—хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличится и число враговъ, намъ обихихъ... А изъ письма И—ва къ невѣстному (вѣроятно, къ Смирновой) отъ мая 1846 видно, что въ Петербургѣ частная помощь должна была собираться заимообразно еще разъ въ присоединеніе къ той, которая собиралась въ Москвѣ. „Съ живѣйшею радостію вижу,—писалъ онъ друг. невѣстному (вѣроятно, Чижову) въ июнѣ того же года,—что соотечественники признали во мнѣ дѣятеля русскаго — не на словахъ, а на дѣлѣ, предлагая мнѣ способы для окончанія моего труда... Я радъ, что могу надѣяться на вѣрную помощь отъ своихъ братьевъ; она, однакожъ, не прежде мнѣ нужна будетъ, какъ черезъ годъ, или даже полтора.. Правительство соглашается заплатить мнѣ за конченную картину, но затрудняется мнѣ дать на ея окончаніе. Я (же) ничего не прошу за трудъ, лишь бы только дали способы мнѣ его кончить, а потому, если и заимообразно меня сеудятъ соотечественники деньгами, то столько же (это) будетъ для труда моего важно, какъ и подаривши. Я прошу у правительства по 6 тыс. въ годъ на 3 года.. Привыкнувъ жить наѣвроно, я всегда закрываю отъ людей остатки, скопляемые лишеніями, не вѣря людямъ ни въ чемъ,—это тоже одинъ изъ монументовъ татарскаго ига. Но теперь, когда въ сердцѣ моего отечества находятся люди, которыхъ чувства совершенно сливаются съ моими, то я рѣшаюсь доживать до послѣдняго гроша, и тогда только прибѣгну къ ихъ благодарнымъ сердцамъ... „Уединеніе и отстраненіе отъ людей мнѣ столько же необходимы, какъ пища и соль,—сообщаетъ онъ опять невѣстному (д. б., Чижову) въ октябрѣ все того же года (а не въ июлѣ, какъ напечатано въ изд. Боткина),—убѣдитесь въ этой истинѣ: это вамъ говоритъ художникъ, прожившій до 40-лѣтняго возраста. Перемигнуться же въ минуту завершенія труда, гдѣ еще больше нужно сосредоточеніе мыслей, было бы дѣломъ нецѣльнымъ и завело (бы) меня въ разрядъ обманщиковъ и подлецовъ въ глазахъ обихихъ столицъ отечества, готовыхъ давать мнѣ помощь, въ случаѣ, если правительство мнѣ въ ней будетъ отказывать“. Послѣ того И—въ не разъ просилъ Чижова въ началѣ 1847 не присылать ему денегъ, не нуждаясь въ нихъ показѣть, по измѣнившимся обстоятельствамъ, и только въ октябрѣ намекнулъ Ѳ. В. (а не Гоголю, какъ напечатано въ изд. его переписки), что ему нужны

будутъ деньги, оставленные Языковымъ, въ продолженіе слѣд. полугода; узнавъ же, что онъ получилъ вмѣсто того — деньги братскія (1700 р.), онъ, очень сокрушаясь этимъ, писалъ опять Чижову въ концѣ 1848: „Если-бы я зналъ, что вы такъ со мною поступите, я бы и Языковскихъ не просилъ“.

Наконецъ, третье, самое важное событіе въ жизни И—ва того времени было то, что, проводя лѣтние мѣсяцы 1846 и 1847 гг. въ семьѣ у граф. С. П. Апраксиной въ Неаполѣ, онъ почувствовалъ впервые истинную привязанность къ одной молодой аристократкѣ, имѣвшую для него просто роковыя послѣдствія изъ-за несбывшихся ожиданій. Выше мы видѣли уже, что нашъ художникъ намекалъ о своемъ новомъ чувствѣ въ письмѣ къ Гоголю, приводя текстъ изъ еванг. Луки, за чтѣ услыхалъ нападки со стороны своего друга (24 іюля 1846). О томъ же, съ большою смѣлостью, онъ писалъ неразъ другому своему пріятелю — Чижову. Такъ онъ высказываетъ послѣднему, вѣроятно въ концѣ 1846 или началѣ 1847 (а не весной 1848, какъ напечатано въ изд. Боткина): „И точно, дѣлаю все, чтѣ могу, но натура дѣла моего весьма медленна, и всякая быстрота и торопливость помѣшали бы послѣдному моему совершенству, а между тѣмъ лѣта мои уходятъ, а съ ними и тѣ дни, въ которые человѣкъ долженъ бы былъ сопричастенъ самымъ высокимъ наслажденіямъ жизни. Совѣстливое окончаніе трудовъ моихъ, и въ минуту ихъ совершенія, и въ послѣдствіи, можетъ меня сдѣлать любезнымъ для общества. Но неужели мы все еще живемъ въ тѣ суровыя времена, когда нельзя въ тоже время прибавить и самыя высочія наслажденія жизни, составляющія полноту человѣческаго достоинства?“ Затѣмъ, получивъ извѣстіе отъ Чижова о постигшемъ его горѣ—потерѣ горячо любимой женщины, онъ писалъ ему въ отвѣтъ, въ началѣ 1848 (а не 1847, какъ напечатано въ томъ же изд.): „Вашему несчастію я вполнѣ сочувствую, тѣмъ болѣе, что самъ теперь нахожусь въ томительныхъ ожиданіяхъ, безпрестанно прося у Бога подкрѣпленія силы. Я слегка намекаю уже объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ, но оставимъ объ этомъ: придетъ время разговоровъ и отчетливыхъ, и ясныхъ, и уже оно близко“, и тутъ же прибавлялъ: „Женщина создана быть помощницей человѣку: она ему вполнѣ сострадаетъ, служитъ ему изумительнымъ отдохновеніемъ отъ разумныхъ его напряженій, давая

такимъ образомъ силы къ дальнѣйшимъ его предпріятіямъ, и, вводя въ свои тайны, дасть и физическимъ силамъ свѣжестъ и радость. Истинно счастьемъ тотъ, кому суждено быть соединеннымъ съ такимъ существомъ. Но какими молитвами до этого достигнешь? Достанешь ли слезъ вымыть всѣ подлѣя мѣста прошедшей жизни?" "Недумайте,—заключили И.—въ другое письмо къ нему же отъ іюня,—чтобы я сталъ нападать на васъ за вашу привязанность къ женщинамъ. Это правда, я до сихъ поръ это чувство пряталъ и отъ себя, и отъ другихъ, видя въ немъ страшное препятствіе для занятій, но теперь,—ну, объ этомъ уже въ слѣдующемъ письмѣ".

О нѣкоторыхъ подробностяхъ этого чувства у нашего художника и послѣдствіяхъ его можно видѣть пѣз его записной книжки, гдѣ онъ занесъ подъ 18-мъ сентября 1847 г. слѣдующее, по поводу воспоминаній своихъ о Флоренціи: „Порча, сдѣланная по необходимости въ молодости моею, немедленно уступила святости жизни, и первая попавшаяся ласточка уже меня невольно повлекла за собой... Безъ престанно слѣдя за углышко ласточки, мы шли даѣе, но, Боже мой, какъ!—Ройдемъ глубоко въ настоящее мое положеніе: молодая дѣва, знатная происхожденіемъ соотечественница, прелестная, добрая душою, полюбила меня горячо, простила мнѣ недостатки и увѣрила меня въ своею постоянствѣ. Если я не отвѣчу на все это святостью моею жизни, безъ сомнѣнія буду подлець изъ подлецовъ. Пришелъ въ себя, въ раскаяніи я пошелъ домой, чтобы при молитвѣ повергнуть себя ницъ передъ волей Божіей, и въ слезахъ нашелъ полное душевное спокойствіе. На другой день, послѣ кофе въ Елизаветино (трактирѣ), я почувствовалъ боль въ животѣ, приписалъ это отравѣ, по обыкновенію моему съ нѣкотораго времени такъ думать. Но если это и преслѣдованіе, то преслѣдованіе матери, заботящейся о благосостояніи своего сына. Она разсуждаетъ по женски, она не можетъ выкинуть во всю высоту новаго значенія моего—художника христіанскаго, художника русскаго. Ея высокій родъ безпрестанно ей мѣшаетъ войти въ равенство со мной“.

Изъ послѣднихъ строевъ, какъ и изъ одного вышепривед. письма къ Гоголю съ выраженіемъ подозрѣній относительно отравы, можно заключить, насколько И.—въ ошибался и насчетъ взаимнаго чувства, и насчетъ отношеній къ нему матери полюбившейся ему дѣвушки.

Подозрительность его дошла до того, что иногда въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ онъ видѣлъ уже намеки на его положеніе. Такъ, путешествуя для своихъ работъ осенью 1847 (между прочимъ для срисовки этюдовъ съ „Тайной Вечери“ и друг. произведеній Л. да Винчи) во Флоренцію, Ливорно, Геную, Миланъ, Пизу, и встрѣтившись съ художникомъ-любителемъ Библиковымъ, онъ самъ занесъ въ свой путевой журналъ, среди описаній разныхъ политическихъ смутъ въ Италіи того времени,—слѣдующее: „Опасаясь новыхъ слетень, которыми такъ усердно поддерживаются людьми безъ дѣла, я съ нимъ старался избѣгать многихъ разговоровъ. Мнѣ все казалось, что многое онъ обо мнѣ знаетъ,—разговоръ его о женитбѣ имѣлъ какую-то связь съ моимъ положеніемъ“.

Несмотря, однако, на вновь появившееся чувство и на продолжавшіяся невзгоды, И.—въ попрежнему усленно работалъ надъ своей картиной, судя по письму его къ Чижову отъ осени 1848, гдѣ онъ писалъ ему между прочимъ: „Я встаю [со свѣтомъ], работаю въ студии до полудня, иду отдохнуть въ кафе, чтобы приготовить свои силы, дабы начать работать съ часу до сумерокъ. Уставъ такимъ образомъ, я радъ, радъ бываю добраться до кресель или до постели вечеромъ. Только по воскресеньямъ и позволяю себѣ ничего не дѣлать, и тутъ пишу письма, если уже очень нужно отвѣчать. Всякое замѣненіе этого порядка было бы клятвопреступленіемъ противъ моей картины, которая теперь составляетъ для меня все. Если Богъ поможетъ трудамъ, тогда я надѣюсь вступить въ братство съ отечественными литераторами печатнымъ образомъ, и публика рассудитъ: чтѣ наше, и чтѣ ваше“. Въ другомъ письмѣ къ Чижову—отъ дѣта (іюня ?) того же года онъ говорилъ ему: „Еще разъ вамъ скажу: не заботьтесь о доставленіи мнѣ Библии [рукописной въ русс. переводѣ, которую тотъ нашелъ для него въ Кіевѣ]. Право, некогда и того прочесть, чтѣ подѣл меня лезитъ и чтѣ во-первыхъ нужно. Я теперь весь предаюсь практической исполнительнои части. Не знаю, сколько я подвинулъ картину, но, кажется, работаю, сражался съ невзгодами, какія мнѣ этой зимой случалось встрѣтить въ жизни“. Изъ этого ясно видно, что въ тотъ моментъ И.—въ, не потерявшій еще вѣры въ свою картину,—или только оставилъ на время свои другія работы, къ которымъ подго-

товлялся еще съ 1844 г., или же совсѣмъ не приступалъ къ нимъ до тѣхъ поръ.

Но съ 1849 и, въ особенности, съ 1850 начинается нѣсколько иная жизнь для нашего художника: впадавшій уже въ дѣтство отецъ оставилъ обонимъ братьямъ, послѣ смерти отъ холеры 1848 г., капиталъ около 25 тыс. асс., кромѣ процентовъ, хотъ и не безъ долговъ, да, сверхъ того,—долговыя обязательства на довольно значительныя суммы отъ Потемкина и Зассена. Однако, и съ порученіемъ всѣхъ дѣлъ отъѣзжавшему въ Петербургъ Моллеру и его брату, по долгу И—выхъ осталось не мало хлопотъ и заботъ по части выясненія всѣхъ подробностей и устройства судьбы племянницы, замѣнившей Сергія Андр. при отцѣ, послѣ его отъѣзда за границу. А тутъ пошли еще смутныя обстоятельства въ Италіи, повлекшія за собою осаду Рима и Вольныя иностранными войсками. Хотя по поводу послѣднихъ А. А. и писалъ Моллеру 28 янв. 1849: „Трудно описывать политическое состояніе Рима тому, кто совсѣмъ не имѣетъ времени слѣдить за всѣми изворотами,—русскіе художники столько же занимаются, какъ и прежде, а съ иностранцами я не въ сношеніяхъ, какъ и всегда почти“...., тѣмъ не менѣе, политическія волненія не могли коснуться и его, когда онъ сообщалъ Гоголю 15 мая того же года: „До сихъ поръ я все былъ вѣренъ своему слову и дѣлу, и въ надеждѣ, что уже не далеко до конца, съ которымъ бы разрѣшились всѣ мнѣнія и надежды общества, усленно продолжалъ трудъ. Но вотъ уже двѣ недѣли, какъ совершенно все остановилось. Римъ въ осадѣ. Каждый день ожидалась тревога. Люди, теперь здѣсь во главѣ стоящіе, грозятъ все зажечь и погребсти себя подъ пепеломъ. При какихъ условіяхъ, конечно, уже невозможно продолжать трудъ, требующій глубоко сосредоточеннаго спокойствія. Я, однакожъ, крѣплюсь въ перенесеніи столь великаго несчастья, и, только что будетъ возможно, то опять примусь за окончаніе моей картины“.

„Полгаясь на волю Провидѣнія, столь часто выручавшаго меня изъ разныхъ опасностей,—говорить онъ въ другомъ письмѣ къ Гоголю отъ 5 юнія 1850,—я не теряю ни бодрости продолжать трудъ, ни желанія быть достойнымъ избавленія (отъ) будущихъ золъ, и, такъ образъ, приступить наконецъ къ кризису моей жизни“.

Правда, годомъ, и даже двумя, позже, И—въ заботится еще объ этюдахъ для своей картины,

уѣзжая изъ Рима на дѣтніе мѣсяцы въ Альбано (1851) и др. мѣста (1852), однако его занимаютъ уже и другіе вопросы, судя по слѣд. письму его отъ 1851—52 гг. въ неизвѣстному лицу (б. м., Герцену): „Письмо ваше исполнено столь сильныхъ выраженій, что я не могу не принять ихъ весьма близко къ сердцу, но въ то время не мало удивляюсь, что вы думаете найти въ моей скудной библиотекѣ что-нибудь, могущее прибавить къ вашимъ обширнымъ знаніямъ. Мнѣ, русскіе историческіе живописцы, покажется стоить подъ вліяніемъ запрещенія, дожидаясь, однако-же, благополучнаго часа къ открытію для насъ важнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній. Въ этомъ видѣ я пробовалъ говорить съ вами въ Альбано о книгѣ Штрауса „Жизнь Христа“, въ переводѣ Литтре, вышедшемъ недавно въ Парижѣ. Вы сами видѣли, съ какою жаждою я искалъ черезъ васъ добыть эту важную книгу, но все прервалось вашею болѣзнію, что меня ужасно сокрушаетъ. Если, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, нельзя будетъ Н. П. Вотицку пріѣхать въ Римъ, то книгу мнѣ нельзя ли прислать будетъ съ кѣмъ либо изъ его или вашихъ знакомыхъ, сюда отправляющихся?“

Но нѣсколько позже, въ началѣ 1853, онъ пишетъ Солдатенкову, благодаря его за присылку книгъ съ В. Е. Раевыми: „Время мое не позволяетъ мнѣ почти никакого чтенія, особенно русскихъ книгъ, будучи употребляемо безпрестанно только на окончаніе моего настоящаго труда. Тороплюсь всѣчески кончить мое дѣло“...

Сильно работая, какъ видно, надъ своимъ внутреннимъ міромъ, нашъ художникъ не оставлялъ попеченій и о своихъ собратіяхъ по искусству. „Возьми себѣ одинъ разъ навсегда за правило—паставлять онъ брата еще въ письмѣ изъ Неаполя отъ юлія 1848—дѣйствовать согласно съ твоимъ собственнымъ убѣжденіемъ, а мнѣнія другихъ не иначе принимать, какъ перебравъ ихъ строжайшей критикой со всѣхъ сторонъ“.

„Въ письмѣ твоемъ отъ 30 сент. замѣтно,—пишетъ онъ ему же въ Неаполь 5 окт. 1851,—что ты хочешь сдѣлать дѣло въ половину, почему я и тороплюсь къ тебѣ съ этими строками, чтобы убѣдить тебя—объѣдять всю Сицилію и сдѣлать путешествіе сколько возможно совершеннѣе и подробнѣе, къ пользѣ твоего искусства. Не пренебреги моими словами. Въ твои дѣла, и съ твоими знаніями на 100 скудъ можно столько сдѣлать, чего послѣ и за 10-ть тысячъ не пріобрѣтешь“. Точно также онъ заботится и о постороннихъ—и въ

правственномъ, и въ материальномъ отношеніи.

Такъ, хотя онъ и пишетъ Гоголю про Иордана весной 1850: „Въ первые дни выставки Преображенія, я очень на него ропталъ (я это вамъ говорю, какъ великую тайну): мнѣ досадно было, что оно не только не лучше Моргена и Павона, гравировавшихъ тоже съ этой картины, но и не лучше всѣхъ гравюръ, какія находятся на свѣтѣ. Но я замирался внутренно съ Иорданомъ на томъ, что онъ не коренной русскій (этихъ словъ моихъ прошу никому не сообщать)“; а въ другой разъ — 5 іюня того же года: „Ф. И. удалось довести до конца свою длинную работу, но не думаю, чтобы были живительныя перемены въ гравюрномъ мѣрѣ и съ самыми счастливыми привѣтствіемъ его важнаго труда. Его искусство не коренное, а подчиненная страсть; его характеръ не уработанъ подъ стать наступившей эпохѣ нашего времени, и, наконецъ, его сердце — не русское“; — тѣмъ не менѣе, И — въ первый хлопочетъ и черезъ Гоголя, и черезъ другихъ, о предоставленіи Иордану всякихъ выгодъ и работъ, начиная съ портрета того же Гоголя, послѣ его смерти, и кончая портретами умершихъ вслѣдъ затѣмъ Жуковского и Брюллова.

Познакомивъ въ теченіи 1851 съ К. Т. Солдатенковымъ, собиравшимъ уже тогда картины русск. художниковъ, И — въ, судя по его письмамъ, сталъ не только составлять для этого извѣстнаго собирателя коллекціи фотографій съ древнихъ римскихъ зданій въ развалинахъ и со статуй Капитолія и Ватикана, а также съ произведеній знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ: Рафаэля, Л. да Винчи и др.; но еще исполнять всякія порученія по части заказовъ и пріобрѣтенія картинъ дорогихъ его сердцу собратьевъ по искусству, какъ пейзажистовъ Ант. Иванова, Жамета и др., и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать свѣдѣнія о заготовляемыхъ русск. художниками и посылаемыхъ ими на Петерб. выставку новыхъ произведеній, дѣлая при этомъ разныя, болѣе или менѣе, мѣткія характеристики, напр., Сорокину и др., въ родѣ того, что „сколько можно составить себѣ данныхъ изъ слуховъ, о немъносящихся, то изъ него можетъ выйти хорошій и дѣльный учитель (т. е., говоря по-французски, — профессоръ)“, и т. д.

Слѣдовательно, радикальныхъ переменъ въ жизни и направленіи дѣятельности И — ва все еще не было въ то время, равно какъ отчуж-

денія его отъ общества и въ особенности отъ женщинъ. Напротивъ, онъ все еще, если не мечтаетъ о себѣ, то заботится для другихъ о домашнемъ очагѣ, насколько можно заключить изъ слѣд. словъ его писемъ къ Иордану и Резанову отъ осени 1850: „Тутъ (т. е. къ Москвѣ) въ послѣдній разъ хорошо бы намъ подумать о подругѣ въ остальной вашей жизни, не пренебрегайте этимъ мнѣніемъ — писалъ онъ первому. Только вы должны въ самомъ дѣлѣ отбросить вами созданное обращеніе съ женщинами и дѣвщами... Конечно, этому много причиной наша прошлая итальянская жизнь, гдѣ мы совершенно отрваны были отъ всякаго семейнаго порядочнаго общества“. „Вы пріобрѣли такое сокровище, которое рѣдкою изъ насъ достается — пишетъ онъ второму — сердечную подругу въ остальномъ пути жизни“...

1855—58.

Но съ 1855 г. замѣчается уже нѣкоторое измѣненіе въ характерѣ нашего художника. Начиная снова предвидѣть крайнюю нужду въ материальныхъ средствахъ, онъ то проситъ Солдатенкова одолжить ему извѣстную сумму въ займы, то предлагаетъ ему пріобрѣсти, вмѣсто намѣченнаго тѣмъ для себя эскиза большой картины въ бытность его въ Римѣ въ 1851, — написанную послѣ того копію съ нея въ третью величину съ нѣкоторыми переиначеніями, для провѣрки размѣра фигуръ въ меньшемъ видѣ и отысканія общей гармоніи, причемъ говоритъ ему: „Благодаря вашему подарку [мнѣ], которыми вы обозначили вашъ сюда пріѣздъ, я сдѣлалъ много открытій въ дѣлѣ живописи. Въ этомъ новомъ занятіи годы кажутся днями, но это не только не убиваетъ, но еще утвояетъ мои силы“. Въ тоже время онъ сообщаетъ неизвѣстному лицу (б. м., Чижову): „Ведя къ окончанію мою большую картину, среди самаго труднаго времени, я все употребилъ, чтобы не беспокоить никого просьбами о деньгахъ, испытать въ послѣдній разъ едва выносимыя непріятности. Теперь я довелъ мою картину до окончательнаго вида, чувствую себя въ силахъ еще болѣе ее усовершенствовать, но т. к. нахожусь при самыхъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, въ сравненіи съ которыми надержки, тутъ, необходимыя, далеко превышаютъ мои настоящіе способы, то я и остановился, занявшись другимъ дѣломъ, по моему усмотрѣнію гораздо важнѣйшимъ и не требующимъ большихъ издержекъ. Долгомъ счесть извѣстить васъ объ этомъ трудномъ

моемъ положеніи и просить васъ о совѣтѣ, что мнѣ тутъ дѣлать? Могутъ ли быть новыя способности къ усовершенствованію большой моей картины, или уже мнѣ должно, къ стыду и величайшему моему горю, назвать ее конченою“...

Нѣсколько иначе объясняетъ И—въ переходѣ къ другимъ занятіямъ въ другомъ письмѣ къ неизвѣстному (Чижову или Герцену) отъ 10 іюля того же года: „Мой трудъ, большая картина, — признается, наконецъ, И—въ—болѣе и болѣе понижается въ глазахъ моихъ. Далеко ушли мы, живущіе въ 1855 г., въ мысленіяхъ нашихъ—тѣмъ, что, передъ послѣдними рѣшеніями учености литературной, основная мысль моей картины совсѣмъ почти теряется и, такъ образъ, у меня едва достаетъ духу, чтобы болѣе совершенствовать ея исполненіе, въ которомъ, однако же, хотѣлъ представить итогъ столь долгаго моего пребыванія въ Римѣ. Вы, м. б., меня спросите: что же я извлекаю изъ послѣднихъ положеній литературной учености? Тутъ я могу едва назваться слабымъ ученикомъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько пробъ, какъ ее приспособить къ живописному дѣлу. Однимъ словомъ, я, какъ бы оставляя старый бытъ искусства, никакого еще не положилъ твердаго камня къ новому, и въ этомъ положеніи дѣлаюсь невольно переходнымъ художникомъ“.

Черезъ два года послѣ этого замѣчательнаго письма нашъ художникъ пишетъ Герцену изъ Интерлакена 1 авг. 1857: „Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и, полагая, что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненія мыслей моихъ какъ въ разговорѣ съ вами..., я рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ съ 3 до 10 сентября. Въ художникахъ итальянскихъ совсѣмъ не слышно стремленія къ какому нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ. Не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, онъ въ 1848 и 49 гг., когда во главѣ стоящая партія грозила до основанія разрушить церкви,—думали: какъ бы получить для церкви новыя заказы. Такое противорѣчіе рождаетъ самый любопытный вопросъ: какъ думаетъ объ этомъ Мадзини? Почему и просить бы васъ покорнѣе свести меня съ нимъ во время пребыванія моего въ Лондонъ, но подумалъ, однакожь: не будетъ ли это свиданіе имѣть пагубныя послѣдствія для меня отъ римскаго

правительства, которое, вѣроятно, послѣдствіе послѣднихъ потрясеній, стоитъ на сторожѣ всѣхъ его дѣйствій въ самомъ Лондонѣ? Если, напр., (царскому) правительству вѣдуется вторгнуться въ мою студию въ Римѣ, для разсмотра моихъ книгъ, съ помощью которыхъ я пробую создать новый путь для моего искусства въ эскизахъ, то они, разумѣется, отберутъ отъ меня и то, и другое, что будетъ моимъ смертельнымъ нравственнымъ ударомъ“.

Подробности о перемѣнѣ во взглядахъ И—ва на требованія отъ искусства мы находимъ въ слѣд. строкахъ статьи Герцена въ его „Колоколѣ“ 1858 (№ 22): „Наконецъ Ивановъ пріѣхалъ, много состарѣлся онъ въ эти 10 лѣтъ, посѣдѣли волосы, типически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе, простота, добродушіе ребенка—во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ словахъ. На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потомъ пошли вмѣстѣ обѣдать. Ивановъ былъ задумчивъ, тяжелая мысль сквозила даже въ его улыбки. Послѣ обѣда онъ сталъ разговорчивѣе и наконецъ сказалъ: „Да, вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить,—я утратилъ ту религіозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто вспоминаю я наши разговоры—вы правы, да что мнѣ отъ этого, что отъ этого искусства? Миръ души разстроился, сыщите мнѣ выходъ, укажите идеалы! Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться, годы цѣлые занимали онъ меня и, когда онъ начали становиться яснѣе, я увидѣлъ, что въ душѣ нѣтъ больше вѣры. Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусства, не могу воплотить мое повое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ“, прибавилъ онъ съ жаромъ. „Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно; я не надивляюсь на французовъ и на итальянцевъ: разбирая по камню католическую церковь, они на перехватѣ ищутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу—нѣтъ, никогда, никогда! Мнѣ предавали главное за вѣдываніе живописныхъ работъ въ новомъ соборѣ—мѣсто, которое доставило бы и славу, и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ, да и отказался: что же я буду въ своихъ глазахъ, всюгда безъ вѣры въ храмъ и работая въ немъ съ сомнѣніемъ въ душѣ. Лучше остаться

бѣднякомъ и не брать кисти въ руки“ ¹⁾... — Хвала русскому художнику, безконечная хвала, скавалъ я со слезами на глазахъ, и бросился обнимать Иванова. Не знаю, сыщете ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даете свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ и за которую, вопреки всему, дѣлающемуся у насъ, мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность“.

Съ радикальной перемѣной во внутреннемъ мірѣ И—ва совпали и нѣкоторые внѣшнія событія въ его жизни. Пріѣздъ въ 1857 г. въ Римъ вдовствующей императрицы Александры Теодоровны, давшей средства нашему художнику на поѣздку для излеченія глазъ, открылъ двери его мастерской не только для Ея Величества и избранныхъ лицъ, но и для всей публики, раздѣлившейся при этомъ на двѣ партіи—поклонниковъ и порицателей.

Предпринявъ, благодаря полученной возможности, путешествіе за предѣлы Италіи, откуда онъ не выѣзжалъ цѣлыхъ 27 лѣтъ, И—въ совѣтовался съ извѣстными окулистами Эггеромъ и его сыномъ въ Вѣнѣ, Греффемъ въ Берлинѣ и Гейлусомъ въ Гейдельбергѣ, прописавшихъ ему для глазъ очки разныхъ №№, только поверхъ которыхъ онъ могъ глядѣть на натуру, затѣмъ читать по ¼ часа въ день лѣвыми глазами, закрывая правый, и, наконецъ, отдохнѣвъ отъ занятій, по крайней мѣрѣ, въ теченіе мѣсяца въ Швейцаріи, въ тѣнистой зелени, но отнюдь не въ снѣжныхъ горахъ, а доктора Циммерманъ въ Неаполѣ и Матюшенко въ Берлинѣ побудили его предпринять тамъ же, именно въ Интерлакенѣ, — сывороточное леченіе противъ болей въ желудкѣ. Самъ онъ не чувствовалъ, однако, никакой перемѣны въ себѣ и замѣчалъ только, что платья становятся узки,

но, по отзывамъ окружающихъ, онъ вообще поправился и попоинѣлъ.

Еще до начала леченія, И—въ успѣлъ осмотрѣть все важное въ Берлинѣ и Дюссельдорфѣ и поѣхалъ уже въ Парижъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ Н. П. Боткинымъ насчетъ дальнѣйшаго расположенія своего путешествія, собственно насчетъ покупки книгъ и матеріаловъ, какъ было просто насильно выгнанъ тѣмъ немедленно въ Вильбадъ, куда ожидался въ то время Государь Императоръ съ Императрицею, в. к. Михаиломъ Николаевичемъ, его невѣстой и друг. лицами Царской Семьи. Представленіе членамъ Императорской Фамиліи дѣйствительно состоялось черезъ гр. Вильгорскаго, услышаны были слова Его Величества: „Я надѣюсь, что ваше положеніе улучшится“, и послѣдовало даже приглашеніе на вечерній чай и концертъ тирольскихъ пѣвцовъ; произошло вслѣдъ за тѣмъ свиданіе съ Августѣйшимъ Президентомъ Акад. Худож., в. к. Маріей Николаевной, съ которой И—въ долженъ былъ видѣться потомъ, уже послѣ курса леченія, — въ Остенде, передъ отъѣздомъ въ Лондонъ и Парижъ, какъ видно изъ его письма къ брату отъ 13 августа. Во время путешествія по Германіи, онъ заглянулъ и въ Веймаръ, чтобы изучить тамошніе рисунки Л. да Винчи, и въ Франкфуртъ, гдѣ ему особенно понравилась картина Лессинга „Гусь передъ Константинымъ соборомъ“, и въ др. нѣмецкіе города, причемъ всездѣ его поражалъ упадокъ классическаго искусства и замѣна его—tableaux de genre, которымъ онъ такъ не симпатизировалъ; наконецъ, онъ посѣтилъ и столь интересовавшаго его Штрауса, съ волненіемъ подходя къ дому этого ученаго. Тотъ былъ сильно удивленъ, угндавъ художника, который до такой степени почиталъ его, что зналъ всю его книгу почти наизусть и расправлялъ его о нѣкоторыхъ неясныхъ для него мѣстахъ, рассказывая о своихъ композиціяхъ, о томъ, что еще думаетъ сдѣлать. Разговоръ былъ нѣсколько затрудненъ только тѣмъ, что одинъ говорилъ по-латыни, а другой—по-итальянски, т. к. Штраусъ не зналъ по-французски, а И—въ по-нѣмецки. Вернувшись изъ своей поѣздки въ Римъ, нашъ художникъ долженъ былъ вторично выставить свою картину для в. к. Елены Павловны, принявшей въ немъ дѣятельное участіе. Въ концѣ карнавала 1858 г. картина должна была быть отправлена черезъ Ливорно въ Петербургъ, самъ же авторъ, какъ мы узнаемъ изъ его писемъ, думалъ отправиться на 2-й не-

¹⁾ Тутъ очевидно Герценъ, вспоминая свои разговоры съ И—вымъ, спустя нѣкоторое время, когда писалъ статью, — переделъ его мысли не совсѣмъ въ томъ порядкѣ, какъ онъ былъ выраженъ: И—ву было предложено заняться живописными работами въ соборахъ Петербургскомъ—св. Исаакія и Московскомъ—Спаса, гораздо раньше потери имъ истинно религіознаго чувства, и если онъ отклонилъ отъ себя это дѣло, то лишь потому, что считалъ преступленіемъ передъ своей большой картиной брата за что либо другое, кромѣ этюдовъ и эскизовъ для нея.

дѣли поста въ Аѳины, а оттуда, вмѣстѣ съ братомъ, въ Иерусалимъ, и затѣмъ, оставшись въ Палестинѣ до конца мая, пуститься, черезъ Эфесъ, на Аѳонскую гору и въ Константинополь, только чтобы въ концѣ юня, ко времени прибытія картины, успѣть пріѣхать, черезъ Москву, въ Петербургъ. Но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться.

Еще въ письмѣ къ И. М. Сѣчену отъ февраля мѣсяца онъ говорилъ: „Крѣпко сожалѣю, что нѣмецкія книги, пріобрѣтенныя послѣднимъ воляемъ, остаются втунѣ, и вообще сердцевина будущихъ занятій должна оставаться въ сторонѣ, чтобы дать мѣсто для изслѣдованія мѣстностей² и получить способы на дальнѣйшіе шаги въ искусствѣ“. О тѣхъ же расчетахъ на будущее И—въ высказывался и въ письмѣ къ брату отъ марта мѣсяца: „Картина (моя) не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стою, крѣпко въ свое время и выдерживалъ всѣ бури, работалъ посреди ихъ и сдѣлалъ все, что требовала школа. Но школа—только основаніе нашему дѣлу живописному, изыскъ, которымъ мы выражаемся. Нужно теперь учинить другую станцію нашего искусства — его могущество приспособить къ требованіямъ и времени, и настоящаго положенія Россіи. Вотъ за эту-то станцію нужно будетъ постоять, т.-е. вычистить ее отъ воровъ, разбойниковъ, влѣзающихъ черезъ заборъ, а не дверьми входящихъ... Ты дорожишь римской жизнью: тутъ проведена кюность съ привѣтливѣмъ говоромъ молодыхъ дѣвицъ, нашихъ знакомыхъ; все это, съ прекрасной природой, съ пріобрѣтеніемъ знаній въ безпечной жизни, дѣлаетъ что-то такое неразвѣнное, что, кажется, шагу не хочется выступить изъ этого міра. Да, вѣдь, дѣль-то жизни искусства теперь другаго уже требуетъ! Хорошо, если можно соединить и то, и другое. Да, вѣдь, это въ сію минуту нельзя! А дѣль важнѣе околнностей, дѣль живописи въ настоящую минуту. Вѣдь надобно же, наконецъ, выснить, что трафаретные или академическіе иконостасы съ картинками-этажами составляютъ гильзъ нашего времени и служатъ къ истребленію чело- вѣческихъ способностей, въ особенности русскихъ, какъ еще болѣе всѣхъ сохранившихъ свѣжесть силъ. Еслибы, напр., мнѣ даже не удалось пробить или наметнуть на высокій и новый путь, стремленіе къ нему все-таки показало (бы), что онъ существуетъ впереди, и это уже много и даже все, что можеть дать въ

настоящую минуту живописецъ“... Призывая, что все сильно измѣнилось въ то время. И—въ писалъ по поводу своей картины и этюдонъ къ ней, въ проектѣ своего письма къ в. к. Маріи Николаевнѣ въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ: „Что касается до публики, то ея требованія ушли дальше, отвѣты на которыя разрѣшатся впо- слѣдствіи. Требуя портрета мѣстности дѣй- ствія, спрашиваютъ о крестѣ въ рукѣ Іоанна Крестителя и т. д., — однимъ словомъ, не довольствуясь одной школой у новѣйшаго худож- ника, хотя живого воскресенія древняго міра, со всѣми доказательствами послѣднихъ резуль- татовъ учености. Эти вопросы могутъ ясно до- казать, что искусство живописи должно процвѣсти въ самую высокую и послѣд- нюю степень, т.-е. увѣнчать всѣ усилія новѣйшихъ антикваріевъ и ученыхъ, — залогъ лестный для насъ, въ особенности русскихъ, не выступавшихъ еще на по- прище и прозябавшихъ пока мѣстѣ въ оранжереѣ европейской нашей Акаде- міи... Этюды приготовительные весьма зани- мали художниковъ. Отдѣльнотъ картины, они мало значатъ и теряютъ цѣну. Все это, вмѣстѣ съ картинной, можеть быть практическимъ и яснымъ наставленіемъ для молодыхъ худож- никовъ русскихъ, готовящихся на большой путь искусства живописнаго. А т. к. въ настоящую минуту уже начинается въ Москвѣ Рисоваль- ная школа, то очень бы было кстати все это, вмѣстѣ съ картиной, туда перевести и уставить (тамъ). При настоящемъ движеніи Рос- сіи, разумѣется, что Москва опять по- лучитъ свое центральное значеніе. Во всемъ этомъ, впрочемъ, я буду имѣть счастье говорить съ вами лично, теперь (же) только накидалъ вамъ первую мою мысль—слу- жить моей картиной и этюдами, какъ живой школой, въ средоточіи Россіи, на- шего отечества“.

Привед. отрывки изъ писемъ И—ва краспо- рѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ, на сколько онъ, какъ истинно передовой чело- вѣкъ, не только не пошелъ назадъ подъ влияніемъ всякихъ не- вѣзгодъ въ его жизни и переворотовъ — въ об- щественной, но еще шагнулъ значительно впе- редъ, ничего не ожидая отъ Академіи — „этой оранжереѣ чужихъ растений“, какъ онъ выра- жался, притомъ въ Петербургѣ — „городѣ, не имѣющемъ ничего характеристическаго“, и воз- лагая, напротивъ, всѣ надежды лишь на Мо- сковскую Художественную школу, какъ имѣю- щую центральное значеніе, по нахожденію въ

самомъ средоточіи всей страны. Но, къ сожалѣнію, послѣдующія поколѣнія не только не поплы по стопамъ нашего великаго художника, который могъ бы служить примѣромъ во многомъ, но даже круто повернули отъ него.

Высказывая въ письмахъ къ Н. П. и П. П. Боткинныиъ отъ 24 марта свои предчувствія и грустные мысли, что „трудныя и загадочныя (для него) минуты въ Петербургѣ превзойдутъ всѣ предшествующія“, и что „раздуку съ Римомъ, послѣ 28-мигѣтнаго пребыванія, раздуку съ трудомъ, на который употреблена самая большая часть этого времени, и неизвѣстность будущности его положенія,—все это, въ его подлѣмъ одиночествѣ, онъ долженъ перерабатывать, и перерабатывать“, И—въ сообщалъ первому изъ нихъ, что въ тотъ день „у него свернулось все на то, что онъ будто бы везетъ картину въ Парижъ и Лондонъ, но эти перескачки въ жизни не подтверждены еще в. к. Еленой Павловной“, а второму—, что „все употребитъ, чтобы быть съ картиной въ Петербургѣ съ первымъ пароходомъ изъ Штетина“, оставшись въ Римѣ только до пасхи. Затѣмъ, 24 апрѣля, онъ заявлялъ брату, что „все со дня на день ждетъ извѣстія изъ Марселя, и изъ Штуттгарда—для Штетина, гдѣ предполагался сѣзъ его съ в. к. Ольгой Николаевной“.

Наконецъ, сдѣлавъ у Кучони въ Римѣ, послѣ двухъ неудачъ,—257 фотографическихъ отпечатковъ съ картины въ маломъ видѣ и 32—въ большомъ (причемъ большіе негативы лопнули), И—въ, черезъ портъ Чивитта Веккіа и Тулонъ отправился съ своей картиной на пароходѣ въ Марсель, куда и пріѣхалъ 4 мая в. с., а потомъ по жел. дорогѣ, черезъ Парижъ (6-го числа) и Кельнъ (10-го),—въ Гамбургъ (12-го) для встрѣчи в. к. Ольги Николаевны и въ Киль (17-го) для переѣзда въ Петербургъ, терпя всевозможныя затрудненія отъ таможенныхъ проводочекъ и величинны самого ящика, то не входившаго во внутрь парохода или вагона, то требовавшего громадныхъ затратъ для отправки со скорыми поѣздами.

Несмотря, однако, на всякія непріятности въ пути, нашъ художникъ внимательно осматривалъ все достопримѣчательное въ посѣщенныхъ имъ впервые городахъ, письменно дѣлясь съ братомъ своими дорожными впечатлѣніями. Такъ, по поводу Кельна, онъ писалъ ему 10-го мая: „Кельнскій соборъ великолѣпенъ. Это строеніе въ самомъ дѣлѣ есть плодъ вѣрованія, выработаннаго въ сѣверномъ климатѣ герман-

цами... Въ частныхъ домахъ видно стараніе архитекторовъ пособить остроугольнымъ крышамъ—равнымъ маскированіемъ и горизонтальными линіями, что дѣло, конечно, вкуса, но не разума, противъ котораго онъ спорить“. А по поводу Гамбурга—12-го числа: „Сейчасъ здѣсь былъ на выставкѣ художническихъ произведеній—что это за угожденіе мелочному и тривіальному требованію публики! Впрочемъ, ландшафты случаются съ достоинствами, но все-таки портреты—ландшафты картины“.

Но въ Киль И—ва вдругъ постигли роковыя симптомы начинавшейся болѣзни: какъ разъ передъ самой нагрузкой картины на русскій казенный пароходъ „Олафъ“ (17-го числа въ 2 ч. пополудни), для отплытія въ Петербургъ съ Великой Книгиней, у него изъ носу пошла кровь, которой уже въ Гамбургѣ текло со стаканъ, а тутъ она лилась стаканъ за стаканомъ, такъ что доктору едва удалось унять ее на 5-мъ, посредствомъ полосканья, и лишь только А. А. попробовалъ встать съ постели, какъ обморочный припадокъ, случившійся въ первый разъ въ жизни, снова свалилъ его съ ногъ. Это обстоятельство, послѣ освидѣтельствванія его двумя военными докторами—датскимъ и русскимъ съ парохода, побудило нашего художника, вмѣсто дальнѣйшаго путешествія, вернуться черезъ нѣск. дней (20-го числа) опять въ Гамбургъ, т. к. на другой день онъ чувствовалъ себя столь слабымъ, что едва на полчаса, да и то подъ руки, могъ сходить прогуляться къ вечеру въ садъ гостиницы, гдѣ онъ остановился. Тутъ ему все приходило въ голову: нельзя ли совсѣмъ забавиться отъ посѣщенія Петербурга, въ чемъ его еще болѣе утверждалъ русс. докторъ, находившій, что, послѣ столь долгаго пребыванія въ Римѣ, климатъ Петербурга, очевидно, будетъ ему вреденъ и что ему нужно будетъ опять возвратиться въ Римъ. „Еслибы можно было возвратиться сейчасъ къ тебѣ въ Римъ—писать А. А. брату 19-го мая,—то ужъ лучше этого ничего бы не могло быть!“ Однако, вмѣстѣ съ этимъ, его мучила и другая мысль: „Кому поручить картину, кто захочетъ хоть сколько нибудь хлопотать!“

Послѣ описаннаго случая съ И—вымъ, ему никто не советовалъ ѣхать моремъ въ Петербургъ (даже черезъ Штеттенъ), ибо морская болѣзнь могла возбудить кровотеченіе, отправиться же черезъ Кенигсбергъ на перекладныхъ—было совсѣмъ не по силамъ, а при направленіи черезъ Варшаву—приходилось за-

нимать мѣста въ дилжансѣ мѣсяцемъ раньше. Поэтому онъ при первой возможности посѣдѣшилъ въ Берлинъ (21-го числа), чтобы посоветоваться насчетъ здоровья и дальнѣйшей дороги съ С. П. Боткинѣмъ, и, тотчасъ послѣ совѣщанія съ нимъ, равно какъ и съ другими, временно находившимися въ столицѣ Пруссіи, русс. молодыми докторами, направился, черезъ Штеттинъ, въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ бр. П. и М. Боткиными. Здоровье его, какъ онъ сообщалъ брату изъ Штеттина 29 мая нов. ст., совсѣмъ поправилось и онъ уже не чувствовалъ головной боли, что было слѣдствіемъ боленія; однако же блѣдность на лицѣ все еще была замѣтна, и онъ продолжалъ по прежнему принимать желѣзо въ капляхъ по 4 раза въ день, что требовалось дѣлать еще недѣли двѣ.

Съ возвратомъ на родину, на И—ва пахнуло прежней жизнью. На ряду съ воспоминаніями о годахъ, проведенныхъ въ Акад. Худож., и съ желаніемъ узнать о судьбѣ полюбившейся ему нѣкогда аристократки, какъ мы узнаемъ изъ воспоминаній М. П. Боткина, его стало занимать все окружающее. Считая русскую рѣчь музыкой для себя, онъ съ восхищеніемъ ходилъ слушать церковное пѣніе, хотя не пренебрегалъ и пѣніемъ цыганъ и гитарцевъ на минеральныхъ водахъ; съ удовольствіемъ стремился въ театръ видѣть слышаннаго имъ въ чтеніи самого Гоголя „Ревизора“, исполненіемъ котораго онъ остался очень доволенъ. Зато удобствами жизни и внѣшнимъ видомъ столицы, послѣ большихъ европейскихъ городовъ, онъ былъ не вполне доволенъ, особенно не нравилась ему здѣшняя архитектура, за исключеніемъ Исаакіевского собора.

Находя, напр., что „церковь Благовѣщенія (К. Тона) поражаетъ нелѣпностью архитектуры“, И—въ писалъ брату 4 іюня про Исаакіевскій соборъ: „Въ обществѣ, покажишь, ругаютъ Исаакія, но массы хвалятъ. Воля твоя, а я отдыхаю на Исаакіѣ отъ архитектуры другихъ церквей, кромѣ развѣ Казанскаго,—право все это шутки, которая стоитъ вышвырнуть вонъ. Въ Исаакіѣ хуже всего внутри—золотыя фигуры, эти лепешки барокко, и, представь, на самой серединѣ иконостаса — скульптура, не скульптура, и живопись, не живопись: это образъ-центавръ, т. е. скульптурныя фигуры съ плоскими живописными лицами, къ нимъ приставленными, которыя съ боковъ имѣютъ какъ бы право на общую картину, ибо оканчиваются святыми, написанными на плоскости.

Вѣдь выдумали же дичь!“ А немного раньше—29 мая: „Я разсматривалъ живописи, но напелъ только архитектуру Монферрана, которая и снаружи, и внутри, превосходитъ и живопись, и скульптуру, далеко. Въ самомъ дѣлѣ, архитектура напоминаетъ греческую или, лучше, римскую, и драгоценностью матеріаловъ дѣлается монументальною, тогда какъ скульптура, потерявъ весь характеръ Фидія, изнемогаетъ подъ новыми приложеніями къ церкви, а живопись, законно выйдя изъ первобытной византийской, остановилась здѣсь только на холодномъ академическомъ ученіи“.

Но скоро въ Петербургѣ опять пошли бѣды одна за другой, какъ видно изъ писемъ И—ва къ брату, начиная съ перваго отъ 23 мая ст. ст. и кончая послѣднимъ—отъ 27 іюня. То ему пришлось понапрасну, при ужасной погодѣ, ѣздить въ Царское Село, куда предполагалось сперва направить картину въ виду пребыванія тамъ Двора, и вернуться никого не выдавъ; то надо было, по совѣту гр. Вильгорскаго, похвѣть прежде всего къ в. к. Маріи Николаевнѣ въ Сергіевку, причемъ, простудясь на пароходѣ, онъ получилъ-было холеру и былъ спасенъ только приватыми мѣрами со стороны доктора в. к. Елены Павловны—Тарасова (котораго И—въ особенно чтилъ за заботы по утѣженію сестеръ милосердія); то рождались все новыя недораумія насчетъ того, гдѣ выставить картину—въ Зимнемъ ли Дворцѣ, куда она была доставлена и гдѣ должна была пребыть три дня Царская Семья передъ освященіемъ Исаакіевского собора, во дворцѣ ли в. к. Елены Павловны, какъ предлагала Ея Высочество, или въ Академіи, согласно предложенію в. к. Маріи Павловны, бывшей въ то время президентомъ ея; то, наконецъ, онъ долженъ былъ выслушивать грубости отъ гр. Гурьева, къ которому онъ обратился за дозволеніемъ присутствовать на освященіи Исаакіевского собора, — изъ-за пошенія бороды.

Съ великой клягинею президентомъ И—ву удалось говорить очень о многомъ: и о собственной картинѣ, и о занятіяхъ его брата Сергѣя, и о будущихъ планахъ (о путешествіи въ Палестину и переселеніи на время въ Римъ для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ), и объ иконной живописи и кн. Гагаринѣ (будущемъ вице-президентѣ Академіи), причемъ дѣло не обходилось безъ противорѣчій, т. к. Марія Николаевна признавала работы послѣдняго (напр., въ церкви при ея дворцѣ) образцами этого рода иску-

ства. Главное же, что встрѣчалъ часто нашъ художникъ по возвращеніи на родину, это—высокомѣріе, за очень рѣдкими исключеніями, со стороны своихъ собратѣвъ, сдѣлавшихся тѣмъ временемъ важными лицами, благодаря полученнымъ должностямъ и чинамъ. Такъ, напр., тогдашній ректоръ Академіи и хранитель картинъ въ Эрмитажѣ, проф. Бруни, какъ бы не довѣряя бумагѣ министра Двора гр. Адлерберга на имя И—ва о Высочайшемъ повелѣніи выставить картину для Государя, а потому и для публики, въ одной изъ залъ Зимняго Дворца, по его собственному выбору, заставилъ полубольного художника сѣздить еще разъ въ Царское Село съ дѣлю доставленія отъ оберъ-гофмаршала гр. Шувалова именного повелѣнія для него лично; затѣмъ, противясь почему-то выставкѣ ея въ Испанской галлерей Эрмитажа,—все-таки добился своего, чтобы она была выставлена въ Бѣломъ залѣ, гдѣ она освѣщалась неровно—рефлексами, либо снизу свѣтъ падалъ тамъ на лѣвый уголъ, въ серединѣ была рефлекція отъ другого окна, а все остальное находилось въ тѣни отъ потолка.

Даже послѣ осмотра картины (28 мая) Государемъ Императоромъ, принявшимъ художника весьма пріятливо и очень благодарившимъ его за этотъ трудъ, и происходившаго вслѣдъ затѣмъ разговора в. к. Марія Николаевна съ гр. Адлербергомъ, положеніе И—ва ничуть не выяснилось. Хотя при вопросѣ оберъ-гофмаршала Муханова и его брата: что лучше—пенсія или по смерти или плата единовременная, онъ, напирая на послѣднее, и убѣдилъ ихъ въ томъ же, тѣмъ не менѣе гр. Вельгорскій сообщилъ ему черезъ день, „что довольно трудно его вещь оцѣнить, но что, какъ онъ думаетъ, при умѣренной платѣ ему будетъ пенсія, а Академія дастъ профессорство“.—„Это послѣднее ужасно!—восклицалъ И—въ въ письмѣ къ брату отъ 31 мая. Дѣлать нечего, надобно и это выносить терпѣливо, если уже въ идеяхъ общества это условіе такъ закоренѣло“. Въ довершеніе всего, вслѣдъ за выборомъ имъ, совместно съ М. П. Боткинымъ, въ силу именного повелѣнія и съ согласія Бруни, аванзалы со стороны Крещенскаго подъяда для выставки картины, послѣдоваго удѣмленіе отъ гр. Шувалова, „что картина не можетъ оставаться болѣе во Дворцѣ для публики и что ее нужно отправить въ Академію для выставки“. Сообщая объ этомъ брату въ томъ же письмѣ, А. А. прибавлялъ: „Послѣ обѣда пошли мы выбирать залу въ Академію.

Что за грусть навѣяла на меня Академія. Выбрали, однако же, античную галлерейю около „Афинской школы“ (т.-е. копій съ картинъ Рафаэля), гдѣ французскій живописецъ Ивонъ выставилъ также свою „Баталію Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ“—картину больше Ивановской, „по совершеннѣйшей декорациіи театра, да еще какъ бы за 50 лѣтъ передъ тѣмъ писанную“.

Вынужденный при этомъ дѣлать разные официальные визиты для устройства своего дѣла, И—въ отдыхалъ только въ кругу сочувствовавшихъ ему людей, каковы были для него: кромѣ Боткиныхъ—Кавелинъ, Хомяковъ, Гончаровъ, Тургеневъ, кн. Щербатовъ (почетный Петерб. университета), причемъ онъ не отказывался и отъ литературныхъ обѣдовъ въ честь послѣднихъ двухъ лицъ, уклоняясь, напротивъ, отъ лицемѣрныхъ приглашеній со стороны своихъ собратѣвъ.

Наконецъ, 9 июня картина была перенесена въ Академію и поставлена на избранномъ мѣстѣ, вѣстѣ съ остальными этюдами и эскизами къ ней. Матеріальныя средства И—ва изъясняли, благодаря столичной дороговизнѣ и необходимости многихъ побочныхъ расходовъ, которые онъ и покрывалъ только изъ 200 червонныхъ, испрошенныхъ в. к. Ольгой Николаевной у Государя еще раньше, и 1000 р., вырученныхъ имъ отъ продажи негатива съ картины Водову. Между тѣмъ слухи о 30 тыс. за картину замѣнились уже 10-ю и даже 8-ю, такъ что никто не могъ сказать, на чемъ дѣло остановится, даже в. к. Константинъ Николаевичъ, которому нашъ художникъ высказалъ предположеніе употребить полученную отъ Государя сумму на путешествіе въ Иерусалимъ и Синай, но получилъ въ отвѣтъ, что туда его могла бы послать и Академія.

Съ каждымъ днемъ нашему художнику становилось все труднѣе и тяжелѣе. „Два обстоятельства: уменьшеніе платы (за картину) и власть аматера (кн. Гагарина) надъ специалистомъ—пишетъ онъ онъ брату 14 июня,—разумѣется, заслоняютъ въ моихъ глазахъ все прочее, ибо все прочее заключается только въ пріятныхъ словахъ и въ весьма немногихъ приходахъ... Видно, что составила партія о предомненіи мнѣ пути,—прибавлялъ онъ,—я вѣдъ съ моими новыми идеями долженъ ожидать новыхъ страданій“..

На выставкѣ продавались лишь этюды и нѣкоторыя изъ эскизовъ—В. А. Ковреву (голова мальчика въ тѣни, видъ Тиволи съ Монтчечелли,

ближайшій къ картинѣ эскизъ), гр. С. Г. Строганову (другой эскизъ) и т. д.; надежды на Громова, гр. Кушелева-Безбородко и др.—не оправдались; но публики каждый день бывало много—и „вызсательный взглядъ, по большей части полный здравыхъ разсужденій, ее отличалъ“, какъ говорилъ И.—въ томъ же письмѣ къ брату. Въ видѣ развлеченія онъ посѣщалъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ—Оленину (дочь бывшаго президента Академіи), двухъ Орловыхъ (рожд. Раевскую и рожд. Кривцову), Плетнева, кн. Вяземскаго и проч., не забывая при этомъ и дѣловыхъ посѣщеній, необходимыхъ или полезныхъ для его будущихъ работъ.

„Замѣчательна моя просьба къ Чернышевскому о переводѣ нѣкотор. строкъ съ нѣмецкаго, относящихся къ будущимъ моимъ занятіямъ“... „Пробылъ долго въ Госуд. Библиотекѣ (т.-е. въ Имп. Публичной), гдѣ завалили меня и Стасовъ, и Горностаевъ разными увражамъ, но интересамъ моимъ мало удовлетворили—за ними нужно обратиться къ Маріи Николаевнѣ“,—пишетъ онъ брату все въ томъ же письмѣ, подъ 22-мъ и 23-мъ числами. Правда, И.—въ скрывалъ отъ другихъ предметъ своихъ будущихъ работъ, но разбитый еще на пароходѣ ящикъ съ альбомами и важѣйшими книгами, осматрѣнными потомъ въ конторѣ в. в. Елены Павловны (что ему было крайне неприятно, какъ видно изъ письма его къ брату отъ 27 мая), подалъ поводъ къ толкамъ о желаніи его выдать родъ коллекціи рисунковъ библейско-евангельскихъ, о чемъ онъ узналъ изъ разпросовъ Плетнева. Поэтому надо просто изумляться, какъ онъ рѣшился, судя по воспоминаніямъ *В. П. Гаевского* и *П. М. Ковалевскаго*, самъ разсказывать имъ въ Лондонѣ и Парижѣ въ 1857 г. о своихъ будущихъ планахъ.

Даже Чернышевскому, къ которому онъ привозилъ „новое изданіе одного знаменитаго нѣмецкаго теологическо-философскаго сочиненія (Штрауса) и французскій переводъ одного изъ прежнихъ изданій этой книги“—для сличенія новаго изданія подлинника съ этимъ переводомъ и для передачи ему измѣненныхъ авторомъ мѣстъ, И.—въ, видимо, не опредѣлилъ ближайшей цѣли этихъ розысканій, сказавъ только: „Въ новомъ изданіи авторъ сдѣлалъ значительныя перемѣны, такъ что опровергъ нѣкоторые изъ выводовъ, на которые соглашались прежде изъ уваженія къ возраженіямъ Неандера,—и мнѣ хочется знать, въ чемъ именно состоятъ эти перемѣны“. Когда же Чернышевскій спросилъ его: неужели его такъ сильно занимаютъ изслѣ-

дованія этого философа?—Ивановъ отвѣчалъ лишь: „А какъ же! Вѣдь я долженъ знать, какимъ образомъ понимаютъ нынѣ передовые люди нашей цивилизаціи тотъ предметъ, изъ котораго преимущественно беретъ свои сюжеты искусство; художникъ долженъ стоять въ уровень съ понятіями своего времени“. Послѣ чего разговоръ обратился на сочиненіе, привезенное И.—вымъ, и другія изслѣдованія подобнаго рода, причемъ изъ его бесѣды обнаружилось, что онъ основательно изучилъ многія изъ нихъ. „Мы, художники,—заключилъ онъ,—получаемъ слишкомъ недостаточное общее образованіе—это связываетъ намъ руки. Сколько силъ у меня останется, буду стараться, чтобы молодое поколѣніе было избавлено отъ недостатка, отъ котораго мнѣ пришлось избавляться такъ поздно. Вотъ теперь я, какъ видите, долженъ узнавать съ большимъ затрудненіемъ то, что другіе узнаютъ въ университетѣ. А какъ трудно отдѣлываться въ мои дѣла отъ вкоренившихся понятій!“ „У насъ въ Россіи,—продолжалъ онъ далѣе,—находится много людей съ прекрасными талантами къ живописи, но великихъ живописцевъ не выходитъ изъ нихъ потому, что они не получаютъ никакого образованія. Владѣть кистью—этого еще очень мало для того, чтобы быть живописцемъ; живописцу надобно быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Если я получу какое-нибудь вліяніе на искусство въ Россіи, я прежде всего буду хлопотать объ устройствѣ такой школы живописи, гдѣ молодые люди, готовые быть художниками, получали бы основательное общее образованіе; ...въ средѣ ихъ могло бы развиваться новое направленіе искусства... Мнѣ хотѣлось бы положить хотя начало этому дѣлу. Буду трудиться, мало-по-малу научусь яснѣе понимать условія новаго искусства, а потомъ выйдутъ изъ молодого поколѣнія люди, которые совершатъ начатое мною“. Затѣмъ, на просьбу Чернышевскаго опредѣлить, хотя въ общихъ чертахъ, въ какомъ видѣ представляется ему новое направленіе искусства, насколько оно стало уже понятно для него?—Ивановъ высказалъ слѣдующія соображенія: „Съ технической стороны, оно будетъ вѣрно идеямъ, которымъ служили Рафаэль и его современники-итальянцы; техника доведена ими до высокой степени совершенства; тутъ намъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-Рафаэлевской манерѣ, у насъ—о византийскомъ стилѣ въ живо-

писки; такія отступленія назадъ и невозможны, и не заслуживаютъ сочувствія; формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля,—мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI в. не было такихъ, какія имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницею ихъ. Соединить Рафаэлевскую технику съ идеями новой цивилизаціи—вотъ задача искусства въ настоящее время... Искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребностямъ людей; оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. И, знаете ли, боюсь, какъ бы не подвергнуться гоненію—вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предрассудковъ и преданій; это замѣтатъ, скажутъ, что оно стремится преобразовать жизнь, и, знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду—оно дѣйствительно такъ». На увѣренія же Чернышевскаго, что его будутъ преслѣдовать только завистники, чтобы онъ не отнялъ у нихъ выгодныхъ работъ и почетныхъ мѣстъ, да и то пока не убѣдитъ, что ему неавиѣстно искусство быть по карманамъ и интриговать, И—въ, рассказавъ своему собесѣднику, къ его совершенному изумленію, какъ онъ отказался отъ двухъ громаднѣхъ и чрезвычайно выгодныхъ заказовъ, замѣтилъ одно: „Какое бы ни было достоинство моей кисти, я все-таки не могу согласиться, чтобы она служила такому дѣлу, истинны котораго я не признаю. Притомъ же я не хочу быть декораторомъ, (а) для этихъ заказовъ нужна декоративная работа... Мнѣ теперь надобно работать надъ самимъ собою, а не надъ полотномъ“... Возвращаясь не разъ къ тому, что „со временъ своего прощанія въ Италію въ XVI в. живописи забывала развиваться сообразно процессу общественнаго идей, что художники нашего времени не должны довольствоваться тѣми идеями, которыя дошли до нихъ по преданію эпохи, уже давно превзойденной новыми успѣхами цивилизаціи, (т. е.) новое время требуетъ новаго искусства“, И—въ признавался, что „идеи новаго искусства, сообразно съ современными понятіями и потребностями, до сихъ поръ еще не воплотились въ немъ“... „Я долженъ,—добавлялъ онъ,—еще долго и неуспѣшно трудиться надъ развитіемъ своихъ понятій; не раньше,

какъ черезъ 3—4 года, я самъ отчетливо пойму, что и какъ я долженъ дѣлать; я долженъ разработать свои понятія и опредѣлить ихъ. Раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современнаго искусства, я не начну производить новыя картины; до той поры я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ“... И тѣмъ не менѣе И—въ ничѣмъ не выдалъ Чернышевскому о начатыхъ уже имъ тогда работахъ (см. „Соврем.“ 1858, № 11, отд. I, с. 175—180).

Несмотря на постоянную нужду въ деньгахъ, И—въ все-таки думалъ подарить въ Моск. рисовальн. классъ картины отца, свои первыя, бывшія вмѣстѣ съ ними, а также вѣкторія, привезенныя изъ Рима, считая это „самымъ лучшимъ ихъ употребленіемъ“. „Впрочемъ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ брату,—надо прежде познакомиться съ самимъ Моск. классомъ, содержащимся на казенный счетъ чиновниками и покровительствуемымъ вельможе-дворянами“. Кн. Оболенскій совѣтовалъ ему, если за картину будутъ давать дешево (в. к. Константинъ Николаевичъ опредѣлялъ эту сумму въ 12 т. р.), взять и ее въ Москву, гдѣ, по его мнѣнію, скорѣй купить — и лучше.

Какъ вдругъ въ среду 25-го іюня, И—въ узнаетъ, что еще съ воскресенья появились о немъ статья въ „Сынѣ Отеч.“, гдѣ, по его словамъ, противоположная партія ему—какъ увѣряютъ: Бруни и др. члены Академіи—прикрылись именемъ весьма малознакомаго и плохого литератора (Толбина). „Статью приносятъ къ картинѣ, прибавляеъ оны, и читаютъ, слывая. Пименовъ (котораго И—въ считалъ самымъ талантливымъ человѣкомъ, какой въ Академіи тогда находился) и др. члены Академіи обѣщаютъ выступить съ отвѣтомъ. Онъ мнѣ говорилъ, что картина моя не поразила Дворъ, какъ картина Брюлло“... „Ты не повѣришь, что за дерзкую статью написали обо мнѣ въ „Сынѣ Отеч.“—пишетъ онъ брату еще разъ (26 іюня). Съ нею ходятъ на выставку провѣрить, случные и способные ко азу. Противоположная партія, т. е. (та, что) за меня, едва-ли въ состояніи отгнать вопльъ это аго“... На 27-мъ іюня останавливается самая переписка И—ва съ братомъ.

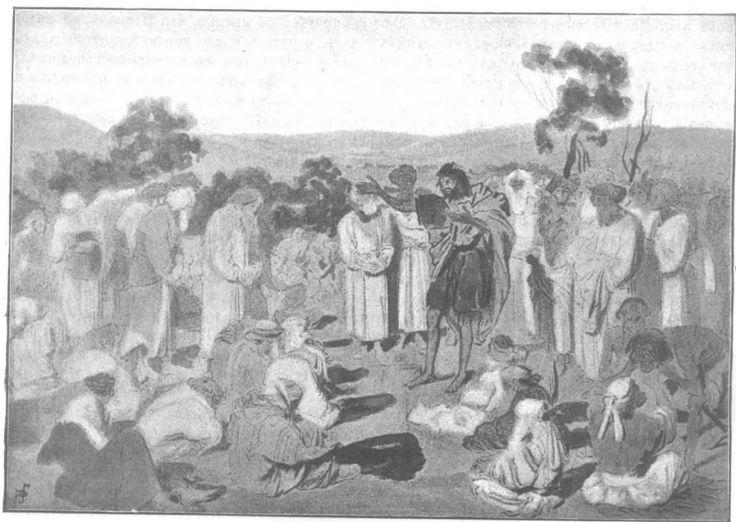
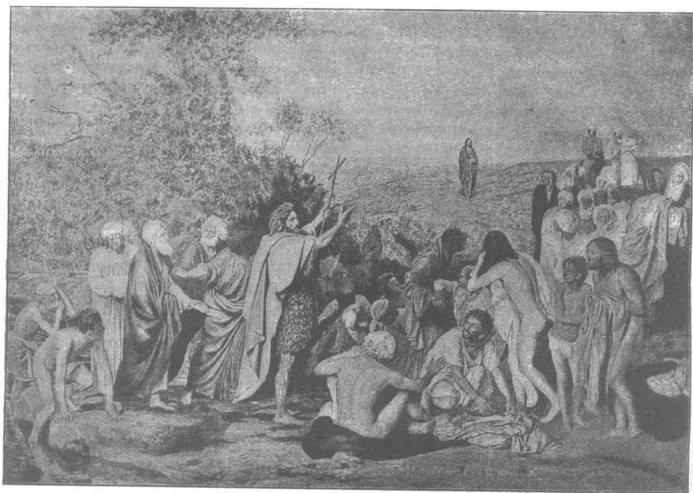
Упоминаемая здѣсь статья, появившаяся въ 25 № „Сына Отеч.“ отъ 22 іюня 1858, дѣйствительно выходила изъ ряда вонъ по своему безобразному отношенію къ картинѣ И—ва, не только въ смислѣ общаго ироническаго тона,

мѣстами сглаженного, правда, кой-какими похвалами по адресу художника, но еще въ смыслѣ чисто неприличныхъ намековъ. Просто не понятно даже, какъ могъ *В. Толбинъ*, помѣстившій уже біографію И—ва въ № 37 того же „Сына Отеч.“ отъ сент. 1857, написать теперь подобный фельетонъ. Относясь нѣсколько пронычски даже къ Гоголю и Жуковскому, какъ первымъ глашатаямъ „о высокихъ достоинствахъ картины, въ то время далеко не конченной“,—вслѣдствіе ихъ чрезвычайной восприимчивости и восторженного почитанія „не только самого прекраснаго, но и отвлеченной идеи о немъ“, авторъ говорилъ даже, что „таинственность и недоступность, которыми окружалъ художникъ исполненіе картины, доводили любителей дилетантовъ живописи до лихорадочной истомы“, и прибавлялъ при этомъ, что „лишенные возможности проникнуть въ святѣйшее могли представить себѣ всю прелесть его произведенія лишь по аналогіи, по мечтательному сравненію невидѣннаго съ видѣннымъ—по картинѣ г. Иванова, находящейся въ Имп. Эрмитажѣ,—„Марія Магдалина, урѣзавшая Спасителя въ вертоградѣ“. „То былъ первый драгоценный даръ молодого художника русскому искусству, присланный изъ Италіи!—восклидалъ Толбинъ. То былъ перлъ, въ которомъ отражалось все чисто-Ивановское, начиная съ колорита, позъ, экспрессіи, до малѣйшихъ складокъ одеждъ: ...никто изъ древнихъ извѣстныхъ художниковъ (Скарпеллоні di Credi, Микель-Анджело, Анджело Аллори Bronzino, Скарсеццѣ, Перуджино, Бароччіо, Корреджіо), писавшихъ на этотъ же самый сюжетъ и которыхъ произведенія, вѣроятно, видѣлъ и изучалъ г. Ивановъ, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на идею и исполненіе въ этомъ прекрасномъ произведеніи русскаго художественнаго творчества. Ручательство за превосходное исполненіе второй задуманной огромной картины было, сдѣловатъ, несомнѣнно. Публикѣ оставалось только ждать новаго отраднаго явленія въ нашей русской школѣ живописи... А между тѣмъ г. Ивановъ продолжалъ трудиться и, къ полной его чести, трудиться такъ, какъ не трудились, можетъ быть, ни Брюлловъ, ни Бруни, ни Молеръ (извѣстно, что Брюлловъ, носившій въ умѣ идею „Помпей“ пять лѣтъ, написалъ картину менѣе, чѣмъ въ годъ). Каждый камень, каждый листокъ, каждый мельчайшій аксессуаръ, г. Ивановъ рисовалъ съ натуры, перерисовывалъ нѣсколько разъ, вѣдѣлъ въ Палестину [чего со-

всѣмъ не было] и, наконецъ, даже до того ослабилъ непрерывными занятіями артіею, что долженъ былъ лечиться серьезно и продолжительно. Можно ли было, послѣ всего этого, заранѣе не симпатизировать труду, приобретающему такую дорогую цѣну?.. и, въ особенности, не имѣть заранѣе слѣпотаго пристрастія тогда, когда вѣсти изъ-за границы въ послѣднее время провозгласили, говоря объ этой картинѣ, — о Пуссеневскомъ пейзажѣ, о полнотѣ концепціи, о строгой правильности рисунка. Въ послѣднемъ, даже заочно, никогда не сомнѣвались самые закоренѣлые скептики... И вотъ, наконецъ, картина г. Иванова явилась передъ очю Петербургской публики, въ античной галлерей, представъ во всей художественной еще своей свѣжести, удивляя своею громадностью, передъ званными и незванными, передъ избранными и неизбранными, передъ знатоками и профанами живописи, и мы съ прискорбіемъ вспомнили незабвенный стихъ Грибоѣдова: „Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ“. Несмотря на многія несомнѣнные достоинства, картина г. Иванова не вполне межъ тѣмъ оправдала тѣ тревожныя ожиданія, тѣ несомнѣнныя надежды, которыя порождала она, будучи еще незримою и окруженной запретомъ таинственности... Родъ ея живописи нельзя отнести ни къ масляной, ни къ фрескѣ—это какой-то новый, особый родъ, созданный собственно самимъ г. Ивановымъ, родъ живописи своеобразной, подходящей подъ тотъ, которымъ писали первые итальянскіе художники до-Рафаэлевскаго періода и которымъ писалъ нѣкоторое время и самъ онъ [т. е. Рафаэль], въ первой своей молодости... [но] который врядъ ли возьметъ себѣ за образецъ молодое талантливое поколѣніе нашихъ художниковъ, даже изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ несомнѣннаго, громаднаго таланта г. Иванова. Тлетворное, пагубное вліяніе Овербека... не миловало, кажется, и творческой кисти г. Иванова. Про колоритъ картины г. Иванова пройдемъ молчаніемъ... Мы не понимаемъ только одного: какъ г. Ивановъ... могъ допустить, почти во всѣхъ своихъ фигурахъ,—бѣлое, чисто-сѣверное тѣло... Величественная, истинно-прекрасная фигура Іоанна Крестителя, по величинѣ несообразная, впрочемъ, всѣмъ другимъ фигурамъ картины,—также лишена, по нашему мнѣнію, исторической вѣрности колорита“... Нападая далѣе на фигуру раба на первомъ среднемъ планѣ, за „зелення, неестественныя черты головы, словно отдѣленной отъ искаженнаго, полуистлѣвшаго трупа и приставленной къ бодрому

мускулистому живому тѣлу", за улыбку и вообще за исполнение, "въ особенности правой руки, которой кисть..."—примечъ авторъ не договаривалъ своей мысли, Толбинъ находилъ ее напоминающей и похожей по всему на статую „Точилщика“, находъ во 2-й античной галлерей Академ. музея. Обращая затѣмъ вниманіе читателя на группу изъ двухъ фигуръ съ дѣвой стороны картины: фигуру старца — художавую, лишенную всякой академической красоты и задѣланную... до *non plus ultra* сухости, и, потомъ на превосходную съ этимъ вмѣстѣ фигуру юноши, выходившихъ изъ едва замѣтныхъ водъ Юрдапа, который долженъ бы былъ занимать не малое мѣсто въ картинѣ,—водъ, представляющихъ близки,—по его понятіямъ,—чисто-китайскую живопись, разрисованную какими-то фиолетовыми, синими и пунцовыми фестонами, которые надали, впрочемъ, пропаводатъ какой-то благоприятный эффектъ, но только надали и не болѣе"—авторъ статьи заваряетъ, что „эта послѣдняя фигура... исполнена не много... *avec un peu trop de liscence*... и напоминаетъ собою довольно-вольные типы фигуръ Джуліо Романо, за которые... удалилъ его отъ своего двора папа Климентъ VII". Къ этому онъ прибавляетъ еще: „Принимая въ соображеніе религиозный, чисто-нравственный сюжетъ композиціи, сдѣлавао бы, кажется, вспомнить художнику, что въ древнѣ... художники приступали къ воспроизведенію божественныхъ сюжетовъ съ постомъ и молитвою, и всякую лишнюю наготу тѣла считали недостойною изображенія художника христіанскаго... И тогда сдѣлать г. Ивановъ съ этой своей, вполнѣ прекрасной, академической фигурой? Онъ даже не позаботился сообразиться съ античными типами..., а воспроизвелъ что-то напоминающее картини и статуи вакханалій и празднованій Венеры *impudica*. Гдѣ же тутъ цѣломудріе, достоинство такого высокаго священнаго предмета?... Что это значить?—скрытый ли умыселъ тонкаго сарказма надъ всею массою европейской публики, или неумышленная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неблагоприятная случайность?" Переходя къ перспективѣ, критикъ замѣчалъ, что „воздушная перспектива соблюдена весьма посредственно: „фигура Спасителя, отдѣланная такъ тщательно, какъ будто бы ей предстояло быть на первомъ планѣ, такъ и выдѣлается впередъ, несмотря на свою малость въ сравненіи съ прочими фигурами". Въ довершеніе всего, признавая, что у Иванова нѣтъ во многихъ группахъ того, что есть

у Брюллова, Бруни и Моллера, Толбинъ спрашивалъ посѣтителя выставки: „Что означаютъ, напр., вся группа правой стороны картинъ изъ 27 фигуръ (въ картинѣ всѣхъ фигуръ 32), стоящая синюю къ шествующему Спасителю, на которомъ должно бы, кажется, сосредоточиться все вниманіе?" и самъ же отвѣчалъ за него,—что ровно ничего, кромя старика, которого приподнимаютъ (на второмъ планѣ картинъ), и группы изъ двухъ фигуръ—старца и юноши, прикрывающихся одеждой (съ правой стороны картинъ). „Все прочее—ничто иное, какъ строгое академическое изученіе натуры,—увѣрялъ онъ,—часть за частью, мелочъ за мелочью, группы, значеніе которыхъ трудно понимается, ...безъ долгихъ предварительныхъ комментариевъ. Это не то, что группы въ „Послѣднемъ днѣ Помпеи“, „Мѣдномъ вѣнѣ“, живо, сами собою повѣствующія зрителю о правѣ и необходимости своего изображенія на полотнѣ. А между тѣмъ, что за зачатки этого общаго цѣлаго выставлены въ залѣ, и сколько труда, сколько терпѣнія въ самомъ дѣлѣ они свидѣтельствуя, какая античная и прелесть, и строгость въ этиодахъ головы Іоанна Крестителя, какую тщательность обозначенъ каждый пейзажъ, предпологаемый служить аксессуаромъ будущей полной картинѣ. Въ той же залѣ, гдѣ помѣщена картина, находится и три эскиза, компонованные, видимо, авторомъ въ разное время, и жалъ, что онъ не остановился на первомъ. Сколько силы и экспрессіи въ новѣ Іоанна Крестителя! сколько говоритъ вниманію распростертая женщина у ногъ Спасителя, идущаго къ Іоанну, и двое младенцевъ, бессознательно взирающихъ на него! Какое разнообразіе въ группахъ!" Наговоривъ столько неприятнаго по адресу нашего художника, писатель „Сына Отецъ" заключалъ свою статью слѣд. словами: „Въ одномъ только можно отдать полную справедливость г. Иванову—это въ самобытности рисунка и композиціи. Проживъ такое долгое время въ Италіи, проѣхавъ всю Европу, онъ не подчинился ни малѣйшему вліянію произведеній ни одного изъ замѣчательныхъ художниковъ, которые изображали почти этотъ же сюжетъ: ни Андреа дель Сарто (Ваннучи), ни Вечели, прозванному Тицианомъ, ни самому Рафаэлю..." Немудрено, что подобная критика удручающимъ образомъ подѣйствовала на убитаго уже и безъ того И—ва, и это впечатлѣніе отъ нея не могли изгладить ни прежнія статьи, ни др. замѣтки, появившіяся около того же времени.

9—10. „Явление Мессии народу“ А. А. Иванова: картина 1837—57 г.г. и аквар. эскизъ 1848 г.

Такъ еще въ маѣ 1857 г. *П. Ковалевскій* писалъ въ „Русс. Вѣст.“ (т. IX, соврем. лѣтоп., с. 213): „Лишнее говорить, каковы Креститель и Христосъ. Довольно сказать, что ихъ магическое вліяніе на толпу совершенно объясняется ихъ фигурами. Передать, каковы они,—именно можеть одна картина. Когда присмотришься къ картинѣ, весь обманъ холста и красокъ исчезаетъ; новый міръ обступаетъ вась, и люди, живые и чувствующіе, во всѣхъ проявленіяхъ разнороднѣйшихъ характеровъ и видоизмѣненій одного и того же рѣзкого еврейскаго типа, встаютъ передъ вами... Кто въ произведеніи искусства ищетъ только минутной утѣхи глазу, картина Иванова не для него: онъ въ ней не встрѣтитъ ни щегольскаго писма, ни яркихъ красокъ,—все въ ней строго, трезво, и даже самого себя художникъ не потѣшилъ ни одною аксессуарною фигурою, въ которой отвелъ бы на время свою душу отъ тяжелой работы колоссальнаго труда. Но для кого искусство связано съ жизнью, тотъ отдохнетъ передъ картиной Иванова; а кто въ дѣлѣ искусства видитъ природу, проведенную не сквозь колодки сухихъ и ложныхъ учений, а сквозь собственный внутренній процессъ глубоко почувствованнаго міросозерцанія, тотъ найдетъ въ картинѣ Иванова возможное совершенство искусства... Никакая придирчивая критика, ни одинъ техникъ или знатокъ дѣла не въ состояніи были бы откопать въ ней мѣсто, неудовлетворительно исполненное или не глубоко обдуманное. Сочиненіе рисунка, размѣщеніе фигуръ, выраженіе лицъ, поворотъ cadaго тѣла, движеніе cadaго члена, каждый мускулъ, складка одежды, листъ на деревѣ,—все изучено, непробовано, доведено до послѣдняго предѣла возможной правды въ частяхъ и въ цѣломъ. Тутъ нѣтъ уже мѣста предположеніямъ, что то или другое могло бы быть лучше или върѣе, что повернуть можно бы сюжетъ или подробность такъ, а не этакъ,—все именно такъ, и иначе быть не могло! Все какъ будто родилось вмѣстѣ съ сюжетомъ и вышло, сросшееся съ нимъ, на полотно... Картина Иванова, какъ результатъ науки продолжительной и глубокой, останется наукою, цѣлою академіею, для послѣдующихъ поколѣній художниковъ и крѣпительнымъ примѣромъ для труженниковъ великаго дѣла. Она же будетъ и славою русской живописи, рядомъ съ „Послѣднимъ днемъ Помпеи“...

„Прежде всего надо сказать — приводилъ *Новый поэтъ* въ „Современникѣ“ (№ 3, отд. II, с. 84) выписку изъ одного полученнаго имъ

изъ Рима письма, — что Ивановъ не колористъ и не дана ему тайна гармоніи красокъ. Но глубина мысли, но характеристика лицъ, но правда выраженія, но высокое благородство стиля — всё эти достоинства картина Иванова ищутъ въ высокой степени... Разнообразие и искренность выражений въ этой картинѣ удивительны. Несмотря на то, что фигура Христа находится на самомъ заднемъ планѣ дѣйствія — она собственно составляетъ средоточіе его, — чувствуешь, что онъ — духовный центръ картины... Это религиозная историческая картина нашего времени... Работа мысли была въ ней несравненно огромнѣе, нежели работа кисти. И потому, рисунокъ въ ней не только превосходитъ, но исполненъ изящества удивительнаго... Задній пейзажъ картины превосходенъ, но передній сухъ и грубоватъ. Всѣ фигуры облиты яркимъ свѣтомъ; воздуха между ними не чувствуется; всѣ контуры рѣзки, а не обняны воздухомъ, всегда дѣлающимъ ихъ мягкими, какъ въ природѣ; дѣйствіе не сливаются въ общую гармонію, а остаются красками. Конечно, это не бравурная и кричащая пестрота Брюлловской живописи — въ этомъ отношеніи колоритъ Иванова строгъ и избегаетъ даже самыхъ позволительныхъ эффектовъ, но, тѣмъ не менѣе, надо помириться съ мыслію, что Ивановъ не колористъ, и не такъ въ его картинѣ другого, а все другое ищетъ она въ изумляющей полнотѣ“.

Изъ остальныхъ статей, если нѣкоторыя и были написаны еще при жизни И — ва, то появились на свѣтъ уже послѣ его смерти, напр. въ „Иллюстраціи“ (3 и 10 іюля, №№ 26 — 27, с. 10 и 19). „Публика была терпѣлива — говорилъ тамъ г. Н. Х. Безъ лишнихъ оговорокъ — она у насъ непрестительно холодна къ искусству, непрестительно мало посвящена въ искусство (мы говоримъ о массѣ): для нея выставка — ежегодный обрядъ; выставка образованного произведенія — случай посмотреть что нибудь новое, вообще, чтобы потомъ (прибавляемъ это съ глубокимъ, искреннимъ сожалѣніемъ) забыть это едва понятое новое. Множество зрителей, собирающихся каждое утро въ античной галлерей Академіи Художествъ, еще ничего не доказываетъ. Какъ ни посмотреть то, о чемъ толкуютъ газеты, чего ждали двадцать лѣтъ?... — Только-то? — говорить большинство „публики“, при взглядѣ на картину. — Да, только-то. Но, спросимъ себя сами, чего мы ожидали не въ смыслѣ художественнаго произведенія, а того, что оно представляетъ, что мы пришли смотреть? Человѣка, одѣтаго въ звѣриную кожу, проповѣ-

душаго новое ученіе, вводящаго новый обрядъ, среди бѣдной, сожженной природы, среди народа угнетеннаго и бѣднаго, лишеннаго политическаго значенія, стремящагося къ новой вѣрѣ, какъ къ приближенію въ скорби, какъ къ источнику нравственной свободы: это страдальцы, которымъ нужно утѣшеніе. Учитель говоритъ имъ, что не онъ спасетъ ихъ, а другой, крестящій огнемъ и духомъ, и указываетъ (на) идущаго вдаль: это странникъ, которому негдѣ приклонить голову... Такъ было, точно такъ и есть въ картинѣ Иванова; чего же еще ожидать или требовать? Картина Иванова вѣрна исторіи, вѣрна природѣ: она истинна — вотъ ея достоинство. Неужели истинна — казалось бы, вещь такая простая, такая понятная, всѣмъ доступная, — кажется странной, невѣроятной, когда является ясно передъ глазами? Неужели совершенство, только потому что оно истинно, — можетъ неудовлетворять?... Къ сожалѣнію, должно быть такъ, потому что у Иванова есть недовольные дѣйители и все еще чего-то ожидающая публика. Отчего же это? — Ожиданіе картины г. Иванова было не напрасно тревожно: она не разрѣшила, но подняла новый вопросъ; она сбиваетъ многія, сильно и съ дѣтства усвоенныя понятія; она тоже заставляетъ искать *истиннаго пониманія прекраснаго*... Говорили, что искусство должно „украшать истину“; но что украшено, то ложно. Можетъ быть, искусство можетъ *выбирать*? — но что выбрано, то истинно не воплотѣ. Г. Ивановъ разрѣшилъ для себя эту задачу: онъ взялъ природу, какова она есть; историческій фактъ — съ его внутреннимъ величіемъ и бѣдной обстановкой; отвергъ эффекты и внесъ въ искусство новый элементъ — *досто-вѣрность*... — Жизнь не только древняя, но жизнь библейская, всегда прикрашенная, всегда выставленная условно, въ первый разъ представилась просто, даже съ своей прозой. Этиюды, выставленные рядомъ съ картиной, показываютъ, какъ художникъ уничтожалъ понемногу все идеальное, какъ онъ низводилъ свою идею все болѣе и болѣе въ нашъ простой и бѣдный міръ, пока, наконецъ, вся сумма (ни) сложилась въ тѣхъ обыкновенныхъ формахъ, въ какихъ должна была происходить, какъ происходить все на свѣтѣ... Все это странно, ново для глазъ, до такой степени привыклихъ къ условному, что истинное почти перестаетъ казаться имъ изящнымъ. Историческая, болѣе — священная, картина написана какъ *жанръ*. Это новость поражающая, къ ней

не приготовлены ни вкусъ, ни глаза, и чтобы понять, какой важный шагъ для искусства эта новость, нужно оставить въ сторонѣ многія наши прежнія убѣжденія... Картина Иванова не уничтожаетъ значенія художниковъ древнихъ и новѣйшихъ, но она указываетъ новую дорогу для искусства: она указываетъ возможность и необходимость изображенія простой дѣйствительности въ произведеніяхъ серьезныхъ, дѣйствительности неукрашенной и не выбранной. Она доказываетъ, что важность идеи не теряетъ отъ простоты и бѣдности обстановки, а, напротивъ, идея становится намъ доступнѣе, понятнѣе, потому что выражена истиннѣе. Новѣйшее искусство усвоило себѣ знаніе и почву, — это еще мало, — пусть оно отброситъ идеализацію и тогда, въ его произведеніяхъ, прошедшее станетъ какъ живое... Трудъ Иванова начнетъ новую эпоху и, какъ всякое начало, для современниковъ пораженныхъ и недоумѣвающихъ онъ загадоченъ и непонятенъ. — Прибавляемъ нѣсколько строкъ, выванныхъ фельетономъ г. Толбина... Откуда взялось у г. Толбина знаніе живописи? Какіхъ мастеровъ изучалъ онъ? Какіе европейскіе музеи видѣлъ? До сихъ поръ мы знали его только за плохого фельетониста, подписывающаго въ плохихъ журналахъ, — не болѣе. Легко приговоромъ въ сотню строкъ уничтожить трудъ, стоявшій художнику половинны жизни. Утѣшительно то, что эти труды переходятъ въ вѣка, а фельетоны не живутъ и не дѣлаютъ“...

„Нынѣшній вѣкъ принадлежитъ въ особенности критикѣ, анализу, — писалъ Н. И. —, также уже послѣ смерти Иванова тоже въ „Иллюстраціи“, въ томъ же 1858 г. (№№ 30 и 31, стр. 68 и 83), какъ и двѣ предыд. статьи. — Генія стали чрезвычайно рѣдки, остались только тысячи второстепенныхъ талантовъ, подражателей и дилетантовъ, которые наполняютъ міръ искусства тщательно отдѣланными, но часто безвѣстными и, такъ сказать, безцѣльными произведеніями. Техника доведена до совершенства, фантазія перешла границы идеальнаго міра, творчества — вовсе нѣтъ. А между тѣмъ, какое огромное разнообразіе для профановъ, непонимающихъ высокаго и восхищающихся преимущественно искусствомъ внѣшней отдѣлки! Сколько насажденія для нихъ во всѣхъ отрасляхъ искусства... Но восторгъ профановъ, составляющихъ большинство, не всегда раздѣляется дилетантами. Послѣдніе еще хуже профановъ, — добросовѣстныхъ между ними мало:

большую часть ихъ составляютъ дилетанты по профессіи, т. е. такіе, которые, не будучи одарены эстетическимъ вкусомъ, слѣпо вѣрятъ въ авторитетъ, и, громко повторяя чужія сужденія, всегда перекривляютъ другихъ, ставятъ себя въ обязанность болѣе осуждать, нежели хвалить, и о современномъ всегда отзываются отрицательно. Они такъ привыкли къ заимствованію чужихъ мнѣній, что часто прислушиваются къ голосу публики, когда послѣдній особенно громко, даже въ ущербъ ихъ вѣрованіямъ въ авторитетъ... Не такую критику имѣли мы въ виду, когда въ началѣ этой статьи сказали, что нашъ вѣкъ—вѣкъ критики. По преимуществу за профанамъ и бездарнымъ дилетантами слѣдуетъ меньшій классъ почитателей изящнаго—знатоковъ, добросовѣстныхъ цѣнителей искусства, людей, отличающихся отъ толпы какъ природнымъ вкусомъ, такъ и эстетическимъ образованіемъ... Все сказанное до сихъ поръ относится къ живописи болѣе, нежели къ другому искусству... Деятельнѣйшій вѣкъ, довольно бѣдный гениями вообще, въ особенности бѣденъ гениями по части пластики... Главная сторона его дѣятельности—безъ сомнѣнія политика и тѣсно связанная съ нею литература. Музамъ служатъ многие, но музы что-то не внимаютъ возваніямъ художниковъ, и специалисты по части искусствъ отличаются въ особенности трудомъ, доходящимъ до гениальности. Этотъ отличительный характеръ художественной дѣятельности нашего времени нигдѣ такъ полно не высказался, какъ въ картинѣ Иванова—произведеніи громаднаго труда.

„Картина эта имѣетъ мало несовершенствъ, которыя всѣ сливаются въ одномъ главномъ недостаткѣ—что она писалась слишкомъ 20 лѣтъ... Въ произведеніи этомъ есть такіе удивительныя подробности, что оно могло бы поставить Иванова на ряду съ Рубеномъ, еслибы это знаніе природы, эта выдержанность, эта эстетика были плодами не 20-лѣтняго труда, а вдохновенія. Малѣе недостатки картины исчезли бы тогда, между тѣмъ какъ, принимая въ соображеніе время, употребленное художникомъ, ихъ нельзя не замѣтить. Картина Брюллова имѣетъ много частныхъ несовершенствъ, которыя выкупаются общимъ ея достоинствомъ: глядя на нихъ, мы увѣрены, что они произошли только отъ небрежности Брюллова, тѣмъ болѣе, что вся ея картина носитъ на себѣ отпечатокъ неоконченности; ошибки Иванова, напротивъ, могутъ скорѣе быть отнесены къ его таланту,

могутъ навести на сомнѣніе относительно его творческой способности. Многие говорятъ, что терпѣніе и гений—одно и то же; это неоспорительно: одинъ творитъ по вдохновенію, по интуиціи, другой—вълѣдствіе усидчивости, прилежанія...—Можетъ быть, лучшая часть картины, какъ, напр., пейзажъ, фигура Предтечи и вагія фигуры—дѣйствительно создавъ вдохновенія, а произведеніе терпѣнія—все остальное. Но странно, что именно это-то остальное и отзывалось какою-то неоконченностью, торопливостью,—и это неоконченное составляетъ, вѣроятно, ту часть картины, которая была писана позже.

„Первое впечатлѣніе при видѣ ея не поражаетъ зрителя. Какъ произведеніе, котораго главный характеръ—мысль, а не драматизмъ, не движеніе, картина Иванова требуетъ отъ зрителя, кромѣ особаго эстетическаго настроенія, необходимаго для созерцанія прекраснаго,—глубокое вниманіе и долгое, пристальное всматриваніе.—Въ картинѣ Иванова, какъ и въ другомъ современномъ чудѣ—Исаакіевскомъ соборѣ—нѣтъ общаго впечатлѣнія... Въ картинѣ Брюллова есть наумительный ансамбль, хотя въ ней группы разбѣгаются въ разныя стороны и не имѣютъ общаго центра, какъ, напр., Іоаннъ у Моллера и у Иванова. Въ картинѣ Иванова ансамбль слабъ: правая сторона ея рѣзко отличается отъ лѣвой—неизбѣжное слѣдствіе слишкомъ продолжительной и разновременной работы. Впрочемъ, этой невыдержанности группировки есть другая причина, заключающаяся въ композиціи картины: Іоаннъ Креститель показывается народу на приближающемся въ отдаленіи Спасителѣ... Іисусъ совершенно отдѣленъ отъ всѣхъ и идетъ съ достоинствомъ въ отдаленіи. Фонъ картины—одни изъ перловъ ея—составляетъ восхитительный, но простотѣ и строгости стіля, пейзажъ. Всматриваясь въ группировку, мы замѣчаемъ превосходство группы лѣвой стороны картины (...подъ вѣтвями роскошнаго дерева) надъ группою правой стороны.

„Мѣсто Іисуса въ картинѣ преимущественно ослабляетъ эффектъ ея, потому что поза его кажется неестественною, не смотря на то, что сама фигура, отдѣльно взятая, полна величія и что движеніе ея какъ нельзя болѣе натурально. Главная причина этой ошибки заключается въ сюжетѣ картины. Сюжетъ этотъ имѣетъ двухъ главныхъ представителей. Слѣдовало представить ихъ на одномъ планѣ, но отъ этого пострадала бы поэтическая мысль

автора. Изъ этого небольшого неудобства въ композиціи вышла ошибка въ выполненіи, въ рисунокѣ. Ошибка эта состоитъ въ томъ, что авторъ, желая изобразить въ Спасителѣ всѣ такъ главное лицо картины, написалъ его рельефнѣе, нежели обыкновенно пишутъ фигуры заднихъ плановъ,—почти такъ же твердо, какъ лица, гораздо ближе къ зрителю стоящіи, и нарушилъ условія воздушной перспективы, такъ что недали можно подумать, что фигура Христа находится въ воздухѣ, на одномъ уровнѣ съ передними предметами картины... Между эскизами Иванова есть одинъ, изображающій тотъ же самый сюжетъ, но иначе задуманный: Иисусъ подошелъ уже къ народу на нѣсколько шаговъ, такъ что оба они на первомъ планѣ,—такая композиція едва ли не лучше той, на которой остановился Ивановъ, по красотѣ группы и правильности рисунка, но за то въ ней не выражается той поэтической задушевной мысли автора, которая заключается въ приближеніи Христа...

„Если Иванову не совсѣмъ удался ансамбль группировки, то онъ блестящимъ образомъ выдержалъ ансамбль тона. Картина его пропитана вся одною религиозною строгостью мысли. Если онъ не вдохновлялся Евангеліемъ, то понимая его, и превосходно передалъ его высокую простоту. Въ этомъ заключается главное достоинство картины, дающей ей право на безсмертіе.

„Недавно русское искусство обогатилось прекраснымъ произведеніемъ также изъ Свящ. Писанія, выполненнымъ совершенно въ другомъ духѣ. Это картина Моллера—„Іоаннъ Богословъ на Патмосѣ“. Ея содержаніе—проповѣдь христіанства среди вакханалій идолопоклонниковъ—гораздо сложнѣе, нежели содержаніе картины Иванова, но она лишена евангельской поэзіи, она предоставила художнику поле для его воображенія и позволила ему выстѣть съ тѣмъ не только уединяться отъ окружающаго его общества, но, напротивъ, многое у него позаимствовать... Картина Моллера больше правилась массѣ, нежели картина Иванова. У Моллера—драма, въ картинѣ Иванова—мысль, наконецъ произведеніе Моллера—картина, произведеніе Иванова—образъ. Отсутствіе женщины, граціозности и нѣги придаетъ картинѣ нѣкоторую сухость. Если и встрѣчаются красивыя лица и формы, авторъ старается придать имъ прозаическое выраженіе. Главная цѣль Иванова—изобразить природу такую, какъ она есть, безъ классической идеализаціи формъ.

Единственнымъ украшеніемъ природы въ его картинѣ—служитъ мысль... Ивановъ повѣилъ, что искусство, изображающее христіанскій міръ, должно быть совершенно различно отъ того, которое воспроизводитъ идеалы мифологическаго міра...

„Безспорно прекрасна, вдохновлена и даже нѣсколько идеальна одна только личность Іоанна—перлъ картины. Красивыхъ группъ почти положительно нѣтъ... Радость съ отсутствіемъ картинности заключается еще отсутствіе разнообразія въ лицахъ. Впрочемъ, еврейскій типъ схваченъ весьма удачно.

„...Нагія фигуры, кромѣ одной,—совершенство въ полномъ смыслѣ слова: онѣ не только рельефны до осязаемости,—онѣ выходятъ изъ картины, дыгаются, въ нихъ играетъ кровь. Фигура, составляющая исключеніе, бросается въ глаза своею двусмысленностью: она обращена къ публикѣ спиной... Женщина это или мальчикъ? — вопросъ этотъ задаютъ себѣ многие зрители.

„О технической сторонѣ картины не станемъ распространяться, полагая, что большая часть читателей—не спеціалисты въ живописи... намъ дѣло было рассмотреть картину съ точки зрѣнія искусства, а не рисовальнаго мастерства. Все, что можно сказать о произведеніи Иванова съ этой стороны, будетъ въ ея пользу. Нѣсколько лѣтъ сразу отдѣливаемый рисунокъ вышелъ правдивъ и почти безукоризненъ, за исключеніемъ ошибки противъ воздушной перспективы, и совершенно окончень... Говоря о технической сторонѣ картины Иванова, надобно сказать нѣсколько словъ о колоритѣ ея, который болѣе всего пострадалъ отъ неодобрения публики. ...Впрочемъ, многие осуждаютъ его, не имѣя яснаго понятія о томъ, что такое колоритъ. Надобно же сказать про картину что вибуетъ съ видомъ знатока и выленъ въ свою рѣчь техническое слово!... Но понимающіе дѣло находятъ этотъ колоритъ не только безукоризненнымъ,—даже хорошимъ. Онъ какъ-то холодеетъ, сѣроватъ, а это именно идетъ къ строгости стиля и глубоко-религіозному смыслу картины.

„Мы должны все-таки окончить статью нашу панегирикомъ. Ничтожныя недостатки, которыхъ много и не признаютъ за недостатки, исчезаютъ въ безчисленныхъ и громадныхъ достоинствахъ этого произведенія. Талантъ Иванова—первостепенный, имя его пользуется заслуженною

свою въ Европѣ... Въ настоящее время Ивановъ, безъ сомнѣнія, стоитъ во главѣ пластическаго искусства въ Европѣ: какъ историческій живописецъ, онъ выше Каульбаха, Шефера, Делароша, Бруни и Шоена, какъ пейзажистъ онъ—гений въ сравненіи съ Айвазовскимъ“.

„Високій моментъ, говорилъ В. Е. въ „Литерат. отдѣлѣ Моск. Вѣдом.“ 3 іюля 1858 г. (№ 79, с. 320), изображенъ на картинѣ со всѣми особенностями своего двойственнаго характера: божественно-идеальнаго и чисто историческаго. Съ перваго взгляда, прежде чѣмъ вы успѣете рассмотреть частности картины, она поражаетъ васъ чѣмъ-то новымъ, еще невиданнымъ вами. Это новое—ея мысль и характеръ исполненія этой мысли. Прежде чѣмъ вы уясните себѣ достоинства картины г. Иванова въ художественномъ отношеніи, вы видите въ ней много ума и мысли, а то и другое, сколько мнѣ извѣстно, составляетъ большую рѣдкость въ современномъ живописцѣ вообще, и въ русскомъ въ особенности. Вы всматриваетесь въ подробности картины: лики и вся фигура св. Іоанна, изображеннаго во весь ростъ; типическія лица и позы предстоящихъ, выражающія разнообразныя чувства и мысли, которыя волнуютъ ихъ, но приведенныя въ гармонію единствомъ національности и единствомъ предмета, на который обращено ихъ вниманіе; вдали Спаситель, съ глубокою думой, медленно, спокойно сходящій съ горы; наконецъ пейзажъ, поражающій своею вѣрностью путешественниковъ, которые посѣтили Палестину, — все это строжайшимъ образомъ обдуманно и выдержано. ...Въ настоящее время механизмъ живописи дается многими; готовые результаты мысли тоже нетрудно подслухать у другихъ и приладить ихъ къ своему мастерству. ...Картинка будетъ написана мастерски, всѣ подробности выведены и окончены, она будетъ плѣвать своимъ великолѣпіемъ, но глубокаго содержанія все-таки не будетъ въ ней. Напротивъ, въ картинѣ г. Иванова нѣкоторыя части даже не совсѣмъ окончены; зато общій характеръ картины и другія, изумительно оконченныя части дѣлаютъ ее—произведеніемъ первокласснымъ“..

„Въ картинѣ г. Иванова,—писалъ г. А. В. въ „Русс. Вѣст.“ 1858 г. (XV, соврем. лѣтоп., 349—360),—недостатки есть и какое же чело-вѣческое произведение не имѣетъ ихъ множе-ство?... Жалка критика, разбирающая преимущественно дурное и слабое; но еще хуже та,

которая только восхищается и поетъ гимны: она даже обидна, оскорбительна для художника и пинало не лѣзетъ его самолюбію. „Общая идея, встрѣча грядущаго Христа, явственно обозначена на картинѣ... Общая идея, находя множество частныхъ, не распадается у художника и не исчезаетъ въ частности... Общее впечатлѣніе проповѣди на народъ и частныя проявленія этого впечатлѣнія задуманы вѣрно, совершенно естественно, и переданы превосходно. Многія фигуры поражаютъ своею натурою: онѣ живыя и по выраженію лица, и по движенію, и по техническому исполненію рисунка... Но когда взглянешь на Крестителя, всѣ другія прекрасныя фигуры исчезаютъ передъ этимъ возвышеннымъ образомъ живого, библейскаго пророка... Еслибы не было идущаго вдали Христа, картина и тогда была бы превосходна... Но мы забываемъ Іоанна, когда усматриваемъ приближеніе Агнца Божія, взмолющаго грѣхи міра. ...Фигура Христа очень небольшая и помѣщена довольно далеко; но въ походкѣ, въ наклоненіи головы и во всемъ станѣ есть что-то необъяснимо-высокое, что-то не отъ міра сего... Таково общее впечатлѣніе, производимое картиною г. Иванова...“

„Вообще, во всѣхъ главныхъ фигурахъ картины, такъ ясно говорящихъ о томъ, что онѣ выражаютъ,—нѣтъ и тѣни аффектаціи, нѣтъ сильныхъ и условныхъ жестовъ и театральныхъ позъ; не видно даже, чтобы художникъ много трудился надъ ними — такъ онѣ естественны, такъ всякій жестъ ихъ необходимъ (Ивановъ много трудился при *теглическомъ* исполненіи фигуръ, какъ Пушкинъ при отдѣлкѣ стиха)... На всю сцену пролитъ теплый свѣтъ угасающаго дня жаркаго климата; гармонія свѣта выдержана повсюду съ удивительнымъ искусствомъ и знаніемъ природы... Общій тонъ голубой, фіолетовый, переходящій въ тѣнныя въ даубой, и небо, зеленое у горизонта,—все вѣрно, все обдуманно и взято у природы... Конечно, точно такъ же, какъ и на картинѣ г. Иванова группы недовольныхъ, сомнѣвающихся, хулителей и завистниковъ,—толпа оппозиціи уже образовалась противъ его картины; это участь всѣхъ великихъ созданий и всѣхъ возмывающихся людей, „властиелей нашихъ думъ“... Первый взглядъ на картину нѣсколько удивляетъ сухостію очертаній и цвѣтомъ тѣла нѣкоторыхъ фигуръ. Особенно бросается въ глаза рабъ съ зеленоватымъ болѣзненнымъ лицомъ и красными вѣками и обнаженный юноша съ тѣломъ нѣжнымъ и бѣлымъ, какъ у молодой

дѣвушки Сѣв. Евроніи. И зеленоватое лицо, и бѣлое тѣло—не противоестественны, но лучше бы было, еслибы то и другое было—цѣта обыкновеннаго. Потому невольно замѣтаешь въ некоторую симметричность въ расположеніи группъ... Женщины нѣтъ ни одной на первомъ планѣ... Между тѣмъ отсутствие женщинъ много отнимаетъ живости, разнообразія и красоты у картины... Лицо Спасителя не идеально прекрасно... Вода рѣки и каменистый берегъ отдѣланы съ изумительнымъ стараніемъ, но, кажется, художникъ въ совѣстливомъ трудѣ изученія природы перешелъ за предѣлы, допускаемые искусствомъ... Зеленъ деревъ, трава, одежда людей показываютъ тоже неутомимое изученіе природы: въ одеждѣ, въ драпировкахъ, въ складкахъ, въ свѣтѣ и тѣняхъ, художникъ истощилъ, кажется, все искусство живописи... Многія лица прекрасны по стилю и энергіи и написаны превосходно, но въ другихъ краски нѣсколько сухи... Для второго плана, кисть нѣсколько свободнѣе и краски посочтѣе — были бы пріятнѣе. Нѣсколько мѣстъ на нихъ фигурахъ, даже первого плана, не совсемъ конченны, по крайней мѣрѣ такъ надобно думать, сравнивъ ихъ съ другими, окончательно отдѣланными. Вообще, должно сказать, что неоконченность отдѣлки, т. е. слишкомъ тщательная отдѣлка подробностей и мѣстами неоконченность предметовъ болѣе важныхъ, составляетъ главный недостатокъ картины г. Иванова.

„Всѣ прочіе недостатки ничтожны и доказываютъ не слабость таланта или неумѣніе художника, но проявляютъ особенность и самобытность его натуры, прямой и безыскусственной, и именно эта та особенность, его безыскусственность и неравсчитливость, всего болѣе вредитъ картинѣ съ перваго взгляда... Но для г. Иванова всѣ вопросы вѣ искусства и всякая забота о произведеніи лучшаго эффекта не существуютъ, для него искусство святое служеніе... По своему высокому искусству и знанію, пріобрѣтенному 25-ти-лѣтними неуспынными трудами, и по своему великому таланту, дару Божію, г. Ивановъ стоитъ теперь во главѣ нашей художественной школы. Это бесспорно; бесспорно и то, что вліяние его должно быть сильно и благотѣльно... Не говоря о высокомъ талантѣ г. Иванова, онъ, особенностію своей натуры, составляетъ рѣдкое явленіе въ наше время. Съ одной стороны картина его есть плодъ такъ назыв. естественной школы, ея конечнѣйшее и

совершеннѣйшее произведеніе; съ другой, она показываетъ въ художникѣ натуру самобытную, даже исключительную, и не принадлежитъ сама ни къ какой школѣ. Въ стремленіи воспроизвести видиму, осязаемую природу какъ можно отчетливѣе,—художникъ принадлежитъ нашему времени; но характеромъ своего таланта и настроеніемъ своего духа—онъ стоитъ одинъ... Г. Ивановъ кажется сыномъ первыхъ вѣковъ христіанства, эпохи религіознаго энтузіазма, съ ея теплою вѣрою, простымъ и прямымъ пониманіемъ ученія Евангелія и безыскусственнымъ его выраженіемъ... Картина его занимаетъ теперь первое мѣсто въ русской школѣ живописи, можетъ быть, и по совершенству техническаго исполненія... Мѣсто, занимаемое имъ, высоко, — можетъ быть, выше мѣста Брюллова. И у Брюллова была искра гения, но натура его, при всей силѣ своей, была не столько полна: въ ней расчудочная сторона была развита насчетъ чувства... Высшая и безпристрастная европейская критика, видя огромную разницу между картиною г. Иванова и произведеніями своихъ современныхъ художниковъ, скажетъ, можетъ быть, что въ немъ отразился духъ среднихъ вѣковъ Евроніи, когда религіозный энтузіазмъ породилъ столько великихъ произведеній живописи. Такъ думаютъ нѣкоторые и у насъ. Но г. Ивановъ—истинный сынъ Россіи и вмѣстѣ нашего времени; въ произведеніи его нѣтъ сухости художниковъ начала среднихъ вѣковъ. Россія вдохнула въ него чистую, такъ сказать, младенческую вѣру первыхъ вѣковъ христіанства, а современное искусство дало ему свою кисть. Надобно имѣть необыкновенно богатую натуру, чтобы заключать въ себѣ два противоположные міра—міръ изящной и пластической Греціи и духовный міръ христіанства, а въ натурѣ и въ созданіяхъ нашего Иванова они отражаются оба въ совершенной гармоніи“.

Приступая къ разбору картины Иванова, въ письмѣ къ редактору „Русс. Бесѣды“ (1858, т. III), Хомяковъ, пославъ нѣсколько словъ воспоминанія о безвременно погибшемъ художникѣ, дѣлалъ слѣдующую его характеристику: „Онъ былъ одною изъ тѣхъ аскетическихъ натуръ, которымъ достается великая доля въ борьбѣ вѣковой...; онъ былъ въ живописи тѣмъ же, чѣмъ Гоголь въ словѣ и Бирѣвскій въ философскомъ мышленіи. Недолго живутъ такіе люди, и это не случайность... Ихъ трудъ не есть трудъ личный: это не бѣдныя и скудныя

природы, сияющія выразить свою единичную сущность, не жалкіе дюжинные умы, стучащіе себя пальцами по лбу, чтобы добиться отсюда отвѣта.. Это могучія и богатыя личности, которыя болѣют не за себя, но въ которыхъ мы, русскіе, мы все, сдавленные тяжестью своего страннаго историческаго развитія, выбаливаемъ себя выраженіе и сознаніе. Какъ ни крѣпка ихъ природа, а все-таки она не долго выдерживаетъ свою внутреннюю работу. Мы видимъ пахарей и сѣятелей, а жатву трудно даже и представить себѣ. Всего вѣроятнѣе, что трудъ пашь, а жатва будетъ всемірная. Затѣмъ, переходя къ самому замыслу картины, А. С., изложивъ вкратцѣ судьбу Израиля, какъ хранителя Божескихъ заветовъ, прибавлялъ въ заключеніе: „То, что было достояніемъ одного племени [до появленія Мессіи], дѣлалось достояніемъ всѣхъ племенъ, но уже въ совершеннѣйшемъ Богопознаніи. Народная исключительность разрушалась, признавая свое служебное отношеніе ко всему человечеству. Величайшій изъ пророковъ, представитель всѣхъ прежнихъ пророческихъ личностей, узналъ и показалъ народу Того, Кого ждали всѣ пророки: весь Ветхій Заветъ преклонился предъ Новымъ, вся многовѣковая жизнь Израиля сосредоточилась въ одно мгновеніе. Таковъ замыселъ картины, и исполненіе достойно замысла.

„Очевидно, — говорилъ Хомяковъ далѣе, — Ивановъ поставилъ себѣ въ этомъ отношеніи одно правило: устранивъ всякій личный произволъ, всякую личную прихоть. Онъ не хотѣлъ показывать, ни удивлять, ни поражать зрителя: онъ вовсе и не думалъ о зрителѣ. Онъ не хотѣлъ также и того, чтобы что нибудь въ картинѣ напоминало объ Ивановѣ. Онъ думалъ, что художникъ не долженъ становиться, какъ видимое гремяе, между предметомъ и его выраженіемъ,... и этой высокой простоты достигъ онъ такъ, какъ ее не достигалъ ни одинъ изъ величайшихъ художниковъ, потому именно, что никто изъ нихъ не постигалъ въ такой степени ея значенія и законовъ. Слѣдствіемъ и наградою этой простоты было то, что величіе избраннаго предмета дѣйствительно перешло въ его изображеніе. Въ этомъ отношеніи, безспорно, всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что главное лицо всей картины, Спаситель, поставленъ на далекомъ планѣ... „Іоаннъ видѣлъ Иисуса идущаго“ — очевидно, въ нѣкоторомъ удаленіи, и Ивановъ такъ и передалъ происшествіе, какъ оно рассказано. Черты Спасителя остались сравни-

тельно неопредѣленными: узнать его можно только по общему характеру его образа и по какой-то странно-знаменательной поступи, въ которой видна несокрушимая сила кроткаго смиренія, идущаго на подвигъ дѣятельности и терпѣнія. За то, какъ живо и естественно сдѣлалось все движеніе передняго плана!.. какъ наглядно выразилось все значеніе міра Веткозаветнаго, радостно протягивавшаго руки къ грядущему лучшему Завету, къ далекому образу, такъ сказать, иконѣ Христа...

„Есть равнина—продолжалъ критикъ—между личнымъ отношеніемъ человека къ какому бы то ни было великому происшествію и отношеніемъ народнымъ или мировымъ. Есть такіе явленія въ исторіи человечества, которыя созидаютъ цѣлую область жизни и мысли: они дѣлаются внутренними этому народу или этой области—своему созданію, оставаясь вѣншими для всѣхъ другихъ... Когда художникъ дошелъ до такой высокой простоты, что онъ вполне совоплотился съ тою жизненною областью, которая создана этими явленіями,—произведенія его освобождаются отъ всякой примѣси его тѣсной и скудной личности и получаютъ значеніе всемістное, какъ самоотраженіе явленій историческихъ, мировыхъ,... и вотъ въ какомъ смыслѣ Ивановъ достигъ въ своей картинѣ до полнаго устранинія своей личности...

„Многимъ было обязанъ нашъ Ивановъ Овербеку, котораго онъ любилъ душевно и за котораго сильно заступался;... (но) Ивановъ не впадалъ въ ошибку современныхъ намъ до-Рафаэлистівъ. Онъ не подражалъ чужой простотѣ: онъ былъ искрененъ, а не актерски просто въ художествѣ.

„Нашъ Ивановъ стоялъ на твердой почвѣ и могъ совершить то, что было невозможно для художниковъ Европы. Онъ могъ овладѣть формою, изучить, узнать и передать всѣ тайны тѣлеснаго образа, и остаться вполне вѣрнымъ своей духовной основѣ. Онъ былъ ученикомъ иконописцевъ и въ тоже время *смѣлъ умиять*... Отъ того-то онъ и кажется чѣмъ-то такимъ новымъ въ живописи, что всѣмъ восклицаніе: „какъ это ново!“ невольно приходитъ на языкъ, даже безъ яснаго пониманія. Дѣйствительно же это новое есть только старое, нѣкогда дѣтское, а теперь пришедшее въ возрастъ совершенный... Вотъ чего долженъ былъ достигнуть Ивановъ; вотъ для чего нужны были ему многотѣнные труды и многолѣтнее напряженіе мысли и воли. Одинъ, далеко отъ отечества, независимо отъ всякаго посторонняго

вліянія, никѣмъ не поддержанный и непо-
нятый никѣмъ, Ивановъ совершалъ и
совершилъ въ области своего художе-
ства тѣ, надъ чѣмъ въ одно время съ
нимъ трудилось столько горячихъ убѣж-
деній, столько твердыхъ волей, столько ясно-
видящихъ умовъ; тѣ, на что столько положено
силъ и потрачено столько благородныхъ жиз-
ней (вспомнимъ хоть Гоголя). Далеко еще до
цѣли общихъ успѣй; но счастливый Ивановъ
на своемъ пути достигъ своей частной цѣли.
Чему обязанъ онъ этимъ успѣхомъ — большей
ли геніальности, или полнѣйшей чистотѣ стрем-
ленія, или самому характеру художества, ко-
торому онъ служилъ, — не знаемъ; но его тор-
жество есть торжество общее.

„Такъ приобрѣлъ Ивановъ силу и ясность за-
мысла; но этого было недостаточно. Ивановъ
долженъ былъ приобрѣсть взглядъ, вполне сво-
бодный отъ всѣхъ прежнихъ образцовъ, и руку,
вполнѣ покорную новымъ требованіямъ мысли.
Необходимость, ясно сознавая, породила тѣ
десятки и сотни великолѣпныхъ этюдовъ, ко-
торые одинъ уже могъ бы составить славу ве-
ликаго живописца, но которые для него имѣли
только служебное значеніе средства, ведущаго
его къ высшей цѣли. Онъ создалъ не
только картинну, но школу... Ивановъ зналъ
и глубоко понималъ всѣ творенія своихъ пред-
шественниковъ; но онъ долженъ былъ отгрі-
знуться отъ ихъ завлекающей красоты, чтобы
получить возможность созданія новаго, вопло-
щающаго въ себѣ художественныя требованія
русскаго духа.

„Я говорилъ уже подробно о замыслѣ кар-
тины, объ общемъ характерѣ исполненія
и о совершенствѣ выраженія: прибавлю, что
всѣ подробности и вся техническая сто-
рова соответствуютъ общей мысли. Изъ пол-
ной сосредоточенности всей картины уже
можно заключить о достоинствѣ группировки...
Нѣтъ ничего натянутого, или мертвого, или
академическаго. Всякое положеніе вѣрно, вся-
кое движеніе исполнено выразительности... Есте-
ственность типовъ такъ же разительна, какъ
и естественность движеній и выраженій... Все
схвачено и вырисовано съ одинаковой вѣр-
ностью и отчетливостью. Натурализмъ да-
лѣе идти не можетъ. Таково первое впечат-
лѣніе; но внимательный взглядъ еще болѣе
наумляется той необычайной красотѣ рисунка,
которую живописецъ умѣлъ соединять съ есте-
ственностью. Нѣтъ ни тѣни подражанія,
или мертвого академизма... Ивановъ уже

не думалъ объ антикахъ; но античное чувство
красоты, воспріятое имъ, перешло въ его соб-
ственную плоть и кровь. Онъ изящень, и изя-
щень просто, такъ сказать, невольно, какъ сама
древность... Гдѣ бы ни стояла картина Ива-
нова, всѣ остальные картины при ней будутъ
казаться, по рисунку своему, или мастиками,
грубыми и неблагородными, или сухими, на-
тянутыми и мертвыми, или мелкими и манер-
ными. У него же и совершенная естественность
и полное чувство красоты являются только въ
служебномъ отношеніи къ святымъ мысли ду-
ховной.

„Живопись его достойна рисунка, какъ въ
отношеніи къ свѣтотѣни, такъ въ отношеніи къ
краскѣ. Общій эффектъ картины приближается
къ эффекту, производимому великими фресками
старыхъ мастеровъ. Та же широта и велича-
вость, то же эпическое спокойствіе масти...
Какъ у старыхъ мастеровъ, въ его картинахъ
приволье и просторъ. Вездѣ (кромѣ, можетъ
быть, третяго плана съ правой стороны) про-
никаетъ воздухъ; все облекается свѣтомъ... Но,
при достоинствѣхъ фрески, онъ совершенно
свободенъ отъ ея недостатковъ. Сухости, одно-
образія, скудности, которыхъ она не можетъ
избѣгнуть, почти нѣтъ и слѣда. Въ каждой части
картины самый взыскательный критикъ най-
детъ всю мягкость и гнѣзность, все разнообра-
зіе и богатство, возможныя въ масляной жи-
вописи. Колоритъ отличается какою-то трезвен-
ною простотою и мужественною строгостью...
Нигдѣ разгуливался краска не смѣетъ по-
сягнуть на отчетливую красоту рисунка, нигдѣ
сосредоточенная опредѣленность рисунка не
смѣетъ стѣснять законныхъ правъ краски. Со-
сѣдство этой картины будетъ также
убійственно для живописцевъ-колори-
стовъ, какъ и для живописцевъ-риси-
вальщиковъ. Великое дѣло совершилъ нашъ
соотечественникъ.

„Цѣлая школа награждена въ безсмертномъ
твореніи Иванова за свое смиренное отношеніе
къ искусству... Еслибы мнѣ можно было при-
близительно выразить свое мнѣніе о картинѣ
Иванова относительно къ другимъ великимъ
памятникамъ живописи, я сказалъ бы, что
по высотѣ идеала она уступаетъ, мо-
жетъ быть, двумъ-тремъ, но что оно совер-
шенству сочетанія всѣхъ достоинствъ:
замысла, выраженія, рисунка и коло-
рита, а еще болѣе по строгости и трез-
венности стиля — она не имѣетъ равной
въ цѣломъ мірѣ... Видѣть картину Иванова,

не только высокое наслаждение, но гораздо больше. Это — прощствие въ жизни.

... „Есть что-то трогательное, торжественное и великопное въ жизни и смерти Иванова, — заключалъ свое письмо Хомяковъ. Одного остается желать, а именно, чтобы всѣ этюды Иванова были собраны въ одномъ павильонѣ и расположены какъ путь къ его картинѣ. Тутъ бы выразилась уже художественная жизнь, и никакая земля не могла бы представить ничего подобнаго“...

Вслѣдъ за вышеприведенной статьей, въ защиту Иванова появилась въ Москвѣ еще другая, имѣвшая съ тою вѣщо общее по нѣкоторымъ мотивамъ. Замѣчательно, что она принадлежала перу акад. *Мокрицаго*, ученика и и страстнаго почитателя Брюллова, и была напечатана по распоряженію Совѣта Моск. Художественнаго Общества — отдѣльною книжечкой въ 72 стр. „Сюжетъ, взятый художникомъ для своей картины, — говорилъ Мокрицкій, — есть одинъ изъ самыхъ высокихъ, самыхъ священныхъ, какіе существуютъ въ понятіяхъ христіанства. Пришествіе Спасителя — есть начало Его благодати къ міру, приближеніе момента обновленія человѣка... Предпріятіе колоссальное, требовавшее гигантской силы таланта и большого познанія искусства, со всѣми его многосторонними требованіями, и умѣнія направить эти силы къ успѣшному выполнению задуманной идеи... Свѣтлый лучъ вѣры перенесъ художника въ прошедшее, и сиквовъ мракъ вѣковъ освѣтилъ, передъ очами его духа, то мѣсто, гдѣ происходило священнѣйшее дѣйствіе — обновленіе человѣка“...

Развивая свою мысль далѣе, Мокрицкій указывалъ какъ на образцы новой исторической живописи на картины Бруни „Мѣдный вѣтъ“ и Брюллова „Послѣдній день Помпеи“, причемъ характеризовалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Одинъ, какъ глубокой мыслитель, устремился воображеніемъ въ недостижимую даль вѣковъ, въ вѣкъ библейскій, и тамъ нашелъ пищу для мрачной своей фантазіи; съ ужасомъ обнимая душою страшное событіе, онъ выразилъ его на полотнѣ такъ, что зритель невольно цѣпенѣтъ отъ ужаса передъ картиной, какъ при взглядѣ на цѣлое, такъ и встрѣчая раздирающіе душу эпизоды терзана, страха и смерти людей... Но, — прибавлялъ онъ, — отдавая полную справедливость достоинствамъ произведенія, мы, рассматривая его критически, можемъ ли почитать его вполне совершеннымъ, хотя бы требованія наши касались только условій второ-

степенныхъ и самыхъ незначительныхъ, отъ неисполненія которыхъ не зависитъ ни выраженіе идеи, ни характеръ цѣлаго. Другой, также уносясь пылкимъ воображеніемъ въ отдаленныя вѣка, искалъ пиши для кипучей своей фантазіи въ первомъ вѣкѣ христіанства, и встрѣтилъ страшную катастрофу разрушенія и гибели Геркулана и Помпеи, участь послѣдней тронула его душу болѣе, чѣмъ участь перваго, и художникъ остановилъ на ней пронзительный взглядъ свой. ...Въ минуту всеобщаго бѣдствія людей, — говорилъ критикъ въ заключеніе своего введенія, — поэтъ и художникъ будутъ послѣдніе, которые уладутъ духомъ и, закрывъ глаза, отвернутся отъ ужасовъ, нища спасенія. Величественно-прекрасное явленіе природы и въ такую минуту наполнитъ душу его восторгомъ, который улетитъ изъ нея только съ послѣднимъ вздохомъ изъ груди. Не такимъ ли видимъ мы самого художника въ картинѣ? Неся на головѣ живописныя принадлежности, стоитъ онъ спокойно и, сдвинувъ брови, смотрѣть на ужасы природы“...

Привозносъ приведеннымъ словами незамѣтно приговоръ надъ помянутыми двумя картинами, критикъ-художникъ переходилъ къ предмету своей статьи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Но не одно ужасное и величественно-прекрасное потрясаетъ до глубины душу художника и даетъ пищу его фантазіи: есть предметы, событія и дѣйствія, которые движутъ его душою совѣмъ иначе, — касаясь ихъ мыслью, онъ приходитъ въ благоговѣнный восторгъ... Одно изъ такихъ событій или, скажемъ лучше, самое высокое между ними есть — „Явленіе Христа народу“, взятое Ивановымъ за сюжетъ для своей картины. Для такого рода предметовъ недостаточно одного генія и познанія искусства для художника, но необходимо и высшее настроеніе духа и способность неотлучно пребывать съ идеей, пока она вполне созрѣетъ въ умѣ его и выразится всѣми совокупными средствами искусства“...

Описывая далѣе содержаніе картины, Мокрицкій говорилъ: „Естественно, что въ такую торжественную для всѣхъ минуту вослѣдовали всеобщее молчаніе и тишина, и мы видимъ, что спокойствіе этого момента выражено съ такимъ совершенствомъ, что слышшишь, кажется, шаги приближающагося Спасителя. Что эта тишина и спокойствіе не суть только кажущіся намъ, но что это дѣйствительно было въ настроеніи художника, — доказывается тѣмъ, что нигдѣ не встрѣчаемъ разговора, даже и между двумя лицами“... А затѣмъ прибавлялъ: „Вотъ

то, что видно въ картинѣ съ перваго взгляда, и послѣ внимательнаго разсмотрѣнія вотъ ея содержаніе: оно такъ полно и разнообразно и такъ направлено къ выраженію идеи сюжета, что съ этой стороны успѣхъ картины долженъ восполнѣваться неминуемо⁴.

Послѣ такого вступленія Мокрицкій разобралъ произведеніе Иванова съ разныхъ сторонъ и дѣлалъ ему такого рода характеристику: „Если въ картинѣ „Явленіе Христа народу“, какъ мы сказали выше, все клонится къ выраженію единства мысли и всѣ фигуры проникнуты тѣмъ единствомъ, то это могло произойти только отъ естественной и обдуманной композиціи, отъ подчиненности второстепеннаго главному, при чемъ опытный и наблюдательный художникъ соблюлъ красоту линій группъ и отдѣльных фигуръ: и точно, можно ли представить себѣ композицію проще, естественнѣе и художественно-прекраснѣе?.. Такую непогрѣшимость въ композиціи встрѣчаемъ мы только у Рафаэля и Леонардо да Винчи.. Смотра на рисунокъ, какъ на величайшій принципъ искусства живописи, выражающей, независимо отъ красокъ, — форму, жизнь, душу, характеръ и самую даже матеріальную сущность предметовъ при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, что доказываютъ намъ скульптура, которая, для выраженія сказаннаго нами, не нуждается въ краскахъ и есть одинъ только чистый рисунокъ, — въ картинѣ „Явленіе Христа народу“ съ удивительнѣе видимъ мы, что этотъ главнѣйшій основной принципъ является въ высокой степени совершенства: художникъ, задавъ себѣ труднѣйшую задачу, старался выполнить ее достойно идеи сюжета и устремилъ все свое вниманіе на рисунокъ и глубокое изученіе, какому требовало разнообразіе характеровъ, возрастовъ людей, разнообразіе одеждъ и прочихъ предметовъ, усматриваемыхъ въ картинѣ.. Ивановъ, глубоко изучая древнихъ мастеровъ, умѣлъ обойти ихъ недостатки и воспользоваться достоинствами, и въ своей картинѣ ограничивался драпировками, только какъ необходимыми одеждами, въ которыхъ художникъ, не выходя изъ характера, долженъ найти прекрасную сторону и всегда прилично своему сюжету..

„Сколько потребно было знанія и труда для художника, чтобы въ однихъ формахъ выразить красоту душевную и высокое значеніе лица, и гдѣ искать ему пособія — въ натурѣ, въ искусствѣ и въ воображеніи? Но можно ли встрѣтить цѣлостъ такого характера въ натурѣ и гдѣ ему

найти его въ искусствѣ? Одно творческое воображеніе художника и его умъ создаютъ такіе цѣлые образы: безъ нихъ его исканія останутся тщетными... Отсюда переносимъ мы наше вниманіе на фигуру Іоанна Крестителя. Подобной силы и цѣлості величаваго характера Іоанна мы не встрѣчали доселѣ нигдѣ въ искусствѣ: такое явленіе поражаетъ насъ тѣмъ болѣе, что художникъ, для выраженія его, не прибѣгнулъ ни къ особенному физическому развитію формъ, ни къ чему-либо необыкновенному, сверхъестественному, а простыми, натуральными средствами и, можно сказать, скуднымъ развитіемъ формъ достигъ поразительнаго величія въ выраженіи высокаго значенія фигуры... Но художникъ изобразилъ Іоанна величественно-прекраснымъ: въ его оскани видимъ мы явную красоту, благородство, рѣшимость, сознаніе внутренней силы, поддерживаемой особеннымъ покровительствомъ Божіемъ — вѣрою въ посланнаго его и въ святость своего призванія. Въ чертахъ мужественнаго лица Предтечи сочеталъ художникъ и выраженіе высокаго ума, и твердой, непоколебимой воли, набросивъ на всѣ черты идеальную красоту и выраженіе вдохновенія... Фигура Предтечи, своимъ ансамблемъ и выраженіемъ лица, такъ поразительна, что, увидѣвъ ее однажды, кажется, не забудешь во всю жизнь.

„Разсмотрѣвъ фигуру Іоанна, мы невольно устремляемъ свой взоръ на грядущаго Спасителя. На весьма выгодномъ для картины отдаленіи, идеть по жесткому кренистому пути Тотъ, Котораго путь долженъ бы усыпая быть цвѣтами.. Съ какимъ божественнымъ спокойствіемъ, тихою и твердою стопою, идетъ Онъ, взявъ на себя грѣхъ всего міра, и умереть на крестѣ!.. Ни въ одной чертѣ не встрѣчаемъ мы противорѣчія понятіямъ, почерпнутымъ о Немъ изъ Евангелія, ни въ одной чертѣ не видимъ мы земного на Него притязанія: все въ Немъ изобличаетъ божественное Его происхожденіе, все говоритъ, что человекъ Сей не отъ міра сего. Изображеніе Его въ картинѣ — какъ образъ для вѣсти, которому, удивляясь могуществу искусства, можемъ и молиться, — такъ сильно говоритъ Онъ душѣ нашей, такъ Онъ божественно прекрасенъ. Неясность очертаній лица Спасителя такъ же, полагаемъ, была въ намѣреніи художника, дабы не останавливать нашего воображенія: непостижимаго величія Духа Божества не могъ воплотить обнять духъ никакого смертнаго, и представить Его, каковымъ Онъ есть...

„Въ облаченныхъ, нагихъ фигурахъ Ива-

нова видимъ мы большой успѣхъ искусства въ стремленіи сочетать истину съ красотой; нагія его фигуры представляютъ людей, какъ они есть въ натурѣ: молодые—съ свѣжими, еще вѣжными формами, пожилые—съ болѣе развитыми и окрѣпнувшими, а старики—съ формами увядшими, ослабѣвшими, причемъ мы угадываемъ даже выгоды и невыгоды изыщной красоты и совершенства развитія, то это было необходимо для картины; ибо, изображая народъ, какъ народъ, всѣхъ возрастовъ и состояній,—людей въ истинномъ смыслѣ живущихъ, подверженныхъ слабостямъ и недостаткамъ моральнымъ и физическимъ, а слѣдовательно и съ уклоненіями отъ красоты, мы не знаемъ зачѣмъ ихъ дѣлать красавцами Аполлонами, Геркулесами, Гладіаторами, когда они и не были и не заслуживаютъ быть такими написаны.

„Стремленіе соединить истинное съ прекраснымъ есть достоинство нашего вѣка: успѣхъ науки и гражданственности отразился и въ искусствѣ. Такой взглядъ на историческую живопись возникъ въ современныя намъ періоды—во Франціи, Германіи и у насъ, въ Россіи... Мы имѣемъ достаточное основаніе думать, что выраженіе современныхъ требованій и взглядъ на историческую живопись достались въ удѣлъ русской школы; что сочетаніе истины съ прекраснымъ въ живописи исторической высокаго стиля выпало на долю русскихъ художниковъ. На этомъ поприщѣ трудились—Бруни, Брюлловъ и Ивановъ... „Послѣдній день Помпеи“ есть первая историческая картина, гдѣ народъ является народомъ, а пейзажъ не только штафажемъ (обстановкой), но настоящею сценою дѣйствія,—первая картина высокаго историческаго значенія, въ которой живопись рѣшилась оставить прежнюю свою условную форму и такъ назыв. академическую колею, по которой она тащилась до того времени. Нужно было имѣть геній Брюллова, чтобы рѣшиться на такой шагъ въ Римѣ, когда тамъ въ области искусства царствовалъ Каммучини. Запнулся академическій складъ концепціи и формы, и колебаніе его показалось опаснымъ для многихъ. Не знали, что тамъ же въ Римѣ трудится еще одинъ неутомимый дѣлатель надъ тѣмъ же самымъ великимъ дѣломъ освобожденія исторической живописи отъ принятыхъ натянутаго условій. Ивановъ, трудясь надъ изученіемъ древнихъ мастеровъ въ натурѣ и углубляясь въ

свой предметъ, совершенствовался болѣе и болѣе—это видимъ мы на картинѣ его, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, — „Явленіе Христа Магдалинѣ“. На томъ же прекрасномъ пути видимъ мы его уже тогда, но, насколько далѣе впереди, встрѣчаемъ его въ картинѣ „Явленіе Христа народу“!

„Стремленіе Иванова создать прекрасное по новымъ современнымъ требованіямъ искусства здѣсь уже такъ ясно, положительно... Евангельскій сюжетъ: явленіе Христа народу—обновленіе человѣка крещеніемъ—далъ художнику прекраснѣйшій къ тому поводъ и своимъ содержаніемъ способствовалъ къ рѣшительному повороту въ искусствѣ. Отсутствие всего сверхъ-естественнаго, чудеснаго, простота дѣйствія и обстановки—прямо указывали художнику на возможность триумфа въ сочетаніи истиннаго съ прекраснымъ, а святость событія, высочайшее его значеніе и вводимые въ картину образы Спасителя и Іоанна Предтечи ясно обозначали предѣлы того и другаго... Не ясно ли, что на долю русскихъ художниковъ выпало сочетаніе истины съ прекраснымъ. Къ сожалѣнію, и на поприщѣ искусства есть свои фарисеи и саддукеи: картина Иванова заставила ихъ призадуматься и, можетъ быть, возстановила ихъ противъ себя; но нашлись такъ же, какъ и въ народѣ, крещаемомъ во Иорданѣ, — и сердца добрыя, неавкоренѣлыя, которыя, увѣровавъ въ ея достоинства, примутъ новое ученіе и просвѣтятся духомъ, и картина Иванова послужитъ имъ примѣромъ и доказательствомъ, что можно, и не слишкомъ придерживаясь старины, съ новымъ възглядомъ и по новымъ понятіямъ создать прекрасное въ искусствѣ.

„Не скроемъ, что группа господина и его раба, равно какъ и еще двѣ-три фигуры въ картинѣ, не скоро даются для объясненія настоящаго ихъ выраженія, а слѣдовательно и намѣренія художника, не по недостатку силы и ясности выраженія, а по совпадающимъ признакамъ того или другаго внутренняго движенія, не всегда объяснимаго и въ натурѣ, тѣмъ болѣе на картинѣ, гдѣ во власти художника одинъ только моментъ, представляющей объяснитъ цѣлый рядъ чувствъ или выраженій, производимыхъ однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ... Отсутствие всякой красоты въ его формахъ и въ его лицѣ (т.-е. у раба) было, какъ кажется, въ намѣреніи художника выразить этимъ безобразіе рабства, отнимающаго у человѣка, угнетеніемъ его природы,—какъ физическую, такъ

и моральную красоту, данную ему Богомъ въ удѣлъ, вравнѣ съ прочими его собратами. Для вознагражденія его свободы, отнятой насиліемъ, и грядетъ Спаситель міра, чтобы расторгнуть цѣли рабства, прекратить стѣнания и разорвать веревку, брошенную на выю человечества всемірной тираніей Рима.

„Будь ни обратимъ взглядъ, вездѣ видимъ, что художникъ, изучалъ лучшія произведенія великихъ мастеровъ, всего болѣе наблюдалъ и изучалъ натуру; а такъ какъ въ ней самой не на каждомъ шагѣ встрѣчается прекрасное, и не при всѣхъ обстоятельствахъ, а является рѣдко и тѣмъ самымъ болѣе поражаетъ и восхищаетъ умѣющаго подсморгнуть его, такъ и въ своей картинѣ Ивановъ не утомляетъ вниманіе зрителя непрерывными красотою формъ, но тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрны истинѣ, вездѣ проводитъ жизнь и интересъ, то тѣмъ, то другимъ способомъ, разнообразно наслажденіе зрителя.... Въ толпѣ людей, идущихъ и стоящихъ, замѣтно постепенно продолжающееся общее движеніе: одни уже увидѣли грядущаго, другіе оглянулись, чтобъ увидѣть; иные же, не подозревая еще ничего, идутъ погруженные въ самихъ себя. Между ними двѣ женскія фигуры—одна съ груднымъ младенцемъ на рукахъ.

...Общая, наконецъ, глазами и чувствомъ все, представленное на картинѣ, мы видимъ, что она дѣйствуетъ на насъ всѣми своими органами, то останавливая наше вниманіе на главномъ интересѣ, то давая ему волю переходить отъ предмета къ предмету, разнообразно наше наслажденіе отраднымъ, успокоительнымъ согласіемъ, естественностью и красотою. И наслажденіе наше тѣмъ болѣе становится совершеннымъ, что мы находимъ здѣсь удовлетвореніи всѣ силы нашего духа—и умъ, и воображеніе, и чувство; самое даже сердце наше не остается здѣсь безъ участія—да, сердце вѣрующаго не можетъ не найти здѣсь отраднѣйшаго утѣшенія... Картина „Явленіе Христа народу“ понятна для каждого, и всякій, даже непосвященный въ искусство, побывъ съ нею подолѣе, наконецъ постепенно знакомится съ нею и невольно полюбитъ ее, не будучи въ состояніи отбѣить высокихъ художественныхъ ея достоинствъ. Въ картинѣ находимъ мы и Евангельскую простоту, и величіе; каждый, услышавъ слова Евангельскія, пойметъ его и умилится сердцемъ; но тотъ, кто пойметъ высокій смыслъ его, тотъ узритъ и всю божественную его красоту и истину...

„По нашему мнѣнію, картина Иванова: Яв-

леніе Христа народу—есть первая историческая картина, въ которой является пейзажъ во всей своей простотѣ и истинѣ. Передавая и мѣстность, и характеръ страны, и почву земли, и растительность, съ такою истинною, что, существуя отдѣльно какъ пейзажъ, онъ могъ бы состязаться съ лучшими произведеніями современной пейзажной живописи,—при своей простотѣ и истинѣ, онъ служитъ вмѣстѣ и прекраснымъ фономъ для фигуръ: поддерживая своими линіями и массами общій составъ картины и оставаясь вѣрны истинѣ, онъ тонами своими помогаетъ дѣленію фигуръ. Нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшей натяжки, нигдѣ отступленія отъ натуры, такъ что, если снять съ картины фигуры, онъ останется также прекраснымъ при своемъ значеніи, какъ портретъ изображаемой имъ природы и мѣстности; судя только по тому, что находится въ картинѣ, мы видимъ, съ какимъ глубокимъ знаніемъ составленъ, нарисованъ и написанъ этотъ пейзажъ. Линейная и воздушная перспективы соблюдены въ немъ съ такою силою и точностью, что предметы отдаленные уходятъ отъ глазъ нашихъ или приближаются съ неподражаемою истинною...

„Въ какой исторической картинѣ и такого объема, видѣнной нами, встрѣчали мы пейзажъ такъ строго и естественно нарисованный, что, будучи передавъ фотографіей, сохранилъ бы столько силы рельефа и естественности формъ, что кажется снятымъ съ природы? А надо признаться, что немногіе пейзажисты, поражающіе насъ своими красками, выдержатъ такой строгій экзаменъ... Подумавъ долго, едва ли не сознаемся, что такого пейзажа въ исторической картинѣ мы до сихъ поръ не встрѣчали, и, находя, что онъ и формами, и линіями своими, и тонами, гармонируетъ съ фигурами и, слѣдовательно, оказываетъ большую имъ услугу, съ удовольствіемъ признаемъ, что естественность пейзажа не можетъ вредить исторической картинѣ, изображающей естественное дѣйствіе или событіе. Если же мы къ тому прибавимъ, что пейзажъ, при всей своей обдуманности и строгости художественнаго исполненія, уступаетъ въ картинѣ первенство фигурамъ человѣческимъ, то и должны согласиться, что, при такомъ изящномъ выраженіи самого событія, Иванову, какъ живописцу историческому,—первому принадлежитъ и триумфъ сочетанія истиннаго съ прекраснымъ.

„Что касается до колорита въ картинѣ и

техники въ живописи, то послѣ такихъ достоинствъ въ композиціи и въ рисункѣ, какими выражена идея художника, колоритъ не составляетъ важнаго вопроса. Достаточно, если скажемъ, что краски на предметахъ весьма близки къ натурѣ расположены въ картинѣ гармонически. Разнообразие тоновъ тѣла въ фигурахъ нагихъ, сообразно племенному ихъ отличію, также показываетъ, что художникъ подумалъ объ этомъ немаловажномъ условіи. Если мы не видимъ въ картинѣ Иванова особенной силы цвѣтныхъ колеровъ, то это могло случиться отъ двухъ причинъ: во 1-хъ, художникъ не желалъ вѣшнюю сторону картины ослабить внутренняго ея выраженія и, при широкомъ освѣщеніи подъ открытымъ небомъ, достигъ этого оправданія безъ усилий, потому что сильный, широкій свѣтъ умѣряетъ въ картинѣ цвѣтность всѣхъ колеровъ; во 2-хъ, художникъ, можетъ быть, желалъ остаться вѣрнымъ мѣстной природѣ и костюмамъ страны, гдѣ, при большихъ и постоянныхъ жаракъ, носить преимущественно бѣлые и свѣтлыя одежды, отражающія солнечныя лучи; за всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что онъ достаточно помѣстилъ въ картинѣ и самыхъ цвѣтныхъ колеровъ...

„Въ техникѣ живописи этой картины мы встрѣчаемъ необыкновенную простоту и отсутствіе всякаго легиотства: видно, что технику свою художникъ подсматривалъ на самыхъ предметахъ... Довѣріе къ натурѣ у художника было при этомъ такъ велико, что техникою своею онъ никого не напоминаетъ; на этомъ пути видимъ мы его наблюденіе одной только природы, и оттого въ техникѣ Иванова и встрѣчаемъ такое многостороннее разнообразіе, какъ въ самой натурѣ: у него нѣтъ такъ назыв. мазка кисти, бойкости, но незамѣтно такде и робости, а вездѣ—обдуманность, соображеніе и отчетъ. Продолжителемъ былъ трудъ художника, но въ картинѣ незамѣтно утомленіе,—напротивъ, вырабатывая свои силы и совершенствуясь болѣе и болѣе, онъ, кажется, готовъ былъ еще продолжать ее, и еслибы Господь продлилъ жизнь художника, онъ бы вѣрно коснулся еще кистью тамъ, гдѣ глазъ нашъ чувствуетъ ея необходимое прикосновеніе.

„Если въ художественномъ произведеніи, — заключалъ критикъ-художникъ свою статью, — выраженіе идеи зависитъ отъ гармоническаго сочетанія всѣхъ условій искусства, равномѣрно направленныхъ къ одной цѣли, то при такомъ

сочетаніи композиціи, правильности и красоты рисунка, при такой силѣ выраженія лицъ и характеровъ, при таковыхъ круглотѣхъ и дѣленіи фигуръ и изяществѣ драпировки, при такомъ сочиненіи и исполненіи пейзажа и при естественномъ колоритѣ всѣхъ предметовъ, — художественное произведеніе не достигло-ли выраженія идеи? При такихъ высокихъ художественныхъ достоинствахъ, не заслуживаетъ ли оно стать на ряду съ первыми произведеніями искусства? И, выполняя въ такой мѣрѣ современные требованія, можетъ ли не занять перваго мѣста въ періодѣ стремленія сочетать истинное съ прекраснымъ въ искусствѣ?“

Среди статей о картинѣ Иванова, появившихся вскорѣ послѣ ея выставки для публики, нельзя пройти молчаніемъ отпечатаннаго отдѣльной брошюрой въ СПб. въ 1859 г. отрывка изъ письма „О картинѣ Иванова Явленіе Христа міру“, извѣстнаго архим. *Феодора (Бухарева)*. „Картина Иванова, плодъ свыше 20-ти лѣтнихъ трудовъ покойнаго, — писалъ достопочтенный представитель церкви, — стоитъ изученія во всѣхъ отношеніяхъ. Предметъ картины взятъ изъ духовной дѣйствительности и едва ли не болѣе всего требуетъ изученія: вѣрно ли этой дѣйствительности онъ выполненъ художникомъ? Но съ этой стороны слишкомъ мало и иногда совсѣмъ ошибочно судятъ о картинѣ. Инымъ, напр., показалось, что изображается Господь, идущій еще креститься отъ Иоанна, тогда какъ здѣсь Креститель уже указываетъ на Агнца Божія, какъ ему вполнѣ вѣдомаго, а до крещенія Господня такого вѣдѣнія не было у него. „Азъ не вѣдѣхъ Его“, говоритъ самъ Іоаннъ (Іоан. 1, 33), но пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече: надъ Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ“. Вѣдь это совсѣмъ не маловажный вопросъ: въ томъ или другомъ положеніи и состояніи изобразитъ не только Господа, но и простаго человѣка... При томъ, въ этомъ трудѣ состояла, можно сказать, вся служба Иванова отечеству въ продолженіе 20-ти слишкомъ лѣтъ. Неблагородно было бы съ нашей стороны не содѣйствовать, сколько можемъ, надлежащей оцѣнкѣ столь добросовѣстнаго и безкорыстнаго дѣла службъ“...

Подробно разсматривая и разбирая картину послѣ такого предисловія, духовный критикъ дѣлалъ слѣдующія замѣчанія о ней: „Обратимъ вниманіе сначала на общій харак-

теръ, а потомъ и на частности этой великой картины, но прежде того и другого надобно намъ выслѣдить главную мысль этого созданія. Васъ съ перваго же взгляда на картину останавливаетъ то, что на первомъ ея планѣ видна толпа народная съ Иоанномъ Крестителемъ и особенно самъ Креститель, а не Господь, который представляется еще въ нѣкоторомъ отдаленіи тихо идущимъ къ народу, спускался съ возвышенной мѣстности... Но, всматриваясь, видите, что господствующее вниманіе толпы, по указанію Предтечи Господня, уже обращено къ самому подходящему Господу. ...Вы убѣждаетесь, что здѣсь изображается собственно Явленіе Господа людямъ, а не проповѣдь Иоанна Крестителя, хотя послѣдній и всѣхъ видишь на картинѣ... Вы мысленно представляете себѣ лицо Господа на самомъ видномъ мѣстѣ картины и догадываетесь, что тогда Божественный Его ликъ, изображенный въ соотвѣтственномъ прочимъ фигурамъ совершенствѣ, увлекалъ бы и поглощалъ бы все ваше вниманіе помимо прочихъ лицъ... Покойный Ивановъ гениальнымъ инстинктомъ художника, въ которомъ вѣроятно и самъ не давалъ себѣ полного отчета, угадалъ, что изображать такимъ образомъ Явленіе Господа міру—тоже значило бы для искусства, что для науки—изучать лицо Господа, соединяющее въ себѣ съ Божествомъ и человѣчество, съ Божескимъ дѣйствіемъ и волею соединяющее и человѣческую дѣятельность и волю, изучать безъ всякаго живого вниманія къ тому, что все это—ради насъ человѣковъ, ради того, чтобы не пропала, а спаслась наша свободная дѣятельность мысленная, сердечная, тѣлесная, какъ введенная въ Отческую Божию любовь и благоволеніе въ самомъ лицѣ Господа нашего,—только бы намъ усвоить и удержать такую благодать. Потому художникъ, видно, рѣшил и справедливо рѣшилъ, что идея Явленія Господа, Агнца Божія, людямъ не для Себя, а единственно для нихъ, для ихъ помилованія и спасенія, вѣрнѣе и полнѣе выдержана будетъ, если благодать сего явленія слѣдить и выражать главнымъ образомъ въ самихъ людяхъ, если сжмѣтъ представить Господа невидимъ присущимъ уже каждому въ народной толпѣ, хотя бы Онъ видимымъ-то являлся еще въ нѣкоторой дали и потому въ уменьшенномъ видѣ. Я чрезвычайно радъ и за искусство, и за самый предметъ, выбранный художникомъ, что такъ, а не иначе, онъ задумалъ и выполнилъ свое дѣло.

„Общее всей картины, что и поражаетъ, и улаждаетъ ваши взоры, это—свобода и непринужденность лицъ, ихъ выраженія и положеній: не видно ни въ комъ и ни въ чемъ ни внѣшняго, ни духовнаго стѣсненія; всякій является вамъ просто такимъ, какимъ онъ есть, какимъ его Господь засталъ и напелъ благодатію Своего явленія. Тутъ бросается вамъ въ глаза, можетъ быть, прежде всѣхъ рабъ съ зеленымъ лицомъ,—чему онъ радъ? Видно, почувствовалъ грядущаго Освободителя, котораго, разумеется, не только не понимаетъ, но еще и не видитъ, смотря во всѣ глаза въ противоположную отъ него сторону, и однако знать не хочетъ, что собственную его фигуру нынѣ сочтутъ за пятно картины. Тамъ обнаженный юноша—едва не въ самыхъ водахъ Иордана; онъ по гласу и указанію Крестителя: се Агнецъ Божій вземалъ грѣхи міра, взглянулъ на Спасителя, являющагося просто въ плоти человеческой, и въ открытомъ лицѣ и глазахъ юнаго еврея уже сияетъ живая радость и любовь. Какъ будто духомъ своимъ онъ опутилъ уже на себѣ осязненіе благодати, прикрывающей наготу и срамоту человеческую—плотію Богочеловѣка... и онъ уже не стыдится, не чувствуетъ своей наготы...“

„Все здѣсь просто естественнo, какъ сама правда,—какъ эта прекрасная южная природа съ своими горами и видящимися вдали Иерусалимомъ. Такова и должна быть общая печать всего арльища явленія среди людей Того, Кто льна курящагося не угаситъ, трости надломленной не сокрушитъ, Кто въ собственномъ челоуѣствѣ представляетъ челоуѣковъ въ любовь и благоволеніе Своего Отца, снимая съ нихъ все, оскорбительное для Отца,—на себя Самого. Такимъ Его и видите здѣсь—кроткаго, смиреннаго, исполненнаго мирнаго величія. Общій характеръ картины можно опредѣлить такъ, что художникъ писалъ ее, какъ будто слыша сосредоточенный на лицѣ Господа и благодатно разносящійся надъ всѣми гласъ Божій...“

„Будемъ теперь ближе и подробнѣе разсматривать самыя частности картины. Озаренное благодатію явленія Христова, каждое лицо въ отдѣльности выступаетъ на видъ съ рѣзкою своеобразностію¹⁾. (Слѣдуетъ под-

¹⁾ „По словамъ самого художника,—свидѣтельствовала г-жа *Нина Р—ва*, въ „Лучахъ“ 1858 г. (т. XVIII, № 9, стр. 150),—изъ всѣхъ лицъ на его картинѣ только три созданы имъ: Спасителя, Пред-

робный разборъ почти всѣхъ личностей, входящихъ въ составъ картины).

„Дивное созданіе — эта картина Иванова, хотя, повторимъ, само собою разумѣется, что художникъ творилъ по вдохновенію, въ которомъ самъ себѣ не давалъ полнаго отчета. Но нужно было ему возвышаться до совершенно чистаго и святаго вдохновенія, чтобы выдерживать въ своемъ созданіи такую высокую истину, какова благодать Явленія Господа міру.

„Женщины у Иванова, дѣйствительно, возвышаются надъ безплодною религиозною сентиментальностью. Правда, Гоголь, помнится, замѣтилъ въ ихъ выраженіи, когда картина только еще писалась, — вѣчно страстное; видно, художникъ, имѣя передъ собой образцы латинской эффектной набожности, сначала сбивался было на религиозную сентиментальность. Но теперь, въ законченномъ созданіи, не видно уже и слѣда чего-либо подобнаго. Простое, непринужденное, дышащее тихимъ спокойствіемъ и чистотою, выраженіе видно во всѣхъ типахъ женскихъ, лица которыхъ открыты зрителю. Такимъ образомъ, покойному живописцу Господь далъ ощутить и творчески воспроизвести, какъ благодать явившагося Агнца Божія начинала устроить потребные себѣ сосуды въ израильянкахъ. Не даромъ же и браннымъ останкамъ безсмертнаго художника данъ покой въ обители обрученныхъ Христу невестъ (т.-е. на кладбищѣ при женскомъ монастырѣ).

...Общій видъ Христовъ взять съ православныхъ церковныхъ иконъ Спасителя: открытая голова съ длинными, орфховаго цвѣта волосами, съ бородой такого же цвѣта, въ хитонѣ красноватомъ и верхней одеждѣ небесно-голубого цвѣта. Въ этомъ устранимъ, въ лицѣ Спасителя, рѣзкаго еврейскаго типа — какъ прекрасно выражается, что Господь Иисусъ, приходя въ Востокъ и Югу по своему происхожденію плотію отъ Авраама и Давида, — по человечеству своему есть свой и Западу, и нашему Сѣверу!... Руки Его, поддерживая верхнюю одежду, мирно покоятся одна на другой, ноги Его, обутыя по Евангелію (Мате. 3, 11) въ сапоги, представлены въ движеніи тихаго путешествія... И общему почти вниманію, обращен-

ному на Него, внемлющаго своему Небесному Отцу, какъ будто сочувствуетъ чудно-прекрасная, существующая дарами всетворческой Его любви, природа съ ошутительною на самой картинѣ тишиною воздуха, въ которой чувствуется тихое голубинное вѣяніе почивающаго въ Христѣ Св. Духа, съ виднѣющимися, хотя въ одномъ углу, водами Иордана, съ этою плодородною южною растительностью, съ этими поднимающимися отъ самаго Иорданскаго берега и идущими вдоль горами и холмами... А тамъ, на послѣднихъ предѣлахъ видной дали, открывается видъ Святого града Иерусалима, этого средоточія Ветховавѣтной церкви и образа будущаго Новаго Иерусалима вѣчной славы. И вы понимаете, какъ этотъ видъ ксати на картинѣ Явленіе Христа міру; ибо явленіе Христово, міру, провозглашаемое Предтечею и безмолвно дѣйственное со стороны самого Христа, есть зерно великихъ и чрезвычайныхъ событий, которыми разбѣиваются судьбы Ветховавѣтной церкви и открывается церковь Новаго Завѣта — эта область Благодати, имѣющей раскрыться и въ вѣчную славу.

...„Это великая и глубоко-вѣрная Влблѣйская картина. Если задача св. иконъ, по свято-отеческимъ мыслямъ, состояла въ томъ, чтобы не только представить святыхъ лица для богоговѣйнаго чествованія, но и поучать духовнымъ истинамъ, подобно книгамъ, то картина Иванова не выходитъ, по моему мнѣнію, и изъ предѣловъ православнаго церковнаго иконописанія. ...Великая минута Явленія міру Агнца Божія, внемлющаго его грѣхи, здѣсь представлена просто въ живой дѣйствительности. Надобно замѣтить, что это Его явленіе, съ засвидѣтельствованіемъ о Немъ Іоанна Крестителя, послѣдовало уже послѣ крещенія Христова на Иорданѣ (см. Еван. Іоан. 1, 31—36), послѣ чего непосредственно Онъ уединялся въ пустынь на сорокодневный постъ и борьбу съ искусителемъ. Слѣдовательно, Агнецъ Божій, съ указаніемъ на Него Крестителя, явился міру въ той силѣ духовной, въ какой онъ возвратился уже побѣдителемъ діавола съ горы искушенія (Лук. 4, 14). И какъ вѣренъ этому художникъ въ своей картинѣ! Могущественная сила благодати Агнчей отпечатывается у него рѣшительно на всѣхъ и на всемъ. Не даромъ онъ потрудился надъ этимъ великимъ созданіемъ 20 или 25 лѣтъ.

...„Онъ сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, свое великое дѣло, хотя, по замѣчанію иныхъ, и изобразилъ Крестителя Іоанна не въ одеждѣ

течи и Іоанна Богослова, — всѣ остальные писаны съ натуры, всѣ портреты; только голова апостола, котораго молодой Іоаннъ увлекаетъ за собою на встрѣчу Христу, писана съ одного стариннаго медальона, хранящагося въ Ватиканскомъ музеѣ“...

изъ верблюжьего волоса, какъ говорить Евангеліе, а въ верблюжьей кожѣ. ...Мнѣ думается, что 25-ти лѣтнее дѣло Иванова, сопряженное со многими, и внѣшними, и духовными, бореньями, принято отъ Господа какъ молитвенный подвигъ за Россію, которая на пути науки и искусства едва только начинаетъ служить спасенію прочаго міра, тогда какъ этотъ послѣдній въ правѣ не только ждать, но и требовать такой великой услуги отъ Россіи, какъ отъ должника передъ Востокомъ и Западомъ. Только вотъ въ чемъ наша великая бѣда: подвижникамъ просвѣщенія, не по буквѣ только православнаго, а устремляющагося къ удовлетворенію истинно-православныхъ, вопіющихъ потребностей духа нашего, — не по силамъ выносить бремя того нравственнаго одиночества, въ которомъ они по большей части остаются у насъ, — получая отъ однихъ сочувствіе, но не къ тому, что требовало бы сочувствія, и будучи пренебрегаемы или даже осуждаемы другими, и именно тѣми, отъ которыхъ крайне требовалась бы поддержка сочувствія и одобренія. Въ такомъ одиночествѣ, — холерѣ или другой какой либо болѣзни или просто несчастной судьбѣ не трудно сразить человѣка. Это Твой гнѣвъ, Господи, праведно на насъ движимый“.

Кромѣ уже указанныхъ, въ нашей печати появились не мало еще другихъ статей, сочувственныхъ Иванову и опровергавшихъ его обвинителя изъ „Сына Отечества“.

„Давно уже, писалъ художникъ *Лопатинъ* въ „Семейномъ Кругѣ“ 1859 (№ 9, с. 227), мы видимъ имя г. Толбина красующимся подъ критическими статьями художественнаго содержанія, въ которыхъ только и художественнаго, что имена древнихъ художниковъ, приведенныя не кстатіи, какъ и въ послѣдней статьѣ. Въ статьяхъ своихъ г. Толбинъ судитъ и рядитъ, какъ понало—и въривъ, и вносъ,—о художественныхъ произведеніяхъ, и въ сужденіяхъ своихъ постоянно обнаруживаетъ совершенное незнаніе и непониманіе искусства. Какія права онъ имѣетъ на подобную расправу съ художественными произведеніями, мы не спрашивали (да это было бы и напрасно) и потому уже, что одни его мнѣнія доказывали совершенное незнаніе искусства. Доказательствомъ этому — критика его на картину А. А. Иванова. При разборахъ выставокъ Академіи, мы, художники, ему, г. Толбину, прощали его кривошоліи: онъ не могъ насъ ни чему выучить, а на одобреніе его мы не обращали никакого вниманія, — мы шли своею дорогою, предоставляя воплямъ г.

Толбина раздаваться въ пустынь. Но когда онъ рѣшился, при своемъ незнаніи въ искусствѣ, коснуться гениальнаго произведенія покойнаго А. А. Иванова, тогда мы именно, во имя чести и славы русской живописи, жееаемъ открыть глаза публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать г. Толбину, что онъ напрасно разсуждаетъ объ искусствѣ, азбуки котораго даже онъ не понимаетъ. Также насъ удивляетъ, что г.г. издатели нѣкоторыхъ журналовъ доврѣняютъ писать статьи о художествахъ подобнымъ людямъ...“

„Нашъ знаменитый художникъ А. А. Ивановъ, вмѣстѣ съ Полемъ Деларошемъ и Карломъ Брюлловымъ, сдѣлалъ эпоху въ повѣйшее время въ пластическомъ искусствѣ. А. А. Ивановъ, по нашему крайнему разумѣнію, стоитъ выше другихъ, приведенныхъ нами художниковъ. П. Деларошъ и К. Брюловъ сдѣлали перевороты: П. Деларошъ — какъ композиторъ, К. Брюловъ — какъ колористъ; А. А. Ивановъ, какъ композиторъ, рисовальщикъ и колористъ, двинулъ искусство, помимо всякихъ проселочныхъ дорогъ, прямо по столбовой и тѣмъ поставилъ новое поколѣніе художниковъ прозрѣть истину въ искусствѣ. Картина его есть величайшая точка, до чего достигала до сихъ поръ живопись... Въ картинѣ Иванова есть недостатки, но заѣмъ отсысывать мелочи тамъ, гдѣ такое громадное количество первоклассныхъ красотъ. Впрочемъ, въ картинѣ Иванова нѣтъ недостатковъ художественной техники: рисунокъ, живопись, сочиненіе, воздушная перспектива, драпировки, — все это безукоризненно. ...Н. В. Гоголь, какъ художникъ, понимая художника и собрата, сдѣлавшаго вмѣстѣ съ нимъ эпоху въ искусствѣ у насъ въ Россіи. Онъ не могъ не сочувствовать А. А. Иванову — одна и та же божественная искра, очень для многихъ незамѣтная и непонятная, вдохновляла души двухъ гениевъ. Они, представители нашего вѣка, будутъ причиною похвалы его въ будущихъ вѣкахъ“.

„По многимъ отраслямъ,—говорилъ *Плаксинъ* въ „Семейномъ Кругѣ“ 1859 (№ 11, с. 187), — люди спеціальные почти никогда не пишутъ о своемъ дѣлѣ, а есть у насъ разныя журнальные артельщики, которые за все берутся: они пишутъ о выставкѣ орудіи сельскаго хозяйства, о выставкѣ цѣловъ, о художественной выставкѣ, о промышленности и о многомъ другомъ,—это, такъ назыв., фельетонисты, которые мѣряютъ свой умъ не степенью важности предмета, не характеромъ его, не степенью пони-

манія того, о чемъ они пишутъ, а листами написанными. Эти-то листописатели, не имѣя не только спеціальныхъ знаній, но даже и общихъ понятій, приобрѣтенныхъ опытностью и наблюденіями, толкуютъ обо всемъ врывъ и вкось; ихъ даже не останавливаетъ колоссальное величіе предмета, передъ которымъ и знатокъ съ робостью останавливается, а если рѣшается что-нибудь сказать, такъ приступаетъ къ тому послѣ долгихъ соображеній и размышленій; а эти господа не любятъ долго думать: пришель, выглянулъ и заговорилъ! Ему до того и дѣла нѣтъ; ему нужно написать листъ, а его патрону-редактору нужно, если не предупредить своихъ собратьевъ, такъ по крайней мѣрѣ не отстать отъ нихъ; слѣдоват., для одного—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а для другого—чѣмъ скорѣе и смѣльче, тѣмъ лучше. И такъ, смѣлая пустота статьи доставляетъ имъ обонитъ торжество и выгоду. Чего же больше?—Но что же выиграла читателя? Что выиграло общество? О Боже мой! Вѣдь наше дѣло шумитъ объ общественной пользѣ, а дѣйствовать и работать для общей пользы—дѣло тѣхъ тружениковъ, которые не мастера и не охотники кричать о себѣ. И вотъ люди, не отличающиеся большою смѣлостью и немнѣющими твердыхъ убѣжденій, расступаются передъ смѣльчакомъ, прислушиваются къ его многимъ „потому что...“, воображаютъ себя послѣдователями передового человѣка и, въ свою очередь, въ своихъ кружкахъ шумятъ во имя прогресса, о значеніи котораго они даже не могутъ дать себѣ яснаго отчета. Что нужды, что этого смѣльчака иногда оборвутъ, уличатъ въ невѣжество,—онъ свое дѣло сдѣлалъ... У этихъ господъ есть одна дерзкая и потому опасная уловка: они, подъ личиною скромности, всегда говорятъ отъ имени общества или, по крайней мѣрѣ,—большинства, какъ будто это вовсе не ихъ личное мнѣніе; кто же будетъ повѣрять и разбирать, дѣйствительно ли такъ большинство думаетъ...

„Прошу прислушаться къ тому, что въ продолженіе года, съ тѣхъ поръ, какъ явилась у насъ въ Петербургѣ картина Иванова, было писано и говорено о ней; попробуйте изъ всего этого составить себѣ что-нибудь цѣлое, что бы могло походить на полное характеристическое мнѣніе,—напрасный трудъ. Нѣкоторые изъ этихъ сужденій такъ странны и дики, что отъ нихъ становится какъ-то грустно. Пусть бы еще легкомысленно судили объ этомъ великомъ созданіи одни только журнальные поденщики; мнѣ случилось слышать знатное сужденіе

даже художника одного... Правда, надо признаться, первое впечатлѣніе, производимое этою картиною, очень невыгодно для нея. Это я испыталъ на самомъ себѣ, это слышалъ и отъ многихъ людей, понимающихъ искусство, которые ставятъ картину такъ высоко, что не могутъ о ней говорить хладнокровно.

„Не много картинъ оставилъ намъ Ивановъ, но всѣ онѣ представляютъ неопровержимое доказательство, что онъ былъ художникъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, всѣ онѣ исполнены духомъ глубокаго благочестія... Обратимся къ той картинѣ, которую всѣмъ можетъ видѣть въ Имѣ. Эрмитажѣ: Иисусъ Христосъ, по воскресеніи своемъ, встрѣчается съ Маріей Магдалиной въ саду...¹⁾ Пусть скажутъ намъ люди бывалые, много путешествовавшие: много ли они видѣли изображеній Христа лучше этого, много ли они укажутъ намъ такихъ плачущихъ Магдалинъ?...

„Здѣсь нужно замѣтить, что произведеніе Иванова явилось въ то время, когда въ живописи господствовало эффектное направленіе... Покойникъ К. П. Брюлловъ невинно повредилъ многимъ художникамъ, которые хотѣли съ нимъ сравниться и даже мечтали превзойти его... Онъ создалъ картину кипучую сильными страстями, поражающую самыми разнородными чувствованіями... Это гениальное твореніе возводило страсти художниковъ, и въ тогъ, воображая, что главная удача картинъ происходитъ отъ бурнаго предмета и эффектности изображенія, многие изъ нихъ принимались изображать ужасы страданій человѣческихъ... Но весь этотъ шумъ—и дѣльный, и поддѣльный, и вовсе не дѣльный,—не смутилъ твердой воли Иванова, подкрѣпленной творческой любовью къ искусству: онъ стоялъ противъ всѣхъ искусствъ времени, задумалъ и произвелъ картину хотя обширную, но еще болѣе спокойную, нежели прежнее его созданіе, въ которой онъ воспроизвелъ евангельское слово любви и благодати: Іоаннъ, Предтеча Христа Спасителя, проповѣдуетъ миръ и любовь людямъ; тамъ одинокій идетъ Спаситель изъ пустыни...

...„Оставляя въ сторонѣ всѣ споры, я рѣ-

¹⁾ Передъ этимъ критикъ разбиралъ картину, писанную И-вымъ на 1-ю зол. мед.: „Патріархъ Авраамъ принимаетъ подъ дубомъ Мемврійскимъ трехъ ангеловъ“ и подаренную художникомъ своему крестному отцу—В. И. Сосновичу, отъ котораго она перешла къ Д. К. Тарасову.

шаюсь высказать свои личные впечатлѣнія и мысли, которыя произвела и возбуждала во мнѣ картина Иванова, и тѣ убѣжденія, которыя мнѣ удалось приобрести и усвоить при многократномъ разсматриваніи ея. (Слѣдуетъ подробное описаніе картины). Все въ одно и тоже время — и пустынно, и дико, и полно жизни и движенія, но движенія и жизни не шумныхъ и кипучихъ, а тихихъ, которыя подняты и одушевлены силою благодатнаго слова, дотогѣ небывалаго и неслыханнаго на землѣ..

„Посреди народа, расположившагося по берегу Иордана, стоитъ Иоаннъ Креститель.. лицо его важно, строго, но одушевлено.. Вся фигура его величественна, сильна и строга,..— это человѣкъ высокой мысли и твердой воли,.. проникнутый божественною природой, истинный Предтеча Христовъ..

...„Сколько тутъ правды, которую художникъ извлекъ изъ наблюденій надъ человѣкомъ и его природой. О правильности рисунка я и не говорю,—это прирожденное свойство нашего великаго художника; притомъ одна правильность рисунка, хотя она и необходима въ живописи, еще не составляетъ красоты картины, но тутъ она нераздѣльно связана съ поэтическимъ творчествомъ художника: это воспріиженіе дѣйствительности, какова она есть, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, съ ея неуловимо-волнистыми линіями. И, вмѣстѣ съ тѣмъ,—ведя и во всемъ строгая гармонія между міромъ физическимъ и духовнымъ; каждая фигура поставлена въ такое положеніе и съ такимъ выраженіемъ лица, какія причины возрасту и обстоятельствамъ,—все стройно и все согласно—и съ самимъ собою, и со всѣмъ, что его окружаетъ; тутъ не страдаетъ ни анатомія человѣка, ни исторія, ни логическая истина, ни законы красоты. Это торжество творческаго гения!

...„Художникъ хотѣлъ представить на своей картинѣ далеко не весь народъ, слушающій Иоанна, а только главныя черты факта, событія. Въ доказательство этой мысли служатъ съ одной стороны двѣ группы, помѣщенные на отдаленныхъ холмахъ подъ самымъ хѣсомъ, а съ другой — на правомъ краю картины пѣтъ конца собравшимся слушателямъ... этимъ зрителю дана возможность предполагать еще большее множество народа, слушающаго и, можетъ быть, крестящагося внѣ картины, далеко; въ противномъ случаѣ художникъ оставилъ бы пустое пространство, какъ онъ это сдѣлалъ на лѣвой сторонѣ картины.

...„Изображеніе Христа на этой картинѣ въ такомъ видѣ,—чтобы съ одной стороны можно было узнать Его, а съ другой, чтобы можно было въ Немъ видѣть величіе Богочеловѣка,—чрезвычайно трудно. Теперь смотрите на эту далекую и самую малую фигуру... Смѣло можно сказать, что всякій православный, даже простодушный, скажетъ: конечно, Іисусъ Христосъ. ...Но этой одной вѣрности типа, конечно, недостаточно... Вы видите человѣка, чуждаго человѣческихъ страстей, далекаго отъ всякой устности и увлеченій, вы видите, что, при совершенствѣ человѣческаго организма, въ тѣло движеній его нѣтъ ни суетности ни натянутости, ни другихъ увлеченій отъ спокойно-духовной торжественности; на лицѣ его нѣтъ мѣста ни для шумной радости, ни для бурнаго гнѣва, ни для малодушной печали; на немъ покоится духъ божественный, который можетъ отразиться здѣсь только скорбію о паденіи человечества въ закоренѣлыхъ заблужденіяхъ, или спокойнымъ блаженствомъ при разумномъ счастьи, возвышающимъ человѣка до созерцанія Божества..“

„Впечатлѣніе, произведенное картиной Иванова на художниковъ, живущихъ въ Римѣ,—сообщалось въ „Дѣтскомъ Журналѣ“ А. Захарскаго 1859 г. (т. IV, кн. 4, стр. 123—124 и 129—130),—было весьма разнообразно. Французамъ она не нравилась, да и не могла нравиться по серьезности и строгости общей композиціи и по причинѣ отсутствія всякаго эффекта и того ловкаго „savoir faire“, на которомъ выступаетъ французская школа. Парти Овербека картина неудовлетворила потому, что въ ней не было католической сентиментальности и той искусственной угловатости и сухости рисунка, какими эта партія старается поддѣлаться подъ мастеровъ XV в. Овербекъ осуждалъ ее за „натурализмъ“,—но тѣмъ не менѣе всѣ партіи высоко ставили ее и въ единогласно отдавали справедливости высокому таланту художника. Ивановъ дѣйствительно много пользовался свѣтами Овербека, какъ и онъ самъ объ этомъ открыто говорилъ, но ихъ раздѣляла бездна: Овербекъ—самый жаркій католикъ, убѣжденія же Иванова съ самаго начала были скорѣе мистическими и его цѣлью было написать чисто историческую картину. Въ этомъ отношеніи онъ далеко не весь высказывался передъ Овербекомъ..

„Явленіе Христа народу ниѣтъ достоинство не только, какъ глубоко задуманное произведеніе, прославившее творца его,—оно также

важно, какъ школа для молодыхъ художниковъ. Представителемъ живописи до Иванова былъ Брюлловъ. Но онъ скорѣе только запуталъ русскую школу, а не создалъ ее. Брюлловъ былъ великій техникъ и великій рисовальщикъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ благотворное вліяніе на нее. Но, странно: ни одинъ замѣчательный талантъ не развился подъ его вліяніемъ... Выходили недурные техники, хорошіе рисовальщики, — а картинъ не было. Причина этого, кажется, заключается въ томъ, что въ этомъ великомъ, чисто вѣнскомъ талантѣ Брюллова не было никакого внутренняго содержанія, не было никакого серьезнаго возрѣванія, въ его фантазіи не было ничего поэтическаго. Правда, что лучшее время его молодости и ученія совпало съ самымъ сухимъ и безплоднымъ временемъ для искусства: ложное классическое и академическое направленіе было преобладающимъ во всемъ европейскомъ искусствѣ; самъ Ивановъ отправился въ Италию съ этимъ направленіемъ и свернулъ его только благодаря образовавшейся въ 30-хъ годахъ нашего вѣка въ Римѣ католико-романтической школѣ, которая и возродила потомъ и религиозную живопись въ Германіи. Если душа Брюллова лежала въ чуждому дѣйствительно, то развѣ въ эротическимъ предметамъ греческой мифологіи, — во всему другому онъ внутренне былъ холоденъ. Въ религиозныхъ своихъ картинахъ онъ былъ послѣдователемъ Болонской школы и преимущественно Гвидо Рени, бесспорно весьма талантливаго, но sentimentально холоднаго мастера. Правда, что Ивановъ не былъ блестящимъ техникомъ, подобно Брюллову, но его этюды съ натуры могутъ считаться образцовыми произведеніями живописи. Его этюды зелени, деревьевъ, горъ, которые дѣлалъ онъ для пейзажей своей картины, исполнены съ такимъ совершенствомъ, что приводятъ въ изумленіе самыхъ первоклассныхъ пейзажистовъ“.

Затѣмъ Ковалевскій сообщаетъ въ „Ютес. Зап.“ 1859 г. (т. 123, № 3, отд. I, с. 116—122, 125 и 131) еще слѣд. подробности о картинѣ Иванова: „Ивановъ подалъ въ Римъ въ то время, когда школа нѣмецкой живописи была во всей силѣ: что дѣлали не нѣмцы, — отвергалось; нѣмцы предписывали законы; Корнелиусъ съ Овербекомъ управляли вкусомъ. Робкій Ивановъ не смѣлъ ихъ не признавать за силу. Между тѣмъ, Ватиканъ и Рафаэль привлекали его строгостью и прелестью линій и чистотой стиля. Съ другой стороны, Тиціанъ — этотъ царь красокъ — дѣйствовалъ на молодое сердце еще со-

блзнительнѣй. — Что мнѣ было дѣлать, я рѣши-тельно не зналъ! — говорилъ Ивановъ, разорван-ный на части — и авторитетами, и колебаніями въ разныхъ стороны. Мнительный отъ природы, недоумчивый къ своимъ средствамъ, онъ сознавалъ возможность стать на ноги, только опираясь на кого-либо [изъ силъ искусства. Первоначальная мысль картины, имъ назем-зованная, его не удовлетворяла и, надо сказать правду, — въ сравненіи съ настоящимъ мотивомъ этотъ первый отзывался отчасти академиче-скимъ. Ивановъ уступилъ влеченію сердца и кинулся въ Венецію испробовать себя подъ вліяніемъ манеры Тиціана: отсюда вытекъ второй эскизъ — съ темносинимъ, зеленоватымъ небомъ и бурнымъ деревомъ, какъ на известной картинѣ Тиціана (убіеніе Петра — въ церкви S. Giovanni e Paolo). Но уже своеобразный мотивъ сочиненія является тутъ въ общихъ чертахъ — такимъ, какъ мы его и теперь видимъ; нѣмнѣе же онъ впоследствии только въ распредѣленіи второстепенныхъ группъ и драпировокъ.

— „Когда я вернулся въ Римъ (продолжалъ Ивановъ), мнѣ показалось, что пріемъ Рафаэля ближе къ природѣ; я принялся прилежно ходить въ Ватиканъ, дѣлалъ копіи и остановился на этомъ... — Нѣмцы, значитъ, васъ не одолѣли? — спросилъ я. — Нѣтъ-съ, какъ же это? возможно! Нѣмцы тогда все значили; не было спасенія безъ нѣмцевъ! Я много обязанъ Овербеку, онъ мнѣ весьма помогъ совѣтами. — Такъ онъ совѣтуетъ, должно быть, лучше другимъ, чѣмъ себѣ... Ивановъ улыбался и качалъ головою. — Какъ это, однакожь, вы это говорите! — бормоталъ онъ, — чрезвычайно зло... И онъ принялся похвалить Овербековскаго Іоанна Крестителя. — Я и помышлялъ не смѣю написать такого Іоанна, говоритъ онъ. — И хорошо сдѣлалъ, замѣтилъ я: оттого-то вы и написали *вашего* Іоанна.

„И такъ, Ивановъ приступилъ къ работѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватался за оплоты людей съ именами. Велика же должна быть сила дарованія, чтобы заслонить и врожденную робость характера, и воспитанное въ умѣ поклоненіе авторитетамъ, и выступил на полотно картину, которая показала, что искусству можно еще шагать впередъ, оставляя позади авторитеты. Нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинаетъ работу, и Ивановъ совершитель этой работы, — какъ совѣтуетъ такую слабость и такую силу въ одномъ человѣкѣ? Овербекъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинателемъ, проводилъ нѣсколько часовъ передъ оконченными произведеніемъ — и

только въ состояніи произносить: кто бы могъ думать, Ивановъ насъ надулъ!

„Самъ, доживающій 80-е свои годы, Корнелиусъ, въ полномъ раскодѣ съ правдою (натурою) въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стиля, т. е. ничѣмъ не подходитъ къ хлыстовщинѣ старовѣровъ, пожимаетъ руку Иванова, твердя: вы большой мастеръ! А нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему хулою, замѣчаетъ строго, чтобы они пошли, да лучше изучили. Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ Vicolo del Vantaggio (переулокъ, въ которомъ была мастерская И.).

... „Какъ ошибочно вкоренившееся мнѣніе, будто Ивановъ писалъ 20 лѣтъ свою картину,— писалъ онъ ее 7 лѣтъ, и то при безпрестанныхъ разлѣздахъ за отыскиваніемъ типовъ, которыхъ въ Римѣ онъ не находилъ по своему желанію, при перерывахъ отъ болѣзни и находившихъ на него припадковъ апохондріи, разочарованіи въ своемъ трудѣ, въ своихъ силахъ, при боязни за завтрашній день, за насущный кусокъ хлѣба. Въѣздъ 30.000 выдавались не опредѣленными сроками въ теченіе 30 лѣтъ, а были выпрашиваемы трудно, и за нихъ никто не могъ поручиться въ будущемъ. Остальное время отдавалось усиленному чтенію, изученіямъ древне-еврейскаго быта и подготовкѣ матеріаловъ на изображеніе всей жизни Христа въ эскизахъ...

„Вы считаете одну картину? А причтите-ка къ ней другую — меньшаго размѣра, вполне оконченную (на ней художникъ испытывалъ общее и каждую фигуру отдѣльно, и потомъ уже, удовлетворяясь пробою, наносилъ на большой холстъ), да четыре эскиза, да этюды, которые надо считать сотнями (кажется, болѣе 300), этюды каждой головы, части тѣла, всего тѣла, въ одномъ поворотѣ, потомъ въ другомъ; ландшафтные этюды (просто отрывки природы, по совершеннѣйшей ихъ правдѣ), этюды драпировокъ; копіи, картины, рисунки, чертежи, — и вы получите цѣлую академію, по которой ученикъ можетъ выучиться быть художникомъ.

„Вотъ въ какомъ видѣ только 20-лѣтній трудъ Иванова (хотя онъ даже и не 20-лѣтній, какъ мы видѣли) получаетъ все свое значеніе и становится памятникомъ. Вотъ въ какомъ видѣ Академія должна была пріобрѣсти его, а не допускать, чтобы разорвали по страницамъ великую его исторію (извѣстно, что всѣ эскизы, этюды и проч. распроданы порознь, въ частныя руки).

... „По Брюллову учиться трудно: все, что имъ сдѣлано, не есть плодъ труда усидчиваго, добравшагося, искавшаго, но — дѣло вдохновенія, которое загоралось вдругъ и потухало только съ послѣднимъ ударомъ кисти. Брюловъ подходилъ совсѣмъ готовый къ полотну; онъ учился тоже усидчиво и много, но не надъ большими картинами; онъ выучился сразу и уже потомъ всю жизнь не думалъ о пріемѣ: техника и форма всегда были у него на послугахъ. Поэтому, въ Брюлловѣ можно только удивляться совершенству сдѣланнаго, но хотѣть заимствовать отъ него процессомъ творчества — нелзя: онъ творилъ по законамъ, скрытымъ отъ всѣхъ, кромѣ избранныхъ. За процессомъ же Ивановскаго творчества можно слѣдить, какъ за постепеннымъ ходомъ созрѣванія; поэтому-то отъ него и больше пользы для учащихся, чѣмъ отъ Брюллова.

„Я прислушивался къ отзывамъ о картинѣ... Первое, что выставить вамъ противъ нея, — это нецѣлность воздушной перспективы: отдаленные предметы слишкомъ ясны, лѣзутъ на первый планъ... Пустить въ ходъ сужденіе, рассчитанное очень ловко на незнакомство сѣвернаго человѣка съ прозрачностью южнаго воздуха, который позволяетъ предметамъ, стоящимъ на нѣсколько сотъ шаговъ, быть видѣнными совершенно ясно, — не глупая выдумка! Подите, разувѣрите небывавшихъ хотя бы, напр., въ Неаполѣ или даже въ Римѣ, что свинцовый свѣтъ, который освѣщаетъ Петербургъ, какъ сквозь немытое окно, не можетъ дать понятія объ освѣщеніи странъ солнцемъ!..

„Второе обвиненіе вводится на картину за зеленое лицо раба, за синюю руку апостола Андрея, и вообще за рефлексіи драпировокъ на тѣлѣ. Всякій, кто присматривался къ дѣйствию солнечныхъ лучей на отраженіе цвѣтовъ и красокъ на близкіе предметы, — знаетъ очень хорошо, что человѣкъ, наклонившійся надъ зеленою травой, какъ наклонился рабъ въ солнечный день на открытомъ воздухѣ, не можетъ не позеленѣть; что рука, простертая надъ синею одеждою, должна посинѣть и т. д. Если же отраженія эти кажутся нѣсколько усиленными, на то есть своя причина: солнечный свѣтъ въ картинѣ не довольно ярокъ для полной силы отраженія. И въ этомъ картина до нѣкоторой степени грѣшитъ дѣйствительно... Прозрачность воздуха не уменьшается этимъ, — но степень рефлексіи дѣлается чуть-чуть преведиченною...

„Картина дурно написана, говорятъ даѣе, —

ремесленный взглядъ на произведение, полное идеала!... Неужели жъ нѣкоторая слабость колорита и не совсѣмъ бойкій ударъ кисти могутъ въ самомъ дѣлѣ закрыть въ подобномъ произведеніи все, что такъ недосиаемѣ и колорита, и ударовъ кисти, какіе бы онъ бойкіе ни были?...

„Еще одно: нѣтъ, говорятъ, на картинѣ ни красивыхъ фигуръ, ни женщинъ. Что нѣтъ женщинъ—это естественно: не могъ художникъ, изучивъ основательно нравы того времени, допустить общее купанье двухъ половъ, какъ въ Ост-Энде; надо было избрать одно: или мужчинъ, или женщинъ. Онъ избралъ первое и это, разумѣется, не потому, чтобы съ женскою фигурой ему было совладать труднѣе; доказательство на лицо: его Магдалина въ Эрмитажѣ—лучшая, можетъ быть, женская наружность въ евангельскихъ картинахъ. Всякій другой художникъ не удержался бы отъ соблазна — разыграть свои строгія группы привлекательнымъ женскимъ тѣломъ и тѣмъ не только избѣжать укора (которому подвергся Ивановъ), но еще снискать сочувствіе зрителей; но Ивановъ выдержалъ—и сосредоточенная тревожность обстановки только болѣе выдвинула величіе предмета.

„Красота въ мужскихъ фигурахъ видна при первомъ взглядѣ на полотно. Середину холста занимаетъ Іоаннъ Креститель — образецъ красоты духовной, которая едва-ли могла бы отыскать себѣ болѣе прекрасную форму... Сзади Крестителя, налѣво, — красивая голова Іоанна Богослова, миловидная наружность юноши, выходящаго изъ Іордана и отдѣляющагося отъ полотна съ поразительною силою; впереди, направо, — обнаженный торсъ молодого человѣка, красоты почти античной; бойкій, красивый мальчикъ, продрогшій отъ воды, и темная страстная голова въ толпѣ на заднемъ планѣ—все это красота линий, помимо красоты выраженія. Перечислять же эту красоту, значить назвать всѣ фигуры до одной...

„Съ Ивановымъ умеръ послѣдній жрецъ чистаго искусства. Когда подумаешь, *куда* онъ дѣйствовалъ, то его жизнь, его труды кажутся анахронизмомъ. Сколько лѣтъ одинъ, въ тѣсной комнатѣ, въ заштопанныхъ рубашкахъ, вызываемый громкимъ прикомъ всей Россіи, умѣлъ онъ беречь свою независимую бѣдность, не перенести завѣтной кисти съ избраннаго на всю жизнь поприща ни на какой заказъ, не написалъ даже ни одного портрета въ самые трудные годы лишеній всякаго рода, и посещать въ землю образцомъ не запятнаннаго служенія искусству. Въ явленіямъ такого рода могутъ

быть равнодушны современники, но, разумѣется, не останется равнодушна исторія. И вотъ кому произнести послѣднее слово объ Ивановѣ!..

Годъ спустя, тотъ же *Ковалевскій* писалъ въ „Современникѣ“ 1860 г. (т. 83, отд. III, с. 36), въ ст. „О художествахъ и художникахъ въ Россіи“ — по поводу академ. выставки: „Молодой Ивановъ отозвался совершенно иначе на то, что его встрѣтило въ Римѣ, и порыванье свое къ самостоятельности сразу и перрыванье подчинилъ старымъ и новымъ авторитетамъ вѣчнаго города искусства. Рафаэль, Тицианъ, даже Овербекъ и Корнелиусъ начали клонить его каждый въ свою сторону и колебать довѣріе къ самому себѣ, къ своимъ силамъ и къ внутреннему голосу, уже шептавшему ему новые мотивы „Явленія Христа народу“. И вотъ, по крайней мѣрѣ въ той же степени, въ какой совершенное отрицаніе образовъ нанесло однажды на всегда несправедливый вредъ Брюллову, слѣбая въ нихъ вѣра Иванова повредила ему на всю жизнь. Нѣкоторая робость нѣкихъ частей его картины и сухость письма, вовсе не свойственныя кисти, написавшей „Магдалину передъ Христомъ“, о томъ свидѣлствуютъ.

„...Поклоненіе Брюллову достигло своего апогея и уже готово было, за смертію художника, нѣсколько смириться, какъ на поприщѣ живописи явился Ивановъ со своимъ „Мессіей“. Съ появленіемъ Иванова, первый періодъ исторіи русскаго художества, періодъ Брюловскій, кончился, и начинается второй—Ивановскій.

„Хотя по всѣмъ вѣроятіямъ не такъ единодушно и менѣе быстро, но Ивановская натуральность и простота должны будутъ приняты, и уже принимаются, молодыми художниками: смѣлая пятна Брюловской живописи уже уступаютъ мѣсто освѣщенію болѣе ровному (въ свѣтѣ) фигуръ Иванова. Творецъ „Явленія Христа народу“ дѣлаетъ шагъ въ искусствѣ, и за этимъ шагомъ слѣдить можно. Онъ достается и самому Иванову долготѣнниими трудами, наукою и сосредоточенностью на одномъ предметѣ. Въ этомъ отношеніи Ивановъ приноситъ болѣе пользы молодому поколѣнію...“

Въ заключеніе, нельзя не указать на большую, занимающую 9 столбцовъ въ листѣ, статью *Арк. Эвальда* „Иисусъ на картинѣ Иванова“ — въ „Моск. Вѣдом.“ 1860 г. (№№ 130 и 131, с. 1030—1 и 1038—9), хотя она „нѣсколько и запоздала своимъ появленіемъ въ свѣтъ“, по замѣчанію редакціи этой газеты. „Отдѣлиться отъ самого себя, — говорилъ назв. критикъ, — чтобы

пропасти рѣшеніе совершенно отвлеченное,—невозможно, потому и происходитъ вѣчная односторонность и пристрастность нашихъ сужденій,... и только одна общая идея, выведенная изъ массы мнѣній, можетъ называться безпристрастною или хотя близкою къ ней. Поэтому, да простятъ и мнѣ тѣ мысли, которыя, можетъ быть, покажутся вѣскольکو-странными или даже ошибочными. Онѣ современемъ, можетъ статья, попадутся на глаза тому, кто захочетъ сдѣлать сводъ сужденій о картинѣ Иванова, и если не дадутъ ему ничего новаго, то все-таки послужатъ матеріаломъ для болѣе вѣрной критики. Несмотря на такое скромное мнѣніе о себѣ автора, статья его заключаетъ, однако, не мало новаго и любопытнаго, хотя и отличается нѣкоторою растянutosтью и повтореніями.

„Рожденный и воспитанный въ нищетѣ,—замѣчалъ онъ,—Исусъ навсегда отказался отъ всѣхъ земныхъ благъ, отъ всякаго человѣческаго величія, отъ блеска и славы, удалился въ пустыню и тамъ готовилъ себя на страшный подвигъ, который долженъ былъ кончиться Его насильственною смертію.—Во время этого удавленія Онъ готовился къ слову, которое должно было пересоздать весь міръ. ...Слово это было—любовь... Этимъ словомъ Онъ разрѣшаетъ всѣ вопросы, всѣ затрудненія. Этимъ словомъ Онъ сравнивалъ людей... Совсѣмъ новымъ свѣтомъ озарилъ Онъ нашу жизнь, указавъ человѣчеству цѣль пребыванія на землѣ,—цѣль, которую не могъ разгадать ни одинъ изъ величайшихъ мудрецовъ древняго міра... Эта вѣчная безграничная любовь породила и идею о нѣружности Богочеловѣка, который проповѣдывалъ ее... И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали изображать І. Х., всѣ художники успиваются придать Его чертамъ какъ можно болѣе нѣжности, мягкости, доброты, даже слабости и болѣзненности. Сколько мнѣ ни случалось видѣть, на картинахъ, изображеній Иисуса, вездѣ и всегда я встрѣчалъ одно и то же лицо,—доброе, очень доброе, и даже до того мягкое, что едва ли сообразное съ величіемъ Воссоздателя, изъ погибшаго древняго міра,—новаго чело-вѣчества...

„Вотъ эта-то сторона жизни и слова Божественнаго Сына ускользнула отъ всѣхъ художниковъ, рѣшившихся передать Его черты по-лотну или камню... Оттого-то всѣ изображенія Его, существующія доселѣ, имѣютъ одинъ общій характеръ—нѣжности и мягкости. Оттого-то до сихъ поръ ни одно изображение Спасителя не удовлетворяло вполнѣ всѣмъ требованіямъ Еван-

гелія. Вспомните „Моленіе о чашѣ“ О. А. Бруни, „Судъ блудницы“ Пуссена, „Укропеніе бури“ Доминикино, „Прогрѣлку съ учениками въ Эммаусѣ“ Клода Лоррена—вездѣ вы увидите одинъ и тотъ же типъ безконечной доброты—и больше ничего. Даже Рафаэль, самъ великій Рафаэль, и тотъ увлекся односторонностью взгляда, общаго всѣмъ художникамъ. Въ его „Вознесеніи“ въ Иисусѣ опять видно все то же, что и вездѣ,—одна лишь доброта. Точно также возьмите всѣ распатія І. Х. или „Сятіе Его со креста“. Что видите вы на изображаемомъ тѣлѣ?—выраженіе падшаго подъ тяжестью мукъ, выраженіе страданія, изнеможенія. Опять художники забыли, что послѣднія слова Иисуса, вслѣдъ за которыми Онъ испустилъ духъ, были слова силы, могущества и власти, а не слабости... Художникъ долженъ помнить, что, несмотря на ужасныя физическія страданія, Богочеловѣкъ всегда былъ въ полнѣйшемъ самообладаніи до послѣдней минуты. И если страданія могли выказаться на лицѣ, то, въ тоже время и на томъ же лицѣ, должна была выказаться и побѣда духа надъ тѣломъ. Иначе лицо Спасителя будетъ исторически невѣрно и не согласно съ духомъ Его ученія. То же самое должно помнить и при изображеніи тѣла умершаго Спасителя. И на мертвомъ лицѣ, вромѣ тѣсныхъ страданій, уже прошлыхъ, мы должны читать окончательное торжество духа надъ плотью, ученія Иисуса надъ ученіями учителей равныхъ временъ и началъ.

„Но ничего подобнаго вы не увидите ни на одномъ доселѣ бывшемъ изображеніи Спасителя. Ему живому—даютъ выраженіе одной доброты, Ему на крестѣ—даютъ выраженіе страданій, а тѣлу Его—выраженіе изнемогаго мученика. При томъ всѣ художники хлопочутъ придать Иисусу во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ еще и выраженіе божественности.

„Что мы разумѣемъ подъ словомъ божественность?... Какой смыслъ должны мы придавать этому выраженію? Оно невозможно у насъ, и если существуетъ, то единственно изъ подражанія древнимъ... Сколько противоположностей (по нашимъ понятіямъ) должно выражать христіанское Божество. Есаянъ художники серьезно подумали о томъ, за что они берутся, то, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы взять вѣсти въ руки для достиженія недостижимаго... Отсюда видно, что желаніе многихъ художниковъ выразить божественность еще—желаніе совершенно тщетное, даже дерзкое, если не безумное.

„Но что же послѣ того остается намъ дѣлать?.. Мы можемъ, намъ дано изображать не І. Х.—Сына Божія, а Иисуса Назорея—Галилеянина... Должно откинуть всякую попытку на изображеніе божественнаго Его происхожденія и создавать человѣка—пастыря, учителя рода человѣческаго.

...Хотя Евангеліе и говоритъ намъ, — писать Евангеліе даѣе, — что І. Х. былъ Сынъ Божій воплотившійся, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Его божественность проявлялась въ лицѣ. Доказательствомъ тому можетъ служить самое же Евангеліе, изъ котораго видно, что апостолы просили Его однажды показать имъ Бога, — значитъ, лицо Спасителя не являло въ себѣ того, что мы, люди, подразумеваемъ подъ словомъ божественность. Воплотившись въ человѣка, Сынъ Божій былъ вполне человѣкъ. Это непостижимое и самонадѣянное желаніе выразить въ лицѣ Спасителя Его божественное происхожденіе, этотъ односторонній взглядъ на Его ученіе о любви заставили рѣшительно всѣхъ художниковъ придавать Его лицу столько слабости и мягкости, что на ихъ картинахъ изображеніе Его становится не вполне соотвѣтственно для Спасителя... Если они могли писать Иисуса слабымъ, то единственно только въ минуту моленія о чашѣ... И тутъ Онъ не замедлилъ остановить изнеможеніе и восторжествовать надъ слабымъ тѣломъ...“

Послѣ обширнаго вступленія, критикъ переходитъ къ разсмотрѣнію картины Иванова.

„Лице Іоанна полно величія настоящей минуты. Движеніе его такъ сильно, такъ энергично, что онъ всѣмъ тѣломъ подается въ ту сторону, куда указываетъ обѣими руками. Вся группа, окружающая его, увлеченная его восклицаніемъ и сильнымъ движеніемъ, обратила глаза на одиноко идущаго вдали Іисуса. Тутъ цѣлая драма, описывать которую я не буду. Когда я въ первый разъ посѣтилъ эту картину, то, окинувъ глазами огромное полотно и увлеченный движеніемъ общей драмы, невольно остановилъ свои глаза прежде всего на Иисусѣ и—сказать ли?—я вздрогнулъ.—Я увидѣлъ наконецъ типъ, близко подходящій къ тому идеалу изображенія Спасителя, который смутно рисовался въ моемъ воображеніи еще съ дѣтства. Наконецъ я увидѣлъ Иисуса такимъ, какимъ предполагалъ Его, читая Евангеліе. Я вздрогнулъ,—потому что встрѣтилъ какъ будто знакомое лицо, которое видѣлъ гдѣ-то и когда-то, какъ будто во снѣ.“

„Иисусъ идетъ вдали одинокій. Походка его

спокойная, твердая, увѣренная, но нельзя сказать—смилая. Видно, что Онъ въ первый разъ выступаетъ на общественное поприще. Лицо Его сухо—послѣ долгаго поста; волосы—небрежно падаютъ на плечи. и въ этой небрежности невидать искусственной драпировки. Глаза смотрятъ на людей, къ которымъ Онъ приближается. Въ этихъ глазахъ видно величайшее спокойствіе, надуманность, увѣренность и рѣшимость. Но они смотрятъ такъ добродушно, какъ только могутъ смотрѣть глаза. Я люблю васъ, люди, какъ будто говорятъ они... Сколько ласки въ нихъ, сколько мягкости, сколько участія... Онъ на все приготовленъ и теперь идетъ на проповѣдь, не страшась грозящей будущности... Поэтому-то Онъ и идетъ не какъ проситель, а какъ Судія, несокрушимый и невозмутимый Онъ идетъ посѣять въ міръ два слова: слово любви всѣмъ любящимъ и слово суда всѣмъ ненавидящимъ.

„Такое Иисусъ на картинѣ Иванова плп, лучше сказать, такимъ оказался Онъ мнѣ. Въ этомъ лицѣ я не прочелъ того неестественнаго стремленія изобразить божественность, какое читалъ въ картинахъ другихъ художниковъ. Изъ всѣхъ ихъ, мнѣ кажется, только одинъ Ивановъ понялъ предѣлы, доступные искусству, и благоразумно остановился на нихъ, не рѣшаясь переступить границы, за которыми начинается міръ недостижимаго. И эта умѣренность художника поставила его мысль выше всѣхъ, доселѣ бывшихъ.“

...„Вглядѣвшись хорошо въ Иисуса на картинѣ Иванова, мы увидимъ, что этотъ художникъ ближе всѣхъ подошелъ къ тому идеалу, какой даетъ намъ Евангеліе. Во 1-хъ, Ивановъ уничтожилъ всякую попытку придать лицу Иисуса божественность. У него идетъ вдали просто человѣкъ. Во 2-хъ, Ивановъ не довольствовался изображеніемъ одной любви въ глазахъ Спасителя: вы видите, что это идетъ человѣкъ глубоко и чисто-любящій, но въ то же время — пророкъ, судія и царь. Онъ идетъ съ властію—не такъ, какъ ходимъ мы... Онъ знаетъ, зачѣмъ идетъ и что будетъ дѣлать...“

...„Многие удивлялись, какъ можно употребить цѣлыхъ 20 лѣтъ на созданіе одной картины. ...Еслибъ Ивановъ писалъ 100 лѣтъ, и въ эти 100 лѣтъ написалъ бы не всю свою огромную картину, а только одну небольшую фигуру Іисуса, то я бы и тогда сказалъ, что Ивановъ былъ единственный художникъ, который могъ написать намъ Христа, и что онъ обладаетъ не только огромнымъ талантомъ, но и гениемъ.“

„Восемнадцать вѣковъ прошло отъ смерти І. Х.; было много великихъ умовъ, талантовъ и гениевъ, были между ними и такіе, которые пытались изобразить Спасителя съ божественной печатью на лицѣ, — п все это исчезло съ лица земли. И попытки создать божественность также рушились въ прахъ, какъ и попытки создать всемірную монархію или построятъ Вавилонскую башню...

„И вотъ на дальнемъ Оверѣ рождается человѣкъ, рѣшающійся посвятить всю свою жизнь на изображеніе неизобразимаго. ...—Его князь пишетъ намъ того же Ісуса, котораго такъ давно пробовали писать гениальные его предшественники, — по пзъ-подъ кисти нашего художника выходитъ не І. Х., а Іисусъ Назорей, Галилеянинъ, выходитъ не Сынъ Божій, а человѣкъ. Много было пужно надуматься Иванову, чтобы дойти до убѣжденія, что хорошо создать возможное—лучше, чѣмъ плохо невозможное. По всему видно, что онъ глубоко и долго думалъ надъ своимъ произведеніемъ, съ рѣдкимъ вниманіемъ читалъ Евангеліе. Ни одна черта въ его картинѣ не измѣняетъ евангельскому слову. Все въ ней правда, все дышетъ истиной. А его еще упрекали, что онъ 20 лѣтъ работалъ. ...Да если 18 вѣковъ со всѣми своими гениями не могли исполнѣть Ісуса Назорея и создать мало-мальски подходящій къ нему образъ, то какъ же удивляться 20-ти лѣтнему труду одного человѣка. Нужно удивляться тому, что онъ достигъ цѣли, достигъ одиной, хотя и цѣною всей жизни своей, — а не тому, что онъ 20 лѣтъ выработывалъ свою мысль. Двадцать лѣтъ даже слишкомъ мало для такой мысли и притомъ одному человѣку, когда надъ ней работали многіе и въ продолженіе многихъ вѣковъ.

...„Что такое божественность, чѣмъ она должна выразиться на лицѣ Ісуса,—никто изъ насъ не знаетъ, потому что никто Его не видалъ. Но, приученные прежними художниками, мы привыкли называть этимъ словомъ: доброту, мягкость, спокойствіе, которыя обыкновенно приписываютъ лицу Спасителя. Всѣ эти качества есть въ лицѣ Ісуса на картинѣ Иванова; но художникъ рѣшился проникнуть глубже въ Евангеліе, нашелъ въ характерѣ Ісуса и другія качества, захотѣлось ему, для большей исторической вѣрности, замѣнить этими качествами прежде всѣмъ изображавшуюся мягкость, и вотъ изображеніе не подходитъ подъ тотъ типъ, къ которому мы такъ привыкли, и новосозданная фигура осуждается. Мнѣніе публики въ этомъ

случаѣ совершенно справедливо, и прямо наладать на него нельзя. Виноваты ли мы, что 1800 лѣтъ намъ изображали все одинъ и тотъ же типъ?—Нѣтъ, виноваты художники, которые въ продолженіе 18 столѣтій добивались невозможнаго.

...„Отъ созданія „встрѣчи Христа съ Магдалиною“ до послѣдней картины, о которой идетъ рѣчь, прошло много лѣтъ. Съ тѣхъ поръ Ивановъ возмужалъ мыслью и создалъ совершенно иной типъ Спасителя... Въ первой картинѣ Ивановъ слѣдовалъ еще общимъ понятіямъ и, конечно, какъ человѣкъ молодой, былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, надѣялся достигнуть цѣли—выразить на лицѣ Ісуса божественность. Дѣйствительно, на этой картинѣ Спаситель все тотъ же, что и вездѣ. Но въслѣдствіе Ивановъ передумалъ, созналъ, что, не выдавъ божественнаго лица, нельзя его написать, а въ Евангеліи нашелъ многія свойства Ісуса, незамѣченныя его предшественниками. Онъ рѣшилъ, что лучше быть вѣрнымъ Евангелію, чѣмъ фантазировать, и достигъ своей цѣли, какъ никто не достигалъ. Огнѣмъ уже стыдно будетъ тому художнику, который надумаетъ писать намъ недостижимую для искусства божественность на лицѣ Спасителя. Ивановымъ указанъ другой путь, по которому и должно слѣдовать, не держа подымать руку на непоспѣлимое. Пора уже оставить эти попытки“.

Находя, что „между очень немногими описаніями картины Иванова — болѣе другихъ серьезны и дѣльны: Мысли о картинѣ Иванова, В. Плассена“, и приведа оттуда большіе отрывки, критикъ объяснялъ попытку послѣдняго видѣть, на картинѣ Иванова, въ лицѣ Ісуса божественность—только тою же самой рутиной, которая заставила публику осудить эту фигуру, а по поводу его замѣчаній: „мы, припѣльцы въ области искусства, толкуемъ вкривь и вкосъ о требованіяхъ жрецовъ искусства“ и пр., замѣчалъ въ свою очередь, что „для насъ они создаютъ, намъ и судить ихъ“, что „дѣло художниковъ творить, а намъ дѣло судить объ ихъ произведеніяхъ и наслаждаться хорошими“.

Мы привели въ извлеченіи всѣ, болѣе или менѣе значительные, отзывы о картинѣ И—ва, современные ея появленію передъ петербургскою публикою,—вибѣтъ, для цѣльности впечатлѣнія. Появились большинство изъ нихъ до кратковременной болѣзни нашего художника,

унесшей его отъ насъ, быть можетъ, это и по-дѣйствовало бы на него ободриительно. А тутъ, кромѣ первой статьи *П. Ковалевскаго* и замѣтки *В. Панаева* (Новаго Поэта), напечатанныхъ въ сочувственномъ тонѣ, по раньше его возвращенія на родину, явился всего одинъ большой разборъ по приѣздѣ его въ Петербургъ—именно *Толбина*, да и тотъ враждебный ему, не могшій не по-дѣйствовать на впечатлительнаго И—ва, чтó бы тамъ ни говорили. Къ перенесеннымъ уже неприяностямъ прибавилась какъ на зло простуда, схваченная на пароходѣ при возвращеніи изъ Петергофа, куда онъ ѣздилъ, чтобы дать свое согласіе на сдѣланное въ концѣ концовъ предложеніе: 10 т. р. единовременно и по 2000 р. ежегодной пенсіи за картину, и гдѣ онъ узналъ отъ гр. Г. А. Строганова, со словъ президента Академіи, что окончательную участь онъ можетъ узнать лишь отъ Министра Двора. Послѣднее извѣстіе въ глазахъ встревоженнаго, возбужденнаго и безъ того уже И—ва равно-сильно было потерѣ всякой надежды на хоро-шій результатъ. Въ тотъ же вечеръ, несмотря на успокоеніе К. Д. Кавелина, съ нимъ сдѣла-лось дурно, такъ что онъ упалъ въ судорогахъ и у него вторично проявились холерическіе припадки. Собравшіеся къ полуночи доктора признали состояніе больного безнадежнымъ, а черезъ три дня, его уже не было на свѣтѣ.

Большія толпы народа всѣхъ званій, воз-растовъ и состояній присутствовали на отпѣ-ваніи его тѣла въ церкви Академіи Художествъ и проводили несенный на рукахъ гробъ до кладбища Новодевичьяго монастыря, причемъ и при богослуженіи, и на могилѣ было сказано нѣсколько сочувственныхъ И—ву словъ. „Въ послѣднихъ проводахъ Иванова,—говорилось въ фельетонѣ „Спб. Вѣдом.“ 13 іюля 1858 г. (№ 152),—было много трогательнаго и заду-шевнаго; но не сироемъ, что они далеко не удовлетворяли насъ... Не сотнями, а тысячами пришлось бы считать народъ, шедшій за гробомъ Иванова, еслибы народъ успѣлъ съ нимъ познакомиться“.

На тогдашней выставкѣ картины И—ва, правда безплатной, перебивало, однако, болѣе 30 т. посѣтителей и продано было болѣе 4 т. фотографій съ нея. Почти всѣ этюды къ картинѣ (до 70 №№) были распроданы, по порученію С. А., художникомъ С. П. Постни-зовымъ и потомъ М. П. Вотикинымъ за 25 т. р. (съ прежде же и послѣ проданными они со-ставили сумму вдвое большую), а самая кар-тина была приобрѣтена Имп. Александромъ II

за 15 т. р. и пожалована Моск. Публ. и Румянц. Музею, при самомъ его устройствѣ въ 1861 г. Туда же поступили, по завѣщанію С. А., послѣ его смерти (1877) и всѣ оставшіеся у него этюды, эскизы и рисунки его брата, а также вся переписка послѣдняго съ разными лицами, часть которой, собственно часть его писемъ къ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, вошла въ изданіе М. П. Вотикина 1880 г.

Хранившіеся у С. А. 6-ть альбомовъ (вели-чиной: 1-й—6×9 вершк.; 2-й и 3-й—по 6×8½ в.; 4-й—5½×6½ в.; 5-й и 6-й—по 6½×10½ в.) и отдѣльные листы (размѣрами: 9×12½, 10½×15, 10×17 и даже 13×20 в.) заключали въ себѣ, судя по его письмамъ къ В. В. Стасову отъ 2/14 апр. и 3/15 мая 1862 г.: какъ занимавшія А. А. съ 1844 г. композиціи изъ Ветхаго и Но-ваго Заветъ (см. выше стр. 69—70), такъ и сюжеты изъ древней мифологіи 1831 г. и совре-менной итальянской жизни 1838—42 гг. (см. выше стр. 16—17, 48 и 55),—въ общемъ 332 №№, исполненные акварелью, сепіей, углемъ, каран-дашемъ и масл. красками, а равнымъ обра-зомъ: эскизы и этюды (величиной 6×5 и 14×10 в.) для картинъ—„Явленіе Христа“ народу и Магдалинѣ (головы, руки и ноги, цѣлыя фигуры, драпировки, пейзажи) и копія съ Рафаэля и Тиціана (однѣ головы), въ общемъ 317 №№ (см. выше стр. 51—52, примѣч. 1), причемъ большинство послѣднихъ, вмѣстѣ съ академич. рисунками, сдѣланными въ Петер-бургѣ и Римѣ, съ рисунками со старыхъ масте-ровъ XIV—XV в., съ калками изъ разныхъ увражей для вышеонач. композицій и проч., образовали 48-мъ особымъ альбомомъ.

О помнятихъ композиціяхъ С. А. писалъ В. В. Стасову въ маѣ 1862—слѣдующее: „Мысль брата была—сдѣлать въ композиціяхъ жизнь и дѣянія Христа. Проектировалось исполненіе всего живописью на стѣнахъ, въ особо на тѣ посвященномъ зданіи,—разумѣется, не въ цер-кви. Сюжеты располагались слѣдующимъ обра-зомъ: главное или большое поле каждой стѣны должна была занимать картина или картины замѣчательнаго происшествія изъ жизни Христа; сверху же ея или вѣхъ (такъ сказать—по бор-дюру, хотя это слово не совсѣмъ тутъ вѣрно) должны были быть представлены, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ,—относящіеся къ этому про-исшествію или нароста на него послѣдствія преданія или сказанія, или сюжеты на тѣ мѣ-ста Ветхаго Заветъ, въ которыхъ говорится о Мессіи, или происшествія подобныя, случив-шіеся въ Ветхомъ Заветѣ, и т. д.“

11. Благовѣщеніе, анвар. эскизъ А. А. Иванова 1848—57 гг.

12. Моленіе о чашѣ, анвар. эскизъ А. А. Иванова, 1848—57 гг.

Богѣ или менѣе оконченныя изъ этихъ композицій, въ числѣ 209 №№, составили 14-тъ вып. предпринятаго въ 1879—87 г.г. Германскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Берлинѣ, на проценты съ заведеннаго С. А. капитала, хромолитнограф. изданія подъ заглав.: „Изображенія изъ Свящ. Исторіи оставленныхъ эскизовъ Ал. Иванова“, въ 1. Изъ нихъ нѣкоторыя помѣщены здѣсь въ уменьш. снимкахъ.

Послѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея, куда поступило, кромѣ большой картины И-ва, еще множество эскизовъ, этюдовъ и рисунковъ его, наибольшее количество его работъ наход.: у брат. Боткиныхъ, главнымъ образомъ—Мих. Петр., и Третьяковыхъ (въ общемъ по 86 №№); затѣмъ: у наслѣд. Хомякова (14 №№) и Солдатенкова (6 №№); далѣ: у А. П. Боголюбова въ Парижѣ, Д. И. Менделѣева, гг. Кочубеевъ (по 4 №№), у наслѣдниковъ гр. С. Г. Строганова въ Петербургѣ, гг. Мазуриныхъ въ Моск. Учл. живописи и ваянш (по 3 №№), у Д. А. Беклемишевой и О. О. Косицкой въ Москвѣ, у наслѣдниковъ акад. Вѣляева, Рейтерна, Сухановой, Трапезникова, г-жи Фовелинъ и Щепочкина въ Петербургѣ (по 2 №№); наконецъ: въ Имп. Эрмитажѣ, Акад. Худож. и Публ. Вибл., у гг. Баранова, Варгушиной, Воскобойникова, наслѣдниковъ в. к. Екатерины Михайловны и Косылева въ Петербургѣ, г-жи Барадаевской, Миндовскаго, Полѣнова и Шидовскаго въ Москвѣ, и др. (по 1 №).

Кромѣ вышеприведенныхъ разборовъ картины И-ва, со 2-й половины 1858 стали появляться общія характеристики его личности и дѣятельности, на которыхъ также нельзя не остановиться для всесторонняго опредѣленія этого художника.

„Я не видала человѣка, исполненнаго болѣе глубокой и непоколебимой любви къ искусству, совершенно преданнаго своей идеѣ, — рассказывала *Е. Павлова* въ своемъ „Воспоминаніи объ Ивановѣ“ въ іюлѣ 1858 („Русс. Вѣст.“, т. XVI, Соврем. тѣлоп., с. 298). Эта всесильная страсть была стыдлива, какъ всякое истинное чувство: онъ скрывалъ ее и берегъ про себя; но зато, какъ весело было видѣть его удовольствіе, когда онъ могъ говорить языкомъ своего гения... Я съ чувствомъ благоговѣнія слухала его, когда онъ мнѣ высказывалъ свои намѣренія и предпріятія. Этотъ человѣкъ, давно отрешившійся, ради своего призванія, отъ всего, что люди ищутъ въ жизни, этотъ человѣкъ — больной, изнуренный работою, посвятивъ 20 лѣтъ

совершенію одной картины, говорилъ: „Я еще ничего не сдѣлалъ; теперь надо начать, надо собраться съ силами, надо учиться, достать книги, добиться свѣдѣній, надо готовиться нѣсколько лѣтъ къ великому труду; надо приобрести средства къ исполненію его“. Задуманнѣйшій трудъ былъ неслыханный: мысль Иванова была изобразить въ рядѣ картинъ всю жизнь Христа. Это, можетъ быть, выше силъ человеческихъ, но великъ и замыселъ подобнаго творенія, необыкновененъ духъ, который идетъ на такое дѣло. Ивановъ повѣрилъ мнѣ свое намѣреніе какъ тайну, и я обѣщала ее хранить, — теперь уже не нужно! Онъ боялся быть осмѣяннымъ, и не даромъ боялся. Все смѣшно, что неумѣстно и не кстати, а онъ былъ человѣкъ не нашего умнаго вѣка, онъ былъ запоздалый современникъ людей, которыхъ уже нѣтъ давнымъ давно, вдохновенный труженикъ прежнихъ столѣтій, братъ тѣхъ нанявшихъ поборниковъ, пестуновъ съ земли со временемъ, простодушныхъ убѣжденных... Такъ шелъ восторженный художникъ къ своей музѣ, еще не зная дороги, не находя помощи. Его останавливали затрудненія, не пугали безчисленныя препятствія. И шелъ онъ не съ смѣлою довѣрчивостію молодости, не съ свѣжими силами. Онъ успѣлъ измучиться въ безпрестанной стычкѣ съ мертвыми заботами жизни, вынести много оскорбленій, накопить въ душѣ много горестей. Онъ не обольщался надеждами: дни надеждъ для него давно прошли; онъ уже извѣдалъ всю тягость своего пути; зналъ, что его встрѣтятъ униженіе и вражда; зналъ, что люди хороши и благородны на словахъ, только для того, чтобы имѣть возможность быть тѣмъ хуже на дѣлѣ; зналъ, что долженъ будетъ бороться неотступно, и боролся онъ до конца, стоялъ до смерти“...

„Ивановъ—сообщалось въ „Дѣтскомъ Журналѣ“ А. Залѣскаго 1859 г. (т. IV, кн. 4, с. 105—6 и 131—4), откуда приведены уже были у насъ отрывки, — былъ роста пониже средняго, широкоплечъ и мускулистъ; у него были темныя густыя волосы на головѣ и бородѣ, носъ съ горбомъ и съ весьма опредѣленнымъ правильнымъ очертаніемъ. Въ фізіономіи художнаго лица его обнаруживалась большая твердость и даже упорство характера, глаза его были живые и большею частію опущены внизъ. Эту живость нашъ художникъ сохранялъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Онъ рѣдко показывался въ общество, гдѣ былъ очень дикъ, смущался при появленіи всякаго новаго лица и до того нелю-

вокъ и несвѣдушъ въ жизни, что часто приписывалъ ласкеевъ за господъ и очень низко съ ними раскланывался. Ал. Андр., какъ въ жизни, такъ и въ обществѣ, поражалъ своею робостью, скрытностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти дѣтскими простодушіемъ. Въ разговорахъ онъ никогда не высказывалъ своего прямого мнѣнія, а говорилъ стороной, выспытывая сужденія другихъ, и только изрѣдка измѣнялъ себя, и тогда входилъ въ пессію. Въ разговорѣ онъ былъ вѣжливей до крайности: ко всякому слову прибавлялъ „съ“. Когда ему говорили о чемъ нибудь, хоть о самыхъ пустякахъ, у него постоянно вырывалось восклицаніе: „это весьма замѣчательно-съ“. Ивановъ имѣлъ умъ чрезвычайно пылкій и любознательный. Но величайшей преградой этому уму было то, что Ивановъ былъ весьма мало образованъ. Общаго образованія онъ почти не имѣлъ никакого. Извѣстно, съ какими образованіемъ воспитанники нашей Академіи отправляются за границу, а для Иванова было уже и то роскошью, что онъ поѣхалъ въ Италію хотя съ самымъ поверхностнымъ знаніемъ французскаго языка. Въоспѣдствіи онъ болѣе усовершенствовался въ этомъ языкѣ и вступился по итальянски. Болѣе никакихъ другихъ языковъ онъ не зналъ. Когда на правленіе его ума начало принимать опредѣленный характеръ и изученіе его обратилось исключительно на Библейской исторіи, онъ сталъ много читать по Библейской археологіи. Но такъ какъ этотъ предметъ преимущественно разрабатывался германскими учеными, то Ивановъ, къ несчастію, лишенъ былъ возможности почерпнуть свои свѣдѣнія изъ настоящаго источника. Только въоспѣдствіи, кажется въ 1849 г., могъ получить онъ извѣстное сочиненіе Штрауса во франц. переводѣ, и оно стало для него главнымъ пособіемъ въ его археологическихъ соображеніяхъ.

„Ал. Андр. Ивановъ лучшими изъ современныхъ живописцевъ по технику считалъ: Брюллова и Поля-де-Лароша. Особенно восхищался онъ извѣстнымъ фрескомъ послѣдняго въ полукруглѣ Академіи искусствъ въ Парижѣ. Изъ германскихъ художниковъ онъ преимущественно уважалъ Каульбаха. Во французской религіозной живописи онъ въ особенности цѣнилъ Флоренца. Вообще же строгое исполненіе онъ предпочиталъ фантази и эффектамъ; а вслѣдствіе этого, трудолюбивая бездарность въ его глазахъ стояла выше произведеній необуданнаго таланта. Когда разговоръ касался живописи, Ал. Андр. очень жалѣлъ, что художни-

камъ даютъ плохое образованіе.. — Ничего не могло быть поучительнѣе замѣчаній Ал. Андр. о различныхъ произведеніяхъ старшихъ мастеровъ. Эти замѣчанія обнаруживали самое тонкое изученіе ихъ. Какъ глубоко читалъ онъ трогательную наивность задуманныхъ произведеній Беато Анджелико и всей религіозной итальянской школы XV в. Правда, что исключительнымъ любимцемъ его оставался Рафаэль, но далеко не во всѣхъ его произведеніяхъ. Особенно не нравились ему тѣ изъ произведеній его, въ которыхъ замѣтно было вліяніе Микель Анджело.

„По свойству своего таланта, по цѣломудренности жизни своей, по высокимъ идеаламъ, какіе жили въ душѣ его, и Ивановъ, можно сказать, принадлежалъ къ простодушнымъ мастерамъ XV в. Преждевременно умеръ онъ, далеко не совершивъ того, къ чему онъ стремился, и умеръ именно тогда, когда судьба начала было смягчаться къ нему. Какимъ великимъ знаніемъ искусство обладалъ этотъ человекъ, какіе высокіе инстинкты были въ этой душѣ! Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, истинныхъ художниковъ, отъ которыхъ давно отвыкло наше время, да такъ отвыкло, что оно даже и не узнаетъ ихъ. Мы не возьмемъ на себя смѣлости утверждать, что онъ способенъ былъ еще произвестъ что нибудь, столь же замѣчательное, какъ „Явленіе Христа народу“. При его глубокомъ пониманіи искусства, ему, можетъ быть, не доставало уже свободы и силы въ технику, потому что зрѣніе его стало ослабѣвать. Онъ поѣхалъ въ Италію такимъ, какими отправляются обыкновенно воспитанники нашей Академіи Художествъ и, слѣд., долженъ былъ усиленнымъ чтеніемъ и изученіемъ приобрести тѣ свѣдѣнія и ту высоту воззрѣнія, какія въоспѣд., были въ немъ. А на это пошло много годовъ. Да, зрѣніе его было уже слабо, но его духъ, его воображеніе, его стремленія имѣли еще юпическую силу. Его должно оплакивать еще какъ человека, какъ человека глубокой мысли и глубокаго воззрѣнія на предметы. Но все это стало теперь ничтожнымъ прахомъ! Какаго трудолюбиваго, какаго стоическаго жизни окончилась! Какаго высокая духовная организація была въ этомъ человѣкѣ!.. Какъ понималъ онъ живопись, ваяніе, архитектуру, какое чувство чистой красоты жило въ душѣ его! И какаго необычайная твердость характера,—твердость не въ дурномъ или пошломъ, а въ томъ, что есть самаго святаго и высокаго въ жизни человѣка, — твердость въ

стремленіи къ своему идеалу. Ничто: ни страхъ голодной смерти, ни гроза потерянной репутаціи, ничто не могло совратить его со священнаго пути, по которому шелъ онъ. Одна смерть совратила его!..“

„Старымъ художникамъ онъ придавалъ большое, не безотносительное, но историческое значеніе,—говорилъ П. Ковалевскій въ цитированной уже нами статьѣ „объ Ивановѣ и его картинахъ“ въ „Отеч. Зап.“ 1859 (т. 123, отд. I, ст. 129),—и, въ этомъ случаѣ, Чимабуе и Джотто по праву имѣли его уваженіе. Въ Иванъ-Белино онъ восхищался наивностью колорита, но особенно цѣнилъ Леонардо-да-Винчи, и даже ѣздилъ нарочно въ какой-то нѣмецкій городъ, гдѣ были два его рисунка. Рафаэля онъ превозносилъ за чистоту стиля, прелесть рисунка и проч.—Это школа, говорилъ онъ обыкновенно. Въ Микель-Анджело Буонаротти онъ видѣлъ прежде всего творца купола св. Петра, и, сдѣлавъ Буонаротти *только* куполъ (прибавлялъ Ивановъ), — великое имя его было бы еще больше. О статуяхъ, кромѣ миеологическихъ, и картинахъ его онъ избѣгалъ говорить. Но, однажды, пойманный врасплохъ, высказался о нѣкоторыхъ изъ нихъ и чрезвычайно самобытно.

— „Что вы думаете о Св. Семействѣ Буонаротти, во Флоренціи, въ трибунѣ?—спросилъ я его, когда онъ никакъ не могъ ожидать этого вопроса.—Ахъ, какая скука-съ!—отвѣчалъ онъ.—А его Моисей?—Тоже премучная статуя-съ!—Онъ даже зѣвнулъ, сказавъ это... О современной живописи и современныхъ художникахъ Ивановъ говорилъ охотнѣе. Всѣхъ выше изъ мастеровъ послѣдняго времени онъ ставилъ Брюллова.—Брюловъ произвелъ революцію въ искусствѣ!—говаривалъ онъ. За Брюлловымъ слѣдовалъ Поль-де-Ларошъ.

Ко всѣмъ родамъ живописи, кромѣ строго-исторической, Ивановъ питалъ болѣе чѣмъ равнодушіе: онъ считалъ ихъ вредными, говоря, что они превращаютъ искусство въ одну пустую забаву глазъ и не даютъ художнику развиваться въ *историческую*, единственно истинную, по его мнѣнію, художника. Особенно враждовалъ онъ противъ сценъ изъ вседневной жизни (*жанра*), которыя зналъ болѣе по фламандскимъ рабскимъ копіямъ съ натуры, лишеннымъ всякаго содержанія.—Вы не видѣли сценъ Фетодова!—говорилъ я ему: иначе вы судили бы не такъ,—это Гоголь въ краскахъ.—Я до того договорился о Фетодовѣ, что послѣ, упоминая о *жанрѣ*, онъ ужъ всегда дѣлалъ оговорку: „кромѣ Фетодова-съ“.

„Но что вызывало изъ Иванова горькіе потоки рѣчей, такъ это то византійское направленіе, къ которому ведутъ архитектуру и живопись въ Россіи. Ивановъ выкладывалъ по этому поводу безцѣнные запасы данныхъ, разбивавшихъ на голову его противниковъ, и всякій разъ оканчивалъ тѣмъ, что: „вы изволите доказывать работами съ вашей стороны, а мы будемъ работать со своей“...“

„Мы наканунѣ вмѣстѣ съ Ивановымъ,—писалъ Тургеневъ въ „Вѣкѣ“ 1861 г. (№ 15, с. 521), рассказывая о своемъ свиданіи съ нимъ въ Италіи въ октябрѣ 1857,—ходили въ Ватиканъ; но Ивановъ былъ въ ударѣ, не дичился и не ѣжился, говорилъ охотно и много. Онъ говорилъ намъ о различныхъ школахъ итальянской живописи, которую изучилъ подробно и добросовѣстно; всѣ его сужденія были тонки, дѣльны и проникнуты уваженіемъ къ старымъ мастерамъ. Передъ Рафаэлемъ онъ благоговѣлъ. Извѣстно, что на Иванова нѣкогда имѣлъ сильное и благотворное вліяніе Овербекъ: онъ уяснилъ ему Рафаэля; но когда Овербекъ пошелъ дальше, Ивановъ остановился: русскій здравый смыслъ удержалъ его на порогѣ того искусства, аскетическаго, символическаго міра, въ которомъ потонулъ германскій художникъ; зато идеалистъ Ивановъ остался навсегда въ глазахъ Овербека грубымъ реалистомъ. Сентиментальность была чужда Иванову: она чужда всякому истинно-русскому человѣку; онъ глубоко сожалѣлъ о современномъ направленіи нашихъ художниковъ (одинъ изъ нихъ при мнѣ величалъ Рафаэля *бездарнымъ*), и рассказывалъ намъ кое-что о Брюлловѣ и Гоголѣ, котораго называлъ постоянно Николаемъ Васильевичемъ. Изъ его почтительныхъ, но осторожныхъ отзывовъ о нашемъ великомъ писателѣ можно было заключить, что онъ особенно хорошо изучилъ его. Ивановъ съ особеннымъ сочувствіемъ упоминалъ о страшномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Гоголя всеобщимъ осужденіемъ его „Переписки“; объ этомъ, да еще о 1848 г., Ивановъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ: въ началахъ, которыя чуть-было не восторжествовали въ 1848 г., онъ почему то видѣлъ копейца и разореніе всякаго художества...“

„Долгое разобщеніе съ людьми, уединенное житье съ самимъ собою, съ одной и той же постоянной, неизмѣнной мыслью, наложиво на Иванова особенную печать: въ немъ было что то мистическое и дѣтское, мудрое и забавное—все въ одно и то же время, что-то чистое, искреннее, и скрытное, даже хитрое. Съ пер-

наго взгляда все существо его казалось пропущенной какой-то недобрѣчивостью, какой-то, то суровой, то заискивающей, робостью; но когда онъ привыкалъ къ вамъ,—а это происходило довольно скоро, хотя и повторялось, начинаясь сызнова, при каждомъ свиданіи,—его мягкая душа такъ и раскрывалась. Онъ внезапно хотѣлъ отъ самой обыкновенной остроты, удивлялся онѣмѣнныя самымъ общепринятымъ положеніямъ, путался каждымъ, немного рѣзкаго, слова,—и вдругъ произносилъ слова, исполненные правды и зрѣлости,—слова, свидѣтельствовавшія объ упорной работѣ ума замѣчательнаго. Къ сожалѣнію, воспитаніе онъ получилъ слишкомъ поверхностное, какъ большая часть нашихъ художниковъ. Усидчивымъ трудомъ онъ старался восполнить этотъ недостатокъ. Древній міръ ему былъ хорошо знакомъ, онъ изучилъ ассирійскія древности (онѣ были ему нужны для его будущихъ картинъ), Бибію и, въ особенности, Евангеліе онъ знаетъ отъ слова до слова. Онъ охотнѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ, и, несмотря на это, бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ: столько было въ немъ добросовѣстнаго и честнаго желанія истины. На наши вечеринки онъ приходилъ всегда первый, и, какъ только завязывался споръ, съ напряженнымъ и терпѣливымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ мысли cadaго... Литература и политика его не занимали: онъ интересовался вопросами, касавшимися до искусства, до морали, до философіи... Его вездѣ принимали съ радостью; одинъ видъ его лица съ широкимъ бѣлымъ лбомъ, усталыми, добрыми глазами, нѣжными, какъ у ребенка, щеками, заостренными носомъ и забавно сложенными, но пріятными ртомъ,—вызывалъ невольное сочувствіе и привѣтъ въ сердцѣ cadaго. Роста онъ былъ небольшого, приземистаго, плечистаго; вся его фигура—отъ бородки клинчникомъ до пухлыхъ, короткопалыхъ ручекъ и проворныхъ ножекъ съ толстыми пиками—дышала Русью, и ходилъ онъ русской походкой. Онъ не былъ самолюбивъ, но о своемъ трудѣ имѣлъ высокое понятіе; но о своемъ же онъ положилъ въ него всѣ свои силы и надежды.

„Что Ивановъ во всѣхъ стремленіяхъ своихъ, продолжалъ Тургеневъ (с. 525), остался русскимъ человѣкомъ—это неоспоримо; но онъ былъ русскимъ человѣкомъ своего, т.-е. нашего, переходнаго времени. Онъ такъ же, какъ и всѣ мы, не вступилъ еще въ обѣтованную землю; онъ предвидѣлъ ее издали, онъ ее предчувствовалъ,

но онъ умеръ, не достигнувъ ея рубежа. Онъ не принадлежалъ къ числу гармоническихкихъ и самобытныхъ творцовъ-художниковъ (ихъ еще нѣтъ у насъ на Руси); самый талантъ его, собственно живописный талантъ, былъ въ немъ слабъ и шатокъ, въ чемъ убѣдится каждый, кто только захочетъ внимательно и безпристрастно взглянуть на его произведение, въ которомъ все есть: и трудолюбіе изумительное, и честное стремленіе къ идеалу, и обдуманность,—словомъ, все, кромѣ того, что только одно и нужно: творческой мощи, свободнаго вдохновенія. И надъ Ивановымъ возымѣлъ свою силу роковой законъ, который до сихъ поръ еще тяготитъ надъ всѣмъ русскимъ искусствомъ. Имѣлъ онъ талантъ Брюллова, или имѣлъ Брюловъ душу и сердце Иванова,—какихъ чудесъ мы были бы свидѣтелями. Но вышло такъ, что одинъ изъ нихъ могъ выразить все, что хотѣлъ, да сказать ему было нечего, а другой могъ бы сказать многое, да языкъ его коснѣлъ. Одинъ писалъ трескучія картины съ эффектами, но безъ поэзіи и безъ содержанія; другой силится изобразить глубоко захваченную новую, живую мысль, а исполненіе выходило неровное, приблизительное, неживое. Одинъ, если можно такъ выразиться, правдиво представлялъ намъ ложь; другой—ложно, т.-е. слабо и невѣрно, представлялъ намъ правду. Говорятъ, Ивановъ 30 разъ слишкомъ списалъ голову Аполлона Вельведерскаго и открытую имъ голову Византійскаго Христа и, постепенно ихъ облизывая, добился, наконецъ, своего Іоанна Крестителя. Не такъ творятъ истинные художники! А между тѣмъ, если уже выбирать изъ двухъ направленій,—лучше, въ тысячу разъ лучше, пойти за Ивановымъ, пока еще не явился настоящій вождь! Мысль одарена несокрушимой силой, она сквозитъ и свѣтится даже при недостаточномъ исполненіи, особенно, когда человѣкъ безкорыстно, до самоотверженія служилъ ей, какъ Ивановъ...

„Иные могутъ возразить, что Ивановъ напрасно хватался за все, что было выше силъ его; могутъ указать на первые эскизы его картинъ, въ которыхъ содержаніе не такъ глубоко, зато исполненіе естественнѣе и живѣе. Въ возможности этого стремленія къ недостигаемому есть конечно что-то ненормальное, что-то трагическое; но если это стремленіе происходитъ изъ источника чистаго, оно все-таки, и не удавшись вполнѣ, не достигнувъ цѣли, можетъ принести пользу великую. Молодой художникъ, подпавшій подъ вліяніе Брюллова, уже тѣмъ

самымъ, по всей вѣроятности, погибъ какъ художникъ (сколько мы видели тому примѣровъ); напротивъ, молодой художникъ, попавшій и полюбившій внутренний свѣтъ, скрывающій въ твореніяхъ Иванова, можетъ развиться и пойти далеко, если только природа не отказала ему въ дарованіи. Ивановъ, этотъ труженикъ и мученикъ, упалъ на поддорогъ, обезспленный, неоцѣненный, но онъ шелъ къ истинѣ, и будущій его наслѣдникъ, тотъ „еще невѣдомый избранникъ“, пойдетъ по его дорогѣ, впервые проложенной имъ.

„Предвижу еще возраженіе. Могутъ сказать: да зачѣмъ же изучать Иванова, неполного, нелюбимаго мастера, когда есть великіе, несомнѣнные, побѣдоносные образцы? Зачѣмъ намекъ, когда есть громкое слово? Но, во-1-хъ, Ивановъ, какъ самобытная русская натура, ближе и сильнѣе говоритъ молодымъ русскимъ сердцамъ: онъ имъ и понятнѣе, и дороже, а во-2-хъ, въ томъ-то и состоитъ его великая заслуга,—заслуга идеалиста, мыслителя, что онъ указываетъ на образцы, приводитъ къ нимъ, будить, шевелить, и самъ не удовлетворяется и не допускаетъ въ другихъ дешеваго удовлетворенія; что онъ заставляетъ своихъ учениковъ задавать себѣ вопросы, трудныя задачи, а не удовольствоваться мастерскимъ исполненіемъ каноническихъ ракурсовъ и прочихъ техническихъ фокусовъ, которыми такъ гордятся послѣдователи Брюллова. Съ этой точки зрѣнія самые недостатки Иванова полезнѣе многихъ дюжинныхъ красотъ.

...„Я не могу окончить мою статейку, не изъявивъ желанія, чтобы оставленный имъ альбомъ рисунковъ изъ жизни Христа явился въ свѣтъ... Въ этихъ замѣчательныхъ рисункахъ яснѣе выступаетъ основная мысль, руководившая Ивановомъ; въ нихъ его не стѣсняла кисть, которой онъ не вгонялъ владѣть, особенно подъ конецъ жизни, когда самые глаза его, изнуренные напряженнымъ и непрестаннымъ трудомъ, начинали отказываться. И въ картинѣ его, фигура Христа, какъ извѣстно, удалась ему больше всѣхъ другихъ; особенно значительна она на эскизѣ, принадлеж. В. П. Боткину. Это именно тотъ Христосъ, какимъ его понимаетъ русская душа. Фотографическіе снимки съ этого эскиза были бы истиннымъ подаркомъ для всѣхъ почитателей честнаго, добраго, несчастнаго русскаго художника Александра Иванова. Да, онъ былъ несчастливъ въ жизни; зато ему уже теперь выпала на

долю высокая награда: его картину полюбитъ народъ“.

„Въ жизни Иванова,—пишетъ *Г. Дестуинсъ* въ „Свѣточѣ“ 1861 г. (кн. IX, отд. II, с. 80), разбирая Тургенева,—есть много исключительнаго и чуть ли не единственнаго въ своемъ родѣ, а потому о немъ нельзя судить опростетчиво и подводить его подъ мѣрку одностороннихъ теорій. Въ наше время ни литературная, ни художественная критика не дѣлаетъ уже факты и личности по одной мѣркѣ современныхъ воззрѣній, но опираются въ своихъ приговорахъ на характеристику эпохи, къ которой принадлежатъ обсуживаемые предметы. Ивановъ хоть и современникъ нашъ, но его внутренняя жизнь сложилась, какъ извѣстно, внѣ современности, которая дѣйствовала на него отчасти даже отрицательно, какъ и на многихъ замѣчательныхъ людей...“

„Кто изучалъ произведенія Иванова, тотъ не могъ не замѣтить, что его „Явленіе Христа“ отдѣляется рѣзкой чертой отъ всѣхъ прочихъ его картинъ. Всѣ онѣ, съ перваго взгляда, производятъ впечатлѣніе, сообразное съ характеромъ сюжета, избранаго авторомъ,—и творчество въ этихъ картинахъ такъ могуче, что всѣ зрители получаютъ почти тождественное впечатлѣніе. Самая техника этихъ произведеній, хотя и не бойкая, идетъ прямо къ дѣлу, не ощущую, а съ мастерской утѣренностью. Вспомните „Магдалину“, это первое и поразительное проявленіе его дарованія. Откажетъ ли въ творческой мощи Ивановъ тотъ, кто былъ однажды потрясенъ скорбью и униженіемъ Магдалины, такъ полно и прекрасно выраженными и въ ея фізіономіи, и въ движеніи рукъ ея, и въ положеніи всей фигуры? Кто не видитъ тутъ свободнаго вдохновенія, для того художество—мертвая буква. Вспомните „Аполлона, поющаго съ двумя мальчиками“; кто сразу не пойметъ и не очинитъ этого произведенія? Взгляните на близнцу, свѣжесть и мощь божественной фигуры: это тѣло воплощеннаго бога свѣта. Какая простая, трезвая, но рѣшительная, мастерская техника, и какъ непосредственно передается она замыслы автора. Кто помнитъ этюды Иванова съ головъ Доменикино и знакомъ съ достоинствами чехпикъ, тотъ пойметъ, что эти копии не просто копии: тутъ техника сознательная и въ то же время творческая. А оконченный эскизъ его большой картины? Кому, при взглядѣ на него, покажется, что „кисть стѣсняла Иванова“, тому вовсе не слѣдуетъ никогда судить о живописи. Таже магистраль-

ная техника видна и въ отдѣльно писанной „Головъ Иоанна“, и въ этюдѣ вагого мальчика. Мы упоминаемъ только объ этихъ немногихъ произведеніяхъ, потому что всѣ видѣли ихъ въ Петербургѣ; но и этого довольно для убѣжденія, что Иванову вполне дались всѣ условія, необходимыя для творчества, — и техника, и знанія, и наблюдательность, и чувство, и наконецъ гармонія всѣхъ этихъ условій...

Отчего мы не видимъ этого совокупнаго дѣйствія разныхъ художественныхъ условій въ его послѣдней картинѣ? Основная идея въ ней вѣрна, эпизодическія идеи выражены отчетливо, но непосредственнаго поэтическаго впечатлѣнія на душу онъ не производитъ. Въ рисунокѣ видна правильность, красота и поразительная вѣрность движенія, и при всемъ томъ рисунокъ болѣею частью холоденъ. Освѣщеніе по частямъ чрезвычайно сильно и вѣрно, по частямъ слабо и ошибочно, особенно въ массѣ. Колоритъ кое-гдѣ въ высшей степени натураленъ, и въ нѣкоторыхъ нагихъ фигурахъ видна животрепещущая тѣлность, безъ всякихъ условныхъ замашекъ; но тутъ же рядомъ онъ невыносимо слабъ и доженъ. Техника частями мастерская, частями робкая, вялая. Общій атмосферическій эффектъ совершенно ничтоженъ; лавируютъ въ аксессуарахъ глубоко изученъ, глубоко задуманъ, но выраженъ чрезвычайно плохо. Отчего всѣ эти противорѣчія, этотъ разладъ? Отчего при глубинѣ идеи общія слабости впечатлѣнія? Въ картинѣ Иванова есть что-то ошатаивающее зрителей: и благоговѣшь, и досадуешь, глядя на нее; чувствуешь присутствіе чего-то великаго и — поражаешься какъ-то мелкой посредственностью. Назадъ, что ли, пошелъ Ивановъ? Нѣтъ! онъ постоянно шелъ впередъ; мысль его росла и крѣпла. Отчего же эта нерѣшительность, это отсутствіе впечатлѣнія? Что случилось съ Ивановымъ?

„Смерть помѣшала Иванову пожать плоды трудовъ; онъ не дожидъ до успѣха, а потому и остался неопредѣленнымъ толкомъ. Его большая картина ни что иное, какъ пошленье, на которомъ онъ упражнялся въ неусмысленныхъ поискахъ истины и совершенства; это только образчикъ, а не зрѣлый плодъ его саморазвитія. Отчего же такъ медленно онъ подвигался, отчего такъ мало творческой силы въ массѣ этого произведенія? Вотъ вопросы, при разрѣшеніи которыхъ мы попытаемся привести и доказательства того, что эта картина только новая школа его, а не результатъ ея.

„Художественная школа, черезъ которую прошелъ Ивановъ, не удовлетворяла его, что и бываетъ обыкновенно съ людьми даровитыми. Школа, паязывая знанія и даже готовые условныя воззрѣнія, не только не развиваетъ личности художника, но скорее давитъ ее. Ученики, не рожденные живописцами, въ замѣтъ личнаго развитія приобричаютъ только правила, и довольствуются ими. Не тѣ бываютъ съ учениками, по природѣ художниками. По окончаніи урочнаго курса, они сознаютъ необходимость дальнѣйшаго развитія, или, вѣрнѣе сказать, саморазвитія. Кто изъ нихъ даровитѣе и бойче, тотъ довершаетъ почерпнутыя въ школѣ свѣдѣнія личнымъ опытомъ и какъ-бы отыскиваетъ самого себя. Кто при сильномъ дарованіи склоненъ къ размышленію, тотъ поддерживаетъ строгій контроль все, доставленное ему школою, забываетъ самого себя и скромно доискивается истины. Рѣдко появляются такіе художники и еще рѣже удостоиваются вѣрной оцѣнки. Такіе люди мало производятъ и часто не довершаютъ своихъ трудовъ: не за картиной они гонятся, а за правдой.

„Брюлловъ, перевоспитывалъ себя въ Италіи, практиковался безпрестанно въ разныхъ родахъ живописи. Его порывистый характеръ, его страстный, чувственный и экспансивный темпераментъ гнался болѣе за вѣншей художественной дѣятельностью. Напротивъ, Ивановъ, поглощенный внутренней жизнью, перевоспитывалъ себя не столько практикой, сколько думой. Ни того, ни другого цѣлзя порицать за принятую систему саморазвитія: каждый изъ нихъ остался вѣрнымъ самому себѣ. Но несчастный Ивановъ вдался въ два заблужденія, которые не только замедлили его саморазвитіе, но и дали ему губительное направленіе. Первое — что онъ приурочилъ свое развитіе къ одной огромной картинѣ, къ одной обширной задачѣ. Вращаясь все около одного центра, самые предметы его изученія втягивали его въ нѣкоторую односторонность; забота о преобладающей задачѣ его картины ограничивала сферу его мысли; наѣбрежное удаленіе отъ постороннихъ работъ лишило его разнообразной практики. Вмѣсто того, чтобы свободно упражняться въ творствѣ на отдѣльныхъ небольшихъ картинахъ, испытывая и свои собственные склонности, и разные художественныя задачи, онъ долженъ былъ обуздывать свои приемы, приспособляя каждую выписываемую часть къ общему тону кар-

тины, къ тому перспективныхъ разстояній, къ одной и той же опредѣленной цѣли. До опытовъ ли ему было, когда глубокий и точный смыслъ каждаго предмета большой картины его поглощать все его вниманіе, всё его усилія... Явность колорита иныхъ частей картины Иванова — не вездѣ результатъ ея производства, но часто только слѣдствіе химическихъ реакцій самыхъ матеріаловъ. ...Второе заблужденіе Иванова было еще понятнѣе. ...Въ художественской, притомъ русской, душѣ Иванова господствовало синтезъ; въ ней не было мѣста для отвлеченнаго анализа, тѣмъ болѣе, что и воспитаніе его не могло содѣйствовать къ его развитію. Встрѣтись впервые съ художникомъ мыслителемъ, Овербекомъ, добросовѣстнымъ и добродушнымъ Иванова былъ пораженъ его отвлеченными воззрѣніями и увлекся ими безъ оглядки. Оспаривалъ подчасъ его сужденія, оны подчинялись его вліянію тѣмъ именно, что самъ началъ вдаваться въ германскія отвлеченности.

...Создавая свою картину и развивая ея идею отвлеченно, Ивановъ потерялъ изъ виду художественные образы, а потомъ хладнокровно прискивалъ ихъ для своихъ идей. Обращеніе живописныхъ образовъ въ механическое орудіе идеи и породило тотъ прозаизмъ выраженія, который, несмотря на глубокие и поэтическіе замыслы, такъ сильно поражаетъ всѣхъ въ его „Явленіи Христа“...

„Говоря, что въ русскомъ художникѣ гнѣбельно отозвались германскія отвлеченности, мы вовсе не хотимъ сказать, что оны убили въ немъ творчество: оны только задержали его вдохновеніе, растранивали его личный спитъ и сбили его временно съ его родной колеи. Замѣтимъ еще, что отвлеченное, т.-е. не совсѣмъ творческое, созданіе сюжета картины втянуло Иванова въ такіа сложныя психическія задачи, которыя могли бы свободно проявляться только въ широкихъ формахъ литературы — въ драмѣ или поэмі, въ которыхъ не было возможности развернуться въ формахъ живописи...

„Не вдался бы Ивановъ въ показанныя нами странности, еслибы оны продолжали производить по прежнему... Вліяніе Овербека было для Иванова вредно, а не „благоотворно“. ...Если зрѣлый германскій анализъ нѣмецкаго художника повелъ его къ искусственному воспринзведенію той до-рафаэлевской простоты, которая была въ свое время естественнымъ результатомъ незрѣлаго еще и наивнаго художества, то какъ же долженъ былъ надломить Иванова анализъ,

несвойственный ни его природѣ, ни его воспитанію. Если взять въ соображеніе совокупное таготнѣе разныхъ, враждебныхъ для волянаго вдохновенія, условій, именно: производству громадной по содержанію картины—въ виду грознаго суда современности, приуроченіе саморазвитія къ одному и тому же сюжету и вліяніе германизма на наивную душу, то намъ понятенъ будетъ тотъ озадачивающій элементъ, который господствуетъ въ его послѣднемъ произведеніи, понятно будетъ, что эта картина — не самъ Ивановъ, а только уклоненіе его отъ самого себя. Это величественный и грустный памятникъ колебаній высокой души и наивнаго самопожертвованія чело-вѣка, возлюбившаго истину болѣе самого себя. Кто скажетъ, что вліяніе Овербека на Иванова обличаетъ въ русскомъ художникѣ отсутствіе самостоятельности, тому можно напомнить, что въ колебаніяхъ и даже заблужденіяхъ чело-вѣка, страстно любящаго истину, бываетъ иногда болѣе самостоятельности, чѣмъ въ упорной выдержкѣ другого... Опрометчивая рѣшимость Иванова на громадное предпріятіе и на пожертвованіе ему всѣхъ своихъ силъ — это обыкновенная черта; неусыниная настойчивость въ такомъ самопожертвованіи—это героизмъ, рѣдкій на Руси, но тѣмъ не менѣе русскій; сама же картина—не болѣе, какъ грустный результатъ задержаннаго вдохновенія и потому это не русская картина...

...„Если въ картинахъ Брюллова нѣтъ идеи, то нѣтъ ея и въ большей части историческихъ картинъ первостепенныхъ гениевъ. Конечно, у Брюллова форма преобладаетъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы у него не было идеи. Брюловъ по натурѣ своей—материалистъ, духовность не его элементъ; но давно ли материализмъ принимается за отрицаніе идеи? Симпатичность, можетъ быть, тоже не Брюловскій элементъ, но развѣ нѣтъ поэзіи въ симпатичности? Отчего же отказываютъ Брюлову, въ идеѣ и поэзіи?“

...„Что у Брюллова не было той глубины мысли, ни душевной теплоты, которыми одаренъ былъ Ивановъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что „сказать ему было нечего“. А что Ивановъ не такъ отважно писалъ, какъ Брюловъ, это вовсе не доказываетъ, будто у него „завылъ косякъ“... Глубокая и теплая мысль Иванова не можетъ служить упрекомъ Брюлову, какъ и отважное исполненіе Брюллова—не упрекъ Иванову. Поразительный контрастъ этихъ двухъ творцовъ, рѣдкія особенности ихъ недостатковъ

и высокихъ достоинствъ ясно доказываютъ, что оба они были таланты-самородки, которые не поддаются подѣлку произвольныхъ теорій. Не потому ли такъ странно и цѣнятся ихъ нынѣ критики?... Что касается до вліянія Брюллова и Иванова на молодое поколѣніе художниковъ, то мы замѣтимъ, что люди, идущіе по слѣдамъ великихъ мастеровъ, всегда каррикатурили ихъ мысли и формы...

«Оба знаменитые русскіе художники были въ своихъ формахъ — въ одно и то же время идеалисты и реалисты; но въ формахъ Брюллова преобладалъ реализмъ, а въ формахъ Иванова — идеализмъ. У обоихъ были идеи, только въ идеѣ Брюллова отзывался его личный материализмъ, а порывистый его характеръ не позволялъ ему углубляться въ содержаніе. Даръ Брюллова заключался преимущественно въ воспріимчивости видимаго; онъ былъ болѣе живописецъ, чѣмъ мыслитель, и при всемъ томъ мысль у него была вѣрная, мѣткая, наглядная, хотя она вовсе не отличалась глубиной и духовностью... Ивановъ былъ въ одинаковой степени — живописецъ и мыслитель, но мысль его была духовнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ у Брюллова. Смѣйлъ и самоуверенъ былъ Брюлловъ, потому и бойче выполнялъ свои замыслы; между тѣмъ замыслы Иванова постоянно сдерживались его наивною скромностью и страстной любовью къ истинѣ, потому и техника его не отличалась смѣлостью. При столкновеніи его наивною скромности съ отвлеченнымъ анализомъ онъ сбился, затерялся, а потому въ послѣдней его картинѣ нѣтъ той естественной полноты, которая видна въ другихъ его произведеніяхъ и даже въ частностяхъ „Явленія Христа“.

„Кому извѣстна жизнь обоихъ художниковъ, тотъ можетъ понять, что разнообразіе ихъ творчества была результатомъ столкновенія ихъ личнаго склада съ тяготившею надъ ними дѣйствительностью: одинъ укрывался отъ нея въ форму, другой въ мысль. И Брюлловъ, и Ивановъ высказались не вполне: въ нашей сѣверной атмосферѣ дары природы зрѣютъ нескоро и бывають недоготованы“...

На ряду съ только-что сообщенными здѣсь оцѣнками Иванова, необходимо сопоставить отзывы о немъ и его картинахъ, появившіеся нѣсколькими годами позже.

Разсматривая печальную судьбу нашего художника и послѣднія сужденія о немъ и его соперникѣ — Брюлловѣ, В. Зотовъ высказывалъ въ „Сѣв. Сіяніи“ 1862 (I, 68—69 и 71—72)

слѣдующія соображенія, въ которыхъ до нѣвѣстной степени отразились многіе изъ представленій 1860-хъ гг.

„Понятно, что, восхваляемый всѣми до небесъ, Брюлловъ дошелъ до такой степени самолюбія, что не признавалъ никого выше себя въ живописи. Иванова, напротивъ, не баловала ни привязанность публики, ни уважанье знатныхъ; будущность его не была обезпечена; почти до послѣднихъ минутъ жизни онъ не зналъ: вознаградятся ли его трудъ, которому онъ отдалъ всю жизнь.

„Тяжелѣе всего для него было то, что онъ самъ начиналъ сомнѣваться въ своемъ трудѣ. Долгую работу его надъ картиною объясняютъ тѣмъ, что онъ началъ ее совсѣмъ съ другими идеями, нежели тѣ, съ какими кончилъ ее. Съ теченіемъ времени онъ увидѣлъ невозможность осуществленія того, что задумалъ. Чувство, съ которымъ была зачата картина, слабѣло съ годами, и его постепенно замѣняло недовѣріе къ своимъ силамъ, сомнѣніе въ непреодолимости своихъ убѣжденій... Эскизъ картины нѣсколько разъ переделывался, и, отъ этой долгой борьбы художника со своимъ сюжетомъ, исполненіе картины, тщательное, обдуманное, вышло отчасти холоднымъ, вымученнымъ, лишеннымъ жизни, вдохновенія. Передніе планы написаны слишкомъ мягкими полутонами (въ особенностяхъ фигура сидящаго нагого старика), между тѣмъ контуръ Іоанна (особенно его правой ноги) — рѣзокъ, колоритъ вообще сѣроватъ; художникъ хотѣлъ вездѣ соблюсти величайшую простоту, — и картина вышла въ общемъ впечатлѣніи суха и блѣдна. Только искреннее глубокое вѣрованіе въ идею картины, только горячее религіозное чувство въ зрителѣ могутъ заставить его восхищаться ею, слѣдо, благоговѣнно восторгаться; но нельзя же предполагать такого чувства во всѣхъ, — и вотъ почему, петрогающийся идеею обратитъ вниманіе только на исполненіе картины, а оно составляетъ слабую сторону ее, тогда какъ Рафаэлевы Мадонны доступны и понятны всякому, кто чувствуетъ хотя бы только одно прекрасное. Религіознаго вѣрованія грековъ совершенно чужды намъ, а мы не перестаемъ восхищаться изображеніями ихъ боговъ и богинь...

„При разборѣ таланта Иванова постоянно и невольно приходитъ, какъ сравненіе, имя Брюллова — не по сходству, а, напротивъ, по совершенной противоположности ихъ произведеній. Говоря объ одномъ художникѣ, нельзя не вспомнить и о другомъ. Наравнѣ съ „Послѣд-

нимъ днемъ Помпей⁴ можно поставить только „Явление Христа народу“. Всѣ другія большія произведенія русской живописи, какъ, напр.: „Мѣдный змѣй“ Бруни, „Иоаннъ на Патмосѣ“ Моллера—ниже картинъ Брюллова и Иванова. Поклонники того и другого видятъ въ произведеніи первого — гениальное исполненіе, второго—гениальную мысль. Художественныя критики проводятъ поневолѣ параллель между этими живописцами; но въ параллели обыкновенно важную роль играютъ антитезы, и, изъ желанія ярче обозначить особенности двухъ сравниваемыхъ лицъ, эти особенности очерчиваются обыкновенно гораздо рѣзче, чѣмъ онѣ бывають на самомъ дѣлѣ. Въ такую крайность впалъ и Тургеневъ въ воспоминаніяхъ своихъ объ Ивановѣ.

...„Истинная духовность въ пластическихъ искусствахъ,—говоритъ критикъ далѣе,—гораздо вреднѣе излишняго поклоненія формѣ. Да и прямые всего доказываютъ то, что не лучше идти за Ивановымъ,—совершенное отсутствіе его учениковъ, тогда какъ Брюлловъ составилъ школу, имѣвшую вліяніе на живопись, и въ числѣ послѣдователей которой было много дарованій. За Ивановымъ такъ никто и не пошелъ,—да оно и къ лучшему.

„И между тѣмъ, при взглядѣ на его картины, мы твердо вѣримъ, что этотъ скромный художникъ, недовольный собою и своимъ капитальнымъ произведеніемъ, могъ бы сдѣлать много для искусства, еслибы не погибъ такъ рано для него. Особенно убѣждаемся въ этомъ при взглядѣ на лучшее произведеніе его молодости—„Явленіе Христа Магдалинѣ“. Въ этой картинѣ, служащей украшеніемъ отѣла русской школы въ Эрмитажѣ,—видѣвъ весь Ивановъ; по ней можно угадывать, чѣмъ бы онъ могъ быть, еслибъ ложная идея не увлекла его на ложный путь. Какимъ высокимъ, поэтическимъ чувствомъ дышетъ эта картина... Все въ этой картинѣ, отъ лица Христа до ногъ его, отъ позы Магдалины до послѣднихъ аксессуаровъ, все проникнуто тѣплой вѣрой и неволью производитъ впечатлѣніе даже на иновѣрца, непонимающаго божественности картины, но видящаго въ ней ясное, высокое, человеческое чувство. Это одно произведеніе выдвигаетъ Иванова изъ ряда современныхъ художниковъ, заставляя забывать его послѣдующія ошибки и увлеченія.

„Мы не скривли этихъ ошибокъ, говоря о живописцѣ, приводя большою частью мнѣнія о немъ, уже высказанныя другими (объ немъ

писали такъ много, что трудно сказать что нибудь новое), сравнивая его съ другимъ, не менѣе талантливымъ его предшественникомъ. Выводъ мы не дѣлаемъ, предоставляя его читателямъ; но думаемъ, что ни къ тому, ни къ другому нельзя быть строгимъ. Судьба, враждебная почти ко всѣмъ нашимъ дарованіямъ, не дала имъ усовершенствоваться. Съ ними умерло многое, что они, конечно, передали бы намъ на полотнѣ ярче и опредѣленнѣе того, что высказано въ оставленныхъ ими произведеніяхъ. Но если неизбежно сравненіе между ними и, вслѣдствіе того, предпочтеніе одного другому, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы предпочтеніе это было исключительно. Тургеневъ увѣряетъ, что въ одно время нельзя любить „Послѣдній день Помпей“ и „Явленіе Христа народу“. ...Но развѣ нельзя, въ одно и тоже время, сочувствовать идѣ и восхищаться формою? Напротивъ, въ возможно близкомъ сліяніи мысли и исполненія, духа и матеріи, идеализма и пластичности, и заключается истинная художественная красота, къ осуществленію которой должны стремиться всѣ истинные художники. Исключительное стремленіе къ той или другой сторонѣ составляетъ причину несовершенства произведеній Брюллова и Иванова—и только въ сліяніи ихъ направленій лежитъ послѣднее слово живописи, какъ и всѣхъ другихъ искусствъ, даже всей жизни.

Другой критикъ, современный В. Зотову,—*П. Петровъ* писалъ въ томъ же „Сѣв. Сіяніи“ 1864 (III, 214—5 и 225—6): „Заглянувъ въ прошлое, только и виднѣшъ, какъ совершился переворотъ во взглядѣ на искусство. Переворотъ этотъ, конечно, произошелъ не безъ жертвъ и жертвъ недюжинныхъ. Жертвами этого взгляда сдѣлались всѣ огромныя известности и знаменитости, всѣ, почему либо приписанныя громкими, имена въ нашемъ искусствѣ, во имя новой идеи осужденныя на совершенное или несовершенное забвеніе. Однѣ изъ этихъ жертвъ при жизни наслаждались зато упоеніемъ славой и известности; но тотъ художникъ, весь вѣкъ котораго прошелъ въ служеніи идѣй, въ постановленіи ея на первое мѣсто, занимавшееся прежде формою, тотъ провозвѣстникъ новаго ученія въ искусствѣ нашемъ, вынесъ на себѣ одну только горечь страданія и при жизни. Въ то время, когда онъ представлялъ результаты своихъ 20-лѣтнихъ думъ, надеждъ и страданій, свое ненаглядное произведеніе,—въ это именно время и подвергся горечи нарека-

ній, отравившихъ, говорятъ, послѣдніе дни его жизни.

„Вся мысль, вся теплота чувства или, лучше сказать, вся жизнь Иванова давно уже заключалась въ одной картинѣ его. Изображаемое имъ событіе постепенно запылало въ его способности: онъ сжился со своею идеею и не разставался съ нею. Всякій зритель, непредубѣжденный заранее, взглянувъ на картину и долго рассматривая ее, дѣйствительно вынести впечатлѣніе новое, полное и свѣжее. Самъ болѣе всего дѣян душевное спокойствіе, художникъ успѣлъ въ своемъ произведеніи выразить именно тишину высокаго мгновенія—появленія Мессіи... Единство мысли и побужденій соблюдено нашимъ художникомъ больше, чѣмъ кѣмъ-либо; независимо отъ этого, онъ успѣлъ соблюсти и красоту линий, группъ и отдѣльных фигуръ. Прекрасный рисунокъ соответствуетъ вполне возвышенности и строгости всей композиціи; о выраженіи и говорить нечего... Достигнуть настолько полноты выраженія въ главныхъ персонажахъ, какъ мы находимъ у Иванова,—можетъ художникъ не легко, не безъ труда, и только при посредствѣ богатой творческой фантазіи, укрѣпленной долгимъ и серьезнымъ изученіемъ игры фیزیономіи. Уже одно изображеніе такихъ трудностей, какова естественность выраженій различныхъ ощущеній на лицахъ такого множества персонажей,—подвигъ, совершенный до нашего времени безупречно развѣ однимъ Рафаэлемъ и во всѣ времена высокондѣльный. Но за Ивановымъ есть еще новое право на почетное мѣсто въ искусствѣ—это трактованіе въ картинѣ своей и всего прочаго—также натурально, какъ выполнили онъ дѣйствующія лица священной сцены. Пейзажъ у него самъ по себѣ могъ бы доставить извѣстность своему автору. Наконецъ то, что вытѣпало въ укоръ Иванову его порицатели,—именно простота и отсутствіе яркости въ колоритѣ, эта, такъ сказать, *сдержанность* красокъ гораздо болѣе почтенна, чѣмъ усиленная яркость съ непремѣнными черными, рѣзкими тѣнями и цѣлыми буграми красокъ для доказательства свѣлости исполненія“...

Отзывы объ Ивановѣ 1873—93 гг.

Прошло почти 10—11 лѣтъ послѣ напечатанія статей *Зотова* и *Петрова*, какъ и между появленіемъ статей *Гоголя* (1847) и *Ковалевского* (1857), а отзывы о нашемъ художникѣ

не встрѣчалось въ печати вплоть до выступленія *В. В. Стасова* съ его критическими разборами, которые и появились потомъ съ малыми перерывами въ продолженіе слѣдовавшихъ лѣтъ 20 лѣтъ (1873—93), причемъ взглядъ этого критика на Иванова подвергался нѣкоторымъ, болѣе или менѣе существеннымъ, видоизмѣненіямъ за этотъ періодъ времени.

„Уже съ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ,—говорилъ онъ, напр., въ IV гл. своей статьи „Еврейское племя въ созданіяхъ искусства“ въ „Еврейской Библіотекѣ“ 1873 (III, 308—315),—начинается у насъ рядъ попытокъ представлять задачи Ветхаго и Новаго Завета съ непремѣннымъ присутствіемъ еврейской внѣшности въ типахъ и костюмахъ; но такъ какъ, несмотря на такую внѣшность, большинство русскихъ картинъ этого рода было вначалѣ все по прежнему поверхностно и все-таки оставалось въ глубинѣ—при прежней системѣ классической идеальности, фальши и полнаго невинканія въ исторію, то мы не будемъ ихъ перечислять, а прямо перейдемъ къ художнику, явившемуся съ истинными значительными заслугами передъ искусствомъ. Я говорю про Александра Иванова¹⁾).

¹⁾ За четыре года передъ тѣмъ *В. В. Стасовъ* писалъ въ I гл. своей статьи „Наши художественныя дѣла“ въ „Сиб. Вѣдом.“ 1869 г. (№ 29): „Подумайте хоть одну секунду и скажите потомъ со всею откровенностью: старинные наши Лосенки, Егоровы и Шебуевы, а потомъ новые наши Брюловы, Ивановы, Мартосы, Орловскіе и Пименовы—неужели это все не какіе-то иностранцы, только называвшіе себя русскими? Неужели это все не тѣ художники, въ произведеніяхъ которыхъ можно найти все, что угодно,—воспоминанія и слѣды Рафаэлей, Каррачей, антика и новыхъ итальянцевъ съ французскими,—все, кромѣ собственной своей, самостоятельной личности“... „Что за надобность будетъ помышлять,—говорилъ онъ въ III гл. той же статьи (№ 43),—не только о картинахъ временъ Енатирина II или Александра I, но даже о „Помпеяхъ“ Брюлова, „Явленіяхъ Христа народу“ и „Магдалинахъ“ Иванова, и другихъ тому подобныхъ, будто бы историческихъ картинахъ, со всеми пожарами, свалками, чудесами, погибелами, героями, всѣмъ остальнымъ стариннымъ гардеробомъ и декораціями... когда каждому можно будетъ повѣсить у себя на стѣнѣ множество миніатюрныхъ бриллиантиковъ, гдѣ выскажется все

..., Правда, въ началѣ и онъ держался одно время предвѣй художественнаго классицизма, чему доказательствомъ служить совершенно еще академическая картина его „Явленіе Христа Магдалинѣ“, но уже начиная съ 1837 г. онъ сталъ обращаться всею мыслію къ истиннымъ еврейскимъ типамъ и назначилъ имъ самое видное мѣсто въ задуманной имъ тогда большой картинѣ „Явленіе въ міръ Мессіи“... Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе прожитыхъ имъ еще 20-ти лѣтъ, онъ не переставалъ изучать не только еврейскій типъ, но и еврейскую исторію, и еврейскія древности,—и это дало блестящіе результаты для всей послѣдующей его художественной дѣятельности. На врядъ ли можно указать европейскаго художника, который бы въ такой степени усвоилъ все, сюда относящееся, который бы столько же, какъ Ивановъ, отыскивалъ и изучалъ всѣ новѣйшія ученія изданія съ рисунками, касающіяся еврейства, Палестины и странъ, которыхъ исторія близко соприкасалась съ Палестиною, т.-е. Ассирію,

самое лучшее, все самое высокое, все самое мѣкое, глубокое и поэтическое, къ чему способенъ молодой нинѣшній художникъ“.

Немного позднѣе онъ же писалъ въ своей статьѣ „Публ. Библ. и Эрмитажъ при Александрѣ I“ въ „Нов. Врем.“ 1877 (№ 643): „Эрмитажъ застылъ на эпохѣ Екаторины II. Все новое искусство отсутствовало въ его залахъ, точно будто его никогда не бывало на свѣтѣ... Правда, залы дѣй по-священны картинамъ нѣкоторыхъ русскихъ живописцевъ; но всѣ эти „Помпей“ Брюллова, „Мѣдныя змѣи“ Бруни, „Магдалины“ Иванова не представляютъ никакой школы, никакой самостоятельности,—все это только созданія съ творчествомъ очень сомнительнаго, эклектическаго свойства, съ полнымъ отсутствіемъ оригинальности и жизненности. Это все полуиностранныя, полу-гермафродиты академиковъ, не могущіе имѣть значенія для развитія каковаго нибудь сильнаго, самобытнаго, будущаго искусства“.

„Спорю нѣтъ, — говорилъ онъ еще разъ, въ статьѣ своей: „Выставка въ Академіи Художествъ“ въ „Нов. Врем.“ 1878 (№ 719), — много интересна, а частью талантливаго и изящнаго было въ картинахъ Ло енци, Левицкаго, Ворониковаго, Егорова, Орловскаго, Брюллова, Бруни, Иванова, Моллера и т. д., но все это были люди съ отсутствіемъ таланта оригинальнаго, самостоятельнаго и національнаго“...

Вавилона, Финикіи, Египта и т. д.. Для русскаго художника, особливо прежняго времени, все это выходило тѣмъ-то совершенно необыкновеннымъ. Еще никто изъ нихъ не обращался съ такою пламенною ревностю, съ такою упорною настойчивостію къ изученію своего сюжета во всѣхъ его подробностяхъ... За то, всѣ созданія Иванова, полныя слѣдовъ небывалаго у насъ изученія, выходять совершеннымъ исключеніемъ изъ всего того, что до него было у насъ сдѣлано по части исторической живописи.

...„Нужды нѣтъ, что письмо Иванова въ большинствѣ случаевъ жестко, сухо и каждая отталкиваетъ небывалою неприятностію колорита, дѣлающее картину („Явленіе Мессіи“) похожею на выпѣлъше робенокские обои; нужды нѣтъ, что многія драпировки отзываются Рафаэлизмомъ и классическою искусственностію; несмотря на всѣ эти и разныя другіе недостатки, картина Иванова представляетъ что-то и совершенно-необыкновенное, и истинно-великое. Пока его блестящій и вѣтренный соперникъ, Брюлловъ, вошедшій у насъ въ моду и вѣспы носимый на рукахъ, писалъ свои поверхностныя иллюстраціи во французско-итальянскомъ вкусѣ, порхая съ обѣда на обѣдъ, съ попойки на попойку, съ одного великосвѣтскаго празднаго разсѣванія на другое, — Ивановъ, весь предавшійся своему дѣлу и только о немъ одномъ думавшій, ушелъ далеко отъ шума и пировъ, и привыкнувъ къ одной своей задачѣ... И вотъ, отъ этого-то, картина Иванова „Явленіе Мессіи“, подлѣ которой онъ прожилъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, съ устремленными на нее постоянно очами и всѣми помыслами, вышла произведеніемъ сильнымъ и живучимъ. Цѣлая масса глубокихъ душевныхъ движеній выразилась въ лицахъ и позахъ этихъ старшихъ и молодыхъ евреевъ, этихъ мужей, полныхъ думъ, и юношей-красавцевъ; цѣлая масса характеровъ, разнообразныхъ и сильно очерченныхъ, наполнила картину. И выше всѣхъ — это въ Иоаннѣ Крестителѣ, съ грандіознымъ вдохновеніемъ въ глазахъ — эта гениальная, величаявая, горящая внутреннимъ огнемъ, личность древняго еврея, исполненнаго духомъ Божиимъ, могучаго, стремительнаго, непокромннаго и одѣтаго чертами великолѣпнѣйшей, поразительной красоты. Навѣрное, еще никогда европейское искусство не создавало подобнаго типа пророка, и всѣ, до того произведенные кистью

высшихъ мастеровъ, должны преклониться передъ этимъ синоимъ грома, передъ этимъ глашатаемъ воли Госови Всевышняго. Много надо было провести лѣтъ въ тихомъ уединеніи съ самимъ собою, въ бесѣдѣ съ совершеннѣйшими созданіями искусства, среди изученія и выбора лучшихъ чертъ еврейской природы, еврейскаго лица и еврейскаго этнуса, — для того, чтобы создать подобное чудо искусства.

„Только одну эту картину (кромя „Явленія Магдалины“) знаетъ до сихъ поръ наша публика изъ всей дѣятельности Иванова. Но ова того не знаетъ, что, несмотря на многія капитальнѣйшія совершенства, тутъ заключенныя, эта картина все-таки не главное созданіе Иванова. Гораздо выше стоятъ тѣ нѣсколько сотъ рисунковъ большого и малаго формата, карандашомъ и сеіей, которыми наполнены альбомы этого художника... Рисунки эти, на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта, являются плодомъ глубокаго обдумыванія, глубокой мысли, арѣфаго совершенства художественнаго и рѣшительно должны считаться высшими созданіемъ Иванова, а вмѣстѣ — и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній европейскаго искусства...

„Все въ нихъ оригинально и ново, начиная хоть съ фигуръ ангеловъ, ничего уже не имѣющихъ общаго съ обыкновеннымъ классическимъ типомъ. Нашъ художникъ подумалъ въ первый разъ тѣ, что раньше его должны были бы подумать сотни и тысячи его предшественниковъ по искусству, — а именно: что явленія сверхъестественныя изъ исторіи такого древняго народа, какъ еврейскій, должны быть представлены не такъ, какъ они нынче являются нашему воображенію, подъ вліяніемъ нашего воспитанія и школьной дрессировки съ безчисленными ея наслоеніями и осадками, а какъ они должны были представляться прежнимъ древнимъ людямъ еврейскаго племени. Вотъ онъ и изобразилъ ихъ съ такимъ-же древне-азиатскимъ (немного ассирійскимъ и финикійскимъ) характеромъ, съ какимъ древне-азиатскимъ, по возможности еврейскимъ, характеромъ являлись у него и остальные личности его сценъ. Отъ этой своеобразности, отъ этой исторической и національной вѣрности, въ соединеніи съ невиданною оригинальностью сверхъестественнаго элемента и, наконецъ, съ глубиной психологическаго выраженія, — получилось что-то такое новое,

своеобразное, что отводить рисункамъ Иванова на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта совершенно особенное мѣсто въ ряду Библейскихъ иллюстрацій, даже въ сравненіи съ рисунками Дорэ...

...„Ивановъ преимущественно посвящаетъ себя сценамъ Новаго Завѣта: къ ихъ кроткому благодушію, къ ихъ нѣжной красотѣ направлены были всѣ его симпатіи, но все-таки и на задачи Ветховавѣтныя у него создавалось около сотни рисунковъ, и они принадлежать къ числу крупнѣйшихъ созданій живописи. Фигуры Савадова, патриарховъ, пророковъ, полны необычайной грандіозности и національной своеобразности, совершенно поразительной. Онѣ дышатъ силою глубокой могучей простоты и постоянно переносятъ на древній Востокъ, въ среду его нравовъ и жизненныхъ привычекъ, въ среду его вѣрованій и представлений, и совершенно въ этомъ непохожи на тѣ Ветховавѣтныя картины, какія намъ до сихъ поръ давали прежние художники, никогда не углублявшіеся во всю полноту своихъ задачъ...

„Таковы сцены изъ исторіи евреевъ, которыя любилъ брать Ивановъ и которыя онъ выполнялъ, хотя часто въ однихъ только наброскахъ, съ удивительнымъ поэтическимъ чувствомъ, грандіозностью и красотой. Ихъ много, но, не смотря на это, большинство ихъ отличается лучшими качествами творчества, возвращеннаго долгими годами постоянного вдумыванія въ Библию, постоянного вниканія въ еврейскую величавую дѣтопись и въ глубочайшіе тайники духа человѣческаго. Рисунки Иванова къ Библии — одна изъ лучшихъ заслугъ русскаго искусства передъ общимъ европейскимъ и, въ то же время, одно изъ драгоцѣннѣйшихъ созданій для каждаго мыслящаго, понимающаго и чувствующаго еврея“.

Два года спустя, тотъ же критикъ писалъ въ VIII-й главѣ той же своей статьи и въ томъ же изданіи (V, 41—47) — слѣдующее, по поводу Иванова и его картины:

„Тотчасъ вошедъ за Овербекомъ, надо сказать нѣсколько словъ про одного художника, находившагося въ молодые свои годы подъ сильнымъ вліяніемъ Овербека, и даже получившаго, въ извѣстной долѣ, направленіе отъ него. Это нашъ Ивановъ... Нѣмецъ пѣтистъ, только и мечтавшій, что о сужденіи искусства цѣлѣмъ религиознымъ, и некогдашій знатъ друтихъ сюжетовъ, кромя Евангельскихъ, долженъ былъ

сильно приходится по вкусу нашему художнику, съ фантазію мало развитую, даже бѣдную, съ художественными планами, исключительно враждавшими въ предѣлахъ сюжетовъ Евангельскихъ, съ творчествомъ, удовлетворявшимся очень немногими. Къ тому же, въ этомъ Овербекѣ, тогдашней римской славѣ, Ивановъ встрѣчалъ безпредѣльное поклоненіе передъ формами и женственными изяществами Рафаэля, а это опять-таки совершенно сходило съ его собственными понятіями, вкусомъ и симпатіями; перѣдко Овербекъ самъ въ картинахъ и рисункахъ своихъ создавалъ цѣлыя фигуры и группы, носившія отпечатки красоты и граціи истинно-Рафаэлевской или старыхъ итальянскихъ мастеровъ, такъ сильно нравившихся Иванову за паневность и религиозный складъ; наконецъ, этотъ самый Овербекъ создавалъ и что-то новое, свое: онъ вводилъ невиданный прежде до того ни у кого въ Римѣ элементъ еврейскій... Вырвавшійся изъ Петербургскихъ академическихъ классовъ, Ивановъ, не читавшій и не видавшій ничего европейскаго, еще менѣе другихъ былъ затронутъ какимъ бы то ни было уголкою просвѣщенія и еще болѣе другихъ должеиъ былъ съ нѣмымъ обожаніемъ смотрѣть на нѣмецкаго художника, читающаго книги, водившагося съ иностранными учеными, въ разговорахъ своихъ произносящаго чуть не цѣлыя лекціи и трактаты о томъ: какъ быть искусству на свѣтѣ, и тутъ же выѣстъ—строгаго поклонника всѣхъ признанныхъ классиковъ. Извѣстная всей Россіи картина Иванова „Явленіе Христа народу“ сильно отовалась этимъ Овербековскимъ вліаніемъ. Правда, съ точки зрѣнія художественной, Ивановъ стоялъ во сто разъ выше Овербека—по рисунку тѣла и по драпировкамъ одежды, по индивидуальности формъ, по естественности многого, по красотѣ группировки, по отсутствію трусняваго, дѣтскаго, до-Рафаэлевскаго пошлора, — и все-таки онъ далѣе Овербека и Овербекова взгляда и понятія не пошелъ. Какъ у Овербека, типы у него мало разнообразны, мало идуть въ глубь; какъ у Овербека, краски его неестественны, тусклы и сухи, и отталкиваютъ противными своимъ, безвкуснымъ сочетаніемъ; какъ всегда у Овербека, у него царствуетъ въ картинѣ, отъ головы и до ногъ, совершеннѣйшая Аркадія, повсюду глядитъ, стоитъ и сидитъ цѣлая коллекція добрыхъ агнцевъ, непорочныхъ, спокойныхъ и благодушныхъ до того, что зритель иной разъ

выходить, наконецъ, изъ терпѣнія и готовъ послать картину, Богъ знаетъ куда; какъ у Овербека, все у него добродѣтельно и безстрастно до тошноты (однѣъ Іоаннъ Креститель дѣлаетъ исключеніе). Живописецъ Ивановъ былъ самый, что только можно вообразить себѣ, крайній антиподъ живописцу Брюллову, живой протестъ противъ всего гнилого, фейерверчнаго и балетнаго, чѣмъ тотъ жияъ въ своихъ созданіяхъ. Слава Богу! Ивановъ, словно здоровая, освѣжающая душъ, пролился надъ русскимъ искусствомъ послѣ треска и хлопавья разноцѣтныхъ ракетъ Брюлловскихъ—пора же было отъ нихъ немнѣжно и отвыкать,—для замѣны чѣмъ-нибудь лучшимъ; а все-таки у Иванова не было, къ сожалѣнію, хорошихъ сторонъ Брюллова: кипучести, страстности, живаго нерва, и если тотъ былъ черезчуръ итальянецъ съ оперными финалами, то этотъ являлся за то черезчуръ нѣмцемъ съ мирнопродѣлываемыми демонстраціями. Картина Иванова—сухая лекція, съ приступомъ, серединой и выводомъ. Такія вещи никого не увлекаютъ и никогда не подѣйствуютъ ни на чью фантазію. А что же художеству и нужно, если не это? Вотъ, по такимъ-то соображеніямъ, и приходится сказать, что Ивановъ былъ натура, родственная Овербеку, что онъ былъ человекъ, по несчастію попавшій въ Италию какъ разъ во время его великой тамъ славы и наааретской пропаганды. Будь Ивановъ настоящій художникъ, истинно живой и страстный человекъ, не усидѣлъ бы онъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, какъ какой-то художественный рыцарь Тогенбургъ, передъ недоконченной и необозримыми годами тянущейся все одной и той же картиной. Возможна ли въ наше время такая безстрастность, такое отсутствіе художественнаго порыва, художественнаго нетерпѣнія, такое апатичное сученіе жизни? Тутъ передъ глазами у васъ словно человекъ временъ давно прошедшихъ, безъ вышней крови и нервовъ. А еще находились люди, которые именно эту безстрастность и холодъ ставили Иванову въ высшую заслугу.

„Таковы, на мои глаза, недочеты и недостатки въ натурѣ и жизни Иванова; вотъ то, что мѣшало ему сдѣлаться великимъ художникомъ и созвать произведенія капиталыня. И однакоже, несмотря ни на что, онъ, точно также какъ его двойникъ Овербекъ, оставилъ послѣ себя что-то такое, что заставляеть иногда извѣщать громадные и

многочисленные недостатки мысли и художества: картины и того, и другого носят печать искренняго убѣжденія и несокрушимой привязанности къ предметамъ ихъ обожанія. Оба эти художника бѣдны духомъ, ограничены, и все-таки ярко и выпукло высказываютъ, посредствомъ художества, свою слабую, безпомощную, но до извѣстной степени все-таки симпатичную душу...

„Овербекъ и Ивановъ дѣлились на двѣ половины, на двухъ разныхъ человѣковъ, одинъ на другого непохожихъ; они фальшили кистью и выраженіемъ, они рѣзали глаза, откуда позвали съ подобострастіемъ по слѣдамъ Рафаэля, или разнижались въ сладостныхъ чувствахъ и розовыхъ слезахъ,—они были тутъ ничтожны и скучны. Но едва обращались они къ исторіи и національности, тотчасъ же становились значительны и интересны, и тогдѣ же пробивались на свѣтъ лучшія стороны ихъ таланта. Много превосходнаго, правдиваго, въ смыслѣ національномъ и этнографическомъ, даетъ картина Иванова. Она очень неудовлетворительна съ той стороны, которую Ивановъ считалъ всего важнѣе,—со стороны высказыванія характеровъ и живописанія движеній душевныхъ, и очень сильна съ той стороны, которой онъ придавалъ, конечно, лишь второстепенное значеніе,—со стороны исторической и еврейской. Въ минуту перваго явленія Христа, сколько разнообразныхъ чувствъ должно было бы, кажется, наполнять толпу, собравшуюся около Іоанна Крестителя!... Сколько разнообразныхъ тоновъ, сколько гаммъ душевныхъ должно было пробиться тутъ наружу и громко зазвучать. Но ни съ чѣмъ изъ всего этого не слагилъ Ивановъ, ничего подобнаго не возникало даже—въ его тощій, ограниченной фантазіи... У него одинъ общій хоръ, совершенно однородная толпа добрыхъ и недалекихъ людей, добродушно и доверчиво поворачивающихся туда, куда ведетъ уважаемый учитель. Покорное повиновеніе чужой рекомендаціи—вотъ въ чѣмъ состоитъ вся картина. Навѣрное, Ивановъ рассчитывалъ на что-нибудь другое, болѣе высокое и важное: звалъ онъ, что только то и будетъ во всей картинѣ, что мы теперь въ ней находимъ, врядъ ли, кажется, подиалъ бы онъ и кисти къ своему холсту. Одинъ Іоаннъ Креститель, вдохновенный, полный огня и убѣжденія,—одинъ онъ выдѣляется изъ среды остальной толпы, столько плохой и сла-

бой по психологіи. Но какъ я ни люблю фигуру Іоанна, сколько достоинствъ ни нахожу въ ней, а все-таки скажу, что легче схватывать и передавать эффектные, нѣсколько театральные, сильно сосредоточенные и крупные моменты, представляющіе человѣка, вышедшаго изъ всѣхъ павовъ,—чѣмъ тѣ, болѣе сложные, неопредѣленные, измѣнчивыя состоянія души, гдѣ тысячами подробностей и переливовъ выражаются характеръ и натура даннаго человѣка, съ ихъ колебаніями и нерѣшительностью, съ ихъ смѣнами силы и слабости, съ ихъ ежедневнымъ и ничуть негероическимъ ходомъ. Тутъ гораздо менѣе колоритности и эффекта, за то болѣе глубины и правды: въ этихъ, ничуть не идеальныхъ и невысокихъ представленіяхъ всего болѣе нуждается наше время. Но Ивановъ, точно также, какъ и Овербекъ, ничуть не принадлежалъ нашему времени,—они архаическіе обломки прежнихъ, уже сошедшихъ со сцены эпохъ, и потому-то нечего и адресоваться къ Иванову съ нынѣшними запросами и требованіями. Но за то, какую капитальную роль играетъ у него еврейское племя, еврейскій типъ, еврейская личность. Ни одна картина до него не содержала такой массы глубоко-реальныхъ, совершенно живыхъ евреевъ, скопированныхъ съ натуры. Такія картины, какъ „Мѣднѣй вѣи“ проф. Вруни,—живой натуры не содержатъ: вѣдь все тутъ передѣлано, перелажено на оперный и академическій ладъ и, не то что національности, но простой и естественной правды остается въ нихъ едва-едва седьмая вода на киселѣ. Куда ни посмотри, всюду одинъ условный, искусственный формы и выраженія. Съ этими картонными фигурами, лишенными жизни, невозможно и сравнивать дѣйствующія лица Ивановской картины: тутъ у васъ передъ глазами истинные, живые евреи, изученные съ натуры... Оттого она явилась словно великолѣпная хрестоматія, чудесный сборникъ лучшихъ пизащестъ и совершенствъ еврейской человѣческой природы. Точно у него только одна и была цѣль: прославить еврейское племя во всѣхъ безподобнѣйшихъ видахъ его, вовсе забытое другими. Какая неожиданная, какая удивительная роль для русскаго благочестиваго художника, нахристіаннѣйшаго между всѣми своими товарищами прошедшаго и настоящаго времени. Кто бы это могъ вообразить? И, однакоже, это почувствуетъ всякій, взглянувъ на картину Иванова... Все здѣсь переноситъ въ еврейскій міръ красоты, и беретъ такой ак-

коржъ, какого до Иванова никто еще не бралъ.

„Ивановъ долго и строго вдумывался въ подробности своей картины (замѣчалъ В. Стасовъ въ X т., стр. 57), положилъ безконечныя старанія на то, чтобы придать ей отъ начала и до конца всевозможное еврейство, и, однако же,—что такое фонъ, пейзажъ его картины? Ни что иное, какъ отрывки Итальянской природы, окружающей Римъ,—и только отрывки. Послѣ Иванова осталась дѣлая куча пейзажныхъ этюдовъ, очень любопытныхъ и даже, въ большинствѣ случаевъ, очень художественныхъ, но все-таки они ровно ничего не вносятъ на вѣсахъ того человѣка, который требуетъ для Евангельской картины—Евангельской обстановки. Однакоже, пусть мы даже вообразимъ себѣ на одну минуту, что эти тощія и жадкія струйки передняго плана дѣйствительно изображаютъ воды Иордана, или эти олинвы и плоскій песчаный холмикъ воскрешаютъ передъ нашими глазами дѣйствительныя деревья и горы Палестинскія,—какъ далеко все-таки отъ этихъ бѣдныхъ отрывковъ до равнообразія, красоты или угрюмости природы еврейской страны во времена Христовы“...

Еще черезъ три года, тотъ же критикъ говорилъ въ своихъ „Письмахъ изъ чужихъ краевъ“ въ „Нов. Врем.“ 1878 (№ 873) относительно Иванова и его композицій изъ Ветхаго и Новаго Завѣта:

„Но если рѣчь пойдетъ о томъ, чтобы выдѣлить изъ толпы остальныхъ нашихъ талантовъ такого человѣка, который болѣе другихъ наклоненъ былъ къ монументальному и великому, чей духъ искалъ съ особенною любовью грандіозныхъ сценъ и типовъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и чья рука способна была болѣе и лучше другихъ выполнять эти важныя задачи, несмотря на то, что онъ мало приходится по способностямъ и вкусамъ нынѣшнихъ поколѣній, то такой человѣкъ у насъ былъ — Александръ Ивановъ. Нѣтъ у насъ ни одного настоящаго и дѣльнаго художника, который бы не понималъ его важнаго значенія для насъ, несмотря на его, во многомъ неподходящія для насъ и нашего времени, стремленія, его робкій умъ, не смѣвшій и неумѣвшій летѣть орломъ, несмотря на многое, что намъ способно нынче казаться во всей его натурѣ бѣднымъ или ограниченнымъ. Всѣ наши художники, а вмѣстѣ съ ними и всѣ любящіе и цѣнящіе истинное искусство, знаютъ очень хорошо всѣ нехватки

Иванова, въ самомъ существѣ его таланта,—точно также, какъ видятъ съ перваго же раза многие техническіе его недостатки: слишкомъ малую способность къ колориту, пристрастіе къ сочиненію какъ бы барельефному, т.-е. (что) большинствомъ дѣйствующихъ лицъ картины почти постоянно все на одномъ и томъ же планѣ, и т. д., и т. д. Но все это не мѣшаетъ тому, что все-таки Ивановъ былъ талантъ истинный и глубокий и что его картина, единственная почти его картина „Явленіе Христа народу“, есть явленіе, выходящее изъ ряда вонъ между всѣми подобными же созданіями подобнаго рода цѣлой Европы. Устаивая, быть можетъ, во многомъ разныя товарищамъ по искусству, онъ превосходилъ ихъ всѣхъ пламеннымъ одушевленіемъ къ наполнявшему его сюжету и силою искренности, водившею его рукою.

„За все это Ивановъ стоилъ бы у насъ въ будущемъ „народномъ музеѣ“ еще гораздо болѣе почетнаго мѣста и возвышеннаго мѣста, чѣмъ какое отведено въ нѣмецкомъ „національномъ музеѣ“ Корнелиусу... Если надо кому-нибудь положить золотой вѣнецъ на голову за глубоко-искреннее и полное красоты типовъ, выраженія и чувствъ предствленіе сценъ Евангелія, такъ это — кроткому, скромному, вѣчно не вѣрившему въ самого себя и мучившему сомнѣніемъ истиннаго таланта Иванову.

„Но представьте же себѣ, что этотъ золотой вѣнецъ принадлежитъ Иванову за что-то еще въ болѣе степени, чѣмъ за его картину.

...„Въ антрактахъ между писаніемъ своей картины Ивановъ рисовалъ, то карандашомъ, то красками, наброски разныхъ сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и послѣ его смерти такихъ рисунковъ, большихъ и малыхъ, нашлось свыше 300. Я ихъ видѣлъ 20 лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ смерти Иванова, видѣлъ теперь, въ Берлинѣ, нѣкоторые изъ нихъ снова, и все, что я могу сказать, это—что тутъ оставлена Россіи въ наслѣдство огромная коллекція chef-d'oeuvres'овъ. Когда я просматривалъ все собраніе въ первый разъ, осенью 1858 г., я такъ былъ пораженъ этими оригинальными, чудесными созданіями, далеко превосходившими, на мой глазъ, большую картину по свободѣ и самостоятельности творчества, что я долго не могъ придти въ себя отъ волненія... Умирая, Сергій Ивановъ оставилъ завѣщаніе, которымъ отдалъ Московскому Румянцевскому музею всѣ оставшіяся у него на рукахъ произведенія своего брата, во съ тѣмъ, что напередъ всѣ

рисунки и эскизы его должны быть изданы въ Римѣ или Берлинѣ, подъ надзоромъ Прусскаго Археологическаго Общества, котораго долго былъ членомъ, съ которымъ былъ много лѣтъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Денегъ своихъ и братинныхъ онъ на это оставилъ довольно; люди, кому онъ довѣрилъ предпріятіе, — надежные, умѣлые и знающіе, — значитъ, желаніе его будетъ непремѣнно исполнено, и, что всего важнѣе, хорошо исполнено...

„Мнѣ удалось видѣть въ Берлинѣ оригиналы всѣхъ рисунковъ, имѣющихъ войти въ первый выпускъ, и во мнѣ, при первомъ же взглядѣ, громко заговорило то же самое чувство, которое я слышалъ въ себѣ 20 лѣтъ назадъ... Тутъ у меня передъ глазами явилось что-то совершенно необыкновенное, совершенно своеобразное, ничуть не похожее на все, что дѣлали другіе европейскіе художники, иллюстрируя Библию. Этого Иванова былъ робокъ и недовѣрчивъ, когда разговаривалъ съ другими, когда рассказывалъ имъ свои мысли и намѣренія, — да, онъ въ сношеніяхъ съ другими былъ робокъ и тихъ, какъ ребенокъ, но въ тиши своей римской комнатки или студіи, наединѣ самъ съ собою, онъ былъ смѣлъ почти до дерзости и предпринималъ, безъ всякихъ примѣровъ и образцовъ, то, что едва-едва теперь начинаютъ пробовать самые смѣлѣе нѣмецкіе и французскіе иллюстраторы Библии и Евангелія.

...„Многихъ изъ числа этихъ спенъ никто, даже и нынче, не третируетъ такъ своеобразно, а вмѣстѣ такъ просто, такъ этнографически вѣрно, какъ Ивановъ. Сколько ему нужно было усилій, ученія, разысканій, занятій библиотечныхъ и чтенія, чтобы добраться до той еврейской правды и вѣрности, которая ему, русскому, казалась необходимою и о которой никто кругомъ него еще тогда и не думалъ!

„Да, подвигъ его великъ, необыкновененъ и талантливъ. И теперь, хотя бы даже черезъ 20 лѣтъ послѣ его смерти, соотечественникамъ его предстоитъ возможность оцѣнить и признать, уже окончательно и навсегда, все его значеніе и крупность на страницахъ исторіи. А когда дѣло дойдетъ до „народнаго музея“, то пусть должное мѣсто будетъ уже заранѣе и безъ запинки, безъ сомнѣнія и безъ спора, отведено тому, кто при жизни не способился вкусить даже и тѣни сочувствія и благодарности своихъ современниковъ и соотечичей“.

Затѣмъ, черезъ два года, въ своихъ „Воспо-

минаніяхъ объ Ивановѣ“, напечатанныхъ въ изд. М. П. Вяткина 1880 г. (с. 418, 421 и 424), *В. Стасовъ* высказывалъ о картинѣ нашего художника слѣдующее:

„Мнѣ эта картина, несмотря на ея шероховатый и жесткій колоритъ, казалась великимъ произведеніемъ искусства, и меня только самымъ невыразимымъ образомъ обсили недѣльные отзывы публики, которыхъ тогда довольно таки ходило по городу, всѣ эти разносимые съ такимъ аппетитомъ по всѣмъ домамъ смѣшки и подтруниванія людей апатичныхъ или глупыхъ. „Да это не апостолы и вѣрующіе, а просто семейство Ротшильдовъ!“ — самодовольно повторялъ, гдѣ только могъ, извѣстный тогда поэтъ Тютчевъ. „Что за краски! что за гобеленовскіе коверы!“ — твердилъ всѣмъ въ уши одинъ извѣстный петербургскій болтувъ, летавшій со своимъ неотомимымъ жужжаньемъ изъ дому въ домъ, всего чаще къ графу Кушелеву-Безобразову, гдѣ тогда гостила и ораторствовала колоссальная европейская знаменитость, самъ великій Alexandre Dumas! Мнѣ было ужасно досадно на всю эту чепуху, на всю эту публику, еще новѣй разъ отвернувшуюся отъ всего самаго важнаго въ отечественномъ искусствѣ и у своихъ художниковъ... Я былъ полонъ негодованія на этого, все одинъ и тотъ же, поминутно повторяющійся, ничѣмъ неисправимый фактъ. Увидавъ теперь, наконецъ, самого Иванова, я не могъ удержаться, чтобы тотчасъ же не высказать ему и свои восторги отъ его картины, гдѣ для меня существовало столько совершенства, и мою злѣбу на печальную негѣдность большинства публики. И тутъ, я живо это помню, Ивановъ меня поразили своимъ широкимъ, великодушнымъ взглядомъ. Я не могу теперь, черезъ 20 слѣшкомъ лѣтъ, привести подлинныя его слова, но смыслъ ихъ былъ тотъ, что отчего же винить сейчасъ публику, а не лучше ли взглянуться хорошенько въ ея слова и мысль, — можетъ быть, она и права, нападая на его картину; что онъ и самъ теперь видитъ, что иное въ ней не такъ, и, будь онъ моложе, принимаясь онъ за эту самую картину теперь, онъ многое сдѣлалъ бы совершенно иначе. Но я ему отвѣчалъ съ величайшимъ одушевленіемъ, что я не знаю, что такое онъ могъ бы сдѣлать иначе и лучше, но то, что есть въ его картинѣ дѣйствительно хорошаго, — такъ хорошо, такъ высоко, что уже ни съ чѣмъ на свѣтѣ сравнено быть не можетъ, и ничего подобнаго ни гдѣ и ни у какого живописца я не видалъ. Я всего болѣе рассказы-

валъ ему, со всѣмъ жаромъ, къ какому только былъ тогда способенъ, про то неописуемое впечатлѣніе, которое производилъ на меня его Іоаннъ Креститель...

„Это могучее вдохновеніе, этотъ восторгъ проповѣдника, поднятаго и усеснаго вихремъ энтузіазма, этотъ огонь въ глазахъ, — гдѣ еще, кромѣ вашей чудесной картины, увидишь что нибудь подобное? Да гдѣ и искать! (спрашивалъ критикъ И—ва). Вѣдь прежніе живописцы всего меньше думали о томъ, что всего важнѣе. Доброе моральное чувство, благочестіе, всяческія кротости и самоумиженія, граціи, — развѣ кто-нибудь изъ нихъ далше этого ходилъ? — Ивановъ не совсѣмъ то со мной соглашался, и ему понемножку придаивалъ И. И. Горностаевъ, мой тогдашній пріятель, тоже служившій въ Публичной Библіотекѣ, и именно при художественномъ отдѣленіи; Ивановъ указывалъ мнѣ на старыхъ флорентинцевъ XIV-го и XV-го вѣка, которыхъ я и самъ до страсти любилъ, потому что бѣлыхъ три года бѣвъ перерыва видѣлъ ихъ у себя, во Флоренціи, передъ глазами и изучилъ довольно основательно, но все-таки я не могъ сравнивать ихъ дѣтскаго, робкаго чувства, ихъ все еще, несмотря на весь талантъ, безпомощной неумѣлости, — съ тѣмъ великолѣпнымъ чувствомъ, вдохновеніемъ и глубокаго душевнаго выраженія, какое я находилъ у него въ картинѣ.

„Въ августѣ, М. П. Боткинъ, послѣ тысячи моихъ просьбъ, пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, меня и И. И. Горностаева, посмотреть альбомы, привезенные Ивановымъ съ собою изъ Рима, и заключавшіе въсего около сотъ его рисунковъ на сюжеты изъ Библіи и Евангелія. Мы такъ и ахнули съ Горностаевымъ. Какой геній, какое могучее творчество появлялись тутъ, въ этихъ рисункахъ, передъ нашими глазами!“

О тѣхъ же Библейскихъ композиціяхъ Иванова, какъ и о его картинахъ, а равно о письмахъ и, наконецъ, о немъ самомъ, тотъ же критикъ писалъ въ своемъ обширномъ, обнимающемъ почти 5 печатныхъ листовъ, этюдѣ о нашемъ художникѣ въ „Вѣст. Европы“ того же 1880 г. (№ 1, стр. 112—113, 138, 140, 146 и 150, 163, 171 — 186), а именно во вступленіи и въ главахъ—II-й, III-й и VI-й:

„Мнѣ казалось, что эти рисунки — произведенія таланта гениальнаго и ума глубоко и широко образованнаго; мнѣ казалось, что въ этихъ рисункахъ заключается такая новизна и своеобразие, съ которыми не мо-

гутъ равняться никакія созданія всѣхъ остальныхъ художниковъ нашего времени, на сюжеты Ветхаго и Новаго Завета. Я глубоко былъ убѣжденъ, что въ этихъ рисункахъ (часто даже едва набросанныхъ, не всегда отдѣланныхъ) заключается самое неоспоримое его право, уже и въ настоящее время, на одно изъ самыхъ высокихъ и почетныхъ мѣстъ на страницахъ исторіи искусства.

...Но, послѣ кончины Сергія Иванова, дѣло не ограничилось однимъ изданіемъ рисунковъ его брата: М. П. Боткинъ рѣшился издать и всѣ письма его. Для Иванова — это истинный памятникъ, для насъ всѣхъ — это истинное откровеніе. Несмотря на небрежность въ слогѣ, производящія подчасъ запутанность и неясность, письма его отличаются чрезвычайной своеобразностью и выразительностью, нерѣдко доходящею до истинной силы, образности и мѣткой сжатости. Что же касается до содержанія, то въ этихъ письмахъ высказывается такая свѣтлость и глубина мысли, такая оригинальность взгляда на искусство и его задачи, такая самостоятельность и независимость характера, какихъ не только нигде изъ насъ почти никогда не встрѣчалъ у русскихъ художниковъ стараго и новаго времени, но какихъ лишь самые рѣдкіе и немногіе примѣры можно встрѣтить во всей исторіи европейскаго искусства...

...Къ современнымъ художникамъ, находившимся въ это время въ Римѣ, Ивановъ относился точно также совершенно независимо и самостоятельно. У насъ всѣ убѣждены, что онъ слѣпо подчинился Овербеку и другимъ нѣмецкимъ религіознымъ художникамъ 40-хъ годовъ. Но это совершенно невѣрно. Онъ чувствовалъ ихъ талантливость, ихъ, до нѣвѣстной степени своеобразный, починъ среди всеобщаго европейскаго обмеленія художества, принималъ отъ нихъ, что признавалъ хорошимъ, но никогда работѣю не шелъ по ихъ пятамъ, и самые даже ихъ совѣты или указанія принималъ всегда съ величайшею осмотрительностью: иное бралъ, иное отбрасывалъ...

„Все, до сихъ поръ приведенное, доказываетъ, что Ивановъ не находился ни въ чей зависимости, не былъ рабомъ ни людей, ни мнѣній, и постоянно жилъ и работалъ единственно своимъ умомъ. Фактъ рѣдкій въ нашемъ искусствѣ, — не только въ то время, но даже и въ нынѣшнее. Что было тому причиной? Конечно, раньше всего — его натура, прирожденный складъ души и ума. Но, безъ сомнѣнія, столь же важную роль въ жизни Иванова игра-

ло и то воспитаніе, которое онъ постарался самъ себѣ дать, а также благотворное соприкосновеніе съ образованными и мыслящими людьми, съ которыми онъ искалъ сближенія.

„Что касается воспитанія, то наврядъ ли изъ всѣхъ нашихъ художниковъ, прежнихъ и настоящихъ, который-нибудь такъ много читалъ и изучалъ, по своей части, какъ Ивановъ...”

...У живописца Иванова, даромъ что онъ долженъ былъ доходить до всего самъ, и что все ему (говоря словами его отца) „доставалось съ бою“, у Иванова, кромѣ таланта и ума, была въ молодости еще одна мысль въ головѣ, которой не было въ головѣ ни у одного русскаго художника—это мысль о народности. Казалось бы, эта мысль всего дальше должна бы быть у человѣка, который во всю жизнь только и бралъ сюжеты, что изъ Библии, у художника, который всю жизнь высшими образами своими считалъ Рафаэля и Леонарда-да-Винчи, т.-е. идеалистовъ по преимуществу, никогда и во снѣ не выдавшихъ ничего національнаго, другими словами—дѣйствительно существующаго въ природѣ, въ живой дѣйствительности. Но въ томъ то и дѣло, что Ивановъ всю жизнь, на дѣлѣ, работая кистью на полотнахъ, шелъ гораздо дальше всѣхъ, имъ самымъ проповѣдуемыхъ теорій и системъ. Онъ воображалъ себѣ высшимъ блаженствомъ и въѣдомъ всей своей дѣятельности—приблизиться къ лучшимъ итальяскимъ художникамъ XVI вѣка, а самъ, на дѣлѣ, разламывалъ ихъ рамки и устремлялся къ такимъ далекимъ горизонтамъ формы, мысли и чувства, о какихъ-то, по условіямъ своего времени, неспособны были и мечтать. Повидимому, онъ во многомъ и самъ не сознавалъ всей важности иныхъ своихъ идей. Онъ сидѣлъ у него въ головѣ безотчетно, невольно; онъ ихъ высказываетъ словесно, но не останавливается на нихъ и не развиваетъ ихъ.

...Высокое понятіе о Россіи и ея будущей роли существовало въ мысли у Иванова гораздо раньше его знакомства съ кѣмъ бы то ни было изъ москвичей: это несомнѣнно доказываютъ письма. Сверхъ того, въ мысли Иванова вовсе не было ни того „общенароднаго и индивидуальнаго смиренія“, ни того безпредѣльнаго „возвеличенія“, которыя принадлежатъ къ числу отличительнѣйшихъ чертъ славянофильства 30-хъ и 40-хъ годовъ. Ивановъ былъ гораздо проще и естественнѣе всѣхъ этихъ господъ, у него въ тысячу разъ болѣе было естественнаго здраваго смысла. Онъ никого и ничего не идеализировалъ, онъ старался каждую вещь, каждое дѣло, каждого человѣка (хотя бы и русскаго),

увидать въ настоящемъ его свѣтѣ, и съ его хорошей, и съ его дурной стороны. Внутренняя его критика, даже въ отношеніи къ близкимъ людямъ, или къ дорогому народу, никогда у него не замолкала. Онъ не боится напасть и на Гоголя, и на Мюллера, и на Чижова, когда находитъ въ нихъ что-нибудь „не такъ“, худо сказанное, или худо сдѣланное, неспособность или неумѣнье ихъ къ чему-нибудь. Такъ точно и въ отношеніи къ русскому народу: онъ его цѣнитъ высоко, а все очень хорошо знаетъ и видитъ его недостатки...

„Ивановъ въ послѣднее свое время такъ высоко вдругъ поднялся, такъ шагнулъ впередъ, что его уже не пугало то, что въ прежнее время заставляло бы его робѣть и теряться: новыя требованія и запросы публики, сильная критика, направленная противъ иныхъ частей его картины. Онъ не только теперь не робѣлъ и не терялся, но находилъ голосъ публики—справедливымъ и законнымъ.

„На мои глаза, Ивановъ—одна изъ величайшихъ художественныхъ личностей, когда-либо появлявшихся на свѣтѣ, и вмѣстѣ—одна изъ самыхъ крупныхъ и необычайныхъ личностей русскія. Если даже оставить на минуту въ сторонѣ мысль о томъ, что Ивановъ былъ живописецъ, все-таки онъ представляется человѣкомъ, совершенно выходящимъ изъ ряду вонъ. Сила мысли, сила характера, золотая душа, заботливое попеченіе не только о близкихъ, но и о самыхъ далекихъ людяхъ, кому онъ могъ быть полезенъ, строгость жизни, необыкновенная серьезность настроенія, поэтичность и глубина всяческаго постиженія, презрѣніе къ внѣшнимъ выгодамъ самолюбія и наживы, отсутствіе эгоизма, безконечная неподкупная справедливость ко всѣмъ, въ томъ числѣ къ людямъ совершенно противоположнаго себѣ направленія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непримиримая ненависть къ тому, что низко и мелко, непримиримая и самая мужественная вражда съ бездарностью, пропой и жлобностью, поразительная правдивость, искренность и важность; наконецъ, безпредѣльная любовь къ родинѣ и посвященіе всего себя будущему ея возвышенію и просвѣтленію—какое соединеніе, въ одномъ человѣкѣ, самыхъ рѣдкихъ, самыхъ дорогихъ и необыкновенныхъ качествъ!

„Но прибавьте къ этому ту черту, которая чудесною нитью проходитъ сквозь всю жизнь Иванова,—жажду самоусовершенствованія и изшедшее изъ нея развитіе, никогда не оста-

навалившееся, даже и въ тѣ годы, когда большинство людей говорить себѣ: „довольно!“ и ложится на лѣтний, недостойный покой, — и передъ вами возникнетъ личность, которая принадлежитъ къ числу самыхъ утѣшительныхъ и высокихъ явленій не только одного нашего, но и всѣхъ другихъ столѣтій.

„Если, затѣмъ, мы обратимся къ Иванову какъ художнику, то мы открываемъ, что здѣсь Ивановъ состоитъ изъ двухъ крупныхъ половинъ: Ивановъ до 1848 г. и Ивановъ послѣ 1848 г.

„До своего переворота, Ивановъ былъ наполненъ множествомъ ложныхъ понятій и предразсудковъ. Какъ ни свѣтла была, по натурѣ, голова его, а все-таки рожденіе въ старинномъ патриархальномъ семействѣ, воспитаніе въ стѣнахъ заведенія, способнаго развивать только механическую технику и ничего не подорвавающаго объ интеллектуальномъ, внутреннемъ человѣкѣ, наконецъ, долгое пребываніе въ Италіи среди маленькаго кружка людей, изъ которыхъ одни были талантливы, другіе умны и образованы, по-своему даже люди мысли, но которые, всѣ вмѣстѣ впитавъ, ничуть не принадлежали къ европейской современности и прямо должны были признаны людьми безусловнаго консерватизма,—все это не могло не вліять задерживающимъ, и даже нѣсколько пагубнымъ, образомъ на Иванова. Выборъ сюжетовъ, преданность лишь одному и тому же извѣстному кругу идей, какъ въ религиозномъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ направленіяхъ, должны были неминуемо быть результатомъ такихъ неблагоприятныхъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по-стоянное съ раннихъ лѣтъ какъ-бы идолопоклонническое благоговѣніе передъ „недосягаемою“ двухъ эпохъ искусства, греческой стараго міра и итальянской XVI-го вѣка, тоже наложило на него печать свою, не только сильную, но даже неувладимую, и на всю жизнь... Не болѣе какъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своей, Ивановъ писалъ въ одномъ письмѣ, въ высшей степени искреннемъ какъ всегда, что въ своей главной картинѣ „желалъ показать, до какой степени русскій понимаетъ итальянскую школу, — домогался въ ней, преимущественно, подойти, сколько можно ближе, къ лучшимъ образцамъ этой школы, подчинить имъ русскую переимчивость и составить свое“. Какая еще неважная и недостаточная дѣла для такого ума и таланта, какъ Ивановъ! Стоило на такую „преимущественно“ задачу употребить

столько лучшихъ лѣтъ своей жизни, хотя бы даже съ одной технической стороны!

„Однако же, такъ именно и случилось. Чтѣ дѣлать? Остается только глубоко сожалѣть объ этомъ. И, однако же, объ картины Иванова, объ единственныя его картины, полны громаднхъ совершенствъ.

„Явленіе Христа Магдалинѣ, картина еще наполовину академическая, полна избытковъ, почти рутинныхъ мотивовъ. Христосъ этой картины очень ординаренъ и неудаченъ — и лицомъ, и тѣломъ, и драпировками своими! Въ Магдалинѣ одно только превосходно: это глубокое чувство, выраженное въ заплаканныхъ и вдругъ обрадовавшихся глазахъ. Все остальное — посредственно.

„Вторая (и послѣдняя) картина Иванова: „Явленіе Христа народу“ — уже совершенно другое дѣло. Здѣсь Ивановъ поднялся на громадную вышину, и создалъ такое созданіе, которому подобнаго не только никогда не представляло до тѣхъ поръ русское искусство, но которое, во многомъ, достигло высшихъ предѣловъ, какихъ достигало итальянское искусство XVI вѣка, т.-е. высшее искусство старинной Европы.

„Ивановъ никогда не достигъ великолѣпнаго колорита старыхъ венеціанцевъ, Тициана и другихъ, на что такъ надѣялся и о чемъ такъ постоянно хлопоталъ: кто не родился колористомъ, тотъ имъ, конечно, не сдѣлается, несмотря ни на какія старанія и усилія. Въ этомъ, впрочемъ, Ивановъ раздѣляетъ общую участь новыхъ народовъ... Значитъ, корить одного Иванова, преимущественно передъ всѣми другими, еще нельзя. Притомъ же, самъ Ивановъ, даже въ 1858 г., считалъ свою картину „далеко неоконченною“, и привезъ ее въ Россію, принуждаемый къ тому недостаткомъ средствъ и сильно пострадавшимъ зрѣніемъ.

„Но, кромѣ колорита, все остальное въ его картинѣ представляетъ рядъ совершенствъ, высоко возносящихся и его самого, и его созданіе, въ ряду художниковъ и художественныхъ твореній, признаваемыхъ повсюду наисовершеннѣйшими и наивысочайшими.

„Нельзя не видѣть разныхъ недостатковъ картины Иванова — они бросаются въ глаза. Такъ, напр., крестъ въ рукахъ Іоанна Крестителя, присовѣтованный классикомъ Торвальдсеномъ, „мантія“ на немъ же, присовѣтованная піетистомъ-классикомъ Овербекомъ, — портятъ

общее впечатлѣніе. Затѣмъ, мудро такъ же похвалитъ общее расположеніе фигуръ, которое имѣетъ видъ какъ-будто бы скульптурный, почти барельефный; эту массу народа, искусственно притланную и сгруппированную на укомъ (въ планъ) и продолговатомъ пространствѣ; даѣе — искусственно, хотя и чудесно и изящно, расположенныя складки драпировокъ (вапр., на Христѣ, апостолахъ Іоаннѣ и Андрѣ, и на евреѣ съ косами на головахъ, въ правомъ углу картины). Но развѣ эти самые недостатки не присутствуютъ у наивысшихъ, наиталантливейшихъ итальянскихъ живописцевъ XVI вѣка, да же у Рафаэлей, Леонардовъ-да-Винчи и проч.

Но Ивановъ намъ дорогъ не за идеальную и придуманную сторону своего таланта. Онъ намъ дорогъ, какъ глубокой и правдивый наблюдатель существующаго, какъ необыкновенно-талантливый выразитель въ природѣ, и людей, и типовъ, и характеровъ, и выраженія душевнаго, и движеній сердца. Здѣсь онъ ставится вдругъ такъ высоко, какъ немногіе изъ всѣхъ его предшественниковъ.

„Письма Иванова... а еще болѣе — безчисленные этюды съ натуры, всѣ въ дѣлности сохранившіеся, доказываютъ, какъ много изучалъ Ивановъ живую натуру для своей картины, какъ онъ, чтобы найти живую красоту нагого тѣла, усердно посѣщалъ купальни въ Римѣ и Перуджѣ, ѣздилъ къ берегамъ рѣкъ, къ морю („видѣть купающихся различнаго званія людей“); какъ онъ, проникнутый идеею національности, посѣщалъ синагоги и дѣлалъ дѣлы путешествія, чтобы увидеть и схватить истинныя еврейскіе типы...

...„Ивановъ много разъ порывался на Востоку, въ Палестину, — и, случись это, конечно, онъ далъ бы въ своей картинѣ подлинный Іорданскій пейзажъ; но ему не удалось выполнить свою задуманную мысль, поэтому, естественно, онъ вынужденъ былъ остановиться на описаніяхъ, на рисункахъ путешественниковъ, на Субіано, который пришелся какъ нельзя болѣе по мысли, какую онъ себѣ составилъ о берегахъ Іордана. Другія мѣстности Италіи помогли ему дополнить и довести ее до возможной близости къ оригиналу, глубоко постигнутому.

„Истиннаго типа Христа, вѣрнаго исторически, Ивановъ съ изумительною вѣстичностью искалъ во всѣхъ старѣйшихъ изображеніяхъ, живописныхъ и мозаичныхъ, а когда, наконецъ, остановился на нѣкоторыхъ визан-

тійскихъ изображеніяхъ, и всего болѣе на одной мозаикѣ Палермскаго собора, то потомъ долго искалъ его же въ живой натурѣ, наконецъ нашелъ живой итальянскій субъектъ (по странной игрѣ природы — женщину), чьи черты лица до нѣкоторой степени напоминали, издалева, черты Палермской мозаики. Такъ было и съ другими главными личностями картины, апостолами: Іоанномъ-Богословомъ, Андреемъ и друг.

„Такимъ образомъ, во всемъ своемъ созданіи Ивановъ поступалъ какъ глубокой и истинный реалистъ. Онъ не хотѣлъ ничего выдумывать, ни въ чемъ фантазировать, какъ это обыкновенно дѣлается: онъ прежде всего и болѣе всего искалъ твердой, прочной опоры исторіи, жизни, дѣйствительности...

...„Дурное все остается въ пробныхъ этюдахъ, — пишетъ Ивановъ Гоголю въ 1844 г. — одно лучшее вносится въ настоящую картину“. Все остальное — выраженіе, глубокой внутренней смыслъ, глубокое содержаніе — были ему подсказаны великою и широкою его душою, и такимъ-то образомъ вышло, что уже и рядъ бесчисленныхъ, многолѣтнихъ этюдовъ Иванова составлялъ бы великую, необычайную картинную галерею, полную первоклассныхъ красотъ. Но картина, совокупившая, какъ въ сжатомъ фокусѣ, все лучшее изъ лучшаго, собранное словно драгоценныя жемчужины многими годами, — представляетъ такое соединеніе необычайныхъ достоинствъ, которое не превзойдено никакимъ на свѣтѣ живописцемъ одного съ Ивановымъ рода и направленія.

„Смѣло можно сказать, что во всей европейской живописи не существуетъ другого подобнаго Христа, какъ Христосъ Иванова, — какъ по своей величавости, простотѣ и глубокой душевности, такъ и по всѣмъ, собственно художественнымъ, совершенствамъ исторически-типичнаго и въ высшей степени оригинальнаго изображенія.

„Точно также, во всемъ европейскомъ искусствѣ нѣтъ другого Іоанна Крестителя, равнаго Іоанну Крестителю Иванова: дикая красота этого пророка пустыни, вдохновеніе, горячее въ его глазахъ и приподнимающее вихремъ косматую гриву на головахъ, могучій жестъ указующей руки, могучая поступь и поза — все это своеобразно, ново и поразительно красотой и выраженіемъ — болѣе, чѣмъ всѣ до сихъ поръ существовавшія на

свѣтъ изображенія Іоанна, грознаго проповѣдника покаянія.

„Стремительный, полный женственной красоты и юношескаго жара, Іоаннъ-Богословъ, исполненный кроткой благодати старецъ Андрей, фарисей, косищся въ бесыялый злѣбъ и медушѣ лютые взгляды, увѣровавшіе старики и молодые, зрѣлые мужи и мальчишки-красавцы, упорные въ старой вѣрѣ упрямцы, которыхъ, явно, ничто на свѣтѣ не сдвинетъ съ ихъ неподвижной точки, богатые сибариты съ изнѣженными тѣлами и ихъ клейменные рабы, вдали пѣсколко любителейнхъ и робкавъ женщинъ въ восточныхъ чадрахъ, наконецъ, цѣлая толпа равнодушныхъ и безучастныхъ, радость и пробуждающаяся надежда на счастье и новую жизнь, равнодушіе, любопытство, злая души—вотъ какіе богатые, безконечно разнообразныя элементы парисовалъ Івановъ въ своей картинѣ. Какъ онъ здѣсь выросъ, въ сравненіи съ прежнимъ Івановымъ, — тѣмъ, что принимался за эту картину въ 1836 г. и набрасывалъ что-то довольно, пожалуй, и пизацкое въ общемъ, особенно въ колоритномъ ландшафтѣ и даляхъ, но Івановымъ, который все еще оставался наполовину академическимъ Пуссеномъ съ условными позами и жестами, невозможно даже багательными мотивами фигуръ, положеній, лицъ и костюмовъ (см. первоначальный эскизъ картины, описанный Івановымъ въ отрывкѣ изъ записной книжки 1836 г.).

„Надо бытъ человѣкомъ совершенно подавленнымъ предрассудками, чтобы не схватить простымъ и свѣтлымъ глазомъ всей красоты, правды и значительности того, что наполняетъ картину Іванова. Казалось бы, такъ легко понять, что если ты любишь старыхъ итальянскихъ мастеровъ, Рафаэлей и Леонардовъ-да-Винчи, то ты не можешь, оставаясь послѣдователемъ, не любить всей душой, не цѣнить всѣмъ разуміемъ Іванова. Въ своей картинѣ онъ принадлежитъ къ одной съ ними категоріи: въ иномъ онъ съ ними равенъ, въ иномъ ниже, но въ иномъ и гораздо выше,—п это послѣднее сдѣлали три столѣтія, протекшія не даромъ со времени тѣхъ, авачительныхъ по своему времени, художниковъ, сдѣлали—выпѣшная мысль, знаніе, наука. Такъ вѣтъ же: люди, считающіе за особенную честь и вдобродость доказывать у насъ, что они никакъ не ниже Европы и никимъ образомъ не отстаютъ отъ нея, показали, что это ихъ долгъ—указывать на достоинство Іванова, но

благоразумно осаживать тотчасъ же всякій излишній порывъ, точно опредѣлить всю разницу, что существуетъ между нашимъ выпѣшнымъ живописцемъ и старыми итальянцами. Такихъ людей, говорившихъ и писавшихъ въ этомъ родѣ, у насъ было до сихъ поръ не мало...

...„Забудете на секунду предрассудки, очерпнутые изъ учебниковъ, изъ рабски боготворимыхъ авторитетовъ,—и живое чувство покажетъ вамъ тотчасъ, что такое эта чудная, вликопѣнная страница исторіи, перенесенная Івановымъ на полотно съ такою геніальною могучестью. Івановъ — Рафаэль и Леонардо-да-Винчи нашего времени. И недостатки, и совершенства у всѣхъ трехъ—общіе, или, по крайней мѣрѣ, одной и той же категоріи: извѣстная классичность и условность, неполное откровеніе себя потоку жизни, стремленію живой натуры, добровольное ограниченіе себя однимъ народомъ, однимъ направлениемъ, одною стороною духа. Что для нашего времени кажется недостаточнымъ, неудовлетворительнымъ въ твореніяхъ этихъ крупныхъ художниковъ — все это происходитъ отъ этихъ недостатковъ ихъ точки отравленія.

...„Что касается до Іванова, то онъ всю жизнь оставался при навѣянномъ на него пизнѣ классицизмѣ, столь чуждомъ кореннымъ основамъ его духа. Нравственный и художественный маскарадъ его продолжался лишь до 1847—48 года. Тутъ произошелъ для Іванова громадный переломъ въ жизни и творчествѣ, и отъ сихъ поръ начинается для него новая эра...

„Ближайшими причинами, условившими новое занятіе, были матеріальный недостатокъ, ограниченность денежныхъ средствъ, болѣе сильныя и безнадѣжныя, чѣмъ во всѣхъ прежнія времена. Но въ рѣшимости Іванова стать на новый путь была еще другая причина, въ тысячу разъ болѣе глубокая и сильная. Это—великій нравственный и интеллектуальный переворотъ, конечно, раѣе всего обусловленный глубочайшими потребностями его собственной натуры, но развитый и возращенный современнымъ движеніемъ тогдашней Европы, и серьезными, многосторонними „новыми“ чтеніями Іванова, начавшимися вдругъ въ этотъ періодъ его жизни...

„Горизонтъ Іванова расширился и углубился. Онъ уже не довольствовался тѣмъ, чтобы представлять сцены изъ Библии съ возможнымъ реализмомъ, историчностью и національностью, и, въ то же время, со всею сердечностью и вдохновеніемъ, какія давалъ ему искренній та-

лантъ его... Нѣтъ, Ивановъ уже не хотѣлъ и не могъ довольствоваться однимъ только этимъ. Его мысль и талантъ устремлялись къ еще новымъ горизонтамъ, и, въ формѣ иллюстрированія жизни Христа, онъ задумывалъ предпріятіе громадное, объемлющее цѣлыя широкія пространства исторіи...

„Значитъ, 1848-й годъ вывелъ Иванова изъ заколдованнаго круга все одной и той же, одной единственной картины, къ которой до тѣхъ поръ были прикованы вся мысль, упованія, надежды и усилія Иванова. Теперь прогнаны были разомъ всѣ плотины, задерживавшія его въ теченіе 12-ти лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и все, накопленное въ немъ за это время изученіемъ, уединеннымъ размышленіемъ, чувствомъ,—разомъ хлынуло громаднымъ, неудержимымъ потокомъ. Въ эти новыя 8 лѣтъ онъ создалъ болѣе, нежели во всю остальную жизнь свою. Нельзя было бы уже упрекать его въ медленности, мѣлкости. Ивановъ съ головы до пятъ весь переродился. Это былъ новыи человекъ, совсѣмъ не тотъ, какой за 18 лѣтъ передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Италію, робкій ученикъ своего отца и Петербургской Академіи, имущій приблизиться къ великимъ образцамъ стараго времени, и достигающій ихъ въ своей картинѣ. Это былъ новый человекъ, новый художникъ, переставшій быть полу-итальянцемъ, какъ всѣ, долго засидѣвшіеся въ Италіи, это былъ художникъ, приносящій свою собственную мысль и свое собственное искусство, отъ всѣхъ независимый и пробующій новыя формы для новой мысли. Въ 8 лѣтъ онъ создаетъ легко, свободно, безъ малѣйшаго признака усилія и натуги, цѣлыя сотни сценъ и изображеній, мгновенно вырывающіяся изъ его пламенѣющей фантазіи. Эти рисунки, принадлежащіе теперь Москвѣ (по завѣщанію его брата), составляютъ главное его право на бессмертіе. Не говоря уже о томъ, что они стоятъ неизмѣримо выше „Явленія Мессіи народу“, не взирая на всѣ великія достоинства этой картины, нельзя не убѣдиться, рассматривая альбомъ Иванова, что подобной глубокой и всеобъемлющей иллюстраціи Библіи и Евангелія до сихъ поръ нигдѣ не бывало. Я живо помню то ошеломляющее дѣйствіе, какое произвели на меня альбомы эти... Я долго не могъ придти въ себя отъ этой новины и свѣжести творческой фантазіи, отъ этой оригинальности формъ и представлений...

„Я не имѣю возможности рассматривать здѣсь многія сотни композицій и рисунковъ,

наполняющихъ альбомы послѣднихъ лѣтъ жизни Иванова: для этого нужна о боже книга, и па-вѣрное она въ свое время будетъ написана. Но уже и теперь, мнѣ кажется, всякій, кто имѣлъ великое счастье рассматривать эту галлерею созданий великаго человека (безъ сомнѣнія, не лишенную и недостатковъ), долженъ уже и теперь сказать себѣ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что рѣдко можно встрѣтить въ исторіи искусствъ такой рядъ созданий, соединяющихъ величіе и глубину духа—съ красотой и граціей, такую силу въ изображеніи вдохновенія Ветховавѣтныхъ пророковъ—съ такою жизненностью и изяществомъ при воплощеніи сценъ изъ домашней жизни евреевъ... Это все, наполненное живыми чувствами и характерами, выраженіемъ разнообразѣйшихъ состояній и движеній душевныхъ, образуетъ такую великую и глубокоправдивую эпопею, какой мы до сихъ поръ не встрѣчали нигдѣ и нигуко въ живописи.

„Но Ивановъ не остановился даже и на этой второй ступени своего развитія. Въ 1857 и 1858 г. онъ замыслилъ еще что-то новое, двигался еще впередъ. Въ Германіи, Лондонѣ и Петербургѣ онъ рассказывалъ близкимъ по душѣ и уму людямъ, что уже не можетъ останавливаться долѣе на одной религіозной живописи. Конечно, онъ не думалъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ эту послѣднюю...

...Нѣтъ, Ивановъ оставалъ за собою, несомнѣнно, и религіозную живопись, и напрасно онъ считалъ, что утратилъ всю прежнюю свою вѣру, и не видитъ болѣе выхода. Напрасно—то доказываютъ его собственныя слова: „Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ“,—прибавлялъ онъ съ жаромъ. Кто касался до стараго считалъ преступнымъ, тотъ, ясно, съ этимъ старымъ не разорвалъ, а ищетъ только для него новую формулу. Ивановъ, весь вѣкъ занятый Библіей, не могъ же вдругъ съ нею совершенно разстаться—разрывъ со всѣмъ прежнимъ въ возрастѣ болѣе чѣмъ 50-лѣтнемъ не проходилъ безнаказанно, они могутъ быть только смертельны. Но Ивановъ не падалъ и не умиралъ, онъ своей вѣры не терялъ: онъ сохранялъ за собою все старое, но шелъ впередъ и забиралъ по дорогѣ громадныя новыя задачи. Онъ только памѣренъ былъ не приносить долѣе въ жертву религіи всѣ остальные сюжеты и задачи, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ это до тѣхъ поръ.

... „Конечно, мудро и дерзко отгадывать душу художника, когда он и сам не мог дать себя яснаго ответа въ его горячемъ стремленіи; но все-таки, мнѣ кажется, нѣкоторые мѣста изъ писемъ Иванова даютъ намъ возможность до нѣкоторой степени понять, куда направились бы его талантъ, оставшись Ивановъ живъ, и примись онъ, наконецъ, за тѣ „новыя“ картины, о которыхъ онъ рассказывалъ въ 1858 г.

... „Долго ему мѣшала въ этомъ исключительно религіозная живопись, вложенная въ него патриархальнымъ семействомъ, старымъ Петербургомъ Александровскаго времени и Академіей. Но пришла такая минута, что приклеенная чужими руками шелуха лопнула и отвалилась, и Ивановъ потянулся жаднымъ взоромъ и рукой къ тому, что составляло, въ продолженіе всей жизни его, весь интересъ, всю жажду и стремленіе его ума,—великія событія всемірной и отечественной истории. И на этомъ новомъ пути онъ предсказывалъ успѣхъ, если не самому себѣ, то другимъ, будущимъ русскимъ художникамъ, „готовящимся на большой путь искусства живописнаго“. Вотъ каковы были замыслы Иванова, вотъ каково было чудное, свѣжее, энергическое настроеніе этого 52-лѣтняго человѣка, стараго годами, но молодого душой, какъ никто изъ всѣхъ его товарищей!

„Ивановъ не зналъ и не понималъ того реалистическаго движенія, которое въ его время уже начинало существовать въ художествѣ Европы, всего болѣе во Франціи... Ивановъ понималъ одно искусство—„монументальное“, и въ его не въ состояніи было понимать что-либо еще другое. Потому-то искусство, берущее себя зацѣпи изъ ежечеловѣчной, будничной жизни, казалось ему мелкимъ, ничтожнымъ или „шуточнымъ“. Но безумно было бы требовать отъ натуры, хотя бы и великой,—того, чего въ нее не было вложено и что ей было чуждо.

... „Пора, кажется, хоти теперь начать уважать и любить Иванова, сначала непонятаго, а потомъ—забытаго.

Спустя годъ послѣ того, В. Стасовъ писалъ въ своей статьѣ „Художественная выставка за 25 лѣтъ“—въ „Порядкѣ“ 1881 г. (№ 119), указывая на отрицательныя стороны прежнихъ русскихъ художниковъ: „Понятно, какъ противъ такого художественнаго безобразія и безсмыслия воставалъ, со всею страстью и силою ума, такой истинный художникъ и великій умъ, какъ Александръ Ивановъ. Его едва-едва признала Академія—„академикомъ“, но, тѣмъ не менѣе, онъ создалъ такіе небывалые

у насъ, по красотѣ, глубокому душевному и духовному выраженію, типы, какъ же „Іоаннъ Креститель“, „Христосъ“, всѣ „Апостолы“; онъ впервые началъ у насъ понимать, чѣмъ должно быть серьезное, великое, исторически-бытовое и національное искусство, помимо формальныхъ академій (презираемыхъ имъ), банальныхъ вѣясовъ (считаемыхъ имъ вредными), помимо той „художественной“ жизни, которую велъ на его глазахъ нашъ художникъ и въ Италіи, и въ своемъ отечествѣ. Когда сравнишь Иванова съ тѣмъ, что вокругъ него дѣлалось,—и во время Брюллова, и послѣ Брюллова, право скажешь себѣ: это нашъ великій реформаторъ, это апостолъ настоящаго искусства, это проповѣдникъ новой художественной мысли и жизни, это человѣкъ, сбросившій старую шкуру и стремившійся къ новымъ горизонтамъ. Только 20 лѣтъ, прожитыхъ на Васильевскомъ Островѣ, и 20 лѣтъ въ Италіи (что соприкасается), да позднее знакомство съ европейскимъ движеніемъ не дали ему подняться на ту высоту, для которой онъ былъ рожденъ“...

Еще черезъ годъ, тотъ же критикъ говорилъ въ I т. своей статьѣ „25 лѣтъ русскаго искусства“ въ „Вѣст. Европы“ 1882 (№ 11, с. 230—9):

... „Рядомъ съ Мюллеромъ перешелъ въ эпоху русскаго художества и тотъ нашъ живописецъ, который составляетъ крайнюю противоположность всей нашей школѣ профессорской. Это—Ивановъ, являющийся точно какой-то островъ среди остальнаго моря, не связанный никакими перешейками съ прочимъ нашимъ материкомъ. Послѣ 20-ти лѣтъ жизни въ Италіи, ни разу не покинутой, онъ въ 1858 г. пріѣхалъ въ Петербургъ съ своей картиной, минуту поблизу противъ обстоятельствъ и людей, которымъ вовсе не годился, и—умеръ, съ глубокой раною въ душѣ.

„А Ивановъ былъ—натура капиталъ, совершенно выходящая изъ ряду вонъ, среди всего нашего художественнаго міра, и прежняго, и нынѣшняго. Онъ ни на кого не похожъ между всеми нашими художниками, и жизнь его представляетъ такое трагическое явленіе, какого болѣе не бывало ни въ чьей жизни изъ числа всѣхъ этихъ художниковъ. Кому еще привелось, какъ ему, страшно работать много десятковъ лѣтъ надъ собою и надъ своимъ искусствомъ—для того только, чтобы въ послѣдніе годы, съ сѣдиной въ головѣ, сказать себѣ: „Нѣтъ, все это не то! Все это была ошибка и заблужденіе, надо было

начинать съизнова, совѣмъ съ другого конца. Да, но гдѣ взять время, гдѣ взять силы?"

„Ивановъ былъ истинный художникъ, но, къ несчастію,—недостаточно художникъ. Элементъ ума, размышленія, искавшаго истины, бралъ въ немъ почти постоянно верхъ надъ вѣмъ, а слабость и робость характера замедляли всякій рѣшительный шагъ; отъ этого-то онъ и въ состояніи былъ промучиться 20-ть лѣтъ надъ одной и той же картиной, а между тѣмъ эта картина вовсе не была такой всеобъемлющей и колоссальной по содержанію картиной, которая оправдывала бы подобное приписаніе себя въ жертву; отъ этого-то онъ такъ страдалъ и метался, такъ сомѣвался въ себѣ самомъ; отъ этого-то онъ никогда не могъ найти себѣ ни покоя, ни удовлетворенія. Будъ въ немъ сторона непосредственной талантливости сильнѣе и шире, онъ, навѣрное бы, такъ не разбѣдалъ и не преслѣдовалъ самъ себя, какъ это съ нимъ постоянно было; онъ, конечно, давно бы уже довѣлъ свою картину до конца и создалъ бы потомъ многія другія, и въ то же время не унижался бы всю жизнь выпрашиваніями себѣ поощреній и пособій на то, чтобы еще пожить въ Италіи и продолжать все одну и ту же вѣчную свою картину. А то, вертѣлся десятками лѣтъ все въ одномъ и томъ же кругу, тѣлостно провозидъ одну мелкую подробность на другую мелкую подробность, ожидать отъ нихъ всего спасенія, безцѣльно тысячу разъ то прискивать, то отбрасывать детали очень второстепенныя,—что это, какъ не явное доказательство слабости и далеко неполнаго владѣнія своимъ матеріаломъ... На картинѣ Иванова ярко отразилась исторія ея происхожденія на свѣтъ и, какъ она создавалась безъ огня, такъ и вышла безъ него, совершенно холодною, въ общемъ своемъ впечатлѣніи. Она общему сложности, общимъ составомъ своимъ, неспособна никого вдохновить и восторгать; ничей духъ она не потрясетъ, ничье воображеніе не захватитъ, и только будетъ дѣйствовать отдѣльными великими своими красотою и совершенствами. Впечатлѣніе отъ этой картины спокойно и мозаично, какъ было само создаваніе ея. У Иванова всего меньше было громадной фантазіи, объемлющей и создающей цѣлыя сцены, многосоставныя событія,—оттого картина его не будитъ фантазіи ея зрителей. ...Въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, она растеряла многіе важныя элементы, сначала въ ней присутствовавшіе. Было время, когда въ картинѣ Иванова было столько

ко же мужскихъ, сколько женскихъ дѣйствующихъ лицъ, да на придатокъ еще не мало дѣтей. Могло ли оно и быть иначе, когда въ этой картинѣ долженъ быть представленъ „народъ“, —и чѣмъ разнообразнѣе будетъ его масса, тѣмъ лучше. Но Ивановъ, въ извѣстный періодъ своей жизни, не хотѣлъ больше этого знать, и замѣнилъ массу народную, Богъ знаетъ по какимъ пуританскимъ или ханжескимъ соображеніямъ, очень искусственно подобранными группами. Но что это за „народъ“ у него жалкій вышелъ, безъ женщинъ и безъ дѣтей,—одни мужчины, и то большею частью все зрѣлыхъ лѣтъ, или пожилые, неизвѣстно какого сословія — высшаго, низшаго или средняго. Потомъ, прежнюю широкую и великую мѣстность, раскинувшуюся среди горъ и деревень на берегу рѣки, онъ замѣнилъ узенькой полоской земли, гдѣ разстановилъ свои дѣйствующія лица, искусственно и условно, по вѣмъ правиламъ скульптурнаго барельефа. Прибавьте къ этому полную неспособность Иванова къ краскамъ, его рыжий, пестрый, несносный, кричащій, неестественный колоритъ,—понятно, что, при такомъ соединеніи столькихъ невыгодныхъ условій, картина его не могла производить сильнаго впечатлѣнія, и многихъ, вмѣсто того, отталкивала. Все это было слѣдствіемъ недостаточности таланта и тѣхъ вредныхъ вліяній, которымъ подвергался въ Италіи Ивановъ, постоянно замѣнутый въ кружкѣ людей ограниченныхъ и мало развитыхъ, хотя и талантливыхъ — въ лицѣ нѣкихъ отдѣльных художниковъ.

„Но, рядомъ съ крупными недочетами и несовершенствами, въ натурѣ Иванова было много такихъ качествъ, которыя дѣлали его художникомъ высокимъ, необыкновеннымъ. У него былъ талантъ, доходившій до гениальности, когда дѣло шло о созданіи отдѣльных личностей, типовъ, характеровъ, —тѣхъ именно, къ достиженію и глубокому обожанію которыхъ способна была его натура. Тутъ уже у него была глубокая и мыслящая голова, тутъ уже у него былъ глубокой пылкій духъ, не удовольствовавшійся тѣмъ, чѣмъ удовольствуется большинство художниковъ, когда они творятъ свои созданія. Онъ хотѣлъ до послѣднихъ корней разумѣть то, что бралъ себѣ задачей, онъ смотрѣлъ на исторію людей и событія не съ одной только внѣшней стороны, какъ всѣ его предшественники и товарищи,—все это не было для него однимъ безразличнымъ матеріаломъ, пазъ котораго можно

брать, что ни пошло, любые куски, любые субъекты и сцены, что закажутъ другіе, или что самому по нечаянности взойдетъ въ голову. Для него каждая его задача, каждый его типъ и личность были дѣломъ важнымъ и серьезнымъ, дѣломъ жизни; на созданіе ихъ онъ клялъ всѣ свои силы и способности. Онъ изучалъ глубоко и полно, что предстояло изображать его кисти. Онъ погружался въ задачу свою всѣмъ существомъ своимъ, онъ искалъ правды и исторической вѣрности во всемъ, — и въ подробностяхъ сцены, и въ костюмѣ, и въ лицахъ, и въ самомъ пейзажѣ, среди котораго являются доступныя и дорогія ему личности. Такое исканіе вѣрныхъ формъ, такое стремленіе къ исторической и психологической правдѣ началось у Иванова съ молодыхъ лѣтъ, когда онъ былъ еще юношей, еще въ Петербургѣ, еще въ Академіи Художествъ. Въ такое время, когда другіе молодые художники, его сверстники, только и думали, что о медальяхъ и какъ бы поскорѣ попасть на волю и въ Италію, какъ бы поскорѣ „пожить“, — Ивановъ думалъ: какъ бы себя образовать получше и не бавиться поскорѣ отъ той коры глубокаго неутѣшства, которая на нихъ всѣхъ лежала, но только для другихъ была нечувствительна и безразлична, а ему казалась невыносимымъ грузомъ. Въ Италиі ему тоже не приходило въ голову „пожить хорошенько“. Его наполняло совсѣмъ другое: онъ только о томъ и думалъ, что такое его будущая картина, и какая глубочайшая правда мысли и выраженія должна въ ней заключаться. Пусть онъ глубоко ошибся на счетъ всеобъемлемости и безконечной грандиозности задуманнаго имъ сюжета. Изъ его картины не вышло изображенія величайшаго въ мірѣ событія, какъ онъ думать въ своемъ крошечномъ, нѣсколько ограниченномъ религиозномъ воодушевленіи. Картина его только выразила „рекомендацію“, Иоанномъ Крестителемъ, появляющимся вдаль и никому еще неизвестнаго въ народѣ Христа. Что же въ такомъ моментѣ великаго и мірового? Въ картинѣ мы свидѣтели только глубокой, сердечной „довѣрчивости“ еврейскаго народа, и больше ничего. Тутъ не представлено обращеніе народа къ Христу вслѣдствіе его проповѣди и вслѣдствіе совершенныхъ передъ глазами великихъ дѣяній, сверхъестественныхъ чудесъ: нѣтъ, народъ только увлеченъ проповѣдью Иоанна Крестителя, одинъ уже крестится, другіе готовы сію же минуту креститься, но что же касается до Христа, то никто изъ всѣхъ присутствующихъ его еще не знаетъ и

не вѣдаетъ, и только потому обращается въ его сторону, къ нему на-встрѣчу, что на него указалъ Іоаннъ. Смію сказать, такой моментъ выбрать вовсе не къ авантажу главнаго лица, и первымъ въ картинѣ все-таки не Христосъ, но Іоаннъ; а если такъ, то содержаніе картины вовсе не „Первое появленіе Христа народу“, — Христосъ самъ ровно ничѣмъ еще не проявляется здѣсь своей личности, своего значенія, своего вліянія, онъ виденъ лишь вдаль, онъ только *идетъ*, и ничего болѣе. Содержаніе картины: проповѣдь Іоанна Крестителя и впечатлѣніе, произведенное ею на толпу еврейскаго народа. А въ этомъ далеко еще нѣтъ того великаго, мірового содержанія, какое приписывалъ своей картинѣ Ивановъ. Пускай такъ. Но все-таки онъ наполнилъ картину эту такими элементами, которые дѣлаютъ ее созданіемъ истинно великимъ, необыкновеннымъ.

„Ивановъ достигъ тутъ своихъ давшинныхъ учителей и идеаловъ, Рафаэля и Леонардо да Винчи. Надо прямо сказать: онъ сущій Рафаэль и Леонардо да-Винчи нашего времени. Только къ тому, что есть важнаго и значительнаго въ тѣхъ двухъ мастерахъ, онъ прибавилъ все то глубокое, вѣрное и правдивое по вѣншей формѣ и по внутренней психологіи, что налѣ въѣзъ способенъ быть прибавить къ созданіямъ этого рода. Въ сравненіи съ Ивановымъ, очень мало значатъ всѣ нѣмцы Корнеліусы, Овербеки и Каульбахи, Шпорры и Фюрихи, всѣ французы Фландренны, Орсели и нныя, стремившіеся дать религиозную живопись нашему времени и примѣнуть къ „великимъ мастерамъ прошлыхъ эпохъ“. Они выпли всѣ подражателями и маперистами, несовершенными по художественнымъ своимъ средствамъ и еще болѣе несовершенными по коренному духу своему... Всѣ они остались далеко позади своихъ задачъ и не создали ничего самостоятельнаго, новаго и великаго. Одному Иванову это удалось. Онъ былъ истинно благочестивъ и наивенъ, какъ Рафаэль и Леонардо да-Винчи: онъ, какъ они, искренно вѣровалъ въ правду и глубину того, что писалъ, но онъ всею душою погруженъ былъ въ создаваемую его кистями сцену, даже, можетъ быть, еще больше и еще искреннѣе ихъ, и оставался религиознымъ и благочестивымъ даже въ послѣдніе годы своей жизни, когда вдругъ воображалъ про себя, что пересталъ „вѣрить“ и „быть религиознымъ“. Онъ говорилъ и думалъ одно, — а по всѣмъ дѣламъ, предпріятіямъ, планамъ и намѣреніямъ, выходило

совсѣмъ другое. Даже въ послѣдніе дни жизни онъ только объ одномъ мечталъ: поѣхать въ Палестину и писать жизнь Христа. Но, кромѣ того, его незя было бы ни за какія деньги „нанять“ для писанія какой угодно религиозной картины, какъ это всегда возможно было сдѣлать, въ любой день и часъ, съ его товарищемъ и сверстникомъ, столько же блестящимъ, сколько и равнодушнымъ риторомъ, Брюловымъ. Нѣтъ, сюжетъ картины долженъ былъ быть выбранъ, взятъ и сочиненъ имъ самимъ, и никому Ивановъ никогда не позволилъ бы вмѣшаться въ это глубоко, истинно-душевное его дѣло.

„Но, кромѣ серьезности сюжета и задачи, у Иванова были и ещесвоеобразныя и самобытныя формы. Въ красотѣ, во внѣшнемъ мастерствѣ изображенія, въ рисункѣ тѣла и одежды, онъ навѣрное не уступалъ (относительно фигуръ мужскихъ — однихъ только и изученныхъ, и созданныхъ Ивановымъ) ни въ чемъ произведеніямъ старыхъ мастеровъ, но еще сюда прибавилъ то, что давало новое время: реальную вѣрность и національность типовъ. Этихъ элементовъ еще не знали прежніе періоды искусства. Этого никому еще не приходило въ голову не только у насъ, нашимъ Брюловымъ, Бруни и инымъ равнодушнымъ академическимъ копистамъ того, что прежде въ искусствѣ дѣлалось, но даже живописцамъ европейскимъ, несравненно болѣе мыслящимъ и образованнымъ.

...Цѣлые годы и пропасти отдѣляли Иванова отъ этихъ поверхностныхъ, легкомысленныхъ и праздныхъ игрушекъ. У него все было серьезно и глубоко. Ему не блеснуть новизной и остроуміемъ надо было, — ему надо было добраться, путемъ созданія, путемъ изученія, выбора и вдумыванія, до тѣхъ фигуръ, лицъ и типовъ, которые бы воссоздавали сцену на Иорданѣ, совершившуюся 1800 лѣтъ раньше. И онъ достигъ, чего хотѣлъ. Онъ создалъ, если не все, то многое въ своей картинѣ, такъ, какъ до него никто еще не создавалъ въ цѣлой Европѣ. Такого Іоанна Крестителя, истиннаго еврея съ головы до ногъ, но облитого тѣмъ огнемъ вдохновенія, какого никогда еще не написала ничья кисть; такого Христа, тоже чистаго еврея по внѣшнему виду, но великую, необычайную личность, полную глубины, благодати, мысли и чуднаго спокойствія, тоже никогда не создавала кисть ни одного другого европейскаго живописца; многие изъ апостоловъ и изъ присутствующей массы народа — все это оригинальные еврейскіе типы,

передающіе не одну внѣшность, но и душу, характеръ взятаго лица, и останутся навсегда великими, глубокими созданіями въ ряду всего, что только европейское искусство произвело до сихъ поръ самаго важнаго и вѣчнаго.

„Придетъ, навѣрное, однажды то время, когда и Европа узнаетъ Иванова по настоящему, оценитъ его лучше, чѣмъ было до сихъ поръ — по легкомыслию или незнанію, и поставитъ его на вѣки, на великую, истинно-классическую технику, красоту, благородство, величавость, — рядомъ съ Рафаэлемъ и Леонардо да-Винчи, а за его гениальныя, его историческіе и психологическіе типы, характеры, душевное выраженіе, — можетъ быть, еще выше да-Винчи. Кто любитъ и высоко цѣнитъ этихъ двухъ, не можетъ не любить всей душой и не цѣнитъ Иванова, — это ихъ современное воплощеніе. Ивановъ — это второе, такъ сказать, пересмотрѣнное и дополненное изданіе старыхъ двухъ итальянцевъ.

„Что было бы съ Ивановымъ дальше, еслибы онъ еще нѣсколько лѣтъ прожилъ, — мудро, конечно, отгадать. Но, кажется, несомнѣнно то, что онъ никогда не осуществитъ бы того, про что въ послѣдніе свои годы столько говорилъ и писалъ. Ивановъ былъ натура странная, сложная. Одно онъ думалъ и желалъ, а другое — производилъ. Это въ особенноти чувствовалось въ послѣдніе его годы. Мысли, высказанныя имъ въ письмахъ къ разнымъ знакомымъ, насчетъ необходимости кореннаго переворота въ искусствѣ, — велики и высоки по правдѣ, по свѣтлости; но что же мѣшало ему осуществить ихъ? Онъ прожилъ тѣмъ 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ эти мысли появились у него въ головѣ, и, однакожъ, онъ ничего даже и не попробовалъ въ новомъ духѣ и смыслѣ, даромъ что 10 лѣтъ — это очень много для человѣка, наполненнаго новою мыслью. Если смотрѣть на словъ разговоры и выраженія писемъ, — надо было бы позавидѣть, что Ивановъ отрекался отъ прежняго направленія своего, отрекался отъ своей картины. Но, на дѣлѣ, Ивановъ все-таки выставлялъ эту картину въ концѣ, — въ 1857 г. въ Римѣ, въ 1858 г. въ Петербургѣ, — какъ нѣчто самое важное и значительное, и, въ тоже время, въ промежуткѣ между 1848 и 1858 гг., набрасывалъ сотни чудесныхъ эскизовъ; но всѣ они, какъ ни чудесны по формамъ и подробностямъ, принадлежатъ все къ одному и тому же разряду — иллюстрированію жизни Христа; что же касается до будущаго направ-

ленія и задачъ своихъ, то въ самые даже послѣдніе дни жизни своей онъ разсказывать близкимъ и знакомымъ о томъ, какъ желаетъ сдѣлаться главой и руководителемъ новой школы искусства, но все-таки на основаніяхъ, положенныхъ „великими старыми мастерами Италіи“. Мыслимо ли это? Возможны ли новыя сюжеты, новыя задачи, выраженные въ формахъ и складахъ стараго, классическаго искусства? Ивановъ, явно, вовсе не сознавалъ этой невозможности, и, во всякомъ случаѣ, признавалъ единымъ настоящимъ искусствомъ—искусство на темы религіозныя и историческія, а все прочее считалъ не только чуждымъ, но важнымъ, не настоящимъ, вовсе не выпадающимъ истиннаго призванія искусства, но униженіемъ, развратомъ и гибелью искусства. Въ чемъ же, спрашивается, состоялъ бы тотъ переворотъ въ искусствѣ, который проповѣдывалъ Ивановъ? Онъ, конечно, сводился къ нулю. Онъ могъ бы, конечно, касаться частностей, отдѣльных подробностей, способа представленія тѣхъ или другихъ задачъ и личностей, — самыя же эти задачи и личности все таки оставались бы на первомъ и единственномъ мѣстѣ, и искусство, непрежнему, закрывало бы глаза на все остальное. Не великъ же былъ бы коренной переворотъ, проповѣдуемый Ивановымъ!

„Иванова можно порицать не за то, что онъ сдѣлалъ, и не за то, что въ немъ было, а единственно за то, чего онъ не сдѣлалъ и чего въ немъ не было. Что онъ сдѣлалъ и создалъ на своемъ вѣку, то прекрасно и высоко, но, какъ ни свѣтелъ и силенъ былъ его умъ, какъ ни глубоко и ни искренно его исканіе правды, онъ все-таки не раздвинулъ рамокъ предрассудковъ и предвѣій, въ которыя былъ замкнутъ съ малолѣтства, и не шагнулъ дальше. На то уже не хватало его натуры. Натура его принадлежала старому міру, старому настроенію и образу мыслей, и никакія реставраціи, подчистки и поправки въ этомъ настроеніи и образѣ мыслей не могли ничего подѣлать. Нужна была другая, отъ самыхъ корней, натура.

„Пожалуй, иной подумаетъ: при его ненависти ко всему невольному, рутинному, нечестному и легкомысленному въ искусствѣ, при его глубокомъ взглядѣ на жизнь и задачу художника,—онъ, вѣроятно, пошелъ бы далеко и высоко, еслибъ все дѣтство и юность не провѣлъ въ томъ узкомъ и ограниченномъ семействѣ, къ которому принадлежалъ по рожденію,

еслибъ не просидѣлъ много лѣтъ на тогдашней академической скамѣ, и въ тогдашнемъ академическомъ класѣ, еслибъ не провелъ потомъ много лѣтъ среди ханжей и моралистовъ, среди затхлаго тогдашняго папскаго и „классическаго“ ума, и совершенно отрѣзанный отъ Европы. Когда на него пахнуло, наконецъ, европейскимъ современнымъ духомъ,—было уже поздно, и онъ могъ только платонически чего-то желать, путаться въ сталкивающихся требованіяхъ стараго и новаго, и не понимать, что и какъ именно можетъ вновь осуществиться.

„Нѣтъ, это не такъ. Ни другое воспитаніе, ни другая среда, ни отсутствіе ханжей и людей ограниченныхъ вокругъ него, въ теченіе лучшихъ и важнѣйшихъ годовъ его жизни, ни отсутствіе Рима,—не могли бы сдѣлать изъ него другого человѣка. Чтобы создать иное,—ему надо было родиться совершенно инымъ человѣкомъ. По этому-то и вышло, что Ивановъ — одно изъ величайшихъ явленій русскаго художественнаго міра, онъ достоинъ всѣхъ восторговъ и уваженій, но уже—какъ отжившій историческая величина. Для нашего будущаго развитія онъ не имѣетъ никакого значенія, развѣ только какъ примѣръ и наставленіе—для тѣхъ, кому придется и впоследствии трактовать сюжеты, подобные его сюжетамъ, ничуть, впрочемъ, не придавая этимъ сюжетамъ того всеобъемлющаго, исключительнаго значенія, какое придавалъ имъ Ивановъ. Со времени Иванова нельзя уже давать, при воспроизведеніи такихъ задачъ,—менѣе того, что давалъ въ нихъ Ивановъ. Онъ вѣкъ, отъ которой невозволителенъ поворотъ назадъ, ко всѣмъ нашимъ Брюлловымъ, Бруни, Сорокинскимъ, Марковымъ, невозможенъ даже поворотъ къ Корнеліусамъ, Каульбахамъ и Овербекамъ, Фландренамъ и инымъ,—онъ ихъ всѣхъ убилъ на вѣки своею глубиной, правдою, сердечностью и вдохновеніемъ, въ извѣстномъ смыслѣ историчностью и реальностью, но его искусство и созданіе все-таки не есть искусство и созданіе нашего времени. Оно принадлежитъ иному направленію и понятіямъ, инымъ вкусамъ и симпатіямъ.

„Цѣлыхъ четверть столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ картина Иванова въ Россіи, но она не породила ни школы, ни продолжателей, вообще осталась безъ послѣдствій. Она была уже несвоевременна. Она являлась словно бабушка среди внуковъ и внучекъ: они могутъ ее уважать и любить, но дѣло ихъ жизни уже не связано съ ея прошлымъ, давно отжитымъ дѣ-

ломъ жизни, и она уже не поведетъ ихъ ни къ какимъ новымъ, драгоценнымъ для нихъ горизонтамъ. Картины Иванова надо было переселиться изъ Рима въ Петербургъ десятью годами раньше, — не въ 1858, а въ 1846 или 1847 г., когда Ивановъ остановился съ писаніемъ ея и дальше потомъ не двигался, оборотивъ спину къ своему прошлому и устремивъ очи къ раскрывавшемуся передъ нимъ зрѣлищу новой Европы. Его поправки и дополненія 1856 и 1857 г. не имѣютъ никакого особеннаго значенія. Поэтому-то выходитъ, что его картина понапрасну простояла лишніе 10 лѣтъ въ Римѣ. Тамъ ни одна душа, ни единый художникъ и ни одинъ человѣкъ изъ публики не пользовался и не наслаждался ею за все это время. Въ Россіи было бы тогда, напротивъ, совсѣмъ иначе, и, навѣрное, она произвела-бы на свѣтъ школу и подражателей. Въ 1858 г. было уже поздно. Ивановъ былъ величайшимъ, заключительнымъ словомъ прежняго, стараго искусства. Но въ это время нарождалось уже искусство новое.

Нѣсколько позже В. В. Стасовъ писалъ въ III главѣ своей статьи „Тормазы русскаго искусства“ въ томъ же „Вѣстникѣ Европы“ 1885 (№ 2, с. 234—5):

„Стоило явиться художнику настоящему, глубокому, — Иванову, стремившемуся къ выраженію истины и правды, — и почти всѣ отъ него отвергивались, кто съ негодованіемъ, кто съ антипатіей. Если оставить въ сторонѣ москвичей, повторявшихъ только восторженныя рѣчи Гоголя, продиктованныя, впрочемъ, не постиженіемъ искусства, а фанатизмомъ ханжества, да если оставить еще въ сторонѣ небольшую группу людей, въ самомъ дѣлѣ любившихъ и понимавшихъ искусство, — остальные всѣ сердились на Иванова и бранили его картину. А нападали они на нее вовсе не за тѣ недостатки и недочеты, которые дѣйствительно присутствовали въ картинѣ по неполнотѣ таланта Иванова, — оцѣты! а только — за подробности внѣшняго исполненія... Но во всемъ этомъ только одно было забыто — главное: глубокое, искреннее и вѣрное чувство, разлитое въ картинѣ; было одно только пропущено: созданіе такихъ типовъ и фигуръ Христа и Иоанна Крестителя, съ которыми не можеть сравниться никакое другое олицетвореніе этихъ личностей во всемъ европейскомъ искусствѣ съ самаго его существованія и по сей день; выраженіе такого вдохновенія и мощи въ лицѣ Иоанна, выраженіе та-

кихъ глубокихъ чертъ души и выѣстъ правдивѣйшей натуральности у молодого Иоанна Богослова и у многихъ изъ числа другихъ апостоловъ и присутствующихъ зрителей, съ которыми не можеть идти въ параллель никакое другое выраженіе подобныхъ же личностей во всѣхъ картинахъ, написанныхъ равнѣ Иванова. Иванова пожелали какъ неудачника и — позабыли на много лѣтъ. Но никому не приходило въ голову, что если есть у кого учиться новому художественному поколѣнію на счетъ серьезности и правдивости выраженія, такъ это у Иванова, а не у поверхностнаго и моднаго Брюллова“.

Наконецъ, В. В. Стасовъ писалъ въ своей большой статьѣ „Русскія иллюстраціи къ Библии и Евангелію“ въ „Свѣтѣ Вѣстникѣ“ 1888 (кн. 8, отд. II, с. 6—11, 14—17, 20—26):

„И дѣйствительно, если сравнивать ту картину („Явленіе Христа народу“) съ этими эскизами и набросками, легко увидѣть, что картина и эскизы — двѣ разныя величины, два разныя настроенія, почти два разныя міра... Тамъ — онъ (Ивановъ) только мечтаетъ о томъ, чтобы приблизиться къ великимъ прежнимъ живописцамъ и показать, что русскій въ состояніи сдѣлать; здѣсь — почувствовавшій свою натуру и силы художникъ наполненъ только тою мыслью, какъ бы выразить свои собственные мысли и взгляды. Ему надо теперь открыть „новый путь“. И хотя задачи его вѣчны все-таки только изъ одной Связи. Исторіи, но теперь онъ начинаетъ осуществлять старинную свою мысль, долго заторможенную, долго задвленную, — это мысль, что „если я и сверстники не будемъ счастливы, то слѣдующее за нами поколѣніе пробьетъ себѣ непрелѣнно столбовую дорожку къ славѣ русской, и потомки увидятъ блестящія эпохи изъ всемирной и отечественной исторіи“. ...Не только въ 1837 г., но и долго послѣ, эта мысль его оставалась неосуществленною: онъ весь ушелъ въ свою картину, весь сосредоточился на единой цѣли и намѣреніи... Но внутренняя работа шла да шла впередъ, вопреки намѣреніямъ самого художника, онъ росъ и крѣпъ на пользу не одной только своей картинѣ, но и другимъ, еще болѣе крупнымъ будущимъ созданіямъ, а когда внѣшнія обстоятельства заставили его остановить картину, онъ взялся за другое дѣло, но какъ совершенно уже новый человѣкъ, съ новыми, тайно для него самого выросшими, силами.

„Онъ теперь принялся изображать не одинъ — единственный моментъ изъ исторіи, но безчис-

ленное множество всемірно-историческихъ моментовъ и событій. Ему теперь мало уже было останавливаться на одномъ изображеніи того, какъ нѣсколько вѣрующихъ переходятъ изъ учениковъ Іоанна Крестителя въ ученики Христа... Какъ ни многозначителенъ этотъ моментъ, но все-таки это еще одинъ только моментъ; гамма чувствъ, могущихъ войти въ составъ такой картины, еще очень немногосложна. Въѣсто того, Ивановъ избираетъ теперь себѣ горизонты самые обширныя: исторію дѣлаго народа за много сотенъ лѣтъ его существованія. ...Уже самыя задачи не позволили художнику, взявшемуся за подобный трудъ, оставаться въ предѣлахъ одного только религіозно-нравственнаго настроенія, какъ бы оно, впрочемъ, высоко и значительно ни было; художнику необходимо было выходить на болѣе широкіе пути, самъ предметъ тянулъ его въ даль. Но, даже помимо сюжета, самъ Ивановъ былъ уже другой — овъ болѣе не удовлетворялся тѣмъ, чѣмъ прежде могъ удовлетворяться, овъ глядѣлъ зорче и дальше.

Если сравнивать его картину „Явленіе Христа народу“ съ его эскизами на Библейскіе и Евангельскіе сюжеты даже съ одной только художественной стороны, то почувствуешь великую равнину между ними и ею. ...У него теперь былъ свой собственный стиль. Въ эскизахъ не существуютъ болѣе почти всѣ тѣ недостатки, которые были достойными всякаго сожалѣнія пятнами его картины.. Изображенныя въ его новыхъ композиціяхъ лица являлись въ самыхъ свободныхъ, простыхъ, ничѣмъ не стѣсняемыхъ поворотахъ и положеніяхъ... Въ новыхъ композиціяхъ точно также является на лицо все разнообразіе многочисленныхъ сословій народныхъ.

...Могучею своею мыслію и собственнымъ починкомъ критическаго духа Ивановъ освободился отъ многого, навѣяннаго школою и музеями, — отъ многого, что привычки принимать и продолжать, не разсуждая и не выникая, — и въ этомъ собственно починѣ великая его заслуга... Къ числу такихъ предметовъ относились внѣшній обликъ типа, тѣла и пейзажа... Ни Іоаннъ Креститель, ни всѣ другія личности, являющіяся вокругъ него въ картинѣ, не представляли всю этнографическую правду Палестины, еврейскихъ людей и еврейскаго пейзажа. ...И тѣла, и мѣстность остались слишкомъ европейскими и итальянскими. Другое совсѣмъ дѣло было, когда Ивановъ, лишенный и моделей, и пал-

яскихъ видовъ (вовсе къ его дѣлу неподходящихъ), сидѣлъ передъ своей бумагой, и набрасывалъ на нее быстрымъ карандашомъ или перомъ то, что говорила ему одна творческая фантазія, что диктовало ему — уложившееся могучимъ пластомъ знаніе, долгая наука. Ни копированія, ни робости болѣе не было. Ивановъ прямо творилъ окрыленнымъ силами таланта, мысли и соображенія.

...Это созданія необыкновенно оригинальными, воплощившія сюжеты Библии и Евангелія въ такихъ формахъ, какихъ не пробоваешь, быть можетъ, еще ни одинъ художникъ въ Европѣ. Эти, часто лишь набросанные, рисунки казались мнѣ несравненно выше, новѣе и самобытнѣе оконченной картины „Явленіе Христа народу“... Хотя Ивановъ не произвелъ того полного переворота во всей живописи, на который онъ надѣялся, потому что все-таки не выходилъ за предѣлы одной только Свящ. Исторіи и одного только еврейскаго народа и потому что, какъ бы ни было, а все-таки никогда не могъ окончательно отрѣшиться отъ первоначальныхъ своихъ учителей — итальянцевъ XVI в., но, не взирая на все это, онъ, во всякомъ случаѣ, въ лицѣ своихъ „Эскизовъ“ совершилъ дѣло великое, своеобразное, и ни съ какимъ другимъ художникомъ въ этомъ отношеніи сравнимымъ быть не можетъ. Рисунки эти составляютъ главное право Иванова на бессмертіе. Но этими рисунками онъ шель прямо наперекоръ всѣмъ преданіямъ школы, всѣмъ принятымъ художественнымъ привычкамъ.

...Его талантъ взялъ верхъ надъ холодною разсудочностію, и увлекъ его туда, куда онъ и самъ сначала не думалъ. Овъ было собирался рисовать карандашомъ и кистью схоластическій трактатъ, а вмѣсто того нарисовалъ живую, горячую эпопею. Можно придти въ такому убѣжденію, разсматривая послѣдовательность этихъ композицій. Въ ихъ числѣ есть, конечно, не мало такихъ, которыя прямо назначены для „параллелей“ и „сравненій“... Но тутъ же рядомъ есть множество другихъ сценъ Вѣтхаго Завета, которыя, однакоже, ни при какой натяжкѣ не могутъ, кажется, быть приняты для сравненія съ Евангельскими сценами...

„Значитъ, можно, кажется, съ полною достовѣрностію изъ всего этого предполагать, что Ивановъ мало-по-малу отступилъ отъ первоначальной мысли, холодной и вычурной, и просто отдался увлеченію — сочинял на темы

высоко интересны, важныя, глубокія, поэтическія и живописныя.

„То, что особенно поражает при общемъ обзорѣ „Эскизовъ“ Иванова, — это чрезвычайное богатство и разнообразіе, т. е. какъ разъ тѣ качества, которыхъ у него не доставало въ его оконченныхъ, писанныхъ на большихъ холстахъ красками, двухъ картинахъ. При всей талантливости отдѣльныхъ фигуръ и отдѣльныхъ частей, чувствуется здѣсь въ общемъ что-то сдавленное, съжившееся, не свободное у художника. Никакая высокая художественность и многозначительность этихъ отдѣльныхъ частей неспособна изгладить неудовлетворительности, получаемой зрителемъ отъ общаго впечатлѣнія. Свободы нѣтъ, и слишкомъ много замучено. — Такъ и слышишь черезчуръ долгое пребываніе мысли надъ однимъ и тѣмъ же, въ продолженіе долгихъ лѣтъ. — Прямо наоборотъ, въ „Эскизахъ“ — вездѣ чувствуешь свободу, фантазію, жизнь.

... Надо только удивляться, какъ академики 50-хъ годовъ до такой степени силою нападали на всю картину Иванова („Явленіе Христа народу“), и не чувствовали, сколько въ ней было остатковъ любезныхъ имъ правилъ, привычекъ, преданій. Видно, слишкомъ уже рѣзало имъ глаза то необыкновенное, то новое и дѣйствительно взятое изъ природы, или дарованное талантомъ, что присутствовало въ картинѣ Иванова. Но картина эта все-таки была еще недостаточнымъ шагомъ Иванова впередъ. Далеко еще было до такихъ истинно „новыхъ“ его созданій, какъ, напр., его эскизы: „Моисей, дающій свѣтъ“. Это въ самомъ дѣлѣ созданіе, несущее съ собою свѣтъ — послѣ долгой тьмы. Это сущее новое откровеніе. Тутъ столько таланта, — нѣтъ, не таланта, а просто гениальности, — что, мнѣ кажется, каждый, самый простой, даже мало художественный, человекъ будетъ пораженъ... Вотъ гдѣ торжество новаго искусства, къ которому стремился Ивановъ, вотъ та настоящая историческая живопись, которой ему хотѣлось, которую онъ уже носилъ внутри себя и которой раньше его не было, въ такой силѣ и значеніи, еще нигдѣ въ Европѣ. Большаго разрыва съ преданіемъ и академіей — нельзя себѣ вообразить. Здѣсь Ивановъ является тоже и великимъ колористомъ, не смотря даже на всю „эскизность“ этого великолѣпнаго наброска. Вдохновенность художника выше всякой въ мѣрѣ оконченности.

„Приведенный примѣръ разносостоянности, конечно, не единственный въ изданныхъ теперь „Эскизахъ“ Иванова. Можно указать еще не мало другихъ. Такъ, напр., такъ и вѣетъ академіи и старинной изъ трехъ композицій: „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землею“ и „Изгнаніе изъ рая“. Эти сочиненія Иванова явно принадлежать еще молодому его времени. Тутъ передъ нами нѣчто школьное, робкое, на половину образное, хотя на половину уже отзывающееся — и пребываніемъ въ Италіи, и знакомствомъ со старыми итальянскими мастерами XIV и XV вѣка. Навное идетъ рядомъ съ класснымъ...

„Еще одинъ примѣръ самаго коренного диспарата въ альбомахъ Иванова — это такіе рисунки, какъ, напр., „Благовѣщеніе“ № 7: это опять сочиненіе вполне академическое. О еврейскихъ типахъ, костюмахъ, бытовой обстановкѣ нѣтъ и помпы.

„Какъ на послѣдній примѣръ композицій, совершенно отличающихся отъ лучшихъ созданій Иванова послѣдняго его времени, я приведу 8 его рисунковъ на тему: „Воскресеніе Христова“. Они явно относятся къ 1845 году... Его композиція (эскизы) представляется чѣмъ-то крайне не интереснымъ и не симпатичнымъ. Иванову хотѣлось избѣжать въ ней „академизма“ — онъ его и избѣжалъ, но не избѣжалъ другого зла, не менѣе горшаго (посредственности и ординарности). ...Навѣрно, и эскизовъ къ этой композиціи не приходится ни жалѣть, ни желать. Ихъ съ сожалѣніемъ видишь теперь въ такомъ собраніи рисунковъ Иванова, гдѣ бы хотѣлось встрѣчать только chefs d'oeuvre'н лучшей и совершеннѣйшей поры Иванова. — По счастью, его „Изображенія изъ Свящ. Исторіи“ содержатъ, сравнительно говоря, немного композицій, относящихся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ и потому еще очень несовершенныхъ. Главная масса здѣсь — тѣхъ рисунковъ, которые относятся къ послѣднимъ 10-ти годамъ его жизни.

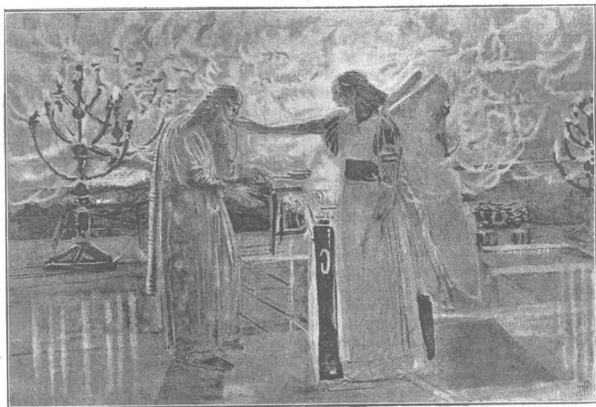
„Въ этихъ произведеніяхъ поразителенъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, превосходенъ, новъ и оригиналенъ у него пейзажъ, потому что пересталъ быть снимкомъ съ итальянскихъ мѣстностей, рисункомъ и инымъ, какъ прежде у него всегда было — и въ рисункахъ, и въ большой картинѣ. Теперь Ивановъ приблизился, какъ только можно ему было, къ пейзажу дѣйствительно еврейскому, который онъ прилежно изучалъ по снимкамъ множества европейскихъ путешественниковъ, всего болѣе англичанъ. Отъ этого-то такъ всегда интересны у него изобра-

женія и сельскихъ, и городскихъ видовъ, и пустыхъ и населенныхъ мѣстностей. Все эти изображенія носятъ на себѣ отпечатокъ не только Востока вообще, но Палестины въ особенности, и живо переносятъ въ мѣстности Библіи и Евангелія. ...Вездѣ Ивановъ даетъ намъ такое впечатлѣніе еврейской „историчности“ и еврейскаго древняго быта, какого мы никогда не получали отъ созданій никакого другого живописца стараго и новаго времени на Библейскіе и Евангельскіе сюжеты. Никакія иллюстраціи другихъ европейскихъ художниковъ, даже въ періодъ времени послѣ Иванова, когда такъ разрослось археологическое изученіе всяческой жизненной и бытовой обстановки историческихъ народовъ, не можетъ приблизиться къ тому, что мы встречаемъ въ этомъ отношеніи у Иванова: онъ болѣе всѣхъ нихъ былъ углубленъ въ свой предметъ, потому что весь жилъ своею картиной, а потому Библейскіе и Евангельскіе рисунки, какъ единственной задачей цѣлой своей жизни, и потому каждое отдѣльное знаніе, ведающее его къ выполненію этой задачи, было ему безмѣрно важно, дорого и интересно...

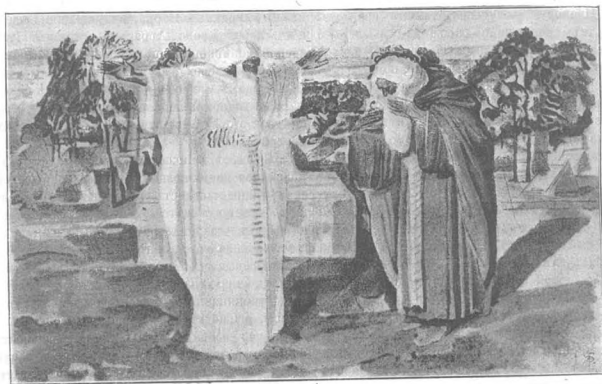
„Въ отношеніи изображеній костюмовъ этого (еврейскаго) народа, онъ тоже всѣхъ другихъ опередилъ. Никто изъ живописцевъ не пользовался еврейскимъ костюмомъ такъ живописно, такъ ново, но вмѣстѣ и такъ вѣрно, какъ Ивановъ, особенно въ своихъ „Эскизахъ“. А почему это вышло такъ? Оттого, что у Иванова не только таланта и фантазіи было больше, чѣмъ у его товарищей по части „историческихъ еврейскихъ сценъ“, но и истиннаго знанія. Да онъ къ тому же болѣе изъ всѣхъ былъ истинный и глубокий реалистъ.

„Всякій, кто станетъ изучать „Изображенія изъ Святихъ Исторій“ Иванова, скоро придетъ, какъ кажется, къ тому убѣжденію, что при множествѣ великихъ достоинствъ какъ въ Ветхозавѣтныхъ, такъ и Новозавѣтныхъ изображеніяхъ, перевѣсъ остается все-таки на сторонѣ первыхъ. И по силѣ творчества и по вдохновенію, и по глубинѣ изображенныхъ типовъ и цѣлымъ сценъ, картины изъ Библіи вышли у Иванова въ большинствѣ случаевъ выше и многозначительнѣе — картины Евангельскихъ. Большинство тѣхъ сценъ отъ Евангельскихъ повѣствованій, которыя могутъ быть воображаемы посредствомъ художества, имѣютъ ха-

рактеръ мягкости и задумчивости, крашепной красоты и сердечности,—все качества, которыми, казалось бы, особенно соответствовала мягкая и кроткая натура Иванова. Его всю жизнь наполняла идея изобразить Христа, его жизнь, его ученіе, его вліяніе на массы народныхъ, распространеніе его проповѣди. И онъ многое изъ этого выполнилъ, но только не главное, не самую сущность дѣла. Правда, еще въ своей большой картинѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ онъ создалъ такой типъ Христа, выше и глубже котораго не найдешь ни у одного живописца во всемъ европейскомъ искусствѣ, и этимъ великодушнымъ типомъ онъ уже потомъ постоянно пользовался во всѣхъ своихъ композиціяхъ. Въ „Эскизахъ“ онъ нарисовалъ съ великимъ талантомъ и совершенствомъ не мало разнообразныхъ сценъ изъ жизни Христа и его учениковъ; но все, что тутъ есть самаго значительнаго и великаго, коснулось только исторической и бытовой стороны событій, коснулось только живописности, національности и художественности ихъ проявленій... Что же касается душевной стороны, то въ этихъ композиціяхъ выразились только тѣ душевныя движенія, которыя высказывають моменты спокойные, безъ особенно сильнаго возбужденія и полета. ...Нигдѣ не встрѣтите порыва, сильно высказавшагося движенія душевнаго и тѣлеснаго, а одинъ изъ немногихъ оживленныхъ моментовъ: „Изгнаніе торжниковъ изъ храма“ вовсе даже не удался ему: онъ выходилъ у него всегда нѣсколько ординарнымъ, не взирая на то, что Ивановъ принимался за эту тему нѣсколько разъ; почти всѣ сверхъ-естественныя событія, какъ, напр., „Преображеніе“, „Вознесеніе“, „Воскресеніе“, точно также мало удавались ему, потому что въ нихъ онъ еще самъ не довѣрялъ своимъ новымъ силамъ и, Богъ знаетъ почему, считалъ себя обязаннымъ придерживаться старыхъ образовъ—итальянскихъ. Одинъ явленіи ангеловъ составляютъ исключеніе. Такимъ образомъ все, что наиболѣе кажется интересовао Иванова въ текстахъ Евангелія, выбранныхъ имъ для иллюстрацій,—вся сторона собственно религіозная, душевный переломъ, совершавшійся въ ту минуту въ мірѣ, внезапный разрывъ съ прежними вѣрованіями и невозвратно, непоколебимо покиданіе ихъ, страстное обращеніе къ новымъ,—этого-то и не выразили ни большая картина, ни всѣ Евангельскіе „Эскизы“ Иванова...

13. Захарій становится нѣмъ передъ ангеломъ.

14. Господь Богъ является Аврааму.

Эскизы А. А. Иванова изъ Свящ. Исторіи, 1848—57 гг.

„Какую противоположность всему этому представляют иллюстрации Иванова къ Ветхому Завету. Здѣсь присутствуетъ вся та „историчность“, національная характерность и вѣрность вѣтшей обстановки, которыя придаютъ такой оригинальный колоритъ Евангельскимъ изображеніямъ Иванова, но, сверхъ того, тутъ же мы встрѣчаемъ безконечное разнообразіе сценъ и выраженій душевной жизни представленнаго народа, такое богатство этихъ сценъ и выраженій, въ сравненіи съ которыми сцены и выраженія въ Евангельскихъ иллюстраціяхъ покажутся бѣдными. Здѣсь передъ нами народъ, живущій всѣми сторонами жизни, не одной религіозной, но совсѣми разнообразными и разнокалиберными своими занятіями и интересами, національными и племенными. Передъ нами вся масса народная, то ликующая въ радости и счастья, то бующая отъ злости или страха, отъ негодованія или фанатизма; передъ нами этотъ народъ, то горделивый и заносчивый, то придавленный и смиренный; передъ нами — и добрые, и худые люди, и наивные, и коварные, и простые, и хитрые. ...Есть сцены изъ самой простой ежедневной жизни, но есть тоже и сцены съ явленіями мистическими, то кроткими, то грозными, — и всѣ онѣ удавались на этотъ разъ Иванову. Получился, такимъ образомъ, результатъ совершенно неожиданный: дѣловую жизнь свою Ивановъ всего болѣе заботился и хлопоталъ о выраженіи Евангелія, но выразилъ онъ всего совершеннѣе, полнѣе и глубже именно не его, а Ветхій Заветъ, о которомъ онъ почти не говорилъ никогда... На дѣлѣ вышло самое неожиданное: его призваніемъ оказалось выразить не кроткое, благодущное Евангеліе, столько соответствующее всему его характеру и душевному строю, а суровыя, строгія, иногда грозныя, иногда почти дикія сцены изъ исторіи древняго еврейскаго народа. Какъ мало себя зналъ и созпавалъ самъ Ивановъ!...

...Крамской видѣлъ только первые три выпуска падація, съ сюжетами еще все только Евангельскими, но что бы онъ сказалъ, если бы узналъ и остальные выпуски Евангельскихъ иллюстрацій и, еще того болѣе, послѣдніе выпуски альбома, гдѣ накопились всѣ величайшія сокровища творчества Иванова, гдѣ уже поразительны и прелестны не одни только колоссальныя, свѣтащіяся какъ видѣнія, ангелы съ ассирійскими, столь знакомыми евреямъ, крыльями, въ древне-азіатскихъ одеждахъ и съ

древне-азиатскимъ обликомъ, являющіеся то кроткой Дѣвѣ-Маріи въ ея горенкѣ, то охмѣвшему въ глубокомъ благочестіи, среди сверкающаго золотомъ храма, старцу Захарію. Самъ Іегова, въ чудныхъ величавыхъ формахъ, среди своихъ крылатыхъ, почти ассирійскихъ, керувимовъ является здѣсь, грозный и милостивый, — то Аврааму, то Моисею, то Саррѣ, и каждое изъ этихъ явленій поразительно и великолѣпно, какъ нѣчто сверхъестественное. Фигуры пророковъ, этихъ „людей Божіихъ“, какъ ихъ любить называть Бибія, такъ характерны, величественны, какъ никогда еще не являлись у остальныхъ живописцевъ до нашего времени... Эти (фигуры) въ самомъ дѣлѣ переносятъ въ далекія эпохи человѣчества, въ Азію, и шевелятъ воображеніе, какъ этого неспособна была дѣлать ни одна прежняя картина на Библейскіе сюжеты... А первосвященники въ великолѣпномъ своемъ убранствѣ, среди сіяющей богослужебной утвари, внутри храма или на дворикахъ, гдѣ готовятся жертвоприношеніе; левиты и народъ, дочери Іевсаевны, идущія встрѣчать отпа въ своихъ длинныхъ развѣвующихся покрывалахъ и ступая на высокія деревянныя подошвы сандалій, всѣ прелестныя еврейки, хлопающія въ тактъ въ ладоши по восточному обычаю, кроткая и смиренная Сарра, внимающая Господу подлѣ кушей, пока Авраамъ, истинный іудей древней, наивной, патриархальной эпохи, стоитъ, опершись на свой жезлъ, а три ангела (между ними и самъ Савлолъ) лежатъ на землѣ передъ шатромъ и принимаютъ гостепріимное угощеніе — все это рядъ живописныхъ Палестинскихъ картинъ.

„Но, вѣстѣ, множество чудесныхъ картинъ, множество національных и историческихъ сценъ — представляютъ и Новый Заветъ Иванова. Всего лучше и всего выше здѣсь, какъ я уже говорилъ раньше, — не сцены душевныя и нравственныя, не сцены религіозныя и психологическія, а сцены эпическія, народныя, гдѣ Христосъ является среди учениковъ или толпы народной. Позы, группы, движенія безконечно разнообразны и вѣрны по своей простотѣ и натуральности. Христосъ вездѣ благъ и величавъ, внушаетъ необычайную симпатію и притягиваетъ всѣ сердца; толпа народная выражаетъ безконечное множество разнообразныхъ влеченій и движеній — за или противъ Христа... злобные книжники и фарисеи въ высокіхъ волпаклахъ и живописныхъ одеждахъ

съ бахромою, Лазарь, (который) въ минуту воскресенія своего съ трудомъ и согнувшись выдѣлаетъ изъ низенькой двери еврейской гробницы, ... — все это дѣлаетъ „Эскизы“ Иванова однимъ изъ высочайшихъ и драгоцѣннѣйшихъ созданій всего искусства за все время его существованія, съ самаго его начала.

... „Его (Иванова) пора пришла теперь лишь, когда наконецъ изданы лучшія произведенія всей его жизни, его „Изображенія“, и, надо надѣяться, его теперь вспомнать и никогда уже болѣе не забудутъ“.

Для полученія цѣлности впечатлѣнія отъ всѣхъ, высказанныхъ въ разное время В. В. Стасовымъ отзывомъ объ Ивановѣ, намъ пришлось опять немного отступить отъ хронологіи въ изложеніи различныхъ взглядовъ нашей критики на нашего художника. Поэтому, необходимо будетъ вернуться къ статьямъ о немъ, напечатаннымъ въ началѣ 80-хъ годовъ, прежде чѣмъ перейти къ появившимся въ 90-хъ годахъ.

„Повѣрить ли свидѣтельству иностранцевъ, что вотъ оно—настоящее русское творчество?“ — ставилъ вопросъ *И. Н. Крамской* въ своей статьѣ объ „Изображеніяхъ изъ Свящ. Исторіи“, появившейся безъ его подписи въ „Худож. Журналѣ“ 1881 (№ 1), говоря о предисловіи къ нимъ Гельбига. — Невольно спрашиваешь, неужели иностранцы больше насъ самихъ знаютъ нашу фязіономію? А почему бы имъ и не знать ее? — писалъ онъ далѣе. Вѣдь они насъ знаютъ уже не одно столѣтіе! Было время (до Петра), когда мы, появившись въ Европѣ, вели себя по своему. Хороши ли мы были, или дурны,—это вопросъ другой, но мы были сами по себѣ. Вотъ уже два столѣтія, какъ въ Европѣ мы усиленно стараемся, чтобы насъ не отличили отъ иностранцевъ. Раса, однако, насъ всегда выдавала и выдаетъ. Европейцы, видя наши, для нихъ комическія, усилія поправить свой носъ, упирать скулы, сдѣлать свое лицо и т. д., только съ сожалѣніемъ смотрѣли на насъ, а за собственное наше презрѣніе къ своей фязіономіи презирали насъ вдвойнѣ. Но, къ чести нашей надобно сказать, мы въ это же время учились у нихъ,—и, слава Богу, что природа оказалась прочнѣе. Благодаря ей, намъ теперь говорятъ: вотъ что сдѣлалъ одинъ изъ вашихъ сыновей!

„Надобно повѣрить въ этомъ нѣбамъ, потому что какой же имъ интересъ скрывать правду? Не скажутъ они,—скажутъ французы, скажутъ англичане, турки, наконецъ Всѣ зна-

ють насъ въ лицо, одинъ мы никогда себя не видали.“

„Посмотримъ же, что заключается въ эскизахъ Иванова, столь полныхъ, какъ говорятъ, „чисто русскаго духа“.

И для насъ, пока, какъ и для иностранцевъ, это столь же ново и исключительно оригинально. Мы все подражали, и до такой степени къ этому привыкли, что намъ странно видѣть что-либо хорошее и, въ то-же время, ни на что европейское не похожее. Передъ нами, дѣйствительно, что-то невиданное; мы въ недоумѣніи: какому народу приписать созданіе этихъ эскизовъ? Съ своей стороны, мы готовы предположить, что эти рисунки современны Библии и Евангелію,—потому что въ каждомъ изъ нихъ до такой степени наивно просто изображены сцены, фигуры до того типичны, бытовалъ обстановка, при своей дѣисообразности, кажется до такой степени древней, что это рѣшительно рисунки съ натуры того времени. Всего же больше насъ убѣждаетъ въ томъ, что передъ нами двухтысячелѣтняя древность, это—смѣсъ изображеній сверхъестественныхъ съ дѣйствительными: ангелы и видѣнія такіе странные, какіе только и могли приписаться и при видѣться такому простому старцу, какъ Іосифъ, или такому вѣрующему, какъ первосвященникъ Захарія. Эти ангелы, при реальности формъ,—и прозрачны, и сіяютъ на манеръ изображеній солнца у египтянъ, или ассирійскихъ богаствъ, знакомыхъ намъ по уцѣлѣвшимъ памятникамъ. Въ то-же время сверхъестественныя явленія до такой степени перемѣшаны съ дѣйствительными, что, глядя на рисунки, чувствуешь себя современнымъ далекаго дѣтства человечества, полнаго мистическаго ночного страха и чудесъ, и реализма сверкающаго солнечнаго дня. Современный взрослый человѣкъ рѣшительно не можетъ вообразить себѣ ничего подобнаго. Только хороший рисунокъ, сдѣланный опытной рукой, и заставляетъ насъ предполагать, что это дѣйствительно современная подбѣлка; но, въ такомъ случаѣ, это гениально“.

Въ другой статьѣ своей „объ Ивановѣ“ въ „Историч. Вѣст.“ 1880 г. (V, 806—820), *Крамской* писалъ о немъ слѣдующее:

„О значеніи Иванова въ исторіи русской живописи было говорено хотя и очень много, но нельзя сказать, чтобы довольною человѣку этому, очевидно, суждено обращать на себя вниманіе. Въ свое время казалось, что дѣло его было проиграно безповоротно, а между тѣмъ, теперь приходится заниматься чуть не на-ново

разборомъ: что такое Ивановъ, и какое его значеніе въ искусствѣ?

...Несомнѣнно, что исторія русской живописи не можетъ обходиться именъ: Бруни, Брюллова, Федотова, Иванова.; однакожъ, слѣдуетъ признать за фактъ, что въ настоящую минуту не осталось никакихъ слѣдовъ вліянія на наше искусство не только чуждаго намъ по духу Бруни, но даже и Брюллова. Вліяніе Федотова приходится считать также оконченнымъ, тогда какъ значеніе Иванова возрастаетъ и можно съ увѣренностью пророчить ему еще большее возрастаніе въ будущемъ... Глухая внутренняя работа, возбужденная Ивановымъ въ умахъ русскихъ художниковъ, ни на мигъ не прекращалась.

...Даже теперь, т.-е. когда, кажется, улеглись страсти, есть еще много людей, которые не согласны не только съ тѣмъ, чтобы работы Иванова превосходили все, что имѣетъ Россія, но даже и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этого человѣка была плодотворна и знаменательна. Мало того, можно слышать, что Ивановъ и его картина—нѣчто неудавшееся, а масса наивно и искренно свидѣтельствуеетъ о своемъ равнодушіи къ произведеніямъ этого художника.

„Несомнѣнно, что талантливые художники, какъ, напр., Брюлловъ, воспитываютъ цѣлое общество въ извѣстномъ направленіи; несомнѣнно, что художественные вкусы и привычки, вслѣдствіе этого, образуются въ массѣ; но несомнѣнно также и то, что всякій разъ, для образованія новыхъ вкусовъ и привычекъ въ дѣлѣ живописи, необходимо, чтобы новое произведеніе поправило, притянуло глазъ и остановило на себѣ такимъ образомъ вниманіе зрителя...

...„Современники могутъ не понять всю глубину и значеніе художественнаго произведенія, по отношенію къ будущему, къ школѣ, по всегда поймутъ и оцѣнятъ живаяность и талантъ, т.-е. именно тѣ качества, безъ которыхъ художественныхъ произведеній вовсе не существуетъ для публики и къ которымъ зритель останется равнодушнымъ не можетъ... Привлекательность художественныхъ произведеній требуетъ правильной гигиены нашей духовной природы.

„Будь произведеніе глубокимъ, новымъ, имѣй оно первоклассная достоинства ума, и не имѣй оно этого популярнаго качества, оно не будетъ принято съ распростертыми объятіями. Одна свобода исполненія и, такъ сказать, легкость труда, не говоря уже о богатствѣ колорита, есть и составная часть обворожительности, и

необходимое качество для приковыванія глаза. ...Стало быть, художникъ обязанъ скрыть отъ публики тѣ усилія, которыхъ ему стоить произведеніе... Къ несчастію для художниковъ, живописи, кромѣ того, еще тѣмъ опасна, что равновѣсіе между содержаниемъ, если такое есть у художника, и исполненіемъ, какъ сабдствіемъ таланта, не всегда совпадаютъ и даже не всегда зависятъ отъ личныхъ усилій художника.

...„Если для немедленнаго, сегодняшняго успѣха онъ пожертвуетъ содержаніемъ и чувствомъ, онъ очутится въ необходимости безъ отдыха развлекать публику и ежеминутно ей о себѣ докладывать, чтобы его не забыли... Попробуетъ художникъ уйдти весь въ содержаніе, — онъ рискуетъ потерять единственный путь къ человѣческому сердцу и, быть можетъ, никогда не дожидется справедливой оцѣнки. Единственный компасъ въ этомъ лабиринтѣ, разумѣется, — глубочайшая увѣренность, сидящая внутри cadaго серьезнаго дарованія, увѣренность въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, дающая ему силу перенести это нештучное испытаніе, называемое творчествомъ. У Иванова эта увѣренность была. Умъ его отъ природы дѣлалъ глубокаго, талантомъ онъ одаренъ былъ первокласснымъ, а между тѣмъ обворожительной вѣрности на лицо имѣлъ, и даже, что самое опасное, трудъ не скрытъ... Для того, чтобы искусство произвело свою долю вліянія, внутреннее его содержаніе должно быть выражено просто, легко и свободно, мало того — обворожительно...

„Привлекательная вѣрность въ картинѣ выходитъ только въ то время..., когда есть извѣстная однородность умственной атмосферы между художникомъ и обществомъ, для котораго онъ работаетъ... Но въ исторической жизни обществъ бывають моменты извѣстной умственной анархіи... Ивановъ жилъ на зарѣ нашей умственной анархіи, но и теперь далеко еще то время для русскаго искусства, когда долженъ наступить высшій моментъ его развитія.

„Талантъ Иванова, въ связи съ его общимъ развитіемъ, давалъ нѣкоторымъ приготовительнымъ его работамъ ту особую окраску привлекательности и легкости исполненія, даже колоритности, и такой непохожаемой талантливости, какую встрѣчаемъ только у самыхъ большихъ художниковъ и виртуозовъ въ одно и то же время.

„Есть нѣсколько этюдовъ головъ и пейзажей, исполненныхъ съ дѣйствительнымъ огнемъ, такъ что очевидно, что талантъ его былъ перво-

класснымъ, но его умъ былъ еще богѣе таланта. Эготъ умъ, созиравалъ, и былъ причиною выхода изъ узкой умственной атмосферы, его окружавшей. Благодаря ему, онъ и разошелся съ господствовавшими воззрѣніями въ живописи того времени, его умъ натолкнулъ его на необходимость черновой исторической работы... Въ его мозгу появилось оригинальное представление о картинѣ, въ которой бы все было основано, такъ сказать, на законахъ. По условіямъ времени, подобныя образцовъ въ то время еще нигдѣ не появлялось; стало быть, приходилось начинать сначала во всемъ. Ивановъ принимается за трудъ, который былъ подѣлу только такому уму и характеру. Историческая заслуга Иванова—та, что онъ сдѣлалъ для всѣхъ насъ, русскихъ художниковъ, огромную просьбу въ непреходимыхъ до того дебряхъ, и именно въ томъ направленіи, въ которомъ была нужна большая столбовая дорога, и открылъ такимъ образомъ новые горизонты. Убрать срубленные деревья и щепки, а тѣмъ болѣе укатать и шоссировать самую дорогу—ему не пришлось, потому что къ концу своей работы, когда для его радостнаго вора стали, наконецъ, открываться новые виды, талантъ его оказался раздвоеннымъ его умомъ—и это ясно повѣствуетъ его картина. Словомъ, онъ оказался жертвой за русское искусство, онъ постигнулся вѣишностью противъ своей воли—фатально и по необходимости. Вотъ почему его картина популярно быть не могла при своемъ появленіи, да едва ли будетъ и впоследствии, но она останется надолго, если не навсегда, предметомъ удивленія и изученія для специалистовъ.

...Ни одинъ художникъ не сдѣлалъ для русскаго искусства больше его... Определите идеалы искусства теперяшняго времени, и вы увидите, что Ивановъ уже 50-тъ лѣтъ тому назадъ понималъ ихъ, опредѣлялъ для себя и стремился къ осуществленію. Чего бы вы ни коснулись: композиція, рисунокъ, содержанія, — вы найдете, что Ивановъ удовлетворялъ имъ въ своихъ работахъ сознательно... Но вотъ это-то сознание—великое въ художникѣ его времени—и было тѣмъ тормазомъ, который лишаетъ талантъ свободы исполненія, пока не усвоены приемы до механической бессознательности. Это сознание было ядомъ, разложившимъ элементы художника на составныя его части. Всѣ изъ выдающихся людей его времени были на сторонѣ его труда и его почина; они только не могли понять необходимости избраннаго Ивановымъ

пути... Но теперь ясно, что избранный имъ путь—былъ путь научный, который одинокъ способенъ привести къ благотворнымъ результатамъ, если мы желаемъ изучить и вывести на сцену дѣйствительный, а не призритый характеръ...

...У Иванова во всемъ, чему онъ давалъ значеніе подготовки къ самому дѣлу, оказалось гораздо болѣе необходимаго, художественнаго, живописнаго элемента, чѣмъ въ картинѣ... Съ новымъ поколѣніемъ, воспитаннымъ уже въ школѣ Иванова, съ первыхъ шаговъ многое, стоявшее ему такой цѣны, будетъ усвоено легко.

...Посмотримъ теперь, чтѣ внесено Ивановымъ въ русское искусство новаго. ...Въ сочиненіе или композицію онъ внесъ идею непринизвола, а внутренней необходимости, т.-е. соображеніе о красотѣ линий отходило на послѣдній планъ, а на первомъ мѣстѣ стояло выраженіе мысли, красота же являлась сама собой, какъ слѣдствіе. Въ рисунокъ—чрезвычайное разнообразіе, т.-е. индивидуальность, не только лица, но и всей фигуры, по анатомическому построенію, и исканіе, какое анатомическое строеніе должно отнѣчать задуманному характеру. Въ живописи—совершенно натуральное освѣщеніе всей картины, сообразное мѣсту и времени, а во вѣишнй видъ картины—необходимость эпохи... Нельзя сказать, разумеется, чтобы указанія стороны искусства не встрѣчались вовсе прежде, но не одно и то же—встрѣчается ли это, какъ счастливый придадокъ, или какъ принципъ. И потому, реформаторская смѣлость перваго почина Иванова—изобразить всю сцену дѣйствительно на воздухѣ и дѣйствительно въ пейзажѣ—должна быть подчеркнута. Я уже не говорю о самомъ главномъ—о характерахъ... Идею характеровъ—невмышленныхъ, а дѣйствительныхъ, если онъ и могъ заимствовать, то только у Леонардо-Винчи, у котораго одного, изъ всѣхъ художниковъ стараго и новаго времени, и есть эта черта... (но) Ивановъ пошелъ дальше на столько, на сколько передвинулся вѣкъ... Картины Иванова—первая и вторая, а затѣмъ этюды и, наконецъ, эскизы—показываютъ, какъ, шагъ за шагомъ, онъ долженъ былъ до основанія сломать въ себѣ стараго художника съ академическимъ фундаментомъ, и вся его жизнь есть печальная повѣсть о томъ, какъ ни одно знаніе, вынесенное изъ Академіи, не принесло ему пользы, а все служило помѣхой... Картину свою онъ началъ еще въ то время, когда

былъ полонъ уваженія къ авторитетамъ, не только давно сошедшимъ уже со сцены, но и къ тѣмъ, на кого современники смотрѣли какъ на такихъ, — къ Корнелиусу, Овербеку, Торвальдсену и даже (о ужасъ!) къ Камуччини¹⁾. Не имѣя ни одной черты въ своей духовной натурѣ, сродной названнымъ господамъ, онъ въ началѣ слугается знаменитостей и портитъ свою вещь разными аллегорическими бездѣлницами, и только мучительно медленно освобождается отъ не сроднаго и мертвящаго академизма...

...Къ чему оказался готовъ человѣкъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, свѣдѣтельствуютъ его „Апостола“, составляющие огромный шагъ впередъ отъ знаменитыхъ итальянцевъ XVI в., его рѣшительно невиданный типъ Христа, его монументальный Креститель и, наконецъ, его эскизы изъ Библии и Евангелія. Эти композиции такъ далеко захватили будущее, что и теперь, черезъ 20 слѣдующихъ лѣтъ послѣ его смерти, ни одинъ европейскій художникъ еще не смѣетъ трактовать Евангеліе такъ серьезно-просто, такъ реально, — безъ профанаций, въ уровень предмету. Теперь это можно сказать положительно: послѣдняя всемірная выставка (1878 г.) съ поразительною очевидностью доказала бѣдность европейскихъ художниковъ въ этомъ отдѣлѣ...

Появленіе въ свѣтъ писемъ Иванова въ изд. М. П. Боткина въ 1880 г., какъ и его эскизовъ изъ Свящ. Исторіи за годъ передъ тѣмъ, снова возбуждѣніе въ печати разные толки о нашемъ художникѣ.

Такъ, „Нов. Времѣ“, признававшее въ 1879 г. (№ 1085), въ своей замѣткѣ подъ заглав.: „Рисунки А. Иванова“, что „эскимы дѣйствительно оригинальны и совсѣмъ не напоминаютъ собою тѣхъ картинъ изъ Свящ. Исторіи, которыхъ всегда было такъ много“, и что „оригинальность бросается въ глаза, начиная съ еврейскихъ костюмовъ и кончая изображеніями ангеловъ“, почему „они составятъ драгоценное приобрѣтеніе для всѣхъ любителей художества“, высказывало въ 1880 г. (№ 1409), въ статьѣ „Знаменитый художникъ“ за подписью NN, — слѣдующія соображенія:

„Ивановъ напоминаетъ отшельника, глубоко вѣрующаго, но не увѣреннаго въ своихъ силахъ для совершенія великаго подвига, не увѣреннаго до мнительности. Все, что вращалось

внѣ его идеи, было ему такъ чуждо, что онъ слышъ и рядомъ не понимая самыхъ обыкновенныхъ явленій и, разумѣется, отъ этого страдать, приходило къ противорѣчіямъ, къ недоразумѣніямъ, къ странностямъ, къ униженіямъ даже. Но онъ былъ силенъ тѣмъ здравомысліемъ, которое вдругъ иногда сходило на него, и тѣмъ чувствомъ, которое постоянно обличало въ немъ русскаго человѣка. ...Широкій, большой талантъ, рядомъ съ мнительностью и неувѣренностью въ своихъ силахъ, рядомъ съ незнаніемъ самыхъ простыхъ жизненныхъ отнoшеній, онъ вдругъ говоритъ вещи очень хорошія, даетъ характеристичныя, поражающія вѣсь своей правдою, — характеристичныя не только талантовъ художниковъ и искусства, но даже и явленій жизни, свойствъ народнаго характера, свойствъ отдѣльныхъ лицъ. Такихъ замѣчаній, такихъ ясныхъ мыслей, разсѣяно много въ его письмахъ, къ которымъ необходимо будетъ прибѣгать и историкъ литературы, не говоря объ историкѣ художества. Навяность въ лучшемъ смыслѣ этого слова, простота и доброта души, неалобіе, любовь къ близкимъ, случайныя капризы, жалобы на свое положеніе, вспышки негодованія и какія-то страшныя выходки, рядомъ съ преданностью своей идее, своей работѣ, рядомъ съ вѣрою въ необходимость неустаннаго труда, требующаго регулярной, порядочной жизни, рядомъ съ уваженіемъ къ великимъ мастерамъ прошлаго и настоящаго, — все это такъ и мелькаетъ въ письмахъ, оставляя послѣ себя впечатлѣніе о какомъ-то несложившемся, но тѣмъ не менѣе хорошо знакомомъ и симпатичномъ вамъ характерѣ русскаго человѣка.

„Въ жизни Иванова, главнымъ образомъ, есть двѣ эпохи. Онъ трудился надъ своей картиной много лѣтъ, будучи глубоко-религіознымъ человѣкомъ. Это одна эпоха. Затѣмъ начинаются сомнѣнія и паденіе вѣры. Ивановъ, исполненный вѣры, гораздо симпатичнѣе и, — главное, — сильнѣе Иванова, потерявшаго вѣру. Глубокая религіозность, одушевленіе религіей давали ему силу выносить все невзгоды, работать надъ воплощеніемъ своей идеи...

„Ивановъ обладалъ натурою глубоко-вѣжною, душевною, мягкою, — такою натурою, которая едва ли способна была опускаться на землю... Не даромъ онъ не вполне владѣлъ своимъ умомъ. Да, въ мозгу его совершилось нѣчто такое, что испортило ему жизнь еще, быть можетъ, болѣе, чѣмъ паденіе вѣры и работа надъ новыми идеями въ такую пору жизни, когда пересоздавать себя трудно. Ива-

¹⁾ Это даже предписывалось данными ему изъ Петербурга инструкціями, прибавимъ мы отъ себя.

новъ думалъ, что его хотѣтъ отравить, и эта идея такъ глубоко засѣла въ него, что онъ не только ни у кого не обѣдалъ, но даже обѣдалъ только тѣмъ, что могъ самъ себя приготовить.

...Мы того мнѣнія, что этотъ скептицизмъ, это паденіе вѣры сказалось и на его произведеніи, его „Явленіи Христа народу“, которое не даромъ въ значительной степени охладило общество, думавшее встрѣтить что-то необыкновенно высокое и великое въ картинѣ, такъ долго ожидаемой. Художникъ странствуетъ, изучаетъ, пишетъ массу этюдовъ, тратитъ большую часть времени на подготовительные этюды, хочетъ взять изученіемъ то, что дается лишь вдохновеніемъ, восторгомъ, вѣрою, и, кто бы что ни говорилъ, печать холоднаго изученія невольно обдаетъ зрителя, внимательно стоящаго передъ картиной. Онъ видитъ всю эту группу вѣрующихъ, можетъ съ поученіемъ разсматривать по одиночкѣ каждое, отгадывать его мысли, его социальное положеніе, причину, почему онъ крестится и вѣритъ, онъ понимаетъ необычайную мощь Крестителя, но въ то же время картина обдаетъ его значеніемъ исторической, а не религиозной картины; она не внушаетъ зрителю ни вѣры, ни восторга, потому что въ ней нѣтъ ни того, ни другого; съ другой стороны, она не отвѣчаетъ даже на историческій вопросъ: почему эта скромная фигура, столь далеко поставленная и обратившая на себя вниманіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ картины,—такая дивная и великая, что этотъ пламенный пророкъ, этотъ Креститель, недостойнъ развязать ремешъ у обуви этого человѣка? Какая-то вынужденная, а не искренняя религиозность лежитъ на этой картинѣ и разочаровываетъ зрителя, который пришелъ сюда не съ Штраусомъ въ карманѣ...

...Самыя сомнѣнія въ вѣрѣ не были ли сомнѣніями не ума сильнаго, которымъ не обладалъ Ивановъ, а пошатнувшейся воли, пошатнушагося ума? Мы ставимъ только эти вопросы, не отвѣчая на нихъ; когда дѣло идетъ объ опредѣленіи личности замѣчательнаго человѣка—необходимо, по нашему мнѣнію, обращать вниманіе на все то, что такъ или иначе характеризуетъ эту личность.

Нѣсколько иные характеристики дѣлали Иванову другіе журналы по поводу выхода въ свѣтъ книги М. П. Воткина.

„Письма эти (т.-е. Иванова)—говорилось въ „Кругозорѣ“ И. Павлова отъ янв. 1880 г. (№ 4, с. 13)—въ высшей степени разнообразны по выражающемуся въ нихъ настроенію духа,

по содержанію, даже по языку. Вся виѣшняя и внутренняя жизнь, весь характеръ художника, искренній, первный, впечатлительный, странное сочетаніе могучей силы и слабости—ярко рисуются въ нихъ. Слишкомъ часто, къ сожалѣнію, сказывается разладъ съ окружающимъ, слишкомъ часто слышится скорбь, вызываемая равнодушіемъ, непониманіемъ, мелочными заботами, нуждою; но горячая любовь къ своему дѣлу, живое чувство высокаго призванія торжествуетъ надъ невзгодами, надъ временнымъ упадкомъ духа...

„Великій интересъ придаютъ также этимъ письмамъ отзывы Иванова о многихъ извѣстныхъ въ искусствѣ и литературѣ людяхъ, съ которыми встрѣчался и болѣе или менѣе обличался онъ...

„Вездѣ и во всякое время такая книга была бы драгоценнымъ вкладомъ въ исторію и литературу. Въ настоящее время у насъ она вдвойнѣ драгоценна. Если жизнь и труды истиннаго, высокороднѣшаго художника составляютъ всегда одинъ изъ интереснѣйшихъ, благотворнѣйшихъ предметовъ для изученія, то для насъ теперь такое изученіе въ особенности интересно и благотворно. Всѣ тѣ свойства духа, всѣ тѣ силы, въ которыхъ слишкомъ склонны мы сомнѣваться, всѣ тѣ интересы, которыми слишкомъ склонны мы пренебрегать, наглядно предостоятъ передъ нами. Не одни только новыя свѣдѣнія, но и новое сознаніе новыхъ истинъ вынесетъ тотъ, кто внимательно прочтетъ эту книгу“.

„Ивановъ, несомнѣнно, имѣлъ склонность къ психическому разстройству, — сообщалось въ „Русс. Мысли“ 1880 (№ 4, Библіогр., с. 1—7), а извѣстно, что на такихъ людей болѣзненная душевная жизнь другихъ дѣйствуетъ чрезвычайно заразительно, особенно же, когда она сопровождается, какъ у Гоголя, кованіемъ въ самомъ себѣ, убійственнымъ для разстройшенной нервной организаціи... Характеристично для Иванова, однако, не это аскетическое настроеніе, а, напротивъ, то, что онъ имѣлъ достаточно трезвости мысли и силы, чтобы не остаться навсегда такимъ, какимъ остался Гоголь, и чтобы преградить, наконецъ, близкія отношенія съ нимъ...¹⁾).

¹⁾ „Намекъ на то, что европейская цивилизація можетъ еще ожидать отъ Франціи важныхъ услугъ, — по свидѣтельству П. В. Анненкова въ его статьѣ „Замѣчательное десятилітіе“ (1838 — 48 гг.) въ „Вѣст. Европы“ 1880 (№ 2,

„Ивановъ, дѣйствительно, не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ энциклопедисту, дѣйствительно велъ въ послѣдніе годы почти отшельническую жизнь; но это не вытекало у него изъ религіознаго чувства,—онъ просто былъ человѣкъ, смотрѣвшій на жизнь очень серьезно и не любившій тратить ее на мелочи. Большую часть своей жизни Ивановъ былъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ, но объясненія его работы надъ картиной (а, следовательно, и его жизни) надо искать не въ религіозномъ чувствѣ. Изъ его писемъ дѣлается совершенно яснымъ, что стремленіе, оуменьшавшее его въ теченіе всей жизни, побуждавшее его приняться за 28-лѣтній трудъ и довести его, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія трудности, до юнца—было стремленіе патристическое. ...Художественное развитіе Россіи было его преобладающей мыслью...

„При всей увѣренности въ томъ, что Россія должна занять равное съ другими мѣсто въ европейской культурѣ, замѣчательна трезвость, съ которой онъ смотрѣлъ на ея права на это положеніе. ...Собираясь создавать школу, онъ вовсе не считалъ себя человѣкомъ необыкновеннымъ...

„Та же трезвость и глубокая серьезность отличали его и въ его отношеніи къ ближайшей задачѣ—живописи. Онъ одинаково отрицательно

с. 590), прибавимъ отъ себя, — не разъ имѣлъ снгу приводить невозмутимаго Гоголя въ нѣкоторое раздраженіе...

„У Иванова доля убѣжденія въ той же самой несостоятельности французской жизни была ничуть не менѣе, но, какъ часто случается съ дѣлами глубоко-аскетической природы, — искушенія и сомнѣнія жили у него рядомъ со всѣми вѣрованіями его. Онъ никогда не выходилъ изъ тревоги совѣсти. Можно даже сказать про этого замѣчательнаго человѣка, что всѣ самыя горячія попытки его выразить на дѣлѣ въ творчествѣ свои вѣрованія и убѣжденія рождались у него также точно изъ мучительной потребности подавить, во чтобы то ни стало, волювавшая его сомнѣнія. И не всегда удавалось ему это. Притомъ же, наоборотъ съ Гоголемъ, онъ питалъ затаенную неуверенность къ себѣ, къ своему сужденію, къ своей подготовкѣ для рѣшенія занимавшихъ его вопросовъ, и потому съ радостью и благодарностью опираясь на Гоголя, при возникшихъ безпрестанно затрудненіяхъ своей мысли, не будучи, однакоже, въ состояніи умиротворить ее вполне и съ этой поддержкой“.

относился къ риторикѣ академической живописи и къ крайностямъ романтизма. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ реалистъ. ...Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на воспроизведеніи дѣйствительности онъ не могъ остановиться. ...И это совершенно понятно съ его точки зрѣнія на искусство. Картина должна производить глубокое и благотворное впечатлѣніе на зрителя; надо, чтобы ея дѣйствіе окупило 28-лѣтній трудъ; художникъ—проповѣдникъ идетъ.

„Въ этомъ отношеніи въ высокой степени замѣчательнъ переломъ, совершившійся въ немъ около 48 года... Его прежнее мировоззрѣніе колебалось. ...Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, долженъ былъ намѣниться и взглядъ его на свою картину. Переходъ, конечно, былъ болѣзненный. ...Картины своей, однако, онъ не оставилъ, но отнесся къ ней съ новой точки зрѣнія. Всѣ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни онъ постоянно искалъ идей для новаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ чутче къ современному состоянію умовъ и къ политическому движенію въ Европѣ...

„Ивановъ умеръ, не успѣвъ найти принципа новаго искусства, какъ, можно сказать, не найдя онъ и до сихъ поръ. Можно замѣтить, однако, что не одной отсталостью искусства, какъ думалъ Ивановъ, объясняется вѣроисторическое значеніе его въ современной жизни. Самъ Ивановъ платилъ дань одной изъ существенныхъ особенностей современнаго духовнаго развитія, парализующихъ силу творчества и интенсивность художественнаго впечатлѣнія. Мы говоримъ о господствѣ мысли надъ чувствомъ...

„Этотъ рефлексивный характеръ творчества—естъ знаменіе эпохи, и эпохи неблагоприятной для искусства. Но Ивановъ искалъ, и если при этомъ заблуждался, то самое это исканіе новаго ставило его выше тѣхъ художниковъ, которые мирились и мирятся съ дѣйствительностью, не оказывающей, очевидно, почти никакого вліянія на общество. Но нельзя сказать даже, чтобы Ивановъ дѣйствительно заблуждался: въ своемъ творчествѣ онъ вовсе не находилъ осуществленіе искусства будущаго; онъ самъ глядѣлъ на него какъ на исканіе, на попытку...

„Переписка Иванова, конечно, интересна для человѣка знакомаго съ искусствомъ, потому что въ ней разсѣяно множество замѣчаній о различныхъ художникахъ и произведеніяхъ искусства, но для большинства читателей она, безъ сомнѣнія, покажется довольно скучной.

Она не даетъ почти никакихъ матеріаловъ для характеристики эпохи, и это совершенно понятно. Ивановъ велъ жизнь уединенную, да, кромѣ того, не любилъ говорить ни о чемъ, что не касалось прямо его, или, правильнѣе сказать, его задачъ...

„Стиль Иванова отличается полнѣйшей правильностью; но это равнодушіе въ формѣ, по нашему мнѣнію, возмываетъ впечатлѣніе искренности, производимой его письмами“.

„Переписка Иванова съ родными и друзьями имѣетъ глубокой нравственный интересъ. Она богата очерчиваетъ эту цѣльную, младенчески простую и глубокую натуру — говоритъ А. П. въ своей „біографіи Иванова“ въ „Русс. Вѣст.“ 1880 (т. 147, № 5, с. 436—446). История Иванова — это история одной картины. Мы увѣрены, что можно обозрѣть тысячу біографій художниковъ, и не найти второго примѣра такой глубокой вѣрности одному и тому же, развѣ блеснувшему идеалу. Никто не вынашивалъ своей мысли съ такою фанатическою страстью, какъ Ивановъ, никто не приступалъ къ ея исполненію съ такою всестороннею художественно-нравственной подготовкой... Ивановъ былъ всецѣло преданъ своему призванію. Его могучій гений ежечасно возносилъ его надъ будничною дѣятельностью и не давалъ времени заниматься пустыми дѣлами и суетными... Взглядъ Иванова на искусство былъ самый возвышенный. Онъ не терпѣлъ мадерности, не терпѣлъ всѣхъ тѣхъ вѣщныхъ пріемовъ и уловокъ, которыми такъ богата новѣйшая школа. Его душа вѣчно летѣла въ облака самаго строгаго классицизма, и никто изъ живописцевъ не прельщалъ его такъ, какъ бессмертный Рафаэль. Это обстоятельство крайне важно. Оно сразу очерчиваетъ Иванова какъ глубокаго, дѣйствительно одареннаго огнемъ гения—творца, не какъ ремесленника, гоняющагося за мимолетною славой, или мелкаго слугу толпы, разслабленнаго мимолетными, рабски у природы заимствованными эффектами... Естественная область, въ которой онъ былъ истиннымъ царемъ, — была живопись историческая. Замѣчательно, что, такъ высоко цѣня итальянцевъ лучшаго періода, онъ положительно презиралъ итальянцевъ новѣйшихъ... Пробывъ 28 лѣтъ вдали отъ Россіи, Ивановъ въ сердцѣ своемъ всегда оставался глубоко русскимъ человѣкомъ... Ивановъ ощущалъ постоянную потребность освѣщать свои художественные полеты философскими и научными идеями. Сначала, въ первую половину его дѣ-

тельности въ Римѣ, Евангеліе было ему этою нравственною философіей. Онъ весь былъ погруженъ въ Священное Писаніе; имъ только жилъ, имъ только питался. Но въ послѣдствіи онъ увлекся Штраусомъ. Думая изъ него извлечь новыя идеи для своего искусства, изучилъ его сочиненія, и имѣлъ случай лично съ нимъ бесѣдовать... Вслѣдствіе ища разрѣшенія томившихъ его художественныхъ вопросовъ, Ивановъ, на обратномъ пути своемъ въ Россію, даже ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену... Такъ-то алкалъ истинны этотъ человѣкъ, этотъ вѣчный мученикъ собственнаго произведенія, и такъ-то метался онъ изъ стороны въ сторону, не зная, гдѣ найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній, своихъ идей. Причина его метанія отъ Евангелія къ Штраусу и Герцену — не иная, какъ недостатокъ образованія. Будь Ивановъ образованнымъ человѣкомъ, онъ совершилъ бы великое... Онъ самъ сознавалъ себя недоучкой, самъ чувствовалъ, какъ это состояніе пагубно для истинныхъ успѣховъ врожденнаго таланта.

...Въ началѣ мая 1858 г., послѣ 28-лѣтняго отсутствія, Ал. Андр. Ивановъ высадился въ Петербургъ. Его картина прибыла тоже, и была выставлена въ Вѣхой залѣ Зимняго Дворца. Для публики ее перенесли въ Академію Художествъ. Тамъ она была помѣщена неудачно. Ея колоссальныя размѣры требуютъ тщательнаго устройства подставокъ и очень удачнаго освѣщенія, притомъ необходима зала обширная, дабы зритель могъ отойти на то разстояніе, съ котораго удаленная фигура Христа перестаетъ казаться малою въ сравненіи съ группами перваго плана. Этимъ обстоятельствомъ, мы думаемъ, и объясняется отчасти не вполне восторженная оцѣнка со стороны публики этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія живописи“.

„Типъ Христа, Іоанна Богослова, Іоанна Крестителя и Андрея, — говоритъ Мѣ въ „Искусствѣ“ 1883 (т. 18, с. 203),—можно сказать, положительныя созданія русскимъ художникомъ и непохожи ни на одинъ подобный типъ другихъ мастеровъ... Во всей европейской живописи едва ли можно найти подобнаго Христа, какъ Христосъ Иванова, — какъ по его величавости, такъ и по всему собственно-художественному совершенству тишинаго и въ высшей степени оригинальнаго изображенія. Точно такъ же едва ли во всемъ европейскомъ искусствѣ найдемъ другого Іоанна Крестителя, равнаго Крестителю Иванова... Рисунокъ, типъ, выра-

женіе въ картинѣ — равно удивительно. Ее нельзя не причислить къ первокласснымъ историческимъ картинамъ. О колоритѣ говорить много не приходится, потому что вся картина не приведена въ общій тонъ, но есть частности, написанныя превосходно. Драпировки всё чрезвычайно натуральныхъ и полны стиля. Пейзажъ выполненъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла“...

„Въ исторіи русской живописи, — писалъ В. Чуйко въ „Нови“ 1887 г. (т.т. XIII — XV, №№ 1, 7, 5, и 9, Мозаика, с. 108 и 110 — 111, 276, 195 и 329 — 330), — два имени выдвигаются особенно ярко впередъ: Брюлловъ и Ивановъ. Въ наше время въ русской художественной критикѣ установился странный и ничѣмъ не оправдываемый обычай сопоставлять эти два имени, въ ущербъ, разумеется, первому... Ивановъ, начавшій и закончившій свою дѣятельность позднѣе (Брюллова), — натура созерцательная, глубокая, страстно увлекавшаяся идеей, — представляетъ явленіе, до такой степени особенное, одиночное, что между нимъ и Брюлловымъ не можетъ быть никакого сравненія. Одинъ представляетъ собою чистаго художника, хотя, можетъ быть, и поверхностнаго, но съ большимъ творческимъ даромъ; другой — созерцательнаго мечтателя, безъ творческаго дара, хотя глубокаго по задачамъ и требованіямъ. Брюлловъ, былъ, конечно, до известной степени условенъ, — какъ было въ то время условно все искусство на Западѣ Европы: онъ усвоилъ себѣ приемы и технику, доведенные до совершенства на Западѣ, и, не желая быть главою новой школы, просто былъ талантливымъ художникомъ. Ивановъ, напротивъ того, задавался болѣе серьезными цѣлями: онъ думалъ о реформѣ, реформой реформъ въ искусствѣ. Брюлловъ, какъ натура въ высшей степени художественная и реальная, довольствовался тѣмъ, что воспроизводилъ красивое въ природѣ, а Ивановъ, натура по преимуществу созерцательная, даже мистическая, болѣе углубляясь, искалъ выраженія не внѣшности, а внутреннихъ, душевныхъ движеній. Тургеневъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ очень жѣтко опредѣлялъ какъ Брюллова, такъ и Иванова... Характеристика эта — очень вѣрная въ общемъ — не исчерпываетъ, однако же, задачъ Иванова. Задачи эти имѣютъ огромную важность не для одного лишь русскаго искусства: онѣ захватываютъ собою

самые существенные вопросы современной эстетики и тѣсно связаны, — можно сказать органически, — съ самою жизнью Иванова, съ психическимъ процессомъ его мысли и чувства, съ его работами. Жизнь Иванова объясняетъ эти задачи и, наоборотъ, задачи объясняютъ жизнь художника. Такъ что, неинтересная въ смыслѣ внѣшнихъ событій, эта жизнь представляетъ громадную важность вообще для исторіи современнаго искусства... Необходимо замѣтить, что материалы біографіи Иванова, имѣющіеся въ русской литературѣ, далеко не богаты и почти совершенно молчатъ именно о тѣхъ фактахъ и обстоятельствахъ, которые имѣютъ особую важность при опредѣленіи развитія художника“.

Излагая далѣе жизнь нашего художника, главнымъ образомъ на основаніи воспоминаній о немъ разныхъ лицъ въ изданіи М. П. Боткина, критикъ замѣчалъ, между прочимъ, по поводу взаимныхъ отношеній Гоголя и Иванова: „Исторія психическаго развитія Гоголя почти противоположна развитію Иванова. Въ то время какъ Гоголь, если не отъ невѣрія, то въ всякомъ случаѣ отъ индифферентизма, все болѣе и болѣе склонялся къ вѣрѣ, пока къ концу жизни имъ не овладѣлъ полный мистицизмъ, — Ивановъ, напротивъ, отъ простодушной, но глубокой вѣры шелъ, процессомъ умственной работы, если не къ невѣрію, то къ индифферентизму. И тутъ-то, главнымъ образомъ, находится трагическая черта въ жизни Иванова, какъ и въ жизни Гоголя. Великій писатель подъ конецъ жизни отрицалъ свои сочиненія, хотѣлъ уничтожить свое прошлое и выпустить знаменитую „Переписку съ друзьями“. Ивановъ же, глубоко преданный христіанскимъ идеѣ въ первую половину своей жизни, посвятивши ей почти 20 лѣтъ труда, успій, творческаго духа, чтобы воплотить ее въ великомъ художественномъ произведеніи, вдругъ увидѣлъ, что все его прошлое — одно лишь заблужденіе и что его картина есть только свидѣтельство этого заблужденія! Не трагизмъ ли это? Но нельзя забывать, что во время ихъ сближенія Ивановъ находился въ религиозномъ періодѣ, и вліянія Гоголя, который уже клонился къ мистическому міровоззрѣнію, не могло не быть. Разладъ между ними начинается именно съ той минуты, когда Ивановъ, во время 1848 г., началъ отрѣшаться отъ христіанской идеи, когда сомнѣнія, которыя, вѣроятно, и прежде были у Иванова, овладѣвали все болѣе и болѣе его душой. Тутъ уже вліяніе Гоголя оказалось безсильно и отношенія

между великимъ писателемъ и великимъ художникомъ, по необходимости, должны были измѣниться“.

Переходя къ картинѣ Иванова, послѣ разбора эскизовъ къ ней, *Чудико* дѣлалъ слѣдующій выводъ: „Нельзя сказать, чтобы перемѣны, произведенныя Ивановымъ въ своей картинѣ по совѣтамъ Корнеліуса, Овербека и Торвальдсена, были особенно счастливы. Пейзажъ перваго эскиза превосходить и придаетъ теплую поэзію всей сценѣ; затѣмъ, группировка фигуръ перваго эскиза значительно лучше и разнообразнѣе: Ивановъ имѣлъ несчастную мысль въ картинѣ окончательно уничтожить всѣ женскія фигуры, что придаетъ группамъ нѣкоторую сухость; невозможно также остаться довольнымъ общимъ расположеніемъ фигуръ — расположеніемъ, которое имѣетъ видъ какъ бы скульптурный, барельефный; далѣе, хотя чудесно и изящно, но искусственно расположены складки и драпировки, напр.: на Христѣ, на Апостолахъ, Иоаннѣ и Андрѣ. Крестъ Иоанна Крестителя, присовѣтованный Торвальдсеномъ, мантія, присовѣтованная Овербекомъ, — портятъ общее впечатлѣніе“.

„Несмотря на свои несомнѣнныя достоинства, — оканчивалъ критикъ свою статью, — картина Иванова не производитъ впечатлѣнія непосредственнаго, эстетическаго. Она холодна, не трогаетъ, и, если и говорить многое уму, то не говорить чувству... Картина, очевидно, не вылилась въ воображеніи художника какъ органическое цѣлое, которое художнику потомъ приходилось только выполнить, воплотить на холстѣ. Картина создавалась, напротивъ того, — по частямъ, плп, вѣрнѣе, если цѣльность въ картинѣ и была первоначально, то она терялась и, наконецъ, совсѣмъ ступсевалась, вслѣдствіе слишкомъ большой тщательности въ обработкѣ частныхъ: частности, детали, мелочи, слишкомъ увлекали художника, и онъ упустилъ изъ виду цѣлое. Не будемъ вдаваться въ слишкомъ детальный анализъ картины, но нельзя, напр., не замѣтить, что „народа“ въ картинѣ нѣтъ, а есть только группы, — правда, превосходно выполненные, но мелкія, какъ-бы подобранныя: здѣсь нѣтъ ширины дѣйствительной, живой сцены, а есть условности, искусственное размѣщеніе, съ цѣлью произвести впечатлѣніе красоты по принципамъ академической школы. Съ другой стороны, колоритъ, если даже принять во вниманіе то, что картина не приведена въ общій тонъ, — очень

плохъ. Вообще, какъ колоритъ, Ивановъ никогда не выдавался: это рыжій, нестрій, неестественный колоритъ... Съ другой стороны, однако, нельзя не замѣтить необыкновенныхъ, поразительныхъ детальныхъ достоинствъ картины. Личности, типы, характеры, — изумительны не только по выполненію, но и по творческой мысли. Реальность и вѣрность типовъ, рисунковъ тѣла и одежды — все это вершъ совершенства. Все это оригинальные еврейскіе типы, передающіе не одну вѣщность, но и душу, характеръ даннаго лица, и останутся навсегда великими, глубокими созданиями въ ряду того, что европейское искусство произвело до сихъ поръ самаго важнаго и вѣчнаго. — Такимъ образомъ, въ картинѣ Иванова мы видимъ какъ-бы нѣкоторую раздвоенность: удивительный, почти до гениальности доходящій талантъ въ деталяхъ, въ тинахъ, и несостоятельность въ цѣломъ. Какъ это объяснить? Отчасти, конечно, — продолжительностію работы, недостаткомъ фантазій, недостаткомъ того, что называется творчествомъ. Но къ этому присоединяется еще и другое обстоятельство, которое внесло, безъ всякаго сомнѣнія, дисгармонію въ картину, — это то, что онъ писалъ свою картину въ двѣ различныя эпохи своей жизни: тогда, когда „вѣрнѣе“, и тогда, когда „пересталъ быть религиознымъ“.

...Его картина уже не говоритъ ему ничего, въ его глазахъ это — не религиозная картина, какъ была прежде, а лишь историческая, и онъ заботится не о чувствахъ, не о впечатлѣніи, а лишь объ исторической вѣрности, объ археологической несомнѣнности деталей. Онъ уже увлеченъ въ другую сторону, далеко отъ своей первоначальной точки зрѣнія, онъ ищетъ новыхъ задачъ въ искусствѣ, — тѣхъ задачъ, которыя, по его мнѣнію, должны отвѣчать современному состоянію науки и философіи. ...Недостатокъ поэтому таланта, какъ вообще полагаютъ, дѣлаетъ картину Иванова неудовлетворительною, а тотъ душевный разладъ, который произошелъ въ Ивановѣ. Какъ художникъ, Ивановъ является намъ недоконченнымъ, раздвоеннымъ и даже, въ концѣ концовъ, неудачнымъ, если приимать въ соображеніе только то, что онъ произвелъ. Но, съ другой стороны, это явленіе почти небывалое въ наше время, — явленіе художника, который сумѣлъ поставить свое искусство на тотъ высокій, почти недостижимый пьедесталъ, на

которомъ искусство должно стоять и па которомъ оно давно уже не стоитъ“.

„Въ исторіи нашего искусства личность Ал. Андр. Иванова стоитъ мощно и опредѣленно, на грани старой академической рутины, и представляетъ какъ бы поворотную точку къ истинному реализму и исканію живой правды,—замѣчалъ Н. (Новицкій?), печатая „Неизд. письма А. А. Иванова“ въ „Русс. Вѣст.“ 1890 (т. 208, № 5, с. 38—56).—Художникъ-аскетъ, всю жизнь положившій на двѣ картины, онъ является для насъ типомъ истиннаго работника своей кельи, полнаго вдохновенныхъ образовъ и чуждаго суеты міра. Едва ли не единственный изъ тогдашнихъ живописцевъ, онъ смѣло возсталъ противъ Академіи Художествъ, какъ „итальянскаго“ изобрѣтенія, и прямо говорилъ, что въ академическомъ мундирѣ съ высокимъ штыкомъ воротничкомъ—ничего нельзя дѣлать, какъ только стоять вытянувшись. Это былъ человекъ стойкихъ убѣжденій. Когда ему предложили роспись стѣн храма Спасителя въ Москвѣ, онъ пришелъ въ ужасъ отъ мысли, какъ онъ съ пошатнувшимися религиозными взглядами рѣшится ваять за иконой. Онъ отвергъ все выгодные предложенія и заказы, и умеръ бѣдникомъ, когда его товарищи составили уже капиталы и положеніи.“

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилось собраніе его писемъ. Книга эта произвела большую сенсацію въ художественномъ мірѣ. Въ писмахъ этихъ—порою мало грамотныхъ и напущенныхъ, порою горячихъ и полныхъ тонкой критикой и здравыхъ мыслей,—раскидано столько интересныхъ мыслей и положеній, что собраніе ихъ вскорѣ сдѣлалось у многихъ художниковъ настольною книгою.“

„Оставшись безъ работы (во время бомбардированія Рима въ 1848 г.),—писалъ А. Новицкій въ своей статьѣ „А. А. Ивановъ, какъ иллюстраторъ Свящ. Писанія“—въ „Русс. Обзор.“ 1893 (т. XII, іюль, с. 325),—Ивановъ, и раньше склонный къ чтенію и углубленію въ философскіе и социальныя вопросы, теперь сталъ заниматься ими еще болѣе прежняго, и результатомъ этого получился тотъ, всѣмъ извѣстный, нравственный переворотъ, который оказался потомъ въ самой неоконченности его великаго труда.“

„Мы, не постигшіе вполнѣ мысли Христовой и не въ состояніи будущи до такой степени очиститься отъ беззаконій и пороковъ, чтобы тоже создать изъ сердецъ нашихъ храмовъ

Богу,—полагаемъ, что наши безпрестанныя преступленія могутъ выкупиться соблюденіемъ обрядовъ, символически Его славящихъ. Вотъ отсюда-то и нужно, чтобы мудрый художникъ русскій создалъ намъ Библию въ изящныхъ видахъ и приложилъ къ ней свои ученныя историческія разясненія. Въ нихъ-то будетъ проявляться истинно-народное образованіе русское“,—записывалъ Ивановъ въ одномъ изъ альбомовъ, хран. въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ при Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ, повидимому, раньше 1848 года.

„Желательно бы было, чтобы люди просвѣщеннѣйшіе ускорили свой шагъ къ нравственному совершенству или, что все равно, примыслились бы съ Евангеліемъ Иоанна... разобрали бы критически и стали бы продолжать или пополнять ученіе Христова знаніями, купленными вѣками и теперь приведенными въ порядокъ такой, какого нужно бы, чтобы увѣнчать зданіе земли. Свѣтъ сей мы видимъ въ Германіи, но началомъ его распространенія должна кончиться сама Германія—по закону рожденія, мужества и смерти. Какая же нація должна принять итогъ вѣковыхъ трудовъ державъ нашихъ?—святая, возстающая, колосистая Россія. Арааратъ, новая колыбель человѣческаго рода послѣ ужаснаго переворота,—уже въ рукахъ нашихъ. Умѣй русскій ученый воспользоваться симъ скорѣе, и вотъ—уже въ рукахъ нашихъ новыя открытія, новыя поясненія къ извѣстнымъ началамъ!“—отмѣчалъ онъ въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же альбомовъ.

„Славянское племя, сосредоточивъ жизнь въ Россіи, богатымъ языкомъ своимъ призвано, какъ послѣднее въ теченіи образованій народовъ, чтобы заключить цѣль созданія человѣка на землѣ...—При упадкѣ націй (Израильской), Онъ (Спаситель) явился и тѣмъ, такъ сказать, заключилъ ея существованіе, давъ способъ человечеству—вѣрою держаться до тѣхъ поръ, пока, въ ходу образованія сѣверныхъ народовъ, не дойдетъ оно до нашего отечества, вѣрою же достигающаго до яснаго понятія и Его, и другихъ пророковъ, до назначеннаго ему совершенства святости собственной жизни всѣхъ и cadaго...—Съ чего же начнемъ? какъ присугубимъ къ такой благодати и истинѣ, дарованной намъ самимъ Спасителемъ? Не изящными ли произведеніями всѣхъ книгъ откровенія? Таковыя изображенія, созданныя со всѣмъ самоотверженіемъ русскаго, при разсказахъ и историческихъ доказательствахъ, будутъ самыми ясными наставниками для исправленія и раз-

вѣтій нравственныхъ способностей. — Чтобы подкрѣпить и олицетворить такое прочное образованіе нашего отечества, мы, по праву избранныхъ, указанныхъ въ Евангеліи, предлагаемъ все это на милостивое усмотрѣніе законнымъ помощникамъ царскимъ, дабы они, кромѣ способовъ, еще снабдили насъ своею силой покровительства отъ подлѣйшаго чиновничества, насъ на каждомъ шагу угнетающаго; — излагалъ онъ въ третьемъ мѣстѣ, въ видѣ обращенія къ какому-то высокопоставленному лицу, всего вѣроятнѣе, къ кн. П. М. Волконскому.

„Мы не будемъ входить въ отѣнку мнѣній Иванова, — прибавлялъ Новикій послѣ сообщенія приведенныхъ отрывковъ изъ тетрадей его, — и разбирать ихъ справедливость или значеніе. Ивановъ насъ интересуетъ не какъ философъ-мыслитель, каковымъ онъ, конечно, и не былъ; насъ интересны эти мнѣнія для того, чтобы составить себѣ возможно ясное понятіе о его мировоззрѣніи, которое неминуемо должно было отражаться на его художественныхъ работахъ. Кромѣ того, эти приведенные отрывки ясно показываютъ намъ и внутреннія причины, побуждшія художника заняться интересующими насъ рисунками.

...Рисунки эти исполнялись какъ бы между дѣломъ, но, несмотря на это, побуждаемый такими идеальными стремленіями, художникъ относился къ нимъ съ такою любовью, такъ тщательно обдумывалъ каждую подробность, столько изучалъ и костюмы, и обычаи евреевъ, и такъ старался выникнуть въ духъ Писанія, что композиція эти становятся chef-d'oeuvre'ами его творчества. Онъ является здѣсь уже не тѣмъ першительнымъ, робкимъ, все еще ученикомъ, несмотря на прекрасную технику, какимъ мы видимъ его въ большой картинѣ, гдѣ онъ, рѣшивши написать лучше всѣхъ другихъ художниковъ, видѣлъ постоянно, что не достигаетъ такой высокой цѣли, и все былъ недоволенъ собой, все передѣлывалъ и переменялъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, необходимость не заставила его прекратить работу. И въ результатѣ такъ и получилось, несмотря на всю мощь техники, что-то такое робкое, даже ученическое, — мы не говоримъ, конечно, объ отдѣльных частяхъ картины, а про общее впечатлѣніе. Другое дѣло здѣсь. Тутъ онъ не думалъ превзойти всѣхъ другихъ художниковъ, потому что не думалъ даже выставлять это въ такомъ видѣ публикѣ: онъ рисовалъ, такъ сказать, для себя, — рисовалъ, потому что рисовалось. И здѣсь никто не можетъ отказать ему не только

въ красотѣ композиціи, но даже и въ мощной фантазій, которую нельзя и предположить въ немъ, судя по его картинѣ, и особенно въ необыкновенной оригинальности, съ какою онъ трактуетъ Библейскіе и Евангельскіе сюжеты.

...Ни одна книга, конечно, не привлекала столько иллюстраторовъ, какъ Библія и Евангеліе. За нихъ брались самые извѣстные и самые талантливые художники. Но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ художникомъ — онъ является здѣсь вполне оригинальнымъ. Напр., какъ оригинальны всѣ его ангелы, изображенные многокрылыми и въ одно и то же время могучими и легкими! Какъ оригинальна Пресв. Дѣва, которую ангелъ приводитъ къ пробуждающемуся Іосифу... Потомъ, сколько могущества и движенія передано въ фигурѣ Христа, когда Онъ проходитъ среди разяреннаго народа!.. А какъ реально и вмѣстѣ поэтично трактовано у него искушеніе Христа въ пустынѣ!... — Въ бичеваніи Спасителя художникъ далъ тоже вполне реальную обстановку, взятую имъ изъ разныхъ специальныхъ сочиненій.

„Вездѣ онъ вноситъ тотъ же реализмъ, какой мы видимъ и въ картинѣ... Такимъ образомъ только теперь, ознакомившись съ этими композиціями, можно имѣть понятіе о талантѣ Иванова. Вся сила его сказалась именно въ нихъ, и сужденіе о немъ по его картинамъ, даже по этюдамъ, является самымъ вѣрнымъ“.

Теперь посмотримъ, какъ отзывались объ Ивановѣ иностранные художественные писатели. *Вагенъ* въ своемъ изданіи: „Die Gemälde-Sammlung in der Kaiserl. Ermitage“, 1864, замѣчалъ насчетъ карт. Иванова „Явленіе Христа Магдалинѣ“, что „голова Христа — слаба и слаба“, но что „прекрасные осянка и рисунокъ, тщательная отдѣлка, не смотря на нѣсколько холодный колоритъ, составляютъ несомнѣнная заслуги“. Затѣмъ, печатая въ „Сиб. Вѣдом.“ 1874 г. (№ 117) выдержки изъ книги *Аткинсона* „An art tour to northern capitals of Europe“ въ русск. переводѣ, В. В. Стасовъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ англ. критика о нашемъ художникѣ:

„Явленіе Христа народу, А. А. Иванова, — созданіе мастерское, — есть самый важный примір. національной школы живописи въ Московскомъ Публичномъ Музее. Тридцать лѣтъ тому назадъ, извѣстный художественный писатель, *г-н. Рачинскій*, судя по однимъ этюдамъ, предсказывалъ, что эта картина составитъ эпоху въ русскомъ ис-

куству. Концепція нящана... Фигуры (числомъ 35) заслужили много похвалъ за хороший рисунокъ и сильное выраженіе, но возражали также, что формы монотонны, а краска сыра и преувеличена. Я помню, какъ 15 лѣтъ тому назадъ картина эта, только что копенгагена, была предметомъ разговоровъ всего Рима; художники изъ Café Grasso расхвалили ее въ одинъ голосъ; но краски были такіа невольнительныя, что одинъ англійскій фотографъ, получившій порученіе снять картину для Россіи, отказался отъ этого, какъ отъ вещи невозможной... Но бѣдный Ивановъ не дожидъ до той популярности, которая ожидала его. Я точно вижу его передъ собой, молчаливаго и грустнаго, убитаго заботой, съ надломленнымъ здоровьемъ, какъ онъ стоитъ передъ громадными своими холстами, на который онъ потратилъ дѣлать 20 лѣтъ жизни.

Пять лѣтъ спустя, въ предисловіи къ издаваемымъ „Изображеніямъ изъ Св. Исторіи оставленныхъ эскизовъ Ал. Иванова“, по порученію Центральной дирекціи Германскаго Археологическаго Института, Гельмгольцъ, секретарь послѣдняго, высказывалъ такой взглядъ на Иванова:

„По глубинѣ содержанія, по силѣ выраженія, Иванова можно сравнить съ самыми замѣчательными мастерами нашего вѣка. Кромѣ всего этого, композиціи его, несмотря на ихъ художественную дѣятельность, еще въ другомъ отношеніи способны возбудить самый живой интересъ, такъ какъ онѣ проникнуты духомъ совершенно самобытнымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ произведеніями лѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ художниковъ. Духъ этотъ, мы полагаемъ, можно назвать *чисто-русскимъ*“.

Совершенно иначе взглянулъ на тѣ же эскизы Иванова профессоръ исторіи искусства въ Аграмской художественной школѣ, Креняви, хотя и славянинъ родомъ, — въ „Zeitschrift für bildende Kunst“ 1882.

Хвала нашего художника за серьезность направленія, строгое изученіе, за равныя техническія достоинства — отличный рисунокъ, мастерскую группировку большихъ массъ, интересный архитектурный и ландшафтный фонъ, гдѣ Ивановъ является, по его замѣчанію, какъ бы предтечею новѣйшихъ французскихъ живописцевъ на Библейскія темы, и признавая у нашего художника задатки дарованія по части *кolorita*, онъ нападалъ на него за все то,

что у того есть самаго своеобразнаго, новаго, оригинальнаго, причемъ признавалъ его „новый типъ Христа — совершенно промахнувшимся“. „У Иванова всегда неудача съ фигурами ангеловъ, — замѣчалъ онъ также. То онъ представляетъ ихъ какими-то привидѣніями, колоссально большими существами — по византийской манерѣ изображать въ сверхъестественныхъ размѣрахъ сверхъестественныя существа, то онъ дѣлаетъ изъ нихъ ассирійскія крылатыя созданія. Только въ одномъ случаѣ („Благовѣщеніе“ № 15) мы встрѣчаемъ нѣчто въ родѣ идеальнаго изображенія. Гдѣ въ композиціи являются ангелы, Ивановъ производитъ сверхъ того какіе-то странные эксперименты свѣтовыхъ эффектовъ, которые почти всѣ сплошь ему не удаются.“

„Удалось ли бы Иванову, — говорилъ тотъ же критикъ въ заключеніе, — еслибы онъ прожилъ, найти новыя стороны для своихъ новыхъ идей, какъ онъ самъ надѣялся, придти къ убѣжденію, что ему надо „отдѣлаться“ отъ укоренившихся понятій и представлений“, — это сомнительно, потому что, по словамъ самого его биографа, М. П. Вотиана, это „отдѣлываніе“ плохо ему удавалось: онъ слишкомъ высоко цѣнилъ традиціи и продолжалъ находить въ высокихъ созданіяхъ XVI-го вѣка самое высокое и желательное выраженіе живописной красоты. Онъ — еще робкій, теоретическій ингилистъ, у котораго недостаточное образованіе и великая жажда знанія дѣлали невозможнымъ всякій шагъ впередъ, и который совершенно удовлетворялся тѣмъ превосходно изображенными у Тургенена невинно сомнѣвающимися, которые добрались только до отрицанія существующаго, а сами всей душой привязаны къ нему“.

Подводя итогъ всему, высказанному Ивановымъ и его критиками, нельзя не придти къ заключенію, что какъ бы субъективно ни относился къ нему критика и при его жизни, и послѣ его смерти, все-таки надо признать его въ искусствѣ истиннымъ реформаторомъ, надѣленнымъ великимъ умомъ и не малымъ талантомъ. Если онъ могъ просидѣть много лѣтъ надъ одной картиной, то причина этому заключалась въ томъ, что онъ, задавшись извѣстною, не мало-важною цѣлью, долженъ былъ доходить до всего сама, встрѣчая при этомъ всевозможныя трудности, то матеріальныя препятствія на своемъ пути, и не имѣя передъ собой другихъ предшественниковъ, да и то только относительно техники, кромѣ великихъ итальянцевъ старѣе время, давно позабытыхъ, однако, бла-

года наставшей и долго державшейся лжеклассической эпохѣ въ искусствѣ. Въдѣ до него у насъ, можно сказать, не было и настоящей литературной критики, оказавшей, безъ сомнѣнія, не мало вліянія на его преемниковъ, вмѣстѣ со всѣмъ интеллигентнымъ обществомъ; да и самая литература только что начинала освобождаться при немъ отъ своихъ оковъ, а извѣстно, какое значеніе она имѣла на слѣдовавшихъ за нимъ мыслящихъ художниковъ. Затѣмъ, не одной большой картиной занять онъ былъ все время: черезъ 8 лѣтъ послѣ ея начала, его стали занимать и другіе сюжеты, на этотъ разъ Библейскіе. Созданные имъ типы Христа, Иоанна Предтечи, апостоловъ, пророковъ, ангеловъ, Бога Саваоиа и другихъ свящ. личностей — всегда останутся памятниками не только его глубокой мысли и изученія, но и сильной творческой способности. Если его большая картина не производить того дѣйствія, какое по настоящему должна бы была производить, то причина этому заключается болѣе всего въ одновременномъ исполненіи ея по частямъ, при чемъ неизбежно должно было утрачиваться общее. А что Ивановъ не лишенъ былъ дара глубоко трогать душу и сердце зрителя, лучшимъ доказательствомъ тому служатъ многія изъ его композицій на Евангельскія и Библейскія темы. Даже и въ техническомъ отношеніи, не смотря часто на всю ихъ эскизность, онѣ обнаруживаютъ, не только по рисунку, а и по колориту, — великаго мастера. Но мысли Иванова еще изумительнѣе ихъ графической передачи имъ, а его воззрѣнія на задачи искусства, его критическій разборъ разныхъ художественныхъ произведеній могутъ почесться началомъ художественнаго развитія и художественной критики у насъ. Поэтому его преемникамъ, при извѣстной долѣ ума, не трудно уже было слѣдовать по начертанному ранѣе пути, нѣтъ передъ глазами такой образцѣ, какимъ является Ивановъ, такъ что отношеніе къ нему послѣднихъ можно приравнять отношенію копій къ оригиналу. И такъ, Ивановъ опредѣлилъ вѣкъ, послѣдующіе же художники уже слѣдовали за вѣкомъ, платя, такъ сказать, смотря по своимъ способностямъ, болѣшую или меньшую дань охватившимъ литературу и общество порывамъ и стремленіямъ. Вотъ съ этой-то стороны, т.-е. со стороны начинателя, Ивановъ и пріобрѣтаетъ громадное значеніе въ нашемъ искусствѣ, да, пожалуй, и въ обществѣ, и значеніе это не только никогда не уменьшится, а должно еще болѣе

возрасти по мѣрѣ распространенія его писемъ и его композицій въ популярныя изданія.

Въ заключеніе, считаемъ небезполезнымъ, помимо упоминанія произведеній Иванова въ текствѣ біографіи, въ ихъ хронологической послѣдовательности, приложить еще перечень его работъ въ систематическомъ порядкѣ, съ обозначеніемъ, гдѣ таковыя находятся ¹⁾.

До 1824 г. 1 bis) — 3 bis) „Отдохновеніе св. Семейства въ Египтѣ“ — копія, „Божія Матерь съ Младенцемъ“ — оригиналъ и „св. Александръ Невскій“ (наход. у Н. А. Деметра); 1824 г. 1) „Блудный сынъ“; 2) „Моисей, дающій во второй разъ законъ“; 3) „Іоаннъ Креститель, проповѣд. въ пустыни“ (неизвѣстно гдѣ наход.); 4) „Пріамъ испраш. у Ахиллеса тѣло Ректора“ (у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ); 1826 г. 5) „Взакладеніе Россіи подъ скипетромъ имп. Николая I“, аллегор. рис.; 5 bis) „Патріархъ Авраамъ принима. подъ дубомъ Межвѣрійскимъ трехъ ангеловъ“, прогр. на 1 з. м. (подар. художникомъ крестному отцу его В. И. Сосоновичу, а отъ него переш. — къ Д. К. Тарновскому); 1827 г.: 6) „Іосифъ, толкующій въ темницѣ сны виночерпю и хлѣбодару“ (у насл. Костылева въ Петербургѣ); картони: 7) „Лаоконъ съ дѣтьми“, 8) „Венера Мелидейская“, и 1829 г. 9) „Борецъ Боргесскій“ (въ Моск. Училищѣ живописи, ваянія и зодчества); 10) „Беллерофонъ отправл. въ походъ противъ Химеры“ (2×1½ арш., — у М. П. Боткина въ Петербургѣ); 11) „Діогенъ“ (уничтож. Моллеромъ, по просьбѣ художника, въ 1848); 12) „Милосерд. Самарянинъ“, эскизъ (у М. П. Боткина); 13) „Голова Шиллера“ съ Давнекера, рис. (у М. П. Боткина); 1831 — 32 г. 16) „Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ, заним. музыкой“ (эскизъ: 7×9 в. — у М. П. Боткина; картина: 22½×30½ в. — у наслѣд. А. С. Хомякова въ Москвѣ); 8-мъ эскизовъ: 17) „Сусанна“, 18) „Ахиллесъ укор. Париса“, 19) „Самсонъ и Далила“, 20) „Давидъ утѣш. Саула игрой на гусляхъ и пѣніемъ“, 21) „Іосифъ съ женой Пентефріа“, 22) „Братья Іосифовы находятъ чашу въ мѣшкѣ Веніаміина“ и пр. въ 4-мъ альбомѣ въ Моск. Публ. и Румянц. Музей; кромѣ того: 1 рис. послѣдняго сюжета и еще 2 эскиза масл. краск. — 11×14 и 8×12½ в. — въ гал. Третьякова въ Москвѣ; 23) „Воспитаніе Юпи-

¹⁾ См. выше, стр. 7—10, 13—18, 23, 25, 31.

1. Мессія. — 2. Иоаннъ Креститель. — 3. Иоаннъ Богословъ. — 4. Наванна (глухой). — 5. Ал. Андрей. — 6. Сомнѣвающийся. — 7 и 8. Выходящіе изъ юды мальчикъ и старикъ. — 9. Воинъ, 10. человекъ изъ колѣна, 11. мальчикъ, 12. старикъ и 13. съ поднятыми руками. — 14. Богачъ. — 15. Молодъ человекъ съ пейсами, изъ синежъ. — 16. Поднимающийся старикъ. — 17. Рабъ. — 18. Слѣдующій, съ драпировкой черезъ плечо. — 19 и 20. Дрожащій мальчикъ и взрослый. — 21. Голова для дальняго плана: 21. въ бѣлой чалмѣ, въ профиль; 22. въ чалмѣ и голубой драпировкѣ; 23. мужская въ профиль; 24. старикъ; 25. воина; 26 — 28. женщины; 29. старика въ зеленномъ, въ молчаніи слушающаго съ опущенными глазами; 30. старика съ толстыми глазами; 31. старика въ профиль. — 32. Старикъ въ чалмѣ. — 33. Нисколько или человекъ съ косами. — 34 и 35. Воины на темной и бѣлой лошади.

тера", чертеж; 24) картонъ „Сотвореніе чело-
вѣка“ съ Микель-Анджело, въ велич. оригн.
(2 а. 15 в.×7 а. 7 в.—въ Имп. Акад. Худож. въ
Петербургѣ); 25) этюды головъ и драпировокъ съ
картина „Преображеніе“ Рафаэля (5-ть головъ
масл. краск.—у М. П. Боткина; голова „Форнари-
ни“—у наслѣд. в. к. Екаторинъ Михайловны);
1834—35 г. 26) „Явленіе Христа Магдали-
нѣ по воскресеніи“¹⁾ (эскизы: $6\times7\frac{1}{2}$ в. — у
М. П. Боткина и $9\frac{1}{2}\times13$ в. — въ гал. Третьякова;
картина: 3 а. 7 в.×4 а. 8 в. — въ Имп. Эрмитажъ
въ Петербургѣ; этюды Христа и Магдалины въ
отдѣльности—у Солдатенкова; 2 аквар. эскиза и 5
рис. головъ, рукъ и проч. — въ 3-мъ альбомѣ въ
Моск. Публ. и Румянц. Музѣхъ); 27) „Явленіе
Христа народу“²⁾ [24 разныхъ компози-
цій: рисунки въ контурѣ, углемъ, карандашемъ,
акварелью, сепией, по 6×9 в., 10×17 в. и
 18×20 в., — въ Моск. Публ. и Румянц. Музѣхъ;
рис.—у наслѣд. М. Х. Рейтерна (отъ В. А. Жу-
ковскаго); рис. первой, второй и третьей мысли—
 $13\times20\frac{1}{2}$ в. и небольшой эскизъ лѣв. стороны—
 $10\frac{3}{4}\times8\frac{1}{4}$ в. — въ гал. Третьякова; 1) Эскизы:
1-й— 14×20 в.—у наслѣд. Д. П. Боткина въ Мос-
квѣ, 2-й— 11×15 в., со св. Духомъ надъ Хри-
стомъ,—у наслѣд. гр. С. Г. Строганова въ Пе-
тербургѣ, 3-й— 12×17 в., ближайшія къ картинѣ,—
у М. П. Боткина и одной верх. части—у него же, 4-й
— $12\times16\frac{1}{2}$ в., въ колоритѣ венед. школы, — у
наслѣд. А. С. Хомякова въ Москвѣ, 5-й — 2 а.
7 в.× $3\frac{1}{2}$ в., арш., окончателный, 1836—51 г.г., — у
К. Т. Солдатенкова; картина 1837—56 г.г.—7 а.
 $6\frac{1}{2}$ в.×10 а. $8\frac{3}{4}$ в.—въ Моск. Публ. и Румянц.
Музѣхъ; 2) Фигуры, головы и драпировки³⁾:
1. „фигура Христа“— 18×14 в. и другая поколѣн-
ная—у М. П. Боткина, меньш. размѣра—у Петра
П. Боткина, $17\frac{1}{2}\times12$ в. — у наслѣд. Хомякова,
 $17\times9\frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1062;
„голова Христа“— $9\frac{1}{2}\times7\frac{1}{2}$ в.—тамъ же, въ 2-хъ
экземп., подъ №№ 1060 и 61 (отъ Боткина); „жен-
ская голова для Христа, съ натуры. Ассунти“—
 $11\times9\frac{1}{2}$ и 14×10 в.—тамъ же подъ №№ 1058 и
59 (тоже) и въ больш. размѣрѣ—у М. П. Боткина;
„драпировка для Христа, съ манекена“—у Воско-
бойникова въ Петербургѣ; 2. „голова Іоанна Кре-
стителя“—въ Моск. Публ. и Румянц. Музѣхъ (отъ
в. к. Елены Павловны), 14×13 в. — у М. П.
Боткина, у наслѣд. М. С. Мазурина въ Москвѣ,
 10×14 и $11\times12\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ
№№ 1067 и 66 (1-я отъ К. С. Мазурина); „жен-

ская голова при переходѣ въ типъ Іоанна“ —
 18×10 в.—тамъ же подъ № 1065; „женская го-
лова для Іоанна Крестителя“ 2-хъ разныхъ ти-
повъ— $5\frac{1}{2}\times5\frac{1}{2}$ в. и $5\frac{1}{2}\times4\frac{3}{4}$ в.—тамъ же, подъ
№№ 1064 и 63, и въ Моск. Румянц. и Публ. Му-
зѣхъ; 3. „голова Іоанна Богослова“ — въ 2-хъ ви-
дахъ: 10×14 и 5×6 в.—у М. П. Боткина и
 10×11 в.—въ гал. Третьякова подъ № 1070; „жен-
ская голова для Іоанна Богослова“ — 5×6 в.—у
перваго, въ 3-хъ видахъ: 10×13 и 11×9 в.—у
второго подъ №№ 1069—68 и 1120, и у наслѣд.
П. А. Кочубея въ Петербургѣ; 2—3. „драпировки
около Іоанновъ“— 6×5 в.—въ гал. Третьякова
подъ № 1094; 2—4. „драпировки ихъ же и На-
вананна“—у В. Д. Полѣнова въ Москвѣ; 4. „дѣ-
тскіе головы для сомнѣвающагося? (Навананна)“ и „онѣ
же, вмѣстѣ съ 7. двумя головами мальчика, выход.
изъ воды“— $11\times14\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ
№№ 1096 и 1078 (1-я отъ К. С. Мазурина); 4. „дѣ-
тскіе головы Навананна“ и 4—6. „драпировки Навананна,
Андрея и сомнѣющагося“— 13×10 в.—у М. П.
Боткина; 5. „голова Андрея“— 13×10 в. и 6×5 в.—у
него же, 14×10 в.—у Миндовскаго въ Москвѣ,
Менделѣва, наслѣд. гр. С. Г. Строганова, Трапезни-
кова въ Петербургѣ—въ 2-хъ видахъ, въ гал. Третья-
кова — въ 2-хъ экземплярахъ подъ №№ 1074—75 (отъ
К. С. Мазурина) и, какъ этюды 3-хъ разныхъ ти-
повъ,— $12\frac{3}{4}\times10$, 12×10 и 11×9 в.—подъ №№
1071—73; 6. „женская голова въ овалѣ, для сомнѣ-
ющагося“— 5×4 в.—у наслѣд. Хомякова; „голова
въ чалмѣ, въ овалѣ, для сомнѣющагося“— $4\frac{1}{2}$ в.
въ квадрат.—въ гал. Третьякова подъ № 1076; „дѣ-
тскіе головы для него же“— 10×13 в.—тамъ же подъ
№ 1077; „одна голова“—у М. П. Боткина; 7. „голова
мальчика, выход. изъ воды“— 10×14 в.—у М. П.
Боткина; „женскій профиль для него же“—
 $10\frac{1}{2}\times14\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ № 1079;
„тотъ же мальчикъ“— 6×5 в.—у А. П. Бого-
любова и въ 2-хъ видахъ— 13×10 в.—въ гал.
Третьякова подъ №№ 1080—81; „дѣтскіе фигуры
его же“— 5×6 в.—тамъ же подъ № 1084 (отъ К. С. Ма-
зурина); 7—8. „фигуры старика и мальчика, выход.
изъ воды“— 12×6 в. и тоже, въ обрат. стор.—
 12×14 в.—у М. П. Боткина; „онѣ же, съ водой и
каменьями“, и также въ обрат. стор.— $14\frac{1}{2}\times10$ в.—
въ гал. Третьякова подъ № 1083; 8. „фигура ста-
рика, выход. изъ воды“— 12×14 в.—у М. П.
Боткина; „голови того же старика“— 14×10 в.—
у него же и 11×10 в.—въ гал. Третьякова подъ
№ 1082; „дѣтскіе головы для того же старика“— 13×9 в.
у Менделѣва; 10. „сидящая фигура въ колпакѣ,—
для сред. плана“— $13\times8\frac{1}{2}$ в. и „дѣтскіе головы для
той же фигуры“— 10×13 в.—въ гал. Третьякова
подъ №№ 1085—86; 11—13. „голови смотрящихъ

¹⁾ См. выше стр. 23 и 32—44.

²⁾ См. стр. 23, 62—68, 120—174, 187 и сл.

³⁾ См. стр. 51—52.

вверхъ, въ тѣни, тамъ же: „дѣвочки для мальчика“ — 5×5 в., старика — 7×9 в. и „въ шапочкѣ, съ поднят. руками“ — 13×10 в. — всѣ три въ той же галлереѣ подъ №№ 1087—89; 11. „голова мальчика съ рыжими волосами“ — 6×5 в. — В. А. Кочубей и М. П. Боткина (прод.); тотъ же „мальчикъ въ тѣни, изъ сред. группы“ и 12—13. „дѣв. головы оттуда же: старика и съ поднят. руками — по 14×10 в. — у М. П. Боткина (первый — отъ В. А. Кочубева); 12. „нищій възорами Христа“ — старикъ въ срединѣ — у граф. Кочубей въ Петербургѣ; „7-мъ сидящихъ фигуръ, пис. на солнцѣ“ — 10×14 в. — у М. П. Боткина; „6-тъ фигуръ, пис. на солнцѣ для сред. групп“ — ок. 1 арш. выш. — у наслед. Хомякова; „группа изъ нѣск. фигуръ, съ нат., для сред. плана“ — $7 \times 10 \frac{1}{4}$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1095; 15 — 16. „дѣв. фигуръ, пис. на солнцѣ: для молод. человѣка съ пейзажемъ, въ синемъ, и для подним. старика“ — у наслед. Хомякова; „драпировки того же молодого человѣка и старика“ — 13×10 в. — у М. П. Боткина; „драпировка одного старика“ — у наслед. акад. Бѣляева въ Петербургѣ; 16. „голова подним. старика“ — 10×14 в. — у М. П. Боткина (отъ С. А. Мазурина) и $11 \times 12 \frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1091; „дѣв. головы для того же старика“ — 10×13 в. и „тоже, въ отдаленности“ — 10×7 и $8 \frac{1}{2} \times 7$ в., послѣдняя въ шапочкѣ, — тамъ же подъ №№ 1092—93 и 1090; „этюдъ для того же старика“ — 10×14 в. — у г-жи Фовелинъ въ Петербургѣ; 17. „голова раба“ — 10×14 в. — у нея же, у К. Т. Солдатенкова и 10×7 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1097; „дѣв. головы раба“ — 11×15 в., „женская голова для него“ — 5×6 в. и „драпировка его“ — $6 \times 8 \frac{1}{2}$ в. — у М. П. Боткина; 17 — 18. „фигуры раба и слушающаго съ драпировкой черезъ плечо“ — 17×14 в. и 18. „спина послѣдняго“ — 14×10 в. — тамъ же; „полуфигура его же“ — $16 \frac{1}{2} \times 13$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1098; 19. „половинная фигура мальчика крошащаго“ и „дѣв. цѣльныхъ фигуръ его на темномъ фонѣ“ — по 14×10 в. — у М. П. Боткина; „тѣ же фигуры“ на бѣломъ фонѣ — 14×11 в. и „дѣв. головки: „того же мальчика“ и „дѣвочки для него“ — $5 \frac{1}{2} \times 5$ и $9 \times 7 \frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1099—1101; „голова того же мальчика“ — 6×5 в. — у наслед. К. С. Мазурина и П. А. Кочубей; 20. „голова для крошащаго, надѣв. рубашку и ушибающагося“ на бѣломъ фонѣ — въ 2-хъ видахъ: 7×6 и $9 \times 8 \frac{1}{2}$ в., на сѣромъ — $8 \frac{1}{2} \times 7$ в. и еще „голова его же“ — $12 \frac{1}{2} \times 10$ в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1102—05; „та же голова“ — 14×10 в. — у Вартукиной въ Петербургѣ и у Боголюбова; „она же“

и еще „дѣв. такихъ же головы“ — по 14×10 в., а также „дѣв. драпировки въ рукахъ того же старика“ — $10 \frac{1}{2} \times 7$ в. — у М. П. Боткина; „головы для прав. стор.“: 21—22. „въ бѣлой чалмѣ, въ профиль“ — $11 \frac{1}{2} \times 9 \frac{1}{2}$ в. и „въ голубой драпировкѣ“ — $9 \frac{1}{2} \times 7 \frac{1}{2}$ в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1006—07; „головы для дальняго плана“: 23. „въ профиль“ — 7×6 в., 24—25. „дѣв. мужскихъ“ — $9 \frac{1}{2} \times 13$ в. и 23—25. „три тѣхъ же головы“ — 10×14 в. — тамъ же, подъ №№ 1108, 1112 и 1115 (послѣднія отъ К. С. Мазурина); 24—25. „старика и воина“ — $9 \frac{1}{2} \times 13$ в. — у наслед. Хомякова; „дѣв. головы мужскихъ и дѣв. женскихъ для разныхъ фигуръ“ — $4 \frac{1}{4} \times 9 \frac{1}{4}$ в. — въ гал. Третьякова подъ № 1116; 26—27. „дѣв. женскихъ“ — $7 \frac{1}{2} \times 11$ в. — тамъ же подъ № 1113 и у М. П. Боткина (прод.); 28—29. „женщины и старика“ — $9 \frac{1}{2} \times 11 \frac{1}{2}$ в. — у наслед. Хомякова; по „дѣв. головы старика“: 29. „въ зеленомъ“, съ опущ. глазами, для идущаго въ молчаніи, и 30. съ корич. и голуб. глазами, для сред. фариеса въ чалмѣ, а также — одна „голова послѣдняго“ — всѣ по 10×14 в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1009—11 (отъ Воскобойникова, докт. Милюткина и К. С. Мазурина); 30—31. „дѣв. головы стариковъ фариесовъ: выпрямъ, съ голуб. глазами, и въ профиль — 10×14 в. — у Шяловскаго въ Москвѣ; 32—33. „дѣв. крайнія головы съ прав. стор.“ — 10×13 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1114; „голова старика съ Назареемъ“, т.-е. человѣкомъ съ косами, — у Сухановой; 32. „голова фариеса съ прав. стор.“ — 10×14 в. и 33. „задрапированная спина человѣка съ косами“, т.-е. Назарей, — 8×6 в. — у М. П. Боткина; драпировка его же — у наслед. акад. Бѣляева; 34—35. „воины на лошадахъ: „темной“, какъ этюдъ съ франц. драгуна, — 15×8 в. и „бѣлой“ — 14×10 в. — у М. П. Боткина, въ 3-хъ экземпляхъ; „франц. солдатъ для фигуры послѣдняго воина“ — 14×10 в. — въ гал. Третьякова подъ № 1117; сверху того: „голова, неимѣющая мѣста въ картинѣ“, — 14×10 в. и „дѣвочка албанка въ дѣверяхъ“ — тамъ же, подъ №№ 1119 и 1057 (отъ К. С. Мазурина); „головы: „дѣвочки у стола“ и „мальчика“ — по 6×5 в. — прод. у Шелочкина въ Петербургѣ; „дѣтская голова“ и „мальчикъ нифферари“ — 7×9 в. — въ гал. Третьякова подъ №№ 1118 и 1056; „мальчикъ, спиной къ зрителю, съ поднят. руками“ — у наслед. гр. С. Г. Строганова; „профиль натурщика“ — у П. А. Боголюбова; „дѣв. женщины съ кипарисами въ фонѣ“ — у Д. И. Менделѣева; „этюдъ, пис. на солнцѣ съ голыхъ мальчиковъ: одного, 3-хъ съ Альбанскими пейзажемъ и 4-хъ — по 10×14 в. — у М. П. Боткина; „7 рис. типовъ и драпи-

ровокъ для картинъ"—у него же; альбомы: 5-й — съ 64-ма рис., 50-ю тшамми и драшировками, а также калками головъ, и 6-й — съ 51-мъ этюдомъ голаго тѣла, т.-е. рукъ, ногъ и проч., и 51-мъ набросъ, этюдомъ, кромѣ 39-ти альбомовъ съ набросками разныхъ частей чело-вѣч. тѣла, пейзажей и проч., а также расунками съ разныхъ мастеровъ XIV в., отъ 1837 г.— въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ; III. Этюды для пейзажа 1836—41 г.г.): 1. „Понтикская болота“— 10×20 в.—у М. П. Боткина и $6\frac{1}{2} \times 20$ в.— въ гал. Третьякова подъ № 1121; 2. „Земля въ Тиволи“— $6\frac{1}{2} \times 20$ в.—тамъ же подъ № 1122; 3. „Монтичелли“—Тиволийскія горы— 6×20 в.—у М. П. Боткина и въ гал. Третьякова подъ № 1124; 4. „Подножіе Виковары, по дорогѣ изъ Тиволи въ Субіано“—камни на берегу рѣки— 6×20 в.—тамъ же подъ № 1123 и у Д. А. Беклемишевой въ Москвѣ; 5. „Вода съ камнями подъ Палаццуоло“—въ 2-хъ видахъ по $10 \times 13\frac{1}{2}$ в.—у наслѣд. Хомякова; 6. „Камни съ водой“ и 7. „Вода съ рефлексомъ на Лаго ди Неми“—по 10×13 в.—у М. П. Боткина; 8. „Дерево у озера Неми“— 17×15 в.—въ гал. Третьякова подъ № 1180; 9. „Этюдъ дерева“—у наслѣд. М. С. Мазурина; 10. „Вилла Адриана“ и 11. „Этюдъ земли, съ воротами св. Павла въ Альбано“—по $6\frac{1}{2} \times 20$ в.—у наслѣд. Хомякова; 12—13. „Земля на верху кладбища Капуциновъ въ Альбано“—съ зеленью“ и „съ камнями“—по 6×20 в.—у М. П. Боткина (отъ г.г. Барадаевского и Баранова); 14. „Камни съ дорогой изъ Альбано“ и 15. „Дерево на Альбанскомъ озерѣ“—по $7\frac{1}{2} \times 10\frac{1}{2}$ в.—у него же; 16. „Зелень въ Монте Савелли“— $5 \times 13\frac{1}{2}$ в.—тамъ же; 17. „Низъ дороги изъ Альбано въ Ариччи, съ моремъ“— $5 \times 13\frac{1}{2}$ в.—у наслѣд. Д. П. Боткина; 18. „Пейзажъ въ Альбано“—у А. П. Боголюбова; 19. „Этюдъ верхушки дерева, изъ нижней галлерей въ Альбано“— $10 \times 13\frac{1}{2}$ в.—у наслѣд. Хомякова; 20. „Нижняя галлерей въ Альбано, со входомъ на виллу Варберини“— 10×14 в.—у Д. А. Беклемишевой въ Москвѣ; 21. „Оливъ у кладбища въ Альбано“— 10×14 в.—у О. О. Комшовой въ Москвѣ; 22. „Дорога въ тѣни надъ водой у Капуциновъ“ и 23. „Кастель Гандольфо въ Альбанскихъ горахъ“—въ гал. Третьякова подъ №№ 1127—28; 24. „Дерево въ тѣни надъ водой у Капуциновъ въ Кастель Гандольфо“—у Павла П. Боткина въ Москвѣ; 25. „Оливковое дерево въ долині Ариччи“— $13\frac{1}{2} \times 10$ в.—у наслѣд. Хомякова; 26. „Дерево у фонтана между Ариччи и Дженоано“—у Баранова въ Петербургѣ; 27. „Паркъ

Ариччи, внутренность“ и 28. „Наружное дерево парка Гиджи“—по $10 \times 13\frac{1}{2}$ в.—въ гал. Третьякова подъ №№ 1125 и 1129; 29. „Паркъ Гиджи, внутренность“—у Солдатенкова; 30. „Лѣсной этюдъ, съ частью строеній дворца Гиджи“—у О. О. Комшовой; 31. „Вѣтка парка Гиджи въ Ариччи“— 10×13 в. и 32. „Выходящая зелень по деревьямъ“— 10×7 в.—у М. П. Боткина; 33. другая „Вѣтка“— 10×14 в.—въ гал. Третьякова подъ № 1131; 34. „Дорога Анниа при закатѣ солнца“— $10 \times 13\frac{1}{2}$ в.—тамъ же подъ № 1126; 35. „Вилла Доріа“— 6×10 в. и 36. „Лѣсная чаща при солнечномъ освѣщеніи“— $6\frac{1}{2} \times 10$ в.—тамъ же подъ №№ 1133—32; 37. „Видъ изъ Помпеи на Кастелла-Маре“— 10×14 в.—тамъ же подъ № 1134 и 38. „Кастелла-Маре“— 6×20 в.—у наслѣд. Д. П. Боткина; 39. „Дорога въ Байю“—у М. П. Боткина; 40. „Неаполь съ дороги въ Позинино“— 9×13 в.—у Менделѣева, въ общемъ: 190 эт. и 225 рис.; 28)—30) исполненны въ Венеціи копіи съ карт. Типіана: „Ассунта“ или „Взятіе Божіей Матери на небо“ и „Приташеніе Петра Доминиканца“, и Тинторетто: „Мученіе Св. Андрея“ (у М. П. Боткина) и 30 bis) „Три нимфы“ (у него же); 31) и 32) Этюдъ съ натурц. Витторія, вышелъ замужъ за живон. Лаиченко, для „Богородицы всѣхъ скорбящихъ“, и портретъ ея же (наслѣдній—у М. П. Боткина *); 33 bis) и 34 bis) Копіи съ карт. Рафаэля: „Ассинская школа“, лѣв. стор., и „Disputa“, лѣв. и прав. стор.; 33) и 34) Эскизы: „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей“ и „Изгнаніе изъ рая“ (въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ) *); 1838 г. 35) акварели: „Аче Марія“, съ изображеніемъ римской толпы изъ 26 фигуръ, поющихъ передъ образомъ Богоматери на углу улицы (въ альбомѣ е. и. в. Александра Николаевича) *); 1841 г. 36) Портреты Гоголя: рисов. карандашемъ (въ Импер. Публ. Библ.) и 2—пис. масл. красками (въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ—отъ Погодина у наслѣд. М. Х. Рейтерна—отъ Жуковского) *); 1842 г. 37) Копія съ „Неаполит. Мадонны“ Рафаэля (со сред. части—у Петра П. Боткина въ Москвѣ; съ Младенца Христа—у М. П. Боткина, и съ головы Богородицы и Св. Анны, карандаш.—у Сухановой въ Петербургѣ); 38)—41) акварели: „Женныхъ Campragnuolo, выбир. серьги для своей не-

*) См. выше, стр. 25.

*) См. стр. 81.

*) См. стр. 48.

*) См. объ этомъ письмѣ Гоголя къ Иванову отъ 25 дек. 1841 (въ „Соврем.“ 1858, № 11, с. 133).

*) См. выше стр. 30, 45, 46, 51, 53, 54, 69, 102.

вѣсти" (въ гал. Третьякова — изъ альбома Жуковскаго), „Октябрьскій танецъ на одной изъ loggia“—2 рис., „Октябрьскій праздникъ у Ponte Molle“—8 рис., „Октябрьскій праздникъ у Testaccio въ Римѣ“ (исполн. въ альбомѣ в. к. Маріи Николаевны и герц. Лейхтенбергскаго) ¹⁾; 1845 г. 42) эскизы „Воскресенія Христова“ (10-ть композицій — въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ) ²⁾; 43) „Рѣкъ Христа на горѣ Элеонской о второмъ пришествіи“ (10 × 14 в., — у М. П. Вотикина) ³⁾; 1844—57 гг. 44) и 45) „Композиціи на сюжеты изъ Свящ. Писанія“ (въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ) ⁴⁾: 1. Изъ „Новаго Завѣта“: 1. (1, 2), „Пророчество о Рожденіи Христа“ (Исаія съ синоѣмъ передъ ц. Ахазомъ): Ис. viи и Марк. i, 2.—2 рис.; 2. (3, 4), „Захарій становится нѣмъ передъ ангеломъ“; Лук. i, 20.—2 рис.; 3. (5), „Нѣмой Захарій передъ народами“; Лук. i, 22; 4. (7, 8), „Благовѣщеніе“; Лук. i, 28.—6 рис. (2 углемъ); 5. (12, 13), „Привѣтствіе Маріи Елизаветой“; Лук. i, 40.—3 рис.; 6. (6), „Рождество Иоанна Предтечи“ („Иоаннъ нѣмъ ему“); Лук. i, 63; 7. (9), „Сонъ Иосифа“ („Не бойся принять Марію“); Матв. i, 20; 8. „Волхвы, увидавшіе звѣзду на Востоцѣ“ (рис. углемъ); 9. (10), „Ангель возвѣщ. пастухамъ о Р. Х.“; Лук. ii, 11; 10. „Поклоненіе пастуховъ“; Лук. ii, 16; 11. (16, 17), „Рождество Христово“ („Поклоненіе волхвовъ“); Матв. ii, 11.—2 рис.; 12. (11), „Пастухи славятъ Р. Х.“; Лук. ii, 20; 13. „Обрѣзаніе“; Лук. ii, 21 (рис. углемъ); 14. (18), „Срѣщеніе“ (Младенца Иисуса приносятъ въ храмъ къ Симеону Богопріимцу); Лук. ii, 28; 15. (14), „Сонъ Иосифа“ (Ангель говоритъ ему: „Бѣги въ Египетъ“); Матв. ii, 13; 16. (15), „Повелѣніе Иосифу возвратиться въ Іудею“ („Изъ Египта воззвѣхъ сына Моего“); Матв. ii, 19; 17. (19), „12-лѣтній отрокъ Иисусъ въ храмѣ среди учителей“; Лук. ii, 46.—2 рис.; 18. (20), „Проповѣдь отрока

¹⁾ См. выше: стр. 54 и 55.

²⁾ См. выше: стр. 71.

³⁾ См. стр. 75.

⁴⁾ См. стр. 69, 176.—Въ виду того, что нѣкот. рисунки могли исчезнуть послѣ смерти А. А. Иванова, мы влючили въ нашъ списокъ какъ упомянутые въ письмѣ С. А. Иванова къ Стасову отъ 2/14 апр. 1858, такъ и исчисленныя М. П. Вотикинымъ въ его изданіи, поставивъ въ скобкахъ нѣмъ эскизовъ, воспроизведенныхъ въ изданіи Германскаго Археолог. Института и развѣтивъ ихъ въ послѣдovat. порядкѣ Евангельскаго и Виблейскаго разсказа, со ссылками на соответств. мѣста Свящ. Писанія.

Иисуса“; 19. (24—28), „Проповѣдь Иоанна Крестителя въ Виваарѣ при Иорданѣ“ и „Крещеніе имъ народа“ („Се Ангелъ Вожій“); Матв. ш, 1 и 6; Марк. i, 4 и 5; Лук. ш, 3 и 7; Иоан. i, 29 и 36.—24 композ.; 20. (29, 30), „Крещеніе Иисуса отъ Иоанна“; Матв. ш, 13; Марк. i, 9; Лук. ш, 21.—3 рис. (1 контур); 21. (21—23), „Искушеніе Иисуса — въ пустынѣ, на крылѣ храма и на вершинѣ горы“; Матв. iv, 3, 5, 8; Марк. i, 13; Лук. iv, 2, 5, 9; 22. (81), „Иисусъ, окруж. свѣтлыми пророчествъ о Мессіи“; Лук. iv, 17; 23. (61), „Иисуса хотѣтъ свергнуть съ горы въ Назаретъ“; Лук. iv, 29; 24. „Приваніе Петра“; Матв. iv, 18; 25. „Сотворю васъ ловцами человѣковъ“; Матв. iv, 19; Марк. i, 17; Лук. v, 10.—2 рис.; 26. (46, 47), „Бракъ въ Канѣ Галилейской“; Иоан. ii, 7.—2 рис.; 27. (51), „Нагорная проповѣдь“; Матв. v, 1 и сл.; 28. (207), „Молевта и раздача милостинъ“; Матв. vi, 3; 29. (36), „Иисусъ, идущій на проповѣдь“ въ сопровожд. массы народа; 30. (35), „Иисусъ, идущій съ проповѣдью для испѣнанія бѣсноватаго (?)“; 31. (52), „Испѣненіе прокаженнаго“ (послѣ сошествія съ горы); Матв. viи, 2—4; Марк. i, 40—45; Лук. v, 12; 32. (62), „Испѣненіе бѣсноватаго въ Капернаумской синагогѣ“; Марк. i, 23; Лук. iv, 33; 33. (34), „Испѣненіе бѣсноватыхъ“; Матв. viи, 28—32; Марк. v, 2—20; Лук. viи, 27; 34. (39a), „Испѣненіе расслабленнаго въ Капернаумѣ“; Матв. ix, 2—7; Марк. п, 3—12; Лук. v, 18, или въ Иерусалимѣ; Иоан. v, 5; 35. (50), „Приваніе мытаря“ (ап. Матвѣя); Матв. ix, 9; Марк. п, 14; Лук. v, 27; 36. (86), „Иисусъ за трапезой съ мытарами и грѣшниками“; Матв. ix, 10; Марк. п, 15; Лук. v, 29; 37. „Испѣненіе кровотоочной“; Матв. ix, 20—22; Марк. v, 27—34; Лук. viи, 43; 38. (64), „Никодѣмъ у Иисуса“; Иоан. ш, 2.—2 рис.; 39. (49), „Иисусъ у колодезя Іаковлева“; Иоан. iv, 6; 40. (48), „Иисусъ въ Самарянѣ“; Иоан. iv, 7, 41, „Приваніе апостоловъ“ для наставленія ихъ; Матв. x, 1 и сл.; Марк. ш, 14 и сл.; Лук. ix, 1 и сл.; 42. (60), „Проповѣдь Христа“ (сравненіе фарисеевъ съ дѣтми); Матв. xi, 16; 43. (63), „Проповѣдь въ лодкѣ“; Матв. xii, 2; Марк. iv, 1; Лук. v, 3; 44. „Притязанія братьевъ къ Иисусу, углубленному въ смыслъ прор. Исаіи и Давіида“; Матв. xii, 46; Марк. ш, 31; Лук. viи, 19 (рис. углемъ); 45. (66), „Иродіада отдаетъ матери главу Иоанна Предтечи“; Матв. xiv, 11; Марк. vi, 28; 46. (55, 56), „Умноженіе хлѣбовъ“ („Чудо съ 5-ю хлѣбами“); „Иисусъ раздѣляетъ народу хлѣбъ и рибу“ и „велитъ розать ихъ народу“; Матв. xiv, 19 и xv, 36; Марк. vi, 41 и viи, 25; Лук. ix, 16; Иоан. vi, 11.—2 рис.; 47. „Хожденіе по водамъ“ („Иисусъ подаетъ руку

утоп. Петру“: Матв. хiv, 25; Марк. vi, 49; Иоан. vi, 19; **48.** (67). „Жена хананейка проситъ Иисуса оъ исцѣленіи блѣснов. дочери“: Матв. хv, 22; Марк. vii, 25; **49.** (37?). „Призваніе Петромъ Христа“ (или „Симонъ Петръ, любящъ ли ты меня?“): Матв. хvi, 16; Марк. vii, 29; Иоан. vi, 68; **50.** (68, 69 а — 6, 70 — 72). „Преображеніе“: Матв. хvii, 2 и сл.; Марк. ix, 2; Лук. ix, 29. — 6 рис.; **51.** (53). „Человѣкъ, просящій Иисуса пойти исцѣлить его сына блѣснующагося“: Матв. хvii, 15; Марк. ix, 17; Лук. ix, 38; **52.** (57, 58). „Проповѣдь о дѣтяхъ“ („Наибольшій въ царствіи небесномъ“): Матв. хviii, 4; Марк. ix, 36. — 2 рис.; **53.** (65). „Благословеніе дѣтей“ („Не прелестуйте дѣтми приходитъ ко Мнѣ“): Матв. хix, 13 — 15; Марк. x, 13 — 15; Лук. хviii, 15 — 17; **53 bis.** „Иисусъ, окруж. дѣтми“ — 2 рис.; **54.** (88). „Посланные фарисеями и первосвященниками служители, чтобы схватить Иисуса въ храмъ“: Иоан. vii, 32; **55.** (92). „Иисуса хотятъ побить камнями въ храмъ“: Иоан. vii, 59 и x, 39. — 3 рис.; **56.** „Иисусъ уход. изъ храма отъ разъяреннаго народа“; **57.** (39 б — в, 40). „Иисусъ и блудница“: Иоан. viii, 3. — 3 рис.; **58.** (76). „Просьба матери сыновей Заведеевыхъ“: Матв. хx, 20; Марк. x, 35; **59.** (75). „Исцѣленіе слѣплаго отъ рожденія“: Марк. x, 46 — 52; Лук. хviii, 35; Иоан. ix, 1; **60.** (77). „Закхей примин. у себя Иисуса“: Лук. xix, 6; **61.** (78). „Приготовленія ко входу въ Иерусалимъ“ (Апостолы берутъ ослицу для Иисуса): Матв. хxi, 2; Марк. xi, 2; Лук. xix, 30; **62.** „Иисусъ узнаетъ о смерти Лазаря“ (контуръ); **63.** (74). „Воскресеніе Лазаря“: Иоан. xi, 4 и 43; **64.** (79, 80). „Вшествіе въ Иерусалимъ“: Матв. хxi, 8 — 9; Марк. xi, 8 — 10; Лук. xix, 36 — 40; Иоан. xii, 12 — 14. — 3 рис.; **65.** (41 — 43). „Изгнаніе торжниковъ изъ храма“: Матв. хxi, 12; Марк. xi, 5; Лук. xix, 45; Иоан. ii, 15. — 3 рис.; **66.** (89). „Совѣщаніе фарисеевъ, какъ бы уловить Иисуса“: Матв. хxii, 15; Марк. xi, 18 и xii, 13; **67.** (87). „Подосланные фарисеями коварные люди, чтобы уловить Иисуса“: Лук. xx, 20; **68.** (90, 91). „Осужденіе книжниковъ и фарисеевъ“ („Проповѣдь у монумента“): Матв. хxiii, 13 — 35; Лук. xi, 42 — 52. — 2 рис.; **69 — 78.** (38, 44 — 45, 54, 59). „Проповѣди Иисуса въ храмѣ Соломоновомъ“ (въ притворѣ; при войнахъ; при фарисеяхъ; фарисеямъ о дѣтяхъ; народу) и (81 — 85). „Иисусъ во храмѣ“ (окруж. народомъ и вопрош. фарисеями — 2 рис.; на ступеняхъ лѣстницы — 2 рис.; въ галлерей); **79 — 80.** „Иисусъ съ учениками“ — 2 рис.; **81.** (32, 33). „Иисуса спрашиваютъ о второмъ пришествіи“ („Иисусъ между учениками“): Матв. хxiv, 3 и сл.; Марк. хш, 3; Лук. хxi, 8. — 3 рис. (1 кон-

тур.); **82.** (93, 94). „Притча о 10-ти дѣвахъ“: Матв. хxv, 1. — 4 рис.; **83.** „Притча о ворѣ“; **84.** „Страшный судъ“ и „Христосъ въ славіи“ (2 рис. углемъ); **85.** „Иисусъ за трапезой у Симона въ Капернаумѣ“; **86.** (73). „Магдалина возмущаетъ мѣро на ноги Иисуса въ домѣ Симона“: Матв. хххiv, 3; Лук. vi, 7; Марк. vii, 37; Иоан. xii, 3. — 2 рис. (углемъ); **87.** „Иоаннъ и Петръ идуть приготовить Пасху“ (рис. углемъ); **88.** „Иоаннъ и Петръ вход. въ горницу для приготовленія Пасхи“ (рис. углемъ); **89.** „Ан. Петръ и Иоаннъ у Ананія“; **90.** (95 — 98). „Тайная вечеря“: Матв. ххvi, 20 и сл.; Марк. хiv, 18; Лук. xii, 14. — 5 рис. (1 углемъ); **91.** (99). „Омовеніе ногъ“: Иоан. хii, 4; **92.** (100, 101). „Иисусъ съ учениками послѣ Тайной вечери“ — 4 рис. (1 углемъ); **93.** „Иисусъ говоритъ Петру, что тотъ отречется отъ него“ (рис. углемъ); **94.** „Иисусъ съ учениками въ Геесиманскомъ саду“ (оставляетъ ихъ, идя на молитву): Матв. ххvi, 36; Марк. хiv, 32; Иоан. хviii, 1. — 3 рис.; **95.** (102, 104). „Моленіе о чашѣ“: Матв. ххvi, 39 и 42; Марк. хiv, 35; Лук. ххii, 43. — 5 рис. (3 углемъ); **96.** (103, 105). „Иисусъ находитъ учениковъ спящими“: Матв. ххvi, 40, 43, 45; Марк. хiv, 37, 40, 41; Лук. ххii, 45. — 4 рис. (2 углемъ); **97.** (106). „Добъзаніе Іуды“: Матв. ххvi, 49; Марк. хiv, 45; Лук. ххii, 47. — 2 рис. (1 углемъ); **98.** „Взятіе Иисуса подъ стражу“ (рис. углемъ); **99.** (107). „Бѣгство учениковъ“: Марк. хiv, 50; **100.** (108). „Иисусъ передъ Анной“: Иоан. хviii, 13; **100 bis** (109). „Иисусъ передъ Каиафой“: Матв. ххvi, 57; Марк. хiv, 53; Иоан. хviii, 24. — 2 рис.; **101.** „Троекратное отреченіе Петра“ — 3 рис. (углемъ); **102.** (111). „Омовеніе Христа“: Матв. ххvi, 67; Лук. ххii, 63; **103.** (112, 113). „Вичеваніе Христа“ — 2 рис.; **104.** (116). „Иисусъ передъ Пилатомъ“ („Се человѣкъ“); Матв. ххvii, 2, 11; Марк. хv, 2; Лук. ххш, 1; Иоан. хviii, 29. — 2 рис. (1 углемъ); **105.** (117). „Пилатъ умываетъ руки передъ народомъ“: Матв. хvii, 24; **106.** (110). „Иисусъ передъ Иродомъ“: Лук. ххш, 7. — 2 рис.; **107.** (114, 115). „Поруганіе Христа“: Матв. ххvii, 29; Марк. хv, 17; Иоан. хix, 2. — 3 рис. (1 углемъ); **108.** (118). „Иисусъ, ведомый на Голгофу, обращается къ женамъ“: Лук. ххш, 28; **109.** „Иисуса ведутъ на пропачіе“ (контуръ); **110.** „Иисусъ, упавшій подъ ношею креста“ (рис. углемъ). **111.** (119 — 125). „Распачіе“ (Пригвожденіе ко кресту; Поднятіе креста; Поруганіе распятаго Иисуса. — 2 рис.; „Се матеръ твою“; „Жажду“; Одинъ изъ воиновъ копьемъ пронзаетъ ребро; Смерть Иисуса): Матв. ххviii, 34 и сл.; Марк. хv, 23; Лук. ххш, 33 и сл.; Иоан. хix, 18 и сл. — 8 рис.; **112.** (126). „Жены смотр. со двора на Голгофу“: Матв. ххviii, 55; Марк. хv, 40; Лук. ххш, 49; **113.**

„Иосифъ Аримасей просить у Пилата тѣла Иисуса“ (рис. углемъ); 114. (127). „Снятие со креста“ (Приготовление къ погребенію): Матв. ххvii, 59; Марк. хv, 46; Лук. ххii, 53; Иоан. хii, 40; 115. „Несеніе тѣла Иисуса во гробъ“ (рис. углемъ); 116. (128). „Погребеніе Христа“; 117. „Ангель отвалив. камень отъ гроба“—3 рис. (1 углемъ); 118. (142—149). „Воскресеніе Христово“: Матв. ххviii, 2—8 рис.; 119. (129, 130). „Ангель возвѣщ. женамъ о воскресеніи“: Матв. ххviii, 5; Марк. хvi, 6; Лук. ххviii, 6; Иоан. хх, 13.—2 рис.; 120. (131). „Петръ и Иоаннъ во гробъ Христа“: Лук. ххviii, 12; Иоан. хх, 5—8; 121. (132). „Явленіе Христа Магдалинѣ“: Матв. ххviii, 9; Марк. хvi, 9; Иоан. хх, 17.—2 рис.; 122. (133—136). „Явленіе Христа ученикамъ о воскресеніи“ и „Евѣріе Оомы“: Матв. ххviii, 16; Марк. хvi, 14; Лук. ххiv, 36; Иоан. хх, 19, 26 и ххi, 1.—4 рис.; 123. (137, 138). „Вознесеніе“: Лук. ххv, 51.—2 рис.; 124. (139). „Сшествіе Св. Духа“; 125. (140). „Апостолъ Павелъ креститъ народъ“; 126. (141). „Апостолъ Павелъ въ темницѣ“—2 рис.; 127. „Апостолъ Павелъ, ведомый въ Дамаскъ; II. Изъ „Вѣтхаго Завѣта“: 1. (150—152). „Сотвореніе міра“—6 рис.; 2.—3. (153). „Оживленіе Адама“ и „Детящій Саваоесъ съ ангелами“, или „Богъ—Творецъ“ („И почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ“): Витіе ii, 2), —2 рис.; 4. (154). „Созданіе Евы“ (Господь приводитъ ее къ Адаму): Витіе ii, 22; 5. (155—157). „Господь благословляетъ Адама и Еву на владѣніе землей“—3 рис.; 6. „Адамъ и Ева“—2 рис.; 7. (158). „Грѣхопаденіе“ или „Искушеніе“—2 рис.; 8. (159). „Богъ—Каратель“, узнавшій о грѣхопаденіи Адама и Евы; 9. (160). „Изгнаніе изъ рая“; 10. (162). „Жертвоприношеніе Авраамово“: Витіе хv, 8—11.—2 рис.; 11. (161). „Господь является Аврааму“ (Объявляетъ ему великое потомство и подтверждаетъ ему о большомъ потомствѣ)—2 рис.; 12. (163). „Господь обѣщаетъ Аврааму сына отъ Сары“ (Авраамъ принявъ трехъ странниковъ): Витіе хviii, 15; 13—14. (164). „Рождество Исаака“ (Сара кормитъ его грудью) и „Ворѣба Іакова съ Богомъ“; 15. (165). „Иосифъ рассказываетъ, соотъ отцу и братьямъ“—2 рис.; 16. (166—169). „Братья Иосифа находятъ тѣлу въ мѣшкѣ Вениамина“: Витіе хlvi, 12—5 рис.; 17—18. (280). „Отпущеніе прокаженнаго“: Левит. хiv, 2, и „Козель отпущенія“: Левит. хvii, 8; 19. „Господь является родителямъ Моисея“ (рис. углемъ); 20. (170). „Моисей даетъ свѣтъ послѣ тьмы“; 21. „Фараонъ отпущ. Израильскихъ изъ Египта“; 22. „Моисей приноситъ жертву Богу по переходѣ черезъ Красное море“; 23—24. (171). „Моисей раздѣляетъ воду Краснаго моря“ и „Ромею Израїля въ пустынѣ“; 25. „Господь

общ. Моисею напитать народъ“: Чис. хi, 24—25; 26. (172—173). „Сборъ манны и переловъ въ пустынѣ“—4 рис.; 27. (174). „Народъ, плывущій вокругъ золотаго тельца“; 28. (175). „Моисей получаетъ законъ отъ Господа“; 29—30. (176). „Моисей со скрижалями Завѣта“ и „Пророчество Моисея и Аарона“: Чис. хi, 25; 31. „Моисей въ Скиніи проситъ совѣта у Господа“; 32. „Священники говор. народу“; 33. „Народъ говоритъ священникамъ“; 34. „Моисей превращ. жезлъ въ змѣя“ (контуръ); 35—36. (177). „Мѣдный змѣй въ пустынѣ“ и „Валаамъ и его звѣзда“: Чис. ххvii, 17; 37—38. (178). „Ангель возвѣщ. женѣ Маноя зачатіе Сампсона“ и „Жена Маноя указыв. мужу на ангела“; 39. (181). „Самсонъ, возглашавшій послѣ битвы“: Кн. Судей хv, 15—19; 40. (182, 183). „Мать посвящ. Самуила на служеніе Господу Богу“—2 рис.; 41—42. (184). „Самуилъ помазанъ Саула на царство“ и „Саулъ у гроба Рахили“ (Встрѣча пророческая: Сам. х, 2); 43—44. (185). „Саулъ въ дубравѣ Фаворской“ (Встрѣча пророческая) и „Саулъ и пророки съ музыкой“ (Сам. х, 4—5); 45. „Саулъ“—2 рис. (углемъ); 46. (188). „Ахилелекъ даетъ Давиду мечъ Голиаха“; 47—48. (186). „Давидъ призываетъ Саулу“ и „Давидъ у Саула“; 49. (187). „Самуилъ помазанъ Давида на царство“; 50. (189). „Самуилъ избир. Давида на царство“: 1 Кн. Царей i, 85; 51. „Давидъ съ полководцами и Нааномъ“: 1 Chron. хviii, 15; 52. (190). „И одеревѣла рука его“: 1 Кн. Царей хiii, 4; 53—54. (191). „Прор. Ілия въ пустынѣ“ и „Прор. Ілия у вдовы Сарептской“; 55. (192). „Тоже“ и „Ілия воскреш. сына вдовицы“; 56. (195). „Тоже“: 1 Кн. Царей, хvii, 21; 57—58. (193). „Ілия даетъ деньги матери воскреш. имъ мальчика“: 1 Кн. Царей хviii, 23, и „Прор. Ілия съ ангеломъ“; 59. „Прор. Ілия на пути къ Хориву“; 60. (194). „Прор. Ілия надѣв. плащъ на Елисея“: 1 Кн. Царей хix, 20.—2 рис.; 61. (196). „Елисей плащемъ Ілия раздѣляетъ воду Іордана“: 2 Кн. Царей ii, 14; 62. (197). „Елисей бросаетъ соль у истока воды“: 2 Кн. Царей ii, 24; 63. (198). „Прор. Елисей у царя Израильскаго“ (соотъ, подъ звуки музыки, или призванъ музыканта): 2 Кн. Царей ii, 15 и 16.—2 рис.; 64. (199). „Елисей приговаривается воскреш. сына Сунамитянки“: 2 Кн. Царей iv, 32; 65. (200). „Елисей насыщ. 20-ю хлѣбами—100 челов.“: 2 Кн. Царей iv, 42—44; 66. (201). „Мертвецъ воскреш. отъ прикоснов. къ костямъ Елисея“: 2 Кн. Царей хiii, 21; 67. (202). „Взятіе гор. Типсахъ“ (?): 2 Кн. Царей хv, 16; 68. „Іосіа низвергаетъ идоловъ, поставл. Манассеѣ“; 69. (203). „Побѣна камями Захаріа, сына святи. Іосіа“: 2 Chron. (Паралином.) ххiv, 19—22; 70. (209). „Пророкъ Іезекииль“; 71. (201).

„Даніилъ съ ангеломъ“; 72. (205). „Іоифъ объявл. царю Вожію“; Кн. Прор. Іоіила 1; 73. „Іоарамъ прим. совѣтъ натыть войну противъ Азалла“—2 рис.; 74. „Partisans en haine“; „Изъ осады Іерусалима“ (углемъ); 75. „Голодъ, или скорбь и стenanія народа“; изъ Іос. Флавія (тоже); 76. (206). „Голодъ во время осады Іерусалима Титомъ“; Мать жарить собственного ребенка; 77. „Тить распоряжается плѣнными для игры“ (рис. углемъ); 78. „Сцены изъ послѣд. времени жизни Ірода“.—2 рис. (углемъ).

Далеко не всѣ произведенія Иванова воспроизведены к. л. графическимъ способомъ, но главныя изъ нихъ все-таки были гравированы и литографированы. Старѣйшими гравюрами въ этомъ отношеніи являются снимки съ „Явленія Христа Магдалинѣ“; на жѣдѣ (въ чертѣ), 1837 г. — при „Худож. Газетѣ“ Н. Кукольника (№ 6) и на стали (раб. *H. Robinson*), 1846 г. — при его же книгѣ „Картины русск. живописи“ (изъ стр. 101), а изъ литографій — исполненная *Серг. Кружскимъ* и печатанная Полеми въ 1844 г.; затѣмъ слѣдуютъ гравюры на стали: печ. у *Ф. А. Брокгауза* въ Лейпцигѣ, 1862 г. — при „Сѣв. Сіаніи“ В. Генкеля (т. I, № 2), и на деревѣ: раб. *П. Куренкова* съ рис. *П. Анненскаго*, 1858 г. — при „Синѣ Отец.“ (№ 25), раб. монограммиста „Р. К.“, 1875 г. — при „Чтенія для дѣтей“ (№ 2, с. 63), раб. *И. Матюшина*, 1889 г. — въ „Сѣверѣ“ (№ 8, с. 145). Почти одновременно съ послѣдними появляются и снимки съ „Явленія Христа народу“: сперва — литографическіе: *А. Мюнстера*, 1858 г., съ общими видами Античной залы Акад. Худож., гдѣ была выставлена помин. картина, — при „Русс. Худож. Лист.“ В. Тимма (№ 22), и очень плохой, 1859 г., — при „Дѣтск. Журн.“ В. Залѣскаго (т. II, кн. 4); потомъ — гравированные: на стали, печ. у *Ф. А. Брокгауза* въ Лейпцигѣ, 1864 г. — при „Сѣв. Сіаніи“ В. Генкеля (т. III, № 4), и на деревѣ: раб. „*Henri Linton*“ съ рис. „*Gus. Janet*“ — въ „Воскрес. Дос.“ 1863 г. (№ 2) и при „Живош. Обзор.“ 1888 г. (т. I), раб. *І. В. Погорного* — въ „Иллюстрир. Газ.“ 1864 г. (№ 3, с. 40 — 41), и въ мал. видѣ — при „Биографич. Чертѣ“ А. И. Цомакіонъ въ изд. Павленкова, 1894 г., а также съ отдѣльных этюдовъ для той же картины — въ „Пчелѣ“ 1875 г.: Головы ап. Андрея (№ 18, стр. 213) и Іоанна Крестителя (№ 23, стр. 272), обѣ раб. *Rannemaker-fils* съ рис. *М. К. Елоста*, и Рабовъ, раб. Варшавской полици-нажи съ рис. *В. Васнецова* (№ 23, стр. 275; перепеч. всѣ три — въ „Нови“ 1887, т. XIII — XV); навоонецъ, — фотографія, исполн. *Шереръ, Наболицъ и Къ* въ Москвѣ, 1879 г., какъ съ первонач. эскиза, такъ и съ оконч. картины, а

равнымъ образомъ: съ фигуры Христа, голову Іоанна Крестителя, Іоанна Богослова, ап. Андрея и Рабовъ — при изд. М. П. Боткина „Жизнь и переписка А. А. Иванова“, и фотолитографія съ одной картины, исполн. *Скамони* и *Честерманомъ*, 1882 г. — въ „Иллюстрир. Каталогъ Моск. всеросс. выставки“, Н. П. Собко (II, 32). Въ довершеніе всего, въ названномъ изданіи Боткина была помѣщена гравюра крѣпкой водкой, исполн. *И. Крамскимъ*, 1879 г. — съ эскиза Иванова: „І. Х. говоритъ ученикамъ о 2-мъ прішествіи“; въ Экспед. Заготовл. Госуд. Вумагъ былъ исполненъ *Скамони* въ 1879 г. гелиограф. снимокъ со сдѣл. Ивановымъ карандашемъ портрета Гоголя; къ „Русск. Стар.“ 1878 г. (№ 5) приложена была хромофотографія съ пис. имъ масл. краск. портрета того же писателя, а Германскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Берлинѣ въ 1879—87 гг. изданы были въ хромофотографіяхъ „Эскизы изъ Свщ. Исторіи“ Иванова (232 сним., изъ 332-хъ, — на 209 листахъ, въ 14-ти вып.).

Что касается портретовъ нашего художника, то они могутъ быть подраздѣлены на слѣд. категоріи, не считая сдѣланнаго съ него *Штернбергомъ* въ Римѣ въ 1844 г. въ карикатурѣ — въ альбомѣ Кривцова, поступ. потомъ къ М. М. Орлову въ Москвѣ, и нарисованнаго имъ самимъ съ себя по груди въ 1846 г. — для отца, отъ котораго онъ попалъ къ Ек. Андр. Сухихъ, по словамъ *Θ. И. Юрдана*: 1) поясной, почти профилью вѣзбо, съ отросшей бородой и вьющимися волосами, рисов. *С. А. Ивановымъ* въ Римѣ въ 1846 г. помощью диаграфа и снимки съ котораго были помѣщены: въ видѣ плохой гравюры на деревѣ, въ овалѣ, — въ „Воскрес. Дос.“ 1863 (№ 2, с. 28) и въ видѣ гравюры крѣпкой водкой, исполн. *И. Крамскимъ*, — при изд. М. Боткина 1880 г.; 2) поясной, $\frac{3}{4}$ вправо, съ небольшою бородой, гладкими волосами и со слож. руками, сдѣл. дагерротипомъ въ Римѣ же, въ томъ же 1846 г. ¹⁾ и снимки съ котораго наход.: литографированный *А. Мюнстеромъ* (съ рис. *Бореля*) — въ его „Портретной галлерей русск. дѣятелей“ 1869 (т. II), гравированный на стали, въ овалѣ, — при изд. Баумана „Наши дѣятели“ 1879 (т. V) и на деревѣ, раб. *Э. Шмидта*, — въ „Нивѣ“ 1880 (№ 12, с. 245), фотографическій — при назв. изд. Боткина, еще литографическіе — въ „Искусствѣ“ 1888 (№ 18) и въ нѣм. изд. „Gnom“ 1888 (№ 1, с. 1), автографическій — въ изд. *Θ. Булгакова* „Наши художники“ 1890 (I, 157) и еще

¹⁾ Другой разъ И. — въ былъ снятъ дагерротипомъ тогда же, среди русск. художниковъ въ Римѣ (наход. въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ).

гравированный на деревѣ, раб. *Г. Гедана*,—при вышеупом. брошюрѣ Цомаковъ 1894 г. ¹⁾); 3) полая, почти профилью вправо, съ отрослей боро-дой и зачесанными назадъ волосами, въ кругу,—литографиов. въ „Русс. Худож. Лист.“ В. Тимма 1858 (№ 22) ²⁾; 4 и 5) одна голова съ мертвого, гравиров. на деревѣ *Ф. Р.*,—кажется, для „Орна Отец.“ 1858, и полая, профилью вправо, уже мертвымъ на постели, снимки съ котораго появи-лись: въ видѣ гравюры на деревѣ, въ обрат. стор.,—въ „Воскр. Дос.“ 1867 (№ 231, с. 84) и фото-типий, въ ту же стор.,—при изд. Боткина; 6) тоже, профилью вправо, въ гробу,—антографиов. *Гр. Сидовымъ* (съ собств. рис. съ нат.) и печат. И. Корелинымъ въ СПб., въ 1858 г.

■ Обратимся теперь къ источникамъ для биографіи Иванова.

„Жизнеописание такого художника, какъ А. А. Ивановъ, представляетъ немаловажную задачу“,—писалъ еще скульпторъ *Н. А. Рамазановъ*, печата-лая въ „Моск. Вѣдом.“ 1858, № 84 (а также въ своихъ „Матер. для исторіи художествъ въ Россіи“, М. 1863, I, 215) его письма къ К. И. Рабусу, изъ Петербурга въ Москву, отъ 1829—30 гг., какъ матеріалъ для будущей его биографіи: „необыкновенное дарованіе; чистое, высокое стрем-ление къ изысному; саморазвитіе; твердая воля и вмѣстѣ чувствительность и другія рѣдкія качества, соединенныя въ одной избранной личности. На-копецъ, продолжительная жизнь въ Римѣ; глубо-кое изученіе памятниковъ искусства; короткость съ знаменитыми представителями художествъ, въ Римѣ въ особенности; дружественныя отношенія съ русскими людьми, отличающимися талантами и свѣдѣніями; малое число почитателей Ива-нова и большое число противниковъ, даже завистниковъ; все это вмѣстѣ—требуетъ какъ можно большаго собранія матеріаловъ для его биографіи, а также безпристрастнаго ихъ раз-смотрѣнія и слѣженія. Если мы имѣемъ счастье написать его биографію, то въ основаніе ея я положу вопросъ: т. е. художнику всегда доводится

бороться съ понятіями и направленіями окружа-ющаго его общества и много терпѣть прежде, не-жели онъ достигаетъ своей благородной цѣли, то достигъ ли ее Ивановъ жизнію своей и трудами? Достигъ,—торжественно, смѣло говоримъ мы, —и не въ одномъ этомъ онъ можетъ служить отрад-нымъ примѣромъ художникамъ“.

Рамазанову не довелось написать желаемой биографіи, хотя онъ и прожилъ послѣ того еще нѣсколько лѣтъ—до декабря 1867 г.; другой ни-кто не брался за подобную задачу, и только въ послѣднее время моск. фотографъ К. А. Фишеръ сталъ готовить фототипическое изданіе всѣхъ произведеній А. А. Иванова, начиная съ его масл. картинъ и кончая карандашными рисунками, съ подробнымъ жизнеописаніемъ этого великаго художника, принадлежащимъ перу *А. П. Новицкаго*. Какого объема и направленія будетъ этотъ текстъ—вопросъ будущаго, но едва ли онъ представитъ собою то, о чемъ мечталъ Рамазановъ, т. е., ви-димое, Новицкій держится нѣсколько иного взгляда на Иванова, судя по написанному имъ краткому очерку послѣдняго въ его изданіи: „Художеств. галлерей Моск. Публ. и Румянц. Музея“, М. 1889.

„Много писало и говорили и за, и про-тивъ него (т. е. Иванова)“,—читаемъ мы тамъ на стр. 143,—и, какъ всегда бываетъ, и та, и другая сторона, въ силу спора, переходила въ крайности: одни прославляли его, впадая въ грязь всѣхъ прочихъ русскихъ, современныхъ ему, художниковъ; другіе, напротивъ, готовы были самого его затоптать въ грязь, — какъ то, такъ и другое, конечно, равно несправедливо. Если дѣйствительно Ивановъ стоитъ особнякомъ въ исторіи русскаго искусства, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ вполне оригиналенъ и самобытенъ,—онъ примыкаетъ къ школѣ когда-то обо-жаемаго имъ нѣмецкаго романтика Овербека. Въ то время, какъ К. Брюлловъ, вслѣдъ за поэзіей, внесъ и въ живопись нашу—французскій романтизмъ, Ивановъ, и по натурѣ, и по технику, и по стилю, и по своимъ художественнымъ идеа-ламъ, является истиннымъ нѣмецкимъ романти-комъ, слѣдуя за Овербекомъ, а потомъ за Корне-люсомъ. Только, въ то время, какъ нѣмецкій ро-мантизмъ, съ Овербекомъ во главѣ, ограничился изученіемъ лишь до-рафаэлевскаго эпохи и средне-вѣковаго искусства, болѣе чуткій и воспримчивый Ивановъ постоянно изучалъ Леонардо-да-Винчи и др. мастеровъ Возрожденія и, мало-по-малу отрѣ-шавшись отъ религіозной точки зрѣнія, становился на строгаго научную почву. Изученіе его дѣя-тельности почти цѣлкомъ заключается

¹⁾ Съ того же оригинала были сдѣланы, уже по смерти Иванова: живоп. портретъ, раб. *С. П. Постникова* (наход. въ гал. Третьякова), карандашный (въ Моск. Публ. и Рум. Музеѣ) и аллебастр. бюстъ (наход. у М. П. Боткина).

²⁾ По груди, въ профиль, въ медальонѣ, —исполн. *Н. А. Лаврецькимъ* мраморн. барельефъ на надгроб. памятникѣ И—въ, въ Новодѣв. мона-стырѣ; гравиров. на деревѣ *В. Матѣ* (по рис. *П. Гурторьева*) снимокъ съ этого памятника —можно видѣть въ изд. Боткина.

въ изученіи картины, которая, во всякомъ случаѣ, есть главное украшеніе нашей галлерей...“ (т.-е. Публ. и Румянц. Музея).

Изъ приведенныхъ мѣстъ ясно видна вся разница во мнѣніяхъ объ Ивановѣ обоихъ названныхъ лицъ; на чей же сторонѣ болѣе правды—не трудно будетъ рѣшить при ближайшемъ и подробнѣйшемъ разборѣ и изученіи всего, что представляютъ собою произведенія Иванова, помимо его большой картины „Явленіе Мессіи народу“, а также его собственныя письма и замѣтки, гдѣ заключается такой богатый матеріалъ для его полной и всесторонней характеристики; наконецъ, отзывы его современниковъ, т. к. трудно, вѣдь, судить о пастоящемъ значеніи дѣятельности какого бы то ни было выдающагося лица по однимъ только позднѣйшимъ понятіямъ, легко измѣняющимся, при томъ, съ теченіемъ и подъ вліяніемъ времени.

Къ рѣдкимъ исключеніямъ въ данномъ случаѣ можно отнести статью пок. *И. Н. Крамского* объ Ивановѣ въ „Историч. Вѣст.“ 1880 г., но Крамской былъ самъ выдающагося личностью, особенно въ художественномъ мірѣ,—по своему уму и самообразованію, да къ тому же онъ имѣлъ много общаго съ нашимъ художникомъ ¹⁾.

Вне мы привели большія извлеченія изъ этой статьи, заключающей въ себѣ, какъ не трудно видѣть, довольно полную и при томъ не голословную, а, основанную на фактахъ, характеристику Иванова,—чтобы обратить на приведенныя тамъ обстоятельства особое вниманіе будущихъ его биографовъ.

¹⁾ „Конечно,—писалъ *В. В. Стасовъ* въ своей статьѣ „Ив. Ник. Крамской“ въ „Историч. Вѣст.“ 1887 (№ 5, с. 386),—Ивановъ никогда не былъ портретистомъ, а Крамской, напротивъ, былъ по преимуществу портретистъ, и въ этомъ главное различіе между ними. Другое различіе—объемъ таланта. Ивановъ далеко превосходилъ Крамского въ способности къ созданіямъ, и именно въ созданіяхъ на сюжеты историческіе. Но, въ остальномъ, въ натурѣ этихъ двухъ художниковъ много было общаго. Оба посвящали себя, въ дѣлѣ создаваемыхъ картинъ, всего болѣе сюжетамъ, взятыхъ изъ Евангелія. Оба были сильно талантливы, но интеллектуальная, познавательная и сообразительная способность стояла у нихъ гораздо выше собственно художественной. Исканіе правды, истины и типичности было сильнѣе, чѣмъ данная природою способность выражать эту правду, истину и типичность. Отсюда—вѣчное у обоихъ недовольство самимъ собою, мучительное сомнѣніе въ себѣ и въ своемъ призваніи, томленіе и душевная боль

Въ ожиданіи полной біографіи Иванова съ всесторонней оцѣнкой его дѣятельности—художественной, критической, нравственной и общественной, наиболее подробными и обстоятельными являются пока составленныя: художникомъ *В. Толбинымъ*—для „Русс. Писат.“ 1858, № 225, с. 963—5 (главн. образомъ—на основ. писемъ И—ва къ Рабусу и воспом. о немъ К. Павловой); неизвѣстными авторомъ—въ „Дѣтск. Журналѣ“ *В. Залѣскаго* 1859, т. II, кн. 4, с. 104—134 (собств. „Очеркъ худож. дѣятельности И—ва“); извѣстнымъ художеств. писателемъ *П. Н. Петровымъ*—для „Свѣ. Сіянія“ 1864, т. III, № 4, с. 213—226 (глав. образомъ—на основ. писемъ И—ва къ Рабусу и въ Общ. Поощр. Худож. и перенесенъ съ нимъ Гоголя), и для „Портретной галлерей русс. дѣятелей“ *А. Мюнстера*, СПб. 1869, т. II, с. 257—9 (перечень, почти дословно въ изд. Баумана: „Наши дѣятели“, СПб. 1879, т. V, с. 148—155); академ. *М. П. Боткинъ*—для его изд.: „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и переписка 1806—58“, СПб. 1880, с. I—XXXIX, а также для изд. Германскаго Археолог. Института: „Изображенія изъ Свѣт. Исторіи оставленныхъ эскизовъ Ал. Иванова“, Берлинъ 1880, съ перевод. на нѣмц. языкъ (на основ. личныхъ воспоминаній и разныхъ документовъ, съ выск. выписками изъ статей: Погодина, Гоголя, Герцена и, въ особенности, Чернышевскаго); наконецъ, писателемъ, скрывшимся подъ буквами *А. П.*,—въ „Русс. Вѣст.“ 1880, № 5, с. 436—446.

Напечатанный *В. В. Стасовымъ* въ „Вѣст.

виродолженіе всей жизни... Оба были одарены могучею, пытливою мыслью; оба не могли довольствоваться существовавшими въ ихъ время художественными порядками и страстно искали выхода изъ нихъ, и для себя самихъ, и для товарищей по искусству, и для будущихъ художественныхъ поколѣній. И это была въ ихъ существѣ такая могучая, такая правдивая струна, что звонъ ея не прошелъ безслѣдно. Мысли Иванова и Крамского о художествѣ и художникахъ и, главное, поставленныя ими, словно путевыя вѣхи, требованія отъ искусства и художниковъ—дорогое достояніе наше. Мы можемъ гордиться имъ передъ чѣлмъ свѣтомъ. Замѣчу еще, что взгляды Крамского во многомъ даже шире и идутъ болѣе взглядовъ Иванова, потому что Крамской не считалъ религиозныхъ сюжетовъ единственно возможными и обязательными для искусства. Онъ жилъ уже въ другую эпоху, и современная культура, еще почти неизвѣстная Иванову, вошла уже широкимъ и могучимъ пластомъ въ натуру Крамского“.

Европы" 1880, № 1, с. 111—186, „биограф. очеркъ“, въ видѣ продолж. его статей въ „Русс. Вѣст.“ 1861, №№ 9 и 10, с. 5—48 и 341—406, „О значеніи Брюллова и Иванова въ русс. искусствѣ“, представляя собою скорѣе обстоат. сводъ независимыхъ воззрѣній И—ва на отношенія къ близкимъ, на задачи художниковъ и искусства, на художества, образованіе, на обществ. положеніе и проч., а также разныхъ взглядовъ на него самого — публики и критики, чѣмъ собственно жизнеописаніе нашего художника.

Болѣе критическое, нежели биографич. значеніе имѣетъ и статья *И. Крамскова* въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1880, т. V, с. 806—820 (перепеч. въ изд. Суворина 1888 г.). Что же касается до статьи *В. Чуйко* въ „Ночи“ 1887, т. XIII—XV, №№ 3, 5, 7 и 9, с. 108, 191, 275 и 329, то въ биограф. отношеніи она является пересказомъ очерка Вотикина, съ приведеніемъ выписокъ изъ воспом. Тургенева, Юрдана, Стасова, С. Иванова, Ковалевского, Чернышевскаго и пр.

Дальше идутъ краткія біографіи: самая первая, появившаяся въ „Справ. Энциклопед. Словарѣ“ К. Крайя, СПб. 1847, т. VI, с. 8—9; вторая — въ книгѣ *А. Н. Андреева*, „Живописи и живописцы главнѣйшихъ европ. школ“, СПб. 1857, с. 551—2, и третья, напечатанная вышеупом. *В. Толбинымъ* въ „Синѣ Отец.“ 1857, № 37, с. 893—4. Къ нимъ примыкаютъ некрологи и сообщенія о похоронахъ, 1858 г. въ „Моск. Вѣдом.“ 5 іюля, № 80, с. 734 (*В. Боткина*); въ „Русс. Вѣст.“, т. XV, июнь, кн. 2-я, соврем. лѣтоп., с. 417, и т. XVI, июль, кн. I, совр. лѣт., с. 70—71 (*К. Кавелина*); въ „СПб. Вѣд.“, 6 и 13 іюля, №№ 146 и 152, с. 851 и 883—4 (причемъ въ 1-й фельет. включено письмо Кавелина безъ его имени и съ нѣкот. измѣненіями); въ „Свѣтописцѣ“, № 7, с. 183—4 (изъ 2-го фельет. „СПб. Вѣд.“); въ „Синѣ Отец.“, № 27, с. 766 (тоже изъ „СПб. Вѣд.“); въ „Илюстр.“, № 29, с. 31; въ „Русс. Изнав.“, 9 іюля, № 147, с. 648 (*П. Елюрова*); въ „Русс. Худож. Истскѣ“, 26 іюля, № 22; въ „Вѣстѣ“, 15 іюля, № 28, с. 22—3 (*П. Билецкаго*); въ „Отец. Зап.“, т. CXIX, № 8, отд. V, с. 57—9 (изъ предѣл. источника).

Затѣмъ слѣдуютъ ливизыя уже позже замѣтки (до 1880 г.) и статьи (послѣ 1880 г.): въ „Мѣсяцесл.“ на 1860 г.; въ „Настольн. Словарѣ“ Ф. Толяя, СПб. 1864, т. II, с. 235 (очень краткая); въ „Воскрес. Досугѣ“ 1863, т. I, № 2, с. 26—27, и 1867, т. X, № 231, с. 84; въ „Илюстрир. Нед.“ 1874, № 13, с. 202—3; въ „Чтеніи для дѣтей“, М. 1875, № 2, с. 22—25 (*М. А. Балааса*); въ „Русс. Энциклопед. Словарѣ“ Березина, СПб. 1877, отд. II, т. II, с. 322; въ изд. Ю. Б. Поверженна „Медали въ честь русс. дѣятелей“, СПб.

1877, I, 255—6; въ „Нивѣ“ 1880, № 12, с. 242—4 (*А. Н. Невелскаго*, безъ подл., — довольно обстоятельная); въ нѣм. изд. „Gnom“ 1883, №№ 1 и 2 (почти сплошной перепеч. изъ критич. статей проф. *Е. Доберта* въ „National-Zeitung“ 1881, №№ 530 и 532, безъ указ. источника); въ журналѣ „Искусство“ 1883, № 18, с. 201—3 (*Низ*); въ „Сѣверѣ“ 1889, № 8, с. 154; въ „Худож. галлерей Моск. Публ. и Румянц. Музея“, *А. Новицкаго*, М. 1889, с. 143—157 (изъ которыхъ болѣе полов. занята выпис. изъ писемъ И—ва и ст. Крамскова, а также описаніемъ его картинъ „Явленіе Мессіи“); въ изд. *Θ. Булакова* „Наши художники на академ. выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“ (1865—87), СПб. 1890, I, 156—9; въ „Настольномъ Энциклопед. Словарѣ“ А. Гарбеля и К^о, 1891, вып. 39, с. 1827; въ „Энциклопед. Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, 1894, XII, 760 (*А. Сомова*); и, наконецъ, *А. И. Помакинъ* „А. А. Ивановъ, его жизнь и художеств. дѣятельность“, СПб. 1894, 86 стр., при чемъ послѣднія біографіи, начиная съ 1880 г., руководствуются уже изданіемъ Вотикина. Сюда же надо прибавить еще и рецензій назв. книги въ различныхъ журналахъ того же года, какъ-то: въ „Нов. Врем.“ (№ 1409, ст. XIV), „Голосѣ“ (№ 28), „Кругозорѣ“ (№ 4), „Русс. Мысли“ (№ 4) и др.

Потомъ идутъ воспом. разныхъ лицъ объ И—вѣ, а именно: отъ 1858 г. — *Карол. Павловой* въ „Русс. Вѣст.“, т. XVI, августъ, кн. I, соврем. лѣтоп., с. 297—300; *А. Герцена* въ „Колокольцѣ“, 1 сент., № 22; *Нимъ Р-вой* въ журналѣ для дѣвчцъ „Луча“, т. XVIII, № 9, с. 145—151; *Н. Чернышевскаго* въ „Современ.“, т. LXXII, № 11, отд. I, с. 175—180 (безъ его имени); отъ 1861 г. — *Ив. Тургенева* въ „Вѣстѣ“, № 15, с. 521—6, подъ заглав. „Побѣда въ Альбано и Фраскати“ (разборъ этой статьи, *Г. Дестуниса* — въ „Свѣтоцѣ“, кн. IX, отд. II, с. 79—93); отъ 1862 г. — архит. *С. А. Иванова* и отъ 1879 г. — грав. *Θ. И. Юрдана*, *В. П. Гаевского*, *К. Д. Кавелина*, *В. В. Стасова* — въ видѣ „Дополн.“ къ изд. Вотикина.

Къ этому должна быть прибавлена и взаимная переписка между И—вымъ и разными лицами, какъ-то: Погодинымъ — въ „Москвитинѣ“, 1862, ч. IV, № 15, смѣсь, с. 110 (письмо И—ва къ нему о портр. Гоголя); Рабусомъ — въ „Литерат. отдѣлѣ Моск. Вѣдом.“ 1858, № 84, с. 337—9, въ ст. *Н. Рамзанова* „Нѣск. словъ воспом. объ А. И.—вѣ и его письма къ Н. И. Рабусу“ (перепеч. въ его „Матер. для исторіи худож. въ Россіи“, М. 1863, I, 201—213; извлеч. — въ „Сѣв. Цѣвѣткѣ“ 1866, № 9); *А. И. Демертомъ* — въ „Моск. Вѣдом.“ 1860, № 143, въ ст. *Ник. Демерта* „Неизвѣст. картины Иванова“ (письма И—выхъ къ Д.; из-

влет.—въ „Русс. Инв.“ 31 июля, № 164, въ фельет. „И то, и се“, за подп. *Виктор*), и въ „Библиот. для Чтенія“ 1860, т. СХІ, июль, соврем. лѣтоп., с. 45—46 (тоже); Гоголемъ—въ „Сочин. и письмахъ“ послѣдняго, въ изд. Кулиша, СПб. 1857, т. V, с. 385—6, 402, 448—9, 451—2, 454—5, 472—4, 492—4, и VI, с. 26, 40, 54—6, 157—8, 182—3, 362—3, 432—3, 440—1, 446—7, 503—4, 526—7 (письма велик. писателя къ нашему художнику отъ 1839—51 гг.), въ „Современ.“ 1858, т. LXXII, № 11, отд. I, с. 123—174, въ ст. *П. Кулиша* „Переписки Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ“ (отвѣтныя письма И.), въ „Библиограф. Записк.“ 1859, т. II, № 4, с. 98—100 (два письма Г. къ И. и одно отъ И.), въ „Вѣст. Европы“ 1883, № 12, с. 611—654, въ ст. *Е. Некрасовой*, „Н. В. Гоголь и А. А. Ивановъ, ихъ взаимныя отношенія“ (письма Г. 1846—47 гг.); Жуковскимъ, Шевыревымъ, Черкасской и Чижовымъ—въ „Русс. Архивъ“ 1875, № 11, с. 365—8 (письма И.—ва къ Ж.—му, 1841—47 гг.), 1878, № 5, с. 59—60, и № 7, с. 271—2 (письма къ Ш.—ву 1836 г. и Ч.—ву 1858 г.), 1884, т. I, с. 391—422 (письма Чижова къ И.—ву), В. И. Григоровичемъ—въ „Русс. Вѣст.“ 1890, № 5, с. 38—56; отцомъ—въ „Русс. Худож. Архивъ“ 1892—93, I, 22—33, II, 87—103, III—IV, 152—184, V—VI, 321—331 и 345—368 (письма А. И. И.—ва къ сыну А. А. И.—ву). Сюда же надо отнести и нѣкот. др. документы, напр.—письма разныхъ лицъ отъ И.—ва: *Гоголю* къ М. Вильгоровскому—въ „Выбран. мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, СПб. 1847, ст. XXIII, и въ разн. изданіяхъ его „Сочиненій“, и къ Жуковскому—въ „Русс. Архивъ“ 1871, № 4—5, с. 1945—9 (письмо 11-е отъ 1842 г.); *А. С. Дарюмижскаго* къ А. И. Кармаліной, отъ 1860 г.—въ „Русс. Стар.“ 1875, т. XIII, с. 430 (о перемѣнѣ въ характ. И.—ва); *кн. Г. П. Волконскаго* къ В. К. Маріи Николаевнѣ, отъ мая 1857 г., *С. А. Иванова* къ В. В. Стасову, и проч.—въ „Пчелѣ“ 1875, №№ 23—24, с. 283 и 293—5, а также въ автобіогр. *И. К. Айвазовскаго*—въ „Русс. Стар.“ 1878, т. XXIV, № 7, с. 424.

Наконецъ, длинный списокъ матеріаловъ для біографіи и характеристики И.—ва заключаются: описат. и критич. замѣтки и статьи объ его произведеніяхъ—картинахъ и рисункахъ, то—въ общихъ отчетахъ о выставкахъ въ Имп. Акад. Худож. и проч., какъ-то: *Бор. Федорова*—въ „Отеч. Зап.“ 1824, XX, № 55, с. 315—7, и *В. Григоровича*—въ „Журн. Изящ. Искус.“ 1825, № 1, с. 61; *П. Свинина*—въ „Отеч. Зап.“ 1827, XXXII, № 90, с. 146 и 156, и *З.—въ*, „Сѣв. Пчелѣ“ № 114, с. 4; *В.—въ*, „Сѣв. Пчелѣ“, 1836, № 228, с. 912;

Сенковскаго—въ „Библиот. для Чтен.“, т. XVIII, изд. VI, с. 57—8; *А. Корабинскаго*—въ „Литерат. Прибавл. къ Русс. Инвал.“, ч. XXI, № 90—91, с. 725 (въ видѣ замѣч. на пред. статью); въ „Журналѣ Общепол. Свѣд.“, № 43, с. 356; *Н. Кукольника*—въ „Худож. Газ.“, №№ 9—10, с. 146—7; *Е. Н. К.* (Елиз. Ив. Крутиковой?)—въ „Москвитян.“ 1848, ч. VI, № 11, Моск. лѣтоп., с. 5—6 (въ ст. объ Айвазовскомъ); то—въ статьяхъ о „Русс. художникахъ въ Римѣ“, какъ-то: въ „Библиот. для Чтен.“ 1835, т. XI, отд. III, с. 82—4 (*А. Тимонеева*); въ „Худож. Газ.“ 1837, № 6, с. 93—94 и 96, и 1840, № 6, с. 12—13 (неизвѣстныхъ); въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1841, № 243 (*Н. Греча*); въ „Москвитян.“ 1841, т. VI, № 11, с. 150—2 (*С. Шевырева*), и 1842, ч. II, № 4, с. 312—3 (*М. Погудина*); въ „СПб. Вѣдом.“ 1842, №№ 224—6, с. 979—980, 984—6 и 988, и въ „Моск. Литерат. и Учен. Сборн.“, М. 1846, с. 56—74 (*Ф. Чижова*); то въ Обзорѣхъ о состояніи художествъ въ Россіи, какъ-то: *Н. Кукольника*—въ „Библиот. для Чтен.“ 1843, т. LVI, отд. III, с. 52—53, и въ „Картинахъ русс. живописи“, СПб. 1846, с. 101 (два соверш. разн. отзыва отъ И.—ва); то—въ отд. статьяхъ о послѣд. картинахъ И.—ва и въ общ. фельетонахъ, какъ-то: *неизвѣстныхъ*—въ „Библиот. для Чтен.“ 1857, т. CXIV, июль, с. 289, и въ „Отеч. Зап.“ 1857, т. CXIII, отд. III, с. 20, и 1858, т. CXIX, № 7, отд. V, с. 53; *Н. Ковалевскаго*—въ „Русс. Вѣст.“ 1857, т. IX, июль, кн. I, соврем. лѣтоп., с. 210—5 (франц. перев.—въ „Le Nord“, 8 août, № 220, variétés), въ „Отеч. Зап.“ 1859, т. CXXIII, отд. I, с. 103—132, и въ „Современ.“ 1860, т. LXXXIII, отд. III, с. 368—370; *Новаго поэта (Панасва)*—въ „Современ.“ 1858, т. LXVIII, № 3, отд. II, с. 84—85; *М. З.—въ*, въ „Синѣ Отеч.“, № 24, с. 681—2, и № 26, с. 788—9; *В. Толбина*—тамъ же, № 25, с. 710—3; *Н. Х.—въ*, „Иллюстр.“, №№ 26—27, с. 10—11 и 19 (отчасти въ видѣ замѣч. на пред. статью), и *Н. И.—ва*—тамъ же, №№ 30—31, с. 68 и 83; *В. К.—въ*, „Моск. Вѣдом.“, № 79, с. 320; *А. В.—въ*, „Русс. Вѣст.“, т. XV, июль, кн. 2, соврем. лѣтоп., с. 349—360; *А. Хомякова*—въ „Русс. Вѣстѣ“, т. III, кн. 11, с. 1—22, и въ I т. „Собр. его сочин.“; *Донатина*—въ „Семейномъ Кругѣ“ 1858—59, т. II, № 9, с. 226—246 (по поводу ст. Толбина); *В. Плаксына*—тамъ же, № 11, с. 185—208; *Апол. Мокрицкаго*—отдѣльно: М. 1858, 8°, и *А. Теодора*—тоже, СПб. 1859, 8° (изъ книги: „О православіи въ отнош. къ современности“); извѣст. изъ предмд. статьи—въ „Школѣ Рисов.“ Д. Струкова 1862, №№ 5—6, с. 36—39 и 46—48; *Арх. Эвальда*—въ „Моск. Вѣдом.“ 1860, №№ 130—1, с. 1030—1 и 1038—9;

О.—въ „Русс. Худож. Листъ“, № 25, с. 94 (по поводу вист. въ И. А. Х.); *одно изъ подписчиковъ*, „Моск. Вѣстн.“, не художника, — въ назв. издан., № 39; *В. Зотова*—въ „Сѣв. Сіяніи“ 1862, т. 1, № 2, с. 65—74 (съ разборомъ разныхъ статей объ И-вѣ); *С. Заряико*—въ „Соврем. лѣтописи Моск. Вѣдом.“ 1864, № 20, с. 14—15 (въ видѣ отвѣта Погодину на его статью въ „Русс. Вѣд.“, № 57,—о вист. въ Учил. живоп.); *В. Стисова*—о картинахъ и иллюстраціяхъ къ Библии—въ „Еврейск. Библиот.“ 1873, III, 808—815, и 1878, V, 41—47, въ ст.: „Еврейское племя въ созданіяхъ европ. искусства“, гл. IV и V; въ „Нов. Врем.“ 1878, № 873, во II-мъ „письмѣ изъ чужихъ краевъ“; въ „Вѣст. Европы“ 1882, № 11, с. 228—239, въ ст.: „25 лѣтъ русс. искусства“, гл. I; въ „Сѣв. Вѣст.“ 1888, кн. 8, отд. II, с. 1—26; *Гельбига*—о тѣхъ же иллюстраціяхъ—въ видѣ предисл. къ изд.: „Изображенія изъ Свящ. Исторіи оставл. эскизовъ Ал. Иванова“, Берл. 1879, вын. I; *И. Крамского*—о томъ же—въ „Худож. Журналѣ“ 1881, № 1, безъ подт.; *неизвѣстнаго*—тоже—въ „Нов. Врем.“ 1879, № 1085; *А. Новицкаго*—тоже—въ „Русс. Обозр.“ 1893, т. XII, июль, с. 321—332; въ довершеніе всего—о портр. Гоголя, раб. И-ва; въ ст. *П. Ефремова*—въ „Русс. Стар.“ 1873, т. XXIII, № 5, с. 158 и 160, и *Н. Собоко*—въ „Древ. и Нов. Россіи“, т. II, № 7, с. 259.

Хронологическій обзоръ печатныхъ источниковъ объ И-вѣ, заключающій въ себѣ до 100 №№ за первые 55 лѣтъ со времени выступленія его на художеств. поприщѣ (1824—79 г.г.) и составленный авторомъ настоящаго „Словаря“, былъ напечатанъ при изданіи подъ его ред. и съ его примѣч. (М. П. Боткинныя) книгъ: „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и перенеска“, СПб. 1880 г. Списокъ этого удалось составить тогда настолькоъ подробно, что, не смотря на появленіе съ тѣхъ поръ: „Русск. историч. библиографіи“ *В. И. Межеова* за 1800—54 и 1865—76 г.г. и „Опыта русс. историографіи“ проф. *В. С. Иконникова*, не оказалось никакихъ дополненій къ нему и только *М. Ф. Федорова*, просматривая въ Имп. Публ. Библиотекѣ всъ русс. період. изданія для своего „Перечня журнальныхъ статей объ академическихъ выставкахъ за 130 лѣтъ“ (1764—1894), могла указать шутку на то, да и то второстепенныхъ, замѣтокъ объ И-вѣ, которыя были пропущены тамъ.

Въ послѣднемъ здѣсь обзорѣ, при расположеніи тѣхъ же источниковъ уже въ систематич. порядкѣ, прибавлены, кромѣ помин. статей, также и появившіяся въ нашей литературѣ съ 1880 г., т.-е. со времени выхода въ свѣтъ книги Боткина.

Основаніемъ нашего очерка служили б. ч. собственные письма А. А. Иванова, а также—его отца, Гоголя, Чижова и др., такъ что зачастую рассказъ переданъ даже ихъ подлинными словами—для лучшей характеристики какъ самого Иванова и постепеннаго развитія его взглядовъ, такъ и исторіи взаимныхъ отношеній его съ извѣст. людьми того времени, съ которыми ему приходилось только сближаться. Затѣмъ, для полноты рассказа, туда включены и извлеченія изъ разн. архивныхъ документовъ: Общ. Поощр. Худож. (дѣла 56/1817, 128/1828, 111/1830, 109/1835, 67/1842, 41/1845, 95/1847, 64/1849, 40/1858, 116/1858, 159/1858, 33/1861, 177/1877 и Президентскія: 61/1826, 36/1836) и Имп. Имп. Двора (дѣла: 1836, оп. 906, № 31; 1858, оп. 217, № 71; оп. 685, № 71; оп. 943, № 68; 1861, оп. 688, № 50), равно какъ данія изъ разныхъ офиц. изданій, въ родѣ: „Сборника матер. для исторіи И. А. Х., изд. подъ ред. *П. Н. Петрова*“, 1865—66 (II, 98. 172. 196. 215—6. 233. 345. 441. 445; III, 32. 49. 50. 53. 58. 441); „отчетовъ: Общ. Поощр. Худож. (1824, 14 и 18; 1827, 16—18 и 20—22; 1828, 14—15; 1829—31, 6—7; 1832—33, 6; 1835—36, 9—10; 1836—37, 146—7, въ „Худож. Газ.“; 1837—38, 8; 1838—39, 6; 1839—40, 13; 1840—41, II—III; 1844—45, 8) и Имп. Акад. Худож. (1844—45, 5; 1845—46, 3; 1846—47, 8); „указателей и каталоговъ выставокъ“: въ Имп. Акад. Худож. (1833, 408; 1836, 401; 1859, 30; 1861, 202—„произвед., принадлеж. частнымъ лицамъ“; 1881, 274—304), въ Общ. Поощр. Худож. (въ издѣ 1867, №№ 38. 50. 95, и въ сент. №№ 45. 53—изъ собр. *Θ. И. Прияшниковъ*), въ Моск. Общ. Любит. Худож. (1872, 8); „каталоговъ и описей карт. собраній и галлерей“; Имп. Эрмита. 1863 г. (№ 1593), Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ 1877 г., Д. П. Вотивна 1875 г. (№№ 85—86), бр. Третьяковскихъ, 1894 г. (№№ 89—93 и 1052—113), Солдатенкова (въ изд. *А. Н. Андреева* „Карт. галлерей Европы“ 1862, I, 20). Далѣе, изъ воспоминаній разныхъ лицъ объ Ивановѣ, мы включили у себя только то, что действительно относилось къ нашему художнику и могло служить необходим. дополненіемъ или объясненіемъ къ извѣстіямъ, заимствованнымъ нами изъ друг. источниковъ, опустивъ напротивъ все то, что касалось скорѣе самихъ рассказчиковъ, чѣмъ лица, о которомъ рассказывалось, а также и все то, гдѣ проглядывало скорѣе чувство зависти или мести, чѣмъ стремленіе къ истинѣ (какъ, напр., у *Тордана*). Наконецъ, большее мѣсто отведено у насъ, для болѣе полной характеристики трагической личности, — и отрывкамъ изъ критич. взгля-

довъ разныхъ худож. писателей на Иванова и его произведения, за 70-ти-лѣтній періодъ времени (1824—93 г.г.),—въ тѣхъ видахъ, что многія изъ изданій, гдѣ высказаны были эти мнѣнія, могутъ быть недоступны читателямъ, особенно въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстностяхъ. Такими образомъ, въ нашемъ очеркѣ получился какъ-бы экстрактъ на 265 стран.) въ томъ числѣ 155 стран.—критическихъ отзывовъ) изъ всего того, что, помимо рукописныхъ источниковъ, занимаетъ въ печати, по приблизит. разсчету,—около 1,200 стран. въ 8-ку (свыше 500 стр.—разн. писемъ и документовъ въ разн. изданіяхъ и около 700 стр.—разныхъ воспоминаній и статей объ И.—въ, не считая чисто біограф. очерковъ). Для полученія еще лучшаго понятія о нашемъ художникѣ, у насъ помѣщены снимки съ его произведеній (картинъ и эскизовъ), нарочно взятыхъ изъ различныхъ знохъ его дѣятельности.

Ивановъ, Александръ Васильевичъ, архитекторъ. Род. 1845. Сынъ СПб. мѣщ. Вас. Сергѣева, обуч. въ А. Х. въ 1863—69, а по удостоеніи въ 1872 г. званія кл. художника 2-й степ. за проектъ „кам. рынка“, былъ помощникомъ у проф. Бернгардта—при сооруж. Колтовской церкви и у М. А. Макарова — при постройкахъ домовъ: Антонова на Литейномъ пр., Рота въ Кузнецкомъ пер., маркиза Паулуччи по В. Морской ул. и Мартиновой въ Чернышевскомъ пер., при чемъ послѣдніе два оканчивалъ самъ, по смерти профессора.

См. въ Арх. А. Х. дѣло 19/1863 и рукон. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Александръ Васильевичъ, живописецъ на фаянсѣ. Род. 1785 г. и былъ, 12-ти-лѣтн., принятъ въ Имп. Акад. Худож. въ 1797 г.; затѣмъ, находясь въ 3-мъ возрастѣ, препровождалъ, въ февр. 1801, въѣзтъ съ друг. 5-ю учениками, въ учрежд. при фаянсов. заводѣ гимназію для изученія живописи на фаянсѣ, по требованію управляющаго заводомъ кн. Н. Б. Юсупова, во исполненіе Высочайшей воли, а по уничтоженіи завода въ 1802 г., выпущенъ 1-го сент. 1803 съ аттестатомъ 3-й степ.

См. въ Арх. И. А. Х. дѣла 10/1801 и 56/1803, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *..П. Н. Петрова*, I, 328 (№ 64), 420 и 432.

Ивановъ, Александръ Николаевичъ, скульпторъ. Род. 1788 г. Сынъ дьячка въ с. Матокѣ, Платосельбургскаго у., онъ былъ, принятъ въ Имп. Акад. Худож.—7 февр. 1797, 9-ти лѣтн., а по полученіи 6 сент. 1804 г. (выд. 1 сент. 1805)—2-й серебрян. медали за дѣленіе съ пат., выпущенъ 1 сент. 1806, изъ 4-го возраста, съ аттестатомъ 2-й степ.

См. „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“ *П. Н. Петрова*, I, 327 (№ 35), 467 и 474, 486.

Ивановъ, Александръ Тимофѣевичъ, медалеръ? Вероятно сынъ извѣстн. медалера Тимоѣ. Иванова (1729—1802), онъ состоялъ въ 1806, въ чинѣ тит. сов., „при медалерномъ дѣлѣ“ на СПб. Монетномъ Дворѣ.

Изъ рукон. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Александръ, архитекторъ. Род. 1816 г. Воспитаникъ Строит. Учил. на счетъ Тамбовской губ. съ 9 нояб. 1832 по 16 февр. 1839, онъ былъ выпущенъ отсюда съ чиномъ 14 кл. и поступилъ на службу по Мин. Внутр. Дѣлъ съ званіемъ гражд. инженер.

Изъ рукон. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Алексѣй Алексѣвичъ, архитекторъ. Род. 1749, ум. въ сент. 1802. Сынъ флотскаго комиссара, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. въ янв. 1759, 10-ти лѣтн., и тогда же назначенъ, по экзамену, въ архитект. классъ. По прохожденіи полнаго курса и полученіи медалей: 2-хъ серебряныхъ—за исполненіи, согласно заданной 1 апр. 1763 для 2-го класса программѣ, „проектъ внутр. украшенія большой Академич. залы“ (30 июня, съ выдачею самой медали 8-го іюля), и за слѣд. архитектурную композицію (21 сент. 1765), и 2-хъ золотыхъ—за проекты: „внутр. украшеній Академич. строенія по апробов. плану и фасаду“ (10 іюля 1766) и „училища для воспитанія и обученія 150 чел. благороднаго юношества, на основаніи генер. учрежденія“ (5 іюля 1767), онъ былъ выпущенъ съ аттестатомъ 1-й степ. и шпайгой (по опред. 20 іюня того же года), и съ званіемъ художника съ отпращиваніемъ, неисповоротъ, заграничу. Во время своего 6 лѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, И-въ занимался у проф. Королевской Академіи Дюмона и Ковтана въ Парижѣ (куда прибылъ 27 сент. 1767), а затѣмъ работалъ самостоятельно въ Римѣ (гдѣ пробылъ съ 5 нояб. 1769 по 13 февр. 1772; подробности о пребыв. заграничѣ см. ниже въ біогр. его брата *Ив. Ал. И—ва*). Возвратясь въ отечество, онъ получилъ академич. званія: „назначеннаго“—за планъ, фасадъ и профиль „увеселит. дома“ (2 сент. 1773, вслѣд. просьбы отъ 4 февр.), въѣзтъ съ опредѣленіемъ на службу при архитект. классѣ (36 окт., вслѣдствіе его просьбы 17 окт. дать ему записки при Акад., „чтобы оказать усердѣйшія услуги и чтобы его званіе не оставалось втуне“), и „академика“—за чертежи „публ. театра“ (17 окт. 1776, по задачѣ проф. Фельтена отъ 25 апр. 1775), а вслѣдъ затѣмъ былъ приглашенъ для обученія

въ перспективъ. классѣ (22 марта 1777) и утвержденъ въ званіи адъюнкта-профессора (13 авг. 1779). Первые годы по возвращеніи въ СПб., И—въ имѣлъ, кромѣ того, занятія по постройкамъ: у камерг. Ф. И. Балка (оранжереи и бани); И. И. Шувалова и гр. З. Г. Чернышева. Возведенный въ званіе профессора (20 іюля 1785), онъ просилъ Совѣтъ Акад. (въ мартѣ 1789) объ увольненіи его отъ службы по слабости здоровья, главн. образ. зрѣнія (т. к., «не находилъ себя болѣе способнымъ къ отправленію предпорученной ему отъ Акад. должности»), а также о принятіи его двухъ сыновей: Павла, 18-ти лѣтъ, и Ивана, 10-ти лѣтъ, въ Академич. училище, но и по выходѣ въ отставку онъ строилъ еще нѣкот. время у оберъ-штабмейст. Л. Л. Нарышкина. Онъ былъ женатъ дважды: съ 21 іюля 1773 на дочери бывш. дьякона Моск. епархіи, Маріи Егор. Старовой († 4 іюля 1787 г., 33 лѣтъ) и съ 18 февр. 1788—на дочери умерш. священника Преображ. собора, Александрѣ Никол. Тумаховской.

См. «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.»... П. Н. Петрова, I, 627 и 13. 19. 84—86 и 113, 116 и 121. 184. 137. 221 и 223. 189. 143. 299 и 300. 430, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 45/1772 и 10/1789, а также 9/1785.—Съв. Вѣстникъ 1804, I, 356—7 (†).—Nagler's, «Künstler-Lex.», VI, 515.

Ивановъ, Алексѣй, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1734. Изъ каменщицкихъ дѣтей, поступ. на службу въ Кантору Строенія въ 1748 и наход. тамъ еще въ 1797.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 5, с. 96; д. 6, с. 195; д. 7, с. 22; д. 8, с. 17.

Ивановъ, Алексѣй, архитекторъ. Род. 1764, ум. ... Изъ садовническихъ дѣтей, поступ. на службу въ Гофъ-Интендант. Кантору, въ Моск. команду, ученикомъ—20 іюня 1780, пропавшемъ былъ въ помощника—1 янв. 1789 и въ колл. регистр.—31 дек. 1796.

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 2, с. 24 и 90; д. 3, с. 47, 61, 58 (1779—88 г.г.); д. 5, с. 86; д. 6, с. 184; д. 7, с. 15 (1797); д. 8, с. 6; д. 9, с. 96, 121 и 127; оп. 382/815, д. 1, с. 37 об. и 233—4 (1799 г.).

Ивановъ, Алексѣй, рѣшникъ. Род. 1772, ум. 1798. Изъ мастеровыхъ дѣтей, поступ. на службу при Гофъ-Интенд. Канторѣ въ 1786 и наход. въ командѣ мастера Ив. Патрикѣева.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 6, с. 35; д. 8, с. 68 (1798 г.).

Ивановъ, Алексѣй, орнаментный живописецъ. Изъ рейтарскихъ дѣтей, онъ наход. на службѣ въ конной гвардіи съ 8 сент. 1790, а 16 янв. 1797, вмѣстѣ съ Ив. Барвовымъ, Губ.

Макаровымъ и Дан. Никитинимъ, былъ выключенъ, по Высочайшему повелѣнію, изъ коннаго полка въ качествѣ живописца и посланъ въ Акад. Худож., гдѣ Совѣтъ опредѣлялъ ихъ всѣхъ въ орнам. классъ съ жалов. по 36 р. въ годъ; наконецъ, 18 авг. 1800 выпущ. былъ съ аттест. 2 ст. и шагагой.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 4/1797, и «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», ... П. Н. Петрова, I, 356 и 415.

Ивановъ, Алексѣй Ивановичъ, ученый рисовальщикъ при Моск. театрѣ (?) въ 1880 г. Род. 1859 г.

Изъ рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Алексѣй Михайловичъ, живописецъ. Род. 1820 г. Сызъ губ. секрет., онъ былъ принятъ, по Высочайше апробов. запискѣ управляющаго Александр. Мануфактурой, г.-л. Вильсона, отъ 26 авг. 1821, въ число питомцевъ СПб. Воспитат. Дома; по положенію же Онек. Совѣта отъ 21 сент. 1833, въ уваженіе къ замѣч. въ немъ способности къ рисов., отданъ въ обученіе къ учн. рисов. И. А. Х., акад. Я. Васильеву, на 6 лѣтъ, съ мая мѣсяца; а вслѣдствіе прошенія его въ Акад. отъ 28 мая 1838, съ представленіемъ эскиза „Блудный сынъ“, ему задано было Совѣтомъ 31 авг. написать по этому эскизу программу на аваніе художника, которая, вмѣстѣ съ его друг. работами: картиной, представл. „дѣтей, пускающихъ мыльные пузыри“, и эскизомъ на бумагѣ, изображ. „Іакова и Ревекку“, была доставлена въ Акад. при отношеніи Хозяиства. Экспедиціи Воспитат. Дома отъ 25 авг. 1839 и находилась, вмѣстѣ съ назв. выше картинной, на Академ. выст. того года; послѣ чего 19 сент. онъ былъ удостоенъ искомаго званія съ выдачею ему аттестата 5 марта 1840 г.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 143/1838 и „Указатель выст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 5, столб. 2.

Ивановъ, Алексѣй Хрисанфовичъ, живописецъ. Род. 1822 г. (т. к. имѣлъ въ 1848 г.—26 лѣтъ). Ученикъ Моск. Училища живопис., ваянія и зодчества, онъ получилъ отъ СПб. Акад. Худож. 9 апр. 1855 г. званіе некл. художника—за представл., при прошеніи преподавателей, портретъ „старика-садовника“, который и наход. потомъ на выст. Училища.

См. рукоп. матер. П. Н. Петрова; «Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.», его же, III, 233—4, и Литер. огл. „Моск. Вѣдом.“ 1856, № 26, с. 203 (упом.).

Ивановъ, Андрей, живописецъ. Принятый по прошенію изъ вольноотпущенныхъ въ вольно-

приход. ученики Акад. Худож. 25 окт. 1841 г. (на 6 лѣтъ), онъ былъ ученикомъ проф. М. Н. Воробьева и выстав. въ 1846 г. — два вида о. Балаама: „при закатѣ солнца“ и „при восходѣ солнца“.

См. опредѣл. Академ. Совѣта 25 окт. 1841 и „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1846, стр. 7, столб. 2.

16. Собств. портретъ А. И. Иванова
(въ Моск. Публ. и Румянц. Музет).

Ивановъ, Андрей Ивановичъ, живописецъ. Род. 18 декабря 1772? (24 ноября 1775) въ Москвѣ, ум. 12 июля 1848 г. въ Петербургѣ, отъ холеры. Онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. изъ Воспитат. Дома, въ числѣ 32-хъ мальчиковъ, въ 1779? (1782), и занимался, по крайней мѣрѣ послѣднее время, подъ руководствомъ проф. Угрюмова (съ 1790-хъ гг.). Товарищи Егорова и Шебуева, онъ, находясь въ 5 возрастѣ, получилъ на 4-хъ мѣсячномъ экзаменѣ 29 дек. 1795 г. — 1-ю серебр. медаль за рис. съ нат., какъ наиболее заслужившій похвалы, судя по опредѣленію большого 4-хъ-мѣсячнаго собранія 12 янв. 1796; за исполненіе же, по задачѣ, картины собств. сочиненія: 1. „Ной по выходѣ изъ ковчега приноситъ жертву Богу“ удостоился полученія, въ чрезвычайн. собраніи 19 дек. 1797, — 1-й зол. медали, при аттестатѣ 1-й степ. сошлагоу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставленъ пенсіонеромъ „для вынужда въ художествахъ познанія“,

съ приличнымъ содержаніемъ отъ Акад. — по 150 р. въ годъ жалованья съ 1 янв. 1798, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и столомъ совмѣстно съ учениками. Затѣмъ, съ выходомъ въ отставку художниковъ М. Воннова и В. Родчева изъ учителей, опредѣленъ былъ 20 дек. 1798 для обученія учениковъ рисованію, одновременно съ двумя назв. выше товарищами своими и Пав. Ивановымъ. Вскорѣ послѣ того, 18 июля 1799 г., тѣмъ же лицамъ объявлена была похвала за сдѣл. ими работы и задана программа для поступленія ихъ въ „назначенные“, въ которые они и возведены 18 авг. 1800, а 6 окт. 1802, въ виду слишкомъ большого числа учениковъ въ натур. классѣ — до 80 челов., они опредѣлены были въ помощь къ дежурнымъ проф. Угрюмову и Прокофьеву, — для того, чтобы тѣ заставляли ихъ подъ руководствомъ своимъ ставить поведенію модели и тѣмъ пріучали къ усѣбнѣйшему отравленію адъюнкты-профессорской должности. Наконецъ, по постановленію 18 апр. 1803, Андр. И.—въ, „пока заданная ему программа о немъ представлена будетъ“, долженъ былъ вступить съ 1 мая въ назв. должность, какъ назначенный на нее, съ жалов. по 300 р. въ годъ; 1-го же сент. онъ былъ удостоенъ званія академика за исполненіе бывшей на академ. выставкѣ 1804 г., вмѣстѣ съ друг. его картиною:

2. „Христосъ въ пустынѣ“, — программы по задачѣ: 3. „Адамъ и Ева съ дѣтми подъ деревомъ по изгнаніи изъ Рая“, а 1-го сент. 1806 — званія адъюнкты-профессора. Къ торжеств. собранію 15 июля 1805 г. въ „Вольномъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ“, гдѣ онъ состоялъ членомъ и депутатомъ съ 24 нояб. 1801, онъ представилъ бывшій на Академ. выставкѣ эскизъ собств. изобрѣтенія: 4. „Петръ въ лагерѣ при р. Прутѣ“, но еще съ 1804 г. онъ начинаетъ дѣлать рисунки съ цѣлю исполненія ихъ въ гравюрахъ, иногда на маперѣ краснаго карандаша, для рисов. класса, получая за это особое вознагражденіе. Такъ имъ выполнены были: въ томъ году — 5. голова Сибиллы съ карт. Доменикино за 25 р. — къ 20 февр. (грав. Ник. Плаховымъ), 6. руки за 10 р. — къ 10 сент. (грав. А. Ухтомскимъ), 7. „Стоящая фигура съ розгами“ съ Доменикино и 8. „Сидящій циклопъ“ съ Караччи за 40 р. — къ 24 сент. (грав. имъ же); въ 1807 г. — 9. голова Маріи Магдалины за 80 р. — къ 9 марта (грав. тѣмъ же художникомъ) и 10. голова Михаила Архангела съ карт. Гвидо Рени въ гал-

17. Единоборство кн. Мстислава Удалаго съ Коссож. княземъ Редедю.
Нартина *А. И. Иванова* 1812 г. (въ Имп. Акад. Худож.).

18. Подвигъ молодого Кіевлянина въ 968 г.
Картина А. И. Иванова (въ Имп. Эрмитажъ съ 1814 г.).

лереѣ гр. Строганова тоже за 30 р.—къ 11 ман;
въ 1808 г.—11. „Правосудіе“ съ карт. Лосенко
за 350 р.—къ 29 февр. (перед. было для хран. въ
Академ. библиот.). Затѣмъ онъ принималъ участіе
въ составленіи проспектовъ медалей: 12. Большой

и малой—въ 1808 г., съ надписью „Отечество за
усердіе 1807“, согласно съ Высочайше утвержд.
представленіемъ Комитета о миліціи, для вы-
дачи въ награду дѣльнымъ обществамъ и част-
нымъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе своими

пожертвованіямъ къ образованію врем. земскаго ополченія, и 13. одной—въ 1809 г., по случаю заключенія мира со Швеціею въ Фридрихсгамѣ.

Нѣсколько ранѣе И—въ сталъ писать иконы для церквей, а именно: а) при Конномъ полку—14 и 15. „Арханг. Гавриила и Михаила“ для сѣв. и южныхъ дверей за 300 р. въ 1803 г.; б) при замкѣ Св. Михаила.—16. „Моленіе о чашѣ“; в) при Больницѣ для бѣдныхъ, съ позволенія имп. Маріи Ѳеодоровны,—17. „Воскресеніе Христово съ хоромъ ангеловъ“, въ видѣ запрест. образа (принес. имъ въ даръ) и 18. половину иконостаса въ 1804—5 гг.; г) Казанской Богоматери—19. „Рождество Богородицы“, 20. „Срѣтеніе Господне“ и 21. „Крещеніе Спасителя“—въ главномъ предѣлѣ, 22. „архидіак. Лаврентія“—въ предѣлѣ Рождества Богородицы, 23. „Спасителя“, 24. „Богоматери“, 25. „Преображеніе Господне“, 26. „Христа въ пустыни, которому служатъ ангелы“, 27. „Христа, воскресающаго сына вдовицы“—въ предѣлѣ св. Антонія и Ѳеодосія, 28. „Св. ап. Андрея“—въ иконостаса, всѣ въ 1804—11 гг. За послѣдніе работы оныя получили, послѣ освѣщенія собора въ 1811 г., Высочайшее благоволеніе, наравнѣ съ Безсоновымъ, Варнекомъ и Черновымъ, работавшими для той же церкви, тогда какъ другіе участники въ украшеніи этого храма, а именно: Боровиковскій, Евренцовъ, Егоровъ, Шебуевъ, Демуть-Малиновскій, С. Пикменевъ, Ажи, заслужили брилліант. перстни, замѣненные потомъ для Егорова и Шебуева—знаками ордена св. Владимира 4-й ст.; почему Совѣтъ Акад. просилъ Министра Нар. Просв. объ исходатайствованіи к. л. награды и для Иванова, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что онъ—„не только художникъ съ дарованіями, старательный, трудолюбивый, поведенія наилучшаго и для обученія воспитанниковъ весьма полезный, но, вступая въ службу при Академіи 3 годами прежде товарищей своихъ Шебуева и Егорова, если не произведеніями своими, то сею службою своею заслужилъ право на равную съ ними милость Монарха“; однако, прошеніе это осталось, по видимому, безъ послѣдствій.

И—въ пользовался въ то время уже такою извѣстностью, что когда онъ подалъ въ сент. 1811 г. прошеніе въ Совѣтъ Акад., „о назначеніи ему для производства въ профессорское званіе историческаго предмета для картинъ“, Совѣтъ тогда же опредѣлялъ: „по извѣстнымъ его способностямъ и искусству отдать на его произволъ выбрать себѣ предметъ для

живописной картины на профессорское званіе“, а въ авг. 1812, послѣ представленія имъ самой картины—29. „Единоборство кн. Мстислава Владиміровича Удалого съ Коссожскимъ кн. Редеемъ“ (при Переяславѣ), размѣр. 64½ × 45½, верш. (наход. нынѣ въ И. А. Х.), „по достоинству сего художника и по разительному его отправленію своей должности допустить—къ балотированію въ профессору живописи въ будущее торжественное собраніе, и дабы не сдѣлать чрезъ то обиды сверстникамъ его, адъюнкты-профес. Шебуеву и Егорову, столь извѣстнымъ по искусству и трудамъ своимъ не только Академіи, но и всей публикѣ, и дѣлающимъ честь мѣсту своего воспитанія, то балотировать равно и сихъ двухъ въ тоже званіе“; послѣ же балотировки 1 сент., опредѣлено было Совѣтомъ: „на ваканціи младшаго профессора живописи намінить старшаго изъ трехъ произведенныхъ изъ адъюнкта-профессоровъ въ профессору—Андр. Иванова, сколько по старшинству его службы и оказаннымъ уже трудамъ по адъюнкты-профессорской должности, столько и по большнству полученныхъ имъ баловъ, почему и слѣдующее по штату жалованіе 800 р. начать производить ему съ 1 сент.; профессору же Шебуеву и Егорову, по неимѣніи ваканціи, остаются на адъюнкты-профессорскихъ окладѣ, пользуясь впрочемъ всѣми почестями профессоровъ, наравнѣ съ Ивановымъ, равно и классы, какъ натурный, такъ и писовый, должны держать они всѣ трое по очереди“.

Изъ работъ, исполненныхъ И—вымъ до 1820-хъ годовъ, извѣстны только: 30. „Подвигъ молод. Кіевлянина при осадѣ Кіева печатѣгами въ 968 г.“, размѣр. 48×40 верш. (поступ. въ Имп. Эрмитажъ въ 1814 г.) и 31. большая прозрачная картина, написанная имъ при помощи 4-хъ другихъ художниковъ по заказу супруги капит. 1 ранга Лисенской къ 20 іюля 1814 для предполагавшейся тогда иллюминаціи по случаю возвращенія имп. Александра I въ отечество и за которую онъ получилъ лишь задатокъ въ 500 р., въ счетъ условленной платы въ 2000 р.,—кромѣ исполненія равныхъ порученій, вродѣ освѣдѣтельствванія произведенныхъ пожаромъ 2-хъ плафоновъ въ Парекосельскомъ Дворцѣ (въ февр. 1818) или написанныхъ акад. Д. Антонелли образовъ для иконостаса въ церковь Сочестія Св. Духа въ Александрово-Невской гаврѣ (въ маѣ 1822).

Когда наконецъ, съ поступленіемъ Угрюмова въ ректоры, открылась въ Академіи ваканція старшаго профессора историч. живо-

писи, на нее тотчас же былъ помѣщенъ А. И—въ, по опредѣленію Академ. Совѣта 29 января 1821. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ прослужилъ лѣтъ 10 лѣтъ, исполняя въ тоже время разные общественныя и частныя заказы, вродѣ: 32. альфреско по собств. рисунку на одной изъ стѣнъ новой чугунной лѣтницы въ Акад. Худож.—, Минерва, парящая въ эфирѣ небесъ“, размѣр. 6 арш. 11¹/₂ верш. X 6 арш. (1820), пиконъ для церквей: въ 1823 г.—а) во имя Нерукотвор. образа Спаса при Гл. Конюшенномъ Дворѣ въ СПб., именно: 33—34. „Арханг. Гавріила и Михаила“ на сѣверн. и южн. дверяхъ, 35—36. „Преображенія“ и „Воскресенія Господня“, и б) во имя Срѣтенія Господня при росс. мисіи въ Пекинѣ, именно образа—37. запрестольный, Христа Спасителя, сидящаго на престолѣ Славы и окруженнаго Силами небесными“ (выш. 2 а. ¹/₄ в., шир. 1 а. 10 в.), въ царскія врата: 38—39. „Пречистой Дѣвы Маріи и благоговѣющаго ей Арханг. Гавріила“ (выш. по 1 а., шир. по 6 в.), а также: 40—43. четырехъ Евангелистовъ (по 6 в. въ попереч.).—послѣдніе съ рисунковъ Варнека (эскизы—въ гал. Третьякова подъ № 33), мѣстные: 44. „Воскресшаго Спасителя со знаменіемъ победы надъ смертію въ рукѣ“ и 45. „Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ“ (выш. по 1 а. 10 в., шир. по 12 в.), 46. „Срѣтенія Господня“ и 47. „Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго“—послѣдній съ оригина. Шебуева (выш. по 1 а. 12 в., шир. по 10 в.), въ сѣв. п. южн. двери: 48. „Св. Арханг. Гавріила“, съ Гвидо Рени, и 49. „Михаила“ (выш. по 1 а. 10 в., шир. по 12 в.), въ особ. полукругѣ: 50. „Тайны Вечери“, съ Л. да-Винчи (выш. 1 а. 3 в., шир. 2 а. 6 в.), и, кромѣ того,—51. „Плащаница“ (длин. 2 а., шир. 1 а.); въ 1828—30 гг.—для той же церкви: 52. „Моисея, пріемлющаго законъ на горѣ Синаѣ“, 53. „Рождества Спасителя“, 54. „Поклоненія волхвовъ“, 55. „Амвросія Медиоланскаго, воспреещающаго Θεодосію входить въ храмъ“, г) для Казанской церкви—4 чертежа: 56. запрестольнаго образа „Божіей Матери“, 57. „Положенія во гробъ“, 58. „Воскресенія Христова“, 59. „Маріи Магдалины“, для церковей полковъ: д) Измайловскаго (Св. Троицы)—60. „Плащаница“, е) Преображенскаго—61—66. шести образовъ, изобраз. 12 Апостоловъ и 4 Святителей: Петра, Алексія, Іону и Филиппа; ж) 1-го Карабинернаго—5 образовъ: 67. Спасителя, 68. Божіей Матери, 69. Арханг. Михаила и 70. Гавріила, запрестольный—71. „Святія со креста Спасителя“, наконецъ, оконч. эскиза—72. „благодарность Христу

одного прокаженнаго изъ 10 исцѣленныхъ“ и историч. картинъ—73. „Смерть генер. Кульнева“ (начатъ въ 1827). Послѣдняя причинила И—ву не мало непріятностей и, наравнѣ съ нѣкоторыми произведеніями друг. художниковъ, бывшими, вмѣстѣ съ нею, на Академ. выставкѣ 1830 г., имѣла довольно значит. посѣдствія въ тогдашнемъ художеств. мірѣ, а именно: имп. Николаѣ I, будучи недоволенъ этою картиною, равно какъ бюстами его самаго и имп. Александры Θεодоровны, раб. проф. С. С. Пименова, и программами учениковъ архитекта. класса, руководимаго проф. Ал. Ал. Михайловымъ 1-мъ и рект. Андр. Ал. Михайловымъ 2-мъ, и „находя въ означ. картинѣ недостатки и несообразности непростительныя, доказывающія, что И—въ не можетъ съ пользою быть при классѣ историч. живописи въ Академіи, повелѣлъ подать ему просьбу объ увольненіи отъ званія должност. члена“, также какъ и остальнымъ тремъ художникамъ, и сказалъ, что „передъ выставкой работъ членовъ Академіи и ея питомцевъ для публики, будетъ предварительно самъ ихъ осматривать, дабы изъ оныхъ исключить все тѣ, что не достойно будетъ публичной выставкѣ“.

А. И—въ, какъ доносилъ президентъ Оленинъ министру Имп. Двора кн. Волконскому 26 декабря того года, въ отвѣтъ на его предписаніе отъ 19-го числа, „особенно и, можно сказать, до глубины сердца былъ пораженъ Высочайшимъ къ нему неблаговоленіемъ, и, имѣя большое семейство, будучи состоянія самого недостаточнаго и даже бѣднаго, рѣдко осмѣлился только просить объ одной милости: чтобы исходатайствовать у Его Величества милосердное вниманіе къ 32-хъ лѣтней службѣ его и даровать ему содержаніе, которое могло бы дать способы къ существованію его, при неминуемыхъ потеряхъ при увольненіи—квартиры, отопленія, освѣщенія и малаго стараго профессорскаго жалованья“. Онъ даже почти безъ памяти лежалъ въ постели, когда ему вручено было 29-го числа раннимъ утромъ письменное требованіе президента отъ имени министра о подачѣ рѣшительнаго отвѣта до новаго года для представленія Государю Императору. Тѣмъ не менѣе на другой же день онъ, вмѣстѣ съ другими, подалъ формальную просьбу объ увольненіи по домашнимъ обстоятельствамъ, а Оленинъ, представляя ее на благоусмотрѣніе кн. Волконскаго при послужномъ спискѣ, почелъ долгомъ объяснить ему насчетъ ректора Михайлова 2-го, „равно какъ и несчастнаго профессора живо-

писи И—ва (болѣе 18-ти лѣтъ въ той же категоріи находившагося, относительно образованія достойныхъ художниковъ, въ томъ числѣ Карла Брюллова и нѣсколько другихъ), что по симъ уваженіямъ сдѣлалось бы спѣхъ устарѣлыхъ художниковъ свѣдѣло съ пенсіею по нынѣшнимъ окладамъ новаго штата, особливо И—ва, обремененнаго, можно сказать, нищетою и, сверхъ того, большимъ семействомъ“, т. к. „сія мѣра, прибавляя оныя, ободрить оставшихся и успокоить будущихъ г.г. профессоровъ, пришедшихъ въ уныніе отъ справедливой, но несчастной участи г.г. Михайловыхъ, И—ва и Пименова“. Вслѣдствіе этого, трое уволены были 2 января 1831 г. съ половиною прожитъ новаго оклада пенсіей, а послѣдній изъ поименованныхъ—съ третью, причемъ И—ву назначено было по 1500 р. въ годъ, и всѣ съ надлежащими аттестатами отъ Академіи (26 февр.).

Совѣтъ иное впечатлѣніе, чѣмъ изъ вышепривед. officialныхъ документовъ, выносилъ изъ написаннаго по тому же поводу письма И—ва къ сыну отъ 18 янв. 1831 г. „Касательно здоровья мы все, благодаря Бога, находимся здоровы, несмотря на жестокий ударъ, приключившійся мнѣ въ недавнее время... Новостей по Академіи много, но не для всѣхъ приятныя, какъ-то: А. Х. имѣетъ новый штатъ, подписанный 19 декабря прошлаго 1830 г. Сіе, по видимому, пріятное событие для громоздкимъ ударомъ для нѣкоторыхъ членовъ Акад., а въ томъ числѣ и мнѣ, но не сразило совершенно; давно уже собирались тучи на горизонтъ и казалось, что пробьетъ стороною, но оныя, по направленію бури, прошли надъ нами. „Незабвенный день посѣщенія Акад. Худож. Государемъ Императоромъ, во время открытія оной для публики, было, такъ сказать, предзнаменованіемъ нашего несчастія, приготовляя къ оному. „Я три семь случаевъ выставилъ вторично свою картину, представляющую „Смерть г-м. Кузьнева“, и эскизъ „Исцѣленіе прокаженныхъ“... Проф. Пименовъ выставилъ закав. ему министрѣмъ Двора, кн. Волконскимъ, бюсты Государя и Государыни... Государь, взглянувъ на оный, сказалъ: „Не похожъ“,—и только; въ тоже самое время Пименовъ его и убралъ, и, когда пріѣхала Императрица, „бюста ся не было, и это такъ и кончилось ничѣмъ. Проектами архитект. класса былъ весьма доволенъ и говорилъ лично съ Андр. Ал. Михайловымъ касательно оныхъ съ похвалою и вообще, можно сказать, былъ столь снисходителенъ къ художествамъ, что никакъ того предпо-

лагать было не можно по всему тому, что намъ о томъ винушено было... Къ несчастію моему, я видѣлъ равнодушные монарха—ни то, ни другое мое произведеніе не обратило на себя его вниманія. Богъ знаетъ, что было тому причиною... Вскорѣ послѣ сего посѣщенія, служащія по Акад. получили ордена безпорочной службы, въ томъ числѣ и я оный имѣю за 30 лѣтъ, за что и благодарилъ президента, а за симъ посѣдовалъ и новый штатъ Академіи“.

„Особую повѣстку даю знать мнѣ, г. ректору Михайлову, а также г. Пименову, чтобы мы ожидали пріѣзда президента въ Акад.;... спрашиваю (у конференцъ-секретаря Григоровича): не знаетъ ли онъ, по какому бы это было дѣлу?—въ отвѣтъ получаю нѣчто несвязное, и это несвязное достаточно для меня было понять, что хорошаго по новому штату для меня ожидать нечего. На утро являюсь къ президенту; онъ начинаетъ мнѣ объявлять постепенно ту непріятность, что Государь картину мою очень недоволенъ и приказалъ подавать прошеніе объ увольненіи отъ службы. Дѣлать было нечего: воля Высочайшая должна быть исполнена, — прошеніе подано, и болѣе не въ службѣ, какъ и прочіе вышеупомянутые мои сослуживцы: два брата Михайловы и г. Пименовъ; вина же ихъ, подобная моей, т. е. неудовольствіе Государя по архитект. классу и бюсты Императрицы. Надежда, подаваемая мнѣ начальникомъ на будущее время, и участіе прочихъ г.г. ко мнѣ особенно облегчаютъ меня въ сихъ обстоятельствахъ, и ты, узнавъ о семъ, не предавайся унынію, отъ котораго пользы никакой не будетъ ни для тебя, ни для насъ, но вооружись терпѣніемъ, по моему примѣру, и съ бодростью стремись къ своей дѣлу, — время впередъ находится, и будущее извѣстно одному только Богу“.

Въ другомъ письмѣ отъ 5 марта И—въ прибавлялъ насчетъ перваго: „Ты можешь усмотрѣть изъ оного несообразность причинъ, по которымъ я и прочіе мои сослуживцы должны были подавать прошенія объ увольненіи насъ отъ занимаемой нами должности. Тебѣ не безизвѣстно, что уже съ давняго времени оное не готовилось, но отлагаемо было, по ожиданію способнѣйшаго къ тому времени, которое и наступило съ помощію людей, имѣвшихъ мою къ нимъ довѣренность, возымѣло свой успѣхъ,—я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю и, кажется, не ошибаюсь“.

Злосчастная картина „Смерть г-м. Кузьнева“ (убитаго подъ Клястицами при защитѣ

пмъ отъ непріятеля пути къ Москвѣ въ 1812 г.) была исполнена И—вымъ для брата храбраго генерала, помѣщика Витебской губ. Рѣзницкаго у., оставш. ротмистра Мих. Петр. Кульнева, заказавшаго сперва (въ 1813 г.) художнику 14 кл. А. Скобину за 800 р. асс. портретъ пок. генерала въ ростъ, въ рубашкѣ, съ георгиевскимъ крестомъ на шеѣ и въ гусарскихъ рейтузахъ, и перемѣнившего его потомъ, послѣ передачи этого заказа (въ 1815 г.), по рекомендаціи послѣдняго, И-ву за 1200 р., уже на историч. картину, за которую А. А. и потребовалъ съ заказчика (въ 1826 г.) 5000 р. въ виду трудности сюжета, требовавшего спеціальн. изученій.

Благодаря встрѣтившимся недоразумѣніямъ, Кульневъ обратился 31 марта 1831 съ жалобой къ ген.-ад. Бенкендорфу, препроводившему его письмомъ къ Оленину, а Правленіи Академіи, потребовавъ письменныя объясненія отъ обоихъ художниковъ насчетъ принятыхъ ими на себя работъ, опредѣлило 2 июня, что „послѣ заказа оныхъ протекло болѣе 10 лѣтъ, въ теченіе коихъ Ак—ин Худож. отъ г. Кульнева принимаемо жалобъ не было, а притомъ дѣло оказывается спорнымъ, слѣдовательно подлежащимъ разбору гражд. суда, почему г. Кульневъ долженъ вѣдаться посредствомъ оного съ вышеупомянутыми художниками“, о чемъ и было сообщено, какъ Бенкендорфу, такъ и Кульневу, по полученіи отъ него вторичной жалобы на имя президента (отъ 22 дек.), при чемъ прибавлено было, что „И-въ нынѣ не служитъ въ Академіи и дальнѣйшее посредство оной не можетъ имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что худ. Скобинъ, на кого ссылается онъ, умеръ (24 июня 1831), и никакихъ бумагъ, могущихъ объяснить дѣло, въ виду не имѣется“. И только СПб. Собственный судъ, къ которому обратился Кульневъ, постановилъ въ мартѣ 1834, чтобы И-въ, по продажѣ картины, возвратилъ ему ввѣятой отъ него задатокъ въ размѣрѣ 600 р.; но картина, кажется, такъ и осталась непроданной,—по крайней мѣрѣ еще въ нояб. 1837 расцѣтъ ихъ не былъ поконченъ.

Ивъ работъ, исполненныхъ А. И—вымъ по выходѣ въ отставку, извѣстны по собств. письмамъ его къ сыну и Академич. отчетамъ: 74. „Плащаница“ для Академич. церкви (копію съ которой онъ сдѣлалъ для вновь постр. церкви въ Ахалцихѣ, — вмѣстѣ Сазонова, по предложенію Токарева) и образа для церквей: а) Киевскаго полка—75. „Тайной Вечери“ за 1500 р. и 76. запрестольный „Святія ко креста“ (1831); 6) Сенатской—77. „Воскресенія Христова“, размѣр.: 4×2 арш., за 1800 р. (въ 15 мая 1833); в) Смолен-

наго монастыря—78. „Тайны Вечери“, діам. 4³/₄ арш., за 5000 р., 79. „Преображенія Господня“ и 80. „Взятія Б. М. на небо“, размѣр. по 5×2³/₄ арш., ц. по 4500 р. (въ 1835); г) Измайловскаго полка, т.-е. Троицкой,—81. „Іоанна воппа“ (въ 1835); для соборовъ: д) сооруж. въ Варшавѣ, греко-росс. Александровскаго,—82. „Преображенія Господня“ и 83. „Сочествія Св. Духа“, размѣр. по 2×1¹/₄ арш., за 1500 р. кажд. (1835—36), е) Сіонскаго въ Тифлисѣ—84. „Прор. Моисея“ и ж) для Академич. церкви—85. „Несенія тѣла Спасителя ко гробу въ солдатовѣніи Божіей Матери и св. мужей и жель“, размѣр. 4 а. × 2 а. 6 в. (1836—37); наконецъ: 86. картина по задатк., предлож. А. Н. Демидовичъ,—„Петръ Вел.“ (1837—38) ¹⁾, 87—88. два образа—

¹⁾ А. И. И—въ такъ описывалъ содержаніе послѣдней картины въ письмѣ къ сыну отъ 1 іюля 1838, оспаривая его мнѣніе, „что аллегорія издумана при удачѣ искусства и что скульптура имѣть въ оной болѣе права по своей ограниченности противъ живописи“. „Представляется обширное круглое зданіе, украшенное нишами, въ коихъ видны поставленныя статуи, бронзовыя. Это зданіе есть наше отечество, въ которомъ знаменитые мужи имѣютъ свои памятники въ приличныхъ мѣстахъ; тутъ, разумеется, нельзя всего высказать, но въ виду находится памятникъ Мянину и Пожарскому, по модели Мартоса. Среди сего обширнаго зданія возсѣдаетъ колоссальная статуя Россіи, которой, какъ нѣкому божеству, всякій изъ соотечественниковъ, смотря по своему понатію или дѣйствующимъ въ немъ страстямъ, приноситъ жертву, отчего въ исторіи народовъ бываетъ много безпорядковъ, губительныхъ для государствъ. Въ одномъ изъ отверстій сего зданія происходитъ главное дѣйствіе — Петръ уничтожаетъ вредный предрасудокъ, который представленъ въ видѣ властелина народнаго ума, который онъ держитъ въ заключеніи, имѣя связку ключей отъ всякаго званія людей при себѣ, (и) не давая имъ свободы поучаться и размышлять. Сія фигура, въ видѣ старика еще бодрого, имѣетъ на головѣ желѣзный вѣнецъ съ замочною скважиною, на груди—дощечку, какъ у первосвященника іудейскаго, (но) только съ изображеніемъ змѣй, шипящихъ злобою, въ правой рукѣ—сокрушенный желѣзъ; повергла отъ ужаса, навѣденнаго ей рѣшимостью Петра, связку ключей на землю и сама также повержена остается; во взирахъ ея еще видно желаніе мести, но не можетъ. Петръ, сидя за столомъ, занимается тѣми великими предметами, которые должны возвести нѣкогда Россію на высшую степень образованнаго госу-

„ап. Петра и Павла“ и „св. Константина и Елены“ (1841), и 89. проектъ, по конкурсу, памятника имп. Петру въ Полтавѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ овъ отдыхалъ отъ трудовъ послѣ Полтавской битвы (1845—46).

Кромѣ того, въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ есть собоработы, принесенная въ даръ М. П. Боткиннѣ, картина во вкусѣ голландцевъ—90. „Смерть Пеллоппа“, знаменитого Ованскаго вождя и

дарства; при сихъ-то его занятіяхъ пожаловалъ къ нему вышеозначенный гость и безъ доклада, (и), по дерзости и власти своей прежней, сталъ его уговаривать не вводить новизны вредной; но, видя его, Петра, непреклонность, осмѣлился угрожать ему собственною его паубою,—сіе наиболѣе тронуло Петра“. Но, „за немѣнимѣмъ удобнаго мѣста для производства такой картины, за основкою въ натурщикахъ“ и проч., какъ предполагалъ авторъ въ друг. письмѣ—отъ 3 марта 1839 г., „она не имѣла окончат. вида, колоритъ оной оказался блѣсоватымъ и требовалъ большей силы и общей гармоніи, ...на выставкѣ въ большихъ залахъ Академіи“, почему овъ и долженъ былъ получить, по журналу собранія Академ. членовъ (происходившаго по случаю назначеннаго на 10 декабря конкурса), всего лишь 500 р., т.-е. меньше друг. конкурентовъ: Лифляндца Г. Каринга, Дежидова (уч. Брюлова), Венеціанова, Ив. Левшина, Боне изъ Рима, и притомъ за 2 картины, т. к. еще ранѣе, слыша неблагоприятные отзывы объ аллегоріи, овъ, въ промежуткахъ времени, когда имѣлъ остановку въ натурщикахъ, написалъ на холстѣ меньшаго размѣра другой моментъ, „когда Петръ, при взятіи Ниншанды, что былъ на Охтѣ, осматривая окрестности этихъ мѣстъ, избираетъ мѣсто для построенія С.-Петербурга, прибывъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится церковь Св. Троицы и маленький его домикъ, построенный изъ остатковъ лѣса рыбачьей избы, бывшей на семь мѣстѣ, (и) говорятъ: *Здѣсь будетъ столица мол*“.—„Первобытное состояніе мѣста плоскаго,—прибавлялъ овъ въ томъ же письмѣ для объясненія сюжета,—не много доставляетъ выгоды для картинъ въ одной почти фигурѣ, ибо въ недалекомъ разстояніи находящаяся лодка съ денщикомъ его не много оному занимаетъ, отчего она дѣлается пуста (будто-бы), какъ по идѣ своей, такъ и по предметамъ въ оной; но зато фигура самого Петра оживляется своею рѣзкостью отъ свѣтлаго грунта неба дѣтняго“. По смерти А. И., сынъ его А. А. проситъ Мольера, письмомъ отъ 25 дек. 1843, счесть **обѣ эти картины**, равно какъ и иллюминацію, писанную для Лисинскаго.

друга Эламинонда (размѣр.: 32 × 27 верш.), и 91—92. Портреты жены художника—въ видѣ весталки съ лампадой въ лѣв. рукѣ, передъ жертвенникомъ съ горящ. огнемъ, и его самого—въ плащѣ поверхъ мундира, съ книгой и карандашемъ тоже въ лѣв. рукѣ (размѣр.: по 9 × 10³/₄ верш.), а въ залѣ застѣланій Академич. Совѣта имѣется поком. портретъ его въ натур. величину, писанный И. С. Бугаевскимъ—Благодарнымъ на званіе академика въ 1824 г.

Современная критика отзывалась о худож. дѣятельности А. И. И—ва слѣдующимъ образомъ: „Сѣв. двери и южныя (въ Конюш. церкви), на коихъ изображены Арханг. Михаилъ и Гавриилъ, а надъ ними Возстаніе Христа Спасителя изъ гроба и Преображеніе Господне“, сообщила *П. Семеновъ* въ своихъ „Отеч. Зап.“ 1823 (XIV, 149), „писаны проф. И—вымъ. Сін 4 образа исполнены своихъ собств. красотъ, свойственныхъ кисти г. И—ва, отличающейся или, лучше сказать, превосходящей всѣ другія со стороны драпировки одежды, легкости и прозрачности облаковъ“. „Произведенія г. проф. историч. живописи И—ва“, писалъ *В. И. Григоровичъ* въ своемъ „Журн. Извѣщен. Искус.“ 1823 г. (I, 86), давая отчетъ объ украшеніи той-же церкви Конюш. Двора, „заслуживаютъ вниманіе, несмотря на то, что въ рисункѣ и расцѣвчиваніи они имѣютъ нѣкот. недостатки. ...По всей справедливости можно сказать, что какъ сія (т.-е. образа для означ. церкви), такъ и другія его картины свидѣтельствуютъ о способности его сочинять, давать фигурымъ округлость, отдѣлять ихъ отъ поля картины, хорошо располагать складки одежды, отлично выражать свойства тканей и искусно выполнять околнующія“, а затѣмъ, представляя перечень образовъ, исполн. для росс. миссіи въ Пекинѣ (тамъ-же, с. 423), — „прочіе же всѣ (образы) оригинальные; сочненіе ихъ принадлежитъ г. И—ву и, какъ по оному. такъ и по исполненію, всѣ заслуживаютъ большое вниманіе (sic), а въ особености же образъ Срѣтенія: фигуры расположены изъ оной, при всѣхъ неудобствѣ мѣры образа, прекрасно; перспектива въ семь образовъ, равно какъ и вообще въ произведеніяхъ г. И—ва, вѣрна; все дѣлится, всему виднѣ разстояніе; складки въ одеждѣхъ брошены съ отличными искусствомъ; въ отдѣлѣ видно тщаніе, но нѣтъ сухости; словомъ, во всемъ есть свои достоинства“. „И—въ особенно достоинъ вниманія“, говорилъ тотъ-же худож. писатель въ своемъ обзорѣ „О состояніи художествъ въ Россіи“ въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ на 1826 г. (с. 82), „по тому

усердію, съ которымъ онъ печется объ образованіи молодыхъ художниковъ. Воспитывался вмѣстѣ съ Егоровымъ и Шебуевымъ, онъ былъ ихъ соперникомъ, но, по обстоятельствамъ семейнымъ, не могъ быть въ Римѣ и образованъ, какъ они, свой вкусъ классич. твореніями мастеровъ великихъ. Впрочемъ, онъ произвелъ много вещей прекрасныхъ. И—въ сочиняетъ хорошо, драпировку фигуры со вкусомъ, даетъ силу картинамъ своимъ и имѣетъ надлежащія свѣдѣнія въ перспективѣ.

„Большая историч. картина: „Смерть генер. Кульнева“, писалъ г. Z въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1827 г. (№ 113), въ обзорѣ Академич. выставкн того года, „хороша какъ по сочиненію, такъ и по группировкѣ и выраженію лицъ... Героическое разставаніе съ жизнью сего неустрашимаго воина выражено съ правдоподобіемъ...; (за то) лошади вообще въ этой картинѣ нарисованы не весьма удачно,—но мы слышали, что картина сія еще не совсемъ кончена. Замѣтимъ, что убитый солдатъ, лежащій на самомъ переднемъ планѣ картины, есть одна изъ лучшихъ фигуръ по вѣрности, съ какою онъ положенъ: взглянувъ на него, почти нельзя не възрогнуть“. Иначе, однако, отзывался *II. Сегилинъ* въ своемъ отчетѣ о той же выставкѣ въ „Отеч. Зап.“ (1827, XXXII, 156—7): „Картина проф. И—ва, Смерть генер. Кульнева“, говорилъ онъ, „подтвердила собою истину, что на судъ публики не должно выставлять неоконч. картинъ, ибо онъ вводятъ зрителей, не разбирающихъ, въ какомъ положеніи представленны имъ произведенія,—въ неосновательныя, а можетъ быть и непріятныя насчетъ художника предположенія... Вотъ почему я оставлю безъ малѣйшаго примѣчанія сію картину, долженствующую, при окончаніи своемъ, выйти совершенно въ другомъ видѣ“.

Накоонецъ, въ „Указателѣ наход. въ Акад. произведеній“, изд. Фишера 1842, говорилось, что „произведенія его (И—ва) отличаются естественностью и легкостью живописи, удачнымъ сочиненіемъ и пріятнымъ, но не вполне строгимъ рисункомъ“ (это замѣчаніе повторено Андреевымъ и Новицкимъ въ упомян. выше изданіяхъ ихъ).

Въ собствен. письмахъ А. И. И—ва къ его сыну А. А., напеч. въ „Русс. Худож. Архивѣ“ 1892—93 гг., заключаются не только свѣдѣнія о разныхъ домашнихъ и академическихъ дѣлахъ и замѣчанія на предпріятыя молодымъ И—вымъ картины: „Аполонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ, занимающіеся музыкой“ (с. 24, 25), „Посланныя Іосифа находятъ его чапу въ мѣшкѣ

у Веліамипа“ (с. 28, 29, 94—96, 99, 106—8, 152), „Явленіе Христа Маріи Магдалинѣ по воскресеніи“ (с. 161, 162, 179, 180), „Явленіе Мессіи народу“ (с. 176—7, 183, 323, 345—6), по также критическія замѣтки о произведеніяхъ друг. художниковъ, какъ-то: Моллера („Подѣлушъ“ и „Русалка“—с. 26), Бруни („Горацийъ, убивъ сестру свою“—с. 91; „Мѣдный змій“—с. 173—4 и 371; „Моленіе о чашѣ“ и „Благовѣщеніе“—с. 325; „Тайная вечеря“—с. 362), Егорова („Испытаніе Спасителя въ темницѣ“—с. 93; образъ для Троицкой церкви—с. 169—170 и 184 и для Академической—с. 328; „Бѣгство въ Египетъ“—с. 354), Шебуева (тоже и тамъ же; „Тайная вечеря“ и „Новгор. купецъ Иголкинъ“—с. 354), К. Брюлова („Итальянское утро“—с. 103; „Послѣдній день Помпеи“—с. 155—6, 163 и 358; „Распятіе“ для лютер. церкви—с. 360), Кипренскаго (разн. произвед.—с. 104, 164, 181), Ланченко („Сусанна“—с. 154), А. Маркова („Фортуна и вичій“—с. 323), Варнека (образъ для Академич. церкви—с. 328—9), Рписа („Будетъ во время чумы въ Москвѣ“—с. 353), Венеціанова („Причащеніе умирающей“—с. 354), Яковлева (Исцѣленіе слѣпого“—с. 354), въ томъ числѣ и старыхъ великихъ мастеровъ: Караваджо („Положеніе Христа во гробъ“—с. 91, 93), Корреджіо („Ночъ“—с. 91), М. Анджели („Сотвореніе человѣка“—с. 104), и проч.

Во всѣхъ появившихся до сихъ поръ біографіяхъ Андр. И—ва встрѣчаются нѣкоторыя неточности въ хронологич. отношеніи. Такъ, въ вышедшемъ еще при его жизни „Справ. Энциклопед. Словарѣ“, изд. К. Крайя, СПб. 1847 (V, 8), про него сказано, что онъ род. въ Москвѣ въ 1777 и 6-ти лѣтъ поступилъ въ Акад. Худож. (слѣдоват. въ 1783); замѣтъ, въ книгѣ *А. Н. Андреева* „Живопись и живописцы“, СПб. 1857 (с. 499), время его рожденія отнес. въ 1775 г., а въ „Каталогѣ картинъ Имп. Эрмитажа“, СПб. 1863 (с. 381), къ этому свѣдѣнію прибавленъ, какъ время его смерти,—1847 г.; далѣе, въ „Каталогѣ оригин. произведеній русс. живописи“ (Картинной Галлерей И. А. Х.), *А. И. Сомова*, СПб. 1872 (с. 163),—гдѣ показ. тотъ же годъ рожденія,—опредѣленіе его въ А. Х. помѣщ. между тѣмъ подъ 1782; наконецъ, тѣ же данныя повтор. и въ изд. *А. П. Новицкаго*: „Худож. Галлерей Моск. Публ. и Румянц. Музея“, М. 1889 (с. 158). Однако, уже *Ю. В. Иверсенъ*, въ своемъ трудѣ: „Медали въ честь русс. госуд. дѣятелей и частныхъ лицъ“, СПб. 1880 (I, 256—7), обратилъ вниманіе на неточность всѣхъ этихъ цифръ, хотя и у него вкрались нѣкот. не-

вѣрности; въ рукоп. же замѣткахъ *П. Н. Петрова* сохран. извѣстіе, что Андр. И.—въ род. 18 дек. 1772, а изъ его „Сборника матер. для исторіи И. А. Х.“ (I, 167, № 5) видно, что онъ принятъ былъ въ Акад. изъ Воспитат. Дома въ 1779. Последнее могло быть похоже на истину, т. к. въ Акад. принимали въ то время мальчиковъ 6—7 лѣтъ и они оставались тамъ лѣтъ 15-ть, распределяясь на 5 возрастовъ; по 8 года въ каждомъ, причемъ иногда воспитанники выпускались немного позднѣе, если въ какомъ либо году не бывало почему нибудь торжеств. собранія, по раньше—лишь не кончившіе курса. Между тѣмъ, по формул. спискамъ Андр. И.—въ 1812 г. въ Акад. Архивъ (дѣла за №№ 68 и 84 того года), онъ вступилъ ученикомъ въ Акад.—80 сент. 1782, изъ Воспитат. Дома, и имѣлъ въ 1812 г.—36-ть лѣтъ.

Настоящій очеркъ составленъ, главн. образ., на основ. Архивныхъ дѣлъ И. А. Х.: 58/1797, 44/1798, 5/1804, 17/1804, 9/1805, 53/1805, 41/1806, 15/1807, 25/1807, 15/1808, 33/1811, 57/1812, 64/1812, 68/1812, 84/1812, 36/1816, 13/1818, 76/1821, 25/1822, 31/1827, 58/1831, 157/1831, 76, 1837, и М. И. Д. 1824, оп. 673, № 14 (объ уплатѣ 2500 р. за „Молод. Кіевлянина“); „Сборника“ *Петрова* (I, 167, 346—7, 365—7, 378, 390, 415, 431, 444, 451, 577, 475, 468—70, 484, 495, 499, 500, 508, 515—6, 539, 565; II, 11—15, 33—34, 78, 107, 187); „Отчетовъ И. А. Х.“: 1828—30 (с. 21—21; въ „Смѣхъ Отеч.“, т. XV, с. 205—6), 1830—31 (с. 4; въ „Смѣхъ Отеч.“, т. XXIII, 236), 1835—36 (с. 9), 1836—37 (с. 12; въ „Худож. Газ.“ 1837, с. 280), 1837—38 (с. 577—въ „Худож. Газ.“ 1838), 1845—46 (с. 10), 1847—48 (с. 29; разныхъ періодич. изданій того времени, какъ-то: „Періодич. Изд.“ 1804 (ч. I, с. 3, V, XXII, XIX), „Сѣв. Вѣст.“ 1804 (III, 226—8) и 1805 (VII, 362—3), „Сина Отеч.“ 1820 (LXIV, 312), „Отеч. Зап.“ 1820 (III, 286), 1823 (XIV, 149) и 1827 (XXXII, 156—7), „Журн. Извѣщ. Искус.“ 1823 (I, 56, 424—6, 501), „Сѣв. Цѣлѣб.“, бар. Дельвига, 1826 (с. 81—82), „Сѣв. Печель“ 1827 (№ 113, с. 4, столб. 2), не считая болѣе мелк. замѣтокъ; наконецъ, писемъ къ нему сына Ал. Андр. 1833—46 г.г.—въ книгѣ: „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и переписка“, изд. М. Боткина (подъ ред. Н. П. Собко), СПб. 1880 (с. 30—33, 36, 39—40, 44—48, 79—84, 86—87, 91—104, 353—4, 111—8, 120—4, 126—9, 181—8, 140—3, 154—9, 161—3, 165—8, 187—9, 215—6, 219, а также 254—7) и его собственныхъ къ последнему отъ 1831—46 г.г.—въ „Русс. Худож. Архивъ“ 1892—93 г. (I, 22—33; II, 87—108; III—IV, 152—184; V—VI, 321—331 и 345—388). Изъ иностр. источниковъ можно указать на *Намера*, „Künstler-Lex.“, VI, 616.

Ивановъ, Андрей, живописецъ. Изъ мастер. дѣтей, поступ. на Казенный кирпичный заводъ въ 1766, живописцемъ на Имп. Фарфор. Заводъ—23 февр. 1803; получ. жалованья—315р. 91к. въ годъ. См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабин. 1809, оп. 151/320, № 18/67, л. 33 об.

Ивановъ, Андрей, скульпторъ. Род. 1749 г., ум. ... Изъ мастеровыхъ дѣтей, поступ. на службу при Гофъ-Интендант. Канторѣ въ 1765; отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими 6-ю художниками (Вас. Андреевичъ, Ив. Козыревичъ, большіе, Ив. Савельевичъ, Акин. Степановичъ, Ив. Часовниковичъ и Степ. Чернышъ), изъ Канторы Строенія въ Екатеринбургское намѣстничество, въ янв. 1786 г., вслѣдствіе письма ген.-фельдмаршала, кн. Г. А. Потемкина, къ И. И. Беккову; числился подмастерьемъ еще въ 1800 г.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 84/518, л. 179; оп. 122/556, л. 3, с. 129; л. 4, с. 40; л. 6, с. 99; л. 8, с. 114; оп. 382/815, л. I, с. 132 об. (формул.).

Ивановъ, Андрей (Ондрушка), кормовой мастеръ Серебр. Палаты въ Москвѣ XVII в. Онъ дѣлалъ 14 февр. 1622 два серебр. креста для мощей, вызолоч. 23 апр. того же года Ив. Булгаковичъ.

См. *А. Викторовъ* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Двор. приказ.“, II, 510.

Ивановъ, Андрей (Андрюшка), дѣлалого дерев. дѣла мастеръ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Послѣ продолжит. переписки, за немѣніемъ въ с. Дедовѣ, въ 25 верст. отъ Коломны, рѣзчиковъ, онъ былъ посланъ туда изъ Оруж. Палаты, за мѣсто назпач. сперва Никиты Сидорова, 23 іюня 1668 съ прѣзпимъ содержаніемъ по 6 коп. моделной платы въ дни работы, для вырѣзанія на строившемся, одновременно съ нѣск. мелкими мореход. судами, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, корабля „Орель“—коровы и орла, вмѣсто которыхъ ему вѣстно было одною 27 авг. вырѣзать травы и льна на носу. Позднѣе, въ 1676—77 г., онъ получалъ жалованья отъ 10 до 7 р.

См. „Дополн. къ Актамъ историч.“, V, 241, 243, 245, 251—4, 256—7, и *А. Викторовъ* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 443.

Ивановъ, Андрей, живописецъ. Онъ наход. въ 1668 у „Саввинскаго письма“, вмѣстѣ съ Автон. Ивановичъ.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школѣ иконопис.“, 147.

Ивановъ, Андреянъ, иконописецъ. Онъ былъ посланъ въ 1670 въ Ростовъ къ митроп. Іонѣ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для истор. русс. икон.“, 118, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школы иконоп.“, 147.

Ивановъ, Антонъ, живописецъ XVIII в. Изъ команды маст. Вишнякова, будучи оставленъ для опернаго дома, вмѣстѣ съ Ал. Вировскимъ, Ав. Ерошевскимъ и Ан. Исаковымъ, онъ былъ назначенъ, какъ и послѣдніе трое, состоять при Анничковскомъ домѣ въ мартѣ 1750, за мѣсто Ал. Антропова, П. Сергѣева и Ив. Фирсова, посланныхъ къ Валеріани.

См. „Архивъ дирекціи Им. театровъ“, I, ц. 9 и 11.

Ивановъ, Антонъ Андреевичъ, скульпторъ. Род. 1815 г., ум. 3 іюля 1848 г., 33-хъ лѣтъ, отъ холеры. Сынъ комиссiонера 12-го кл., онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. въ 3-й разрядъ—20

между преподавателями послѣ увольненія 23 академистовъ 1 и 2 степен.,—къ академ. Гальбергу, 30 окт. того же года. По свидѣтельству *И. А. Рамазанова*, „Ивановъ рѣзалъ уже на стали, но Б. И. Орловскій, только что возвратившійся тогда изъ Италіи, замѣтилъ въ немъ способности, которыя требовали болѣе обширнаго поприща, и, въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, неоднократно совѣтовалъ ему заняться скульптурой; однако Ивановъ сталъ ученикомъ Гальберга, потому что Орловскій имѣлъ уже своихъ учениковъ“. Оказывая на новомъ поприщѣ большіе успѣхи, онъ заслужилъ отъ Академ. Совѣта серебря. медали: 2-ю за лѣпленіе съ натуры—24 дек. 1832 и за „программу по скульптурному художеству“: 1. „Пигмалионъ и Галатея“—31 окт. 1833, а, послѣ полученія за статуя Германника денежной награды 1 сент. 1834 г.,—1-ю тоже за лѣпленіе съ натуры—1 мая 1835, и затѣмъ—золотыя: 2-ю за барельефъ по программѣ—2. „Іоаннъ Креститель, проповѣдующій народу“—21 сент. 1835, а, по полученіи отличной похвалы за хорошо вылѣпленный по задачѣ барельефъ: 3. „Построеніе Ковчега“ и аттестата на званіе художника 14 кл., съ окончаніемъ курса ученія 24 сент. 1836, — 1-ю за колос. статую по программѣ: 4. „Играющій въ городки“—19 сент. 1839, послѣ чего былъ назначенъ 22 іюля 1840 къ отправкѣ въ 1841 за границу для усовершенствованія. Тѣмъ временемъ онъ былъ учителемъ рисов. въ СПб. Даринской гимназій. Въ Римъ онъ прибылъ 7 сент. вышеознач. года.

Когда произведенія Иванова появились на Академ. выставкахъ, современная худож. критика пріятствовала ихъ похвалами и предсказывала ихъ автору большую будущность. „Два бюста Ант. Иванова (б. и в.—съ Безсонова и мальчика, снят. съ натуры) и два А. Теребенева,“ писалъ *И. Букольникъ* въ своей „Худож. Газетѣ“

1836 г. (стр. 142), — останавливали знакомыхъ съ оригиналами — сходствомъ и тщательною чистотою отдѣлки. Но оба молодые скульптора являются несравненно въ пріятнѣйшемъ важнѣйшемъ блескѣ — въ барельефахъ, изображающихъ „Построеніе Ковчега“ и „Проповѣдь Іоанна Крестителя въ пустынь“. Сочиненіе оживлено занимательностью, распо-

19. Играющій въ городки, статуя А. А. Иванова 1839 г.

сент. 1824; при переименованіи въ академисты 2-й степ. назначенъ въ классъ рѣзбы на камняхъ и на стали къ академ. Доброхотову—3 февр. 1831, а при новомъ распределеніи воспитанниковъ, въ виду неравнаго раздѣленія ихъ

Словарь художниковъ, II.

20. Памятникъ Карамзину въ Симбирскѣ, со статуей Кlio, музы исторіи, раб. *А. А. Иванова* 1840 г.
(Съ грав. *Н. Аванасьева* по рис. *Н. Брюллова*, 1835 г.).

ложене умно, естественно; выраженія въ лицахъ весьма много; у Терехенева оно можетъ быть сильнѣе, у Иванова благородно; тѣнка очень хорошая; по паному разумію, А. Ивановъ и А. Терехеневъ принадлежать къ блестящѣйшимъ надеждамъ русс. художествъ. Про бюсты его, выставл. въ 1839 г. (7—9. протопресвит. Музовскаго, старухи—г-жи Венуа, и 1837 г. дитяти Эртеля), другой критикъ *Н. Менцовъ* заявлялъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1840 (№ 1), что они „исполнены такъ отчетливо, что, кажется, только не говорятъ“, а про его фигуру „Парня, играющаго въ городки“— что „она поставлена събыло и отличается вѣрнымъ изученіемъ формы“. Но въ „Худож. Газетѣ“ того же года, подъ нов. ред. *А. Н. Ступовишкова* (№ 5, с. 10—11), говорится уже про послѣднее произведение Иванова, что „прекрасное по частямъ, оно въ цѣломъ не выдерживаетъ испытанія: фигура слишкомъ напоминаетъ патурщика; нѣтъ свободы въ движеніи, нѣтъ игры въ мускулахъ; въ цѣломъ нѣтъ выраженія того молодечества, которое должно быть въ русск. парцѣ, когда онъ тѣшится въ русск. игру“, хотя при этомъ прибавлялось въ заключеніе, что „не надобно забывать о трудности задачи (дать третьяго товарища статуямъ Пименова—„Бабочникъ“ и Логановскаго — „Свячникъ“): она если не оправдываетъ самаго произведенія, то, по крайней мѣрѣ, смягчаетъ опасенія за самого художника“.

Нѣсколько иной отзывъ давался въ „Указателѣ наход. въ Академіи произведеній“, изд. Е. Фишера 1842 г. гдѣ высказывалось, что „хотя въ общемъ положеніи фигуры—мало выраженія той силы и того удовольствія, которыми отличаются размашистыя игры нашего просто-народья, тѣмъ не менѣе оно прекрасно: нѣдостатковъ не въ отсутствіи движенія, а въ выборѣ его момента. Но въ этомъ видна всегдашняя скромная осторожность художника, который предпочелъ исполнить совѣтливо то, что соотвѣтствовало силамъ, а не браться за предметъ, выполнение котораго потребовало бы профессорскихъ познаній и опытности. Въ отношеніи художеств. выполненія, статуя Иванова отличается замѣчат. правильностью и прекрасною тѣнкою. По крайней мѣрѣ, въ этомъ произведеніи можно подозревать съ временемъ еще отличнаго русс. ваятеля“.

До отъѣзда въ чужіе края, Ивановъ успѣлъ еще выполнить: 10—11. модели бюстовъ св. С. И. Гальберга и ком. сов. Солодовникова—съ маски; 12—13. бюсты адмир. А. С. Шиш-

кова изъ мрам.—для Росс. Акад. (всѣ 1840 г.) и Петра В.—съ маски и портретовъ; 14—15. два мрам. медольона Гнѣдича — 1 для Дондукова-Корсакова; 16. модели каріатидъ для капиновъ въ комнаты воеводъ, псарей, воеводъ импер., Александра Николаевича; 17—19. барельефы „Вѣстиво Наполеона за Нѣманъ“, съ медали гр. Толстого, — въ Александр. залу Зимняго Дворца, „Иисусъ исцѣляетъ слѣпое“ и „Исцѣленіе бѣснующагося“—въ церковь Акад. Худож.; 20—23. головы святыхъ п. Константины и матери его Елены, Маріи Магдалины и Николая Чудотворца—въ Петергоф. церковь, постр. К. А. Тономъ; 24. небольш. статуя св. ап. Петра—въ Парголово. церковь, постр. А. П. Брюлловымъ; наконецъ, совѣстно со своимъ товарищемъ Ставассеромъ, 25. статуя „Клио, муза исторіи“, для памятникъ Карамзину въ Симбирскѣ (по одобреніямъ Совѣтомъ Акад. 22 іюля 1840 и 2 мая 1841 пробамъ) и 26. барельефъ „Иисусъ Христосъ, выведенный Пилатомъ къ народу“—для Исааіевскаго собора (1841), которые и находились на Академ. выставкѣ 1842 г., вмѣстѣ съ 27. надгробнымъ барельефомъ С. О. Щедрина, начатымъ еще Гальбергомъ и оконченнымъ Ивановымъ уже въ Римѣ.

По поводу статуй „Клио“ говорилось опять въ „Литерат. Газетѣ“ 1842 г. (№ 50, с. 1016), что „Муза исторіи прекрасна—по строгому рисунку, выраженію головы, имѣющей отличныя формы, искусной драпировкѣ, наконецъ, по постановкѣ самой статуи“.

Но въ Италіи Ивановъ душевно болѣлъ по отчизнѣ, что заставляло его въ минуты отдыха искать забвенія въ vino nostrale. „Странно, говорить *Рамазановъ*, что всѣ знали объ этомъ: и наше посольство, и художническое начальство,—и никто не озабочился представить благовидный предлогъ художнику для скорѣйшаго его возвращенія на родину“. Это было, однако, не совсѣмъ такъ. Еще въ концѣ 1842, согласно съ мнѣніемъ Акад. Совѣта, министръ Имп. Двора предоставилъ начальнику надъ русс. художниками въ Римѣ Кривцову, „если тоска св. Иванова по родинѣ не будетъ облегчена занятіями и временемъ,—дозволитъ ему прежде срока возвратиться въ Россію, исполнивъ сіе однакожъ только въ крайности и не предвѣрая его прежде времени о семъ разрѣшеніи“, но т. к. въ началѣ 1843 имъ уже представлены были рисунки статуй: 28. „Париса“ и 29. „Ломоносова въ видѣ молод. рыбака“, то Совѣтъ Акад., „зная силы нашего художника и что

модель первой изъ этихъ статуи, по свидѣтельству Кривонова, выдѣлена отлично, нашелъ справедливымъ выдать ему деньги на производство оной изъ мрамора, равно одобрилъ и идею второй статуи, будучи увѣренъ, что И. въ состояніи оную произвести съ полнымъ успѣхомъ², о чемъ и былъ увѣдомленъ министръ.

Всѣмъ за двумя назв. статуями (наход. теперь въ Имп. Эрмитажѣ) вскорѣ послѣдовала третья—30. „Молод. простолудина, убивающаго амаго камнемъ“. Имп. Николай I, обративъ, при посѣщеніи его мастерской въ Римѣ въ декабрѣ 1845, особ. вниманіе на мрам. статую „Ломоносова“, былъ очень доволенъ сходствомъ, сохраненнымъ въ лицѣ юности рыбака съ портретомъ, на которомъ онъ изображенъ въ преклонныхъ лѣтахъ,—это было дѣйствительно лучшее и наиболѣе симпатичное его произведеніе; другая мрам. статуя „Париса“ была отправлена въ Петербургъ еще въ іюні, и у И.—ва оставался только алебастр. слѣпокъ съ нея. Затѣмъ Государь велѣлъ художнику оканчивать сдѣланную имъ въ глинѣ 3-ю статую, а потомъ, по случаю его отъѣзда въ Россію, разрѣшилъ поручить надзоръ за ея производствомъ изъ мрамора художнику Климченко, причемъ за свою работу И.—въ долженъ былъ получить, согласно его желанію и мнѣнію Акад. Совѣта, — 2500 р. с.; однако намѣреніе его исполнить ее изъ чернаго мрамора—не удалось. Но еще раньше окончанія послѣдней статуи, онъ былъ, въ уваженіе извѣст. познаній и работъ по части художествъ, возведенъ въ званіе академика (27 сент. 1846).

Когда миновалъ для И.—ва 6-ти-лѣтній срокъ современіи назначенія его въ Римъ (срокъ пребыванія истекалъ собств. 23 авг. 1847) и онъ возвратился въ Петербургъ, его встрѣтила старушка мать, крѣпко любившая единств. сына, который щедро поддерживалъ ея существованіе, и онъ занялся рисунками барельеф. образовъ для наружной стороны сооружавшагося тогда, по проекту К. А. Тона, храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ. По представленіи ихъ, Совѣтъ А. Х. предложилъ ему сдѣлать: 31. св. Марію Магдалину—моложе, а композицію 32. св. великомуч. Екатерины передѣлать и представить вновь на разсмотрѣніе (20 дек. 1846), Государь же не одобрилъ ни одного изъ представленныхъ Тоновъ рисунковъ и велѣлъ составить новые проекты барельефовъ; наконецъ, Совѣтъ, разсмотрѣвъ вновь составленные И.—вымъ и др. эскизы, предоставилъ строителю предста-

вить ихъ (въ окт. 1847). Въ это время имъ были исполнены съ вышеознач. цѣлью рисунки скульпт. образовъ: 33. св. Иоанна Крестителя, 34. Григорія Двоеслова, 35—36. муч. Лавра и Хрисанфа, 37. преп. Сергія Радонежскаго, и выдѣлена изъ глины 38. икона „Иверской Б. М.“, а также составленъ 39. проектъ памятника гр. Плотову въ Новочеркасскѣ (1846—47). Послѣдней работой его можно считать: 40. модель изображ. св. Иоанна Крестителя, освидѣтельствованную Академ. Совѣтомъ, по просьбѣ Тона, 24 апр. 1848. Проекты его украшеній для храма Спаса исполнялись уже изъ мрамора, за его смертью, Логановскимиъ.

Въ произведеніяхъ И.—ва, по отзывамъ современниковъ, видны были умное сочиненіе и расположеніе фигуръ, основат. познаніе анатоміи и рисунка, направленіе къ серьезному роду, хорошая лѣпка, въ соединеніи съ нѣжностью и естественностью, большое умѣнье въ нарядываніи и исполненіи драпировокъ; при этомъ, по свидѣтельству *Рамазанова*, „прямодушіе, честность и необыкновен. трудолюбіе отличали этого скромнаго ваятеля“; но „въ тоскливыя минуты своей римской жизни, онъ удалялся отъ товарищей, а если и являлся въ ихъ кружокъ, то одѣтый и настроенный совершеннымъ циникомъ, отчего породились относит. его не мало анекдотовъ“.

Въ скульпт. музеѣ И. А. Х. сохран. въ гипс. слѣпкахъ—произведенія И.—ва за №№: 3 (по описи № 3186), 4 (по оп. 128), 7 (по оп. 91), 12 (по оп. 35), 27 (по оп. 2244); кромѣ того, въ рукоп. матер. *П. Н. Петрова* ему приписаны—наход. тамъ же гипс. барельефы, исполн. по эскизамъ Гальберга: „Силоманъ Купель“, „І. Х. въ пустынь“, „І. Х. въ домѣ Маріи“, „Исцѣленіе слѣпота“, „Бѣство въ Египетѣ“, „Исцѣленіе прокаженнаго“, „Избрание апостоловъ“, „І. Х. съ Самаритянкой“ (по оп. 3175—82).

Единственное, да и то очень краткое, біограф. извѣстіе объ А. А. И.—въ было помѣщ. *Н. Рамазановымъ* въ „Худож. Газ.“ А. Струговщикова 1841, № 12, с. 4—5 (откуда извлек. пошло въ „Указател. наход. въ Акад. произведеній“, изд. Е. Фишера, СПб. 1842, подъ буквой И.), и перепечат. съ доп., въ его „Матер. для исторіи художествъ въ Россіи“, 1863, I, 52—54. Нашъ очеркъ составленъ, главн. образ., на основаніи: „Сборника матер. для исторіи И. А. Х., изд. похр. ред. *П. Н. Петрова*“, СПб. 1865—66, II, 197. 259. 268. 293. 314. 319. 325. 328. 345—6. 388. 404. 414. 446. 449, и III, 26—27. 50—51. 65. 69—70. 80. 86; „Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1833, № 8, 1836, №№ 6. 27. 78—81, 1839, стр. 2, столб. 1, 1842, стр. 4, столб. 2 и стр. 5,

столб. 1—2; „Отчетовъ И. А. Х.“: 1846—47, с. 15, и 1847—48, с. 30 (†); дѣлъ Архива И. А. Х.: 61/1837 (л. 4, 15 и 29), 63/1840 (л. 20—22 и 31—32), 111/1846, 131/1846, 74/1847, 132/1850, и Общаго Архива Мин. Имп. Двора по Канцел. Мин.: 1850, оп. 940, № 109/162, и по Кабин. 1851, оп. 203, № 2, не считая вышепривед. замѣтокъ, причемъ приняты во вниманіе и отзывы современной худ. критики въ: „Худож. Газ.“ 1836, с. 142, и 1840, № 5, с. 10 — 11; „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1840, № 1, с. „Литерат. Газ.“ 1842, № 50, с. 1016, и даже упоминанія его работъ: въ „Виблют. для Чит.“ 1843, т. 57, отд. III, с. 35; „Сынъ Отеч.“ 1841, кн. I, № 7, отд. II, с. 180, и 1847, кн. 10, отд. V, с. 22; Иллюстр.“ 1846, № 14, стр. 221, столб. 3; „Москвитян.“ 1851, № 2, с. 106, и 1852, № 3, русс. слов., с. 239; въ „Музеѣ Имп. Эрмитаж.“, 1861, с. 372.

Ивановъ, Антонъ, живописецъ. Род. 1821. Изъ крѣпостныхъ помѣщика Владимирской губ., подполк. Домашнева, онъ былъ ученикомъ бр. Г. и Н. Чернецовыхъ и сопутствовалъ имъ въ ихъ путешеств. по Волгѣ въ 1838, а въ 1840, передъ отправл. ихъ въ Италію и Палестину (съ Высочайшаго соизволенія), былъ выкупленъ ими у помѣщика, для каковой цѣли они внесли въ Общ. Поощр. Худож. 2000 р. асс. и предлагали еще своихъ трудовъ на 1000 р., въ случаѣ недостаточности означ. суммы. По докладѣ объ этомъ всеподданнѣйшаго денесенія Комитета Общ.—ва, Высочайше повелѣно было 28 апр.: „поблагодарить Чернецовыхъ за столь похвальный поступокъ“. И — въ выстав. въ Акад. Худож.: въ 1839 г. — „Пещеру въ Волжскихъ горахъ въ Симбирской губ.“, „Видъ на Волгѣ въ Симбирской губ.“, „Видъ мастерской художниковъ Чернецовыхъ на лодкѣ въ путешествіи ихъ по Волгѣ“, въ 1842 г. — „Пейзажъ“, въ 1844 г. — „Видъ Тучкова моста и набережной Вас. Острова“, за который онъ получилъ 2-ю серебрян. медаль (27 сент.) и по поводу котораго критикъ „Литерат. Газ.“ (№ 43, с. 723) говорилъ, что „картина эта весьма хорошо написана“ и что „не должно приписывать этому художнику 5-ти или 6-ти пейзажей, написанныхъ его однофамильцемъ“. Затѣмъ онъ участвовалъ въ 1845 г. въ 6-й худож. лотерей Общ. Поощр. Худож. (пенсіонеромъ котораго онъ состоялъ) — двумя оригинал. пейзажами и одной копіей со Щедрина и за свои „пейзажи“ признанъ былъ некл. художникомъ 13 нояб. того же года, занимаясь въ то же время аквар. живописью, а весною 1846 г., по ходатайству президента Акад., Высочайше разрѣшено было акад. Г. и Н. Чернецовымъ отправиться на три года, съ ихъ ученикомъ Ив-мъ, въ Италію для усовершенствованія, съ сохра-

неніемъ старшему брату — жалованья изъ Кабинета Е. И. В. по 1500 р. асс. въ годъ во время отпуска и съ производствомъ младшему — таковаго же содержанія изъ Госуд. Казначейства. Вѣроятно, тому же И.—ву принадлеж. 4 копій изъ 10-ти, исполненныхъ, совместно съ Алексѣевымъ, Зельхеймомъ и Славянскимъ, съ доставленныхъ княг. Бутерѣ видовъ Палермо, по указанію предсѣд. О. П. Х., тайн. сов. Прянишниковъ, съ платой по 75р. сер. за каждую, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 1 сент. 1846, для храненія ихъ въ Александрин. Сопутствуя въ чужіе края своимъ наставникомъ и покровителямъ (см. „Иллюстр.“ 1847, № 13, стр. 204, столб. I, и „Сынъ Отеч.“ 1847, кн. 10, науки и худож., с. 21), И.—въ присылалъ на Акад. выставки слѣд. виды: въ 1851 г. — „Неаполя“, „Изъ окрест. Триполи“, „Ариччи“, „Альбано“, „Росса ди Пара“, „Изъ окрест. Рима“ („Сцена передъ часовней“, — см. „Москвитян.“ 1852, № 2, смѣсь, с. 33); въ 1854 г. — тоже и „Волжскій видъ“, въ 1857 г. — Римскіе виды: „Внутренность церкви“ и „Piazza del Popolo“ съ горы Пинчю (описанный архит. А. Аделье-вымъ въ „Русс. Вѣст.“ того года, № 6, мартъ, кн. 2-я, „соврем. лѣтоп.“, с. 150); въ 1858 г. — „Римскій дворикъ“, въ 1862 г. — „Русс. пѣсенники въ Римѣ“. Кромѣ того, въ галлерей гр. Н. А. Кушелева-Везубордоко (нынѣ въ Имп. Акад. Худож.) нахожд. его „Видъ Венеціи — входъ въ большой каналъ“. Еще въ 1856 г. А. Адельеъ писалъ про него въ своей статьѣ „Мастерскія русс. художниковъ въ Римѣ“ („Русс. Вѣст.“ 1856, № 10, май, кн. 2-я, „соврем. лѣтоп.“, с. 146), что онъ „занимался болѣе жапрами и костюмами“, а *Новый Поэтъ (Панаевъ)* отзывался о немъ въ своихъ „Замѣткахъ“ въ „Современникѣ“ (1858 г., № 4, с. 213), какъ о „даровитомъ художникѣ“.

Биографія Ант. Иванова, хотя и краткая, является здѣсь впервые, будущи наис. по архив. дѣламъ М. И. Д.: 1840, оп. 935, № 104/184; 1846, оп. 938, № 131/180; 1852, оп. 1311, №№ 7, 61, 100, и И. А. Х.: 4/И; „Сборнику матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, III, 23. 41. 55—56, 169, „Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1839, стр. 3, столб. 1, и стр. 9, столб. 1; 1842, стр. 6, столб. 2; 1851, №№ 149—154; 1854, №№ 234—45; 1857, №№ 215 и 253; 1858, № 209; 1862, 1-я антич. гал. № 28; „Отчетамъ О. П. Х.“: 1843—44, с. 17, и 1844—45, с. 15, 18, и по вышепривед. журнальнымъ статьямъ. — Даже въ составл. *Б. Е. Веселовскимъ*, подъ наблюденіемъ *А. И. Сомова*, „Каталогъ галлерей гр. Н. А. Кушелева-Везубордоко“, СПб. 1838 (стр. 95), о немъ нѣтъ никакихъ биограф. свѣдѣній.

Ивановъ, Антонъ Петровичъ, архитекторъ.

Род. 1849 г., ум. 1881 г., 32-хъ лѣтъ. Воспитанникъ Стронт. Учил. (съ 1867 по 1872), онъ былъ удостоенъ, при выпускѣ, званія архитект. помощника съ правомъ начинъ X кл. и тогда же опредѣленъ въ Мин. Внутр. Дѣлъ съ откомандированіемъ для занятій въ Технич.-Стронт. Комит., а затѣмъ занималъ послѣдовательно должности: Петропавловскаго город. архитектора, техника при Губ. Стронт. Комиссіи въ Томскѣ (со слѣд. года), младш. инженера въ Херсонѣ (съ 1875), младш. архитектора Губ. Правленія Тамбовскаго (по 1877) и Симбирскаго (по 1880), послѣ чего снова причисленъ въ Технич. Стронт. Комит.; въ послѣдніе же два года, но болѣзни, оставилъ совсѣмъ занятія.

См. составл. Г. В. Барановскимъ „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 181.

Ивановъ, Артемій, Троицкій иконописецъ, уном. въ докум. подъ 1670 г.

См. *И. Забылинъ*, „Матер. для истор. русс. икон.“, 113, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконоп.“, с. 148.

Ивановъ, Артемонъ, иконописецъ XVII в. при Моск. Оруж. Палатѣ. Онъ писалъ „стѣннымъ письмомъ“, вмѣстѣ съ Герас. Ильинымъ и Меркушкой Яковлевымъ, во 2-й половинѣ сентября 1676 г. образъ Знаменія Пресв. Богородицы, что на Каменномъ мосту.

См. *А. Викторова*, „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказовъ“, II, 444 (изъ прихр.-расх. кн. Оруж. Пал. за № 958/284).

Ивановъ, Архипъ Матвѣевичъ, скульпторъ. Род. около 1749, ум. 28 сентября 1821 въ СПб.-гѣ. Сынъ солдата Семеновскаго полка, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. по цюшенію 3 авг. 1763, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Михаиломъ, и, оказавъ въ маѣ 1764 хорошіе успѣхи въ классѣ рисованія „съ академіей“, получилъ 3 янв. 1766 и 11 мая 1769 г. въ качествѣ ученика 4-го возраста, — 2-ю и 1-ю серебрян. медали за рис. съ натуры, а 29 іюля 1769 г. — 1-ю зол. медаль за исполн. по программѣ барельефы: 1. „Крещеніе св. Ольги въ Константинополѣ“ подъ именемъ Елены“. Послѣ того онъ выпущенъ былъ 30 іюля слѣд. года съ аттестатомъ на знаніе художника и, наконецъ, 13 авг. отправленъ въ Парижъ съ рекомендац. письмомъ къ Ив. Ив. Шувалову, одновременно съ Ив. Акимовымъ, Мих. Ивановымъ и Гавр. Серебряковымъ, посланными въ Дюссельдорфъ, Мих. Ветогиниковымъ, Ил. Нефодовымъ и Степ. Сердюковымъ, ѣхавшими въ Римъ, и Ал. Мелентьевымъ, назначеннымъ въ Венецію. **Выѣхавъ** изъ Петербурга 18 авг. на Ростов-

скомъ кораблѣ Sophia Elisabeth, И.—въ прибылъ въ столицу Франціи 7 окт. и, по опредѣленію Совѣта тамошней Академіи, поступилъ къ проф. Пажу (рапортъ 18 дек. 1770). У него въ 1771 И.—въ „упражняется въ рисованіи и лѣпленіи“ (рап. 16 марта) и „дѣлаетъ съ натуры разныя бюсты и фигуры круглыя, а иногда рисуетъ и лѣпнитъ съ кунштовъ, т.-е. эстамповъ, чтобы чрезъ то узнать порядокъ композиціи и по приличностямъ одѣвать фигуры, а потомъ ходитъ въ Корол. Акад. для рисованія и лѣпленія съ поставленной профессоромъ модели“ (рап. Серебрякова отъ 5 нояб.). Но въ рапортахъ Акимова говорится, что Арх. И.—въ „болѣенъ съ ноября мѣсяда (1771) и по настоящее время (2 марта 1772) податрою — скорѣе ревматизмомъ, — которая, по объявленію лекарей, причинилась отъ загустѣнія кровавыхъ мокротъ, т.-е. влажностей или умыкоровъ (humeurs), и столь прискорбно и трудно ее вылечить, что, выгнавъ опухъ изъ одного сустава, она въ другой переселяется“, а затѣмъ (2 іюля), — что онъ, „будучи болѣенъ тою же болѣзнію, о которой въ прежнемъ письмѣ упомянуто, отъ нѣкотораго времени началъ выздоравливать, а между тѣмъ у себя рисуетъ и лѣпнитъ съ эстамповъ хорошихъ мастеровъ и дѣлаетъ разныя эскизы, изъ которыхъ нѣкоторые произведетъ въ большой видъ по совершенномъ выздоровленіи“, и, наконецъ, (16 нояб.), — что онъ „выздоровливаяетъ и начинаетъ работать, упражняясь утреннее время въ лѣпленіи, вечернее же ходитъ рисовать въ Академію“. Оправившись отъ болѣзни, Арх. И.—въ послалъ въ Петербургъ 2. тнше. статую „Плутона“, скопиров. съ произвед. Пажу, и три рисунка „академіи“, а самъ, вмѣстѣ съ братомъ и Бѣльчешковымъ, направился 19 іюня 1773 въ Римъ.

Тамъ, пишетъ Мих. И.—въ (7 авг. того года), „за разсмотрѣніемъ удивительныхъ вещей, не упускаемъ работать, а именно: Арх. И.—въ рисуетъ съ антиковъ и ходитъ во Франц. Акад. работать съ поставленной модели“, самъ же онъ доноситъ (23 нояб.): „барельефъ („Крещеніе Ольги“), которой И. А. Х. соблаговоляетъ переслать ко мнѣ, еще мною не полученъ, а какъ скоро получу оный, то примусь его работать (изъ мрамора) и всѣ мои силы употреблю для приведенія его въ лучшее состояніе, чтобы не постыдно было представить оный всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ; ...въ ожиданіи же не упускаю съ прилежностью продолжать мое обыкновенное ученіе, т.-е. въ вечернее время хожу во Франц. Акад. лѣпнитъ съ по-

21. Крещеніе в. к. Ольги въ Константинополѣ.
Мрам. барельефъ, раб. А. М. Иванова 1774—75 г.

ставленной модели, а день хожу рисовать съ Каррачіевыхъ картинъ во Фарнеспкихъ пала-тахъ у его эминенціи кардина.Орсини;...притомъ же не упускаю времени сдѣлать разныя эскизы для изощренія способности" (см. въ Архивѣ А. Х. дѣло 139/1773). Въ дальнѣйшихъ рапор-тахъ И—въ сообщаетъ: 20 мар. 1774—„работы свои показываю директору Франц. Академіи Натуару, отъ котораго и получаю наставленіе, и имѣю также дружество съ искусными скульп-торами"; 12 апр.—„получилъ въ Римѣ барель-ефъ, который Акад. поручила произвести изъ мрамора, и занялся передѣлкою его съ натуры, у себя на квартирѣ, ходя въ Папскую Акаде-мію рисовать съ натуры, т. к. во Франц. Акад. съ Пасхи до Сочестія Св. Духа—вакація"; „работы свои показываю искуснымъ людямъ, которыхъ дружество я имѣю счастье приобрести, и пользуюсь ихъ мѣткими"; 13 авг.—„барельефъ вылить уже изъ алебаstra, но еще не совсѣмъ высохъ, такъ что дней черезъ 8 собираюсь приступить къ работѣ изъ мрамора"; „при-дѣлкъ все, отъ меня зависящее, упущено не было, и пользовался, сколько могъ, мѣткими искусныхъ людей, которыхъ дружество мною приобретено; принималъ для одѣяніевъ штить древній, который весьма предпочтенъ, также и

для благородства характеровъ, художники дру-гой модели не имѣя какъ антикъ, оной упот-реблялъ и, все оное соединяя съ натурою, кон-чилъ, сколько мои силы могли произвести" (см. въ Архивѣ А. Х. дѣло 129/1774); 30 нояб.—„къ рублѣ изъ мрамора барельефа приступилъ 26 августа и уже во время отсылки рапорта изъ пунктовъ показався король (императоръ), а за нимъ находящійся воинъ; барельефъ произвожу въ мастерской Томмаса Рин (который усту-пилъ и свой кусокъ мрамора), что мнѣ имъ было предложено безъ всякаго интереса и со всѣмъ коммодами (т. е. удобствами) для моего худо-жества, въ прочемъ же онъ человекъ не безъ искусства, а особливо для практики, т. е. для произвоженія изъ мрамора, я весьма отъ него пользоваться могу; вечерами же хочу для рисо-ванія или дѣленія съ поставл. модели въ Пап-скую Академію, называемую Капитоль, понеже во Франц. Акад. теперь хорошаго натурщика нѣтъ; при всемъ же ономъ не упускаю компо-зировать, хотя весь день и нахожусь занятъ моимъ барельефомъ, однакоже вечернее и празд-ничное время изощряю особенно въ компози-рованіи 3. группъ круглой „Побѣды російской" чрезъ двухъ борцовъ, изъ которыхъ росіянинъ, стоящій въ движеніи, колетъ пораженнаго къ

вогамъ его турку, закрывающагося отъ ужаса, не могли богѣе противиться; сдѣлалъ еще 4. барельефъ, представляющій „Время, держащее медальонъ съ портретомъ всемілостивѣйшей Монархини, и Исторію, которая, сидя на облакахъ, замѣчаетъ достойнѣйшія ея дѣла“—все оное, связанное разными гениусами, представляющими разныя искусства, а вверху надъ онымъ портретомъ—лежитъ трубача Слѣва; покаже изобразилъ гениуса художества, который, держа вензель своего Покровителя, любитъся имъ и идетъ впередъ подъ его правленіемъ, и многіе прочіе“; 5 мая 1776—„цѣлой день съ утра до вечера нахожусь надъ онымъ барельефомъ, —не успѣваю только ходить въ натурный классъ Панской Академіи пользоваться съ поставленной модели, да еще, насколько время позволяетъ, упражняюсь по вечерамъ въ изощреніи себя композированіемъ“; 1 авг.—„хожу въ праздничные дни обозрѣвать достопамятности, чему веду вѣрную записку“; 9 сент.—„рисуя эскизами славнѣйшія оперы, т.е. произведенія, древнія или нынѣшнія, которыхъ практика сильно просвѣщаетъ“ и т. д. (см. въ Архивѣ А. Х. дѣло 69/1775); 24 янв. 1776—„барельефъ окончить и теперь его заставить лощить, гдѣ нужда требуетъ для отдѣленія, ... теперь же все продолжаю обыкновенное учение, т.е. хожу въ натурный классъ рисовать и изощряюсь въ композированіи, а днемъ копирую изъ мрамора 5. бюстъ, представляющихъ молодую Фаустину, и работаю въ томъ же мѣстѣ, гдѣ лощатъ мой барельефъ,—на тѣ, чтобы видѣть, и какъ оное дѣлается, и чтобъ скорѣе посѣлшить оного совершеніе“; 16 марта, по отсылкѣ за день передъ тѣмъ барельефа, вышѣлъ съ друг. вещами,—что алебастровая форма барельефа, съ которой производилась рубка пѣз мрамора, разбилась, а барельефъ гипсовый, присланный Академіей, не хотѣлъ оны отравлять, находя его слишкомъ слабымъ противъ той композиціи, съ которой исполнялся изъ мрамора, тѣмъ болѣе, что, оны полагаетъ, въ СПб—гдѣ снята была съ него форма (см. въ Архивѣ А. Х. дѣло 68/1776).

По возвращеніи въ отечество, Арх. И—въ обратился 6 іюля къ Совѣту Акад. съ просьбой объ оказаніи ему какого либо вспомошествованія на первое время—съ возвращеніемъ, когда окажется возможность; но Совѣтъ, въ засѣданіи 11 іюля, положило: выдать ему, вмѣсто просимой сумы,—100 р. въ награжденіе за произведенный изъ мрамора барельефъ, за который признавать его „назначеннымъ“ (хотя оны признавать былъ имъ еще въ чрезвыч. собраніи 17

окт. 1776, за гипс. статую Плутона—кошю съ Пажу). Въ томъ же году, опредѣленіемъ, состоявшимся 26 нояб., положено было дать ему программу на званіе академика—исполнить 6. круглую фигуру, представляющую „Торжествующій въ побѣдахъ городъ Петербургъ“ съ атрибутами, а 5 мая 1777, очевидно въ виду его безработицы, ему дано было свидѣтельство отъ Акад., что оны „по выставленнымъ въ сей Академіи лѣпнымъ и мраморнымъ его работамъ—въ исторіи, статуяхъ и орнаментахъ, признанъ за искуснаго художника, почему Акад. и рекомендуетъ его, Иванова, что оны можетъ всякія работы исправлять съ надежнымъ знаніемъ и успѣхомъ“; наконецъ, въ публичномъ собраніи 7 окт. оны удостоены были, въ баллотировкѣ, искомаго званія за исполненіе назв. программы ввидѣ фигуры изъ алебаstra (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 54/1776).

Но мрам. барельефъ „Крещеніе св. Ольги“ (въ Акад. Худож. по описи № 1473), будучи первымъ русс. произведеніемъ изъ мрамора, остался и единств. памятникомъ худож. дѣятельности И.—ва. Большаго успѣха, при Шубинѣ и Козловскомъ, оны, очевидно, не имѣлъ, и потому скоро перешелъ съ худож. поприща на служебное, поступивъ переводчикомъ въ Иностр. дѣла Коллегію (1778), гдѣ и служилъ до самой смерти своей секретаремъ Азиатскаго Деп.—та, дойдя до чина ст. сов. Любость къ искусству заставила его, однако, заняться, кромѣ службы, еще переводомъ и изданіемъ птал. книги: „Понятіе о соврем. живописцѣ“ (1789), 368-мъ экз. которой, оставшіеся у него на рукахъ, были приобретены, по его просьбѣ, Акад. Худож. за 184 р. (1795).

Довольно обстоитъ біографія Арх. Матв. Иванова, хотя нѣсколько туманно изложенная, была помѣщ. *П. Н. Петровымъ* въ „Примѣчаніяхъ“ къ его „Сборнику матер. для исторіи И. А. Х.“ (стр. 758—9, примѣч. 94 къ стр. 98); въ прежнихъ же источникахъ, какъ-то: у *Фюрлаа* (см. „Худож. Газ.“ 1838, с. 590 и 594), *В. И. Григоровича* (см. „Мѣсяцесловъ на 1840 г.“, с. 176), *Е. Фишера* (см. его „Указатель наход. въ Акад. произведеній“, подъ буквою И.), *Паллера* („Künstler-Lex.“ VI, 515),—оны только упом., въ качествѣ автора мрам. барельефа „Крещеніе св. Ольги“. При составленіи настоящей статьи были приняты въ соображеніе, кромѣ означ. біографіи, еще вышеупом. „Сборникъ“: т. I, с. 95. 113. 124—6. 190. 214. 188. 342, и дѣла Архива И. А. Х.: 139/1773 (64/1773), 129/1774, 69/1775 (29/1775), 54/1776 (28/1776), 68/1776 (33/1776) (все рапорты изъ-за границы) и 33/1795 (19/1795)—по стар. и нов. нумер.

Ивановъ, Астафій, серебряникъ Моск. Оруж

Палаты XVII в. Въ 1624, февр. 24—мар. 25, дѣлалъ и золотилъ 6 вѣшцовъ серебр., рѣзныхъ, къ запрест. образу Знаменія В. М.; апр. 30—июня 10, 4-е такихъ же вѣнца къ Корсунскому образу Знаменія Пречистой Богородицы; мая 6—июля 9, еще 7-мг. „образовыхъ“ въ „Государинину моленную“; мая 12—сент. 7 и окт. 13, такіе же вѣнды мелкіе и надписи, а также 4 поля къ образу св. Θεодора „иже въ Пергін“; 1652, янв. 22—февр. 12, 18-ть дробняцъ.

См. *А. Викторова* „Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 512. — „Древности“ 1874, IV, Матер. для Археол. Слов., 82 (изъ кн. Ор. Пал. № 781/1021).

Ивановъ, Аѳанасій (Аеоныка), серебрянникъ XVII в. Астраханскій стрѣлецъ, онъ дѣлалъ въ 1662 серебр. и золот. „червеныя дѣла“.

См. *И. Забылина* „О металл. производствѣ въ Россіи“, с. 119.

Ивановъ (Поновъ?), Аѳанасій, иконописецъ Московскій XVII в. Онъ писалъ въ 1665 иконы во дворъ Н. И. Романову.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, с. 148.

Ивановъ, Аѳанасій, иконописецъ Московскій XVIII в. Онъ ваялся въ 1740, въ сообществѣ съ С. Дмитріевымъ, росписать алтарь и сѣнь въ церкви Знаменскаго мон.

См. архим. *Сергія* „Историч. описаніе назв. мон.—ра“, М. 1866, с. 62.

Ивановъ, Аѳанасій, живописецъ XIX в. Изъ Моск. мѣщанъ, онъ получилъ отъ Акад. Худож. 31 марта 1859 званіе некл. художника за портретъ съ нат.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ *П. Н. Петрова*, III, 326.

Ивановъ, Борисъ, архитекторъ. Занимаясь постоянно съ 1845 г. у Казанскаго губ. архитектора, акад. Безсонова, теорією и практикою строит. искусства и изучивъ это дѣло, онъ исполнилъ удовлетворительно и съ усердіемъ, по сообщенію послѣдняго, всѣ его порученія по должностямъ архитектора, при похвальномъ и отличномъ поведеніи и доброй нравственности“, а потому, по увольненіи изъ Ланшевскаго купеч. общества и представленіи въ Акад. Худож. „проекта частнаго дома со смѣтою, практич. рисунками и рисунками фигуръ и орнаментовъ“, удостоенъ былъ 10 мая 1852 званія некл. художника съ правомъ производить строенія.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ *П. Н. Петрова*, I, 173—174.

Ивановъ, Борисъ, иконописецъ Ярославскій

въ Москвѣ XVII в. Былъ въ 1652 г. у Архангельскаго письма, а затѣмъ писалъ, вмѣстѣ съ Костром. иконописцами: Аѳс. Гонинымъ, Вас. Кузьминимъ, Вас. и Клим. Осиповыми и Арт. Тимофѣевымъ, съ 10 по 13 мая 1673, въ набережныхъ хоромахъ, въ хоромы къ ц-чу и в. к. Петру Алексѣевичу — потѣшную книгу, за что получалъ государ. жалованья кормов. денегъ, противъ указа его вел. государя и прежнихъ дачъ, по 2 алтына по 2 деньги на день.

См. *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 13; *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, с. 148, и (*Г. В. Есипова*) „Сборникъ выпис. изъ архив. дѣлъ о Петрѣ Вел.“, М. 1872, I, 4—5 (изъ столбца 181 г. № 460).

Ивановъ, Бѣляйка, кормовой басменникъ мастеръ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Внѣстъ съ Гриш. Исаевымъ и Микиф. Перфильевымъ, золотилъ сус. золотомъ, 19 марта 1624, оклады образныя, поля и оплечки басменныя—къ образамъ: Николы Чуд., Благовѣщенія Богородицы, арханг. Михаила, Преч. Богородицы—запрестольному.

См. „Древности“, М. 1874, IV, „Матер. для Археолог. Слов.“, 82 (изъ кн. Ор. Пал. № 781).

Ивановъ, Василій, литейщикъ въ Псковѣ, работалъ въ 1599 колоколъ на Хутынѣ.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Василій (Васька), серебрянникъ Патриаршіи въ Москвѣ въ 1621 г.

См. *И. Забылина* „О металл. производ. въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Василій (Васька), сканщикъ при Моск. Оруж. Палатѣ съ 1660 г. Ученикъ Павла Видмана, онъ дѣлалъ сканныя серебр. оправы съ живописью: въ 1662 — на братину рыбей шедры (наход. въ Оруж. Пал. годъ № 2418 и воспроизвед. въ „Древн. Росс. Госуд.“ V, № 5), и въ 1682 — на черкасс. арчаки.

См. *И. Забылина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119 (упом.), и „Историч. обзоріе финифт. дѣла въ Россіи“, с. 52 и 75, № 23.

Ивановъ, Василій, знаменщикъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ XVII в. Упоминается въ документахъ съ 1664—65 по 1681—82 г. Дѣлалъ, вмѣстѣ съ Ив. Андреевымъ, Лар. Аѳанасьевымъ, Ром. Ивановымъ, Ив. Кульпой и Фед. Прокофьевымъ, между 10 апр. и 11 мая 1676, для царевнѣцъ Іоанна и Петра Алексѣевичей по рукоуминому со вставленными на бокахъ серебр. съ финифтью мишенями и по локани съ вырѣз. на нихъ травами.

См. *А. Викторова* „Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Двор. приказ.“, II, 516 и 520,

517 и 519 (изъ прих.-расх. книгъ Ор. Пал. за №№ 1026/850; 1029/251, л. 8; 1027/799, л. 11, и 1028/867).

Ивановъ, Василий, иконописецъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ XVII в. Упом. какъ „икононаго дѣла мастеръ старше починикъ“ въ 1670, получ. жалованья по 12 р. въ 1676—77 и служ. еще въ 1686—87 г.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 148, а также *А. Викторова* „Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 442 и 452 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за №№ 958/234, л. 20, и 964/434).

Ивановъ, Василий Вас., архитекторъ. Род. 1835. Изъ мастеровыхъ дѣтей, обучался на казенный счетъ въ школъ Готье-Итенд. вѣдомства, по выпуску откуда поступ. на службу архитект. помощникомъ къ Кузьмину—21 апр. 1852, а 24 мая 1857, по собств. желанію, опредѣленъ канцеляр. служителемъ въ Канцелярію Мин. Имп. Двора.

См. въ Общез. Архивѣ М. И. Д.: 1850, оп. 122/556, л. 73, с. 55, и 1857, оп. 233/687, л. 68/84.

Ивановъ (собств. Семеновъ), **Василій** Ивановичъ, граверъ на мѣди. Род. въ 1773, ум. послѣ 1809¹⁾. Изъ вольноотпущенныхъ, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож. въ 1779, и выпущенъ оттуда съ малою серебрян. медалью и съ званіемъ художника I ст. въ 1794 (21-го окт.), а съ 1 янв. 1795 опред. помощникомъ преподавателя въ кл. гравированія, съ жалованьемъ по 150 р. въ годъ, но въ авг. 1796 уже уволенъ, по просьбѣ, отъ академич. службы для поступленія въ Акад. Наукъ. Находясь въ Акад. Худож., онъ награждалъ, кромѣ: 1) — 2) „Ревекки“ съ К. Лота и „Богоматери со Спасителемъ“ съ Рафаэля (обѣ въ л.), 3) — 4) 1-й географ. карты и 2-хъ изображеній артилл. инструментовъ (для типографіи Корпуса чужестран. единоѣднѣцевъ), — еще: 5) 3 „вида Царскаго Села“, съ рис. граф. Эстергази (въ томъ числѣ ферма и Дворецъ); 6) — 8) портреты: архим. Иоанна Раича для его „Исторіи разныихъ славянскихъ народовъ“ (напеч. въ назв. типогр.) и купца Григ. Ив. Шелихова для „Страствованія въ

1783 изъ Охотки по Вост. Океану къ Американскимъ берегамъ“ (оба изд. 1795 г., въ 8-ку), а потомъ — купца Филиппа Косцова († 1804), съ оригин. М. Шамшина. Ему же принадлежатъ: 9) „Атменданъ или Гиподромъ, гл. площадь въ Константинополѣ“ (№ III) въ изд. „Reise ... an die Ottoman. Pforte im J. 1793“, von Reimers (St. Pbg. 1803, 4°); 10) „Видъ Симферополя“ (рис. 4) и „Развалины втораго Херсонеса“ (рис. 20) къ I ч. „Досуговъ Крымскаго судна“, П. Сумарокова (1803, въ 4-ку); 11) „Фронтисписъ съ вензелемъ Александра I“ къ „Привѣ. Мѣсяцеслову“ на 1804; 12) 30-ть картинокъ къ IX и X т. „Естеств. Исторіи“ гр. де Бюффона, въ перев. акад. И. Лепехина (1806, въ 4-ку); 13) Картинка къ кн. „Иоанна Грей“ (1807, въ 8-ку); 14) Загл. листъ и карт. „Мининъ и Пожарскій“ къ „Русс. Анеддотамъ“ (1809, въ 8-ку); 15) „Три Орады“ въ изд. того же назв. (1809 г., ч. I); 16) 4 вида въ с. Надеждинъ кн. А. В. Куракина † 1818 (дома: Господскій и Молчанова въ саду, Китайская бесѣдка и Храмъ Истинны), съ рис. Мамотина и В. Причепникова († 1809) для изд.: „Vues des chateaux, temples, jardins et parcs de S. A. le Prince Alex. Boriss. Kourakin, a Nadjedjino“ (S. I. et a., fol. obl.). И — въ былъ женатъ на сестрѣ Г. П. Угрюмова и имѣлъ сыновей: Григорія (род. 1799) и Николая (род. 1801).

См. формул. спис. въ Акад. Наукъ 1799 г. (гдѣ онъ показ. — 26 л.) и въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 1795, № 10 (7) и 51. — „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, I, 168 (№ 42), 335, 338 и 352. — *Д. Ровинскаго* „Подробный Словарь русс. граверовъ, портретовъ“, 1889, алфав., а также: Систематич. и алфав. указатель изд. И. А. Н.⁴, 1875, №№ 2629 и 5985, и Соликова №№ 1566 и 1974 — *Ник. Собко* „Русс. и Слав. Календари и Мѣсяцесловы“ за 100 л. (1725—1825), Берл. 1880, с. 47. — Рукоп. каталоги Имп. Публ. Библ.

Ивановъ, Василій, граверъ на деревѣ. † 1843. Ученикъ Бернардакского, бытъ можетъ, онъ и получ. отъ Акад. Худож. — 2 с. м. за рис. съ нат. на экзам. 27 авг. 1812 г.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1863, № 116, и ср. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ ... *Петрова*, II, 33.

Ивановъ, Василій Максимъ, скульпторный мастеръ. Вслѣдствіе службы его, въ качествѣ подмастерья, при Канцеляріи отъ строенія, малолѣтній сынъ его Николай былъ принятъ въ іюлѣ 1764 копистомъ въ Кантору строенія Зимняго дома.

См. въ Общез. Архивѣ М. И. Д. оп. 78/190, д. 110 и 112 (1764).

¹⁾ Въ рукоп. матер. *П. Н. Петрова* встрѣч. другой **Ивановъ, Василій**, печатникъ-граверъ при И. А. Н., ум. въ сент. 1806 г., 60 л.; наконецъ, въ книгѣ приема учениковъ въ Акад. Худож. 1785 г. (№ 6) упом. 3-й **Ивановъ, Василій Михайловичъ**, род. въ СПб. 24 апр. 1780, сынъ вольноотпущ., отъ жены канцл. артил. М. Ѳ. Косляниновой, служителя.

Ивановъ, Гаврила, знаменщикъ и рѣзчикъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ XVIII в. Поступивъ въ знаменщики въ 1648 на мѣсто умершаго Фил. Антипова, онъ перевод. былъ въ рѣзцы въ сент. 1652 на мѣсто Фед. Ив. Попова, упом. же въ послѣдній разъ въ окт. 1653. Онъ производилъ и словолитныя работы, по главнымъ образомъ гравировалъ (на деревѣ) для равныхъ книгъ: „слова (прописныя), и строки, и заставки“, а въ 1653, съ февраля по апрѣль включит., „рѣзалъ...лицо Луки Евангелиста въ Апостолъ Тетрѣ (налец. въ томъ же году, 23 мая, въ деств)—на грушевой доскѣ“,— съ изображенія полулистов. размѣра, которое знаменилъ Никита Петр. Колепиновъ.

См. *В. Румянцева* „Свидѣнія о гравиров. и граверахъ при Моск. Печатномъ Дворѣ въ XVI и XVII ст.“, М. 1870: А, 6 и Б, 11, и тоже въ „Русс. граверахъ“ *Д. Ровинскаго* (изъ расх. кн. № 42, лл. 155 и 332; № 51, л. 81 об. и 81, 107, 111, 132 об., 133, и № 54, л. 79 об.).

Ивановъ, Гаврила, серебряникъ Моск. Оруж. Палаты XVII в. Упом.—въ докум. годъ 1675 г. См. *И. Забылина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Герасимъ, живописецъ. Род. 1799 въ Москвѣ, ум. 18. г. Воспитанникъ Моск. Воспит. Дома (№ 320), онъ, будучи аттестованъ иконописцемъ тит. сов. Скоропѣловымъ, у котораго обучался живописному искусству,—въ знаніи послѣдняго и хорошему поведеніи, определенъ, по повелѣнію имп. Маріи Феодоровны отъ авг. 1826 и Высочайше опробованному Ея И. В. докладу Моск. Опеку. Совѣта отъ 6 октября,—въ Имп. Акад. Худож. и, по доставленіи въ Петербургъ 3 янв. 1827, принять въ 4-й возрастъ, съ платой по 600 р. въ годъ, которые и вносились затѣмъ Моск. Совѣтомъ. По окончаніи же курса въ Акад. съ аттестатомъ 2-й степ. и званіемъ класснаго художника 14 кл. (12 окт. 1830), онъ былъ утвержденъ, согласно прошенію, учителемъ рисованія и черченія въ Оловенской губ. гимназіи 20 июля 1836, съ содержаніемъ по 900 р. въ годъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х., дѣла 59/1826, 4/1828, 6/1829, 10/1830 и 111/1830, 33/1836.

Ивановъ, Григорій, иконописецъ царскій меншей статьи въ Москвѣ XVII в. Былъ вызв. изъ Новгорода отъ Ивана Предтечи (другой—изъ Ярославля) въ 1660 г., въ 1665—писалъ иконы во дворѣ кн. Н. И. Романову; въ 1666—чинилъ икону „Апостолъ“ въ Успенскомъ соб.; въ 1668—былъ у писма въ Саввинскомъ мон., въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ, п, наконецъ, съ Абр. Тимофеевымъ, писалъ: „на

кормовомъ дворѣ доски пряминыя и кадиныяныя травами, стволы—травами же, рѣшетки и шести, и въ Чудовомъ мон.—школу патриархамъ“, трубы, печи, и т. п.

См. въ Архивѣ Оруж. Пал., столб. 691; *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 28, 35, 55, 73, 91, 120, 118, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 148; у *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древности“, стр. LXV, онъ только упом.

Ивановъ, Григорій, серебряникъ. Родомъ Казанецъ, дѣлалъ въ 1653 оклады въ Успенскій соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забылина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Григорій (Гришка), серебряникъ. Родомъ Новгородецъ, онъ „чеканнаго дѣла не умѣлъ, а дѣлаетъ мелкое крестовое дѣло“, какъ про него сказано въ докум. 1653 г., т. е. работалъ: кресты, серьги, перстни, кольца и проч.

См. *И. Забылина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 118—9, и *И. Сахарова* „Обозрѣніе русс. археол.“, 33 (въ „Записк. отд. русс. и слав. археол. И. А. О.“, 1850, I).

Ивановъ, Григорій, купчинный и колокольный мастеръ XVII в. въ Москвѣ. Въ 1694 дѣлалъ 7 лампадъ мѣдныхъ, а въ 1696 (въ окт.) иль, иждив. бр. Семенниковыхъ—дѣлка Порфирія и гости Матвѣя Трофимовичей, въ церковь св. Троицы (что нынѣ св. Николаа) на Берсенева въ Москвѣ два колокола: одинъ въ 100, другой—въ 40 пуд.

См. *И. Забылина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 119, и „Русс. Стар.“, *Мартинова* и *Снегирева*, изд. 3-е, годъ 1-й, с. 34—35.

Ивановъ, Григорій, рѣзчикъ по камню и изъ дерева XVII в. Въ 1686, по указу Всероссий. самодержцевъ Иоанна, Петра и Софіи, онъ высѣкъ изъ бѣлаго камня—3 львовъ и 2 орловъ на Красное крыльцо Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, а затѣмъ вырѣзалъ изъ дерева иконостасъ готич. архитектуры въ строившуюся въ 1689—97 г.г., 6. ч. иностранными мастерами, иждив. именитаго человѣка Григ. Дм. Строганова, великолѣпную церковь Введенія Б. М. во храмъ, въ Сольвычегодскомъ Введенскомъ монастырѣ.

См. *И. Снегирева* „Памятники Моск. древности“, М. 1842, с. 239, и „Исторію рос. іерархій (Амвросіи)“, VI, 182.

Ивановъ, Григорій, живописецъ, † 6 июля 1789. Въ бытность его на службѣ при Конторѣ строенія Е. И. В. домовъ и садовъ, живоп. ученикомъ, 9-тилѣтній сынъ его Федоръ уведенъ былъ въ 1-й деп. Верхняго Набл. Суду для занятія мѣста канцел. служителя, согласно

отношенію СПб. Губ. Правленія отъ окт. 1786, а послѣ его смерти, другой его сынъ Александръ (15-ти лѣтъ) уволенъ былъ для опредѣленія въ штатѣ в. к. Константина Павловича въ янв. 1797.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 83/517, д. 352 (1786 г.); оп. 84/518, д. 219; оп. 122/556, д. 3, с. 77 и 236 (1797).

Ивановъ, Григорій Васильевичъ, архитекторъ. Род. 1842. Сынъ отставного кровельнаго мастера, онъ былъ избранъ архит. Кузьминымъ, по окончаніи полного курса ученія въ школѣ придворно-служит. и мастеровъ дѣтей, какъ оказавшійся наиболее способнымъ, по удостовѣренію директ. Коробка, на открывшюся, съ уходомъ Вас. Иванова, ваканцію чертежника Придв. Контормъ и принятъ туда 4 іюля 1857. Состоя тамъ на службѣ, онъ заним. между прочимъ, вмѣстѣ съ архит. помощниковъ Соколовымъ и двумя друг. учениками, проверкою съ натурой и исправленіемъ 86 плановъ всѣхъ Дворцовъ и др. зданій Придв. вѣдомства, именно: Таврич. Дворца, домовъ духовенства, садовъ, мастера и оранжереи, Елагинскаго Дворца, домовъ садовъ, мастера и кавалерскаго (до окт. 1861), а 7 нояб. 1861 опредѣленъ, согласно изъяв. желанію, капеллар. служителямъ въ Канцел. Мин. Имп. Двора, на мѣсто же его назнач. былъ А. В. Бутурлинъ.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Придв. Конт.: 1857, оп. 233/667, № 77/133; 1861, оп. 237/671, № 85/130, и оп. 334/768, № 146/96.

Ивановъ, Григорій Михайловичъ, архитекторъ. Род. 5 янв. 1820, ум. въ 1877. Сынъ тит. сов. (по указ. П. Н. Петрова—скульпт. Мих. Ив. Иванова, 1772—1848 гг.), онъ былъ принять въ штатные академики на казенное содержаніе—15 нояб. 1833; во время прохожденія курса, получ. за свои композиціи сереб. медали: 2-ю—30 апр. 1838 и 1-ю—29 апр. 1839, и работалъ на выставки—проекты: „Театральнаго училища“ (былъ на Академ. выст. 1839 г.)—на 2-ю, которую и заслуж. 19 сент. 1839 (вмѣстѣ съ званіемъ класснаго художника 14 кл.), и „Театра для 1500 чеховъ въ столиц. городѣ“—на 1-ю, по утвержд. 11 сент. 1841 эскизу, который онъ долженъ былъ обвести тушью въ 15 окт. для представленія и. д. ректора арх. Мельникову. Осенью 1846 онъ представ. въ Акад. Худож. съ просьбой объ исходатайствованіи у Августѣйшаго Превиднѣяго Соборна на изданіе, въ случаѣ принятія его книги за руководство для архитекторовъ, или о напечатаніи ея на казенный счетъ съ посвященіемъ Президенту,—„Записки объ исторіи архитектуры“, которыя Совѣтъ и

поручилъ 6 сент. разсмотрѣть, для подачи мнѣнія о достоинствѣ этого сочиненія,—проф. Р. И. Кузьмину, но только послѣ неоднократнаго напоминанія Академ. Правленія объ ускореніи сего дѣла (25 сент. 1846, 15 окт. 1847, 25 мая 1848 и 22 февр. 1850), былъ получ. отзывъ объ ихъ неудовлетворительности, а 25 сент. 1850 И.—въ былъ возвед. въ званіе академика за „искусство и познанія, доказанныя извѣст. трудами и многими, произведенными по собств. проектамъ, строеніями“ (постройкой 5 кам. и 18 дерев. и перестройкой 41 дерев. церквей въ Сѣв.-Зап. краѣ). Онъ служилъ архитекторомъ въ 1839—45 при Коммиссаріат. Деп-тѣ Воен. Мин., Дворян. полку и Харьк. Коммиссіи, въ 1846—51 при постройкѣ церквей въ казен. имѣніяхъ 4-хъ Сѣв.-Зап. губ., въ 1852—57 Тифлисе, и въ 1858—60 Астрах. городскимъ и при Управл. Кавказ. Инжен. Окр., въ 1860—64 при СПб. Страх. отъ огня Общ-вѣ и опытѣ Коммиссаріат. Деп., въ послѣднемъ—по ремонту госпит. зданій (при чемъ, по новости для него этого предмета, собиралъ материалы для пересмотра и дополненія уроч. положенія на всѣ вообще строит. работы и составлялъ десятич. таблицы въ облегченіе составителей смѣтъ, а также вѣдомости на отов. производства для руководства госпит. контормъ при составленіи смѣтъ на ремонт. исправленія), а въ 1864—66 гг.—при Гл. Интенд. Управл. Воен. Мин. Имѣ составлены были проекты на постройку: дворца въ Тифлисѣ для Август. Намѣстника Кавказа—по конкурсу (1863—64); кам. 5-ти главой церкви на 300 чеховъ въ гор. Плоцѣ—по поруч. намѣстника Царства Польскаго, гр. О. О. Берга (1864—65); разныхъ построекъ въ имѣніи ст.-секр. В. А. Головина въ Рязанской губ., какъ-то: павильона для бібліотеки, бани, помѣщенія для дворовыхъ конюшенъ съ сараемъ для экипажей и съ сѣноваломъ надъ ними; сельскихъ школъ примѣнительно въ полосуат. матеріалу и климату Россіи—по конкурсу, согласно Высочайше одобренной программѣ Мин. Нар. Просв., въ видѣ 3-хъ проектовъ (1864—65); каменнаго 3-хъ этажнаго дома со службами для купца 1-й гильдіи А. Кожевникова въ Кутаисѣ, одноврем. съ ремонтомъ дома наслѣдницъ Ивановыхъ подъ № 8 въ 17 лин. Вас. Острова въ СПб. (1865—66); холод. службъ во дворѣ того же дома (вплотъ до 1873—74 гг.) и камен. службъ во дворѣ дома вдовы колл. сов. Т. Д. Молчановой подъ №№ 76, 26 и 30 по Сред. Мѣщанской, по Вознесенскому просп. и до Екатерининскому кан.,—одноврем. съ каменными исправленіями домовъ: надв. сов. Н. В. Корсакова подъ

№ 28 по Глазовой ул. (1868—69), колл. сов. Т. М. Заушкевича под № 7 по 16 лн. Вас. Острова (1868—70), бар. В. А. и А. И. Шмидта—маюра и есаула—под № 7 по Гуляной ул. на Петерб. Стор. (1868—70 и 73—74), а также отст. капит. А. Скиндера под № 6—8 по той же ул., отст. тит. сов. Д. И. Попова под № 8 по Б. Дворянской ул. на Петерб. же Стор. (1869—70 и 73—74) и Шимкевича под № 9 по Ждановск (1873—74).

См. „Сборник матер. для исторіи И. А. Х.“
И. Н. Петрова, II, 310, 369, 383, 385, 390, 419, 421; III, 63—64 и 143.—Указат. выст. в И. А. Х. 1883, стр. 16, столб. 1.—Дѣла 76/1839, 113/1846, 54/1850 и 32/И вь Архивѣ И. А. Х.—Отчеты И. А. Х.: 1860—61, 75; 1861—62, 65; 1863—64, 65; 1864—65, 61; 1868—69, 68; 1869—70, 79; 1873—74, 59; 1876—77, 8 (†).

Ивановъ, Григорій Фаддѣевичъ, граверъ на мѣди †). Род. 1754, ум. 18 марта 1778. Сынъ солдата Семеновскаго полка и воспитанникъ Имп. Акад. Худож. съ 21 авг. 1766 по 17 мая 1773, онъ учился сверва рѣзбѣ на камняхъ у П. Л. Вернѣ (1737), а потомъ гравированію и оставилъ послѣ себя, кромѣ исправленія, вмѣстѣ съ Андр. Якимовымъ, гравиров. досокъ въ 4-мъ уставѣ: Акад. Худож., Воспитат. Дома, Кад. корпуса и Монастырскаго, и гравированія: 1—2. двухъ изображеній стрѣлокъ для кружевъ, еще сѣдл. работъ: 3—4. портреты в. к. Рюрика и Игоря (1769), 5—6. двѣ фигуры—колониста²⁾ и голланд. шивкарки, или женщины съ чашею и рюмкою въ рукахъ, во вкусѣ Міерса (1770), 7. „Водопадъ“ съ карт. Дидриха (за который онъ получ. 2 сереб. мед. въ 1772), 8. „Явленіе ангела пастырямъ“ съ карт. А. Коллона (за которую онъ получ. 2 зол. мед. въ 1773).

См. вь Архивѣ И. А. Х. дѣла 1774, № 8; 1778, № 5, и рукоп. катал. эстамповъ 1777 г.—„Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, подъ ред. И. Н. Петрова, I, 755 (примѣч.).—*Nagler's „Künstler-Lex.“*, VI, 555.—„Журналъ Искус.“ Буле 1807, I, 52.—„Худож. Газ.“ 1838, 474 (въ ст. „о русс. граверахъ“).—У Д. Ровинскаго въ „Подробномъ Словарѣ русс. гравиров. портретовъ“, 1889 (алфав.), ему припис. портретъ артиста Имп. театровъ А. С. Яковлева, съ рис. В. Лукьянова, но Яковлевъ сталъ актеромъ лишь въ 1794 г.

Ивановъ, Демьянъ, иконописецъ. Родомъ Ростовецъ, выходилъ, еще въ бытность ученикомъ, въ 1644 г. у Успенскаго письма въ Москвѣ.

¹⁾ Другой **Ивановъ**, Григорій (род. 1742 и ум. 23 марта 1788), хотя и былъ живописцемъ, находясь въ Акад. Худож. (1758—59), но потомъ служилъ тамъ же писаремъ (съ 1761), см. вь Архивѣ И. А. Х. дѣло 1773, № 3.

²⁾ Скорѣе раб. его брата Степ. Фад. Иванова.

См. Д. Ровинскаго „Исторію русс. школы иконописц.“, 148.

Ивановъ, Дмитрій (Митька), иконописецъ. Родомъ изъ Юрьева Повольскаго, принималъ участіе, вмѣстѣ съ травн. Савкою Ивановымъ, знаменщъ. Прокоф. Ильинымъ и др., а также съ упом. у И. Забѣлина въ „Матер. для исторіи русс. иконоп.“ (стр. 8—9) иконописцами, —въ возобновл. стѣннаго письма въ Моск. Успенскомъ соборѣ въ 1642—43 гг.

См. А. Викторовъ „Описание записн. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 400, 407, 413 (изъ прих.-расх. вн. Оруж. Пал. за № 944/973).

Ивановъ, Дмитрій, иконописецъ. Вызв. въ Москву въ 1659; упом., въ качествѣ отставнаго Троицко-Сергіевой лавры, въ 1670 г. (хотя Дм. Ивановъ встрѣчается тамъ и въ 1684 г.); служилъ при Посольскомъ Приказѣ въ 1672.

См. И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 19, 113, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школы иконописц.“, 148.—Архим. Леонидъ „Надписи Троицкой лавры“ (въ „Записк. отд. русс. и слов. археологій И. А. О.“, 1882, III), № 11 (ср. выше Андреевъ, Ив.), и рукоп. замѣтки И. Н. Петрова.

Ивановъ, Дмитрій, архитекторъ при Оруж. Палатѣ въ Москвѣ въ 1703 г.: 9-го авг. онъ, въ качествѣ „архитект. дѣла мастера“, былъ награжд. 5-ю рубл. „за его многую у цеховскаго строенія работу, которую особливо онъ показывалъ въ дѣлѣ положенія воротъ, которыя противъ Троицкаго подворья“.

С. А. Викторовъ „Описание записн. книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 478 (изъ расх. докум. Оруж. Пал. за № 989/521, л. 661).

Ивановъ, Дмитрій, рисовальщикъ. Род. 1796. Изъ мастеровъ дѣтей, поступ. въ завод. гимназію въ 1800, въ завод. училищѣ—20 апр. 1804, рисовальникомъ на Имп. Фарфор. заводѣ—31 авг. 1808; получ. жалованія 96 р.

См. вь Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабинета 1809, оп. 151/320, № 18/67, л. 40 об.

Ивановъ, Дмитрій Андреевичъ, живописецъ. Род. 1813. Выпущенный изъ Акад. Худож., въ качествѣ академика 2-й степ., въ 1831, онъ просилъ 13 нояб. 1835 объ удостоеніи его званія рисов. учителя, но Правленіе опредѣлило поручить напередъ акад. Басину проэктаменовать его въ рисованіи.

См. вь Архивѣ И. А. Х. дѣло 109/1835, л. 86—87.

Ивановъ, Дмитрій Ивановичъ, живописецъ и архитекторъ. Род. 1782, ум. послѣ 1810 г. Воспитанникъ (съ 1803) Имп. Акад. Худож., гдѣ онъ былъ ученикомъ проф. Угрюмова, Дм. Ив., находясь въ 4 возрастѣ, получилъ 1

сент. 1806—2-ю зол. мед. за исполненіе заданной гр. С. О. Потоцкимъ программы: 1. „Мужество, подвигъ патр. Никона при укрощеніи народ. бунта“. Затѣмъ, въ мартѣ 1806 ему заданы были двѣ программы: 2. „Пріемъ Владиміромъ Мономахомъ въ Кіевѣ греч. пословъ съ перск. вѣнцомъ Константина Мономаха и др. драгоценностями“ (3-го числа) и, по предлож. гр. Потоцкаго, — „Сцена изъ Русс. Правды“ (17-го

никомъ Θεοδοσίємъ Борецкимъ меча Ратмира юному вождю Новгородцевъ Мирославу, назнач. Марою Посадницею въ мужья своей дочери Ксєніи“, но ему объявлена была лишь похвала за 2-ю изъ этихъ картинъ, за полученіемъ имъ уже 2 зол. мед. (1 сент.) и выѣздъ съ тѣмъ выданъ аттестатъ объ окончаніи курса.

Поэтому, не получивъ 1-й зол. медали за картину 3. „Марѳа Посадница“ (36 $\frac{1}{2}$ ×44 в; на-

23. Марѳа Посадница и Мирославъ у Θεοδοσίου.
Картина Д. И. Иванова 1808 г. (въ Импер. Эрмитажъ).

числа); за выдачей, однако, золот. медалей 1-го дост. въ бѣльшемъ противъ положеннаго количества, ему дана была 1 сент. опять 2-я зол. мед. за исполненіе 1-й изъ этихъ программъ, одновременно съ 2-ю и 1-ю сереб. медалями за рис. съ натуры. Наконецъ, въ мартѣ 1807 ему задано было написать, въ видѣ прогр. на 1-ю зол. мед.: „Отказъ Седраха, Мисаха и Авденаго поклониться поставл. Навуходоносоровъ кумиру“, а въ мартѣ 1808—„Врученіе пустыни-

ход. теперь въ Имп. Эрмитажѣ подлѣ № 1572 и воспроизвед. въ литогр. раб. Р. Жуковскаго, — въ изд. П. Пети: „Имп. Эрмитаж. Галлерей“, СПб. 1845, въ 6. л., подлѣ № 61), Ивановъ уѣхалъ изъ Петербурга и поселился, кажется, въ Москвѣ, откуда и предпринялъ поѣздку по Россіи.

Въ „Библиограф. Листахъ“ П. Кеттена 1825 (№ 31, с. 455—7) находимъ слѣд. извѣстіе объ этомъ путешествіи:

„Въ 1809 и 1810 гг., по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, предпринято было ученое и живописное путешествіе по Россіи. Главою этой экспедиціи назначенъ былъ ст. сов. (нынѣ д. ст. сов.) Конст. Матв. Вороздинъ; спутниками же его и участниками въ занятіяхъ были: Александръ Ив. Ермолаевъ и Дм. Ив. Ивановъ. Первый, опытный археологъ, занимался историческими и топографическими изслѣдованіями и снятіемъ съ натуры какъ архитектурныхъ, такъ и другихъ древностей; послѣдній, искусный художникъ, снималъ виды и изготовлялъ чертежи. Плодомъ сего путешествія, простершагося на большую часть Европ. Россіи, было собраніе рисунковъ и чертежей. Представленные въ оныхъ изображенія заслуживаютъ вниманія какъ по точности своей, такъ и по чистотѣ отдѣлки, и вѣтъ сомнѣній, что сія коллекція рисунковъ принадлежитъ къ первымъ украшеніямъ Публ. Библіотеки. Какой россиянинъ, какой просвѣщенный иностранецъ, не пожелаетъ, чтобы драгоценное сіе собраніе современемъ было издано съ надлежащими извѣщеніями?“

Изъ письма Д. В. Полтова къ М. И. Погдину о К. М. Вороздинѣ, въ „Трудахъ I-го Археолог. Съѣзда въ Москвѣ 1869 г.“ (стр. 71 и сл.), мы узнаемъ, что „ему сопутствовалъ еще Максютинъ, архитекторъ, вполнѣдствіи служившій въ Моск. Кремлевской Экспедиціи и скончавшійся въ Москвѣ лѣтъ 10 тому назадъ“. „Если не ошибаюсь,—прибавляетъ Полтовъ,—то въ снаряженіи этого путешествія принималъ участіе Валуевъ, бывшій начальникомъ Кремлев. Экспедиціи... Вороздину дана была инструкция на совершеніе этого путешествія. Плодомъ этого путешествія было собраніе великолѣпнѣйшихъ рисунковъ красками, составившихъ 4 огромнѣйшихъ альбома.

„Вороздинъ началъ путешествіе съ сѣв. части Россіи и посѣтилъ: Сѣверную Ладогу, Тихвинъ, Устюжну, Череповецъ, Вѣлозерскъ и Вологду. Этими мѣстами посвящены 2 части рисунковъ, въ числѣ 48-ми [по 24 въ каждой].

„Съ Сѣвера Вороздинъ проѣхалъ прямо въ Кіевъ, изслѣдованію котораго посвящена почти вся 3-я часть (I-я 1810 г.). Здѣсь изображены и описаны: самый городъ, Десятинная церковь, Софійскій соборъ съ его мозаиками и Ярославовъ гробницю, Спасъ на Берестовѣ, Кіево-Печерская лавра съ ея пещерами, гор. Любечъ, Остеръ, Вѣловѣжскій городокъ и Нѣжинъ. Въ части 4-й (II-я 1810 г.) описаны: Черниговъ, Елецкій и Ахтырскій монастыри, нѣсколько

городищъ, каменные бабы, Курскъ, Боровскъ и Тула“ [еще 48 рис.].

Подробные перечни рисунковъ помѣщены въ обоихъ назв. изданіяхъ.

Затѣмъ въ запискѣ Н. В. Закревскаго отъ 9 нояб. 1865 объ изд. „описаніи Кіева“, представленной имъ въ Моск. Археолог. Общество (См. „Древности“, М. 1870, II, 182), мы читаемъ: „художникъ Ивановъ представилъ рисунки и чертежи въ 3-хъ частяхъ, въ большую продолговатую четверть листа... Особенно рисунки этого незабвеннаго художника съ Кіевскихъ мозаикъ составляютъ теперь единственную, извѣстную мнѣ, въ Россіи копію этихъ древнихъ изображеній; они переданы красками подлинника, даже означены направленія мозаическихъ камешковъ, показаны мѣста отпадшей мозаики, какъ на изображеніяхъ, такъ равно и на золотомъ фонѣ, и составляютъ самый точный, рабски копированный рисунокъ оригинала, характеръ коего переданъ съ неподражаемою вѣрностію, какъ было въ 1810 г.; теперь же мозаики подновлены и подмалеваны. Въ числѣ многихъ знатоковъ, видѣвшихъ оригиналы, восхищался этими рисунками и Петръ Ив. Кенпезъ и крайне сожалѣлъ, что такое драгоценное сокровище скрывается подъ сукномъ. (См. „Списокъ русс. памятниковъ“, с. 14). Можетъ быть, просвѣщенной ревности Моск. Археолог. Общества предоставлено удовлетворить желанію читателей отечественныхъ древностей и вывести на свѣтъ рисунки Иванова, именно въ томъ видѣ и величинѣ, какъ они сдѣланы художникомъ, потому что всякое уменьшеніе испортитъ ихъ“. Наконецъ въ своемъ „Описаніи Кіева“ (М. 1868, с. 800—801), Н. Закревскій сообщаетъ еще слѣдующее:

„Было сдѣлано нѣсколько попытокъ передать Кіевскія мозаики всѣ или по частямъ—въ рисункахъ. Ихъ копировали, сколько намъ извѣстно,—Ивановъ, Свининъ, Шуруповъ, Вольнеръ, Вельчинскій.

...„Несравненно лучше всѣхъ, доселѣ нами видѣнныхъ, скопировалъ архитекторъ и живописецъ Дм. Ив. Ивановъ... Копія Иванова замѣчательна тѣмъ, что передаетъ характеръ Кіево-Византійскихъ изображеній съ удивительною вѣрностію и неподражаемою тщательностію и въ томъ видѣ, въ какомъ мозаики были въ 1810 г., слѣдуютъ. — безъ всякихъ новѣйшихъ поновленій. Поэтому копія Иванова могутъ почитаться теперь единственными въ Россіи. П. И. Кенпезъ въ своемъ „Спискѣ русс. памятниковъ“ пишетъ: „Всѣ сіи изображенія, которыя я не-

однократно имѣлъ случай видѣть въ Кіевѣ, наилучшимъ образомъ срисованы г. Ивановымъ... Крайне жаль, что драгоценное собраніе сихъ превосходныхъ рисунковъ понынѣ остается неизданнымъ" (1822 г., с. 14). Оно носитъ слѣд. заглавіе: "Рисунки и чертежи къ путешествію по Россіи, по Высочайшему повелѣнію, К. Вороздина, А. Еримолаева и художника Д. Иванова въ 1809 и 1810 г.ч., 3 час., въ большую продолгов. четверть листа. Рисунковъ, относящихся къ Кіеву и находящихся въ 1-й части, всего 19-ть...

...Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, въ октябрѣ 1847 г., скопировалъ я ихъ для себя... При настоящемъ "Описаніи Кіева" изданіе этихъ рисунковъ, какъ они вышли въ 1810 г. изъ рукъ славнаго художника Иванова, было бы сопряжено съ огромнѣйшими издержками и сдѣлало бы наше сочиненіе недоступнымъ по цѣнѣ для большей части публики. Сообразивъ эти обстоятельства, Общество (Моск. Археолог.) подошло довольствоваться одними очерками рисунковъ и при томъ въ уменьшенномъ видѣ", а для большой бібліотеки гр. Алексѣя Серг. Уварова сдѣланы въ 1866 г. художникомъ И. Н. Медвѣдевымъ превосходныя копіи съ рисунковъ Иванова. Итакъ, теперь существуютъ эти драгоценныя изображенія въ 2-хъ, нѣвѣстныхъ намъ, экземплярахъ, изъ коихъ одинъ—въ Петербургѣ, а другой—въ Москвѣ (собств. въ Порѣчьѣ)".

Въ рукоп. матер. *П. Н. Петрова* упом. мѣстный образъ въ иконостаѣ, сенію,—"Христомъ державшій крестъ", какъ бы съ моногр. того же Иванова и съ подписью: "1811 декабря 13 дня въ Москвѣ", а въ "Подробномъ Словарѣ русс. гравиров. портретовъ" *Д. Ровинскаго*, 1889, приведены 3 гравиров. пувкиромъ портрета съ подписью Д. Иванова, именно: И. И. Хемницера (при его "Васняхъ и сказкахъ", СПб. 1820, 8°), въ рис. И. Иванова; ген.-фельд-маршала гр. В. Х. Витгенштейна и кн. И. О. Паскевича, съ оригина. Дау (оба изъ кн.: "Спасеаема Гречія", СПб. 1829, 8°).

См. "Оборникъ матер. для исторіи И. А. Х.", *П. Н. Петрова*, I, 473, 476—8, 485—6, 493, 516, 522, 524, и указ. выше изданія.

¹⁾ Въ настоящемъ видѣ они не изданы и до сихъ поръ, т. е. въ изданіи Имп. Русс. Археолог. Общ. "Кіево-Софійскій соборъ", СПб. 1871—87, въ 6. л., служащемъ продолженіемъ "Древностей Росс. Государства", воспроизведены рисунки О. Г. Солицева 1843 г., т.-е. сдѣланные уже съ реставрированныхъ мозаикъ,—прибавимъ мы отъ себя.

Ивановъ, Долмать, иконописецъ XVII в. въ Москвѣ. Родомъ Ярославцевъ, онъ былъ: въ 1660—у Архангельскаго письма, въ 1666—въ ц. Спаса, а въ 1670—въ с. Коломенскомъ.

См. *И. Забылина* "Матер. для исторіи русс. иконоп.", 31, 68, 75, 120, и *Д. Ровинскаго* "Исторію русс. школы иконоп.", 148.

Ивановъ, Доросей, иконописецъ XVIII в. въ Москвѣ. Поновлялъ поврежденную послѣ пожара 1752 г. икону Іерусалимской Б. М. въ церкви св. Георгія на Вспольѣ.

См. "Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс." 1875, I, 19.

Ивановъ, Дружна, иконописецъ. Родомъ Вологжанинъ, въ качествѣ городов. иконнаго знаменщика, онъ получ. плату въ 1643 за возобнов. стѣнной иконописи въ Моск. Успенскомъ соб., вышѣстъ съ Моск. иконописцемъ Вас. Игнатьевымъ и знаменщикомъ Прокоф. Ильинымъ, а въ 1644 пожалов. за Архангельское письмо.

См. *А. Викторова* "Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.", II, 413 (изъ прих.-расх. кн. Оруж. Пал. за № 944/973).

И. Забылина "Матер. для исторіи русс. иконописк.", 9, и *Д. Ровинскаго* "Исторію русс. школы иконописк.", 148.

Ивановъ, Евдокимъ (Овдокимъ), рѣзчикъ по кости при Оруж. Палатѣ въ Москвѣ въ 1656: въ качествѣ "дѣстнаго рѣзанаго дѣла токаря", получ. жалованья 12 р. и кормовыхъ 3 р. 5 алт. въ мѣс.

См. *А. Викторова* "Описаніе запис. книгъ и бумагъ старія. Дворц. приказ.", II, 425 (изъ прих.-расх. кн. Оруж. Пал. за № 946/827).

Ивановъ, Елисей, иконописецъ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Упом. въ докум. 1676—77 г. въ числѣ получавшихъ жалованье мастеровъ; а въ 1685 участво., подѣ смотрѣніемъ Ив. Безмина, въ раскраскѣ "стѣнныхъ иконописныхъ писмъ" вновь встроенныхъ камен. и дерев. хоромъ цар. Наталіи Кирилловны и царевнѣ, вмѣстѣ съ Леонт. Ивановымъ и др. учениками, а также живописцами. Въ 1695—96 Елисей Ивановъ числился еще ученикомъ, но, быть можетъ,—другой.

См. *А. Викторова* "Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.", II, 443, 451, 455 (изъ прих.-расх. кн. за № 958/234, л. 20; 963/263, л. 36, и 967/457, л. 5).

Ивановъ, Ефимъ Тимофеевичъ, живописецъ. Въ качествѣ художника-любителя, выставилъ въ Акад. Худож. въ 1869 г.—"Огород. овощи" и въ 1870—"Плоды".

См. "Указат. вѣст. въ И. А. Х.": 1869, № 61, и 1870, № 114.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 165/1870.

Ивановъ, Захарій, серебр. и золот. дѣл. мастеръ при Моск. Оруж. Пал. Въ 1622 г. дѣлалъ: окладъ (къ иконѣ) Богородицы Тихвинския; 19-го сент., вмѣстѣ съ Кузьмой Ондришковымъ, — серебр. съ позолотой верхъ прорѣзной къ кадилу, лѣтописцы и крестъ къ Черниговскимъ Чудотвор., а 2 дек. золотилъ, вмѣстѣ съ Ив. Тимоѣевымъ, — сдѣл. послѣднимъ (16 июля) крестъ благословенный, серебр. чеканный; въ 1624, апр. 1, — 7-мъ колокольцевъ серебр. кресты въ Цареград. послыску; сент. 18—4-е до-стакана, вѣнды и поддоны; сент. 29—поти-рѣзаной; нояб. 13—дѣлалъ нарядъ верх. пояса съ чернью и порѣзкою; дек. 15—золотилъ братицу невеликую; въ 1625, февр. 11,—поясъ са-адатный; марта 11-го—10-тъ гнѣздъ крючковъ съ петельками; мар. 25-го—30-тъ колечекъ въ Кызылбашскую послыску; мая 16-го—6 серебр.-ные ковшовъ, вмѣстѣ съ Пав. Киселемъ.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 118. — *А. Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 507. 508. — „Древности“, М. 1874, IV, Матер. для Археолог. Слов., 82. 84. 104 (изъ кн. Ор. Пал. № 731/1024).

Ивановъ, Захаръ Оеодоровичъ, архитекторъ. По окончаніи курса въ Акад. Худож. съ званіемъ художника 14 кл. (19-го сент. 1839), служилъ архитект. въ Севастополѣ по вѣдом-ству Черном. флота (до 1852), по упраздненіи же этого мѣста, переводъ былъ производителемъ работъ въ Симбирскую, а затѣмъ въ Оренбург-скую Губ. Строит. Коммисію по вѣдом. Путей Сообщ.; но, по случаю снесенія въ 1860 весен-нею водою моста, постр. имъ хозяйства. спосо-бомъ, былъ увол. отъ службы и преданъ угол. суду; получивъ отпускъ въ Петербургъ, заня-мался част. образомъ въ качествѣ помощника у арх. Пранга и потомъ Жибера — при перестр. Аничкова Дворца, за что получилъ бри-ліант. перстень отъ Наслѣд. Цесаревича. Между тѣмъ въ 1866 Угол. Палата представ. его дѣло въ 6 Деш.-тъ Правит. Сената, который запро-силъ мнѣніе у мин. Пут. Сообщ., самъ же онъ былъ заключ. въ Моск. Тюрем. замокъ, а для выслушанія рѣшенія по дѣлу, нач. въ Уфѣ, отправл. туда въ 1868 этап. порядкомъ. По рѣше-нію Оренб. Палаты, утвержд. Сенатомъ, былъ посланъ на житье въ Тобольскую губ., гдѣ былъ част. архитекторомъ гор. Кургана съ 1869, а въ 1872, въ виду похв. отзывомъ о немъ, вторично просилъ А. Х. объ исхотд. ему помилованія.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, II, подъ ред. *П. Н. Петрова*, II, 386, а также въ Архивъ И. А. Х. дѣла 78/1839 и 9/И.

Ивановъ, Зипковій, учитель рисованія съ 1833 — въ уѣзд. учил. и съ 1837—въ гимн.; представ. въ А. Х., кромѣ рис. и чертежей, еще пор-теты: миниат. (1833) и 1-го Казан. ахува (1837).

См. въ Арх. И. А. Х., дѣло 123/1833, л. 159—165.

Ивановъ, Иванъ, пушечный литейщикъ въ Москвѣ. Родомъ нѣмчинъ, былъ ученикомъ Ив. Фалька и слилъ въ 1642 на опытъ—пищаль.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Иванъ, серебрянникъ въ Москвѣ. Родомъ полякъ, упом. въ докум. 1662—75 гг. См. *И. Забѣлина*, тамъ же, 119.

Ивановъ, Иванъ (Иванка), иконописецъ. Родомъ Псковичъ, былъ высланъ въ 1660 въ Москву. — Другой Иванъ Ивановъ, иконопи-сецъ изъ Ростова, Моск. садовникъ (?), былъ въ 1660 у Архангельскаго писма.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконо-пис.“, 149 и 148. — *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 36. 67. 28.

Ивановъ, Иванъ, иконописецъ въ Ярославѣ. Росписыв. въ 1681 ц. Ильи Прор. (по сохра-надписи тамъ).

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ ико-нопис.“, 149.

Ивановъ, Иванъ, золотыхъ дѣл. мастеръ въ Москвѣ. Дѣлалъ въ 1709 для царевны Наталіи Алексѣевны—алмазные: пятерной сяденъ, два пера, пряжки и 8 перьевъ.

См. *Викторова* „Описание запис. книгъ и бу-магъ стар. Дворц. приказ.“, II, 486 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. № 1006/489, л. 393).

Ивановъ, Иванъ, граверъ на деревѣ при Моск. Синод. типографіи въ 1763—85 гг. Былъ ученикомъ мастера Степ. Ягодкина; работы его наход. въ собраніи Моск. любит. Безсонова.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. граверы“, М. 1870, с. 17.

Ивановъ, Иванъ, каменнаго дѣла мастеръ (архитекторъ?). Наход., въ качествѣ ученика, въ командѣ итал. мастера Валеріа Тортарія на жалов. по 30 р. въ годъ и, вмѣстѣ съ дру-гими, участвов. въ 1774 въ постановкѣ въ Цар-скомъ Селѣ привезенной изъ Екатеринбурга мрам. галлерей, за что получ. добавочнаго со-держанія по 54 р.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 73/187, л. 122, л. 187 и 185 (1774 г.), а также: оп. 122/556, л. 2, с. 9 и 28 (1779).

Ивановъ, Иванъ, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1768 г., ум. 18.-г. Изъ мастеровыхъ дѣтей, поступ. на службу при Ревельскомъ Екатери-нодальскомъ Дворцѣ 1 мая 1793 г. и числился въ окт. 1799 квадраторнымъ ученикомъ.

См. въ Общест. Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, д. 6, с. 238 (1796 г.), и д. 7, с. 86 (1798 г.); оп. 382/315, д. 1, с. 28 об. (1799 г.).

Ивановъ, Иванъ (?), живописецъ. Род. 1753. Упом. въ 1804, какъ домовлад. въ Петербургѣ на Пескахъ, въ прих. Рождества.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Иванъ Алексѣевичъ, архитекторъ. Род. 1747, ум. 18. г. Сынъ флотскаго комиссара, онъ поступ. въ Акад. Худож. въ 1758, и на экзам. 1759 г. былъ назнач. въ архитект. классъ, гдѣ, имѣя 14-ть лѣтъ отъ роду, получ. въ 1761 отмычки: 4—въ сент. (30-го) и „хорошаго новеденія“—въ дек. (19-го), когда наход. уже во 2-мъ классѣ. Къ ауту 28 дек. 1762 онъ представилъ „проектъ парадной лѣстницы“, затѣмъ, исполнивъ, по утвержден. 7 апр. 1763 пробѣ, согласно заданной 1 апрѣля программѣ,—„планъ и фасадъ великокопѣной церкви съ прилич. украшеніемъ“, удостоенъ былъ 30 іюня награжденія 2-ю преміей (меньшою зол. мед.), которую и получил. 8 іюля, а 21 сент. 1765 заслуж. за свою архитект. композицію—1-ю серебр. мед. и, наконецъ, 10 іюля 1766 за составленіе, по утвержден. плану и фасаду Академ. строенія,—„проектъ вънутр. украшеній“: нижнимъ снимаемъ и лѣстницѣ, верх. снимаемъ съ верх. окнами и средней круглой залѣ тоже съ верх. окнами,—признанъ достойнымъ 1-го награжденія зол. мед., послѣ чего 7 мая 1767 объявленъ пенсіонеромъ и получил. пенсію, 20-го іюля присужд. ему аттестатъ 1-й ст. (съ выд. 28 числа), а 5 іюля онъ считался уже выпущ. изъ Акад. съ аттест. и шпагой. Выѣхавъ же онъ изъ Петербурга, съ братомъ Алексѣемъ (судя по ихъ рапортамъ отъ 12 авг. 1767 и 2 мар. 1768)—еще 23 мая и, черезъ Кронштадтъ, отправились 25 числа въ Любекъ, куда прибыли, благодаря противному вѣтру, лишь 17 іюня; на слѣд. день направились въ Гамбургъ, пробывъ тамъ два дня, а затѣмъ, стремясь поскорѣе въ Парижъ и не найдя скорого корабля ни въ Амстердамъ, ни въ Руанъ, поѣхавъ сухимъ путемъ сперва въ Амстердамъ, гдѣ остановились тоже всего на два дня, и потомъ въ Антверпенъ, куда прибыли повидно вечеромъ, почему и не могъ осмотрѣть тамошней Академіи художествъ.

Прибывъ въ Парижъ (12 іюля), бр. Ивановы опредѣлились (съ платой по 10 р. въ мѣс. съ всякаго, за столъ и учене) — къ проф. Академіи Джоману, у котораго проходили ежедневно до полудня курсъ перспективы, а послѣ обѣда — рисовали и чертили „разныхъ родовъ видъ“. Продолжая такое ученіе далѣе, онѣ (по

рап. 16 іюня 1768) надѣялись скоро вступить въ „композицистъ“, а когда это случилось, стали (какъ видно изъ рап. 7 нояб. 1768) упражняться „въ дѣланіи сюжетовъ по задаваемымъ Корол. Академіей архитектуры программамъ, которыя обучающимся въ оной ученикамъ всякій мѣсяцъ задавались, также въ то время присылаемы бывали и къ ихъ профессору, который отдавалъ имъ, съ чего они, дѣлая нѣкоторые эскизцы, а иные производя въ настоящіе рисунки по произволенію ихъ учителя, настоящія задачи произвели слѣдующія: 1) требована была наружная декорация аванкору (avant-corps) Королевскаго замка; 2) планъ и фасадъ публичнаго мѣста, гдѣ постановлена должна быть статуя принцова; 3) планъ, фасадъ и профиль театра; 4) планъ и фасадъ темницы и проч.“. Когда же Иванъ Ивановъ сталъ болѣть (какъ мы узнаемъ изъ рап. отъ 24 мар. 1769) „припадками грудной болѣзни“, поддержавшей его 10 недѣль въ постели, пользовавшийся его медикъ предписать ему провести весну за городомъ, но въ февралѣ онъ выздоровѣлъ и намѣренъ былъ, оставивъ архитектуру, заняться „гравированіемъ архитектурнымъ“ у гр. Choffard'a, рекомендованнаго проф. Dupont'омъ; однако, совѣты этого учителя и другихъ заставили его оставить это намѣреніе, т. к. онъ долженъ былъ „не слишкомъ пристально нѣсколько времени сидѣть, а упражненіе гравированіемъ этого бы ему не дозволило“; въ крайности думавъ онъ даже просить о возвращеніи въ Россію, но остался при одномъ желаніи. Вообще выздоровленіе было медленно (судя по рап. 2 іюля), и братья провели время „въ обзорѣни произвѣдства построекъ, иногда со строителямъ, объяснявшими имъ практику—теорію“. Прибывъ затѣмъ въ Римъ въ концѣ 1769 (7-го дек.) и проведя первую треть въ прогулкахъ и узнаваніи мѣстности, братъ (по рап. 9 янв. 1770) занялся измѣреніями древнихъ и новыхъ зданий и сниманіемъ на планъ — памятникѣ искусства, церкви и проч., упражняясь также въ собств. композиціяхъ и замѣчая „употребленіе самыхъ матеріаловъ“ (рап. 19 мая). Иванъ Ивановъ приводилъ въ то время къ окончанію свой „проектъ лѣтнаго дворца Государя“ для представленія въ Акад., а Алексѣй (какъ видно изъ рап. отъ 5 авг.), „по окончаніи сдѣланныхъ своей композиціи чертежей“, отдалъ ихъ пребывавшему тамъ (въ Римѣ) И. И. Шувалову, который „съ прочими вещами вышереченныя чертежи“ отправить въ Россію. Пробывъ за границей въ общемъ 4 года 11 мѣс., братья верну-

лись въ Петербургъ 12 марта 1772; но о дальнейшей судьбѣ Ив. Ивановъ ничего не известно.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“
И. Н. Петрова, I, 627. 13. 19. 634.84—86. 113.
116. 119—121, а также въ Архивъ И. А. Х.
рапорты нецензуровъ 1767—70 и дѣло 45/1772.

Ивановъ, Иванъ Алексѣевичъ, архитекторъ, перепективный живописецъ, рисовальщикъ и гравёръ. Род. 3 февр. 1779 въ Москвѣ; ум. 25 іюня 1848 въ Петербургѣ, отъ холеры. Сынъ колл. ассес., профессора Акад. Худож., онъ былъ принятъ туда 19 мая 1789 г. (прямо во 2-й возрастъ); находясь въ 5 возрастѣ, удостоенъ 31 авг. 1798, на 4-хъ мѣс. экзаментъ, — получения 2-й серебрян. медали за архитект. композицію, а 11 окт. выпущенъ съ аттестатомъ 1-й ст. и званіемъ художника 14 кл., какъ назначенный на службу въ Экспедицію угольныхъ приисковъ и работъ, вслѣд. Высочайшаго указа изъ Правит. Сената отъ 30 сент. за № 17631 и письма д. ст. сов. Н. А. Львова къ конфер.-секретарю. Тамъ онъ поступилъ въ вѣдомство Н. А. Львова, для производства чертежей, — 26 дек. 1798, медалъ же выд. была ему 18 авг. 1800. Произведенный въ бергъ-шворены — 10 окт. 1799 и въ губ. секретари — 1 мая 1803, онъ сопровождалъ Львова въ его походы на Кавказскую линію и обратно, черезъ Тавриду, — для снятія видовъ и чертежей, которые и были, за смертью Львова въ декабрѣ того же года, представлены, въ черномовіи, недоконч. видъ, министру внутр. дѣлъ, гр. Кочубею; два „Крымскихъ вида“: 1) и 2), — пис. имъ на холстѣ масл. краск. (по 17×11½ в.), и подпис. имъ, съ изображ. южнаго берега, со скалами и горными потоками на одномъ, и лѣса, за который зашли тучи, на другомъ, — нахолъ въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ (они приписыв. Мих. Матв. Иванову).

По упраздненіи вышеупом. Экспедиціи, И—въ былъ уволенъ изъ Бергъ-Коллегіи—20 апр. 1806, а Высочайшемъ указомъ на имя Кабинета Е. И. В. отъ 21 авг. того же года повелѣно было ему находиться въ вѣдомствѣ послѣдняго, съ жалов. по 800 р. въ годъ, и считаться при особопоруч. должности. Согласно этому Высочайшему повелѣнію, онъ состоялъ при надв. сов. Гаттенбергерѣ, занимавшемъ его рисованіемъ разныхъ изображеній и копированіемъ рисунковъ на Имп. Стекл. Заводѣ; но, вслѣд. приказанія управляющаго Кабинетомъ, по резолюціи 31 дек. 1812, — былъ черезъ 6 лѣтъ исключенъ изъ оклада (въ чинѣ колл. секр.), а 19 марта 1813 назначенъ въ Имп. Публ. Библ.—съ званіемъ почетнаго бібліотекаря.

Гурьевъ же, „находя приличнымъ, чтобы числящійся въ вѣдомствѣ Кабинета худ. Ивановъ занимался составленіемъ рисунковъ для назв. Завода“, предложилъ Кабинету 29 окт. 1815 вытребовать его къ инспектору Завода, ст. сов. Комарову, и продолжать ему производство жалованья по прежнему (съ 8 нояб.) Затѣмъ, 5 дек. 1817 онъ былъ опредѣленъ въ Акад. Худож. смотрителемъ за рис. классами, съ оставленіемъ на прежнихъ мѣстахъ (въ чинѣ тип. сов.); состоя съ 1 авг. 1818 по 1 мая 1820 при врем. Комиссіи строенія сада к. в. Николая Павловича, былъ временно присвоенъ 1 іюня 1820 къ архит. Менеласу по садов. строеніемъ Царскаго Села; тогда же на Академ. выставкѣ появились: 3) „перспект. видъ новаго Академ. строенія“, его работы; 1 авг. И—въ получилъ въ авѣдованіе отъ Акад. классъ перспективы; 16 сент. 1822 былъ принятъ той же Акад. въ „назначенные“, съ задачей въ авг. 1823 программы на званіе академика; въ 1825 исполнял: 4) рис. хрустальной враты, предназначившейся Имп. Николаемъ I-въ подарокъ Персид. шаху, а за участіе въ трудахъ по строенію сада Дворца в. к. Михаила Павловича получилъ 1000 р.—30 апр. 1826. Наконецъ, когда вмѣсто предполагавшейся первоначально полной панорамы Царскаго Села съ башни, назыв. „l' Hermitte“, предположено было сдѣлать только: 5) 4-е попорамич. вида, а именно: а) Александровскаго дворца съ частью Ц. С., б) части города отъ Католич. церкви, в) скотнаго двора на Пулковскую гору и г) отъ Дугергофской горы, съ заказомъ ихъ И. А. И—ву, онъ тотчасъ же принялся за работу и исполненный имъ къ 3 февр. 1827 г. 1-й изъ этихъ рисунковъ „весьма понравился Его Величеству“, — какъ сообщалъ о томъ мпш. Имп. Двора, кн. Волконскій, президенту Акад. Худож., Оленину, спрашивая о слѣдующемъ за него вознагражденіи.—„Ивановъ, восхищенный тѣмъ, что работа его имѣла счастье понравиться Е. И. В., объявилъ Оленину, — какъ доносилъ послѣдній министру, — что онъ всякою наградою, въ чемъ бы она ни состояла, будетъ доволенъ, а потому, не называя самъ никакой цѣны, полагаея совершенно на Высочайшее благоизволеніе“. Поэтому Оленинъ уже отъ себя опредѣлилъ плату въ 300 р. за рисунокъ и высказалъ при этомъ слѣд. предположеніе кн. Волконскому, что „если бы Е. И. В. соизволилъ признать за благо поручить ему (Иванову) такъ же снятіе видовъ др. окрестныхъ мѣстъ, гдѣ находятся загородные и увеселительные Импер. Дворцы, какъ-то: видовъ Петергофа,

Ораніенбаума, Cottage, то онъ могъ бы выполнитъ сіе съ хорошимъ успѣхомъ, при опредѣленномъ ему постоянномъ, хотя бы небольшомъ содержаніи, сверхъ окладовъ, получаемахъ имъ по друг. мѣстамъ... Однако, на послѣднее Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, „а можетъ онъ,—какъ писалъ кн. Волковскій,—снимать виды съ окрест. мѣстъ С.-Петербурга и представлять ихъ Е. И. В., за кои и будетъ ему производиться слѣд. плата“. Но все ограничилось, повидимому, одними Царско-сельскими видами: за представленные Госуд. Императору черезъ годъ остальные 3 рисунка, Высочайше повелѣно было 20 февр. 1828 объявить Иванову — Монаршее благоволеніе и заплатить изъ комнатной суммы, какъ и за 1-й рис.,—900 р.; самые же рисунки вручены были по Высочайшей волѣ Наслѣднику Цесаревичу, а И.—ву было приказано министромъ сдѣлать вновь тѣхъ же 4 вида, изъ которыхъ два и были представлены имъ во 2-й половинѣ апрѣля 1829, другіе же два въ сент. Вмѣстѣ съ уплатой за нихъ 1200 р. изъ Кабинета, Высочайше повелѣно было сдѣлать еще копій со всѣхъ 4-хъ.

Въ то же время, съ 1811 по 1828 г., Ивановъ исполнялъ рисунки, а иногда и гравюры крѣпкой водкой или рѣзцомъ, подъ раскраску,—для народ. картинокъ, какъ, напр.: 6) бытовныя сцѣны (грав. имъ по рис. И. Теребенева): а) „Всѣзда мѣщанъ“, б) „Игроки“, в) „Рюмачъ читаетъ свои стихи“; 7) на событія 1812—16 гг.: а) „Изгнаніе изъ Москвы непріятеля отрядомъ легкой кавалеріи подъ командою ген.-маіора Иловайскаго 4-го, составляющаго авангардъ корпуса ген.-лейт., барона Винценгероде, окт. 10-го 1812“ (въ собр. гр. Д. И. Толстого), б) „Разбитіе Неаполит. короля Мурата при сел. Дмитровскомъ“ (образъ. экз. у Толлева), в) „Руской Курдіи — ратникъ, жертв. жизни... во время вторженія французовъ въ Москву“—изъ журн. „Сынъ Отеч.“ 1812, № 6, с. 244, г) „Руской Спевоза, лишающій себя руки, чтобы не служить Наполеону, врагу Отечества“—изд. 11 янв. 1813, д) „Хлѣбосольство русскихъ—великодушные воины гр. Витгенштейна отдають свою порцію голод. плѣнникамъ французскимъ“—журн. „Сынъ Отеч.“ 1813, № 6, с. 295, изд. февр. 14, е) „Бѣгство Наполеона“, ж) „Наполеонъ формируетъ новую армію изъ уродовъ и калѣкъ“, з) „Слѣна послѣ знаменитой Лейпцигской баталіи—кн. Шварценбергъ поздравл. государей съ побѣдою 1813 окт. 6 д.“ (въ собр. П. Я. Данкова), и) „Александръ I при Монмартрѣ“, 1814, съ 6-ю стих.

изъ 2-й „Оды“ Ломоносова и съ посвящ. имп. Маріи Феодоровнѣ (въ собр. Д. А. Ровинскаго), і) „Возращеніе СПб. ополченія на Исаакиевскую площадь 12 июня 1814“, к) „Слава Россіи“—имп. Александръ I съ аллегор. изображ. Россіи и Голенничева-Кутузова въ образѣ Михаила Арханг. по сторонамъ, съ объясненіемъ Вас. Андріевскаго, 1816 (грав. А. Грачовымъ; въ собр. гр. Д. И. Толстого); 8) „Виды Петербурга“, 1815, по собств. рис. съ ват.: а) „Прибытіе имп. Александра II въ Казанскій соборъ“ (безъ имени), б) „Цариц. Лугъ изъ верх. сада“ (1814), в) „Ц. Владимірской Богоматери, съ изображ. Троицына дня“, г) „Невскій мон.“, д) „Имп. Зимній Дворецъ“, съ изображ. имп. Александра I и в. к. Константина Павловича верхами передъ фронтомъ войскъ на парадѣ; 9) „Видъ Александро-Свирскаго мон.“ (въ собр. Дая П, 821, въ Имп. Публ.

24. Посѣщеніе Публ. Библіотекі имп. Александромъ I, съ рис. И. Иванова (грав. А. Ухтомскій) 1812 г.

25. Безбожники (изъ басни Крылова),
съ рис. И. Иванова, грав. С. Галактионовъ, 1815 г.

Библ.); 9 bis) „Перевозъ тѣла имп. Александра I въ Москвѣ“, 1826 (въ собр. Д. А. Ровинскаго); а также дѣлалъ рисунки для разныхъ Петерб. изданій (въ 8—ку), какъ, напр., виньетки и картинки къ: 10) „Баснямъ и сказкамъ“ И. Хемницера, 1811 и 1820 (портреты его, грав. А. Ухтомскимъ—для 1-го изд. и Д. Ивановымъ—для 2-го, а также картинки, грав. С. Галактионовымъ и И. Ческимъ), 11) „Актамъ, относ. до новаго образованія Имп. Публ. Библ.“, 1812 („Посѣщеніе Библиотеки имп. Александромъ I“, грав. А. Ухтомскимъ), 12) „Жизни...“ кн. М. Л. Голенщикова-Кутузова“, Г. Синельникова, 1813 (8-мъ карт., грав. самимъ И.—вымъ), 13) „Баснямъ“ И. Крылова, 1815 и 1825 (грав. С. Галактионовымъ, Мих. Ивановымъ, Кулибнымъ и А. Петровымъ—въ 1-мъ изд.; С. Галактионовымъ, О. Гюрданомъ и И. Ческимъ—во 2-мъ), 14) „Баснямъ и сказкамъ“ А. Измайлова, 1816 (грав. С. Галактионовымъ и И. Ческимъ), 15) „Сыну Отеч.“ 1816, ч. I („Вѣсть имп. Александра I“, съ Демута-Малиновскаго), 16) „Стихотв.“ и

26. Зеленый Осель (изъ басни Хемницера),
съ рис. И. Иванова, грав. С. Галактионовъ, 1820 г.

„Сочин.“ В. Жуковского, 1815 и 1817 (4-е фронтисписа, грав. М. Ивановымъ), 17) „Опыту о придѣлкахъ къ древ. статуѣ Купидона, натягив. лукъ“, А. Озенина, 1815 (2 гравюры съ подп.: „I. Ivanow fec.“ и „I. Ivanow del. et sculp.“) и 18) „Опыту о правилахъ медальернаго искусства“, его же, 1817, въ л. (10 лист. съ 15-ю медалями на событія 1812—16 гг., по проектамъ автора книги, грав. А. Ухтомскимъ), 19) „Сочиненіямъ“ В. И. Озерова, 1817 и 1828 („Вѣсть его“, съ подп.: „I. Ivanow f.“ въ 1-мъ изд. '); 7 виньет., грав. М. Ивановымъ,—во 2-мъ), 20) „Онытамъ въ стихъ и прозѣ“, К. Батюшкова, 1817 (грав. И. Ческимъ), 21) „Поход. запискамъ русс. офицера“, И. Лажечникова, 1820 („Смерть Энгельгарта“ и „Кульское сраженіе“, грав. тѣмъ же), 22) „Руслану и Людмилѣ“, А. Пушкина, 1820 (загл. виньет., грав. М. Ивановымъ), 23) „Стихотв.“ А. Востокова, 1821 (3 виньет., грав. М. Ивановымъ и И. Ческимъ), 24) „Прозѣ и стих.“ Вл. Филимо-

¹⁾ Съ тою же подп. есть портретъ Веллингтона.

нова, М. 1822 (грав. И. Ческимъ), 25) „Поларный Звѣздъ“, 1824 (выгнет, грав. С. Гахактионовымъ), 26) и 27) „Путешествіямъ“ Тимковского, 1827, и Бороzdина, 1828, 28) „Разсказы моего отца“, И. Пушкарева, 1836 (з. л., грав. М. Ивановымъ).

Произведенный въ академики по живописи перспективной 12 окт. 1830 за: 29) аквар. видъ въ перспективѣ „внутренности великолѣпныхъ свѣей и парадной гѣстинцы въ Акад. Худож.“ (7×12 в., наход. въ И. А. Х. со времени выст. 1830 г. и гравиров. имъ въ контурѣ), И—въ былъ награжденъ за 30) составленіе рисунковъ для Имп. Стекл. Завода (канделябровъ, вазъ и пр.)—брильянт. перстнями: 26 дек. 1830—32 гг. и 25 мая 1834, а за 31) раскрашиваніе фигуръ въ „поможію о гражд. мундирахъ“ единоврем. выдачею въ 3000 р.—15 апр. 1834 г.; наконецъ, за 35-тилѣтнюю службу пожалованъ былъ орденомъ св. Владимира 4 степ.—5 нояб. 1835, по преобразованіи же Академ. училища уволенъ 19 марта 1840 отъ должности учителя перспективы, какъ оставшейся за штатомъ, а 18 сент. 1842 произвед. въ колл. ассесс., продолжая все время дѣлать рисунки какъ для производившихся подъ его надзоромъ вещей на Стекл. и Фарфор. Заводѣ для представленія Госуд. Императору въ дни Пасхи и Рожд. Христ., такъ и для гражд. мундировъ (въ томъ числѣ—по Собств. Е. И. В. Канцелярין); послѣ его смерти, вдовѣ его Еленѣ Ильиничнѣ была назнач. пенсія изъ М. И. Д. въ размѣрѣ 282 р. 90 к.

Источниками помѣщ. здѣсь биогр. очерку этого художника, являющемуся у насъ впервые, служили: „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, подъ ред. П. Н. Петрова, I, 377—8 и 415; II, 103, 169, 171—2, 242 и 419.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 10/1789, 74/1817, 58/1819, 41/1820, 79/1822, 78/1823, 15/1828, 22/1828, 32/1828, 102/1829, 171/1829, 6/1830, 46/1830, 158/1830, 166/1831, 86/1835, 48/1843, и Превидентскія: 67/1817, 52/1827, а также рукоп. каталогъ Ухтомскаго подъ №№ 363 и 1809; въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла по 2-й Экспл.: 1827, оп. 1/893, № 72/10, и Кабин.: 1815, оп. 151/320, № 50; 1848, оп. 452/1732, № 407/768 (формуляръ) и оп. 51, № 770.—„Сынъ Отеч.“ 1816, ххvii, 217—8; 1820, ixi, 240, и 1821, ixcvi, 190, 282.—„Вѣст. Европы“ 1820, sci, 163.—„Отеч. Зап.“ 1820, iii, 276, и 1826, ххvi, 281.—„Моск. Телегр.“ 1825, vii, i, 153.—„Сѣв. Пчела“ 1825, № 140, с. 4, и 1826, № 10, с. 2, смѣсь.—„Атеней“ 1828, т. i, № 1, с. 163.—„Библиот. для Чтен.“ 1835, xi, III, 86 (все о картинкахъ къ соч. Исаидова 1816, Лажечникова 1820—21, Крылова 1825, Вороздина 1828).—„Сынъ Отеч. и Сѣв. Архивъ“ 1831, ххiii, 304 („Отч. И. А. Х.“), и 1844, кн. 7-а, отд. VI (VII), с. 27 (о рис. и эскиз. въ

Арзамасс. школѣ).—„Отчеты И. А. Х.“: 1830—31, 20; 1836—37, 12; 1836—37, 15; 1837—38, 530 (въ „Худож. Газ.“); 1839—40, 15; 1842—43, 20; 1844—45, 15; 1845—46, 15; 1846—47, 21 (все о рис. мундировъ, а также стекл. и фарфор. предметахъ); 1847—48, 30 (+)—„Указатель наход. въ Акад. произведеній“, изд. Е. Фишера, 1842, подъ буквой И.—А. Н. Андреева, „Живонисъ и живописцы“, 1857, с. 546.—А. Новицкаго, „Худож. Галлерей Моск. Публ. и Румянц. Музея“, 1869, с. 160.—Д. Ровинскаго „Русс. Нар. Карт.“, 1881, и „Подробный Словарь русск. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав.

Ивановъ, Иванъ Григорьевичъ, архитекторъ. Род. 1831, ум. послѣ 1886. Воспитанникъ Строит. Училища съ 1 февр. 1843 по 24 іюня 1852 на счетъ суммъ Гл. Управл. Пут. Сообщ., онъ былъ выпущ. оттуда съ чиномъ губ. секр. и назначенъ въ Минскую губ. стрит. и дорожн. Комиссію, сначала—помощникомъ начальника искусств. стола (28 іюля 1852), потомъ—производителемъ работъ (1857), по преобразованіи же этой комиссіи—мл. инженеромъ (1865).

Служа тамъ, онъ наблюдалъ, кромѣ устройства водопровода по 2 улицамъ въ Минскѣ, еще за постройками: собора въ Борисовѣ и дерев. церкви въ с. Песочномъ, а также—за перестройками: камен. церкви въ Новогрудкѣ, католич. монастыря въ Минскѣ—въ православный и костела въ с. Юреничахъ, Рѣжницкаго у.,—въ православную церковь.

Определенный черезъ 3 года архитекторомъ Щучинскаго у., Ломжинской губ., И—въ былъ съ 1874 Костромскимъ губ. архитекторомъ, а въ 1886 вышелъ по болѣзни въ отставку, и вскорѣ затѣмъ скончался.

См. Г. В. Барановскаго „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—12“, I, 131, и, служ. ему доводн., рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Иванъ Ивановичъ ?), граверъ (?) Род. 20 окт. 1791, ум. 18. г. Сынъ поручика Ивана Матв. Иванова, онъ былъ принятъ въ Акад. Худож., уже по смерти отца, — 6 окт. 1802 и, будучи въ 3-мъ возрастѣ, получ. за рис. съ нат. 2-ю серебр. мед.—23-го авг. 1809 (выд. 1 сент.) п. въ 4-мъ возрастѣ, 1-ю — 7 мая 1810 (выд. 1 сент.), въ февр. же 1812 наход. въ числѣ бывшихъ при Акад. пенсионеровъ по гравированію. Быть можетъ, ему и принадлежать нѣкот. гравюры съ подл.: „И. Ивановъ“ (ср. выше: Ивановъ, Иванъ Алексѣевичъ).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 30/1802 и „Сбор-

1) Другой Ивановъ, Иванъ Александровичъ, сынъ дерк. сторожа, наход. въ маѣ 1801 г. въ 1-мъ возрастѣ академич. учениковъ (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 19/1801).

никъ матер. для исторіи И. А. Х. "... П. Н. Петрова, I, 430 и 566, 535 и 538, 545 и 543; II, 14.

Ивановъ, Иванъ, живописецъ. Род. 1824, ум. 1 апр. 1869 въ СПб. (погреб. на Волковомъ кладбищѣ). Ученикъ проф. М. Н. Воробьева въ Акад. Худож., онъ получ. за свои „пейзажи съ нат.“—серебр. медали: 2-ю—27 сент. 1844 и 1-ю—13 нояб. 1845; затѣмъ выставялъ въ 1846, въ Акад., свои пейзажи и картины подл. загл.: „Утро“, „Озеро“, „Рыбаки“, „Изба“, „Солдатъ съ крестьянкой и Овцы“, „Группа деревень у ручья“, „Озеро при лучномъ освѣщеніи“, „Озеро при дневномъ свѣтѣ“, „Домашнія животныя“ (всѣ они были „хороши“, въ нихъ было „весьма много основ. достоинства“—по отзыву соврем. критики); наконецъ, 4 апр. 1847 ему задано было, въ видѣ прогн. на 2-ю зол. мед., написать „пейзажъ по собств. выбору мѣста, съ тѣмъ, чтобы одна часть была видна сквозь дождь, другая же освѣщена солнцемъ“, а 26 сент. того же года онъ (будучи въ чинѣ тнт. сов.) заслужилъ за свой „пейзажъ съ нат.“ особ. похвалу.—Быть можетъ, ему же принадлеж. бывшія на Акад. выставкахъ картинки съ именемъ (некл.) худ. Иванова: „Дѣв. мордовки, продающія грибы и ягоды“—въ 1849 и „Голова старушки съ нат.“—въ 1850.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, подл. ред. П. Н. Петрова, III, 23, 43, 74, 79, и рукоп. зам. его же.—Указат. выст. въ И. А. Х.: 1846, стр. 6, нояб. 2, а также: 1849, № 119, и 1850, № 23.—„Иллюстр.“ 1846, № 16, с. 244, и № 83, с. 606; 1847, № 40, с. 256.

Ивановъ, Иванъ Максимовъ, архитекторъ. Род. 1784, ум. 25 нояб. 1829. Изъ мастеровъ дѣтей, вступ. на службу въ чертежную Гофъ-Интенд. Канторы 13 янв. 1801 н., находясь въ командѣ арх. Пав. Писцова, произвед. былъ въ колл. регистр.—31 дек. 1813, въ губ. секрет.—въ 1818, въ кол. секрет.—въ 1821 н въ тит. сов.—въ 1825; кромѣ единоврем. награды за усерд. службу, получалъ еще, по Высочайшемъ повелѣніямъ, особыя—за труды по устройству иллюминацій въ Петергофѣ въ 1814, 1817, 1822—23 и 1825 гг.; по смерти оставилъ трехъ сыновей: Александра (15 л.), Василія (12 л.) и Якова (9 л.).

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, д. 18, с. 5 (1813 г.); д. 22, с. 198 (1817 г.); д. 24, с. 143; 25, с. 29 и 37 (1818 г.); д. 29, с. 115 (1819 г.); д. 31, с. 143 (1820 г.); д. 32, с. 128 (1821 г.); д. 35, с. 125, и д. 36, с. 139 (1825 г.); д. 37, с. 135 (1827 г.); д. 28, с. 112—4; д. 38, с. 133; д. 39, с. 119 (1829 г.).

Ивановъ, Иванъ Николаевичъ, декораторъ при Имп. Моск. театрахъ. Род...., ум. 18 нояб. 1854 въ Петербургѣ, куда переѣхалъ незадолго передъ тѣмъ. Прослуживъ 20 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку и получилъ, по Высоч. повелѣнію отъ 15 апр. 1835,—пенсію въ 2400 р. асс. въ годъ.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1863, оп. 265/1, № 24.

Ивановъ, Иванъ Семеновичъ, живописецъ. Род. 1811, ум. 25 февр. 1853 въ Новгородѣ н погреб. на Петровскомъ кладбищѣ, гдѣ и отецъ его, тоже живописецъ.

Изъ рукоп. зам. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Иванъ Юдинъ, рѣзчикъ. Род. 1798, † 25 сент. 1851. Изъ незаконнорожд., онъ былъ припис. по Высоч. указу, къ Имп. Фарфор. Заводу навсегда, въ мастеровые,—21 окт. 1811; состоялъ ученикомъ рѣзнаго искусства—съ 1819, подмастерьемъ—съ 16 янв. 1836, мастеромъ—съ 1 апр. 1838; получ. задѣльной платы по 300 р. въ годъ; по слабости здоровья, къ продолж. службѣ былъ неспособ., а потому уволенъ пенс. по 120 р. въ годъ (1843).

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1843, оп. 442/1599, № 20, лх. 8 об. и 46.

Ивановъ, Илья, архитекторъ. Род. 1776, ум. г. Изъ садовническихъ дѣтей, поступ. на службу въ Гофъ-Интендант. Кантору, въ Моск. команду, ученикомъ 8 июня 1796; наход. на службѣ еще въ 1811.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 6, с. 185; д. 7, с. 15; д. 8, с. 7 и 191 (1796—99); и оп. 382/815, д. 1, с. 38 об. (формул.).

Ивановъ (Ревельский), Илья Никитичъ, живописецъ. Род. 1782 г., ум. г. Сыномъ старшаго ученика, онъ былъ опредѣленъ въ 1800 (нояб. 28) въ живоп. команду къ маст. Федору Данилову, а въ 1803—19 наход. въ командѣ живоп. маст. Щербакова.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 382/815, д. 1, с. 261, 273, 277, и оп. 122/556, д. 11, с. 3; д. 13, с. 25 и 121; д. 16, с. 27 и 94; д. 18, с. 9 и 92; д. 21, с. 7 и 119; д. 27, с. 9; д. 30, с. 2 (формуляры 1803—19 гг.).

Ивановъ, Илья Степановичъ, рисовальщикъ и литографъ въ Псковѣ. Род. 1792 (3), ум. въ половинѣ февраля 1845 г., 52—53 лѣтъ, отъ гнилой горячки. Состоя 33 года по Межев. вѣдомству, въ томъ числѣ 12 лѣтъ—губ. землеѣромъ, онъ подл. конецъ совсѣмъ ослабилъ себя вѣчными утомит. чертежными работами, по имѣя собствен. литографію, издавъ въ 1837—39 гг.—2 театр. „Галлерей видовъ Пскова и его окрестностей“, съ объяснит. текстомъ, и былъ награжденъ за

нихъ брильянт. перстнемъ, а въ 1838 г. выдалъ въ свѣтъ „Атласъ Псковской губ.“, въ 6 л.; въ качествѣ же члена-корреспондента Статистич. отдѣленія Совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ, составилъ въ 1839 записку „о средствахъ улучшенія льнопроизводства“, разсмотрѣнную и одобренную Учен. Комитетомъ Мин. Госуд. Имущ., а въ 1843—проектъ „возстановленія водяннаго сообщенія между Псковомъ и Ригию или Перновымъ“. Последней работой его былъ рисунокъ подробнаго памятника А. С. Пушкину, но онъ не успѣлъ отлитографировать этотъ видъ.

См. Вѣдом. СПб. Полиціи“ 1845, № 57, въ фельет. (некрол.).—„Синъ Отец.“ 1837, т. 187, с. 331, и „Библиот. для Чтен.“ 1837, т. 24, отд. VI, с. 68; 1838, т. 27, отд. VI, с. 47; т. 28, отд. VI, с. 72; 1839, т. 33, отд. VI, с. 17 („виды Пскова“), а также „Систематич. реестръ“ М. Д. Ольхина, № 2887 („Атласъ“) и „Иллюстр.“ 1848, № 9, с. 132—3, 187—9, и № 11, с. 164—5 („виды имѣнія Пушкина“ и гравюры съ Псковскихъ видовъ).

Ивановъ, Илья, архитекторъ. Служа въ Деп. Мин. Нар. Просв. (14-тъ лѣтъ), олъ посѣщалъ нѣкот. время натурный классъ Акад. Худож., а въ авг. 1838, вслѣд. представленія имъ архит. рисунка собств. работы, ему заданы были „проектъ небольшого великокняж. загороднаго дворца“—на званіе своб. художника, въ которое и былъ введ. 30 сент., съ выдачей аттестата въ окт. См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 143/1838.

Ивановъ, Илья (Илюха), серебряникъ при Моск. Оруж. Палатѣ XVII в. Золотилъ 21 іюля 1613, вмѣстѣ съ Назар. Родіоновымъ и 15-ю товарищ., 45-ть рублей къ Государю на верхъ.

См. А. Викторова „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, I, 63 (изъ расх. кн. Ор. Пал. за № 65/889).

Ивановъ, Ипполитъ Ив., живописецъ. Род. 1811. Принятый осенью 1821 г. въ Акад. Худож., взявъ воспитанниковъ СПб. Воспитат. Дома, для усовершенствованія въ живописномъ художествѣ, по утвержденному имп. Маріей Θεодоровной всепод. докладу Опеку. Совѣта, онъ былъ, за неспособностью, вовсе уволенъ отсюда съ аттестат. 3-й степ., вмѣстѣ съ выпущенными, по окончаніи курса, учениками 4 возраста, — 16 сент. 1824. Прослуживъ затѣмъ 7 лѣтъ преподавателемъ рисов. при Александровской Мануфактурѣ, онъ получилъ 7 марта 1835, по прошенію, свидѣтельство на званіе рисов. учителя въ гимназіяхъ и проч. среднихъ учебн. заведеніяхъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 47/1821, 35/1824, и 109/1835, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, II. Н. Петрова, II, 190 и 196.

Ивановъ, Карпъ, живописецъ XVII в. въ Москвѣ,—собств. Золотаревъ, см. это имя.

Ивановъ, Кирилъ, иконописецъ (изуграфъ) Московскій XVII в. Писалъ въ 1642, вмѣстѣ съ Тимоф. Тимофеевымъ, икону св. Николая Чудотворца „въ чудесахъ“—въ церковь Никольскую „что въ Галеѣ“ въ г. Владимірѣ, по общанію Ѳед. Петр. Масленикова; въ 1650, состоя кормов. иконописцемъ средней статьи, былъ у письма въ Саввинскомъ мон., а въ 1652—въ Архангельскомъ соб.; затѣмъ въ 1656—57, съ 4-мя товарищ., равно какъ: Ѳед. Елизаровъ съ 8 товарищ. и жалов. иконописцы Степ. Рязанецъ, Сим. Ѳед. Ушаковъ и Ѳед. Козловъ, заним. раскраской „стѣннымъ письмомъ“ спальной комнаты и надъ нею подклѣтъ; наконецъ, въ 1690—96 г. Кирилъ Ивановъ членился въ иконоп. ученикахъ, но б. м.—другой.

См. іер. Гоасафа „Историч. описаніе Владимірскихъ достопамятностей“, 1857, с. 117. — И. Задѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 13, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школъ иконоп.“, 149 (подъ именемъ Кирика И—ва). — А. Викторова „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 428—9 и 454—5 (изъ прех. расх. кн. Оруж. Пал. за №№ 946/827 и 947/1003, 965/271 и 967/457).

Ивановъ, Кирилъ, серебряникъ при Моск. Оруж. Палатѣ. Родомъ Новгородецъ, онъ дѣлалъ въ 1653 оклады въ Моск. Успенскій соб. См. И. Задѣлина „О металл. производствѣ въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Кондратій, рѣзчикъ, пунсончикъ и наводчикъ при Моск. типогр. XVII в., † передъ 23 окт. 1628 (когда женѣ его выдано было „Государ. жалов. на поминъ—10 р.“). Въ первый разъ имя его упом. въ докум. Оруж. Палаты подъ 12 апр. 1614, когда онъ получилъ Государева жалов.—4 арш. сукна; такимъ же сукномъ пожалов. его Государь и 24 мая 1616, —оба раза въ качествѣ „Оружейнаго приказа мастера, рѣзда и наводчика“. — При переводѣ типографіи въ 1620 изъ Кремл. дворца на старый Печатный дворъ, онъ былъ уже мастеромъ печатнаго дѣла и управлялъ двумя типограф. станками, имъ же введенными, получая денежнаго жалов. сначала по 20 р., а съ 1621—по 30 р., и хлѣбнаго за 40 кофтей (считая 15 алт. за юфть)—по 18 р. въ годъ, да поденнаго корму—по 1 р. въ мѣсяцъ. Онъ сдѣлалъ въ 1620 къ печатному книжному дѣлу двѣ формы: „литью да бойчую“. Памятниками его „художества и трудовъ“ являются также двѣ печ. книги, въ 1: „Трѣхъ Цвѣтная“, въ 269+372 лист., нач. 1620 марта 25 и оконч. 1621 авг. 13,

и „Апостолъ“, въ 16+312 лист., нач. 1622 мая 19 и оконч. 1623 янв. 25, съ рѣз. на деревѣ изображ. еванг. Луки. Устроенныя имъ двѣ книгопеч. азбуки долго потомъ употреблялись въ Моск. печати, именно: полууставная, которою напеч., между прочимъ, двѣ помин. книги, и уставная крупная, сдѣланная для Евангелія напечатаннаго 1627, въ л., и за которую онъ получилъ въ награду 10 р. Для этого Евангелія, на 351+144 лист., нач. 1625 апр. 28 и оконч. 1627 мар. 19, имъ вырѣз. были оброчно: прописныя слова, заставки и лицев. изображенія 4-хъ Евангелистовъ, повторявшіеся потомъ неоднократно въ последующихъ изданіяхъ,—послѣднія по рис. Прок. Чирна.

См. *А. Викторовъ*, Описаніе запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказъ, I, 106 (изъ расч. кн. Арх. Оруж. Пал. за № 199/717). — *П. Строева*, Описаніе старопеч. книгъ славян., служ. дополн. къ описанію библиот. гр. Толстого и Парскаго, М. 1841, с. 245 (изъ такой же расч. кн. за № 903, к. 123 об.) и 50—51 (№ 25), и Описаніе... книгъ..., нах. въ библиот. И. Н. Парскаго, М. 1886, с. 83—84 (№ 66). — *И. Сахарова*, Обзорные русс. археологіи, 1851, с. 83, и *И. Забѣлина*, О металл. производ. въ Россіи, 118. — „Древности“, II, 5. 26 и 28, прим. 27 и 41; IV, Матер. для Археолог. Слов., II. — *В. Румянцова*, Свѣдѣнія о гравиров. и граверахъ при Моск. Печ. Дворѣ въ XVI и XVII ст., М. 1870, въ отд. изд. и въ изд. *Д. Ровинскаго* „Русс. граверы“, подъ № А, 3 (изъ расч. кн. Печат. Прик. № 1, л. 98 об. — 106; № 2, л. 21 об.; № 3, л. 281 и 301; № 4, л. 124; № 5, л. 225 об. и 120; № 6, л. 1 об.; № 7, л. 98).

Ивановъ, Константинъ Гавриловичъ, архитекторъ. Род. 1854. Воспитанникъ училищ: Харьк. реальнаго и СПб. Строительнаго (1880—85), онъ занялся, по выходѣ изъ послѣдняго гражд. инженеромъ съ правомъ на чинъ X кл.,—част. работами, прежде всего осушеніемъ, посред. дренажа, кораб. верфи Журавлева въ Рыбинскѣ, а затѣмъ служилъ съ дек. 1885—городскимъ архитекторомъ въ Бердичевѣ (гдѣ имъ построены, кромѣ 10-ти 2-хъ-эт. кам. домовъ для разныхъ лицъ и 7-ми такихъ же особняковъ, 2-хъ дерев. особняковъ и 3-хъ дачъ, еще кам. зданія: для помѣщенія обществ. библиотеки, торгов. рядовъ Дехтеревского и Бродецкаго, торгов. бань, сущищенъ на кожей, заводахъ Кобылянского и Шленкера, магазиновъ при кожей, заводъ Бурка, табачной фабрики Кадера и Грабвицера, почты и телеграфа съ магазинами, и деревянными: для склада муки, обильныхъ и кожей, заводовъ Гольдмана и др.); наконецъ, съ 1891—архитекторомъ при унив. св. Владиміра въ Кіевѣ (гдѣ имъ произвед. дост-

ройка 3 эт. кам. корпуса химич. лабораторіи и надстройка 2 эт. зданія клиники, не считая занятій въ управленіи постройки Новоселицкихъ вѣтвей юго-зап. ж. д.).

См. *Г. В. Барановскаго*, „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 132.

Ивановъ, Константинъ Кирилловичъ¹⁾, живописецъ. Род. 15 сент. 1832 въ с. Сластухѣ, Атнарскаго у., Саратовской губ. Сынъ канцеляриста и ученикъ Имп. Акад. Худож., онъ получилъ серебр. медали: двѣ 2-го дост.—4 мая 1857 за рис. съ нат. п. 28 сент.—за живоп. съ нат. п. одну 1-го—23 дек. 1859, тоже за этюдъ съ нат., а затѣмъ, какъ награжд. тремя медалями, удостоенъ былъ 8 мая 1861, вслѣд. прошенія,—званія художника по историч. живоп. съ правомъ на чинъ 14 кл., съ утвержд. въ Общемъ Собраніи 18 сент.—На Акад. выст. 1864 нах. „Портретъ матери художника“, раб. Конст. Викт. (?) Иванова.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 8/И и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. И. Петрова*, III, 285. 293. 349. 372, а также „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1864, III, 24.

Ивановъ, Константинъ Матвѣевичъ, живописецъ. Род. 19 сент. 1859 въ СПб. Сынъ колл. секр., служившаго въ СПб. Сохр. Канц., онъ поступ. въ ученики А. Х. въ сент. 1874, оконч. курсъ въ янв. 1880, получ. 2 мал. серебр. медали и 1 большую за сочин. „декорацій“ и удост. званія кл. художника 3 ст.—31 окт. 1884.

См. въ Архивѣ И. А. Х., дѣло 114/1874.

Ивановъ, Лаврентій, архитекторъ. Род. 1803 г., ум. 18.. г. Изъ маркишейдерскихъ учениковъ Нерчинскихъ горныхъ заводовъ, онъ, будучи присланъ съ караваномъ золота въ 1820, не могъ быть включенъ въ число казенныхъ воспитанниковъ Имп. Акад. Худож., имѣя отъ роду 17 лѣтъ, но былъ помѣщенъ 21 мая въ число оставленныхъ при Акад., для усовершенствованія въ художествахъ,—съ цѣлью обученія рисованію и архитектурѣ на счетъ Кабинета Его Величества. На запросъ послѣдняго въ юлѣ 1825 г.: „пріобрѣлъ ли Ивановъ столько познаній въ архитектурѣ, чтобъ заниматься оюю на практикѣ“, Акад. увѣдомила, что „отдаанный для обученія архитектурѣ и рисованію Лавр. Ивановъ оказалъ и въ томъ, и въ дру-

¹⁾ Другой **Ивановъ**, Константинъ Николаевичъ, сынъ проживавшаго у княз. Е. П. Вагратионъ дворов. челоуѣка А. Г. Попова, род. 21 мая 1884, въ с. Горбуновѣ, Дмитровскаго у., Московской губ., и поступ. въ И. А. Х. въ 1864; см. дѣло 11/И въ ея Архивѣ.

гомъ хорошіе успѣхи, но по части архитектуры практикою, безъ руководства, еще не можеть заниматься, ибо еще не совсѣмъ кончилъ курсъ ученія, на который положенъ 6-тилѣтній срокъ, а онъ обучается сему художеству токмо 5 лѣтъ; впротѣмъ уже началъ заниматься практикою и, судя по его способности, можно ожидать, что вскорѣ окажетъ желаемые успѣхи и въ семъ отношеніи". Наконецъ, удостоенный за выказанныя въ композиціяхъ (въ томъ числѣ и въ „проектъ кад. корпуса на 1500 челов.“) отличные успѣхи по части архитектуры: 2-й, а потомъ и 1-й серебр. медали (16 сент. 1824 и 2 мая 1825), онъ хотъ и заслуживалъ бы на этомъ основаніи аттестата 1-й степ., съ званіемъ художника 14 кл. и прочими правами, получилъ однако 12 іюля 1827, по требованію Кабинета, лишь свидѣтельство о поведеніи и успѣхахъ для опредѣленія его на службу при Нерчинскихъ заводахъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 22/1820, 35/1825, 52/1827, а также 29/1823, 37/1824, 46/1826, и „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“ ...
П. Н. Петрова, II, 187, 191, 196, 207.

Ивановъ, Лазарь, иконописецъ царскій въ Москвѣ XVII в. Упом. съ 1671; въ 1679 писалъ и золотилъ, съ товарищ., гладкіе дерев. иконостасы въ церкви: соборную Покрова Богородицы и придворную Всѣхъ Святыхъ и св. Иоасафа царевича въ с. Измайловѣ близъ Москвы, а въ 1684 написалъ, по царскому указу, свѣтлыя небесныя на потолкахъ въ Госуд. Посольскомъ приказѣ въ Москвѣ.

См. Д. Ровинскаго „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1869, алфав. — *Мартьянова* и *Снегирева* „Русс. Старину“, изд. 2-е, годъ 4-й, с. 110—111, и *И. Снегирева* „Памятники Моск. древности“, LXVII = „Древности“, II, 21.

Ивановъ, Левъ, архитекторъ. Принятый въ Акад. Худож. въ 1809, онъ, находясь въ 4 возрастахъ, получ. за архитект. композиціи двѣ серебр. медали 2 дост. — 1 мая 1820 и 29 апр. 1822.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, I, 568 (№ 43); II, 148, 167.

Ивановъ (Чудловъ?), Леонтьи, живописный ученикъ при Моск. Оруж. Палатѣ. Росписыв. въ 1679—80 Книгохранил. и Правильную палаты Печ. двора, и участвов. въ 1684—85, вмѣстѣ съ друг. живописцами и учениками, подъ наблюд. Ив. Безмяна, въ раскраскѣ „стѣннымъ живописнымъ письмомъ“ вновь выстр. камен. и дерев. хоромъ цар. Натальи Кирилловны и царевенъ.

См. „Древности“, II, 15, 21, 35—36 (прим. 83, 84, 88, 91, 92; на основ. расх. кн. 1680,

л. 395—8), съ образц. стѣноп. (какъ единств. примѣръ отдѣлки гражд. зданія XVII в.) — *А. Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 451 (изъ прих. расх. кн. Арх. Оруж. Пал. за № 963/263, л. 36).

Ивановъ, Логиновъ, серебрянникъ при Моск. Оруж. Палатѣ въ 1675.

См. *И. Забѣлина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 119 (упом.).

Ивановъ, Лука, иконописецъ XVII в. Приним. участіе въ 1684, вмѣстѣ съ Ярославскими кормов. и Троицкими дозов. иконописцами, въ стѣнописи ц. Успенія въ Троице-Серг. Лаврѣ, а въ 1702 (окт. 18) чухломцы: иконописецъ Лука Ивановъ, да посад. челоуѣкъ Мар. Ивановъ, оба съ женами и дѣтми, были посланы на вѣчное житіе въ Азовъ за воровство, „что подписывали на простой бумагѣ воровскіе гербы и ту бумагу продавали воровски“.

См. Архим. *Леонидъ* „Надписи Тр.-Серг. Лавры“, № 11 (въ III т. „Зап. отд. русс. и слав. археол. И. А. О.“, 1862). — *А. Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 475 (изъ дѣлъ и докум. Оруж. Пал. за № 987/469, л. 232).

Ивановъ, Любимъ, иконописецъ въ Москвѣ XVII в. Писавъ въ 1665 иконы во дворѣ къ Н. И. Романову, а въ 1666 былъ у письма въ ц. Спаса и въ Арханг. соборѣ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 55 и 67 — 8, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школь иконоп.“, 149. — У *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древности“, LXVI, отъ лишь упом.

Ивановъ, Маваръ, серебрянникъ Моск. Оруж. Палаты 1653. Дѣлалъ оклады въ Успенскій соб. См. *И. Забѣлина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 118.

Ивановъ, Макарій, иконописецъ Костромскаго Ипат. мон. 1684. Участвов. въ роспис. тамошняго собора, какъ свидѣтельствуетъ сохр. надписи на стѣнахъ.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школь иконоп.“, 149. — *Островскаго* „Описание Костром. Ипат. мон.“, 1870, с. 186 и сл.

Ивановъ, Максимъ, иконописецъ 2-й полов. XVII в. Написалъ, какъ видно изъ его подписи, изображ. Михаила Арханг. на стѣн. алтарной двери въ ц. Воскресенія Христова, что въ Кадашевѣ въ Москвѣ.

См. „Русс. Стар.“ *Мартьянова* и *Снегирева*, изд. 2-е, годъ 4-й, с. 12—13.

Ивановъ, Максимъ, лѣшникъ. Род. 1757. Поступ. на службу въ Контору Строенія въ 1774, былъ ученикомъ шугач. дѣла у Грп. Волкова въ 1791. См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 122/556, д. 5, с. 18 об.

Ивановъ, Маркушъ, иконописецъ 1643. Писалъ, авг. 14, на слѣдов. дверяхъ въ Москв. Успенской церкви—травы, „которыя почервлены были“.

См. *А. Викторова* „Описание запис. книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 418 (изъ кн. Ор. Пал. за № 944/973, л. 663 и сл.).

Ивановъ, Матвѣй, иконописецъ 1644. Родомъ Ярославецъ, былъ пожалов. за роспис. Успенскаго соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 3, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149.

Ивановъ (собств. Серебряковъ?), Михаилъ, живописецъ на финифти. Род. въ пояб. 1724, ум. 5 марта 1803 (78-ми лѣтъ).

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Михаилъ, граверъ 1729 г. въ СПб. Былъ, въ августѣ, единств. русс. ученикомъ по рисов. у мастера „тридцатилѣтняго разныхъ маперовъ литеръ, прошипектовъ и кушнотовъ“ Упферпахта.

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“ I, 558.

Ивановъ, Михаилъ Андреевичъ ¹⁾, или Аванасевичъ ²⁾, граверъ. Род. 1781 (т. к. въ 1802 ему былъ 21 г.), ум. 12 іюля 1839, въ отставку послѣ службъ въ Госуд. Библіотекѣ (съ 1812). Воспитанникъ А. Х., оцъ, по полученіи за рис. съ нат.—2-й и 1-й серебр. медалей — 31 авг. 1801 и 28 авг. 1802 (выд. были ему 11 дек.) и, наконецъ, аттестата 1-й ст. со званіемъ и званіемъ художника 14 кл. — 1 сент. 1803, былъ оставленъ при Акад., въ числѣ другихъ, „для пріобрѣтенія вѣщихъ успѣховъ не яко уже ученикъ, а какъ художникъ“, и работалъ подъ наблюд. Клаубера. Подъ смотр. М. И.—ва были ретуширов. въ 1806 отданныя для храненія въ Академ. библиотекѣ доски 4-хъ видовъ Павловска, гравиров. Ухтомскимъ (3) и Галaktionовымъ (1). Ему принадлежатъ гравюры: 1) „Диогенъ и Алесандръ“ съ карт. П. П. Рубенса, въ 6 л.; 2) 25-ть очерковъ съ картинъ для изд. „Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de S. E. M^r le Comte A. Stroganoff“, St. Ptg, 1807 (и 1835), f^o (со стат. Тассара „Минерва въ видѣ Екатерины II“—по рис. О. Кипренскаго; съ картинъ: 4—6. А. дель-Сарто, А. Бронзино и В. да Карофало, изображ. „Св. Семейство“,—по рис. Е. Скотиникова; 8. Домин. Фети „Сельск. жизнь“ — по собств. рис.; 9. эск. А. Корреджо „Ночь“, 17.

¹⁾ По рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

²⁾ По „Росписи“ *Смирдина*, 1828, алфав., стр. ххviii, № 5653.

Юл. Цез. Прокачини „В. М. съ млад. Иисусомъ и св. Иоанномъ“, 18. Бартол. Скидоне „Св. Семейство“, 19. Гв. Рени „Христосъ на горѣ Элеонской“, 20. Фр. Альбани „Вѣгство въ Египетъ“, 21. К. Чивьяни „Плодородіе“, 22. П. П. Рубенса „Собств. портретъ съ сыномъ“ — все по рис. Е. Скотиникова; 36. Бартол. фант-дербъ Гельста „Мужской портретъ“—по рис. А. Егорова; 37. Г. де ла Нотте „Урокъ пѣвца“ — по рис. Е. Скотиникова; 38. Рембрандта ваят Рина „Философъ въ раздумьи“ — по собств. рис.; 39. его же „Портретъ юноши въ костюмѣ св. Франциска“ — по рис. А. Егорова; 40. Гольбейна „Портр. Эразма Роттердамскаго“, 43. Ф. Шампаня „Портр. кардин. Ришелье, 54—55. Г. Нечера „Турокъ у окна“ и „Птичникъ у окна“—все по рис. Е. Карпѣева; 58. Анр. ванъ деръ Верфа „Noli me tangere“, 63. Ник. Пуссена „Св. Семейство“, 64. Э. Лесюера „Св. Цецилія“—все по рис. Е. Скотиникова; со скульптуръ: 70. мед. гр. Строганова съ А. Леберехта и 72. греч. саркофагъ—оба по рис. Е. Карпѣева; 3) „11 portraits nationaux de Nukativa“, по собств. рис. 1807 г., — къ „Путеш.“ Крузенштерна, 1812, 4°; 4) з. л. съ изображ. „Истинны“, по рис. А. Шустова,—къ „Васнямъ“ И. Дмитриева, СПб. 1810, 8°; 5)—7) портреты: ген.-ад. гр. Орлова и г.-м. Войска Донскаго Илюайскаго IV, оба въ изд. Вас. Логина въ Москвѣ, и ген.-лейт., начальника 1-й табата 5-й дѣств. арміи, И. В. Сабанѣева (1814); 8) з. л., по рис. А. Шустова же, къ изд. „Святославъ, вышнскій изъ древнихъ русс. лѣтописей и визант. историковъ съ 946 по 972 г.“, СПб. 1813, въ 1.; 9) дѣя вънѣст. къ стих. Жуковского „Пѣвецъ въ станѣ русс. воиновъ“, СПб. 1813, 8°; 10) фронтисписъ съ стат. Мемнова, по рис. И. Иванова,—къ 1 ч. „Стих.“ Жуковского, 1813, 8°; 11) три з. л.: двѣ музы, два музыканта и уснувшій пѣвецъ, по рис. И. Иванова же,—къ 3 част. „Сочин.“ Жуковского, 1817, 8°; 12) 4-е грав.: з. л. съ сфинксомъ, фронтисписъ съ изображ. Мудрости и стат. Истинны, „Оселъ и Соловей“ и „Демьянова уха“, по рис. того же И. Иванова,—къ „Васнямъ“ Крылова, 1815, 8°; 13) з. л. съ изображ. Минервы на лупкѣ у бер. моря, по рис. К. Зейделя,—для „Изъясненія принадлежностей къ вооруж. корабля“ А. Глотова, 1816, 4°; 14) карт. съ изображ. летящей къ храму, надъ водою, Славы съ вѣнкомъ и свѣткомъ въ рукахъ, гдѣ напис. имена: Минина, Пожарскаго, Сусанина и Палицына,—къ „Историч. воспомин. о нашествіяхъ на Россію“, А. Оленина, 1816, 4°; 15) з. л. съ изображ. памят.

Хемипперу—къго, „Баснямъ“ 1820, 8°; 16) вишетъ, по рис. И. Иванова,—къ „Руслану и Людмилѣ“ Пушкина, 1820, 8°; 17) 3 грав. съ изображ. „Амура, натягив. лукъ“, по рис. Богучарова и Каменскаго,—къ „Новому опыту о приделахъ къ древ. статуямъ“, А. Оленина, 1820, въ л.; 18) изображ. Ермака (оконч. послѣ Богучарова), по рис. К. Брюло,—къ 1 ч. „Лѣтописи Сибирской“, изд. Спаскаго, 1821, 8°; 19) карт. „Дѣло при р. Калалахъ 1774 г.“ и др.—къ изд. „Жизнь и подвиги гр. Платова“, Н. Смирнова, М. 1821, 8°; 20) 2 вишетъ, изображ. Фантазия и Позію, по рис. И. Иванова,—къ „Слѣх.“ А. Востокова, СПб. 1821, 8°; 21) вишетъ съ 3 купидонами, изъ которыхъ двое съ нотами (въ 1 ч. нѣтъ Уткина въ Эрмит.); 22) „Росс. прописи чистописанія, пис. Томашиевскими“, 1822, въ л.; 23) фронтоны и метоны Паренова (оконч. послѣ Богучарова и Федорова), по рис. Брюло,—для одного изъ изданій А. Оленина (?); 24) 7-мь грав. въ контуръ: л. I—III. „Плавъ храма Минервы, назван. Пареновъ“, „Фасадъ и метоны“ и „Метоны“—по рис. Н. Ефимова и П. Михайлова, „Мучение св. ап. Петра“—съ М. А. Каравака (sic), „Душенька“—по рис. гр. О. Толстого, стат. Гальберга „Ахиллесъ“ и Крылова „Гекторъ“—по рис. Н. Тверскаго и М. Крылова,—къ „Журналу Ильяч. Искусствъ“, В. Григоровича, СПб. 1823—25, 4°; 25) вишетъ „Ермакъ и Мегметъ-Куль“, по рис. И. Иванова,—къ „Поляр. Звѣздѣ“, 1824, 16°; 26) 7-мь вишетъ: „Полиссена“ (2), „Дмитрій Довской“ (1), „Фингалъ“ (2), „Эдипъ въ Афинахъ“ (?), по рис. И. Иванова же,—къ „Сочин.“ В. Оверова, 1828, 8°; 27) портр. Н. М. Карамзина въ „Альбомъ Сѣв. Музѣ“, 1828, 16°; 28) вишетъ, по рис. А. Нотбека,—въ „Невскій Альманахъ“, 1829, 16°; 29) карт. съ изображ. воина, сид. у жертвенника, по рис. А. Меркулова,—къ „Досуламъ Марса“, 1834, 16°; 30) 20-тъ грав. въ контуръ—къ „Мнеолог. галлерей“ Миллена, въ перев. съ франц. М. Кирѣва, 1836; 31) в. л., по рис. И. Иванова,—къ „Разсказамъ моего отца“, И. Пушкирева, 1836, 12°; 32) Памятникъ Ломоносову въ контурѣ—къ предирин. В. И. Григоровичемъ под. произведений Мартоса, 1836—38 гг., въ л.

См. рукоп. матер. *И. Н. Петрова* и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, его же, I, 424. 430. 434. 451—2. 501.—Журн. опред. Совѣта И. А. Х. 1805, л. 74 об., и дѣло въ Архивѣ 69/1812.—*Д. Россинскаго* „Похробрный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1859, алфав. (гдѣ, однако, у него имени поставл. даны скульпт. М. И. Иванова).

Ивановъ, Михаилъ Ивановичъ, скульпторъ. Род. 1772, ум. 12 сент. 1847 (76-ти л.). Принятый въ Акад. Худож. изъ Воспит. Дома въ 1779, онъ былъ выпущ. оттуда подмастерьемъ формов. и огни. дѣла—21 окт. 1794 съ опредѣленіемъ „для исправленія разныхъ, по знанію своему, работъ“, а 2 мая 1799, по засвидѣтельствванію проф. М. И. Козловскимъ и И. И. Мартосомъ, что „въ разсужденіи прилежности и успѣха его въ формованіи и отливаніи разныхъ гипсовыхъ штукъ, достойнъ произвестъ быть мастеромъ“, утвержденъ въ этомъ званіи Академ. Совѣтомъ; затѣмъ, за его рачит. службу, ему увеличено было 16 янв. 1804 жалов. съ 150 до 200 р., а 10 іюля 1809 выдано было по 25 к. съ рубля за прод. изъ мастерской въ течение 1808 г. гипс. статуи и бюсты съ антиковъ на сумму 672 р. Кромѣ исправленія хранившихся въ А. Х. античныхъ формъ (1804—10), онъ занимался также глѣбою бюстовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, появляясь на Академ. выставкахъ, какъ напр.: Державина—по портр. Тончи (1822), Шиллера (1824), или. Маріи Феодоровны, графа Строганова, Бортинскаго, Рональда, малолѣт. сына художника (1827), возбуждали похвалы соврем. критики. Въ 1827 онъ назнач. былъ въ Госуд. Адмиралт. Коллегію, вмѣсто акад. Соколова; но удаленный почему-то, при вступленіи Оленина въ президентъ, отъ заним. имъ должности смотрителя за дѣлостью статуи, бюстовъ и формъ въ форматор. мастерской И. А. Х., онъ, состоя въ 9 кл., опред. былъ снова, по его прош., завѣдывать и наблюдать за отливою вещей, съ жалов. по 150 р.—съ 1 сент. 1843.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“ *И. Н. Петрова*, I, 168 (№ 31), 335. 389. 459. 552.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 7/1795, 20/1799, 18/1803, 7/1804, 24/1809, 97/1818, 57/1827, 66/1843, 33/1844, 109/1848 (+), 136/1848, 54/1849, и Президентскія: 33/1818, 32а/1824, 24. 1829.—Отеч. Знал. 1822, XII, 406; 1824, XX, 320; 1827, XXXII, 146.—Журн. Ильяч. Искус. 1825, 70—71.—„Сѣв. Пчела“ 1827, № 119.

Ивановъ, Михаилъ Ивановичъ, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1810. Изъ военныхъ кавалерістовъ Владим. отдѣленія, поступ. на службу 15 сент. 1827.

См. въ Общ. Арх. М. И. Д., оп. 122/556, л. 49, с. 84.

Ивановъ, Михаилъ Ивановичъ, архитекторъ. Воспитанникъ И. А. Х., онъ, находясь въ 3 возраста, отлич. на экзаменъ въ дек. 1811 г. успѣхами въ наукахъ, а 1 сент. 1813 получ. 2 с. м. за archit. композицію. Выпущенный художникомъ 14 кл.—11 нояб. 1814, онъ былъ

опред. архитекторомъ Исполнит. Экспедиціи Адмиралт. Коллеги—4 янв. 1815, а съ 16 іюля 1819 назнач. въ штатъ Тульскаго Оруж. завода, гдѣ служ. еще въ 1830. Отъ жены Вѣры Мих., рожд. Оералонтовой, у него было въ то время два сына: Иванъ (7 л.) и Петръ (5 л.) и 3 дочери.

См. „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“

...И. Н. Петрова, II, 10. 49, и рукоп. зам. его исс.

27. Портретъ М. М. Иванова,
раб. Я. И. Васильева. 1818 г. (въ И. А. Х.).

Ивановъ, Михаилъ Матвѣевичъ, живописецъ. Род. 1748 (т. е. по списку. отъ 28 дек. 1762 показ. 14-ти лѣтъ); ум. 16 авг. 1823 въ СПб., 75-ти лѣтъ отъ роду, въ чинѣ ст. сов. Сынъ солдата л.-гв. Семеновскаго полка (служившаго съ 1751 г.), онъ, вмѣстѣ съ млад. братомъ Архимомъ, былъ принятъ въ Акад. Худож. 3 авг. 1762, по прошенію, гдѣ прописывалось, что они оба „несовершеннолѣтніи, а потому не въ службѣ, но желаютъ служить въ Импер. Университетѣ“, и ходатайствовалося, „дабы именованныхъ ихъ принять въ науки, въ какія, по разсмотрѣнію, способны явятся“. Отличаясь меньшими успѣхами, чѣмъ его братъ, М. И. былъ назначенъ, по представленію рис. съ академіи на экзам. 18 мая 1764, къ лакирному мастерству, но это, повидимому, такъ и осталось въ проектѣ, а онъ сдѣлался ученикомъ живоп. І. Ф. фонъ Грота. Въ 1769, находясь уже въ 5-мъ возрастѣ и состоя по кл. живописному пейзажей, онъ получ. на экзам. 11 мая—2-ю серебр. мед., а 30 іюля 1770, за исполненіе напис. по программѣ картины, изображ.: 1. „оливковое дерево,

на которомъ повѣшаны кирасы, сумы и др. военные знаки съ пменемъ на оныхъ Ея Вел., а подъ онымъ—нѣсколько военныхъ людей и пастуховъ съ пастушками, играющихъ на инструментахъ и веселящихся, (все вмѣстѣ)—украшенное солнечнымъ сіяніемъ, дѣсомъ, полями и ручьями“, заслуж. 2-ю зол. мед., и тогда же выпущ. съ аттест. на званіе художника; послѣ чего, 18 авг. долженъ былъ отправиться въ качествѣ пенсіонера, вмѣстѣ съ Г. Серебряковымъ и Ив. Акимовымъ, въ Дюссельдорфъ, братъ же его Архимъ—въ Парижъ.

Выйдя изъ Кронштадта 18 авг. и прибывъ въ Амстердамъ 21 сент., М. Ивановъ направился, однако, тоже въ Парижъ, котораго и достигъ 23 окт. Тамъ онъ (судя по рап. отъ 1 дек.) опредѣлился въ ученики къ Лепренсу (Le Prince), бывшему въ Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ и познакомившему Зап. Европу съ русс. бытомъ, правда нѣсколько офранцузеннымъ въ его рисункахъ. Какъ видно изъ рап. И—ва отъ 16 марта 1771, онъ „упражняется по совѣту своего мастера и всю зиму будетъ упражняться въ копированіи пейзажей“, изъ рап. же Серебрякова отъ 5 нояб.,—что онъ „съ показаніемъ г. Лепренса дѣлаетъ эскизы и производитъ ихъ въ большой видъ, а остатоки дня препровождаетъ въ рисованіи съ модели“, затѣмъ, изъ рап. Акимова отъ 2 марта 1772,—что онъ „окончилъ композицію: 2. пастуха съ пастушкою, возвращающихся съ паствы (рис. наход. въ Моск. гал. Третьякова; см. „Описъ“ 1894, № 4), и началъ напередъ (pendant) къ оной: 3. домашнее упражненіе, ...а вечернее время упражняется въ рисованіи съ моделей у г. Пажу“, далѣе, изъ его же рап. отъ 2 іюля,—что онъ „оканчиваетъ начатую имъ композицію, которая изображаетъ: 4. время послѣ полудня, вечернее же время препровождаетъ въ рисованіи съ поставленной природы, и посылаетъ въ И. А. Х. картину его композиціи, представляющую домашнее упражненіе во дворѣ“ („Домніе коровы“, размѣр.: 9×12 в.); наконецъ, изъ рап. отъ 16 нояб.—что онъ „началъ для И. А. Х. картину, представляющую: время, приближающееся къ полудню“, которая и была послана въ СПб. еще до 15 мая 1773 (какъ можно заключить изъ рап. отъ того числа, см. дѣло 1773, № 64, л. 3, въ Академ. Архивѣ).

Изъ Парижа бр. Ивановы, вмѣстѣ съ Ив. Бѣльченковымъ, отправились 19 іюня 1773 въ Римъ, судя по рап. отъ того же числа (см. тамъ же, л. 5) и, какъ видно изъ рап. отъ 7 авг., по приѣздѣ туда, М. И. сталъ рисовать съ нат. пей-

28. Доенье коровы, карт. М. М. Иванова 1772 г.
(наход. въ Анад. Худож.).

зажи, а 28 сент. положено было Академ. Совѣтомъ послать всѣмъ имъ аттестаты и деньги на возвратный путь въ Россію, отказавъ въ просьбѣ оставить ихъ тамъ до весны. Однако, М. Ивановъ, какъ видно изъ дѣла о пенсіонерахъ 1775 г. (№ 29), счелъ за благо все-таки остаться въ Италіи съ братомъ, оставленнымъ тамъ съ цѣлю исполненія мрам. барельефа „Крещеніе Ольги“, предназначавшимся Академіею для поднесенія Императрицѣ.

Черезъ 2½ года, 19 дек. 1775, онъ обратился къ Alma Mater съ новой просьбой, гдѣ изъяснялъ, что: „для довершенія начатаго художества, по прошествіи оныхъ, т.-е. назначенныхъ, лѣтъ, чувствовалъ слабость мою, что, возвратясь въ отечество, пользы оному ни мало принести не могу, (и) для сей причины остался въ Италіи, чтобы сдѣлать лучшихъ успѣховъ, теперь же болѣе здѣсь содержать себя не могу и желалъ бы возвратиться въ свое отечество,

но не имѣю способа никакого на оное“, и просилъ перевести ему 200 руб. „для возврата вмѣстѣ съ братомъ сего апрѣля 1776 г., а я по возвратѣ моемъ въ Россію непременно внести оную сумму со всѣмъ ущербомъ, который будетъ отъ переведенія оныхъ денегъ“ (см. тамъ же, л. 45). Несмотря на столь уважит. доводы, Совѣтъ Акад., тѣмъ не менѣе, отказалъ въ этомъ 30 янв. 1776 „за не нахожденіемъ на таковыя расходы по штату никакой суммы“.

Въ томъ же году Рейфенштейнъ, какъ можно видѣть изъ дѣла 1776 г. (№ 27, полул. 10), писалъ 15 іюня, что „М. Ивановъ прибавитъ къ послыжкѣ съ картиною Соколова „Меркурій и Аргусъ“,—5. копію съ Бенедетто Кастильоне и 6. нѣсколько рисунковъ, сдѣланныхъ съ натуры, послѣ того, что онъ послалъ уже, по его словамъ, съ скульптурными произведеніями Архипа Иванова, своего брата, другія копіи (въ томъ числѣ, б. м.,—7. „Видъ моста“ съ Бергема,

размѣр.: $10\frac{1}{2} \times 14$ в.) и оригиналъ собств. работы. Т. к. его манера рисовать казалась чрезвычайно робкой и неопредѣленной,—добавлялъ Р., то я ему далъ нѣсколько этюдовъ, рисов. съ натуры перомъ и тушею. бистромъ г-мъ Гагертомъ, который рисуетъ очень умно и отчетливо, — для того, чтобы Ивановъ могъ заимствовать то, что ему нехватаетъ и что ему подойдетъ, а также приобрести болѣе точности въ своихъ контурахъ, и чтобы онъ, тушуя свои рисунки бистромъ вмѣсто карандаша, могъ приобрести въ тоже время практику работать кистью". Четыре дня спустя, самъ Ивановъ писалъ 19 июня, какъ видно изъ дѣла 1776 г. (№ 28, л. 56, гдѣ наход. и рап. Соколова о томъ же): „Я послалъ мою работу въ И. А. Х.—одну копію съ мастера, назыв. Benedetto Castiglione, которая представляетъ тотъ моментъ, когда Іаковъ отправился въ путь съ Рахилею; съ оной же еще послано 8 рис. („руны“), дѣланныхъ съ натуры, изъ которыхъ два писаны водян. красками; она же наход. вмѣстѣ съ работою г. Соколова. При семъ, прибавляя онъ, мнѣ весьма чувствительно, что успѣхи мои не соотносятся тому, чего И. А. Х. ожидала отъ меня, за все ея матернее обо мнѣ попеченіе".

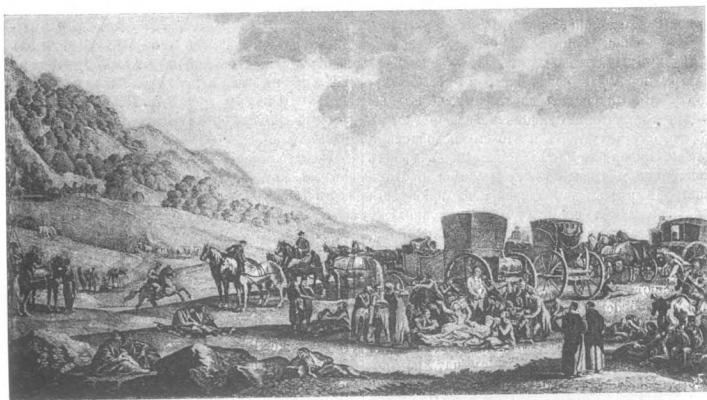
Успѣхъ нарисовать виды Сициліи, Испаніи и Швейцаріи, преимущ. съ изображ. береговъ моря и горъ, М. Ивановъ, по возвращеніи въ Россію, былъ признанъ Акад. Худож. въ публ. собраніи 13 авг. 1779—„назначеннымъ", на основаніи представл. имъ 8. композиціи по живопис. ландшафтовъ, а 14 янв. 1780 Г. И. Козловъ писалъ конфер.-секрет. Фелькнеру, что „его свѣтлость кн. Г. А. Потемкинъ опредѣляетъ къ себѣ въ штатъ сего письмотателя, т.-е. Иванова, и для того требуетъ въ его канцелярію справку: что подлинно ли онъ назначенъ въ академики", вслѣд. чего ему тогда же было выдано необход. свидѣтельство съ упомин., что представл. имъ работа возвращ. ему (дѣло 1780, № 28), а 20 іюля 1785, по представл. 9. работъ, онъ былъ произвѣд. въ академики.

Взятый Потемкинымъ на югъ, съ чиномъ премьер-маіора и съ званіемъ квартирмейстера, Ивановъ долженъ былъ изображать, по его указанію, всѣ мѣстности и событія, чѣмъ либо замѣчательныя. Такъ онъ перерисовалъ 10. виды Тавриды, а затѣмъ, находясь, съ открытіемъ третьей Турецкой войны, при гл. квартирѣ фельдмаршала, изображалъ 11. виды Дунайскихъ крѣпостей: Измаила и Калии и произвелъ акварелью — громадный, по сложности плана, 12. изображенія штурма Очакова (6 дек.

1788 г.), въ 2-хъ моментахъ, изъ которыхъ лучшимъ является „подвозъ на судахъ подкрѣпленій осаждающимъ" (съ его рис.: „Потемкинъ на берегу моря по взятіи Очакова"¹⁾—гравир. Г. Харитоновъ, а „штурмъ Измаила 11 дек. 1790" — Шифляръ, см. *Д. Ровинскаго*: „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ", 1889, алфав.).

По одушевленію, смѣлости и вѣрной передачѣ историч. момента художникомъ-очевидцемъ, его картины штурма оставляютъ далеко за собою собственно виды мѣстностей, лучшими изъ которыхъ могутъ считаться виды Крыма (одинъ изъ таковыхъ наход. у гр. Д. Н. Шереметева; см. „Указат. худож. выст. рѣдк. вещей" 1861, № 122), а изъ нихъ особенно — виды Бахчисарая; 13. виды Константинополя уступаютъ имъ въ силѣ, страдая нѣког. монотонностью, 14. виды же Кавказа (въ томъ числѣ два, по 12×20 в., съ изображ. 3-хъ церквей у г. Арабата на каждомъ — въ Примор. Эрмитажѣ, въ Петергофѣ), исполненные къ тому же очень поспѣшно, оказываются самыми слабѣйшими, также, какъ и 15. виды Мал. Азіи, кажется, исполнявшіеся вдобавокъ съ гравюръ. Главныя достоинства акварелей Иванова — картинный выборъ пункта и вкуса, недостатки же — слабость колорита и недостаточно исправный рисунокъ, хотя перспектива и не представляется ошибочной. Но картины его масл. красками, вмѣсто изображенія живой натуры, даютъ только переднюю, да заднюю декорачію, промежутки которыхъ наполнены довольно слабо, не сдвигая слѣшкомъ рѣзкихъ, доведенныхъ почти до черноты, первыхъ плановъ — съ блѣдыми очертаніями вышнихъ горизонтовъ. Это не помѣшало, однако, соврем. поэту *Н. Жаркову*, брату миниатюрнаго живописца, въ 1789 не только сравнивать Иванова съ Клодъ-Лорреномъ, но даже ставить его выше этого живописца (см. стих. „Давъ знатнѣйшимъ художествамъ — къ талантамъ М. М. Иванова", въ концѣ изд. А. М. Ивановыхъ перев.: „Понятіе о соврем. живописцѣ"). Вообще о немъ отзывались, что онъ „весьма замѣчательный русс. пейзажистъ, заслуживающій особ. вниманія по искусству, съ каковымъ изображалъ животныхъ, и по мягкости манеры, котораго приближ. къ живописи лучшихъ фламандск. художниковъ" (см. *Е. Финера*, „Указат. наход.

¹⁾ У кн. П. В. Вяземскаго былъ грав. портр. Потемкина, масл. краск., въ овалѣ, — типа Иванова (см. *П. Петрова*, „Катал. истор. выст. портрет.", 1870, № 340).

29. Смерть кн. Потемкина-Таврическаго въ Бессараби.
Съ рис. М. Иванова, грав. Г. Скородумовъ 1791 г.

въ Акад. произвед.“, 1842, подъ буквой И., и А. Андреева „Живопись и живописцы“, 1857, с. 517—8).

Послѣдней работой И—ва на югѣ было, вѣроятно, 16. изображеніе смерти Потемкина въ Молдавіи 5 окт. 1791, гравиров. съ его рис. — Гавр. Скородумовымъ и, въ меньшемъ размѣрѣ, Ник. Соколовымъ (1796 г., см. „Сынъ Отеч.“ 1852, VIII, г, 65). Вернувшись со смертію князя въ Петербургъ, И—въ состоялъ консерваторомъ рисунковъ при Имп. Эрмитажѣ, гдѣ наход. въ то время много видовъ Таврич. области и изображеній изъ Турецкой войны (судя по „Разсужденію о свобод. художествахъ“ П. Чекалесскаго, 1792, с. 153 — 4), — въ видѣ альбома изъ 65 рисунковъ (по замѣч. П. Н. Петрова).

Въ 1800 г., марта 6, уже въ званіи совѣтника Акад. и въ чинѣ надв. сов., И—въ былъ опред. членомъ Акад. Совѣта; 14 авг. ему препоруч. былъ кл. живописи баталической, съ производ. жалованья въ размѣрѣ 600 р. въ годъ (дѣла 1800, №№ 23 и 41), а по смерти адъютантъ-рект. С. О. Шедрина — также и кл. живописи ландшафтной съ сент. 1804 (см. дѣло 1804, № 44).

Кромѣ указ. выше работъ, П. Н. Петровъ приводилъ, какъ произведенія М. Иванова: два Крымскихъ вида, поступ. съ галлерей Принци-

никова въ Моск. Музей¹⁾; эскизъ „В“ для образа Арханг. Михаила въ сѣв. двери перв. иконостаса въ Казанскомъ соб., который художникъ брался написать за 1200 р., въ 1804 г., и который былъ выполненъ потомъ Угрюмовымъ; исполненный бистромъ и акварелью для одного изъ конкурсовъ, предлож. Академіи граф. Поттокимъ въ 1806, — сцены въ русс. лагерѣ при Прутѣ въ 1711, изъ которыхъ лучшая представляла Петра I, посылающаго въ Турецкій лагерь Шафирова. Но первая изъ этихъ работъ принадлеж. кисти Ив. Ал. Иванова, подписъ коего и наход. на нихъ, а послѣдующія — скорѣе Андр. Ив. Иванову.

Наконѣцъ, въ 1807, авг. 29, М. Иванову поручено было Акад. Совѣтомъ, во исполненіе

¹⁾ Тоже встрѣч. и въ кн. А. Ивановскаго: „О. И. Принишниковъ и его карт. русс. галлерей“, СПб. 1870, с. 126 и 179 (заимств. изъ изд. А. Андреева: „Карт. галлерей Европы“ 1862, №10), хотя тамъ же, на стр. 88, замѣч., что пейзажи эти „принадлеж. къ весьма удачнымъ опытамъ развивавшагося таланта живописца, въ дѣлѣхъ умершаго“ (заимств. изъ брош. И. Амичкова: „Описание карт. галлерей т. с. О. И. Принишникова“, СПб. 1853, с. 7 — 8), чего никакъ нельзя бы было сказать про М. М. Иванова, сконч. въ глубокой старости.

Высочайшей воли, рассмотрѣніе и необходимое исправленіе, отъ замѣчен. Императоромъ погрѣшностей,—чертежей, принадлеж. къ издан. Правительствомъ на русс. языкѣ сочиненію объ овцеводствѣ и препровод., выстѣ съ опис., Мин.—ствомъ Внутрен. Дѣлъ къ Президенту Академіи.

М. Ивановъ былъ женатъ на вдовѣ грав. Скородумова († 1792), Маріи Ив., родомъ англичанки, очень хорошей гравершѣ карандашной манерой, и домъ ихъ посѣщался лучшими людьми того времени.

Изъ учениковъ Иванова извѣстны были: Еремол. Исаковъ (1809), Сильв. Щедринъ, Владиміръ Мошковъ, Николаѣй Мышинъ и др. (1812). Портретъ его, напис. „вазначеннымъ“ Васильевымъ въ 1818, наход. въ Акад. Художествъ.

Довольно подробная біографія этого художника, написанная, правда, нѣсколько кудряво, была помѣщ. *П. Н. Петровымъ* въ „Примѣч.“ къ его „Сборнику матер. для исторіи И. А. Х.“ 1864 г. (подъ № 95). Она послуж. источникомъ для болѣе краткаго извѣстія, напечат. *А. И. Сомовымъ* въ его „Карг. Галлерей И. А. Х.“, 1872 (I, с. 149), съ прибавленіемъ нѣкотор. свѣдѣній изъ того же „Сборника“. Некрологъ же Иванова появился еще въ „Отеч. Зап.“ 1823, (XVI, 141). — При составленіи нашего очерка были приняты въ расчетъ, какъ назв. статьи, такъ и „Сборникъ“ *Петрова*, I, 742, 98, 124, 776, 126—7, 140, 141, 630, 190, 389, 411, 414, 468, 503, 540; II, 36, 188 (†), а равно дѣла Архива И. А. Х.: 28/1780, 28/1800, 41/1800, 44/1804, 36/1805, вышеупом. изданія и отзывы современ. критикъ. — У *Наллера* въ его „Künstler-Lex.“, VI, 516, онъ являе упом., да и то безъ имени.

Ивановъ, Михаилъ Павловичъ, архитекторъ. Сынъ кол. асс., онъ обучался съ 18 авг. 1852 до 18 дек. 1864 въ Москв. дворц. Архитект. Училищѣ и, по собств. желанію, вышелъ изъ послѣд. его отдѣленія, а въ 1865, за „проектъ тюремнаго пересыльнаго замка“ (бывшій на Акад. выст. того года), удостоенъ былъ званія некл. художника отд. Имп. Акад. Худож. и служилъ архитекторомъ при Голицынской больницѣ въ Москвѣ (вылитъ до 1885).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 14/И.—Указат. выст. въ И. А. Х. 1865, 2.—Ср. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 437.

Ивановъ, Михаилъ Петровичъ, живописецъ. Род. 1836, ум. 16 марта 1875. Сынъ отстав. унтеръ-офиц. Корпуса Инжен. Путей Сообщ., послѣ первонач. обученія въ СПб. Рисов. школѣ для вольноприход., поступ. съ 1 янв. 1856 въ ученики Акад. Худож., представивъ, кромѣ

рисунковъ, скопировавъ нѣмъ головку масл. краск., и просилъ объ увольненіи его изъ воен. вѣдомства для безпрерывн. занятій въ Акад. и получения званія художника; но, по Высоч. повелѣнію, ему разрѣшено было, оставаясь рядовымъ I роты I отд. I округа П. С., обучаться въ Акад., а въ 1862 (нояб. 15), находясь въ нат. класстѣ, онъ былъ удостоенъ званія учт. рисов. въ уѣзд. училищахъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 13/И.

Ивановъ, Михаилъ Федоровичъ, живописецъ. Род. 14 нояб. 1850 въ СПб. Сынъ СПб-го 3-й гильдіи купца, онъ, по увольненіи СПб. Купеч. Управою, поступ. въ авг. 1868 въ вольнослушающіе Акад. Худож., гдѣ и продолжалъ занятія до 1875 включит.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 2/И.

Ивановъ, Михаилъ, пущечный мастеръ 1622—42 въ Москвѣ. Ученикъ Алексѣя Якимова.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Михаилъ, рѣзного и столярнаго дѣла мастеръ 1696 въ Москвѣ. Упом. 14 сент., въ числѣ другихъ, какъ отосл. изъ Оруж. Палаты во Владимірскій Суд. Приказъ, для посылки въ Воронежъ къ кораб. дѣлу.

См. (*Г. В. Есипова*) „Сборникъ выписокъ изъ архив. дѣлъ о Петрѣ В.“, I, 162—3, § 593 (изъ ст. 206 г. № 9).

Ивановъ, Михай, иконописецъ сред. статьи 1666—70 въ Москвѣ. Родомъ изъ Пскова, былъ у письма: въ 1666 — въ Арханг. соб. и въ ц. Спаса, въ 1670 — въ с. Коломенскомъ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 68, 75, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149.

Ивановъ, Модестъ Александровичъ, архитекторъ. Род. 2 окт. 1849 въ Елизариногофѣ. Сынъ кол. сов., служившаго въ Комиссаріат. Деп. Воен. Мин., ватѣмъ въ Туркестан. Воен. Округѣ (помощникомъ окруж. начальника), обучался съ 27 окт. 1860 по 18 окт. 1867 во 2-й СПб. гимназій, до IV кл. включит., — пенсіонеромъ Гл. Интенд. Управл., а въ авг. 1868 поступ. въ ученики Акад. Худож. По полученіи же серебрян. медалей: 2-й, окт. 2-го 1871, за проектъ „биржи“ и 1-й, марта 2-го 1874, за проектъ „театра на 500 чел.“, возвед. былъ 29 сент. 1877 въ званіе кл. художника 3-й степ. съ представл. въ 1878 проекта „кам. часовни во имя св. равноап. кн. Владиміра“, 29 окт. 1882 — въ званіе худ. 2 ст. съ представл. проекта „церкви на 1000 чел.“ въ Ярослав. губ., 2 нояб. 1885 — въ званіе худ. 1 ст., а 4 июня 1887 — въ званіе академика по

проекту „пассажирскаго зданія конеч. станціи жел. дороги“, состоя на службѣ при Мин. Внутр. Дѣл. Ему принадлеж.: 1) постройка и 2) перестройка домовъ — Андріянова по Преображенской ул., 2-хъ гр. Шувалова по Миліонной ул., Дьяконова по Торговой, бывшаго Воейковой и гр. Менгдена по Невскому пр., и до 10 дачъ въ окрест. Петербурга (на Камен. Островѣ, въ Колпинѣ и др.). Кромѣ того, участвов., въ качествѣ помощника инжен. полк. Покатилова, при разныхъ казен. постройкахъ, какъ, напр., домовъ: Краснаго Креста въ Инженерной ул., для Инжен. Управленія въ Караванной, Штаба Гвард. Корпуса по Миліонной и др., а также въ худож. отдѣлѣ квартиръ: кн. Васильчикова по Дворцовой набер., кн. Волконскаго по Мойкѣ, въ д. Николаева на Невскомъ, и въ декорат. работахъ по 2-мъ конскимъ выставкамъ въ большомъ манежѣ; наконецъ, въ устройствѣ кад. лагерей въ Петергофѣ и въ передѣлкѣ чертежей церквей, по порученію Технич. Комит. М. В. Д.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 3/И.

Ивановъ, Моисей (Мосейка), знаменщикъ. Упом. въ дѣлахъ Моск. типогр., выстѣ съ Д. Исаевымъ, только однажды—11 дек. 1620.

См. *В. Румянцова* „Свидѣнія о гравиров. и граверахъ при Моск. Печ. дворѣ“, Б. 4, въ отд. изд. и въ кн. *Д. Ровинскаго* „Русс. граверы“, М. 1870.

Ивановъ, Несторъ, колокольныхъ дѣлъ мастеръ, Псковской художникъ. Его литыя колоколѣ: одинъ, 1557 г., наход. въ Моск. Вознес. мон.; другой, 1559 г., подъ назв. „Татаринъ“, — на колоколенѣ Иванъ Великій.

См. *И. Сахарова* „Обозрѣніе русс. археол.“, 1851, с. 33.

Ивановъ, Нехорошій, иконописецъ Балахонскій въ Москвѣ. Въ 1642, іюня 6, писалъ, вмѣстѣ съ Эраст. Прокофьевымъ Балахонскимъ и Род. Григорьевымъ изъ Юрьева Поголовскаго, „свѣдное письмо“ въ Успенскомъ соб., за чѣмъ получ. „государ. жалованья, поденнаго корму 6 алт. 4 деньги“, а въ 1643, апр. 1-го, олимпилъ, съ 5-ю товарщицами, слюдов. двери тамъ же.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 410 и 411 (изъ прих. расх. кн. Ор. Пал. за № 944/973). — *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 9, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школы иконопис.“, 149.

Ивановъ, Никита, золот. дѣлъ мастеръ при Моск. Оруж. Палатѣ. Упом. въ докум. 1677—82 гг.

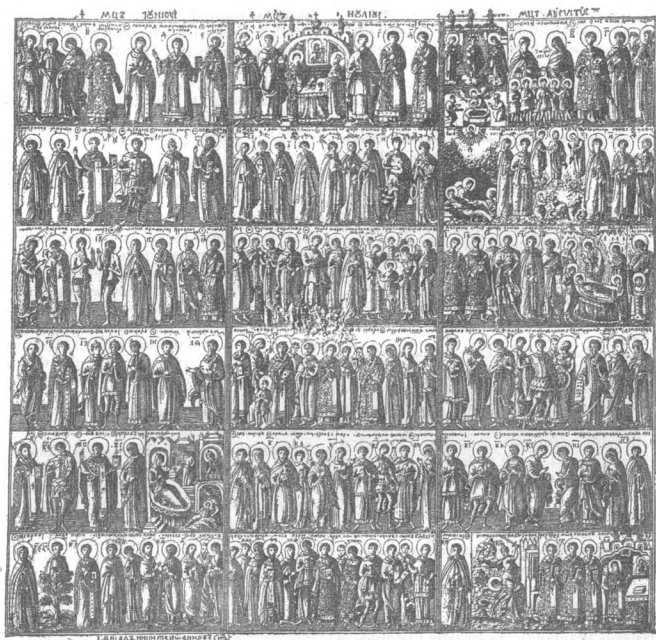
См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ (собств. Іоанновъ-Пинторовъ), Никита, Моск. иконописецъ, одинъ изъ исполнителей такъ назыв. „Каппониановыхъ досокъ“, 1668—89. Доски эти представл. лицевые святцы, пис. на 5-ти дерев. квадратахъ изъ Ливанскаго кедра (?), расположенныхъ крестомъ, и изъ которыхъ средній содержитъ изображенія праздниковъ, а 4 конечные — святыхъ грекоросс. церкви по мѣсяцамъ, съ обозначеніемъ именъ и чиселъ. На трехъ изъ нихъ есть надписи художниковъ: подъ сентябремъ, октябремъ и ноябремъ—„писалъ Сергій Васильевъ“; подъ мартомъ, апрѣлемъ и маемъ—„писалъ Андрей Ильинъ“; подъ іюнемъ, іюлемъ и августомъ—„писалъ Никита Иованновъ с-нъ.“ Изображ. тутъ святые—тѣ же, что и въ Византинскомъ или Греч. Менологій, распис. по повелѣнію имп. Василия Порфиророднаго греч. художникомъ около 984 г. и изд. стараніемъ кардина. Анниб. Альбани въ Урбино въ 1727, въ л. („Menologium Ecclesiae Graecae“),—кромѣ св. Кирилла, апост. славянъ, и св. Саввы, патр. Сербскаго. Необыкновен. блескъ письма, нѣжность или тонкость красокъ, и даже правильность рисунка удивляли итальян. художниковъ, а ученые думали, что такія краски могли быть составлены единственно изъ сока неизвѣст. травъ, или к. л. химич. смѣшенія. Но гладкость и тонкость красокъ, столь удивительныя для нихъ, происход. отъ того, что наши иконописцы, разводя оныя личнымъ бѣлкомъ, послѣ лощили обыкновенно одежду и лица на образахъ—зубомъ или др. подобнымъ веществомъ.

По преданью, назв. доски принадлежали сперва Петру I, который подарилъ ихъ своему духовнику (?), свящ. Герасиму Фокѣ, родомъ изъ Кефалоніи, бывшему нѣск. лѣтъ пресвитеромъ въ ц. св. Георгія въ Венеціи; послѣдній, возвращаясь въ отечество, ум. въ Константинополѣ отъ язвы и оставилъ эти картины своему брату Марину Фокѣ, а тотъ, вернувшись въ Италію, продалъ ихъ за 30 скуди (300 червонцевъ) маркизу Маркію Александру Григорію Каппонию, подарившему ихъ потомъ въ Ватиканскую бібліотеку, какъ бѣднѣное пропавшее древняго русс. искусства.

Въ Имп. Публ. Библ. въ СПб. хранятся мѣдныя гравиров. доски и старинные отпечатки съ нихъ, крестообразно располож., съ воспроизведеніемъ Каппониановыхъ картинъ.

Западные ученые долго спорили о времени ихъ исполненія. По *М. Каппони* (издававшему о нихъ цѣлую книгу на итальян. языкѣ въ 1731) и по *Им. Кульчинскому* (Ign. Kulczynski „Specimen

30. 4-я из Каппониановых досокъ,

раб. Никиты Иванова Пикторова, 1668 г.

Ecclesiae Ruthenicae“, Roma 1738, p. III), онѣ могли явиться въ княж. св. Владимира (980—1015), или искорѣ послѣ его смерти, когда Греч. Имперія была еще въ дѣтущемъ состояніи; по *Н. К. Фальконію* (Nic. Carmin. Falconius „Ad. Carponianus Rathen. tabulas commentarius“, R. 1755), *I. C. Assemani* (Jos. Sim. Assemani „Kalendaria Ecclesiae universae, Roma 1755, t. I, p. 1, 43, 82) и *Фиорилло* (Fiorillo „Versuch einer Gesch. der bild. Künste in Russland“, Götting. 1806, S. 5; русс. перев.—въ „Худож. Газ.“ 1838, с. 517 и сл.), онѣ могли быть писаны въ половинѣ или подѣ конецъ XIII в.,—т. е. на нихъ представлены святые, празднованія которыхъ установлены въ XIII в., напр.: Савва, патр. Сербскій († 1250), но нѣтъ

святыхъ, прославившихся послѣ XIII в.,—и исполнены афонскими монахами, въ к. л. сербскомъ или болгарскомъ мон., ибо русские основались тамъ лишь послѣ XIII в.; по *Винкельману* онѣ относ. къ XV в.; по *Барамзину* же („Исторія Госуд. Россійск.“, III, прим. 258) онѣ могли быть произведеніемъ XVII в., потому что до посѣд. времени у насъ писались святцы съ изображеніемъ только греч. святыхъ. Но въ „Журналѣ Изыщныхъ Искусствъ“ и *И. О. Бузе* 1807 г. (II, 26—50, перев. съ лат.: „De antiquissima pictura Russica, in primis de tabulis pictis Carponianis, auct. Th. Buhle“, M. 1807, 4°), и *В. И. Григоровича* 1823 г. (I, 53—61), а также въ „Справ. Энциклопед. Слов.“ Крайя, 1847 (VI, 506) и въ кн. *А. Андреева* „Живопись и живопис-

цы", 1857 г. (с. 470), — назв. картинамъ приписыв. бблшая древность. Однако уже въ „Худож. Газ.“ 1888 (с. 318) и 1841 (№ 22, с. 3) подтверждалось предполож. нашего историка, а *И. Снегиревъ*, въ своихъ „Памятникахъ Моск. древности“, 1842 (с. LXVI и CX), доказ. уже несомнѣнно, на основ. стоабиновъ объ иконопис. дѣлахъ Придв. Архива 1660—74 гг., что подписавшіеся подъ Каппониан. досками иконописцы жили въ Москвѣ въ 1667—89 гг., что повтор. и *И. Некрасовъ* въ „Древностиахъ, или Археолог. Вѣст.“, М. 1867—68 (с. 164). Между тѣмъ въ новыхъ „Энциклопед. Словаряхъ“: *А. Гарбеля* (А. Граната), М. 1894 (IV, 2050), и Брокгауза—Ефрона, СПб. 1895 (XIV, 394, въ зам. *А. А. С.*), благодаря, очевидно, перепечаткамъ изъ прежнихъ подобныхъ же изданій, поман., образа опять выд. за произведенія XII в. или вообще за „древнѣйшія изъ русс. иконъ визант. пошиба“.

Доски Каппониановы, какъ наруж. видомъ и содержаніемъ, такъ и живописью, отличаются отъ друг. подобныхъ же святцевъ: 1) извѣст. подъ назв. „Болландіанскихъ картинъ“, „пис. отъ сотвор. міра въ л. 7136“ (какъ помѣч. подъ 80 сент.), т.-е. 1628, — болѣе грубо; расположен. по порядку 12-ти мѣсяцевъ и представл. — тоже изображенія святыхъ, въ томъ числѣ и признанныхъ послѣ XIII в., съ обознач. именъ и дней; приобрѣт. въ Москвѣ ок. 1673 иезуитомъ Дан. Палехрохіемъ, бывшимъ чрезвычайч. посланникомъ отъ Голландіи при русск. дворѣ; издан. имъ съ отцами Болландіанскими, съ приложеніемъ гравиров. изображеній (см. „Acta Sanctorum“, I, Mai, 43 sq.), и хран. теперь въ Лейденѣ; 2) такъ назв. Менологіемъ Маркіа Локателліа, по имени новаго владѣльца ихъ, и гравиров. въ соч. Пачиавдіа (Pasciaudi „Antiquitates Christianae de cultu S. Ioannis Baptistae“, dissert.“, I, 112—124). Къ этому не мѣшаеъ прибавить, что, по свидѣтельству *Іоанна Комнена*, медика конца XVII в., въ его описаніи Аѳонской горы, на ново-греч. языкѣ (Іоанес Комненус „Dissertatio montis Atho“, lib. VIII, ap. Montfaucon „Paleographia Graeca“, p. 486), тамъ были въ то время, кромѣ 100 слишкомъ серебр. и вызолоч. образовъ Московскихъ — на клиросѣ и въ алтарѣ мон. Ватопедія и многихъ такихъ же изображеній, иску. но и совершенно отдѣланныхъ, — въ храмѣ мон. св. Павла, еще — 12-ть изображеній Московскихъ, кои представл. святыхъ, празднуемыхъ каждый мѣсяцъ, и украс. правый клиросъ въ храмѣ мон. Симона Петра.

Помимо исчисл. выше изданій, см. также *И. Забѣлина*, „Матер. для исторіи русс. иконопис.“, 99; *Д. Ровинскаго*, „Исторію русс. школы иконопис.“, 149, 174, и „Русс. Народ. Карт.“, IV, 686.

Ивановъ, Николай, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1779. Изъ мастеровъ дѣтей, вступ. на службу въ 1796 и наход. въ 1811—14 въ командѣ маст. М. Мокначева.

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, д. 11, с. 49 (1803 г.); д. 13, с. 68 и 171 (1806 — 07 г.г.); д. 16, с. 65 и 136 (1811—12 г.г.); д. 18, с. 46 и 123 (1813—14); д. 20, с. 5 (1814 г.).

Ивановъ, Николай Александровичъ, живописецъ. Художникъ-любитель, лишенный возможности посѣщать И. А. Х., но имѣя привязанность къ живописи, онъ отдавалъ ей все свобод. отъ службы время, въ теченіе 18 лѣтъ, а по выходѣ въ отставку (кол. регистр.) смотрѣлъ на нее какъ на единств. средство къ пропитанію. Представляя на Академ. выст. 1872 эту дѣ съ нат. „1-е Партолово“, онъ прос. объ удостоеніи его званія своб. художника, но прошеніе это было оставл. безъ уваженія. Грав. на деревѣ съ его рис. (раб. С. и К^о, т.-е. Стрякова) помѣщ. во „Всем. Иллюстр.“ того же года (т. VIII, с. 181. 308—9. 324).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 74/1872 и „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1872, 136.

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ, живописецъ (?). Ученикъ И. А. Х., онъ получ. въ 1796 званіе отличія; затѣмъ, находясь въ 5 возрастѣ, — 2 с. м. за рис. съ нат., 18 мая 1801 (выд. 11 дек. 1802), и аттестат. 1 ст., 1-го сент. 1803, а по оконч. курса съ званіемъ художника 14 кл., поступ. на службу переводчикомъ и помощникомъ бібліотекаря тамъ же — 1 мая 1804; произвед. въ губ. секр. — 31 дек. 1807 и въ кол. секр. — 31 дек. 1810; увол., по прошенію, для опредѣленія къ др. мѣсту — 1 июля 1812; служ. съ 10 янв. по 30 іюня 1820 — канцел. чиновникомъ при Деп. Дух. дѣлъ; поступ. съ 1 іюля т. г. гувернеромъ и учителемъ русс. языка, а съ 1 мар. 1821 на прежнее мѣсто въ Акад.; произвед. въ тит. сов. — 10 іюля 1821; увол., по прошенію, — 15 окт. 1830.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, I, 347. 422 и 434. 451. — Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 25/1804, 37/1812, 27/1831 и Президент. 54/1824.

Ивановъ, Николай Григорьевичъ, граверъ Морской типогр. Род. 1779, ум. послѣ 1830. Сынъ бывшаго воспитанника И. А. Х., въ бытность гравировальн. ученикомъ (Дружинина?) при Морской типогр. — съ 10 нояб. 1793, ему дозволено было учиться рисов. и гравиров. въ Акад. Худож., а „за извѣст. степень достигнут. искусства“, онъ произвед. былъ 17 апр. 1810 въ граверы, затѣмъ 12 дек. 1816 — въ 14-й кл.,

наконецъ (послѣ получения наградъ въ 1813, 17, 19 и 29 г.г.), 21 апр. 1830 — въ 12-й кл., служа граверомъ Гидрограф. Депо Морск. Штаба. Ему, вѣроятно, принадлеж.: ландшафтъ со строеніями, въ м. л., въ д., съ подп.: „гравировалъ Никол. Ивановъ“.

См. формул. спис. по мѣсту его служ.

Ивановъ, Николай, граверъ пунктиромъ Бекетовской школы. Ученикъ А. Осипова, онъ гравиров. портреты для Моск. падацій: 1) „Собрание портретовъ, издав. П. Бекетовыхъ“ (гр. О. А. Головинъ: размѣр.: $3.9 \times 3\frac{1}{4}$), и А. Л. Ординъ-Нащокинъ, — въ „Собрании портретовъ россиянъ знаменитыхъ“, 1821, 4^е; гр. Г. И. Головкинъ; кн. В. А. Долгоруковъ-Крымскій, 1811; гр. А. Г. и Г. Г. Орловы; гр. А. И. Остерманъ; гр. П. И. Панинъ; гр. П. С. Солтыковъ; кн. А. М. Черкасскій — въ числѣ неизд. портретовъ; 2) „Пантеонъ рос. государей“, Е. Филипповаго, въ тип. П. Бекетова, 1810, 4^е (в. к. Василій II); 3) „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ... Петра В.“, соч. Д. Вантышъ-Каменскаго, 1812, и во 2-мъ изд. 1821, 8^е (2. Ф. Я. Лефортъ; гр. О. А. Головинъ, размѣр.: $4\frac{1}{2} \times 3.2\frac{1}{2}$ во франц. дюйм. и лин.; 5. кн.-кесарь О. Ю. Ромадановскій; 6. гр. О. М. Апраксинъ; кн. А. Д. Меншиковъ; 11. гр. Я. В. Брюсъ; 12. Я. О. Долгоруковъ; 23. гр. А. И. Ушаковъ, — всѣ съ рис. Я. Аргунова); 4) Вас. Логанова, 1815 и 1822 (Имп. Александръ I, размѣр.: $18\frac{1}{2} \times 15\frac{1}{2}$ и $19.6\frac{1}{2} \times 15\frac{1}{2}$, оба съ рис. L^{ds} de St. Aubin).

См. *Д. Ровинскаго* „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав., и „Биограф. замѣтки“ о немъ *И. Остролазова* въ „Русс. Худож. Архивъ“ 1892, I, 43, № 12 (гдѣ у фамиліи этого гравера поставл., однако, инициалы: К.).

Ивановъ, Николай Николаевичъ, архитекторъ. Род. 1834, ум. г. Воспитанникъ Строит. Учил. съ 23 авг. 1847 по 17 июня 1854, на счетъ Гл. Управл. Путей Сообщ., онъ былъ выпущ. оттуда съ чиномъ XIV кл. и назнач. городовымъ архитекторомъ въ Петропавловскъ, Тобольской губ.

См. *Г. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 131, и, служ. ему дополн., рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Николай Павловичъ, архитекторъ. Род. 1858. По окончаніи курса Строит. Учил. въ 1882, онъ былъ назначенъ млад. инженеромъ Строит. отд. Нижегород. губ. Правл., но въ 1883 вышелъ въ отставку и вскорѣ опред. на должность архитектора Нижегород. Ярмар.-Гостин. двора.

См. *Г. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 131.

Ивановъ, Николай Петровичъ, живописецъ. Изъ вольвоутищ., состоя ученикомъ 4 возраста въ Акад. Худож., онъ выстав. тамъ въ 1830 картину: „Крестьянинъ учитъ своего сына грамотѣ“, и, наконецъ, по представл. имъ (на Академ. выст.), въ качествѣ постор. ученика Акад., 2-мъ портретамъ съ пат. (мужскому и женскому), удостоенъ былъ 19 сент. 1839 — званія свобод. художника.

См. „Списокъ худож. произвед., выставл. при открытіи И. А. Х.“ 1890, № 232 въ „Русс. Инвал.“ того года, № 329; „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 5, и въ Архивъ И. А. Х. дѣло 67/1839, л. 136.

Ивановъ, Николай, живописецъ. Ученикъ Моск. Худож. класса (внѣслѣд.—Учил. живописи и ванія), онъ, за успѣхи въ рисов. и живоп., получилъ похв. листъ 2-го дост.—въ 1835; а въ 1839 выстав. въ томъ же Учил.—свои рис. карандаш. и въ Акад. Худож.—этюды: „Старуха съ дѣвочкой“ и „Старикъ опир. на палку“, послѣ чего удост. былъ 15 дек. того года (съ утвержд. въ Обществѣ Собраніи въ сент. 1840) — званія некл. художника и поступ. учителемъ рисов. въ Рязанскую гимназію. Затѣмъ на Акад. выст. 1849 представилъ пис. съ нат. картину своей раб.: „Дѣѣ Рязанскія крестьянки въ ихъ народ. костюмахъ“ (размѣр.: $1\text{ а. }13\frac{1}{2} \times 1\text{ а. }6\frac{1}{2}$), съ просьбой озадачить ему прогн. на званіе академика; но ему предлож. было въ нолб.—написать впередъ карт. на званіе „назначеннаго“.

См. „Моск. Наблюдат.“ 1835, II, 174, и 1839, II, свѣсь. 51.—„Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, II, *Н. Петрова*, II, 391. — „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 11, а также рукоп. катал. Академ. Музея, № 2087. — Въ Архивъ И. А. Х. дѣла: 4/1849, л. 62, и 8/1849, л. 269.

Ивановъ, Николай, живописецъ. За представл. имъ на Академ. выст. 1853 портр. NN, онъ получилъ 24 сент.—званіе некл. художника, а въ 1857 выстав. въ А. Х. портретъ гр. Д. Н. Толстаго.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, II, *Н. Петрова*, III, 203.—„Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1853, 135, и 1857, 183.

Ивановъ, Николай Ѳеодоровичъ ¹⁾, рѣзчикъ по дереву и скульпторъ. Род. 3 дек. 1767. Принятый въ А. Х. въ 1773, 6-ти л., онъ былъ художникомъ съ 1782.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...

¹⁾ Другой **Ивановъ**, Николай Филипповъ, род. въ 1758 и былъ прин. въ А. Х. въ 1764; см. „Сборникъ“ *Петрова*, I, 159, № 8.

П. Н. Петрова, I, 164 (№ 51) и рукоп. зам. его же.

Ивановъ, Обросимъ, см. Абросимъ.

Ивановъ, Олферъ, серебряникъ при Моск. Оруж. Палатѣ. „Амбургскіе земли иноземецъ“, онъ былъ отпуш. въ 1861 „за море по жену“, а въ 1864 выѣх. изъ Москвы съ женою, троими дѣтьми и ученикомъ.

См. *И. Забѣлина*, „О металл. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Осипъ, Моск. пушечный мастеръ. Въ 1679 вылилъ, наход. на Кремл. площади въ Москвѣ, пицаль двухфунт. калибра („ядро 2 гривенки“), вѣс. 23 пуда 30 фунт., дл. 3 арш. 10 верш., съ изобраз. двугл. орла и льва на дульной части и съ надп.—на казенной. Кромѣ этой, такихъ пушекъ въ СПб. и Моск. арсеналахъ сохрэн. 6-ты: всѣ онѣ сходны по формѣ и надписямъ, но различны по вѣсу.

См. *Н. Мурзакевича* въ „Ж. М. Н. П.“ 1833 XIX, 550. — *И. Сахарова* „Обзор. русс. археол.“ 33. — *И. Забѣлина*, „О металл. производ.“, 119 (только упом.)

Ивановъ, Осипъ Александровичъ, живописецъ. Род. 1783 г. Припѣтый въ Акад. Худож. въ 1795 г., онъ выстав. тамъ въ 1804 свою карт. „Лѣтній жаръ въ полдень“, а затѣмъ, состоя въ 4 возрастахъ, былъ уволенъ по прошенію, опредѣленіемъ Совѣта 14 апр. 1806, изъ учениковъ ладшафтного класса, съ аттестат. 1-й ст. и шпагою, для поступленія учителемъ рисов. къ гр. Ѳ. В. Растопчину.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, I, 328 (№ 52) и 476. — *Сѣв. Вѣстн.* 1804, III, 226. — Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 10/1806, л. 30—31.

Ивановъ, Павелъ, скульпторъ (квадраторъ). Род. 1727, поступ. на службу въ Кантору Строепія въ 1749 и, послѣ нахожденія при постройкѣ Александра Невскаго мон., былъ присланъ 8 іюля 1790 въ команду Тимофея Насонова.

См. формуляръ въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, л. 5, с. 22 (1791 г.).

Ивановъ, Павелъ Алексѣевичъ, миниат. живописецъ. Род. во 2-й полов. 1776, ум. 10 марта 1813 въ СПб., 35-ти лѣтъ (?), отъ водяной. Сынъ проф. И. А. Х., онъ былъ принятъ туда по прошенію отца, 19 мая 1789 г., 13-ти лѣтъ, прямо въ 3-й кл.; 26 янв. 1790, находясь въ 3 возрастахъ, назнач. въ кл. живописи на финифти къ совѣт. Жаркову; 14 авг. 1791 получ. за рис. съ нат.—2-ю с. м. и 21 окт. 1794 г.—1-ю, а также 2-ю в. м. за исполненіе зад. 31 дек. 1793 программы: „Женщина, играющая на арфѣ“; наконецъ, 19 дек. 1797 г.—1-ю з. м. за „Жертвоприношеніе

Ноево“, выѣстъ съ аттест. 1 ст. и шпагою. Оставленный пенсіонеромъ при Акад. „для вящаго въ художествахъ познавія“, съ назнач. ему жалованья по 150 р. въ годъ, начиная съ 1 янв. 1798, онъ былъ опред. 20 дек. того года для обученія учениковъ рисованію. По полученіи похвалы 18 іюля 1799 за сдѣл. работу, ему задана была прогр. на званіе „назначеннаго“, въ которое онъ и былъ возвед. 18 авг. 1800. Оставаясь попрежнему при живоп. классѣ, въ помощь профессорамъ, онъ былъ допущ. 8 дек. 1802 къ баллотировкѣ въ академію по миниат. живописи, а 11 дек. удостоенъ этого званія „по работѣ, представл. въ миниатюрѣ группы разныхъ персонъ“; 12-го же октября 1804 ему препоруч. быть кл. живописи миниатюрной, выѣстъ съ отпавл., за смертью Родчева, должности адъюнкта-проф. „до прибытія дѣйствит. адъюнкта-профессора изъ отравившихся въ чужіе края пенсіонеровъ“, съ жалов. по 400 р. въ годъ (вмѣсто прежнихъ 200), при кварт. съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Произведенный въ совѣтники 1 сент. 1806 „по отличному усердію въ отравленіи должности и по признан. способностямъ“, И—въ сталъ получать съ 8 февр. 1808 штатное жалованье по 600 р., а послѣ его смерти ученики его перечислены были, впродъ до распоряж., въ кл. портретной живописи. Т. к. „въ послѣдніе годы службы его, какъ сказ. въ опред. Совѣта А. Х. отъ 14 іюля 1814, онъ былъ поведенія не такового, которое бы заслуживало одобренія и при каковомъ онъ могъ бы исправно отправлять свою должность, то ...еда ли бы заслуживалъ пенсіона“, а потому и вдовѣ его Розѣ Ивановой, выпедшей къ тому же вскорѣ замужъ за Клаверкова, отказано было не только въ назнач. пенсіи, но и въ единовремен. выдачѣ годов. жалованья ея перваго супруга.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 151, 503, 335, 365—7, 378, 390, 415, 431, 433—4, 484; II, 41. — Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 10/1789, 115/1808 (?), 41/1806, 9/1808, 23/1813 и 73/1813. — „Мысли“, 1840, с. 176, и *Nagler's, Künstler-Lex.* VI, 515. (лишь упом.).

Ивановъ, Павелъ Иван., архитекторъ. Ученикъ А. Х. (съ 1788), онъ получ. 23 авг. 1802—2-ю с. м. за архитект. композицію, а въ мартѣ 1803 былъ увол. по прош., изъ уч.—въ 4 возрастъ, съ аттест. 2 ст. Ему, въ бытность его архитект. помощникомъ, принадлеж. быть можетъ, бывшіе на Академ. выстав. 1804 два вида: „Базакавы въ Тавридѣ“ и „церкви въ Липецкѣ“ (см. „Сѣв. Вѣст.“ 1804, III, 232).

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, II, 430, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 3/1803.

Ивановъ, Павелъ, живописецъ въ Москвѣ до 1848. Род. 1828.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Парфентъ, рисовальщикъ. Былъ ученикомъ А. Шхонебека 1705 г. въ Москвѣ.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказовъ“, II, 482 (изъ дѣл Ор. Пал. за № 995/315, л. 585 и сл.).

Ивановъ, Петръ, иконописецъ кормовой при Моск. Оруж. Пал. Въ 1615, іюня 30, получил жалов.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказовъ“, I, 129 (изъ расх. кн. Ор. Пал. за № 277/896).

Ивановъ, Петръ, иконописецъ Изуграфской Палаты въ Москвѣ. Въ 1659 былъ присл. изъ Тр.-Серг. мон.; въ 1670 работ. тамъ; 25 сент. 1725 похоронилъ въ Ямской мал. сына Ивана.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для истор. русс. икон.“, 18, 113, и *Д. Говинскаго* „Исторію русс. школъ иконоп.“, 149, а также рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Петръ, золот. дѣлъ мастеръ въ Москвѣ. Въ 1658 дѣлалъ, по указу патр. Никона, золот. ризу на чудот. икону Владимірскія Богоматери, чтѣ въ Успенскомъ соб.

См. „Древности Росс. Госуд.“ I, 71 (изъ кн. Патриарш. Казен. Прик. 7166 г., № 64). — *И. Сазарова* „Обозр. русс. археол.“, 33, и *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Петръ, серебряникъ при Моск. Ор. Пал. 1662, родомъ полякъ; другою (?)—1687 г. См. *И. Забѣлина*, тамъ же, 119.

Ивановъ, Петръ, архитекторъ, Род. 1738 г., ум. г. Изъ разночинцевъ, наход., въ качествѣ „архитектурн ученика“, на службѣ при Конторѣ строенія Села Царскаго, въ командѣ архит. Неѣдова, съ 1752 г., на жалов. по 102 р. въ годъ, и оказалъ хорошаго способностей какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, почему былъ представл. въ февр. 1772 къ пропоз. водству въ помощникъ 2-го кл., съ соответств. содержаніемъ, которое и было увеличено ему до 120 р. въ годъ (въ нояб. 1773).

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., оп. 73/187, л. 122 (Книга по Конторѣ Села Царскаго за 1772—76 г.), л. 4—7 и 161 об.

Ивановъ, Петръ Александровичъ, скульпторъ. Сынъ мѣщан., онъ былъ принятъ въ И. А. Х. 6 окт. 1802 и, находясь въ 4 возрастѣ, получилъ за глѣшеніе съ нат. 2-ю сер. мед.—27 авг. 1810

(выд. 1 сент.), по выпускѣ же былъ учителемъ рисов. въ Таврич. гимназій съ 1814.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 430 и 566 (№ 21), 546 и 549, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 14/1814.

Ивановъ, Петръ, рисовальщикъ и граверъ на камнѣ при Военной типогр. въ СПб. Былъ ученикомъ А. Х. съ 1809. Имъ литографиров.: 1—6, „Памятники Кутузову и Барклаю де Толли“, съ рис. Садовникова (леч. у Престо), а также Петру I, Полицейскій мостъ, Елагинскій дворецъ, ц. Владимірской В. М.; 7—8, „Взюсть“ и „Ангелъ въ Исавя. соб.“, раб. Виталл.; 9—16, церкви: Преображенія въ Переславѣ Залѣтскомъ, св. Николая въ столпахъ въ Москвѣ, Спасо-Евфиміевскаго мон. въ Суздаль, св. Троицы въ Троицкой Лаврѣ, св. Николая въ Берсеневѣ, домовая водворѣ Нарышкина, Рождества Іоанна Предтечи и двери епископ. дома въ Крутицахъ,— всѣ съ рис. А. Мартынова (по соч. Снегирева: „Русс. Старина“), — для изд. „L'Artiste russe“, par J. Guillon, 1847 (№№ 7—16, съ франц. подпис.). Ему же принадлеж. вѣроятно, рисунки съ подл.: „Р. Іw. del.“ для грав. на стали рѣзцомъ: портрета имп. Александры Ѳеодоровны въ ростъ, 3/4, вѣщо, въ русс. костюмѣ (Le Couturier sc.—Imp. Immer)—передѣл. съ орг. Крюгера 1838 г., и картинка „наказаніе вѣнцомъ Лопухиной“ (Geoffroy sc.—Imp. Chardon.—Publ. par Pagnerres)—въ изд. Lacroix „Les Mystères de la Russie“, Paris, 1845.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 569 (№ 50), и „Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общ.“, LX, 290.—Оглавл. въ изд. „L'Artiste russe“ 1847, 12-me livr.—Ср. *Д. Говинскаго* „Похрбн. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1869, алфав., подъ „Р. Іw.“.

Ивановъ, Петръ, живописецъ. Изъ вольноотпущ. Березина, занимался живописью подъ руковод. проф. А. И. Иванова и писаніемъ портретовъ, а въ 1847 г. представ. этюдъ съ нат., подъ видомъ „Ап. Матвѣя“, для получ. званія своб. художника, но раб. его была найдена неудовлетворит.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 1/1847.

Ивановъ, Петръ Юдинъ, мастеръ скульптуры и цѣтвовъ на Имп. Фарфор. заводѣ. Род. 1803, ум. 10 февр. 1856. Изъ мѣщанъ, ояъ былъ прине. по Высоч. указу навсегда „въ мастерские равнаго искусства“ ученикомъ—21 окт. 1812, состоялъ рѣзчикомъ съ 1816, подмастерьемъ съ 26 апр. 1835, мастеромъ съ 28 апр. 1837, получилъ медали „за усердіе“: серебр.—4 дек. 1838 и золот.—5 апр. 1847. Оставилъ послѣ себя, кромѣ жены и двухъ дочерей, еще 3 сыновей, сост.

учениками при заводѣ: Ивана (19 л.), Николая (18 л.) и Андрея (10 л.); вдовѣ его была назнач. пенсія по 75 р. въ годъ.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1856, оп. 412/1490, № 17/344.

Ивановъ, Порфирій Михайловичъ, художникъ до 1833. Род. 1816. Служ. стат. сов., формов. мастера А. Х., онъ былъ принятъ въ А. Х. въ окт. 1827, а въ 1832 увол. оттуда изъ гипс. фигурнаго кл.

См. рукою, зам. П. П. Петрова и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, его же, II, 226 (№ 81), а также въ Архивѣ И. А. Х. дѣло: 6/1832.

Ивановъ (собств. Ильичъ?), Прокофій, травщикъ въ Москвѣ. Въ 1659 присл. былъ изъ Тр.-Серг. лавры.

См. И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 18, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школы иконопис.“, 149.

Ивановъ, Романъ, серебряникъ Моск. Оруж. Палаты съ 1660. Родомъ Полякъ, онъ дѣлалъ, вмѣстѣ съ Вас. Ивановымъ и друг., между 10 апр. и 11 мая 1676, для ц-чей Иоанна и Петра Алекс. по сереб. рукоприкладу и логанн.

См. И. Забѣлина „О металл. производ. въ Россіи“, 119. — А. Викторова „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, 516. 517. 519 (ср. Ивановъ, Вас.).

Ивановъ, Романъ, камен. дѣла рѣзецъ, упом. подъ 7142, т.-е. 1634 г.

См. „Древности“, I, Матер. для Археол. Слов., 64 (зам. И. Забѣлина).

Ивановъ, Савка, травщикъ и иконописецъ 1643—64 гг. въ Москвѣ. Въ 1643, іюля 19—22, писалъ травы на стѣнахъ въ Успенской церкви, вмѣстѣ съ Фед. Васильевымъ и съ Митькой Ивановымъ (см. это имя); въ 1662, іюня 11, серебряилъ мал. органы навѣрхъ къ ц-цу Алексію Алексѣвичу; въ 1664 былъ у иконнаго письма въ ц. Евдокія мученика.

См. А. Викторова „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 400 и 414. 433. 435 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за №№ 944/973, 951/835, 952/837). — И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 53 (7172 г.), и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школы иконопис.“, 149.

Ивановъ, Сементъ, иконописецъ. Въ 1670 онъ отосл. былъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ Филипп. Ивановымъ, въ Іовъ митроп. въ Ростовъ.

См. И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 113, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школы иконоп.“, 149. — И. Снегирева „Памятники Моск. древности“, LXV (лишь упом.).

Ивановъ, Сементъ, живописецъ. Род. 1773,

ум. 11 окт. 1858, на 85-мъ г., въ Новгородѣ и погреб. на Петров. кладбищѣ тамъ же.

Изъ рукоп. матер. П. Н. Петрова.

Ивановъ, Сементъ, медальеръ. Воспитанникъ Горной Технич. школы и ученикъ и. д. проф. Лялина, онъ служ. кондукторомъ I кл. при СПб. Монет. Дворѣ и, по представл. на Академ. выст. 1854 медальонами изъ воску: „голова старушки“ и „портретъ NN“, и свинц. слѣпку конін лицев. стороны съ коронам. медали имп. Александра II, раб. Лебрехта, получ. званіе некл. художника — 6 окт. того года. Известна также его копія съ обор. стор. медали на уничтоженіе стрѣльцовъ, воспроизвел. въ изд. Ю. Иверсена „Медали на дѣянія имп. Петра В.“, 1872 (IX, 2).

См. „Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1854, 58—60.

— „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, II, 224. — Ю. Иверсена „Словарь медальер.“, 1874, с. 18.

Ивановъ, Сергѣй, серебряникъ при Моск. Оруж. Пал. въ 1675.

См. И. Забѣлина „О металл. производ. въ Россіи“, 119 (упом.).

Ивановъ, Сергѣй Андреевичъ, архитекторъ. Род. 9 іюля 1822 въ СПб., ум. 10/22 февр. 1877 въ Римѣ. Младшій сынъ профессора И. А. Х. и братъ знаменитаго автора „Явленія Мессіи народу“, онъ, какъ видно изъ писемъ А. И. И.—ва къ сыну А. А., отъ 5 іюня и 16 сент. 1837 (см. въ „Русс. Худож. Архивѣ“ 1892, V—VI, 324—5), былъ отданъ, за похв. плату по 375 руб. въ годъ, въ Академ. классы, для обученія архитектурѣ, съ апр. 1837 и, начавъ (въ качествѣ постор. или вольноприход. ученика) рисовать съ гипсов. головъ, за 1-й же рисунокъ перевед. на гипс. фигуры по 4-хъ мѣс. экзамену, а на слѣд. третемъ экзаменѣ—въ натурный классъ. Заслуживъ сереб. медали за рис. съ нат.: 2-ю—23 дек. 1839 (13 янв. 1840) и 1-ю—4 мая 1840, и еще 1-ю сереб. мед. 27 сент. того года—за рис. „Академич. парад. лѣстницы“, который и былъ оставленъ въ А. Х. для образца ученикамъ, а затѣмъ, удостоенный награжденія сереб. медалями за архитект. композиціи: 2-й—24 дек. 1840 (25 янв. 1841; см. также „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1839, стр. 2; „Проектъ театр.-училища“), и 1-й—10 мая 1841, онъ былъ допущ. 2 дек. 1841 къ конкурс. на 2-ю зол. мед., которую и получ. за исполненный, по утверж. 28 янв. 1842 эскизу, „Проектъ гостиннаго двора въ столицѣ“ — 26-го сент. того года (см. еще „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1842, с. 5); по утвержденіи же 12 мар. 1843 эскиза прогн. на 1-ю

зол. мед. — „Проектъ публ. библиотеки“, заслужилъ и ее 24 сент., съ правомъ на загранич. пенсионерство (см. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, II, 394. 400. 406. 413. 415. 422. 424. 438. 452).

Но еще за нѣск. мѣсяцевъ передъ тѣмъ А. Оленинъ писалъ кн. Волконскому 11 янв. 1842: „у насъ въ Академіи наклеивается такой архитекторъ, какова еще не имѣли. Ему теперь *осмнадцати тѣмъ годъ*, а чувство нечаявости, il grandioso, въ немъ уже гнѣздится. Ему вѣдуемо, что онъ не чуждъ программы, въ сооруженія (на бумагѣ) пяти главнаго храма. Я препровождаю при семъ чертежъ ученика *Иванова* къ вашей свѣтлости. Можетъ быть, вы удостоите взглядомъ вашимъ, что возбуждѣтъ молодого художника! На запискѣ этой министр. И. Д. положилъ резолюцію 12 янв.: „возвративъ прилагаемый чертежъ, объявить, что Е. В. изволилъ найти (его) довольно хорошими, назначивъ не подписанъ: кѣмъ и когда сдѣланъ и чѣмъ ученикомъ, равно не показана фигура человека“ (см. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла 3-го отд., 1842, оп. 3/935, № 305/28).

Подробности о ходѣ ваяній С. А. въ Акад. Худож. мы узнаемъ изъ писемъ его брата А. А. (привед. у насъ, въ отрывкахъ, въ биогр. послѣдняго) и отъ къ старшему сыну (напеч. въ „Русс. Худож. Архивѣ“ 1892, V—VI). „Чтожъ до того, что онъ рисуетъ уже довольно хорошо, — писалъ старикъ Ивановъ сыну Александру про его брата Сергѣя, еще 9 мая 1839 (с. 352), — но, по общему замѣчанію, „рисуетъ манерно“, то я сего не понимаю, чего хотятъ люди, а словъ ихъ: „манерно, безхарактерно“ не вразумляютъ ни молодыхъ, ни старыхъ, когда они употреблены бывають нехстати, т.-е. если ученики рисуютъ съ натуры и видятъ въ ней явные недостатки, которые поправить умѣютъ по антикамъ, съ которыхъ онъ предварительно и учился для того, чтобъ въ подобныхъ случаяхъ могъ ими руководствоваться, и если онъ это дѣлаетъ, а не копируетъ въ точности дурную часть въ натуру, то это значить уже, что онъ рисуетъ манерно; но, кажется, это слово „манерно“ имѣетъ другое значеніе и—всегда непонятное, котораго объяснить или не хотятъ, или сами не умѣютъ, а умѣютъ имъ только пользоваться, для прикрытія своихъ поступковъ противъ тѣхъ, кому, по к. л. причинамъ, не хотять отдать справедливости... Братъ твой съ нѣкотораго времени началъ слѣдовать правилу копировать патуру, что, впрочемъ, онъ и всегда дѣлалъ, но,

какъ всегда имѣли подозрѣніе, будто я ему рисую и, при малѣйшемъ несохвѣстѣ портрета съ натурщикомъ въ лицѣ и др. частяхъ, ставилъ ему это за великое, а особливо одинъ изъ членовъ Академіи, то разошелся слухъ и между учениками его, что онъ не самъ рисуетъ, или рисуетъ, не копируя, манерно, и, вѣроятно, что это мнѣніе его было принято во время экзаменовъ и всѣми др. членами; ...братъ твой надѣялся получить серебр. медаль 2-го дост., и рисунокъ его, по моему мнѣнію, былъ бы того достоинъ, а особливо сравнивая его съ тѣмъ, за который ты былъ удостоенъ оной же медали, но не получилъ ее...

„...Братъ твой удостоенъ по 4-хъ мѣс. экзамену большой серебр. медали за рис. съ нат., чего я никакъ не могъ надѣяться, — сообщалъ А. И. старшему сыну насчетъ меньшаго въ маѣ 1840 (с. 357),—чтобъ по прошествіи одной только трети года по полученіи мал. серебр. медали могъ онъ удостоить большой. Что же касается до архитектуры, то онъ также можетъ ихъ надѣяться получить въ скоромъ времени, ибо онъ и по сей части успѣваетъ значительно, но, правду сказать, долго обдумывать академич. задачи, которыя до сего времени задавались имъ заблаговременно, слѣдоват., было достаточно для того времени. Послѣдняя задача была: составить „проектъ путевого дворца“, въ задачѣ опредѣлено было мѣсто полиціи, нѣск. комнатъ для проживающихъ, комнаты содержателю и смотрителю. Различное понятіе о такомъ зданіи самихъ т. л. профессоровъ архитектуры много сбивало учащихся и имѣло свое дѣйствіе въ экзаменованіи ихъ рисунковъ. ...Никто не былъ удостоенъ медали по оному, и братъ твой получилъ № 8 за свой проектъ, который мнѣ, однакожъ, нравился болѣе другихъ его проектовъ, по отбѣлкѣ своей. Прежде же сего, т.-е. на апрѣль мѣсяца, задача была программа—„сочинить губ. церковь“, которой онъ дѣлалъ два проекта, и оба они получили № 1 А и № 1 В. —До сего времени онъ рисовалъ съ натуры съ возможною точностью, даже съ видимыми недостатками въ оной, чего и требовалось отъ учащагося; но теперь, имѣя уже двѣ медали по сему классу, я даю ему совѣтъ мой заимствовать по возможности, смотря по значенію позн., или натурщика употребляемаго, давать въ рисунокѣ нѣкоторый идеалъ тому, что бы думалъ изобразить въ ней, а сего иначе нельзя пріобрѣсть, какъ подражая въ томъ антикамъ, и поправлять видимые недостатки въ натурѣ по онимъ; разумеется, что когда натура хороша,

тогда надлежит копировать ее съ точностью...

„Четвертое собраніе было 29 сентября,—это было годовое собраніе Академіи,—писалъ старикъ Ивановъ въ Римъ 7 нояб. того же 1840 года (с. 359).—Братъ твой приготовилъ на выставку къ оному рисунокъ на свѣтной бумагѣ — „парадной лѣстницы Акад. Худ.“ и удостоенъ за оный 1-й серебр. медали, которую и получилъ, выѣсть съ друг. медалями за рис. съ пат., въ этомъ собраніи, всѣ три разомъ; рисунокъ же его Академія оставила у себя, для образца учащимся. Сей рисунокъ—мѣрою: въ шир. 1 арш. 6 верш., въ выш. 1½ арш. и представляетъ часть лѣстницы; пунктъ взять отъ одной вазы, почему другая ваза становится первою лѣстницею. Одноцѣлность предмета сего весьма удачно могла быть выражена посредствомъ тона бумаги и бѣлаго карандаша, что онъ и исполнилъ съ возможною вѣрностью въ тонахъ и съ несомнѣнымъ выгоднымъ освѣщеніемъ, каковое представляетъ лѣстница парадная въ натурѣ.—По третнему экзамену, бывшему въ августѣ мѣсяцѣ, ему не повезло (съ) въ програмѣ по архитектурѣ; задано-жъ было — составить „проектъ царскаго павильона“. Хотя проектъ его и былъ очень не худъ, но другіе сверстники его перебили у него первенство, отчасти съ помощью постороннею, а отчасти и по протекціи своихъ профессоровъ, и получили за оныя медали до 3-хъ №№, а онъ получилъ за свой—№ 3, что его много обезпокоило, но означенная выше награда за рисунокъ успокоила совершенно.

„По третнему экзамену, бывшему въ А. Х. передъ праздникомъ Рожд. Христ., — писалъ А. И. сыну Александру 11 янв. 1841,—братъ твой получилъ за проектъ архитектурный серебр. медаль 2-го дост. Задача состояла въ сочиненіе фасада, плана и разрѣза „полнаго архіерейскаго дома“, со всѣмъ принадлежностямъ оному, означенными въ задачі... Долго онъ пономался надъ сочиненіемъ сего проекта и, въ особенности, его плана; фасадонъ же имѣлъ два проекта, и оба были одобрены профессоромъ его, Алекс. Тонъ, такъ что приказалъ ему дѣлать и тотъ, и другой, и выставить на экзаменъ; но силъ у него не достало въ исполненію того, ибо, будучи къ тому жъ озабоченъ и рисунками съ натуры, которыхъ отъ него требуютъ и самъ профессоръ его А. Тонъ, чтобы представлялъ оныя на экзаменъ, несмотря на то, что имѣеть по сему классу уже всѣ награды отъ Акад. Онъ рѣшился сдѣлать одинъ фасадъ, который ка-

зался ему лучшимъ по своему характеру архіерейскаго дома, и со всѣмъ этимъ едва успѣлъ окончить оный проектъ къ экзамену, употребляя нѣск. ночей для того. Что же касается до рисунка въ натур. классѣ, то онъ не пропустилъ положеннаго на то времени, но не могъ пользоваться прибавоч. часами, сверхъ означ. часовъ даваемыхъ отъ дежур. профессора живописи для окончанія, а потому и не кончилъ оного, какъ бы слѣдовало, и не представлялъ его на экзаменъ... Надобно мнѣ тебѣ сказать нѣчто о предшествовав. экзаменѣ, бывшемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ дежурство г. Басина. Братъ твой представилъ въ оный экзаменъ пренепорядочный рисунокъ съ новаго натурщика, но, не знаю почему... (онъ) получилъ по сему экзамену за свой рисунокъ первоначально № 10, но и сей вымаранъ, ибо другой рисунокъ найденъ лучшимъ его, и потому поставленъ 10-мъ, а рисунокъ брата 11-мъ №...; всѣ остальные, до 10 №, не столько-то хороши, чтобы могли превзойти рисунокъ брата, а къ тому-жъ онъ, какъ имѣющій 1-ю серебр. медаль, не долженъ бы былъ и равняться, или экзаменоваться, съ прочими... Ты можешь себѣ представить, сколь огорченъ былъ сей поступокъ для твоего брата, который стараніемъ своимъ, по части рисов. съ нату., совсѣмъ того не заслуживалъ!... но, благодаря Бога и совѣтамъ общимъ, а равно и собственному разуму, онъ не пренебрегъ идти по сей части своимъ путемъ,—будетъ рисовать всегда, какъ должно, до окончанія своего курса при Акад., но не будетъ представлять своихъ рисунковъ на экзаменъ;... дежурный же профессоръ въ классѣ будетъ видѣть его всегда исправнымъ, какъ это и было въ означ. третней экзаменѣ, гдѣ рисунки его и не требовали...

„По архитектурѣ, изъ учениковъ Академіи братъ твой обратилъ на себя вниманіе, можно сказать, всего собранія,—сообщалъ старикъ Ивановъ въ Римъ 5 окт. 1841, описывая годич. актъ въ А. Х. (с. 367 — 8): онъ выставилъ свой „проектъ вокзала“, за который удостоенъ большою серебр. медали по экзамену, бывшему въ маѣ сего года, но, въ особенности, — „проектъ соборной церкви“ его, по задачі академической на 2-ю треть сего года; при выставкѣ на экзаменъ, отъ Совѣта сдѣлана на рисунокъ надпись за подписью ректора по части архитектуры, что Сов. Акад. проектомъ его очень доволенъ.—Сей-то проектъ его и обратилъ на него въ особенности вниманіе друг. членовъ Акад., посѣтившихъ нынѣшнее собраніе ея, и въ особенности архитекторовъ, которые нашли

его и новымъ, и соразмѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ частей къ цѣлому; но были сдѣланы и замѣчанія нѣкоторыми изъ членовъ Акад., на службѣ состоящихъ при оной, что тумбы, на которыхъ долженъ стоять куполь,—легки и не удержатъ оный, что онъ и поправитъ тотчасъ на планѣ, перемѣнивъ масштабъ, послѣ экзамена, чрезъ что проектъ получилъ болѣе огромности въ размѣрѣ своемъ, и былъ такимъ выставленъ въ собраніе. Еслибы онъ сдѣлалъ такой проектъ на послѣдній курсъ академическій, то, конечно, могъ бы надѣяться быть удостоенъ зол. медали... Но во всякомъ случаѣ, для меня и для него самого, было пріятно такое лестное вниманіе всѣхъ на проектъ его, потому что онъ не ожидалъ такого успѣха въ этомъ дѣлѣ, не могли ни съ кѣмъ совѣтоваться, какъ только со мною, но я не архитекторъ; и такъ, онъ долженъ былъ его производить самъ собою, получивъ одобреніе эскиза своего отъ проф. К. А. Тона, и то слегка успѣшного взглянуть на оный, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ онъ строитъ храмъ Спаса и куда во время дѣла часто отправляется для смотрѣнія за производствомъ дѣла. Надобно тебѣ сказать, что эта задача отъ Акад. посылала на капикуляр. время, когда при Акад. уже не бываетъ никакихъ классовъ и всѣ уязвляютъ, кто куда можетъ... При всемъ этомъ, ему должно было помогать г. Кузьмину въ программѣ его, что его весьма отвлекало отъ своей работы, и онъ долженъ былъ дѣлать время по поламъ: утро—у него, послѣ обѣда—для себя. А если еще прибавить къ сему и др. толки, то, конечно, очень было трудно его положеіе въ это время, и мнѣ стоило большаго труда убѣдить его, что ему необходимо надлежитъ производить проектъ сей съ надлежащимъ выполненіемъ его, по обыкновенію, и представить на экзаменъ Ак. Худ., хотя бы, послѣ полученія 1-й серебр. медали за архитект. проектъ, ему поставили и 10-й или 15-й № за оный, потому что, послѣ отъѣзда за границу г. Эппингера, товарищи его не думали, что много было его помощи для него, о чемъ уже нѣкоторые и начинали подгруппать, не столько, однакожъ, надъ нимъ, сколько надъ братомъ его, говоря, что „а, чай, жутко вамъ безъ него“.— Но и то сказать, что задача сія, и не маловажная сама по себѣ, но, однакожъ, составляла въ себѣ все, что могъ обнять онъ, видѣвъ изъ многихъ существующихъ державей—ихъ красоты и недостатка; въ особенности же въ семь случаѣ служила ему примѣромъ строящаяся и

приведенная почти къ окончанію церковь Исаакія Далматскаго, въ память рожденія Петра В., на Сенатской площади... Но не подумай, чтобъ братъ твой сдѣлалъ свой проектъ церкви и не въѣстъ какой: нѣтъ, онъ самый обыкновенный,—точно также, какъ и твоя картина „Явленіе Спасителя Маріи Магдалины по воскресеніи своемъ“, нѣсколько разъ трактованный всѣми художниками; ...въ архитектурѣ есть также своя поэзія, возвышающая мысль нашу своею красотою и соразмѣрностію частей относительно къ цѣлому зданію,—вотъ чѣмъ проектъ брата твоего и отличается, и смотрѣть на него пріятно всегда будетъ, къ тому-жъ позаботился онъ и о внутренности оного, по плану и разрѣзу, который будетъ весьма интересенъ въ перспективномъ своемъ видѣ—по эффекту свѣта и тѣни...

„Насчетъ брата твоего могу сказать тебѣ,—писалъ А. И. старшему сыну въ дек. 1841 (с. 371),—что онъ до сего времени ведетъ себя, какъ должно, съ большою осторожностію при случаѣ разгуга другихъ его товарищей, къ которому и его приглашать имъ случилось, по случаю полученія награды академической за программу... Что же касается до него, то онъ давно отучилъ товарищей своихъ требовать отъ него праздника (попойки), при полученіи имъ наградъ академическѣхъ, въ которыхъ никто изъ нихъ не участвовалъ ни малѣйшимъ образомъ, а достигали оныхъ онъ самъ своимъ стараніемъ. И такъ, будь спокоенъ насчетъ его поведенія: онъ еще, можно сказать, не имѣлъ до сего времени случая выработать собств. денегъ, но что имѣетъ, то крайне бережетъ на свои потребности по улучшенію своему по архитектурѣ.

„Братъ твой Сергѣй, при выставкѣ программы сего года на зол. медаль,—сообщалъ старикъ Иванова въ Римъ 23 нояб. 1842 (с. 375),—удостоенъ Академіей 2-й зол. медали, а другіе его сверстники, по задачѣ той же программы, ничего не получили,—это только преимущество передъ другими его и утѣшаетъ, ибо онъ самъ видитъ свои силы и, преимущественно, въ трудахъ своихъ противъ всѣхъ ихъ, и что это справедливо. Можно сказать безъ хвастовства о семъ, что оно такъ и есть. Въ предварит. же собраніи Совѣта Акад. разсуждено было много о томъ, давать ли ему 1-ю зол. медаль прямо, а 2-юю наградить другихъ его товарищей по архитектурной задачѣ; но на послѣднее не состоялось согласія, а потому и онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ удостоенъ. Слѣдоват., ему предложить еще испытаніе на 1-ю зол. медаль.

„...Тебѣ надлежитъ знать,—писалъ А. И.

старшему сыну 23 дек. 1842 (с. 375), — что братъ твой съ первыхъ чиселъ декабря мѣсяца сего года поступилъ въ помощники къ г. Тону, Конст. Андр., и будетъ находиться при сооруж. церкви для Конногвард. полка. Дѣло начнется немедленно съ наступлениемъ способнаго къ тому времени, а теперь г. Тонъ занимается его изготовлениемъ чистаго рисунка проекта оной, долженствующаго поступить на утверждение Е. В. Госуд. Императора. По сей службѣ, братъ твой будетъ получать 2000 р. (асс.) жалованія въ годъ; хотя это дѣло и временное, ибо должно продолжаться не болѣе 2-хъ лѣтъ и быть при-недено въ окончанію, но, во всякомъ случаѣ, для брата твоего весьма полезное на предбудущее время, — гдѣ, какъ не у г. Тона, могъ бы онъ научиться практикѣ строит. части? — находясь при самомъ началѣ отъ фундамента до самой вершины зданія, долженъ многому научиться изъ опыта личнаго“.

Ими. Николай I, найдя, однако, проектъ С. И. на 1-ю зол. мед., „не совершенно удовлетворительнымъ“, не изъявляя соизволенія на отправленіе его за границу и повелѣлъ, чтобы художникъ оставался при Акад. до 1845. Въ этомъ смыслѣ послѣдов. и отвѣтъ кн. Волконскаго на ходатайство новаго Президента, герц. Лейхтенбергскаго, отъ 29 нояб. 1843 передъ Государемъ о назначеніи И—ву содержанія въ течение 6 лѣтъ изъ Госуд. Казначейства по 300 черв. въ годъ и на путев. издержки за границу и обратно по 100 черв. въ виду того, что въ смѣту расходовъ на 1844 онъ не вошелъ, за представл. оной министру еще 25 авг. (см. въ Общемъ Архивѣ М. В. Д. 1843, оп. 5/937, № 21/66).

По окончаніи курса ученія совств. 6 февр. 1843, съ званіемъ художника 14 кл., какъ награжденный сереб. медалями за рис. съ натуры и архитект. композицій, а также и 2-ю золотою, С. А. былъ опред. къ строенію церкви л.-гв. Коннаго полка, помощникомъ архит. К. А. Тона, по утвержд. министромъ И. Д. журналу Кабинета Е. И. В. отъ 2 марта, съ жалов. по 487 р. 28 к., а по рап. Тона отъ 15 мая 1845 упол., по случаю отправленія его пенсионеромъ за границу, и замѣщ. Х. И. Фольратомъ (см. тамъ же, дѣла Строит. отд. 1843—51, оп. 1/501, № 418/3, л. 113—115). За это время, послѣ полученія 1-й зол. мед., онъ долженъ былъ, по указу своего проф., представить въ 1844 еще проектъ по совств. выбору (фасады „Правешнаго дома“ на Сергѣевской ул., такъ и выстроеннаго впоследствии), который онъ не въ силахъ былъ, однако, окончить въ сентябрю того года,

хотя чистый эскизъ его и былъ готовъ уже, т. е., вслѣд. усилившейся, за годы его ученія, глухоты на оба уха, онъ принужденъ былъ подвергнуться въ Москвѣ у докт. Иноземцева операціи извлеченія полипныхъ наростовъ изъ прав. уха и леченія разстройства барабанной перепонки на золотушной почвѣ — искусственными минер. водами Крейцпаха, въ продолженіи 7 недѣль въ лѣтніе мѣсяцы.

Снабженный, наконецъ, въ маѣ 1845 загранич. паспортомъ и подробной инструкціей отъ Акад., предоставлявшей ему на выборъ, для осмотра извѣст. зданій, отправиться изъ Петербурга черезъ Пруссію во Францію и Англію и оттуда черезъ Германію по Рейну въ Италію, или же прямо въ Англію и затѣмъ черезъ Францію въ Италію, а оттуда черезъ Германію въ Россію, С. А., какъ видно изъ его рап. отъ 6/18 нояб. 1845 изъ Парижа, выѣх. за границу 1 іюня и рѣшился тотчасъ же высмотрѣть зап. край Европы, чтобы на возврат. пути въ Отечество имѣть возможность пробѣжать друг. уже странами, и тѣмъ самымъ удовлетворить основ. цѣли данной ему инструкціи. „Осмотрѣвъ все достойное въ части Германіи, лежащей по всей длинѣ Рейна, потомъ почти всѣ глав. города Бельгіи и Сѣвера Франціи, — прибавлялъ онъ, — я пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ думать осталось на необход. время, для осмотра примѣчательнаго, но теперь, осмотрѣвъ, нахожу весьма. для себя полезнымъ остаться еще на нѣск. времени въ Парижѣ, для занятій въ здѣшней публ. библиотекѣ, представл. мнѣ въ гравюрахъ и описаніяхъ все то, что я уже видѣлъ существующимъ и что еще долженъ буду увидѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ, за пастушьями поздними дождливыми временами выждать болѣе благоприятное, для дальнѣйшаго путешествія моего по Луарѣ и Югу Франціи, съ цѣлію окончат. изученія и осмотра этого края Ервоши“... Въ слѣд. рап. отъ 26 марта—7 апрѣля 1846 уже изъ Рима, И—въ сообщ., что, получивъ въ Парижѣ въ скор. времени послѣ 1-го рап. пенсионерское содержаніе за 1-ю треть (ислѣд. прсбы его отца отъ 26 нояб. 1845), онъ „могъ исполнить путешествіе по Луарѣ, для осмотра лучшихъ замковъ Франціи, а въ остальной части пути въ Италію высмотрѣлъ замѣчательный римск. постройки Югъ Франціи и ваход. уже въ Римѣ“. Изъ рап. же отъ 15 дек. 1846 изъ Рима же, мы узнаемъ, что „первое время въ Римѣ онъ употребилъ на разсматриваніе многочисл. образцовыхъ произведеній, какъ древне-римскихъ, такъ равно и

средне-вѣковыхъ зодчихъ, (а) въ послѣдствіи преимущ. уже занялся изслѣдованіями, въ существующихъ развалинахъ, — чисто-римскихъ произведеній“. „Когда же, приготовленный изученіемъ,—прибавляетъ онъ,—я рѣшительно остановился выборомъ, то не премину въѣдомить Совѣтъ И. А. Х.“ (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 65/1845).

Но въ 1848 послѣдовало Высоч. повелѣніе о высылкѣ его, наравнѣ съ проч. пенсионерами, изъ Рима, по случаю смут. обстоятельствъ, съ выдачею изъ Госуд. Казначейства для расплаты съ хозяевами и на дорогу—400 черв. Поэтому, не смотря на два рап. его, рассмотрѣнныхъ въ Академ. Совѣтѣ 12 авг. и 22 сент. 1849, съ просьбой объ исключительномъ ему дозволеніи остаться въ Римѣ для окончанія предпринятаго имъ разысканія термовъ Антонина Каракаллы, гдѣ онъ открылъ, кромѣ прекрасныхъ мозаикъ, древ. систему отопленія банъ и способъ устройства сводовъ (см. объ этомъ „Сынъ „Отецъ“ 1847, кн. 10, отд. V, с. 24), министръ Двора не нашелъ возможнымъ ходатайствовать объ изъятіи его изъ общаго распоряженія (см. „Сборникъ“ Петрова, III, 7—8. 11. 56. 96. 101. 106—7).

Тогда С. А., получившій небольшое наслѣдство послѣ отца (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 64/1849), рѣшилъ остаться съ братомъ въ Италіи на собств. счетъ и прожилъ тамъ до самой смерти своей.

Получивъ черезъ 10 лѣтъ пособие отъ вдовствующей Императрицы Александры Феодоровны, онъ могъ осуществитъ и давнишнее желаніе свое изучить греч. древности въ Афинахъ, гдѣ онъ, во время своего 7-ми мѣс. пребыванія, какъ сообщ. нашъ посланникъ въ Греціи, Осеровъ, товарищу мин. пностр. дѣлъ 3 мая 1858 „съ неутомимымъ усердіемъ и примѣрною добросовѣстностію, успѣвъ вымѣрять храмы: Парѳеновъ, Эректелъ, Тезей, безкрылой Побѣды и Пропилеи...; сдѣлавъ съ крайнею точностію планы этихъ зданій и детали капителей, карнизовъ, фризовъ и колоннъ, а также разобралъ и изучилъ приемы строит. производства древнихъ, (а) къ концу пребыванія своего, видѣлъ оконченными разрыты театръ Ирода Аттика, (и) побужденъ сдѣлать планъ съ этого зданія. Съ портфелемъ, полнымъ новыхъ и любопытныхъ данныхъ, архитекторъ нашъ возвратился въ Римъ, гдѣ, съ помощью прекрасной бібліотеки Археолог. Института, занялся начертаніемъ чистыхъ рисунковъ вымѣренныхъ имъ памятниковъ и разборомъ ихъ... Его основат. образованность, при скромности и благовоспитан-

ности.. оставили въ Греціи самое благоприят. понятіе о нашихъ художникахъ, и можно только желать,—прибавляетъ посланныкъ,—чтобы здѣсь почаще появлялись соотечественники съ такимъ направленіемъ и съ такою любовью къ наукѣ, каковыми отличался Ивановъ“ (см. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 80/1858, и сл. „Сборникъ“ Петрова, III, 312).

Направляемый въ своей дѣятельности совѣтами старшаго брата, имѣвшаго большое вліяніе на его развитіе,—не на практич. почву, а на научную, онъ, помимо двухъ изслѣдованій о термахъ Каракаллы и о тронѣ знаменитой статуи Юпитера Олимпійскаго, раб. Фидія, изъ которыхъ первое было напечат. на итальянскомъ языкѣ, а второе осталось въ рукописи, прочелъ еще нѣск. докладовъ архитектурно-археологич. содержанія въ засѣданіяхъ Германскаго Археолог. Института въ Римѣ, членомъ котораго онъ состоялъ много лѣтъ, а, умирая, оставилъ духъ завѣщаніе, которымъ назначилъ всѣ свои капиталы на изданіе, на проценты съ нихъ, тѣмъ же Институту, коему онъ пожертвовалъ и свою бібліотеку, какъ композицій изъ Свящ. Писанія, раб. его брата, такъ и собств. реставрацій, поступ. загѣтъ въ Моск. Публ. и Румянц. Музей, и потомъ — на выдачу премій СПб. Академіей Наукъ за естественновѣстич. сочиненія (см. „Русс. Обзоръ“ 1893, № 7).

Некрологи его были помѣщ. въ 1877 г.: въ „Нов. Врем.“ 23 февр., № 355 (В. Стасовъ, гдѣ ему по ошибкѣ припис. „Записки объ исторіи архитектуры“ Г. М. Иванова); въ „Иллюстрир. Газ.“, с. 104; въ „Пчелѣ“, № 8; въ „Зодчествѣ“, № 50; а извѣстіе о смерти въ „Отчетѣ И. А. Х.“ 1879 — 80, 8.—Источники, послужившіе для настоящаго біограф. очерка, указ. выше въ соотвѣств. мѣстахъ.

Ивановъ, Сергій Васильевичъ, живописецъ
Род. 4 іюня 1864 въ Рузѣ. Сынъ колл. асс. служившаго надзирателемъ 4 округа Моск. Акциз. Управл., онъ, по оконч. курса весною 1882 въ глпс. фигурномъ классѣ Моск. Училища живописи и ваянія, поступ. осенью того же года въ А. Х., но, „не желая болѣе продолжать образованіе“ въ ней, просилъ, по переводѣ въ натурный кл. 12 мая 1884, о выдачѣ ему въ томъ свидѣтельства. Изъ его работъ появились на выставкахъ: „ученическихъ“, въ Училищ. живоп. и ваянія: IV-й, 1882 г.—„Крестьянинъ“ и „Солдаты“ (№№ 1 и 106), VII-й, 1886 г.—„Больная“ (№ 135), X-й, 1887 г.—„Мірское дѣтище“ и „Изъ острога на допросъ“ (№№ 41 и 43), XII-й, 1889 г.—„Этюдъ“ и „Заборъ“ (№№ 309 и 310); „периодическихъ“, Моск. Общества любит.

Худож.: IX-й, 1889 г.—„Въ вагонѣ IV класса“; „этюдовъ“, тамъ же: I-й, 1889 г.—2 эт. „Арестанта“ (№№ 91 и 92), II-й, 1890 г.—„Арестантка“ (№ 259); „передвижныхъ“, Товар. передвиж. выставокъ: XV-й, 1887 г.—„Переселенка“ (№ 111), XVI-й, 1888 г.—„Обрат. переселенцы“ (№ 117), XVII-й, 1889 г.—* „Въ дорогѣ“—Переселенцы (№ 53, наход. въ гал. Третьякова подъ № 1284), XVIII-й, 1890 г.—* „Бродяга“ (№ 77). Во „Всемир. Иллюстр.“ 1890 (I, 264) былъ помѣщ. снимокъ съ его карт.: „На заработки“. Въ мартѣ 1895, „желая предпринять путешествіе по Россіи съ худож. цѣлью и съ цѣлью снятъ съ натуры остатковъ старины, зданій, утвари и т. п.“, И—въ просилъ А. Х. объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствіи выдачей соотвѣст. документа.

31. Бродяга, карт. С. В. Иванова 1890 г.

Отзывы газетной художественной критики о произведеніяхъ Иванова были самые равно-

образные. Такъ, по поводу его перваго дебюта на передв. выставкѣ 1887 г., въ „Южномъ Краѣ“ (6 сент., № 2295) писали про „Переселенку“: „Въ ней есть жизнь и простота. Это скоѣе этюдъ, нежели картина, но этюдъ прекрасный. Особенно хорошо переданъ этотъ, раскалившійся на солнцѣ, красный вагонъ 4-го класса,—чувствуется, что онъ раскаленный, — въ которомъ такъ просто и естественно расположены и сама старуха переселенка, и повозка съ будкой, и лошаденка. Все это живетъ и дышетъ, все это очень оригинально и правдиво“. „Написана „Переселенка“, замѣчалъ *Будный Горькія* въ „Новоросс. Телегр.“ (1 нояб., № 3885), — детально и очень правдиво. Главный ея недостатокъ — это огромное пространство картины, занимаемое рыже-краснымъ вагономъ, (оно) неприятно рѣжетъ глазъ и производитъ кричащее впечатлѣніе“.

— На счетъ картины И—ва 1888 г. появилось уже больше различныхъ отзывовъ. „Переселенцы, по нашему мнѣнію, — провозглашала *В. Воскресенскій* въ Академич. органѣ „Худож. Новости“ (15 марта, № 6, с. 154 — 6), — весьма характерный образецъ газетной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ если надо показать во всей силѣ бѣдствія переселенцевъ, брошенныхъ на произволъ судьбы администраціей и обществомъ, то, разумѣется, красокъ жалѣть не слѣдуетъ... Мы остановились на этой картинѣ единственно потому, что на ней, какъ въ каррикатурѣ, явнѣе отражаются всѣ особенности расуточно-публицистичной живописи; въ Переселенкахъ — все сочинено, измышлено, притянуто за волосы, только для того, чтобы лишній разъ указать на, извѣстныя всѣмъ, слабыя стороны переселенческаго вопроса. Авторъ не догадывается, что сочинительство въ области искусства очень нерѣдко приводитъ совсѣмъ не къ тѣмъ заключеніямъ, на которыя онъ рассчитываетъ. На самомъ дѣлѣ, если найдется такой сумасбродный и глупый человѣкъ, который, какъ переселенецъ г. Иванова, съ кучей малолѣтнихъ дѣтей, шпіи, пустится въ безводную и безлюдную степь на вѣрную смерть, то, спрашивается, — приче́тъ тутъ переселенецкій вопросъ? Передъ нами — не переселенецкій вопросъ, а, съ одной стороны, — преступная глупость мужика, ведущаго ребятишекъ на неизбежную и близкую смерть, а съ другой — легкомысліе художника, вдохновляющагося газетными статьями. Между тѣмъ, г. Ивановъ — художникъ не безъ таланта; поэтому и нельзя не пожалѣть, что онъ усвоилъ такіа „новыя“ воззрѣнія на иску-

ство, благодаря которымъ оно обращается въ иллюстрацію газетной хроники происшествій. Убийство, самоубійство, грабежъ, несчастные случаи и т. п. рубрики полицейской газеты — вотъ, къ сожалѣнію, единственные источники вдохновенія для художниковъ такого направленія, какъ г. Ивановъ. Иначе взглянула на картину независимая печать.

„Картина г. Иванова Обратные переселенцы — говоритъ *И. Ясинскій* въ „Всемир. Иллюстр.“ (19 марта, № 1000, с. 234), — напоминаетъ чѣмъ-то „Бурлаковъ“ Рѣпина. Она очень недурно написана; но мужикъ чертѣчь Некрасовскій — идетъ онъ, „солнцемъ палимый“, а за нимъ тнутся крошки-дѣти. Зпой въ пустынной степи передавъ на картинѣ хорошо“. Описывая то же произведеніе въ „Русск. Курьерѣ“ (27 апр., № 114), *С. Ф.* — заключая свои слова — замѣчаемъ: „Эта картина принадлежитъ г. Иванову и называется Обратные переселенцы. Недостатковъ въ ней много, но тема ея не заурядна и заставляетъ, пожалуй, забывать недостатки“.

Еще болѣе толковъ возбудила картина Иванова 1889 г. „Къ числу картинъ, внушающихъ чувство ужаса, — повѣствовала „Петербург. Газ.“ (1 марта, № 58), — относимъ произведеніе С. В. Иванова, названное имъ: Въ дорогѣ. Въ общемъ, впечатлѣніе, производимое картиною, — очень непріятно“. „Изъ вещей газетнаго характера — возмѣщалъ опять *В. Воскресенскій* въ „Худож. Новостяхъ“ (15 марта, № 6, с. 149) — можно указать только на одну: это — Въ дорогѣ, г. Иванова. Г. Ивановъ — художникъ талантливы; кисть его не лишена драматизма, а сердце — человѣколюбія и воспримчивости къ злѣбъ дня; если бы ко всему этому присоединились — строгость мысли къ самой себѣ и серьезный трудъ въ дѣлѣ изученія природы и человѣка, то мы, безъ сомнѣнія, получили бы отъ г. Иванова нѣчто болѣе продуманное и цѣнное, чѣмъ его Въ дорогѣ, для которой онъ не потрудился перешагнуть порога мастерской, и которую состряпалъ „отъ себя“, по старому и уже достаточно исчерпанному матеріалу (предполагаемъ, что такой матеріалъ у него былъ, хотя и въ этомъ можно еще сомнѣваться)“...

Не лучше отзывались и нѣкоторые изъ Московскихъ газетъ. Въ „Русск. Курьерѣ“ (21 апр., № 107) *С. Ф.* писалъ, напр.: „Г. Ивановъ (экспон.) фигурируетъ съ вымученною картиною, которая, конечно, осталась бы совершенно незамѣтной, если бы не одно маленькое обстоятельство, заставившее на нее взглянуть...

Вспомнить, что г. Ивановъ уже не въ первый разъ трактуетъ „переселенческій вопросъ“, а сразу сообразилъ, въ чемъ тутъ дѣло. Значитъ, фхалъ бѣдный переселенецъ степью и умеръ. Можетъ быть вдругъ, можетъ быть медленно хирѣть. Ну, и что же изъ этого? При чемъ тутъ гражданская скорбь, которая, очевидно, сѣдала г. художника, писавшаго эту картину? Люди вѣдь умираютъ вездѣ и всячески, — это ихъ удѣлъ, но не назначеніе искусства осквернить тайну смерти въ погонѣ за дешевыми эффектами. А это несомнѣнная погоня, расчесть на потрясеніе нервовъ зрителя иллюстраціей къ модному вопросу. Не говоря уже объ отвратительномъ впечатлѣніи и безцѣльномъ воспроизведеніи такихъ „сюжетовъ“, нельзя не указать на недомыслие нѣкоторыхъ художниковъ, которые „чудятъ“ себя терзаніемъ „скорбно-гражданскихъ“ темъ, мало ими обдуманныхъ“. „Сильное впечатлѣніе, — говоритъ напротивъ *В. С.* въ „Русск. Вѣдом.“ (22 апр., № 109), — производитъ картина г. Иванова: Въ дорогѣ, изображающая смерть крестьянина-переселенца въ дорогѣ, среди пустынной мѣстности. ...Лежащая вдова, намъ кажется, уже своимъ положеніемъ чертѣчь поддерживаетъ сцену и врядъ ли отличается правдивостью, — это положеніе, далеко не въ первую минуту смерти мужа, ослабляете, по нашему мнѣнію, характеръ матери, какимъ онъ является въ народѣ. Тяжелые тоны при яркомъ солнцѣ еще болѣе подчеркиваютъ сюжетъ картинны“. „Составъ другой характеръ носитъ на себѣ картина г. Иванова: Въ дорогѣ — отмѣчалъ *Н. К.* въ „Моск. Лист.“ (2 мая, № 121). Художникъ сразу поражаетъ зрителя выборомъ сюжета, который, самъ по себѣ, уже интересенъ. Онъ рисуетъ зрителю безконечную голую степь, пробираясь черезъ которую небольшая семья „переселенцевъ“ потеряла главнаго своего вожака и главу семьи — отца и мужа. Повторяю, что сюжетъ самъ по себѣ слишкомъ трагиченъ и крикливъ, чтобы не производить извѣстнаго чисто-вернаго впечатлѣнія, если же къ нему присоединились еще и талантъ художника, хорошій рисунокъ и живыя, хотя и нѣсколько сухія краски, то въ результатѣ несомнѣнно получилась сильная картина“. „Въ числѣ такихъ курьезовъ, произведеній г. Иванова принадлежитъ безусловно первое мѣсто, — провозглашалъ напротивъ *Ам.* въ „Русск. Мысли“ (май, с. 193). На его картинѣ: Въ дорогѣ — все желто-желто, какъ въ несочинѣ. ...Изъ этого познавъ съдѣдуетъ, что мужики иногда умираютъ дорогой

въ полѣ, бабы отъ того въ огорченіе приходятъ и падаютъ нычкомъ, дѣти же ничкомъ не падаютъ, а сидятъ и ничего не понимаютъ. Нечего сказать, блестящая идея и весьма плодотворная. Хорошо, что эта картина попадетъ въ галерею П. М. Третьякова въ вѣчное пазиданіе молодымъ художникамъ, чего изображать не должно. „Вотъ еще одна изъ такихъ же картинъ, но только бьющая на другую струну человеческой души, — говорилъ *В. П. Карповъ* въ „Харьк. губ. вѣд.“ (17 сент., № 240). Картина г. Иванова: На дорогѣ рисуетъ передъ нами бѣднаго переселенца, умершаго въ пути. Сюжетъ дѣйствительно потрясающій душу зрителя, и нельзя не сказать, что онъ исполненъ художникомъ очень хорошо. Но что же говорить этотъ сюжетъ? Такія несчастія беспрестанно бывають съ людьми. Есть прекрасная польская поговорка — въ жизни, какъ на дворѣ, т.-е. все бываетъ — и снѣгъ, и дождь, и солнышко, и градъ. Но смерть на пути въ дорогѣ — составляетъ (ли) характерную, такъ сказать, повальную черту въ жизни переселенцевъ. Конечно, нѣтъ. Конечно, это спорадическій случай. Зачѣмъ же брать его для сюжета картины? Зачѣмъ этимъ сюжетомъ разбивать у переселенцевъ послѣднія надежды на лучшее, а зрителей картины вводить въ разочарованіе жизнью“.

Совсѣмъ иначе отнеслись къ этой картинѣ Одесс. и Кіев. газеты. „Ивановъ“ писали, напр., въ „Новоросс. Телегр.“ (8 нояб., № 4589), — выставилъ очень хорошую, хотя и недостаточно колоритно и сочно написанную картину: На дорогѣ, — картину, полную драматизма по своему сюжету. Эта печальная исторія переселенцевъ, которые, рассчитывая на лучшую долю, со всѣмъ своимъ скарбомъ потащились въ далекій путь. И вотъ стряслась бѣда: кормилецъ семьи умеръ въ дорогѣ. Лежитъ онъ съ покрытымъ лицомъ, съ старой иконой на груди. Съ ужасомъ смотритъ на него, вытаращивъ глаза, дочка-подростокъ и рыдаетъ жена, припавъ лицомъ къ землѣ. Картина эта очень плохо повѣшена и много отъ этого проигрываетъ: впрочемъ, то же самое можно сказать и о многихъ другихъ картинахъ, совсѣмъ не у мѣста и не по свѣту повѣшенныхъ“. „Г. Ивановъ — колористъ съ тонкимъ чутьемъ, — замѣчалъ *А. Эртель* въ „Кіевлян.“ (15 дек., № 273). Въ его картинѣ: Въ дорогѣ — нѣтъ игры и блестящаго разнообразія сочетанія цвѣтовъ, но зато — есть характерность и полная правда. Что касается сюжета картины, то онъ простъ, и

эта простота только усиливаетъ потрясающую драму, которую художникъ проводитъ предъ нами. Фигуры тутъ говорятъ сами за себя“. „Весьма интересной картиной, какъ по письму, такъ и по содержанію, — говорилось въ „Кіев. Словѣ“ (1 янв. 1890, № 854) — представляется: На дорогѣ, С. В. Иванова. Среди пустой степи стоитъ повозка, нагроможденная убогими скарбомъ переселенческаго семейства. Незачѣмъ теперь ѣхать дальше, ибо дорогою случилась страшная катастрофа — умеръ кормилецъ семьи. Его трупъ съ покрытою головою и съ святою иконою на груди положенъ около дороги — аносъ прибѣжій жертвуетъ что нибудь въ пользу сиротъ. Убитая горемъ жена и оббитая невыразимымъ ужасомъ дочь дополняютъ содержаніе этой картины. Исполненіе ея твердое, ясное нѣсколько напоминающее манеру Верещагина“.

Наконецъ, если не болѣе, то и не менѣе, толковъ явилось въ печати по поводу произведенія, выставленнаго нашимъ художникомъ въ 1890 г. — „Выдается картина г. Иванова: Бродяга по своему сюжету, — признавалъ *Художникъ* въ „Синѣй. Отеч.“ (13 февр., № 41); но только эту картину можно было хорошо написать и въ сотую часть теперешней ея величины, и она отъ этого нѣсколько бы не потеряла“. „Болѣе удовлетворительною, — говорилось въ „Петерб. Газ.“ (14 февр., № 43), — оказалась намъ картина С. В. Иванова, съ изображеніемъ молодого бродяги, котораго привелъ городской въ участокъ“. „Бродяга“ Иванова и „Что есть истина?“ принадлежать къ числу наименѣе удачныхъ, — замѣчалъ „День“ (14 февр., № 604). „Ивановскій Бродяга не далеко ушелъ отъ Вистаніа (Матвѣева), — писалось въ „Петерб. Лист.“ (14 февр., № 43). Мальчишка-оборванецъ, приведенный въ участокъ изображенъ не дурно, почти рельефно, — также, какъ и приведенный его городской, но, въ общемъ, картина ничего не доказываетъ, кромѣ того, что г. Ивановъ рисовать умѣетъ. А вѣдь художникъ, очевидно, желалъ заставить зрителя придуматься, пожалѣть бродягу“. „Въ области жанра остается сказать нѣсколько словъ о Бродягѣ, г. Иванова, и въ ожиданіи найма, г. Зоменка, — замѣчалъ *М. Соловьевъ* въ „Моск. Вѣд.“ (16 февр., № 46). На первой, въ профиль и натуральную величину, — городской и мальчуганъ. Письмо — плоско, типы не характерны. Вѣзлый или свѣтлый фонъ картинъ рѣзко выдѣляетъ контуры и съдѣляетъ всю модельировку, рельефность. Испанскіе художники XVII в. любяли писать этюды въ полную

фигуру въ натуральную величину. Подъ такими картинами подписывались имена: Сурбарана, Вальаскеза, Риберы, но далеко до нихъ и „бродягъ“, и „городовому“, да и времена не тѣ: кого соблазнить искушеніе занять чуть не цѣлую стѣну городовымъ и бродягой, если только картина не писана художникомъ въ собственнаго употребленія; если же такъ — зачѣмъ она на выставкѣ? „Въ совершенно-передвижномъ духѣ задуманъ Бродяга, Иванова — по отзыву „Недѣли“ (18 февр., № 7). Городовой, на лицѣ котораго написана исполнительность и повиновение начальству, привелъ въ полицейскій участокъ оборваннаго мальчишку, у котораго испорченность и пороки (среда заѣла) отпечатаны во всѣхъ чертахъ лица и даже выглядываютъ изъ боковаго кармана, въ видѣ пачки папирсъ. Если хотите, вся эта сцена написана хорошо и даже очень, — но она и очень мало интересна.“

„Картина С. И. Иванова: Бродяга — замѣчать *Н. С.* — въ „Живоп. Обзор.“ (18 февр., № 8, с. 131), — также написана съ „идеей“. Идея эта выражена въ видѣ мальчишки-бродяги, олицетворяющаго развращенное городское молодое поколѣніе. Здѣсь-же предстаетъ идея порядка и исправленія въ видѣ невозмутимаго городского.“

Особаго отъ всѣхъ мнѣній держался *В. Стасовъ*, давая въ „Сѣв. Вѣст.“ отчетъ о „перед.“ выставкѣ и ея критикахъ“ (№ 3, с. 89—90). „Наконецъ, и еще одинъ изъ новопробылыхъ, Ивановъ, до сихъ поръ писавшій (и прекрасно) все только переселенцевъ на далекой нашъ Востокъ, выступилъ съ большой картиной на самый, что ни на есть, русскій общій, повсюдшій сюжетъ: Городовой приводитъ въ участокъ мальчишку-бродягу. Иные жалуются на то, что обѣ фигуры стоятъ въ профиль, одна за другой; я не могу жаловаться на это. Отчего бы имъ не стоять обомъ въ профиль, когда такъ по минутно бываетъ въ натурѣ, и что это за академическія нелѣпыя правила! Всѣ вѣчно рады жаловаться на Академію, а посмотритъ, при первой оказіи, тотчасъ разсуждаютъ какъ самые закоренѣлые академики и профессора. Что значить академическая прочная отравы въ продолженіи столькихъ лѣтъ! Но, какъ бы ни было, эти двѣ фигуры сильно меня восхищаютъ. Все въ нихъ — сущая правда и истина, ни единой выдуманной черточки и фальши въ уладу „правилъ“. Солдатикъ-городовой, молодой и узколюбый, столько же вѣренъ и истенъ, какъ прошлогодніе солдатики Пастернака, сидящіе, лежащіе, читающіе, слушающіе и курящіе. Онъ пришелъ со своей добычей въ контору, всю за-

брызганную по стѣнамъ чернильными клексами, ну и ждать дальѣйшаго рѣшенія, со своими померанцовыми жутами на плечахъ и оловянными шариками подлѣ нихъ, со своей немощно протянутой впередъ, изъ подъ черной шинели, головой, кругленькой какъ буль-де-томъ, и со своими востренькими, какъ у мышенка, глазами. А пойманный мальчишка, въ огромныхъ чьихъ-то чужихъ, стоптанныхъ башмачищахъ на босу-ногу, въ лохмотьяхъ, дерзкій, мерзкій и тупой, со взъерошенными волосами, съ коробочкой спичекъ въ верхнемъ карманѣ блузы (конечно, онъ уже давно куритъ, еще бы ему не курить!) — это субъектъ ужасный, будущій преступникъ, которому однажды придется навѣрное прогуляться по Владиміръ. Но что это за неподкупная правда изображенія, что за превосходный снимокъ съ живой натурѣ! Это прямо одинъ изъ субъектовъ Достоевскаго. Само собою разумѣется, наши судьи и критики, въ добродѣтельномъ жеманствѣ и фарисейской коммльфовности своей, отшлеиваются отъ такой „неблагопріистойной“ картины. Имъ бы только что по фальшивѣ, подальше отъ натурѣ, по выдуманнѣе. Ну, да для нихъ законъ не писанъ. А картина — прекрасная, и, кажется, Ивановъ еще много пойдетъ впередъ.“

Отдѣльнаго отъ Петерб. газетъ мнѣнія держались и Моск. журналы. Такъ въ „Русс. Вѣдом.“, и *Буква* (25 февр., № 54), и *В. С.-с.* (14 апр., № 100), писали слѣдующее: 1-й — „Типичный подлѣтченъ подростокъ Бродяга, г. Иванова (С. В.), неисправимый воспитанникъ исправительныхъ колоній, но у сопровождающаго его молодого городского — странная фигура свѣтскаго фата. Вѣроятно, такъ нужно было для большаго контраста“; 2-й — „Совершенно другого рода уличный типъ мальчика представляетъ на настоящей выставкѣ картина г. Иванова: Бродяга. Этого мальчишка-бродягу сопутствуетъ городовой и сопутствуетъ, вѣроятно, не въ первый разъ; по крайней мѣрѣ, лицо мальчишка не выражаетъ никакого смущенія отъ грозной обстановки, его окружающей; въ душѣ воронки уже сложились твердо своя жизнь и ярко отразилась въ выраженіи и самомъ типѣ его лица. Нельзя не пожалѣть, что картинѣ этой приданы слишкомъ большіе размѣры и массивная фигура городского занимаетъ большую часть полотна, а между тѣмъ фигура эта является какъ бы аксесуаромъ при главномъ сюжетѣ: она только дополняетъ и подчеркиваетъ сюжетъ; притомъ же эта большая фигура написана крайне небрежно.“ Затѣмъ *Глаголь* говорилъ въ „Артистѣ“ (№ 7,

апрѣль, стр. 104): „Тему, близкую къ тюремной жизни, выбралъ и г. Ивановъ. Этого художника давно влечетъ къ себѣ область „униженныхъ и оскорбленныхъ“, и на сей разъ онъ подошелъ къ ней съ совершенно новой стороны. До сихъ поръ въ его картинахъ васъ поражала сама, происходящая передъ вами, драма. Отдѣльных дѣйствующихъ лицъ вы почти не замѣчали и они не оставались въ вашей памяти. Теперь передъ вами типъ, и типъ настолько удачно схваченный, что онъ долго остается въ нашемъ воспоминаніи. Смотра на этого подрастающаго парю человечества, вы чувствуете, что онъ преступникъ не потому только, что онъ попалъ съ полиціею, а потому, что онъ носитъ эту преступность въ глубинѣ своего дегенерированнаго мозга, и дайте вы ему все, что ему хочется украсть, онъ все-таки останется преступнымъ или въ разгулѣ разврата, или въ рукахъ разыгрывающихся и ничѣмъ не уравновѣшенныхъ страстей. Городовой съ тушюнымъ лицомъ еще болѣе отбѣиваетъ „бродягу“ и, за интересомъ лицъ, забываются техническіе недостатки; одно только, что бросается непріятно въ глаза,—это громадность фигуръ. Картина сѣмью могла быть вдвое, вчетверо меньше, и не мало, бы отъ этого не потеряла.“

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 126/1882, и „Катал. вышелою. выст.“—Снимки съ карт., отмѣт. *, помѣщ. въ „Иллюстр. каталогахъ“ соотвѣств. выставокъ, изд. Н. П. Собоко.

Ивановъ, Сергій, живописецъ. Вольно-приход. ученикъ И. А. Х., онъ, „во вниманіе къ хорошимъ познаніямъ въ живописи исторической и портретной, которыя доказаны исполненными имъ работами“, удост. былъ Академич. Совѣтомъ 17 дек. 1853—званіи некл. художника, въ которомъ и утвержд. Общ. собраніемъ 11 окт. 1854, въ чемъ ему былъ выд. аттестатъ 30 нояб. того года. Состоя затѣмъ преподавателемъ Моск. Училища живописи, ваянія и зодчества, онъ былъ оставленъ Правит. Сенатомъ безъ утвержденія въ чинѣ тит. сов. по недостатку свѣдѣній, когда онъ былъ возвед. въ званіе академика. Вслѣдъ этого, Канцелярія Совѣта Моск. Худож. Общ. просила Канцелярію И. А. Х. 8 февр. 1869 сообщить ей означ. свѣдѣніе, присовокупляя, что дипломъ на званіе академика (sic) Ивановъ получ. 30 нояб. 1854. На это послѣдняя отвѣтила 15 февр., что „академикъ (sic) Сергій Ивановъ удостоенъ сего званія въ Общ. Собраніи 10 окт. 1854, съ правами, присвоенными ст. 730-й т. III вн. I Уст. о службѣ по опред. отъ Правит. (изд. 1857 г.)“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 49/1869.

Ивановъ, Сергій Ивановичъ, скульпторъ. Род. 1828 (а не 1830, какъ приним. прежде). Воспитанникъ Моск. Воспит. Дома, уволенный отсюда 11 авг. 1838, и ученикъ Н. А. Рамазанова по Моск. Училищу живописи и ваянія, онъ исполнилъ въ 1848 копію съ антич. статуи „Фаунъ съ тарелками“, которая и была представл. въ И. А. Х. при письмѣ самого преподавателя отъ 30 сент. на имя Совѣта и вице-президента, гр. Ѳ. П. Толстаго, съ просьбой объ удостоеніи его питомца—званія своб. художника. Но Совѣтъ Акад. отвѣтилъ и ему (25 апр. 1849), и Совѣту Моск. Худож. Общ., приславшему свѣдѣтельства объ увольненіи И—ва изъ Воспит. Дома и объ исполненіи имъ копій безъ всякой постор. помощи (17 іюня),—что для полученія означ. званія д. б. исполнены оригиналы произведенія. Представленные же Рамазановымъ съ тою же цѣлю барельефы раб. И—ва: „Илья Пророкъ“ и „Сатиръ, уцающій Аполлона играть на флейтѣ“ найдены были Академіей 17 апр. 1850 слабыми, и только, по присл. „бюсту артиста Ленскаго“ съ нат. и по доставк. на Акад. выст. 1850 „бюсту академ. Добровольскаго“, онъ признанъ былъ некл. художникомъ 25 сент., а за выставл. имъ въ Акад. въ 1854 фигуры: „Львица и лань“ въ гипс. слѣпкѣ и, въ особ., „Мальчикъ въ бѣлѣ“ (наход. въ гипс. слѣпкѣ въ А. Х. и изъ мрамора—въ гал. Третьяковскихъ), онъ получ. званіе академика 6 окт. Послѣ того имъ исполнены были бывшіе на выставкахъ въ Моск. Учлн. живописи и ваянія въ 1856: „Мальчикъ на лошади“ и „Неаполит. рыбацекъ съ раковиною“, въ Моск. Общ. Любит. Худож. въ 1865: „Материнская любовь“ (грав. на деревѣ Л. Стряковымъ для „Худож. Сборника“, изд. подъ ред. гр. А. С. Уварова, М. 1866), и, наконецъ, въ И. А. Х. въ 1876: „Проектъ памятника Пушкину“ (грав. на деревѣ въ „Кругозорѣ“ 1876, № 12, с. 187). Онъ изд. особую „Объяснит. записку, о проектѣ памят. Пушкину“, СПб. 1875.

Завѣвъ послѣ Рамазанова мѣсто преподавателя скульптуры въ Моск. Учлн. живописи, ваянія и зодчества, С. И. рѣдко появлялся со своими произведеніями на выставкахъ, но въ мастерской его (въ 1883 г.) наход. слѣдующія его произведенія: бюсты С. В. Шумскаго, В. И. Живокини, П. М. Садовскаго, И. А. Крылова; статуя св. ан. Андрея Первозв.—для Историч. Музея, эскизъ статуи „Моисей, источ. воду изъ камня“—для предпоп. бассейна въ Кремлѣ; группы: „Подѣлудъ Иуды“, „Тигръ, вышедшій въ шею наступившаго имъ оленя“, и

оканчивавшіяся въ то время: „Львица съ дѣтми“ (изъ краснаго воску) и „Сцена охоты“—повтеръ на стойкѣ и охотникъ, готовый стрѣлять.

Когда же работы Иванова явились на обществ. судъ, онѣ вызывали похвалы соврем. худож. критики. Такъ, относит. его „Мальчика въ банѣ“ говорилось въ 1854 г. въ „Современ.“ (№ 11, „Петерб. новости“, с. 125), что онъ „отличается характеромъ дѣтской наивности и граціи“, и

32. Мальчикъ въ банѣ.

Статуя С. И. Иванова, 1854 г.

что „линія наклоненія головы и поза руки, приложенной къ груди, прекрасно выражаютъ наслажденіе, испытываемое мальчикомъ подъ потокомъ свѣжей воды, которую онъ себя оканчиваетъ изъ шайки“. Въ „Отеч. Зап.“ (№ 12, смѣсь, Петерб. замѣтки, с. 78—79),—что статуя эта „отличается спокойствіемъ и граціей, которая разливается по всей фигурѣ съ головы до ногъ; что „счастливъ художникъ, что, не заимствовавъ своего сюжета ни изъ греч. мифологій, ни изъ древ. исторій, отыскалъ его

въ нашей обыденной жизни, и счастливъ потому, что подобный сюжетъ не только допускается наготу, не сообразную съ нашимъ климатомъ и нашими нравами, но даже требуетъ ея“; но что „не только счастливый выборъ сюжета, намъ близкаго, дѣлаетъ эту статую замѣцательною и интересною,—въ ней заключаются (и) другія достоинства: граціозная постановка, мягкость линій и поразительное выраженіе нѣги и удовольствія въ улыбкѣ, въ движеніи лѣвой руки, положенной на грудь, и во всей позѣ „Оканчивающагося мальчика“. Въ „Москвитин.“ (№ 12, с. 268, въ ст. *Н. Раманова*),—что „эта статуя такъ удачна по выбору сюжета, сочинена съ такою простотою и исполнена съ такою пріятностію, что, послѣ статуи „Рыбачка“ пок. Ставассера, бывшей на Академ. выставкѣ въ 1839 г., онъ не выдалъ подобной“ и что „общій отзывъ Моск. публики относится также въ пользу этой статуи, обратившей на себя вниманіе одного изъ знатоковъ здѣшней столицы—г. С. Г. Строганова“; а въ 1855 (№ 3, с. 59, въ ст. *В. Пякшина*),—что „Мальчикъ въ банѣ“, Иванова,—есть такое чудное созданіе, что, смотря, какъ онъ послѣ нашенія оканчивается холодноею водою, самъ чувствуешь это прохладжающее теченіе воды по тѣлу, раскаленному паромъ“.

Также сочувственно отзыв. критика и о послѣдующихъ произведеніяхъ Иванова. „Русс. Вѣст.“ 1856 г. (мартъ, кн. 2, совр. дѣл., с. 72, въ ст. *Любителя*) говорилъ, напр., описывая выставку, что „первое мѣсто занимала статуя „Неаполит. рыбачекъ съ раковиною“ акад. Иванова, давно уже знакомаго публикѣ своими произведеніями, изобличающими отличный талантъ: рыбачекъ служатъ доказательствомъ, что художникъ идетъ все впередъ“; что „еще очень миленькая вещь г. Иванова — „Мальчикъ на лошади“: здѣсь прекрасно переданъ характеръ деревенскаго мальчика и простого рабочаго животнаго“.

Про „Мать съ ребенкомъ“ *А. Фетъ* писалъ въ „Худож. Сборникѣ“ 1866 г. (с. 85—92): „Статуя г. Иванова представляетъ въ высшей степени отрадное явленіе. Она какъ бы вся вышла изъ глубокаго и задумческаго изученія антиковъ. Уже одна простота сюжета громко говоритъ въ пользу художника... Г. Ивановъ избралъ немногосложною задачею—нагу мать, любующуюся своимъ младенцемъ, котораго во всю длину рукъ приподняла надъ своею головою. Такой естественный порывъ материнской нѣжности могъ произвести общее и извѣстное

движение — во время купанья матери и младенца, и потому не представляет ничего изысканнаго; а между тѣмъ поза матери дала возможность художнику найти самыя очаровательныя линіи въ игрѣ прекраснаго женскаго тора...

„Мы нисколько не настаиваемъ на мысли, будто статуя г. Иванова навѣяна единственно его знакомствомъ съ антиками. Для насъ достаточно встрѣтиться въ ней съ тѣмъ, чѣмъ мы привыкли наслаждаться въ антикахъ, — строгими отношеніемъ къ искусству и красотѣ. Мы даже имѣемъ поводъ думать, что художникъ скорѣе обязанъ помянутыми совершенствами статуи — собственному таланту, чѣмъ долговрем. изученію антиковъ; въ такому соображенію приводитъ насъ голова матери... Всякая голова древней греческой статуи лучшаго періода есть идеальная голова. Этой-то идеальности и даже простаго греческаго типа — мы и не находимъ въ головѣ статуи г. Иванова. Вся статуя — въ половину натуральной величины, и потому сравнительно небольшая головка матери носитъ на себѣ типъ обыкновенной современной римлянки. Но... какое намъ дѣло до того, гдѣ почерпалъ художникъ такое вѣрное чувство красоты? Довольно того, что ояъ заставляетъ насъ чувствовать эту красоту и проникаться ею. ...Въ этомъ-то его неотъемлемая и высокая заслуга. ...Высокое качество чистоты — общее у статуи г. Иванова съ лучшими произведеніями древности. Совершенно нагая статуя матери и младенца — можно сказать одѣта непорочностью.

...Поза, выбранная художникомъ для своей статуи, дѣлаетъ величайшую честь его таланту. Она самая естественная и, въ то же время, самая выгодная для его художественной дѣли... За то и просвѣтъ между младенцемъ и матерью вышелъ не для эффекта, а въ силу самой вещи.

...Любязъ выставленной статуей, мы слышали сожалѣніе нѣкоторыхъ о томъ, что художникъ, наклонувъ на голову фигуры платокъ, напрасно отяжелилъ ее и лишилъ гармонической воздушности... Свободный художникъ захотѣлъ создать статую, независимую отъ слишкомъ явныхъ условій времени и мѣста. Признаемся, у насъ не хватило духу порицать художника за такую горделивую смѣлость... Но, выбравъ для статуи безразличный типъ лица, художникъ долженъ былъ остановиться передъ новымъ затрудненіемъ, какъ причисать эту голову? ...Правда, вездѣ и во всѣ времена женщины въ извѣстные моменты распускаютъ свои волосы, но „распущенные волосы, прекрасные

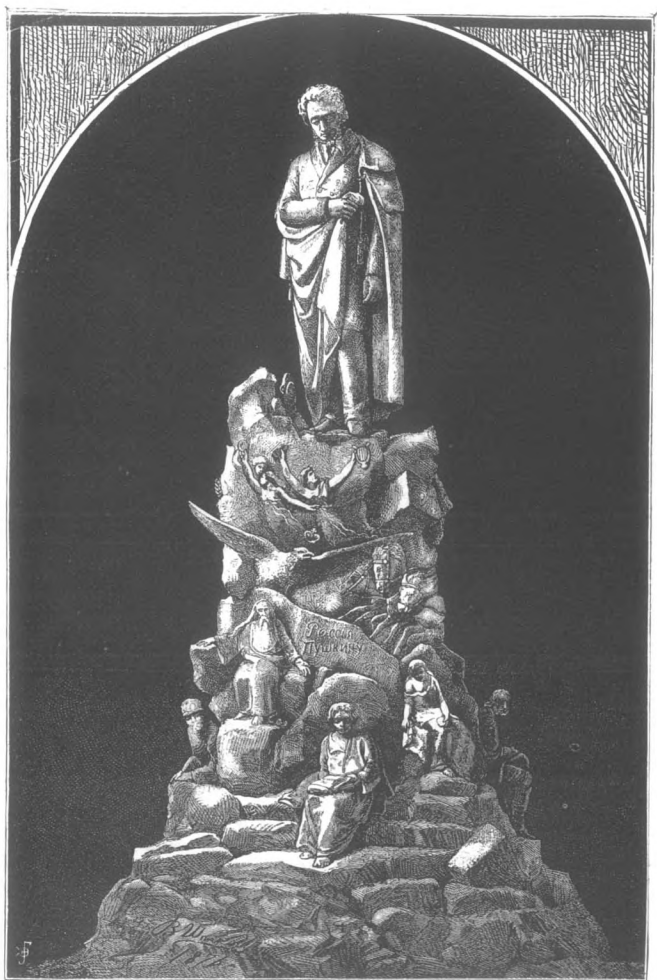
въ живописи, — безобразны въ скульптурѣ, враждующей со всѣмъ плоскимъ, прилизыннымъ. Только по этому художникъ и не рѣшился растянуть складки платка, стаявшею его полнотѣе на головѣ фигуры.

„Мы слышали, что г. Ивановъ уже приступилъ къ воспроизведенію статуи въ мраморѣ и намъ остается пожелать, чтобы онъ и въ этомъ матеріалѣ сохранилъ ту тѣлесную мягкость, которую дышетъ его гипсовая работа. Нѣтъ ничего холоднѣе и жестѣе тѣхъ рафенатныхъ фигуръ, какими нерѣдко поддучаетъ публику современная, черезъ-чуръ охорашивающаяся скульптура. — Мы видѣли на выставкѣ небольшія модели задуманныхъ г. Ивановымъ новыхъ работъ и можемъ ему посоветовать воздерживаться отъ скученныхъ группъ вообще и отъ лежащихъ въ особенностяхъ...”

Относит. „Проекта памятника Пушкина“, раб. Иванова, соврем. критика замѣчала въ 1875 г.: „жалъ, если Комитетъ (по присуж. премій) не обратитъ вниманіе на этотъ новый замѣчательный, по глубинѣ замысла и художественности, проектъ, — какъ писалъ *Н. Чавесъ* въ „Соврем. Извѣст.“ (3 апр., № 92, и почти тоже въ „Моск. Вѣдом.“, 25 окт., № 271). Статуя поэта необыкновенно изящна; о сходствѣ и говоритъ нечего; онъ стоитъ, слегка склонивъ оригинальную свою голову, какъ бы задумавшись надъ своими созданіями... Пѣвецъ стоитъ на скалѣ, исчезающей почти подъ барельефами, начинающимися съ горельефа (реальный міръ) и переходящими постепенно, вверхъ, къ статуѣ, — въ легкіе образы сказочнаго міра...

„Легкую, красиво вереницей образы (эти) какъ бы вьются около задумавшагося надъ ними поэта, перехода постепенно отъ полу-рельефа въ легкія очертанія сказочныхъ резъ-видѣній... Поэтические образы гораздо меньше статуи поэта, но вьются съ ней необыкновенно гармонично. Общее модели — простота и ясность въ выраженіи каждой изъ фигуръ — напоминаетъ рѣзную музу Пушкина, выражавшуюся тоже легко и ясно. ...С. И. Ивановъ дѣлаетъ 3-ю модель; послѣднюю, какъ видите, можно назвать безъ преувеличенія — очень удачною: все въ ней полно смысла, все прочувствовано и обдуманно глубоко... Я пишу эти строки съ цѣлью обратить просвѣщенное вниманіе г.г. членовъ Комитета на это замѣчательное худож. произведеніе нашего даровитѣйшаго скульптора“.

„И вотъ, на текущей выставкѣ въ И. А. Х. явился новый проектъ — плодъ многосторонняго изученія созданій Пушкина, — писалось въ „Кру-

33. Проектъ памятника Пушкину,
 раб. С. И. Иванова, 1875 г.
 (Изъ «Кругозора» 1876, № 12, с. 187).

гозоръ" 1876 (№ 12, с. 188—9). Московскій художникъ, академикъ С. И. Ивановъ, отнесся къ своей задачѣ съ подобающимъ уваженіемъ и во всеоружіи громадной подготовки. Въ основаніи идеи проекта памятникъ А. С. Пушкину положено его стихотвореніе... Пушкинъ говоритъ, что онъ самъ себя воздвигъ памятникъ перуковтврный; это выражается въ проектѣ тѣмъ, что статуя его утверждается на пьедесталѣ, покрытомъ образами нѣх его стихотвореній, поэмъ и драмъ. Эти образы, выгнанные барельефомъ и горельефомъ, вѣсь вокругъ пьедестала и окружающа его, какъ бы образуютъ основаніе статуи для Пушкина, какъ бы несутъ ее...

Наконечъ *Урусова* сдѣлалъ въ „Радугѣ“ 1883 (№ 30, с. 695) слѣд. общее замѣчаніе насчетъ нашего художника: „Талантъ г. Иванова—вѣсьма многостороненъ и равно прекрасно выражается какъ въ историч. статуяхъ, въ бюстѣ, портретахъ, такъ и въ воспроизведеніи поэтич. фантазій, какъ своихъ собственныхъ, такъ и заимствованныхъ“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 2/1869 — „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 97, 180, 144, 169, 224. — „Указат. вѣст. въ И. А. Х.“: 1850, 145; 1854, 5, 102; 1876, 114. — „Русс. Вѣст.“ 1856, № 5, соврем. хѣтол., 72. — Статьи о немъ въ „Художеств. Сборникъ“, гр. Уварова, I, 75 — 93 (А. Фета, — критикъ, съ рис.), и въ „Радугѣ“ 1883, № 30, 695 (*Урусова*). — Статьи о памят. Пушкину, 1875 г.: въ „Соврем. Извѣст.“ № 92; въ „Моск. Вѣд.“, № 271; въ „Кругозорѣ“ 1876, № 12, съ рис.

Ивановъ, Сергѣй Ковальичъ, архитекторъ и живописецъ XVIII ст. Сынъ фельдшера Придв. Конторы, онъ просилъ Канцелярію отъ строенія Е. П. В. домовъ и садовъ въ авг. 1745 о принятіи его въ „архитектурную науку“, но принятъ былъ къ „живописнымъ дѣламъ“ въ команду маст. Лон. Доридкаго.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1745, оп. 78/190, № 31.

Ивановъ, Сергѣй Петровичъ, архитекторъ. Род. 1831. Воспитанникъ Строит. Учил. съ 17 іюля 1843 по 25 іюня 1851, на суммѣ Гл. Управл. Пут. Сообщ., онъ былъ выпущ. съ чиномъ губ. секр.—архитект. помощникомъ въ Тамбовскую губ. Строит. и Дорожн. Комиссію. Послѣ того онъ былъ производителемъ работъ въ Оренбургской Комиссіи (съ 1861), наход. въ отставкѣ (съ 1863), служилъ сверхштат. техникомъ Строит. отд. Черниговскаго Губ. Правл. (съ 1871); затѣмъ, причисл. къ Мин. Внутр. Дѣлъ, былъ откомандированъ въ распоряж. Минскаго Церковно-Строит. Присутствія для занятій по

постройкѣ правосл. церквей, а потомъ назван. Минскимъ губ. архитекторомъ (въ 1872); наконецъ, состоялъ при Технич.-Строит. Комит. (съ 1878), Тульскимъ губ. инженеромъ (съ 1879), Астрахан. городскимъ (съ 1885), Таврич. губернскимъ (съ авг. 1891).

См. *Г. В. Барановскаго*, „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, I, 130, и служ. ему дополн., рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Сидоръ, кунганъ, и мѣдныхъ дѣлъ мастеръ Серебр. Палаты въ Москвѣ, 1675—88. Дѣлалъ въ 1676, сент. 25, кунганъ Государю въ хоромы.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119 (упом. въ 3-хъ мѣст.). — *А. Виктора*, „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. прикнз.“, II, 519 (изъ прих. расх. кн. Ор. Пал. за № 1028/867).

Ивановъ, Смирной, Каменнаго Приказа 4-й подмастерье камен. дѣлъ (архитектор. помощникъ) въ 7124, т.-е. 1616 г., въ Москвѣ.

См. „Древности“, I, Матер. для Археол. Слов., 87 (упом.).

Ивановъ, Софроній, иконописецъ кормовой въ Москвѣ. Былъ въ 1660 у „Архангельскаго письма“.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 150.

Ивановъ, Станиславъ, серебряникъ въ Москвѣ, 1662 г. Родомъ полякъ.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119 (упом.).

Ивановъ, Стенька, мастеръ — серебряникъ „гладкаго дѣла“ въ Москвѣ, 1660—63.

См. *И. Забѣлина*, тамъ же, 119.

Ивановъ, Степанъ, ценянныхъ дѣлъ мастеръ въ Москвѣ. Дѣлалъ въ 1668 г. 2000 образцовъ ценянныхъ поясовыхъ, въ дл. 8 верш., большіе и меньше, попер. 7 верш., — на украшеніе ц. Георгія Неокесарійскаго за Москвою.

См. *И. Забѣлина* „Обозр. финифт. дѣла“, 55.

Ивановъ, Степанъ, живописецъ XVII в. Украшалъ, какъ и др., разныхъ дѣлъ мастера и живописцы, б. ч. поляки, призв. въ Москву во время польской войны: Юр. Ивановъ, Степ. Зиновьевъ, Ив. Мировской, Андр. Павловъ, Степ. Петровъ, съ учениками, — окна, двери и подволоку (плафонъ) искусною рѣзбою въ нов. вкусъ, которую вызолотили, а плафонъ росписали, въ новой столовой избѣ, постр. въ 1660, вмѣсто старой, вѣроятно обветшавшей, — по вымыслу инженер. и полков. Густ. Дегенлина.

См. *И. Забѣлина* „Домаш. бытъ русс. дарей прежняго времени“ — въ „Отеч. Зап.“ 1851, т.

ЛХХІУ, № 2, отд. II, с. 170 (изъ расч. кн. Каз. Прик. №№ 1015, 1083), и въ отд. изд.

Ивановъ, Степанъ, Моск. живописецъ въ СПб. Оставленъ былъ въ мартѣ 1750 „для опернаго дома“ у Валериани.

См. „Архивъ дирекціи Имп. СПб. Театр.“, I, II, 8 (9) и 11 (11).

Ивановъ, Степанъ Анапичъ, живописецъ. Род. 1761 г. Изъ мастеров. на Имп. Фарфор. заводѣ дѣтей, поступ. въ завод. гимназію въ 1766, въ живописцы въ 1775; получ. жалованія 76 р. 70 к.; служ. еще въ 1809.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабин. 1809, оп. 151/320, д. 18/67, л. 30 об., и Придв. Конт.: 1788, оп. 122/556, д. 3, с. 25.

Ивановъ, Степанъ, рѣшникъ XVIII в. Изъ крестьянъ с. Благовѣщенскаго, вотчины Слассо-Ярославскаго мон., онъ былъ на службѣ въ Москвѣ, а съ 1744 взять въ СПб. въ Гофъ-Интендант. Контору, гдѣ наход. въ 1746; затѣмъ въ 1747 и 1748 былъ на родинѣ; съ 1748 служилъ солдатомъ „батальона отъ строенія“ въ Петергоф. Конторѣ, а съ 1750 опред. рѣшникомъ въ Канцелярію Строеній.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1748, оп. 78/190, № 42.

Ивановъ, Степанъ, архитекторъ. Род. 10 сент. 1764, ум. Сынъ служителя барона. М. А. Строганова, онъ былъ опред. въ Академ. училище въ 1770 пенсіон. И. И. Бецкаго; находясь въ 5 возраста, получ. 2 и 1 с. м.—17 іюля 1785, а 20 іюля—меньш. зол. мед. за исполн. программы, запис. въ журналъ Совѣта 23 сент. 1784, равно какъ аттест. на званіе художника 14 кл. и шпату, причемъ еще съ 14 апр. 1785 назнач. былъ пенсіонеромъ за-границу.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, I, 163 (№ 10). 143—4. 281—2.

Ивановъ, Степанъ Фаддѣевичъ (а не Федосѣвичъ, какъ знач. въ нѣкотор. источникахъ), граверъ на мѣди. Род. 1749, ум. 29 мая 1813 въ СПб. (погреб. на Смоленскомъ кладбищѣ). Сынъ солдата Семенов. полка, онъ былъ прин. въ И. А. Х. до маад. брата Григорія, въ апр. 1763 г., 14-ти л., и сталъ ученикомъ Чемесова; находясь въ 5 возраста, онъ получ. 2 с. м. за рис. съ нат.—на экзам. 29 дек. 1767 (6 февр. 1768); затѣмъ, 30 іюля 1768 г. — 2 е награжд. зол. мед. за исполненіе прогр.: 1. „Устраненіе пробудившимся кн. Владиміромъ удара ножемъ, занес. надъ нимъ Рогѣевою во время сна“ (вѣроятно, около того онъ выполнилъ: 2. рис. и грав. „Новопоселенца“, а также: 3.

„Дѣвушку съ бокаломъ“, съ Міериса)¹⁾, и, наконецъ, 30 іюня 1770 — аттест. на званіе художника, съ правомъ на отпраз. за-границу въ качествѣ пенсіонера. Прибывъ моремъ къ берегамъ Франціи, вмѣстѣ съ Бѣльченковымъ, С. Васильевымъ и А. М. Ивановымъ, въ нач. октября того года, онъ поступ. въ учен. въ L'École de Peinture въ Парижѣ, гдѣ наградивъ: 4. „Голландку въ окнѣ“, съ Остада (см. рап. его отъ 15 мая 1773), и 5. мужской портретъ съ Снейдерса—для предполаг. изданія Саундерсово-й галлерей въ Эрмитажѣ, а потомъ переселился въ Римъ, гдѣ и гравировъ: 6. портретъ фельдмаршала кн. Голицына (см. рап. отъ 14 окт. 1773); 4 сент. 1774 былъ принятъ безъ баллотировки въ „назначенные“, съ 1775 заводить гравюр. классомъ въ А. Х.; 3 сент. 1782 получ. званіе академика за грав.: 7. „Пустынный“ (св. Францискъ), съ Г. Дова; 25 янв. 1785 былъ уволенъ, по прош., и вступ. въ СПб. Портв. Таможню. Изъ Россіи имѣ. были наградивъ портреты: 8. митроп. Моск. Платона и 9. гр. А. И. Мусина-Пушкина; въ 1794 онъ гравировъ: 10. 4-е плава, 3 фасада и 1 развѣзъ Академич. зданія; 5 окт. 1795 ему поруч. былъ, послѣ Радига, кл. гравировъ, которымъ онъ заведыв. до поступ. Клаубера, обучая между прочими и Уткина; въ 1799 принималъ присл. изъ Варшавы эстампы; будучи бібліотечникомъ А. Х., заслуж. въ 1805 орденомъ св. Владиміра 4 ст.

См. въ № 16 „Худож. Новостей“ 1889 г. статью П. Н. Петрова „О перечнѣ русс. гравировъ, Фіорилло“ (до 1726), и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, его же, I, 122. 126. 127. 738. 135. 141. 280. 281. 336. 344. 382. 417.—„СПб. Вѣдом.“ 1774, № 78.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: 64/1773, л. 3 и 13; 56/1774; 14/1794; 36/1805.—Д. Ровинскаго „Н. И. Уткинъ“, 1884, с. 41, и „Подроб. Словарь русс. гравировъ портретовъ“, 1889, алфав.

Ивановъ, Тарасъ, чеканщикъ и бронзовщикъ. Изъ вольноотпущ. сенатора А. Г. Телдова (съ 9 іюля 1806), онъ еще при Екатеринѣ II (въ 1777 г.) занимался въ А. Х. разными работами для Красносельскаго Ея И. Выс. Двора, а затѣмъ, имѣя отъ мастера литейныхъ и чеканн. дѣлъ Якимова работу по отливкѣ и чеканкѣ головъ херувимовъ и листовъ у пробной капители въ Казанскомъ соборѣ, пользовался поощреніемъ отъ Акад., по опред. Совѣта отъ 16 мар. 1807, согласно предлож. Президента гр. А. С. Строганова, послѣ же 1812, по приказ. того же Презид., наход. у заводчика Берта,

¹⁾ Если это не раб. его брата Гр. Фед. Иванова.

дѣлаваго капитали (въ числѣ 56-ти) для той же церкви.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла: Презид. 22/1777 и 18/1822 и Правл. 82/1890, 124/1890, 93/1891, 65/1892.

Ивановъ, Терентій, живописецъ. Род. 1792. Изъ мастеровъ дѣтей, поступ. въ завод. гимназію въ 1797, въ завод. училище — 20 апр. 1804, въ живописцы на Имп. Фарфор. Заводъ — 12 февр. 1806; получ. жалованія 119 р. 19 к.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин.: 1809, оп. 151/820, № 18/67, л. 38 об.

Ивановъ, Тимоѳей Ивановичъ, медальеръ. Род. 1729 на СПб. Монет. Дворѣ, ум. 1803 г. Ученикъ Медальерной школы съ 1745, онъ состоялъ казен. медальеромъ съ 1762, а въ 1800 выш. въ отставку, оставивъ послѣ себя не мало медалей. Первыем его работами могутъ считаться медали: 1—2. „на восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны“ и „на освобожд. заключенныхъ, 1741“, коп. съ Вехтера (сним.—въ „Собр. русс. мед.“, 123. 124); 3. † „на прощеніе подат. недоимокъ“ и на размежев. земель, 1754 (Рейссл., 2029; Прозоровскій, 246; сним. въ „С. р. м.“, прил. 5); 4.* „на побѣду надъ Прусаками при Франкфуртѣ на Одерѣ, 1759“ („Спис. Медал. Комит.“, 31; Р. 2136; II. 428; сним. въ „С. р. м.“, 137), а также—5. „дублевники“ 1758, съ изображ. Елизаветы Петровны (Ю. Иверсена, „Слов. мед.“). Затѣмъ слѣдовали медали: 6.* „на коронацію Екатерины II въ 1762“, съ ея изображ. („Спис. Мед. Ком.“, 4; Р. 2243; II. 263; сним.

въ „С. р. м.“, 145, и въ изд. Ю. Иверсена „Медали въ честь госуд. дѣят.“, XIV, № 1,—см. тамъ же, т. I, с. 175); 7.* „на установленіе нов. монеты въ 1763“ (Р. 2257; II. 265; сним. въ „С. р. м.“, 148); 8.* „за полезные Обществу труды, 1762 г., мая 4 числа“—въ награду купцамъ, торговавшимъ въ Камчаткѣ (ср. Р. 2242; II. 487; „С. р. м.“, 144); 9.* „на учрежд. Воспитат. дома“—собств. Инятит. при Смольномъ мон., 1763 г.—лицев. стор. (Р. 2258; II. 266; „С. р. м.“, 149) и 10. „за отличность“—для награды воспитанницъ Смольнаго мон., коп. съ Егера („С. р. м.“, 155); 11. „на открытіе СПб. Акад. Худож.“, 1765, коп. съ Вехтера и Вернье), и 12.* „Достоинству“—для награжд. отъ А. Х.—лицев. стор. (Р. 2714; II. 508; „С. р. м.“, 151. 154); 13.* „на привозъ хлѣба изъ Лифляндіи въ 1766“—лицев. стор. (Р. 2328; Р. 296; „С. р. м.“, 159); 14.* „на постройку карусели въ 1766“—въ награду за рыцарскія игры („Спис. Медал. Комит.“, 27; Р. 2324; II. 292; сним. въ „С. р. м.“, 156—7, и въ изд. Иверсена „Медали въ честь госуд. дѣят.“, II, 2); 15. „за труды воеванія отъ Вольф. Экон. Общества“ („С. р. м.“, 163); 16.* „на закладку Исаак. собора въ 1768“ („Спис. Мед. Ком.“, 33; Р. 2381; II. 297; „С. р. м.“, 161); 17.* „на привитіе оспы Императрицѣ въ 1768“ („Спис. Мед. Ком.“, 35; Р. 2385; II. 298; „С. р. м.“, 164); 18.* „въ честь Императрицы“, 1770 г.—лицев. стор. (Р. 2433; II. 301); 19.* „за сраж. при Багутѣ, 1770“ (Р. 2431; II. 431; „С. р. м.“, 166); 20.* „за битву при Чесмѣ, 1770“—лицев. стор. (Р.

34—35. Медали:

на закладку Исаакіевскаго собора,
раб. Т. И. Иванова, 1768 г.

на возстановленіе Моск. Кремлевскаго дворца,
раб. Т. И. Иванова, 1773 г.

(Изъ „Собранія русс. медалей“ 1840, №№ 161 и 171).

2432; *П.* 432; „С. р. м.“, 167); 21. „за отличію храбрыя противъ непріятеля поступки и особенное къ службѣ усердіе“ и проч.—для пожалованія нѣкот. казачьимъ офицерамъ въ 1768—74 гг.—лицев. стор. (сним. въ изд. *Иверсена*: „Медали въ честь госуд. дѣят.“, табл. IV; см. тамъ же, т. I, с. 74); 22. „на открытіе Коммерч. учил. въ Москвѣ, 1772“, съ изображ. П. А. Демидова (сним. въ „С. р. м.“, III, 5, и въ изд. *Иверсена*: „Медали въ честь госуд. дѣят.“, XX, 5; см. тамъ же, т. I, с. 203); 23.* „на возобнов. Кремл. дворца въ Москвѣ, 1773“ (*Р.* 2497; *П.* 302; „С. р. м.“, 171); 24.* „Б. М. Екатерина II, Имп. и Сам. Всер.—заступница вѣрныхъ“, 1776 (*П.* 310); 25. † „на 50-лѣтіе Акад. Наукъ въ 1776“—лицев. стор., копія съ Егера (?), 1785 г. („Спис. Мед. Ком.“, 96; *Р.* 2567; *П.* 303; „С. р. м.“, 181); 26.* „на побѣдку Императрицы въ Крымъ, 1787 г.“—лицев. стор. (*Р.* 2741; *П.* 322; „С. р. м.“, 205; грав. Bertonnier); 27.* „за взятіе Очакова въ 1788“—для моряковъ (*Р.* 2764; *П.* 435; „С. р. м.“, 209); 27 bis. „на побѣду при Кинбурнѣ, 1787“ („С. р. м.“, 206); и 28.* „за храбрость въ водахъ Финскихъ“—по случаю атаки Швед. батареи за р. Кимелью (*П.* 437—8; „Кабин. Петра В.“, III, 105); 29—30.* „за“ и „на побѣду надъ Шведами въ 1789“ и 31.* „на заключеніе мира со Швеціею 1790 г.“—лицев. стор. (*Р.* 2792—1 и 2812; *П.* 439 и 323—4; „С. р. м.“, 212 и 215); 32.* „на обезпеченіе владѣльч. правъ, 1790“—на право собственности (*Р.* 2830; *П.* 327; „С. р. м.“, 202) вырѣз. въ 1790 г.: 33.* „на учрежд. ордена св. равноап. Владиміра“ (*Р.* 2819; *П.* 326; „С. р. м.“, 204); 34. † „на учрежд. губерній въ 1775 г.“—лицев. стор., копія съ Егера („Спис. Мед. Ком.“ 90; *Р.* 2542; *П.* 305; „С. р. м.“, 178); 35. † „на увеличеніе Русс. флота, 1782“—коп. съ Егера (*Р.* 2667; *П.* 315; „С. р. м.“, 191); 36. † „на привіаніе Грузин. царя Ираклія подъ покровит. Россіи, 1783“ (*Р.* 2684; *П.* 319; „С. р. м.“, 195); 37. † „на присоедин. Крыма къ Россіи въ 1783“ (*Р.* 2685; *П.* 320; „С. р. м.“, 196); 38. † „на открытіе торгов. портовъ въ Феодосіи, Херсонѣ и Севастополѣ въ 1784“—лицев. стор. (*Р.* 2702; *П.* 321; „С. р. м.“, 201); 39. „на завед. флота на Черномъ морѣ“ („С. р. м.“, 203); 40. „за взятіе Измаила, 1790“ и 41. „для пожалованія нѣкот. офицерамъ казачьихъ войскъ, отличившимся въ сраж. при Мачинѣ и развитіи многочисл. Турецкой арміи 28 іюня 1791“—лицев. стор. (сним. въ „С. р. м.“, 213, и въ изд. *Иверсена*: „Медали въ честь госуд. дѣят.“, табл. IV; см. тамъ же, т. I, с. 90); вырѣз. въ 1792 г.: 42.* „на миръ съ Турками въ 1774“—лицев. стор. („Спис.

Мед. Ком.“, 88; *Р.* 2517; *П.* 303); 43.* „за литерат. труды, 1783“—для награжд. отъ Росс. Академіи (*Р.* 2688; *П.* 522; „С. р. м.“, 199); II) † на историч. событія изъ врем. Петра I. („Спис. Мед. Ком.“: 25. 27. 29. 30. 33. 34. 37. 47. 51. 52. 58. 53. 54. 57. 56. 59. 68. 69. 72. 74. 73. 82; *Р.* 921. 941. 946. 949. 968. 971 и 975. 1019. 1122. 1131. 1134. 1135. 1148. 1140. 1145. 1146. 1149. 1150. 1225. 1238. 1254. 1260. 1262. 922 и 1297. 1301; *П.* 17. 31. 74. 177. 178. 180. 181—2. 184. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 198. 199. 200. 201. 203. 204—5. 206. 208. 209. 211. 212; „Собр. русс. мед.“: 48. 50—57. 59. 60. 62. 67. 68. 73—75. — снимки и опис.: 44. „на переименов. Нотебурга Шлессельбургомъ, 1702“; 45. „на завоев. и разруш. Нienшанца, 1703 г.“ (сним. у *Шуберта*: XL, 1505); 46. „на основ. (залож.) СПб., 1703“ (сним. тамъ же: XL, 1507); 47. „на безопас. плаваніе по Балт. морю, 1703“—на учезд. флота; 48. „на взятіе Дерпта, 1704“; 49. „на взятіе Нарвы, 1704“ (дѣл.); 50. „на завоев. Митавы въ 1705“; 51. „на побѣду надъ Левенгауптомъ подъ Переволочною, 1709“—на взятіе Швед. арміи (сним. въ изд. *Ю. Иверсена*: „Медали... Петра В.“, V, 3); 52. „на штурмов. Эльбинга въ 1710“; 53. „на взятіе Выборга въ 1710“; 54. „Ревеля“, 55. „Риги“—лицев. стор. (сним. у *Шуберта*: XLIII, 1529); 56. „Динаминда“—лицев. стор.; 57—58. „на завоев. Карелии (Первова) и Кексгольма въ 1710“; 59. „на взятіе о. Эзеля съ г. Аресбургомъ въ 1710“; 60. „на успѣхъ дѣйствій войскъ въ 1710“; 61. „на завоеванія, сдѣл. въ 1710“—на завоев. Лифляндіи и Финляндіи; 62. „на прибытіе флота въ Або въ 1713“—взятіе Або; 63. „на сраж. (побѣду) при Пелкной мысѣ въ 1713“ (дѣл.); 64. „на битву (побѣду) при Вааѣ въ 1714“; 65. „на (морскую) побѣду при Аландѣ въ 1714“; 66. „на завоев. (взятіе) Нейшлота въ 1714“—лицев. стор.; 67. „на посѣщ. Петромъ I Париж. Монет. двора, 1717“; 68. „на возвращ. Государя въ Россію въ 1717“; 69. „на подавленіе стрѣльч. мятежей, 1718“—на безопасность Имперіи; III) и IV) изъ 2-хъ серій: ** „въ память русс. государей, въ порядкѣ ихъ престолонаслѣдія“—70 (24). в. к. Юрія Всеволодовича на вел. княж. Владимірское, 1218, и ** „въ память древ. событий русс. исторіи“—71 (39). „Олегъ сконч. въ 912“, 72 (44). „Игорь пробился съвоемъ Греку“, 73. (50). „В. К. Святославъ Сѣв. и Юж. Россіи въ 945“, 74 (67). „Святославъ Ясы и Косого побѣдилъ... въ 965“, 75 (77). „Святославъ одержалъ надъ Греки побѣду въ 971“, 76 (86). „В. К. Ярополкъ I Юж. Россіи... въ 970“—лицев. стор. (*П.* 25. 107. 112. 120. 137. 147. 156).

Звѣздочкой (*) отмѣчены медали, современныя событіямъ, къ которымъ онѣ относятся; двумя звѣздочками (**)—дѣланныя въ память прежнихъ событий; крестомъ же (†) — или новодѣланныя, или скопированныя со старыхъ.

См. Ю. *Иверсена* „Словарь медальеровъ“, 1874, с. 18—19, и „Медали въ честь русс. госуд. дѣятелей и част. лицъ“, 1880—83, II, 487 (спис. медальер.).—„Собрание русс. медалей“, изд. Археогр. Ком., 1840. — *Рейселя*: „Die Reichsische-Münzsammlung in St. Petersburg“, 1842, I, и *Д. Д. Прозоровскаго* „Каталогъ русс. и зап. европ. медалей и монетамъ, хран. въ монетн. кабин. И. А. Х.“, 1868, алфав. подл.: Ивановъ, Т. и Т. — *А. И. Артемьева* „Медальныя Комитетъ“ въ „Зап. Имп. Русс. Археол. Общ.“, III, 187. — *Д. Ровинскаго* „Подарочный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав. — *Nagler's „Künstler-Lex.“* VI, 655 (отч. кратко).

Ивановъ, Тимофѣй, архитекторскій помощникъ. Род. 3 янв. 1806, ум. 1883 въ СПб. Изъ питомцевъ СПб. Воспитат. Дома (1806, № 1174), онъ учился, кромѣ чтенія и письма, — гидравликѣ и, во время 5-лѣтней службы смотрителемъ за работами при производствѣ градъ и гидравлич. сооружений инженер. путей сообщ. Голе въ Павловскѣ, обучался у него—геометрин, архитектурическому и проч. родовъ рисованію, въ чемъ и имѣлъ свидѣтельство отъ 16 янв. 1828. По запискѣ Г. И. Вилламова отъ имени имп. Маріи Феодоровны къ архит. Росси отъ 26 янв. того же года, онъ опред. былъ въ вѣдомство Строит. Комиссіи по постройкѣ нов. театра и др. зданій, съ жалов. по 600 р. въ годъ (съ 20 апр.), а по вступленіи въ бракъ съ воспитанницею СПб. Воспитат. Дома Александрою Ильиной (1808, № 1079) въ нояб. 1829, былъ архитект. помощникомъ при Росси съ 13 дек., потомъ при Гальбертъ, и затѣмъ—при Воспит. Домѣ въ гор. Гатчинѣ съ 7 февр. 1833, согласно просьбѣ его. По упраздненіи же сего мѣста (6 апр. 1835), увол. былъ отъ службы 13 янв. 1836; наход. съ 1 нояб. до 2 дек. при перестройкѣ дома дирекціи Имп. театровъ бывш. Александр. театра, а съ 20 мая 1837 по 22 февр. 1838—при чертежной и. д. Тихвин. уѣзд. землемѣтра въ штатѣ Новгородской губ., производя въ 1838 также и практик. межевыя работы по Новгородскому и Крестецкому уѣзд.; съ 23 февр. 1839 принять былъ въ число канцел. служителей при Новгород. Дворян. Депутат. Собраніи, а съ 13 мар. 1841 опред. въ штатъ; наконецъ, командиров. былъ въ помощь губ. землемѣтру Вамѣлкину для опис. мостовъ въ Устюжскомъ у. на Ярослав. тракѣ и для

присмотра за подряд. работами Корпуса инженеровъ капит. Коковцова; за выслугу лѣтъ представл. былъ 19 сент. 1841 къ 1-му чину (колл. рег.), со старшинствомъ съ 15 февр., а 15 мар. 1842 уволенъ, имѣя въ то время 2-хъ сыновей: Николая (8 л.) и Константина (7 л.) отъ 1-й жены. Послѣ того состоялъ съ 15 сент. 1844 по 15 мая 1850 (десятиникомъ) при перестройкѣ Мрамор. Дворца, а въ 1851 (авг. 14), находясь внѣ службы въ чинѣ колл. регистр. и будучи въ крайности, просилъ всеподданнѣйше объ опредѣленіи его въ к. л. практическую по строит. части должность—или комиссіонера или смотрителя при к. л. заводѣ или при домахъ, но свобод. ваканцій не оказалось.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1828—51, оп. 459/1739, № 8/258; оп. 1/501, № 5/1, с. 22—44, и № 430/1, с. 560.

Ивановъ, Тихонъ, иконописецъ при Москв. Оруж. Палатѣ. Упом. въ докум. 1687—88, 1690—91, 1695—96 гг.; писалъ въ 1693 притчи изъ Библіи для д-ча Алексѣя Петр.; получ. жалов. въ 1702—08 и 1705 гг. по 51 р.; чинился въ 1708 иконостае въ Благовѣщ. соборѣ.

См. *А. Викторово* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 452, 454, 455, 466 и 476, 482, 485 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за №№: 964/434, 965/271, 967/457; 9-6/1684, 1. 5 об., и 987/469, 1. 390; 995-315, 1. 585 и сл.; 1004/435, 1. 225). — *И. Забѣлина* „Бытъ русс. царей“ въ „Отч. Зап.“ 1854, № 12, науки и худож., с. 109, и въ отд. изд.

Ивановъ, Филиппъ, иконописецъ изъ Ярославля въ Москвѣ. Отосл. былъ въ 1670 въ Ростовъ къ Іонѣ митроп.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 68, 118, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 149. — У *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древности“, I, XV, — онъ лишь упом.

Ивановъ, Филиппъ Никитичъ, архитекторъ. Род. 1770. Принятый въ А. Х. въ 1776, былъ выпущ. съ аттест. 1 ст. и 2-ю сереб. мед. за архитект. композ. въ 1791, августа 14.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...*П. Н. Петрова*, I, 167 (№ 69) и 162.

Ивановъ, Филиппъ Яковлевичъ, литейщикъ и чепанщикъ. Род. 1768. Принятый въ А. Х. въ 1773, былъ ученикомъ чепан. мастерства у Гастелу (по спис. 1782), а въ 1788, апр. 5, получ. аттест. 2 ст. на званіе подмастерья и 1 мар. 1792 опред. въ Кантору строенія домовъ и садовъ на штат. мѣсто, по уволени малярнаго и оконнаго дѣла мастера Полякова,

причемъ наход. въ командѣ архит. Старова; въ 1794 же году, мая 8, увол., по прош., и замѣщенъ Ив. Михайловымъ. Былъ еще въ живыхъ въ 1797.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...*И. Н. Петрова*, I, 165 (№ 67). 745. 149, и въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1791, оп. 83, 517, № 423; 1792—94, оп. 84/518, №№ 196 и 199.

Ивановъ, Харитонъ, живописецъ вольный въ СПб. Род. 1760, ум. 16 февр. 1790; жилъ въ Андреевскомъ приходѣ и погреб. на Смоленскомъ кладбищѣ.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Харитонъ, пушечный литейщикъ 1661—81 гг., въ Москвѣ. Изъ пушекъ, имъ отличихъ, сохранилось четыре: дѣѣ $\frac{3}{4}$ фунтоваго калибра („ядро безъ четверти гривенна“), вѣсомъ 5 пудъ 30 фунт. („гривенко“), длиной 2 арш., отъ 1666 г., съ соотвѣтств. надпис. за дельфинами и на казенной части (наход. на Кремл. площади); третья, $2\frac{1}{2}$ фунтов. калибра, вѣсомъ 20 пуд., длиной 2 арш. 1 верш., отъ 1671 г., и четвертая (мортира), двухпудов. калибра, вѣсомъ 20 пуд. 7 фунт., отъ 1681, съ изображ. двуглаваго орла, — подобная которой пѣтается еще одна-mortира. По искусной вѣдѣлкѣ пушекъ, Харитонъ И.—въ считается въ числѣ лучшихъ мастеровъ нашихъ XVII ст.

См. *М. Мурзакевича* „О пушеч. лит. искусствѣ въ Россіи“ въ „Ж. М. Н. П.“ 1838, т. XIX, № 9, с. 545—6, 551. 557—8; *И. Сахарова* „Обозрѣніе русс. археол.“, 33, и *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119.

Ивановъ, Юрій (Юрка), иконописецъ. Родомъ Ярославецъ, высланъ былъ въ 1659 въ Москву; подавалъ просьбу объ отводѣ ему помѣщенія; жилъ у Козьмы Константиновича. Онъ писалъ въ томъ году, въ сент. 27, вмѣстѣ съ 5 другими Ярослав. и Костром. иконописцами: Яким. Андреевымъ, и проч.,—5 иконъ праздничныхъ; въ 1662 помог. въ работ. Степ. Иванову (см. выше) по украш. столовой избы; въ 1666, состояя кормов. иконописцемъ менши. статьи, былъ у Арханг. стѣн. письма.

См. *И. Забѣлина* „Бытъ русс. царей“ въ „Отеч. Зап.“ 1851, № 2, науки и худож., с. 170, и № 9, с. 15, а также „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 24. 31. 67; *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школь. иконопис.“, 150, и „Русс. Народ. Карт.“, IV, 471; *А. Викторовъ* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. Приказ.“, II, 430 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за № 948/831); у *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древности“, с. I, XVI,—онъ лишь упом.

Ивановъ, Яковъ Александровичъ, архитекторъ. Ученикъ И. А. Х. и кондукторъ вѣдомства Пут. Сообщ., онъ былъ производителемъ

работъ въ Арханг. Строит. Комиссіи въ 1853—59 гг. (въ чинѣ колл. ассесс. и надв. сов.), а за представл. въ А. Х. архитект. проектъ—возвед. былъ 5 мая 1856 въ званіе пекл. (свобод.) художника съ правомъ производить строенія.

См. рукоп. зам. *П. Н. Петрова* и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *его же*, III, 262.

Ивановъ, Яковъ, иконописецъ въ Москвѣ. Получ. „въ меньшей статьѣ“ въ апр. 1660—по 2 алт. 2 деньги (=7 коп.) на кормъ въ день; въ 1666, состояя кормов. иконописцемъ, участвовалъ въ росписи Арханг. собора, а въ 1679, будучи „парскимъ изуграфомъ“, наис., вмѣстѣ съ Автон. Ивановымъ и др. живописцами, образа въ соб. церковь Покрова Богородицы въ подмосков. селѣ Измайловѣ, сохр. до послѣд. времени въ иконостасѣ.

См. въ Архивѣ Моск. Оруж. Пал., столб. 691; *И. Забѣлина* „Матер. для истор. русс. иконоп.“, 167—8, и „Русс. Страт.“, *Мартынова* и *Снегирева*, т. IV.

Ивановъ, Оадыѣй, серебр. 1675 г. въ Москвѣ. См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 119. (упом.).

Ивановъ, Оеодоръ Ивановичъ, живописецъ дворцовый въ Москвѣ. Род. 1710 (?). Отпущ. былъ изъ Мстеры въ 1733 для науки въ Холуйскую слоб., Тр.-Серг. мон., къ крест. Селив. Козмину; изготовлялъ въ 1736 сороковыя хоругви и ямѣлъ въ 1737, живя въ приходѣ ц. Всѣхъ Святыхъ на Валу, учениковъ изъ крѣпостныхъ отъ разныхъ господъ, напр.: Никиту Иванова (кн. Серг. Ал. Голицына), род. 1723; Петра Михайлова (Як. Андр. Малкова), р. 1725; Козьму Оеодорова (Ив. Степ. Ипатьева), р. 1719, и др.

См. *И. Голицева* „Иконописцы въ Мстерѣ XVIII в.“ — въ „Владим. губ. вѣд.“, 1873, ч. неоф., № 22; „Описание Архива св. Синода“, I, 109, и рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Оеодоръ, рѣзныхъ и мозаичныхъ дѣлъ мастеръ. Будучи еще ученикомъ въ командѣ золот. дѣла мастера Якова Мартинія при Петергофской Шлифовальной мельницѣ, ум. 1 іюля 1765 г., и заслуженное имъ жалованье за май и іюнь было выдано его двоюродному брату, такому же ученику Козьмѣ Котельникову.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., по оп. 73/187, д. 107, л. 42.

Ивановъ, Оеодоръ Ивановичъ, архитекторъ при Гатчинскомъ Воспитат. Домѣ (въ 10 классѣ), былъ въ 1830 помощникомъ Д. И. Квадри.

Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Оеодоръ, ученикъ гравиров. картъ Военно-Топограф. Депо, † 30 апр. 1888, 19-ти л. Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивановъ, Федоръ, рисовальщикъ и граверъ при Акад. Наукъ. Ученикъ Адмиралт. Академич., былъ присл. въ А. Н. 30 мар. 1738 — для обученія его „рисовальному, грифировальному и штиховальному искусству“ у маст. Вортмана и Гриммеля, и вытребовался въ апр. 1747 на время обратно „для присовоизанія и награждованія на мѣдныхъ доскахъ фигуръ“ въ печатающуюся въ Морской Академич. типогр. книгу „Полнаго собранія о навигаціи“ и имѣвшуюся на франц. языкѣ книгу „дела волиціонъ, навале“, т. к. въ присланной еще 20 мар. 1743 променоріи показ. было, что онъ, „какъ изъ поданныхъ при его доношеніи рисунковъ и штиховъ фигуръ усмотрѣно, — въ наукѣ своей прилеженъ и отчасу большее искусство въ оной являетъ“; но онъ донесъ А. Н., что „присланные астрономич. чертежи—весьма трудные и требуютъ великой аккуратности, которыхъ ему отправить безъ показанія никакъ не возможно“ и что онъ „и впредь присл. работы желаетъ работать при А. Н., для лучшей его пользы и лучшаго изученія, въ честь и пользу Россіи, подѣ съсмотрѣніемъ академич. мастера Ив. Соколова“. Вышеупом. книга „о навигаціи“, Сем. Мордвинова, вышла въ 1748—53 гг., въ л. съ 22 табл. чертежей, вишнетками и картинкой, изображающей: идущій подъ марселями, въ полвѣтра, корабль и летящую передъ нимъ Славу съ вензелемъ имп. Елизаветы и трубою въ рукахъ, которая была рисов. и гравиров. уже извѣстнымъ въ то время художникомъ Фед. Ивановымъ, и подпис. имъ, равно какъ и карты: созвѣздій, меркаторская и глобусъ, а также и остальные, не подпис. изображенія; въ книгѣ же „Искусство военныхъ флотовъ или сочиненіе о морскихъ эволюціяхъ, изд. П. Госомъ, перев. съ франц. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ“, СПб. 1764, въ л. есть 135 гравиров. плазовъ, изъ которыхъ на 6-ти (1, 5, 11, 16, 32,—стр. 3, 19, 37, 52, 58, 73) наход. подписи: „грид. Федоръ Ивановъ“.

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“ III, 676; IV, 116—7. 484—5. 509. 548—9; V, 67—8. 298. 870; VIII, 437. 440. 444—5. 448.—„Записки Гидрограф. Деп.“ 1848, VI, 432.

Ивановъ, Федоръ, иконописецъ. Новгородскій посадскій человекъ, родомъ изъ Переславля Залѣскаго, онъ работалъ въ маѣ 1661 древки у знаменъ, въ 1666 (1714 г.) былъ у письма въ Архангельскомъ соб. въ Москвѣ, а въ 1670—въ с. Коломенскомъ; наконецъ, въ 1684 исполнялъ стѣнописъ въ Успенскомъ соб. Троице-Серг. лавры.

См. въ Архивѣ Оруж. Пал., столб. 748: И. За-

блнина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 35, 67, и Д. Ровинскаго „Исторію русс. школы иконопис.“, 150; архим. Леониды „Надписи Тр.-Серг. лавры“, № 11.

Ивановъ, Федоръ, сканщикъ 2-й статьи при Моск. Оруж. Палатѣ въ 1680—78 гг. Ученикъ П. Видмана, онъ сдѣлалъ въ 1662, вмѣстѣ съ братомъ Василиемъ, серебр. оправу сканную съ финифтомъ на братину рыбьей щедры, а въ 1676, іюля 15, вмѣстѣ съ: Лар. Афанасьевымъ, Юр. Васильевымъ, Дан. Кузьминнымъ, Вавил. Савельевымъ и Сем. Федотовымъ, на Спасовъ образъ съ крестомъ въ дерев. кіотѣ, на створкахъ коего нарис. были архаиз. Михаилъ и Гавриилъ: 1) сканнне серебр. съ финифтью вѣнцы, съ золот. словани, со вставл. изумруд. искрами и съ гладкими полями и оплечиками на вѣнцѣ — у Спаса; 2) чеканную рпу съ падающими съ финифтью оплечиками и мѣшениями на поляхъ, какъ у Спаса, такъ и у архангеловъ.

См. И. Заблнина „О металл. производ. въ Россіи“, 119, и „Историч. Обзорніе финифт. дѣла въ Россіи“, 52.—А. Викторова „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ“, II, 516. 518. 519 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за №№ 1026/-50, 1027/799 и 1028/867).

Ивановъ, Федоръ, рѣзецъ XVII в.,—собств. Поповъ (см. это имя).

Ивановъ, Фомка, серебрянникъ въ Москвѣ. Упом. въ докум. 1687, какъ ученикъ.

См. И. Заблнина „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Ивановъ-Шицъ, Илларионъ Александровичъ, архитекторъ. Род. 1865. Воспитаникъ Воронеж. реальнаго училища и Инстит. Гражд. Инжен. (1883—88), онъ былъ выпущ. изъ послѣдняго со званіемъ гражд. инжен. и съ зол. медалью за лучшіе архитектур. проекты и, какъ первый по успѣхамъ, запис. на мрам. доску. Проведя лѣто, по оконч. курса,—заграницей, гдѣ онъ изуч. образцы водчества въ Германіи, Австріи и Швейцаріи, И.-Ш. причислился, по возвращ. осенью въ СПб., — къ Технич.-Строит. Комит. М. В. Д., а въ началѣ 1889 перешелъ сверхштат. техникомъ въ Строит. отд. Моск. губ. Правд., и былъ въ теченіе 2 лѣтъ помощникомъ архитектора у М. Геншенера, а затѣмъ съ 1890 город. архитекторомъ въ Москвѣ. Кромѣ нѣск. небольшихъ част. построекъ, онъ возвелъ въ 1892 зданіе город. Сирот. приюта, а затѣмъ путешествовалъ съ науч. цѣлю, на средства товарищ. кассы, заграницей и по Россіи.

См. Г. В. Барановскаго „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 132.

Ивансонъ (Ivanson), Эдуардъ Петровичъ, граверъ, рѣшчикъ и литографъ. Родомъ финляндецъ, награвиров. въ 1850 г. не мало досюда для Бюллетеней Акад. Наукъ, т. 12, а въ 1873 выстав. въ А. Х. рис. каранда.: „Семейство Госуд. Императора“.

См. „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1873, № 351 bis, и въ Архивъ И. А. Х. дѣло 113/1873.

Иванъ, приставникъ надъ церк. мастерами въ полов. XII в. въ Полоцкѣ. Наблюдалъ за постройкой камен. церкви Спаса въ Сельцѣ, при женскомъ мон., сооруженномъ Полоцкой княжной св. Евфросинией.

См. „Степен. Книгу“, I, 275—6.

Иванъ, иконописецъ 1222 г. въ Ростовѣ. Работалъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ.

См. „Сборн. Им. Русс. Истор. Общ.“, LXII, 666.

Иванъ, иконописецъ царскій 1345 г. въ Москвѣ. Русскій родомъ, греческій ученикъ, онъ, вмѣстѣ съ мастеромъ-старѣйшиной иконописцевъ Гойтаномъ и Семеномъ (Чернымъ), учениками и дружиной, росписыв. по *Никон. лѣтоп.* (III, 181—2) весной 1345 церковь св. Спаса (на Бору),—казново и велѣниемъ вел. княгини Анастаси, жены Семена Ивановича Гордаго, тогда уже умершей; но стѣнописи эта, посягъ неоднородн. возобновленій и передѣлокъ собора, была замѣнена фресками, въ нов. вкусѣ.

См. *Карамзина*, IV, пр. 372, и *Д. Ровинскаго*, „Исторію русс. школь иконопис.“, 150 (упом.); ср. „Русс. Стар.“ *Мартынова* и *Снегирева*, изд. 8-е, М. 1852, I, 84.

Иванъ (Ивашъ), „росписникъ церковный“ въ Новгородѣ, сгорѣлъ въ 1385, іюня 14, въ монаст. на Павловой ул., во время большого пожара, истребившаго оба конца—Плотницкій и Словенскій, съ 28 камен. и 6 дерев. церквями, и похитившаго 70 челов. жертвъ.

См. *Карамзина*, V, пр. 137 (стр. 59 по изд. Эйлеринга).—*Д. Ровинскаго*, „Исторію русс. школь иконопис.“, 150 (упом., со ссылк. на Карамз. III, пр. 369 ?), и архим. *Макарія*, „Археол. Описание церк. древн. въ Новгород.“, М. 1860, II, 20.—„Полн. собр. русс. лѣтоп.“, IV, 92.—„Древности“, III, матер. для Археол. Слов., 25.—Въ „Справ. Энциклопед. Слов.“ *Крайя* и *Старчевскаго*, V, 317,—онъ смѣш. съ предм. Ивановъ.

Иванъ, книгописецъ въ исх. XIV в. Онъ напис. полууставомъ „на бамбинѣнѣ“, въ 4 д. л.,—хран. въ библиот. Тр.-Серг. лавры „Апокалипсисъ толковый, Андрея Кесарійскаго, съ прибавленіями“, на 139 лист., какъ видно изъ сохрв. приписки на л. 111.

См. „Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн.“, 1878, кн. 2, с. 88.

Иванъ Аминъ (иначе *Арипъ*; см. въ „Словарь“ I, 232), золот. и серебр. дѣлъ мастеръ 1436 г. въ Новгородѣ, дѣлавшій артос. панатію, хран. въ тамошнемъ Софійскомъ соб. и воспроизвед., вмѣстѣ съ опис., въ „Древн. Росс. Госуд.“, I, №№ 57—58, кѣ стр. 84—7 и 168—9.

См. *П. Соловьева*, „Описание Новгород. Соф. соб.“, СПб. 1858, с. 184, и архим. *Макарія*, „Археол. Опис. церк. древн. въ Новгород.“, М. 1860, II, 151 и 209 (тамъ-то прозвище Ивана и объяснено, согласно со мног. приписками на дерев. рукописяхъ, по слѣд. тарабарской грамотѣ: $\begin{smallmatrix} \text{б} & \text{а} & \text{г} & \text{д} & \text{е} & \text{з} & \text{и} & \text{к} & \text{л} & \text{м} & \text{н} \\ \text{ш} & \text{п} & \text{ч} & \text{ц} & \text{х} & \text{ф} & \text{т} & \text{с} & \text{р} & \text{у} & \text{н} \end{smallmatrix}$, гдѣ верхнія буквы стоятъ вмѣсто нижнихъ, а нижнія вмѣсто верхнихъ, гласныя же и полугласныя остаются безъ перемѣн, какъ видно изъ „Опис. рукоп. Румянц. Музея“, *Востокова*, 1841, с. 544).

Иванъ, литейщикъ, колес. дѣлъ мастеръ въ Новгородѣ XVI (а не XV) в. Лилъ колокола, судя по надписямъ на нихъ: въ 1554, дек. 2,—къ Знаменскому соб.; въ 1557, нояб. 21 (съ Городища, вмѣстѣ съ Филиппомъ)—къ Филипповской церкви; въ 1566, въ княж. в. к. Василія Васильевича (вмѣстѣ съ пасынкомъ своимъ Метею или Дмитрокомъ, т.-е. Дмитріемъ),—два къ Вознес. церкви на Прусской ул.

См. „Новгор. губ. вѣд.“, ч. неоф., 1851, № 44, с. 211.—Архим. *Макарія*, „Археол. Описание церк. древн. въ Новгород.“, М. 1860, II, 152, 280—2 (въ алфав. онъ соедин. съ Аванасъевымъ; см. въ этомъ „Словарь“, I, 274).—*И. Сахарова*, „Обозр. русс. археол.“, 33.

Иванъ, иконникъ 1597 г. въ Новгородѣ. Далъ, вмѣстѣ съ брат. Григоріемъ, въ монаст. св. Антонія Сійскаго, „образъ Преч. В-цы Одигитрии на краскахъ, 5 $\frac{1}{2}$, пядей“ и 2 образа на одной доскѣ—преп. Сергія Радонежскаго и Антонія Сійскаго.

См. „Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн.“ 1878, кн. 3, с. 75.

Иванъ (Ивашко), иконописецъ 1660—62 гг. въ Новгородѣ. Дѣлячокъ въ монастыр. церкви Михаила Арханг. на Прусской ул., вызванъ въ 1660 къ „Арханг. писмѣ“ въ Москву и напис. въ 1662 образъ Пресв. Троицы въ 3-й ярусъ иконостаса назв. храма; другой—былъ дѣлячкомъ въ Саввинскомъ мон.

См. „Новгор. губ. вѣд.“ 1851, ч. неоф., № 44, с. 211 (похъ 1632 г.).—Архим. *Макарія*, „Археол. Описание церк. древн. въ Новгород.“, II, 24 и 86.—„Сборникъ Им. Русс. Истор. Общ.“, LX, 291, и LXII, 666 (упом.).

Иванъ Фразинъ, денежный мастеръ 1469—81 въ Москвѣ. Посланный въ 1469 в. к. Иоанномъ III въ Римъ къ папѣ Паялу, чтобы видѣть царевну Софію Феоминишну Палеологъ, онъ, пробѣздомъ

через Венецію, назывался тамъ большимъ бояриномъ вел. князя, а на обратномъ пути, по передачѣ латъ и кардин. Виссаріону возлож. на него порученія, по представленіи царевнѣ, по достиженіи согласія папы на бракъ ея съ в. к. и по полученіи, вмѣстѣ съ подарками, особ. листа, по которому велико княз. послы могли ходить по всѣмъ папскимъ землямъ два года, онъ заѣзжалъ опять въ Венецію, гдѣ дожъ Николай Троне, желавшій отправить къ хану Зол. Орды посла Тревизана, тоже дарилъ его и просилъ, взявъ послѣдняго съ собою, приказавъ проводить потомъ до мѣста. Иванъ Фрязинъ обѣщалъ это исполнить, возвратился въ 1472 въ Москву, сообщивъ в. к. о согласіи папы на его бракъ съ царевною, вручилъ ему портретъ ея, а Венеціанскаго посла назвалъ гостемъ, своимъ племянникомъ, пришедшимъ къ нему по домамъ дѣлать. По другой же версии, Тревизанъ пришелъ въ Москву съ Антономъ Фрязиннымъ и, являсь къ Ивану Фрязину, сообщивъ ему о цѣли своего прибытія, но тотъ не велѣлъ ему представляться в. к. и подносить поминки, а, добывъ толмача, отпустилъ его въ Рязань, о чемъ в. к. узналъ только по вторичномъ отъѣздѣ Ивана Фрязина въ Римъ, за царевною Софією. Находясь въ Римѣ и принявъ съ великой честию папой и братьями невѣсты, онъ, хотя и былъ нашей вѣры, тамъ назвался Фрязиннымъ ихъ вѣры, а „крещеніе наше потаилъ“. При проѣздѣ его въ Москву черезъ Псковъ съ царевною Софією, горожане поднесли ему 10 руб., а онъ наставлялъ, чтобы дозволено было нести крестъ передъ папскимъ легатомъ. По его возвращеніи, в. к. послалъ его „понимати и пограбита“ и затѣмъ, „оковавъ“, отославъ его въ Коломну, въ 1473 г. Наконецъ, въ 1481 в. к. Андрей Васильевичъ заставлялъ заплатить долгъ Ив. Фрязину, которому онъ закладыв. разныя золот. и серебр. вещи.

См. „Поис. собр. русс. лѣтоп.“: VIII, 154 — 5. 168—9. 173. 176; VI, 196—7; IV, 245—6, и *Кирамзина*, VI, 38 — 44 и 101, пр. 86 и 93 (по изд. Эйвертинга).—Древн. Росс. Виблюте. Новикова, ч. II, с. 147. Въ соч. *И. Забѣлина*: „О металл. производ. въ Россіи“, с. 118, онъ лишь уп. м. подъ 1471 г.; у *И. Снегирева* въ „Памят. Моск. древн.“, XXI, сказ., что имя его или Жана Безугла встрѣч. на нѣкот. серебр. монетахъ в. к. Іоанна III.

Иванъ Фрязинъ, родившійся 1517 — 38 гг. въ г. Псковѣ. Вслѣдъ исправленія имъ нашей стѣны Псковскаго Кремля (крома) въ 1517, вел. кн. Іоаннъ IV Васильевичъ послалъ его въ Псковъ

въ 1538 г. дѣлать дерев. стѣну „на усть р. Псковы черезъ рѣку“, гдѣ не было прежде стѣны.

См. „Поис. собр. русс. лѣтоп.“, IV, 290 и 302.

Иванъ (Іоаннъ), родившійся XVII в. въ Твери. По архив. *Макарію*, сочинителю рукоп. житія св. кн. Михаила Ярославича, перестроилъ въ царствов. Михаила Феодоровича на казен. деньги—воздвигнулъ въ Твери при упоман. князѣ въ 1399 перковь Спаса Преображ., вмѣсто которой, въ виду ея ветхости, архіеп. Тверской Сергій построилъ въ 1682 собств. иждивеніемъ новый храмъ.

См. *Кирамзина*, IV, пр. 248.

Ивачевъ, Назаръ Адриановичъ, скульпторъ. Род. 14 окт. 1843 въ Бѣйскомъ у., Томской губ. Сынъ писаря, онъ учился первоначально на Колывано-воскрес. шифов. фабрикѣ, затѣмъ (съ 1860) на Имп. Фарфор. Заводѣ въ Петербургѣ и наконецъ (съ 1863) въ И. А. Х., отъ которой получилъ серебр. медали за лѣшку съ нат.: малую въ 1866 и большую въ 1869, а также мал. золотую за бывшую на Академ. выставкѣ 1870 г. фигуру „Дровосѣкъ“, воспроизвед. въ „Худож. Автографъ“ того года и въ „Иллюстриров. каталогѣ Всеросс. выставки въ Москвѣ 1882 г.“, составл. *Н. П. Собоко*; 2 нояб. 1871 онъ возвед. былъ въ званіе кл. художника I ст.

См. въ Архивѣ И. А. Х. 15/1863, и „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1870, № 33.

Ивачевъ, Павелъ Андреевичъ, живописецъ. Род. 4 нояб. 1844 въ Томской губ. Ученикъ Барнаульскаго Окруж. Учил. (1857—64) и И. А. Х. (1867—72), въ бытность уже горнозавод. кандидатомъ на Алтайскихъ заводахъ, онъ получилъ отъ Акад. 4 сер. медали и званіе кл. художника 2 и 3 ст. (6 апр. и 31 окт. 1873) и исполнилъ въ 1872, по мысли и заказу М. Сидорова,—наход. въ „Музеѣ товарныхъ образцовъ Тамож. вѣдомства“: 12-ть картинъ пѣздѣній Петра В. на Сѣверѣ (онѣ подроб. описаны на стр. 4—11 въ книгѣ того же назв., изд. въ СПб., въ 1873 г.); потомъ былъ преподавателемъ въ педагогич. классахъ первонач. рисов. при Акад. (до 1881) и затѣмъ нѣск. лѣтъ сопровождающимъ передв. выставки „Товарищества передв. худож. выставокъ“, а подъ конецъ поступ. завѣдующимъ на Имп. Колыванскую фабрику.

См. въ Архивѣ И. А. Х. 176/1866.

Ивашкевичъ, живописецъ 1796 г. въ Гродно. Писалъ поясныя портреты кн. Н. Л. Решина, размѣр. 17х13 верш. (принадлеж. кн. А. В. Лобанову-Ростовскому).

См. *П. Н. Петрова* „Катал. историч. выставк. портретовъ“, СПб. 1870, № 337—870, и *Д. Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравир. портретовъ“, 1889, прилож., с. 289.

Ивашинъ, Марко Ив., фигурный мастеръ 1719—20 г. при „Канцел. городов. дѣлъ“. Иноземецъ, сынъ умрш. 8 июля 1718 камен. рѣзного мастера, оу работ. въ Лѣтнемъ Е. И. В. домѣ, См. въ Архивѣ М. И. Д. 1719—20, оп. 1436. № 63, и 1446, № 145.

Иверсенъ, Иванъ Ивановичъ, учитель рисов. въ СПб. гимназ. въ 1830, въ чинѣ губ. секр. Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Ивиковъ, Николай Михайловичъ, архитекторъ. Род. 1824. Воспитанникъ Инстит. Гражд. Инжен. съ 23 марта 1840 по 5 июля 1845, на счетъ Тверской губ., онъ былъ выпущ. съ чиномъ 12 кл. и опред. и. д. губерн. архитектора въ Волынскую Строит. Комиссію, гдѣ былъ производителемъ работъ еще въ 1859—60 гг. Находясь тамъ на службѣ, онъ построилъ въ Житомирѣ: зданіе Богоугод. заведеній и дома—губернаторскій и губ. управленія, а также 2 кам. флигеля при архіер. домѣ и 5-ть кам. 2-хъ эт. частныхъ домовъ и ватѣмъ кам. 2 эт. зданіе въ с. Клытовѣ. Въспослѣд. сталъ служить на ж. д. Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*; въ составл. *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 133, —оч. кратко, безъ указ. работъ.

Игинъ, Федоръ Ив., живописецъ. Крестьянинъ Подгороднаго сел., Яренскаго у., Вологодской губ., онъ былъ отпущ. въ СПб. по плакат. паспорту мѣст. Уѣзд. Казнач. отъ 13 нояб. 1835 на одинъ годъ, но, поступивъ въ число постор. уч.—въ И. А. Х. и обучаясь у Венеціанова, потомъ К. Брюллова, пользовался отсрочками до июня 1839 и выстав. въ А. Х. портреты: въ 1842—купца Макарова и въ 1846—Гаврилова, а въ 1847, сент. 26, получ. званіе некл. художника за „груд. изображ. старика, читающаго книгу“. Кроме того, въ Акад. Наукъ есть его работы портреты: И. А. Крылова, 1854 г., —скопир. съ Брюллова, и Н. К. Батюшкова, 1856 г., —скопир. съ рис. Кипренскаго 1815 г.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 45/1837, 1/1847, 99/1853. —Статья о Венеціановѣ: *Мокрицкаго* въ „Отеч. Зап.“ 1857, № 11, слов., с. 69, и *П. Петрова* въ „Русс. Стар.“ 1878, № 11, с. 472. —„Указат. вист. въ И. А. Х.“: 1842, с. 11, и 1846, с. 9. —„Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 78. —*Д. Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравиров. портрет“, 1889, прилож., 257 и 259.

Игнатій (Златѣй), иконописецъ Симонова мон-ря въ Москвѣ, престав. и погреб. тамъ

1442 г. (✠СЦН), а не 1400 (✠СЦН), какъ значится въ иныхъ источникахъ, гдѣ, очевидно, при обознач. года, поставлена на концѣ одна цифра (и), вмѣсто другой (и). Сноснѣнъ св. Кирилла Вѣлзосерскаго, онъ напис. многія св. иконы, — по друг. источникамъ стѣны соборной церкви.

См. рукоп.: „Книга глагол. Описаніе о Росс. святыхъ“ (въ „Труд. и лѣтоп. Об—ва ист. и древн.“ 1827, III, п. 23, и у архим. *Сергія* въ „Поли. Мѣсяесл. Востока“, II, п. 60, —по спис. XVIII в. Кіево-Соф. соб. и Погодина, и „Сказаніе о иконописцахъ“ у *И. Сахарова* въ „Изслѣдов. о русс. иконописц.“, II, 14; у *Ф. Булгаева* въ „Историч. Очерк. русс. народ. слов. и иску.“, II, 380, и у *Н. Барсукова* въ „Источник. русс. архіогр.“, 206 и 86). —Ср. также: „Степен. Кн.“, II, 69—71, —*Карамзина*, V, пр. 292, и *И. Снегирева* „Памятники Моск. древн.“, XXXII, —*Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 150 (гдѣ онъ соедин., однако, въ одно лицо съ Игнатіемъ Грекомъ, который „въ 1338 со други, т.е. съ товарищ., писалъ иконы“, —какъ сказ. у *И. Снегирева* въ „Древност. Росс. Голухар“, XXVI; но, по лѣтоп., грекъ зѣтъ назва. Исаія, см. *П. С. Р. Л.*, III, 78, и „Древности“, III, Матер. для Археол. Слов., 26). —„Чельи Минев“, ноябрь, житіе св. Іоны (1, 46—48) и *Н. Иванчина-Писарева* „Спасо-Андріановъ“, 19.

Игнатій, живописецъ. 1409 въ Псковѣ. Въѣстъ съ учнт. своимъ Антоніемъ, росписыв. церковь св. Троицы, по смерти его, въ его „израсцахъ“, въ мон. Евфросина Псков., была найдена портрет. икона послѣдняго, его раб.

См. „Поли. собр. русс. лѣтоп.“, IV, 308. —„Сборникъ на 1866 г.“, II, 128 (изъ рукоп. Моск. Синод. библ. № 634, с. 181).

Игнатій (Игнатъевъ), путеш. и колокольный литейщикъ. Въ 1542 (6050) отплылъ—наход. теперь въ СПб. арсеналѣ, „гаубицу“, 1/4 пудов. калибра, вѣс. 5 пуд. 13 фунт., длин. 1 арш. 5 1/2 верш. Послѣ пушки венец. Якова Фрязина, она есть древнѣйшая изъ сдѣланныхъ въ Россіи и сохранившихся до наст. времени.

См. *Н. Мурзакевича* „О путеш. литейн. искусствѣ“—въ „Ж. М. Н. П.“ 1838, XIX, 585 и 7, и *И. Сахарова* „Обозр. русс. археол.“, 33. —У *И. Снегирева* въ „Памятникахъ Моск. древн.“, XXXIX, —онъ лишь упомя., а въ соч. *И. Забылина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120, —назв. Игнатъевичъ.

Игнатій, колод. мастеръ Троице-Серг. завры, гдѣ хран. его отливки колоколовъ 1649.

См. архим. *Леонида* „Написи Тр.-Серг. завры“, № 345.

Игнатовичъ, Оттонъ Людвиговичъ, живописецъ и архитекторъ. Род. 15 авг. 1857 въ Вильнѣ. Сынъ дворян., онъ былъ принятъ въ вольно-

слуш. А. Х. по живоп. въ сент. 1878, въ авг. же 1879 перевод., по экзам.—въ ученики и, наконецъ, въ авг. 1880—въ архитект. отдѣленіе, согласно прош.; затѣмъ 29 окт. 1883 онъ получил. мал. сер. мед. за прогр. „Правосл. церкви на кладбищѣ въ уѣзд. городѣ“, а 31 окт. 1884—большую за проектъ „Обществ. зданія для устройства концертовъ, базаровъ и выставокъ“. Окончивъ науч. курсъ въ томъ же году и страдая хронич. катарромъ дыхат. путей и общимъ малокровіемъ, вслѣд. сильнаго упадка питанія отъ продолжит. желудочно-кишечнаго катарра, онъ, по совѣту врачей, ѣздилъ въ 1885 на $\frac{1}{2}$ года въ Ю. Европу, въ мѣстности, защищенныя отъ сѣв.-вост. вѣтровъ, а въ 1886 былъ допущ. къ конкурсу на малую зол. мед., но по эскизу могъ получить лишь званіе кл. художника 2 ст., отчего онъ, однако, отказался, разсчитывая конкурировать вторично, и ограничился полученіемъ врем. свидѣтельства на право производить постройки, съ званіемъ кл. художника 3 ст.; 4-го же нояб. 1887 получил. и самый дипломъ на послѣд. званіе. Вслѣдъ за этимъ, 31 дек., онъ былъ утвержд. въ долж. техника (безъ содержанія) для свидѣтельствованія торгов. и промысл. заведеній и для явки, въ качествѣ эксперта, въ судеб. установленія—по Выборгской части гор. С.-Пб-га; въ 1889 наблюдалъ за работами при постройкѣ кам. 2 эт. флигеля во дворѣ Имп. Римско-Католич. Дух. Акад. и передѣлкѣ бывш. сараевъ съ конюшнями подъ жилое помѣщеніе тамъ же, а въ 1893, сент. 30, получил., согласно прош., свидѣтельство на право преподаванія рисов. и черченія въ сред. учеб. заведеніяхъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 162/1878.

Игнатьевъ, Василій, иконописецъ 1643 въ Москвѣ. Писалъ, въ іюнѣ, вмѣстѣ съ друг., „стѣнное письмо“ въ Моск. Успенскомъ соб. и пожалов. былъ за него въ 1644.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 413 (изъ прих. расх. кн. Ор. Пал., № 944/973).—*И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 9, и *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школь. иконопис.“, 150.

Игнатьевъ, Василій (Васька), серебряникъ 1653 въ Москвѣ. Дѣлалъ оклады и ризы въ Успенскій соб.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Игнатьевъ, Василій Петровичъ, живописецъ Канцел. Строеній. Род. 1698. Сыпъ псаломщика Серг. церкви „что при Артиллер. слобо-

дахъ“ въ СПб., онъ помогалъ въ 1729 Андр. Матвѣеву въ его работахъ по Петропавл. собору, а въ 1737 жилъ въ отцов. домѣ, вмѣстѣ съ брат.: псаломщикомъ Иваномъ и грапильнымъ мастеромъ Цесар. Елизаветы Петровны—Петромъ.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Игнатьевъ, Герасимъ, живописецъ Гофъ-Интендант. Канторы, ум. около 1799, на Пескахъ въ СПб.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Игнатьевъ, Гришка, серебряникъ 1653 въ Москвѣ. Родомъ Нижегородецъ, дѣлалъ оклады и ризы въ Успенскій соб.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Игнатьевъ, Иванъ, серебряникъ 1675 въ Москвѣ.

См. *И. Забѣлина*, тамъ же (упом.).

Игнатьевъ, Иванъ, живописецъ. Род. 1786, ум. 23 авг. 1811. Изъ солдатъ дѣтей, поступ. въ завод. гимназію—12 мая 1796, въ живописцы на Имп. Фарфор. заводъ—1 мар. 1804; получил. жалованья 292 р. 50 к.; служ. еще въ 1809.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Кабин. 1809, оп. 151/320, № 18/67, л. 35 об.

Игнатьевъ, Кондратій, иконописецъ 1684 въ Троице-Серг. лаврѣ. Участвовалъ въ стѣннописи ц. Успенія.

См. архим. *Леонида* „Надписи Тр.-Серг. лавры“, № 11.

Игнатьевъ, Мишка, серебряникъ 1653—63 въ Москвѣ. Родомъ Нижегородецъ, дѣлалъ оклады въ Успенскій соб.

См. *И. Забѣлина* „О металл. производ. въ Россіи“, 120.

Игнатьевъ, Назаръ, иконописецъ 1684—85 въ Москвѣ. Будучи еще ученикомъ, участвовалъ, вмѣстѣ съ друг., подъ наблюд. Ив. Безмина, въ раскраскѣ стѣн. живоп. письмомъ внозь выстр. камен. и дерев. хоромъ цар. Натальи Кирилловны и царевенъ.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 451 (изъ прих. расх. кн. Ор. Пал., № 963/263).

Игнатьевъ, Петръ, архитекторъ. Род. 1828 (а не 1830, какъ указ. въ иныхъ источникахъ). Воспитанникъ Инстит. Гражд. Инжен. съ 4 мар. 1844 по 1 авг. 1850, на счетъ Калужск. губ., онъ выпуск. былъ съ чиномъ губ. секр.—помощникомъ архит. въ Ковенскую Строит. и Дорож. Ком., а затѣмъ сдѣлался губ. архитекторомъ въ Кіатовірѣ (до 1874). Въ бытность на

службъ въ Волынской губ., построилъ въ г. Овручѣ кам. 3 эт. тюремный замокъ, а въ Житомирѣ 2 кам. частныхъ дома, и перестроилъ одинъ изъ кам. флигелей Богоугод. заведеній.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*; у *Г. Барановскаго* въ „Сборникѣ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, 133,—от. кратко.

Игнатьевъ, Сергій Аванасьевичъ, граверъ. Гидрографич. Дѣло (Морской типогр.). Род. 1801. Сынъ мастерового Морскаго вѣдом., былъ съ 19 іюля 1815 гравиров. ученикомъ, съ 8 мар. 1817—млад. унтеръ-офицеромъ, съ 20 нояб. 1820—граверомъ, съ 23 авг. 1826—старш. унтеръ-офицеромъ; съ 29 окт. 1830—въ 14 кл. Имъ гравиров. былъ „Павелъ Сиб. 1716 н. ч., изд. В. Н. Олшницкѣмъ.“

Изъ формул. спис. 1830 (№ 57) по мѣсту служ.

Игнатьевы, Симонъ и Федоръ, иконописцы 1684 въ Троице-Серг. лаврѣ. Родомъ изъ Ярославля, участв. въ стѣнописи лавр. ц. Успенія.

См. архив. *Леонида* „Написи Тр.-Серг. лавры“, № 11.

Игнатьевъ, Федотка, серебряникъ и душевный мастеръ 1633.

См. *И. Забѣлина* „О металлч. производ. въ Россіи“, 120 (упом.).

Игнаціусъ, Василій Васильевичъ, акварелистъ. Лейтенантъ Гвард. экзп., онъ посѣщ., въ качествѣ вольнослуш., рисов. классы А. Х. въ 1883—84 и 1886—89, и достав. работы на выставки „Общ. русс. аквар.“: 1891 г. (XI-ю)—„Яхта Царевна“, „Корветъ Далебругъ“, „Корветъ Ринда“, „Защителевъ“ (№№ 93—96 по „Катал.“) и 1894 г. (XIV-ю)—„Яхта Тамара“, „Фрегатъ Георгій Единбургскій“, „Пароходъ Фонтанка“, „Броненосецъ Имп. Александръ II“, „Крейсеръ Адмиралъ Корниловъ“, „Купец. суда на Невѣ“, „Гельсингфорсъ“, „Сред. Гавань въ Кронштадтѣ“, „Воен. Гавань“, „Маякъ Толбухинъ“, „У Лопман. Острова“, и проч. (№№ 48—63 по „Катал.“).

См. въ архивѣ И. А. Х. 154/1883.

Игнаціусъ, Отто-Фридрихъ, живописецъ. Род. 17 апр. 1794 въ Эстляндіи, въ пасторатѣ Гаггерсѣ, близъ Ревеля; ум. 26 авг. 1824, въ СПб. Сынъ пастора, одаренный отъ природы разнообразными способностями, онъ былъ воспитанъ своими родителями, людьми высоко-нравственными и религиозными, въ тѣхъ же самыхъ понятіяхъ и получилъ отъ нихъ насколько возможно хорошее образованіе. Между прочимъ къ нему былъ приглашенъ въ учителя и Дрезденскій художникъ Вальтеръ, который и открылъ въ немъ впервые дарованіе къ живописи. Отдавшись этому искусству со свойствен-

ной ему пылкостью и поощряемый въ своихъ занятіяхъ отцемъ, И. отправился въ 1813, со своимъ родственникомъ Гиппиусомъ, въ Берлинъ для усовершенствованія и поступилъ тамъ въ ученики къ Вейгу, а затѣмъ, когда несчастливо влюбился въ дочь оберъ-баурата Шадова Адсланду, переселился въ 1815 въ Вѣну, занимаясь у Фюгера и, наконецъ, посѣхалъ въ 1817 въ Римѣ, съ цѣлою компаніей своихъ товарищей. Здѣсь онъ написалъ свою лучшую картину: „Принцесса д'Эсте и Тассъ“, которую особенно отиѣтилъ австрійскій императоръ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ произведеній его соотечественниковъ, въ бытность свою въ вѣчномъ городѣ весной 1819. Возвращаясь черезъ Берлинъ въ отечество, куда онъ прибылъ 20 дек. 1820, И. получилъ согласіе на бракъ съ давно любимой дѣвушкой; сдѣлался, живя въ Петербургѣ, придворнымъ живописцемъ; принялся за исполненіе заказа на образъ для царскаго мѣста въ возобновленную послѣ пожара 1820 г. церковь Царскосельскаго Дворца; сдѣлалъ еще разъ въ Берлинѣ для женитбы 31 дек. 1822, но, лишившись 22 іюля 1823 молодой жены, умершей отъ нервнаго удара послѣ горячки, самъ скоро посѣдовалъ за нею, вслѣдствіе все болѣе и болѣе развивавшейся чахотки, несмотря на всѣ попеченія родителей и усилія врачей.

Картина его „Сидящая у окна богатообранной готич. комнаты и играющая на гитарѣ женщина“ была выставл. въ дек. 1824 въ Имп. Эрмитажѣ, гдѣ и остав. въ кладовой до 1833, когда была потребов. СПб. Губ. Правленіемъ въ Акад. Худож. для оцѣнки и потомъ продажа Аукціон. Камерой, на удовлетвор. претензіи тит. сов. Малышева, по пригов. Надвор. Суда.

Помимо живописныхъ произведеній (историч. картинъ и портретовъ), И. оставилъ также нѣсколько музыкальныхъ для форте-піано, издавленныхъ послѣ его смерти, его другомъ Гиппиусомъ, въ 1825 (два ноктюрна, два романса, вальсъ и штирейская пляска; см. объ этомъ „Биограф. Листы“ 1825, № 7, с. 100), литературныя же его работы печатались еще при его жизни въ „Сынѣ Отеч.“ 1820 (ч. 65, № 45, с. 208—19: „Возраженія на вѣют. мѣста въ статьѣ Академіи Художествъ—въ № 39 С. О.“, возбудившія со стороны Ѳ. Булгарина „Замѣчанія“ въ № 46, с. 260—5, того же журнала) и въ „St.-Pbger Zeitschr.“ 1823 (статья „О собраніи китайскихъ картинъ и рисунковъ въ СПб.“, перевод. С. въ „Русс. Изнав.“ 1823, № 228).

Самая подроб. біографія И. была напеч. *Ольдекопомъ* въ „St. Petersburg. Zeitschr.“ 1825 (I,

39; II, 138; III-IV, 255; VII, 239); затѣмъ болѣе краткія: въ „Моск. Вѣдом.“ 1824 (№ 95), „Русс. Инвал.“ 1825 (№ 84, с. 336—7) и „Journ. de St. Pbg.“ 1825 (№ 8), а также въ „Справ. Энциклопед. Слов.“ Крайя, 1847 (V, 27). — Въ *Nagler's „Künstler-Lex.“* (VI, 44—5) невѣрно указ. годъ смерти. — См. еще въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣла: 1822, по оп. 1150, № 817 (бумаги Воронова въ Моск. Отдѣл.) и 1835, по оп. 673, № 197 (карт. 4677).

Игоревъ, Левъ Степановичъ, живописецъ. Род. 1823, ум. 18... г. По окончаніи курса Саратовской Дух. Семинаріи, онъ былъ рекомендованъ въ маѣ 1845 г. Ф. П. Толстому, Духовно-учеб. Управленіемъ при Свят. Синодѣ, — какъ наклонный къ рисов. еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Возведенный 17 дек. 1853 въ званіе академика за портретъ ректора Дух. Акад., еписк. Макарія (съ утвержд. 30 нояб. 1854), И. — въ, кромѣ портретовъ, написалъ въ 1854—55 еще образа: „Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ“ (въ медальонѣ, на слововой кости) — для Имп. Маріи Александровны, за что получ. подарковъ; „Спасителя“ и „Божіей Матери“ — для церкви въ имѣніи Стобеуса село Красное, Арзамасскаго у., заперсостольный „Спасителя, сидящаго на престолѣ“ — для церкви въ Твери и еще два такихъ же. Состоя учителемъ иконописанія при СПб. Дух. Семинаріи, онъ былъ посланъ весной 1857 при Дух. Мисіи въ Пекинъ, и затѣмъ выставилъ въ А. Х. въ 1865 картины (№№ 98—105): „Китайскіе нѣнцѣ на холодѣ“ (наход. въ Моск. галлереѣ Третьяковскихъ полъ № 122), „Китайскіе чиновники“: „въ первомъ, младшемъ, чинѣ“, „начальникъ отдѣленія иностр. дѣлъ“ и „въ лѣтнемъ платьѣ, родомъ манджуръ“, „Пекинскій солдатъ Желтаго знамени, 75 лѣтъ отъ роду, христіанинъ, русс. потомокъ въ 4-мъ колѣнѣ, изъ плѣнныхъ казаковъ, защищавшихъ 3 года крѣпость на Амурѣ Альбазинъ, въ числѣ 900 челоѣ, противъ 8000 китайцевъ“, „Пекинскій татаринъ“, „Китайскій купецъ, родомъ манджуръ“, „Китайскій врачъ, родомъ китаецъ“. Лишенный, въ чинѣ отстав. надв. сов., 17 февр. 1869 по суду (на основ. 151, 1524, 7-й стел. 19 и 2-й стел. 20 ст. Улож. о Наказ. и 828 ст. Уст. Угол. Суд.), всѣхъ правъ состоянія со ссылкою на поселеніе, онъ былъ оставленъ, однако, по всеподл. докладу министромъ юстиціи его дѣла Госуд. Императору 24 апр. 1870, — въ мѣстѣ его жительства, и принять СПб. Ремесл. Обществомъ, по прош., какъ обязанный избрать себѣ родъ жизни, въ ремесл. живописный цѣхъ мастеромъ. Представляя 12 окт. 1871 въ А. Х. два груд. портрета съ нат., пис. имъ масл. краск., онъ просилъ объ удостоеніи его

званія своб. художника, но ему отвѣч. было, что онъ можетъ быть удостоенъ просимаго званія лишь по возвращеніи утерянныхъ по суду правъ и преимуществъ, о чемъ онъ долженъ ходатайствовать передъ начальствомъ, по докладу коего послѣдов. Высочайшее повелѣніе о смягченіи его наказанія. Вслѣд. же просьбы, поданной имъ въ мартѣ 1876 Августѣйшему Президенту Акад., съ указ. на исполненіе имъ съ 1870 всей живописи во вновь отстроенномъ храмѣ въ Сестрорѣцкѣ и нѣск. иконъ для нов. иконостаса въ соборъ всѣхъ уч. заведеній, В. К. Владиміръ Александровичъ направилъ это дѣло къ мин. юстиціи. Наконецъ, на выставкахъ „Общества выставокъ худож. произведеній“ появились слѣд. работы И. — ва: въ 1880 (№ 135) — „Портретъ Тутубека, кариэзскаго дворянина“, а въ 1880—81 г. (№№ 28 и 44) — „Портретъ Бюдева, русс. посланника при Пекинскомъ дворѣ“ и карт. „Четъ или нечетъ“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 57/1845, 37/1857 и 27/II, и въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. дѣло 1855, по оп. 268, № 31/135. — „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 211. — „Отчеты И. А. Х.“: 1854 — 55 и 1855—57, с. 24. — „Каталоги вышеупом. выставокъ и галлерей“. — Въ изд. *Ф. Булакова* „Наши художники“ (II, 288) упом. лишь выстав. въ 1865 картины и указ., какъ годъ смерти, 1869.

Идзьновскій, Адамъ, архитекторъ Варшавскихъ Имп. Дворцовъ. Онъ состав. „Собраніе архитект. плановъ и рисунковъ“, экземп. котораго былъ представ. въ А. Х. при отном. статсъ-секретаря Царства Польскаго, и получ. званіе почетнаго члена общества въ 1853.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 201.

Ижакевичъ, Иванъ Исидоровичъ, живописецъ. Род. 6 янв. 1864 въ с. Вишнепольѣ, Уманскаго у., Киевской губ. Звенигород. мѣщанинъ, сынъ однодворца, правосл. исповѣд., онъ обуч. живописи въ школѣ Киево-Печ. Лавры и въ рисов. школѣ худ. Мурашко; былъ помощникомъ послѣдняго при исполненіи имъ заказ. ему работъ, а въ 1884—88 посѣщ., въ качествѣ вольнослуш., фигур. и нат. классъ А. Х.; впослѣд. сталъ принимать участіе въ разныхъ иллюстриров. изданіяхъ и выстав. въ А. Х. въ 1891 (№№ 51 и 113) 2 портр. См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 190/1884.

Известновъ, живописецъ. Выстав. въ А. Х. въ 1859 „Видъ въ Шемонѣ, ночью“ (№ 242 по „Указат.“).

Изволовъ, Петръ Алексѣевичъ, архитекторъ. Род. 1721. Сынъ комиссара Дворцоваго Строенія

домовъ и садовъ Конторы, опред. быть въ ученики „архитект. науки“ въ Мих. Земцову въ авг. 1734.

См. въ Общемъ Архивѣ М. И. Д. 1734, оп. 78/190, л. 3.

Извѣтковъ, Иванъ, живописецъ. Уволенный въ отставку унтеръ-офицеръ, онъ, въ качествѣ способн. живописца-самоучки, былъ рекомендованъ Новгород. губернаторомъ Э. В. Лерхевиле-презид. Акад. Худож., кл. Г. Г. Гагарину, въ февр. 1867, какъ могущій усовершенствоваться въ А. Х. Его раб. портреты имп. Александра II съ видомъ новаго Архива Мин. Иностран. Дѣлъ въ Москвѣ,—наход. въ I отд. послѣдняго.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 30/1837 и Д. *Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, прилож., 224.

Изенбень, Люисъ, архитекторъ. Будучи ученикомъ А. Х., получ. въ авг. 1862 г. 2-ю сер. мед. за „проектъ дома архитектора“.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, III, 405.

Изенбергъ, Константинъ Васильевичъ, си-луэтистъ. Род. 29 ноябр. 1859. Сынъ докт. медик., онъ обучался въ Училищ. при Евангелическо-Лютеран. церкви св. Анны въ СПб. (1870—79) до VI класса коммерч. отдѣленія включительно, а въ нояб. 1882, по представл. имѣ 3-мъ рис. съ гипс. головъ, 6-ти рис. силуэтовъ, 2-мъ рисов. тушью сценкамъ и одному пейзажу изъ пробы, былъ принятъ въ учен. А. Х. Впослѣдствіи онъ выстав. свои пронавед. въ „Обществѣ русс. аквар.“ и отдѣльно.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 203/1882.

Издерминъ, Аванасій Григорій сынъ, книгописецъ, въ Волоколамскѣ. Мирянинъ, онъ напис. въ 1537 (7045), по заказу Ив. Андр. Рябчикова, „Службы нѣкот. святымъ“, въ 4-ку, на 331 л.

См. № 376 рукоп. опис. Иос. Волокол. мон. Св. Саввы.

Измайловъ, Александръ, граверъ. Род. 1789 (т. к. въ 1802 ему было 13 л.); ум. 28 сент. 1813. Находясь въ 3 возраста въ числѣ учениковъ И. А. Х., онъ былъ назнач. 11 окт. 1800 въ медальер. классъ; другой, состоя въ 4-мъ возрастѣ по гравюр. классу, опред. былъ 1 сент. 1809 къ выпуску, но оставл., вѣсть съ друг., еще на нѣкот. время въ Акад., „какъ для усовершенствованія въ гравиров. художествѣ, такъ и по надобности въ граверахъ, кои заним. разными по Высоч. повелѣнію работами, а чтобъ не лишитъ его награды, какую заслужилъ купно съ проч. товарищами, изъ Акад. выпускаемыми

съ аттест. 1 ст., возводящ. въ 14 кл.“, награжд. былъ наравнѣ съ ними шпагою, съ назнач. 30 окт. къ совѣт. Клауберу, выпущенъ же 27 авг. 1812.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, I, 418, 536, и 538, 540; II, 33.

Измайловъ, Петръ, живописецъ и архитекторъ. Принятый на казен. содерж. въ А. Х. въ янв. 1819, онъ получ. сер. медали за рис. съ нат.: 2-ю—23 дек. 1825 и 1-ю—22 дек. 1827, а въ 1830 конкурировалъ на зол. мед. программой: „Больной Александръ Македонскій“ и, по получ. 12 окт. 1830 аттестата объ оконч. курса съ званіемъ художника 14 кл., поступилъ архитект. помощникомъ при Царскосельск. Дворцов. Правл.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, I, 418, 536, и 538, 540; II, 33.

Измайловскій, или **Измаильскій**, Константинъ Евгеньевичъ, медальеръ. Род. 1783 (т. к. въ 1802 ему было 19 л.). Изъ крещ. турокъ, онъ былъ опред. д. ст. сов. Петр. Прокоф. Пократевымъ въ июлѣ 1798 въ А. Х.; 11 окт. 1800, находясь въ 3-мъ возрастѣ, назнач. въ медальер. классъ, а 28 апр. 1806 получ. 2 с. м. за дѣла къ нат.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 48/1798, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ... *П. Н. Петрова*, I, 375 и 401, 418, 478 и 486.

Изотовъ, Николай Максим., рѣшникъ. Род. 1776. Изъ мастеровъ дѣтей, поступ. на службу въ 1787 и наход. въ 1811 въ рѣшной командѣ Ян. Дунаева; служ. еще въ 1823.

См. формуляры въ Общемъ Архивѣ М. И. Д.: оп. 122/556, л. 16, с. 84 и 103 (1811—12); л. 27, с. 17 (1818 г.); л. 30, с. 15 (1819 г.); л. 34, с. 11 (1823 г.).

Изохтинъ, скульпторъ Конторы строенія домовъ и садовъ 2-й половины XVIII ст.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 42/1772 (стар. нум.).

Икавитцъ, Николай Эдуардовичъ, архитекторъ. Род. 1858. Воспитанникъ училищъ: Моск. Реального и СПб. Строит. (1880—86), онъ оконч. курсъ съ правомъ на чинъ Х. кл. и съ званіемъ гражд. инженер., послѣ чего причислился къ Технич.-Строит. Комит. М. В. Д., въ авг. же 1890 откомандиров. былъ для проектиров. больницъ въ Медич. Дел., а въ маѣ 1891 поступ. завѣдующимъ строит. работами по зданіямъ и сооруженіямъ Охтен. Артиллер. полгона Морского вѣд. Занимаясь кромѣ того част. работами, онъ исполнилъ нѣск. проектовъ на разныя со-

оружія, въ томъ числѣ: 1) памятника д-ру Э. Икавтиду въ Тамбовѣ; 2) церкви на 500 челов. въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи 17 окт. 1888 — для Периской губ. и 3) соборн. храма въ память 900-лѣтія крещенія Руси, совместно съ В. А. Косяковымъ, — по конкурсу, объявленному Астрах. Город. Думою, въ 1890, за что получ. 1-ю премію.

См. *Г. В. Барановскаго*, «Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92», с. 133—4, со снимк. съ 1) и 2) проектовъ.

Иковъ, Павелъ Петровичъ, живописецъ. Род. 1828 въ Москвѣ (?), ум. 18 марта 1875 въ СПб. Ученикъ Моск. Училища живописи и ваянія (1844—46) и СПб. Акад. Худож. (съ 1847), гдѣ занимался подъ руковод. рект. Ф. А. Бруни, онъ, состоя пенсіонеромъ Общ. Поощр. Худож., дѣлалъ рисунки для ксилографіи и литографіи въ изданія: «Иллюстрація» 1848 (VI, 9. 137; VII, 28. 57); «Костюмы Египтянъ, Юдеевъ, Грековъ, Римлянъ и Русскихъ», съ оригинал. А. П. Саложникова (въ 5 тетрад.) и др., а за свои классныя работы получилъ серебряныя медали: 2-ю (1852) и 1-ю (2 мая 1853) — за рис. съ натуры, равно какъ за этюдъ съ натуры, и золотая: 2-ю, послѣ неудач. конкурса съ программой «Ахиллесъ оплакиваетъ тѣло Патрокла» (въ 1855), — за прогр. «Периодъ во время славы посѣщ. давно забытаго наставника своего Анаксатора» (14 мар. 1857), причемъ, по замѣч. в. к. Маріи Николаевны, и тутъ «фигура воина была не хороша», и 1-ю — за прогр. «Омовеніе ногъ ученикамъ І. Христомъ» (3 апр. 1858). Между первой и послѣдней изъ этихъ картинъ (отзывы о которыхъ появ. въ изд.: «Отч. Зап.» 1855, № 11, смѣсь, с. 29—30; «Русс. Худож. Листъ» 1857, № 10; «Русс. Вѣст.» 1857, № 6 совр. лѣт., с. 159, и «Сынъ Отч.» 1858, №№ 15 и 21, с. 422 и 605—7), онъ написалъ еще: портреты имп. Александра II, въ ростъ (въ 4-хъ экзempl.), и импер. Маріи Александровны, по поясъ (въ 2-хъ экзempl.), въ томъ числѣ по 2 — для Войска Донскаго, и разныхъ част. лицъ (между прочимъ 9 — каранда.); запрест. образа: св. Троицы — въ соборн. церковь въ Минскѣ, Спаса Нерукотвор. (съ ориг. Бруни), еще одинъ — для собора въ Гельсингфорсѣ. Постоянно отставая отъ своихъ товарищей, И — въ прослылъ, однако, между ними за хорошаго рисовальщика и потому, по оконч. курса съ званіемъ художника 14 кл., былъ одно время (съ авг. 1858 до 1859) помощникомъ преподават. въ рисов. классахъ Акад. и (съ янв. по сент. 1860) — преподавателемъ въ Рисов. Школѣ Общ. Поощр. Худож.

Посланный пенсіонеромъ за-границу, И — въ провѣлъ три года въ Парижѣ, гдѣ занялся: исполненіемъ портретовъ (въ томъ числѣ Колыма и одной дамы) и этюдовъ съ натуры; сочиненіемъ эскизовъ изъ Свящ. и Римской исторіи; копированіемъ сред. части Луврской картины Рубенса «La félicité de la Régence» («Счаст. времена регенства Маріи Медичи»), причемъ копія эта, оконч. имъ по возвращ. съ Лондон. всем. выставки, послѣ доставленія ея въ СПб., найдена была Академич. Совѣтомъ удовлетворительною (29 янв. 1863), а также рисованіемъ акварелью народ. спенъ и пейзажей, равно какъ нѣкот. древностей Визант. работы. Выѣхавъ изъ Парижа 9 іюля 1863, онъ направился черезъ Страсбургъ въ Швейцарію, гдѣ, кромѣ музеевъ и галлерей, посѣтилъ также мастерскія Коллера, Калама и Дидэ, и затѣмъ въ Савойю, гдѣ нарисовалъ акварелью нѣск. большихъ горныхъ видовъ, сдѣлалъ множество рисунковъ карандашемъ и написалъ одинъ портретъ масл. красками; наконецъ, черезъ Туринъ и Геную, Ливорно и Флоренцію, Сиенну и Пизу, достигъ Рима, посѣтивъ по дорогѣ мастерскія флорент. проф. Усси и др. и дѣлая небольшіе рисунки для себя.

Возвратясь въ Россію въ сент. 1867, И — въ окончивалъ привез. съ собою нѣск. картинъ, за которыя надѣялся получить званіе академика, но безуспѣшно. Картины эти, находившіяся на Академич. выст. 1868, были: «Сусанна», «Римскія: крестьянка съ прялкою, дѣвушка съ розаномъ, крестьянская дѣвушка» и «Этюдъ старика съ натуры», выставленныя вмѣстѣ съ акварелями: «Видъ Пестума», «Амальфи», «Часовня въ Суббіако», «Вилла д'Эсте въ Тиволи» (два рис.), «Чучарка въ церкви Арачели». Потерпѣвъ неудачу, онъ занялся различ. живопр. работами въ СПб. и преподаваніемъ рисов. въ разныхъ учеб. заведеніяхъ и въ част. домахъ.

Крат. біографіи И — ва были помѣщ.: *А. Соловьевъ* въ «Катал. произвед. иностр. живопр. въ карт. гал. И. А. Х.» 1874 (II, 195), и въ «Біограф. свѣд. о членахъ Акад., умерш. въ 1873—75» (с. 15, при «Отч. И. А. Х.» за 1874—75), и *Ф. Булаковымъ* въ изд. «Наши Художники», 1890 (I, 159), и нѣсколько подробнѣе у *Н. Собко* въ «Историч. очеркѣ СПб. Рисов. Школы 1839—89» (с. 84, пр. 105). — Для настоящ. очерка служили: «Отчеты О. П. Х.» 1849—51 (с. 10, 12), 1852—54 (8, 12), 1854—55 (8), 1855—56 (8), 1856—57 (9), 1857—59 (16, 19); дѣла Архива И. А. Х. (82/1855, 109/1858, 49/1859, 171/1859 и 19/И); «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.»... *И. Н. Петрова*, III (198. 236. 266. 282 и

268, 305, 419, а также: 382, 385, 398, 401, 429); „Указат. выст. в. И. А. Х.“ 1855 (№ 150), 1857 (44), 1858 (28), 1868 (36, 69 — 72, 393—403); „Отчет И. А. Х.“ 1861—62 (с. 78), 1862—63 (85), 1863—64 (77), 1867—68 (55), 1874—75 (86); „Катал. выст. карт. Общ. Изв. Исх.“, Од. 1884 (96).

Иконниковъ, Василий, гравёр на мѣди. Изъ учениковъ Моск. Славяно-греко-латин. Акад., онъ былъ выс. в. СПб., по опредѣл. Св. Синода, въ А. Н. въ авг. 1745, для обуч. рисов. и на мѣди выпѣл., а также словолитию и перепл. книгъ, и опредѣленъ къ маст. Гриммелю, съ принят. на казен. счетъ. Будучи „Синодальнымъ ученикомъ“, потомъ подмастерьемъ и учителемъ Стеф. Ефимова, такого же плохого мастера, какъ и самъ, онъ исполнилъ слѣд. гравюры рѣзцомъ: 1. „Молитва св. Зосимъ и Савватию, ... съ видомъ Соловецкаго мон.“, — въ СПб. при Акад. Наукъ 1751 г.; 2. „Св. Пр. Давидъ“, съ рис. Сем. Второва — для Моск. „Псалтыря“ 1757 г.; 3 и 4. „Еванг. Марко“ и „Иоаннъ“, тоже, 1757 (представл. имъ 18 июля того года въ Контору Моск. Синод. Типогр.); 5. Загл. листъ къ Моск. „Библии“ 1759 и 1762, въ л., тоже (съ изображ. вверху — Христа, уцап., въ храмѣ, а внизу — Кремля и Петропавл. крѣпост.), равно какъ мног. гравюръ той-же раб., но безъ подл.; 6. портретъ имп. Елизаветы Петровны въ ростъ, съ аллегор. изображ. вокругъ, тоже и туда же (размѣр.: 14.0 × 9.3 во франц. дюйм. и лин.), пояс., $\frac{3}{4}$ впр., портреты: 7. в. к. Павла Петровича, по рис. Мих. Некрасова (размѣр.: 7.2 × 2.3), съ оргин. Рокотова 1762 г., и 8. извѣст. чудодѣя, „дворянина-философа, полковника Нарв. пѣх. полка Фед. Ив. Дмитриева-Мамонова“, окруж. разными фигурами, 1762 г. (размѣр.: 14.7 × 9.6; наход. въ Олсуфьев. Собр. VII, 1307; воспроизвед. въ „Атласѣ“ къ „Руссо-Народ. Карт.“ Д. Ровинскаго, т. II, № 550); виньетки къ Моск. изд. и соч. послѣдняго: 9. „Любовь Психен и Купидона“, перев. съ де ла Фонтена, 1769 (6-ть штукъ, безъ подл. маст.); 10. „Любовь, С. А. Дворян.-Филос.“, 1771, 4^о (8-мь штукъ); 11—13. „Бюстъ Марса“, „воинская арматура“, и „медаль Дмитриева-Мамонова въ латахъ“, $\frac{1}{2}$ впр., съ изображ. на обор. — „Истинны“, попор. двухъ фурий ногами“ (diam. 2.9 $\frac{1}{2}$) — въ „Эпистолѣ отъ генерала къ его подчиненнымъ“, 1770; 14. портретъ Петра I, скопиров. съ Чемесова (6.4 × 3.9), и проектъ „конной статуи Императора, попор. двухъ пѣвн.“ — при кн. „Слава Россіи или Собрание медалей дѣлъ Петра В. и еще нѣкоторые 1770 г. Юния 4 дня “, 8^и, и во 2-мъ изд.: М. 1783,

съ гравиров. загл. лист. и оглавл. и съ 49 мед. на 17-ти табл. (безъ подл. маст.); 15. еще „медаль Дмитриева-Мамонова“ съ изображ. на обор. — жертвенника съ раскрытою книгою на немъ, рѣз. 1773 г. (diam. 3.6 $\frac{1}{2}$) — при „Панегрихѣ Дворянину и Философу“, пис. священникомъ церкви Похвалы Богородицы, что въ Башмаковѣ, Вас. Соловьевъ, съ 5-ю друг. виньет. (ср. въ Олсуф. Собр. XI, 2258); 16. фронтисписъ „Веселое Общество“ (размѣр.: 4.10 × 3.2) — при кн. „Спутникъ и собесѣдникъ веселыхъ людей“, на русс. языкъ перев. Моск. мѣщан. Хрестфрм Дорбедъ (т.-е. Матв. Комаровымъ), 1773, 12^о (тамъ же VIII, 1511; ср. Сопик. 11280); 17. „Система новая обстоятельная сложенія свѣта, изд. 1779 г. въ Барановѣ“, Дмитриевымъ-Мамоновымъ, въ л.; 18. еще „медаль Дмитриева-Мамонова“, сидящаго у стола въ задумчивости, „въ единенной жизни въ Барановѣ“, съ изображ. на обор. — „изд. имъ новой обстоит. системы сложенія свѣта въ 1779 г.“, — при соч.: „Дворянинъ-Философъ. Аллегорія“, Смоленскъ, 1796, 8^о (первоначально при кн.: „Любовь Психен и Купидона“, 1769).

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“, VII, 513, 557, 647, 703, 708; VIII, 226. — Дѣла Св. Синода 1773 (авг. 9), № 22. — Д. Ровинскаго: „Русс. гравюры“, 1870, с. 214; „Русс. Народ. Карт.“, IV, 459, а также III, 605 (№ 1461), II, 247 (№ 550) и 283 (№ 594); „Полнор. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав.

Иконниковъ, Данилъ, живописецъ 1408 г. Сотрудникъ Андрея Рублева по росписи Златоверх. Успенскаго соб. во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

См. „Отеч. Зап.“ 1824, XX, 39 (по „Продолж. Нестора“, с. 232).

Иконниковъ, Иванъ Аппсимовичъ, живописецъ Синод. 1761 г. Писалъ живописью (къ 13 дек.) архіер. грамоту, еписк. Вологод. Иосифа Золотога.

См. „Вологод. Епарх. Вѣд.“ 1866, № 17, с. 654.

Иконниковъ, Иванъ Петровичъ, живописецъ. Сынъ канцеляр., житель гор. Уфы, немного обучившись живоп. художеству и представляя въ А. Н. дѣл „малеванныя картинки“ своего искусства, просилъ 19 марта 1740 г. объ опредѣл. его къ рисов. художеству, съ жалов. по напач. Акад.; вслѣд. чего онъ былъ отосл. къ маст. Вортману, а содержание ему было опредѣл. по 4 р. въ мѣс. Въ 1743 о немъ сообщ., что онъ „хорошо малюетъ и рисуетъ“ и что онъ „ученикъ достаточный“ (по сравненію съ друг. посредственными). Занимался между про-

чпмъ „раскрашиваніемъ патентовъ, малеваніемъ кунсткамерскихъ звѣрей и проч. работами“, онъ называлъ. Былъ въ томъ же году къ маст. Гриммелю; нѣсколько же позднее отосл. вмѣстѣ съ друг., по выбору подмаст. Соколова, въ Сенатъ „для скорѣйшаго въ сочиненіи лейбъ-компаніи гербовъ и дипломовъ исправленія, въ помощь живоп. мастеру“, по докладу Геральдмейстер. Конторы. Пробывъ затѣмъ „между художеств. палатами въ сред. залѣ у раскрашив. стѣнъ“, онъ былъ уволенъ, по прош., для пріисканія себѣ службъ въ друг. командѣ, а на мѣсто его опредѣл. къ Гриммелю учен. Николай Любецкой.

См. „Матер. для исторіи И. А. Н.“, IV, 354—5. 363. (556); V, (10/499). 552—3. 557—8. 600. 602—3. 621. 719. 720. 722. 774; VII, 65. 608.

Иконниковъ, Иванъ Спиридоновичъ, живописецъ 1555 г. въ Москвѣ. Написалъ, по заказу Матв. Тимоф. Погорѣлова, въ Чигасов. Спасскій мон., въ пѣкностасѣ церкви образъ „Всемилоств. Спаса“ или „Происхожденія Честныхъ Древъ Креста“ (размѣр.: 1 а. 14 в. X 1 а. 8 в.).

См. *Амаросія* „Исторію Росс. Іерар.“, VI, 259, и „Описание Спасо-Чигасской церкви“, с. 10—11.

Иконниковъ, Макарь, живописецъ при Св. Синодѣ, ум. въ СПб., ранѣе 1772 (т. к. 26 іюня того года умерла его вдова Ксенія Борис., 75-ти л. отъ роду, въ прих. Андрея Первозв.). Изъ рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Иконниковъ, Михаилъ Степановичъ, архитекторъ. Род. 1821 (1818?). Воспитанникъ Киев. гимназіи и Строит. Учил. въ СПб. съ 29 мая 1835 до 10 янв. 1840, на счетъ Киевской губ., онъ былъ выпущ. первымъ ст. чпномъ XII кл. и опредѣленъ старш. инженеръ въ Киевскую губ. Строит. Ком., а по преобразов. ея, назначенъ архитект. и инженеръ для производ. работъ (въ 1850) и, наконецъ, губ. архитекторомъ (въ 1854, въ 7 кл.). Во время Крымской кампаніи, устроилъ въ Черкасахъ, по требованію главно-команд. южною арміею, переправу черезъ Днѣпръ изъ поплаваго моста и паромовъ, а затѣмъ плавмаш. отолденіе въ Киев. театрѣ. Имъ построены въ 1853—63 гг.: въ Умані—тюрем. замокъ, въ Киевѣ—зданія губ. присутств. мѣстъ и тюрем. замка, тепл. церковь съ колокольнею при Киево-Набережной Никольской церкви, дома Старо-гетоврич. Общества; въ 1863—73 гг.—дома для бѣдныхъ того же Общества, пріюта княг. Дондуковой-Корсаковой, а также для ремесл. школы, часовня надъ могилкою ген.-ад. Беака и его супруги; въ 1873—88 гг.—гостип. „Grand Hotel“

на Крещатикѣ, кромѣ част. домовъ, Старо-рафинад. заводъ, зданія клиникъ при упив. св. Владиміра, и перестроены: тепл. церковь при Киево-Софійскомъ соб., домъ для помѣщенія рукодѣльн. школы Безакъ (1863—73), зданія Дух. семинаріи, съ возвед. 2-й половины главн. корпуса, и Академіи, съ возвед. 3-хъ эт. зданія для администраціи, часть зданія присутств. мѣстъ подъ судеб. учрежденія и, наконецъ, въ Умані госпит. зданіе подъ окружной судъ (1873—88).

См. *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ. Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 134, и, служ. ему дополн., рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Иконниковы, Семевъ и Федоръ, Шуйскіе иконописцы, упом. подъ 1707 г.

См. *Борисова* „Опис. г. Шуи“, с. 75, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 151.

Иконниковъ, Яковъ Михайловичъ, живописецъ (?) Род. 1838. Сынъ отстав. унтеръ-офиц., Арханг. мѣщан., былъ ученикомъ Арханг. уѣзд. учил. и И. А. Х. (съ 1858); въ 1869 получилъ свидѣтельство на званіе учит. рисов. въ гимназ., по потомъ сдѣлался биржев. маклеромъ (1878).

См. въ Архивѣ П. А. Х. дѣло 20/И и рукоп. зам. *П. Н. Петрова*.

Иконникъ, Григорій Саввинъ, иконописецъ 1659 г. въ Москвѣ.

См. *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 33.

Иконникъ, Иванъ Яковлевъ, Шуйскій иконописецъ 1627; подавалъ жалобу на пола Якова за неплатежъ денегъ.

См. *Борисова* „Описание гор. Шуи“, 72, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 150.

Иконникъ, Мартыль Андреевъ, иконописецъ (?). Посадскій человекъ гор. Вѣлева, онъ находитъ въ 1664 при составл. смѣты на поправку въ мѣст. ц. Николы Гостунскаго.

См. *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 53, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 150.

Искусъ, баронъ Александръ, живописецъ. Въ теченіи 3-хъ лѣтъ, около 1820 г., онъ путешествовалъ по Востоку, и, по словамъ *А. Н. Муравьева*, употребилъ свой необыкновен. талантъ живописи на собраніе прекрасныхъ видовъ мѣстностей, а 20 сент. 1832, за рисунки видовъ п. разныхъ предметовъ, снятъ имъ съ натуры во время путешеств. въ Египетъ, Аравію, Сирію и Палестину, онъ былъ возвед. въ званіе поч. чл. общины И. А. Х.

См. *А. Н. Муравьева* „Путеш. къ св. мѣстамъ“, ч. I, с. XC—XCI, и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...*П. Н. Петрова*, II, 289.

Иларіонъ, монахъ-пауграфъ. Написалъ, послѣ обрѣт. мощей св. Нила (27 мая 1667), въ 1670-хъ гг., „по общанію за вкладъ“, иконы въ Нилову-Стобенскую пустынь.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Иларіонъ, иконописецъ. Монахъ Новоспасск. мон. (въ Москвѣ), оутъ напис. 1688 іюля 2, при настоят. архим. Игнатіи Корсаковѣ, образъ Богоматери, находит. въ алтарѣ соб. церкви тамъ же.

См. *Д. Ровинскаго* „Исторію русс. школъ иконопис.“, 151—2.

Иларіонъ, граверъ, іеромонахъ въ Кіевѣ. Ему принадлежатъ рѣз. на деревѣ: з. л. съ изображ. Троицы, Успенія и мн. свят. (10.5½××6.6½) — въ „Житіи святыхъ“, К. 1764, и гравюры — „Монахъ и женщина“, „Монахъ и священникъ съ крестомъ“, „Архіерей съ жезломъ“ (1.1×2.7); его же рѣз., съ моногр. „Гл., заставилъ — „Соборъ святыхъ“, „Мученикъ съ крестомъ“, „Мученикъ и Царица съ крестами“ (1.1×2.6), — въ Собр. кн. Бѣлос.-Бѣлосерскаго. См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, 1870, с. 227.

Иларіонъ (въ мірѣ Іоаннъ Детесовичъ ?)

Мигура, граверъ на мѣди 1704—12. Сперва архидіаконъ въ Кіев. митроп., потомъ (съ 1710) игуменъ Батуринскаго Свято-Никол.-Крупинскаго мон., оупъ гравиров. рѣзцомъ слѣд. портреты и свят. изображенія, доски которыхъ сохранил. въ Кіев.-Печ. типографіи: 1. „Triumfъ z imienia Gedeona wzięty“ (размѣр. 5×5½ верш.), съ посвящ. на латин. яз. Гедеоу Одорскому, архим. Батуринскаго Свято-Никол. Крупинскаго мон. (1704); 2. изображ. прор. Захарія съ арханг. Михаиломъ и великомуч. Варварой по бокамъ, въ л. съ посвящ. Захарію Корниловичу (1705, сент. 3); 3. изображ. чудотвор. иконы Пресв. Богородицы Братской Кіевской, въ л. (размѣр.: 9½×6½ верш.; 1706 г.); 4. пояс. ¾, впр. портретъ благодѣтеля патриарш. престола Стефана Яворскаго, митроп. Рязанскаго и Муромскаго (размѣр. 9¾×6¾ верш.), съ посвящ. ему (1706, авг. 2); 5. аллегор. изображ. гетмана Мазепы въ ростъ, въ рыгар. одѣяніи, съ изображ. 6 отраслей знанія въ видѣ желѣсныхъ фигуръ по бокамъ, вверху же—Христа съ 6 святыми по сторонамъ и надъ ними посвящ. патр. Кіев. церквей, а внизу—воен. доспѣховъ (размѣр.: 9½××6¾, верш.), съ посвящ. самому гетману (1706, окт. 17); 6. изображ. св. Василия Вел., съ разн. аллегор. фигурами, въ л., съ посвящ. Вас. Кочубею, генер. судѣи Войска Запорож. (1707, янв. 17); 7. изображ. преп. Іоанна Лествичника (размѣр. 6½×5½ верш.), съ посвящ. Іоанну

Ломиковскому, генер. асаулу Войска Запорож. (1707, марта 30); 8. пояс. ¼, впр. портретъ преосвящ. Варлаама Яенинскаго, митроп. Кіев., Галиц. и всея Россіи (размѣр. 8¼×5½ верш.), съ эпитафіей на его погреб. (1707, окт. 19); 9. пояс. изображ. ап. Иродіона, въ л., съ посвящ. Иродіону Журавовскому, архим. (съ 6 янв. 1709) Межитор. Преображ. обители (апр. 5); 10. пояс. изображ. св. Стефана съ чашей и камнемъ въ рукахъ, въ ½ л., съ посвящ. Стефану Яворскому (1709, въ бытность еще архидіак.); 11—13. лнсты, посвящ. гетману Іоанну Скоропадскому (1709), полковнику Дан. Апостолу въ д. Пасхи (1712) и Вязиновичу; 14—15. изображ. преп. Іакова, въ 4 д. л., и преп. Варлаама, тоже (въ бытность уже игум.); 16. пояс. изображ. св. Симеона Богопріимца съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ (размѣр. 8½×5½ верш.), съ посвящ. Симеоу Скаргѣ, генер. писарю Войска Запорож. (1712, въ бытность уже игум.); 17. пояс. изображ. св. Іоанна Предтечи, въ ½ л., съ посвящ. опять Іоанну Ломиковскому (тоже); 18. пояс. изображ. Ильи прор. съ ножомъ въ рукѣ и св. великомуч. Екатерины съ дѣяньемъ—на обор., въ м. л. (безъ обознач. года; въ казнач. палатѣ Соловец. мон., куда въ сент. 1712 былъ сосланъ за измѣну вышепом. архим. Гедеоу Одорскій); 19. пояс. изображ. св. Николы Крупинскаго, въ ½ л. (безъ обознач. года). Имъ гравиров. рѣзцомъ, въ 1-й полов. XVIII ст. (въ бытность еще іеромон.), въ 4 д. л. (5.3×3.9 во франц. дюйм. и лн.), — 20. „Великомуч. Варвара“ въ ростъ, съ пальмовою вѣтвью въ прав. рукѣ и моделью церкви (св. Михаила Златоверхой) — въ лѣвой (въ Олсуф. собр. X, 2169).

См. *Бьлюсовскаго* „Крупинскій Батурин. м.—ръ“, Черниг. 1859, с. 38, и архіеп. *Филарета*, о томъ же, 1862. — „Ижестія Имп. Русс. Археол. Общ.“ 1862, т. IV, в. 3, с. 250 (сообщ. *С. Сементовскаго*). — *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, 1870, с. 122, и „Русс. Нар. Карт.“, 1881, т. III, с. 692, 492, 697, 695, 694, 693, 701, 608, 655, 557, №№ 1663, 1224, 1673, 1669, 1666, 1658, 1667, 1665, 1682, 1464, 1533, 1387; тамъ же, т. IV, с. 720, ему несправ. приписано составленіе, вѣстѣ съ Аван. Кальнофольскимъ, иномъ Пещер. мон. (1594—1638), — „Описанія чудесъ Купятинской иконы Богоматери“; послѣднее принадлеж. Иларіону Денисовичу, игум. Купятинскому 1-й половины XVII в., см. *Филарета* „Обзоръ русс. дух. литерат.“, I, № 172 (bis); архим. Иларіономъ подпис. еще предисловіе къ Кіев.-Печ. изд. „Анагностовъ“ 1709 г., въ 4-ку, см. *П. Пекарскаго* „Наука и Литерат. въ Россіи при Петрѣ В.“, 1862, II, 208—9.

Иларіосовъ, Константинъ, рисовальщикъ XIX в. Исповнялъ портр. Каплагн.

См. Д. Ровинскаго „Подроб. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, 1889, алфав. (въ текстѣ не упомянутъ).

Илія (Илетка), колок. мастеръ 1545 (?), Новгородецъ. Ілѣ при игум. Вяжицкаго мон. Захей Печерскомъ красивый колоколъ.

См. архим. Макарія „Археолог. Описание церк. древностей въ Новгор.“, 1860, II, 257, прим. 239.

Илія, иконопассецъ, вѣроятно Новгород. школы 1/2 XVII в. Произнесъ хулу на преп. Галактиона Вологод.

(см. его рукоп. житіе въ Румянц. Муз. № 296, с. 15—18) по малоумію, какъ отозвалась его жена.—Въ соборѣ же Суздальскаго Покров. м-ря наход. (иссавный бывовато съ сильною золот. прописью въ ризахъ) мѣст. образъ Спасителя 1636 г., исполненный Артеміемъ Катунцемъ съ вѣск. иконописцами, въ томъ числѣ и Ільею.

См. Ив. Некрасова „Нѣск. данныхъ изъ житій святыхъ“ въ „Археолог. Вѣст.“ 1864, с. 227.—Ср. Д. Ровинскаго „Исторію русс. школы иконопис.“, 153.

36. Св. Прор. Ілія,
раб. маст. *Илія А.*, 1638 г.

37. Св. Ілія Муромецъ,
раб. маст. *Илія С.*, 1655—56 г.

Илія АНЛК (Ангилейко ?),
Илія С-СКИ (.....),

Львовскій граверъ на деревѣ
1637 — 49 гг.
Кіевскій граверъ на деревѣ
1651 — 60 гг.

До сихъ поръ не различали этихъ двухъ подписей, встрѣчающихся подъ гравюрами въ церковно-славянскихъ книгахъ XVII и даже XVIII в., и обыкновенно относили ихъ къ одному и тому же лицу. Но, по всѣмъ даннымъ, было два одноименныхъ гравера, дѣйствовавшихъ во 2-й и 3-й четверти XVII в. въ Галицкой и Украинской Руси. Судя по тому, что гравюры Ільи А. (болѣе грубого

мастера), исполненные имъ до 1640 г., находятъ исключительно въ Львовскихъ изданіяхъ не только того времени, но и гораздо позднѣйшихъ (въ новыхъ отпечаткахъ), сдѣланные же послѣ 1640 г. попадаютъ только въ Кіевскихъ изданіяхъ, начиная съ 1646 г. (Петра Могилы) и вплоть до 1715 г., а можетъ быть и позже, при этомъ иногда одновременно съ гравюрами Ільи С. (болѣе тонкаго мастера), начинавшаго работать съ 1650-хъ годовъ,—можно съ достовѣрностью предположить, что Львовскій граверъ переселился въ Кіевъ около середины XVII в., пожалуй, захвативъ съ собою съ родины вѣкоторыя работы, выполненные незадолго передъ тѣмъ, и вскорѣ послѣ того сошелъ

со сценъ, Киевскій же одноименный гравёр продолжалъ затымъ еще работать болѣе 10 лѣтъ. Первый изъ этихъ мастеровъ вырѣзывалъ подъ своими прозвѣдѣніями: „Иліа“ (иногда съ прибавл.: „ро бжи“, т. е. року Божію такого-то; рѣдко—„гри“, „гро“, что означаетъ—гравировалъ; чаще же всего—одной буквы „А“ и только разъ: „АІЛК“¹⁾),—для обозначенія отчества или прозвища, „Иліа“, „Илі“, „Ил“, „И. А.“, „Helias“, „Heli“, „Hel“, наконецъ, другой разъ—„Ели“ (а не „Епи“, какъ читали Д. А. Ровинскій и В. В. Стасов); второй же — „Иліа“ (съ обозначеніемъ года славянскими цифрами и иногда съ прибавленіемъ: „С-СКІ“ или „С-С“²⁾), а разъ даже: „вЛовищ“, т. е. въ Ловичѣ?), „И. С. С. К.“, „И. С.“ (что тѣ же изслѣдователи едва ли правильно читали: Илія Священникъ, т. е. въ такомъ случаѣ стояло бы скорѣе И. І., т. е. Ілія Терей, или И. І.).³⁾ Перваго изъ этихъ гравёровъ Я. Г. Павликовскій признавалъ духовнымъ лицомъ изъ Львовскаго монастыря св. Онуфрія; второго можно считать служащимъ при типографіи Киево-Печерской лавры⁴⁾. Первому

принадлежать слѣдующія работы: 1. загл. листъ къ Львовск. „ПСАЛТИРІЮ“ 1637 г., печ. въ тип. Ставропиг. братства при храмѣ Успенія, въ 4-ку, съ изображ.: Успенія Б. М.—вверху, св. Іоанна Златоустаго, Василія Вел., Григорія Богослова—по бокамъ, 7-ми пророковъ—внизу, и съ подписью: „Иліа року Вож. 1637“,—размѣр.: 6.6×4.10 во франц. дюйм. и лнн. (Д. Ровинскій, „Русс. Граверы“ 1870, с. 219, № 136); 2. загл. листъ къ Львовск. „АНΘΟΛΟΓΙΟΝУ“ 1633 г., печ. у Іоанна Кунотвича, въ л., съ изображ. Іисуса Христа на престолѣ, съ Божіей Матерью, Іоанномъ Крестителемъ и ангелами по бокамъ и разными святыми въ медальонахъ кругомъ, и съ подписью: „Иліа ро Бжи ахли мца октовр. ла“,—размѣр.: 10.9×6.2 (Ров. № 163—по изд. 1651 г. и № 344—по изд. 1697 г.); 3. Успеніе—на обор. в. л. тамъ же, подъ гербомъ гор. Львова, съ поди.: „Иліа“,—размѣр.: 2.10×4.0 (Ров. № 164)¹⁾; 4. св. Димитрій, съ крестомъ, цитомъ и копьемъ, на л. 111, съ поди.: „Иліа Грі“,—размѣр.: 2.11×2.4 (Ров. № 166); 5. Силы небесныя или Соборъ арханг. Михаила—на об. л. 132, съ той же поди.,—размѣр.: 2.10×2.8½ (Ров. № 167); 6. св. Іоаннъ Златоуст—на л. 141, съ поди.: „И—А.“, —размѣр.: 2.11×2.6½ (Ров. № 168); 7. Введеніе во храмъ—на л. 169, съ поди.: „И А.“, —размѣр.: 2.11×2.8 (у Ров. № 169, какъ „Срѣтеніе“); 8. св. Великій Ісидоръ—на об. л. 286, съ поди.: „И. А.“, —размѣр.: 2.10½×2.9 (Ров. № 170); 9. св. Афанасій и Кириллъ—на л. 324, съ поди.: „И.“ (у Ров.—пропущ.); 10. св. Василій В., Григорій В., Іоаннъ Зл.—на об. л. 375, съ поди.: „И А.“, „И А.“ и „А И“, —размѣр.: 2.10×2.7½ (Ров. № 171); 11. Срѣтеніе—на л. 387, съ поди.: „И А.“, „И А.“, —размѣр.: 2.11×2.8 (Ров. № 169); 12. св. великомуч. Георгій—на л. 423, съ поди.: „Иліа“ (у Ров.—пропущ.); 13. св. ап. Петръ и Павелъ—на об. л. 471, съ поди.: „И.“, —размѣр.: 2.10½×2.6 (Ров. № 172); 14. Христосъ на престолѣ среди святыхъ—въ видѣ большой заставки на л. 507, съ поди.: „Иліа А рок бжи ахли мца іюл в' каден“, —размѣр.: 2.4×4.10 (у Ров. № 331, по Киев. изд. „Вѣнецъ Христовъ“ 1638 г., л. 40); 15. Преображеніе—тоже, на об. л. 541, съ поди.: ахли мца августа аі“, —размѣр.: 3.6×5.1 (Ров. № 173); 16. Успеніе (иное, чѣмъ на обор. в. л.),—тоже, на об.

¹⁾ У Д. А. Ровинскаго („Русс. Нар. Картины“, IV, 591) ошибочно: АІЛК.

²⁾ Можетъ быть, Скольскій — родственникъ типографа, сотрудника и преемника Сіозіки.

³⁾ Д. А. Ровинскій („Русс. Граверы“, М. 1870, с. 124 и 214; „Русс. Нар. Картины“, СПб. 1881, IV, 591, и алфав., с. 72) едва ли справедливо приписываетъ гравюру Ілію не только монограмму:

которую можно скорѣе признать за буквы А С, соединенныя вмѣстѣ буквой Z или N, поставленнымъ на ребро (т. е. монограмма эта, съ годомъ 1628-мъ, встрѣчается впервые на гравюрѣ, изображающей „Воскресеніе Лазарево“, въ Киевской Триодѣ Цѣлной 1631 г., слѣдуетъ, почти за 10-ть лѣтъ до начала дѣятельности нашего мастера), но и монограмму:

точно состоящую изъ буквъ А І, перекрещенныхъ буквой Z или N на ребро, только въ обратную сторону, и находящуюся въ Львовской Триодѣ Цѣлной 1633 г. на подобной же гравюрѣ съ изображ. „Воскресенія Лазарева“, скомпированной съ предыдущей, очевидно даже съ повтореніемъ монограммы на оборотъ.

⁴⁾ Въ „посланиіи Киев. митроп. Ісаи Копинскаго къ младшей братіи Луцкаго братства“ (данномъ въ мон.—рѣ св. архим. Михаила при ц. Златоверхой надъ Киевомъ, мѣс. марта 1 д., 1632 г.), читаемъ: „Получивъ прѣсвятую вѣсть отъ живущаго съ нами почитеннаго между іеромонахами брата Іліи изъ Перемишля, я много и обильно усла-

дился вашею рѣшимостію“... (см. „Памятники, изд. Врем. Ком. для разб. древн. актовъ“, К. 1845, I, т. 123). Не относится ли это къ нашему Ілію?

¹⁾ Перепеч. въ Львов. изд. „Собраніе короткой науки ш аргикаулахъ вѣрн“... 1645, въ 12 д. л.

л. 552, съ подп.: „Илія ро бжп ахли мца августу во вѣден“ (у *Ров.*—пропущ.)¹⁾; 17. Седьмой Вселенскій Соборъ, съ подп.: „Илія рк бж 1638“, — размѣр. $2.2\frac{1}{2} \times 5.1$ (*Ров.* 176 = 355 = 344, какъ перепеч. въ Львов. „Евангелии“ 1665 г., на л. 220, и въ „Анеологіонѣ“ 1694 г.); 18. загл. листъ къ Львовск. „АПОСТОЛУ“ 1639 г., печ. въ тип. Мпх. Слюски, въ л., съ изобразж. Сшествія св. Духа съ ап. Петромъ и Павломъ по бокамъ — вверху, Восаресенія, Рождества и Вознесенія — внизу, арх. Мхалла и Гавріла — по сторонамъ текста, и съ подп. „Слп. ахлѣ“, — размѣр. 9.6×5.9 (у *Ров.*, с. 219, № 144, и с. 190, съ подп. „1639 дни“...)²⁾; 19. гербъ пановъ Могиловъ—на об.

¹⁾ Въ томъ же „Анеологіонѣ“ встрѣчаются еще слѣд. гравюры безъ подп. (м. б., тоже раб. Иліи): 1. Рождество Богородицы (?) — на об. л. 27; 2. Распятіе — на об. л. 49; 3. Іоаннъ Богословъ — на об. л. 68; 4. Покровъ — на л. 78; 5. Невѣріе Оумъ — на л. 89; 6. Ев. Лука — на об. л. 102; 7. Ев. Матвій — на л. 152; 8. св. великомуч. Екатерина — на об. л. 167; 9. св. Андрей Первозв., — на л. 178; 10. св. Николай — на л. 194; 11. Явленіе Архангела Захарію и Пресв. Дѣвѣ (?) — на л. 203; 12—13. два разныхъ Поклоненія пастуховъ — на об. л. 263 и 266; 14. Поклоненіе вохвовъ — на л. 271; 15. Бѣгство въ Египетъ — на л. 273; 16. молящ. Давидъ — на л. 275; 17. Побѣненіе св. Стефана — на об. л. 276; 18. Обрѣзаніе — на об. л. 290; 19. Крещеніе — на л. 316; 20. св. Іоаннъ Креститель — на л. 329; 21. св. Григорій Богословъ — на л. 359; 22. Благовѣщеніе — на л. 415; 23. Ев. Маркъ — на об. л. 429; 24. преп. Софроній и св. Пафнутій — на л. 458; 25. Рождество І. Крестителя — на об. л. 465; 26. св. Владиміръ на престолахъ въ видѣ царя — на л. 508; 27. св. славный пророкъ Ілія — на об. л. 515; 28. Усклоненіе главы Іоанна Предтечи — на об. л. 567. Тѣ же гравюры перепечат. въ позднѣйшихъ изданіяхъ 1648, 1651 и 1694 гг., изъ которыхъ только послѣдніи два извѣстны были Ровинскому, относившему притомъ изд. 1694 г. къ 1697 г.

²⁾ Въ рукоп. сочиненіи Д. А. Ровинскаго „Обозрѣніе русс. гравированія на металлѣ и на деревѣ до 1725 г.“ (см. разборъ его, составл. В. В. Стасовымъ, въ „Отчетъ о 2-мъ присудж. награды гр. Уварова“, 1858 г., с. 52) про назв. листъ, какъ перепеч. въ Львовск. Евангелии 1665 г., сказано было, что, можетъ быть, онъ рѣзанъ граверомъ Илей; но Стасовъ, сославшись на слова того же автора, что „Ілія рисовалъ посредственно, а гравировалъ на-скоро“, замѣтилъ: „гравюра же упомян. листа очень хороша—это явная

з. л., тамъ же (и въ Киев. изд. „Требника“ Петра Могилы 1646 г., въ л.), съ подп. „Илія А.“ (у *Ров.* нѣтъ); 20. св. Лука—передъ л. 1, съ подп. „Илія Грі“ (у *Ров.* № 145—безъ подп., какъ и слѣд. №№)¹⁾; 21. Петръ и Іоаннъ ищѣл. хромца — на л. 5, съ подп. „**КАЛА КАКА**“ (у *Ров.* № 148);

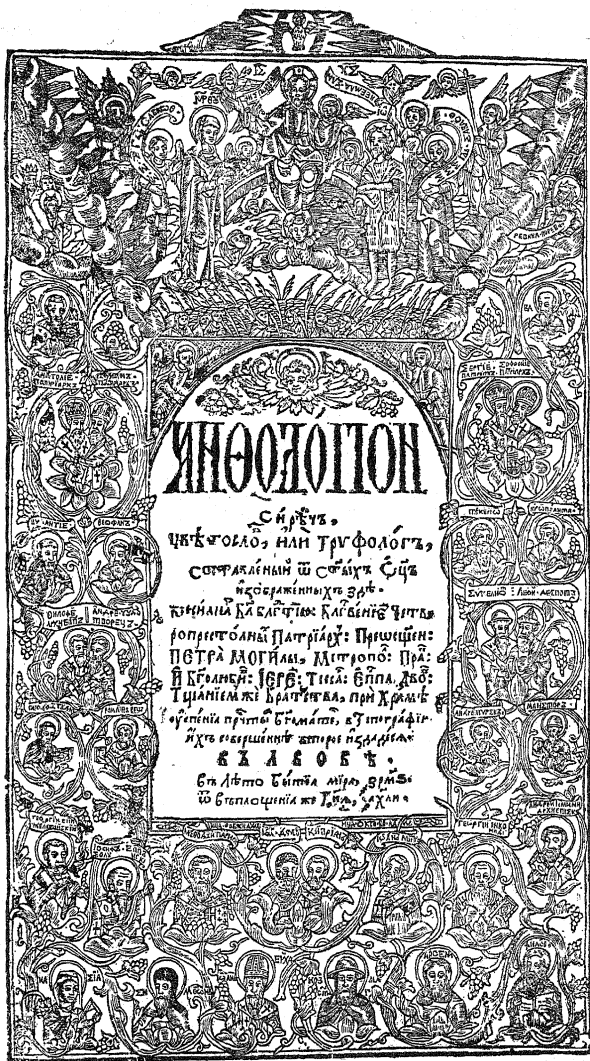
22. Смерть Анавія и Сапфиръ—на л. 8, съ подп. „Иліа... Гро“ (у *Ров.* № 149); 23. Чудеса ап. Павла — на л. 47, съ подп. „Иліа“ (у *Ров.* № 152); 24. Жертвоприношеніе Авраамово — на об. л. 53, съ той же подп. (у *Ров.* № 153); 25. „Маслосвященіе“ — на об. л. 55, съ той же подп. (у *Ров.* № 154); 26. Распятіе — на об. л. 143, съ подп. „ахлѣ. Іліа“ (у *Ров.* №№ 155 и 161, какъ перепеч. въ „Триоди“ 1642 г., на л. 18)²⁾; 27. Поклоненіе пастуховъ — на об. л. 144, съ подп. „Иліа“ (у *Ров.* № 156); 28. Вшествіе въ Іерусалимъ — на л. 159, съ той же подп. (у *Ров.* № 158); 29. Воскресеніе съ Распятіемъ и Погребеніемъ по бокамъ — въ видѣ заставки на л. 195 и 215, съ подп. „Іліа“, — размѣр. 1.2×4.0 (у *Ров.* № 159—136, какъ перепеч. въ „Номоканонѣ“ 1646 г., кот. у *Ров.* неправильно отнес. къ 1636 г.)³⁾; 30. Явленіи

копія съ хорошаго образца; она отличается нѣкот. изыщствомъ и потому ничего не имѣетъ общаго съ работою Иліи, отличающеюся обыкновенно посредственностью и даже другими, несравненно болѣе сильными, отрицат. качествами. Вообще говоря, работа Иліи тѣмъ хуже, чѣмъ крупнѣе фигуры и ихъ конечности (у Ели же—и то, и другое весьма удовлетворительно выполнено), и это особенно ясно выразилось, напр., въ „Воскресеніи“—больш. листъ съ подписью Илія а—изъ бывшаго Погодинскаго собранія естамповъ, № 64“. На этомъ-то основаніи, вѣроятно, Ровинскій и вычерпнулъ свое прежнее предположеніе при печатаніи своей книги подъ заглавіемъ „Русс. граверы и ихъ произведенія“ (М. 1870, с. 190). Между тѣмъ, какъ на примѣръ болѣе тонкой работы Иліи можно указать на его загл. листъ къ Львовск. „Анеологіону“ 1638 г. и только насчетъ большинства его крупныхъ изображеній изъ „Библіи“ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Стасова. Но грубость послѣднихъ можетъ быть отнесена не къ слишкомъ малому искусству Иліи, а скорѣе къ неудовлетворительности оригиналовъ, служившихъ ему, или же рисунковъ, исполненныхъ для него другими.

¹⁾ Перепеч. въ Львовск. „Евангелии“ 1665, л. 181.

²⁾ Перепеч. также въ Львовск. „Евангелии“ 1665 г., л. 173.

³⁾ Многія изъ этихъ гравюрокъ перепеч. въ изд. 1696 г.—Въ томъ же „Апостолѣ“ встрѣчаются

38. Загл. листъ къ Львов. „Анеологіону“ 1638 г.,
 раб. монаха Илія А.

Христа послѣ воскресенія, въ 5-ти отдѣленіяхъ, съ подл. „Ілія року болюю ахмѣ-мца іюлія въ А день“,—размѣр. $5.4 \times 5.2\frac{1}{2}$ —въ Львовск. „ОКТОИХЪ“ 1639 г., въ л. п. „Тріоди Цвѣтної“ 1642 г., въ л. (Рос. № 137=143 и 174 по изд. 1663 г., гдѣ оно помѣщ. на л. 165); 30 bis. Воскресеніе, съ подл. „Іліа“, размѣр. $5.3 \times 5\frac{1}{2}$, — тамъ же (Рос. 160 и 175=354, какъ перепеч. въ Львовск. „Евангеліа“ 1665 г., на об. 1 з.; его же „Русс. Нар. Карт.“, III, 383, № 982); 31. св. Іудин. Лѣст., съ подл. „Іана: А: ахм“ (Рос. № 363 — по Киев. пад. „Тріодіона“ 1715 г., л. 288), и 31 bis. Крещеніе съ двумя изображ. Троицы по бокамъ, въ видѣ заставки (у Рос. проищ.).—въ Киев. изд. „ТРИОДИ ПОСТОЙНОЇ“, въ л. 32. Царь Давидъ, съ подл. „Іліа ахмг“; 33. Ев. Матвей, съ подл. „Іліа А“; 34. Ев.—листъ Марко, съ подл. „Іл. А.“; 35. Ев. Лука, съ подл. „Іл“; 36. Ев. Іуанъ, съ той же подл.; 37. Іаковъ, безъ подл.; 38. Петръ апостолъ, съ подл. „Іл.“; 39. Іуда, съ такой же подл.; 40. Павелъ, съ обознач. „ахмг“,—всѣ 10-ть для „НОВАГО ЗАВѢТА СЪ ПСАЛТИРЬЮ“, въ 4-ку (Рос. № 335—343 по Киев. изд. 1692 г.; № 356—9 по изд. 1703 г. и № 360—1, съ невѣрнымъ годомъ „1644“, по Евангелію изд. 1712 г.); 40 bis. Орудія страстей Господнихъ—на обор. 3 л. въ Львов. пад., „ТРЕБНИКА“ 1644 г., въ 12 л. з.; 41—47. Изображенія

7 таинствъ въ Киев. изд. „ЕУХОЛОГІОНЪ albo МОЛИТВОСЛОВЪ или ТРЕБНИКЪ“... Петра Могилы, 1646 г., въ л.: Крещеніе въ церкви, безъ надл., съ подл. „Ілія А.“,—на лл. 3 и 83 час. II-й; таинъ в св. миропомазанія, съ той же подл.),—на л. 62 час. I-й; таинъ г престога тѣла и крве га наше Іс. Ха., съ подл. „Іліа“,—на л. 217 (перепеч. въ Киев. „Акаѣстахъ“ 1677 г.); таинъ д св. покаянія, съ подл. „Іліа А.“,—на л. 347; таинъ е св. супружества, съ той же подл.,—на л. 405; таинъ (s) св. елеосвященія, съ подл. „Іліа“,—на л. 449; (?) погребеніе, безъ всяк. подл.,—на л. 585 (у Рос. № 368—374, съ годомъ „1642“?, по Киев. изд. „О семи сакраментѣхъ“, 1657 г., съ невр. обознач. 1651 г.); 48. заставка изъ листьевъ, съ подл. „Іл.“,—на л. 160, 397 и 547 час. I-й, тамъ же; 49. Возня Матерь съ млад. Іисусомъ—въ заставкѣ, съ подл. „Ілі“,—на лл. 37, 432, 508 час. I-й, 62 и 159 час. III-й, въ той же кантѣ; 50. Головка Херувима, въ орнам. изъ виноград. лист., съ подл. „Іліа а ахмд“,—размѣр. $3.4\frac{1}{2} \times 3.10$,—на лл. 335, 431, 443, 435 час. I-й, 263 час. II-й, и 146, 480 час. III-й, того же пад.) (Рос. № 177, съ невѣрнымъ годомъ „1640“, по Киев. пад. „Мечъ духовный“ 1666 г., на л. 63; № 330, съ полной подл., по Киев. изд. „Вънецъ Христовъ“ 1688 г., на лл. 9, 72, 85 об., 119 об., 121, 544); 51. Распятіе, окруж. 7-ю таинствами, съ подл. „ахмд—Іліа А“,—размѣр. $2.11\frac{1}{2} \times 4.5\frac{1}{2}$,—тамъ же, на лл. 20 и 444 (Рос. № 162, съ невѣрнымъ годомъ „1643“); 52. загл. листъ для той же кантѣ, съ изображ. Распятія съ предстоящими —верху, 7 таинствъ въ медальонахъ и 12-ти сценъ изъ земной жизни Христа—по бокамъ и внизу, съ подл. „Helias рок. 1646 октов 7“,—размѣр. 9.10×5.8 (Рос. № 352=365, какъ особ. листы; см. его же „Русс. Нар. Карт.“ III, 466, № 1159, съ

виньетка и гравюры, работы другихъ мастеровъ, безъ всяк. подписей, какъ: 1) св. Дорофей—на л. 1 нел., 2) І. Х. на престолахъ—на л. 3 нел., 3) Христосъ съ апост. и царь Теофилъ—на л. 1, 4) Состеніе св. Духа—на об. л. 2 и 194 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подл. № 146), 5) Соломонъ передъ храмомъ—на л. 11, 6) Крещеніе Евнуково—на л. 13 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подл. № 150), 7) Обращеніе Савла—на л. 14 и об. 43, 8) Снущеніе плащаницы въ Петру—на об. л. 16, 9) св. ап. Павелъ поуч. народъ—на об. л. 34, 10) св. ап. Іаковъ съ 2 сценами внизу—на об. л. 50, 11) св. ап. Павелъ, тоже,—на об. л. 72, 12) Орудія страстей Господнихъ—на л. 147 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подл. № 157), и съ помѣтками: 1) „ЗВѢ“: Вознесеніе—на об. л. 1 (у Рос. въ числѣ работъ Іліи подл. № 146); 2) и 3) „ВѢЗ“: Первомуч. Стефанъ—на об. л. 11, Таинство и ап. Петръ—на л. 15; 4) и 5) „ВѢ“: Изгнаніе блговѣ апостолами—на л. 27 и св. ап. Петръ съ 2 сценами внизу—на об. л. 57; 6) и 7) „ВѢ—ахмѣ“: св. ев. Іоаннъ, тоже,—на об. л. 70, и Крещеніе Господне—на об. л. 193.

1) Ср. у П. Строева въ „Описаніи старопеч. книгъ славянскихъ, наход. въ библ. И. Н. Царскаго“, М. 1836, № 76, с. 94: „Книга Нов. Завета,

въ ней же напередъ писаны блаж. Давида прор.“, б. м. и г. печ. 8°, съ рѣз. на дер. изображ. и. Давида и Евангелистовъ.

2) „Таинъ а св. крещенія“ помѣщ. на л. 49, съ подл. „1641 АТ.“. Въ той же книгѣ встрѣчаются еще гравюры: І. Х. благословляющій, съ подл. „РЕ“,—на лл. 193, 337, 752, 787 час. I-й; Тайная вечеря въ медальонѣ среди орнам., съ обознач. „1628“,—на лл. 219 и 271 час. I-й; Головка херувима въ орнам., съ подл. „Рк ахл—ВР“,—на л. 363; Крещеніе І. Х.—на л. 48; св. Іоаннъ Златоустый—на л. 336; І. Х. съ В. М. и І. Крестителемъ по бокамъ—на лл. 203 и 247 час. III-й.

3) Перепеч. въ Киев. „Акаѣстахъ“ 1663 г., на л. 242 и въ концѣ введенія.

пєвѣрнимъ годомъ 1666); 53. Три креста на Голгоѣ съ предстоящими, съ подп. „Иліа“, — на л. 216 час. I-й, въ той же книгѣ; 54. Исцѣленіе Ѳсеноватаго, съ той же подп., — на л. 214 и 320 час. III-й, тамъ же; 55. Сомѣстіе св. Духа, съ подп. „И: А: ахмз“, — на л. 5 час. III-й, тамъ же¹⁾; 56. Угощеніе Троицы Авраамомъ, съ подп. „Илія А.“, размѣр. 4.4¹/₂×5.2, — на л. 215 час. III-й, въ той же книгѣ (Рос. №№ 133, 178 и 333, какъ перепеч. на л. 72 въ Кіев. изд. „Мечъ духовный“ 1665 г., и на л. 86 въ Кіев. изд. „Вѣнецъ Христовъ“ 1688 г.); 57. Жена проситъ Христа исцѣлѣти ея дочь, съ подп. „Иліа“, размѣр. 4.4¹/₂×4.8 (Рос. №№ 134—334, какъ перепеч. тамъ же, на об. л. 241); 57 bis. С. Іѡанъ Пред., съ подп. „Иліа а“, — въ Кіев. изд. „АКАѲИСТОВЪ“, въ 4-ку: 1654, на л. 81; 1663, на об. л. 89, и 1677, на л. 133; 58 — 195. Изображенія изъ „БИБЛІИ“, размѣр. отъ 3.3¹/₂×4.11 (№№ 16, 17 по Рос.), 3.9¹/₂—4.4×4.9¹/₂—5.3¹/₂ (№№ 3—15, 18—72, 74—83, 86—132) до 5.0×5.0 (№ 73), 5.4—5×4.11—5.0 (№№ 84, 85); 58 (1). „Да будетъ свѣтъ“, съ подп. „Иліа“ (Рос. № 1)²⁾; 59 (2). „Да будетъ твердь“, съ подп.: „1645—Иліа“ (№ 2); 60 (3). „Да прораститъ земля“, съ подп. „Илія А.“ (№ 3); 61 (4). „Да будутъ свѣтила“, безъ подп. „Иліа“ (№ 4); 62 (5). „Да изведуть воды гадъ“, съ подп. „Иліа“ (№ 5); 63 (6). „И созда Гдѣ ребро—вжену“, съ подп. „Илія А. 1645“ (№ 6)³⁾; 64 (7). Испытаніе Адама Евою, съ подп. „Илія А. 1646“ (?) (№ 7); 65 (8). Изгнаніе изъ рая: „Адаме, Адаме, гдѣ бѣ“, съ подп. „Илія А.“ (№ 8); 66 (9). Адамъ и Ева, изгнанные изъ рая, — безъ подп. (№ 9); 67 (10). Убийство Авеля Канномъ, съ надп. „Genes. с. 4“ (№ 10); 68 (11). Ной вхол. въ ковчегъ, съ подп. „Илія А.“ (№ 11); 69 (12). Жертвоприношеніе Ноево, съ той же подп. (№ 12); 70 (13). Осмѣяніе Хамомъ Ноя, то же (№ 13); 71 (14). Столпотвореніе Вавилонское, то же (№ 14); 72 (15). Принесеніе даровъ Мельхиседекомъ, съ подп. „Иліа“ (№ 14 а); 73 (16). Явленіе Бога Аврааму: „Быт. глав. ег“, — съ подп. „Hel“ (№ 15); 74 (17). Жертвоприношеніе Авраамомъ, съ подп. „Иліа“

(№ 16)¹⁾; 75 (18). Явленіе 2-хъ ангеловъ Лоту: „Книга 4 бытія, глав. 51“, съ той же подп. (№ 17); 76 (19). Шесть Содомлянъ, требующіе ихъ выдачи, — съ той же надп. и подп. (№ 18); 77 (20). Дочери Лота, соблазняющія отца, — съ той же надп. и съ подп.: „Hel“ (№ 20); 78 (22). Выходъ Лота изъ Содома, — съ той же надп. и съ подп. „Иліа“ (№ 19); 79 (21). Агаръ въ пустыни, съ надп. „Genes. 21. 14“ (№ 22); 80 (23). Ревекка поитъ раба Исаакова у колодца, — съ надп. „быт. глав. ед“ и съ подп. „Иліа“ (№ 23); 81 (24). Исавъ прод. Іакову первенство, съ надп. „быт. глава ке“ и подп. „Или“ (№ 24); 82 (25). Іаковъ получ. благословеніе Исаака обманомъ, съ надп. „быт. глав. кс“ (№ 21); 83 (26). Іаковъ получ. Рахиль, съ надп. „быт. глав. ке“ и съ подп. „Иліа“ (№ 25); 84. (26) Іаковъ видитъ во снѣ лѣстницу, — съ надп. „быт. глав. ки“ и съ подп. „Иліа“ (№ 29)²⁾; 85. (28) Борьба Іакова съ Богомъ, съ надп. „быт. глав. лз“ и съ подп. „Hel“ (№ 26); 86. (29) Примир. Исава и Іакова, съ надп. „быт. глав. лг“ и съ подп. „Иліа“ (№ 27); 87 (30). Іосифъ рассказываетъ сны родителямъ, съ надп. „быт. глав.“ и съ тою же подп. (№ 28); 88 (31). Братья сажающіе Іосифа въ ровъ, — съ надп. „быт. глав. лз“ и съ той же подп. (№ 30); 89 (32). Похищеніе Дины Симеономъ и Левіемъ, — съ подп. „Иліа“ (№ 29)²⁾; 90 (33). Гуда и Ѳамара³⁾, получ. отъ него посохъ и перстень, — съ надп. „быт. глав. ли“ и съ подп. „Иліа“ (№ 31); 91 (34). Гуда посыл. козла Ѳамари, съ той же надп. (№ 33); 92 (35). Приготовленіе постради сожженія Ѳамари, то же (№ 32); 93 (36). Жена Пентефрія удержив. Іосифа, — съ надп. „быт. глав. лз“ и съ подп. „Иліа. а. ахмз“ (№ 35); 94 (37). Іосифъ толк. сны въ темницѣ, съ надп. „быт. глав. м“ и съ подп. „Илія А.“ (№ 36); 95 (38). Іосифъ толк. сны Фаріону, — съ надп. „быт. глава ма“ и съ подп. „Иліа“ (№ 37); 96 (39). Іосифъ приказыв. остановитъ братьевъ, съ надп. „быт. глав. мв“ (№ 38); 97 (40). а. Рувиимъ, и 98 (41). в. Симеонъ, съ надп.: „быт. глав. мв“ и съ подп. „Иліа“ (№ 39); 99 (42). г. Левій, и 100 (43). д. Іуда, — то же (№ 40); 101 (44). е. Завулонъ, и 102 (45). з. Іссахаръ, — то же (№ 41), 103 (46). в. Данъ, и 104 (47). и. Гадъ, — то же (№ 42) 105 (48). е. Асиръ, и 106 (49). і. Невалимъ, съ той же надп. и съ подп. „Иліа А.“ (№ 43); 107. (50) аі. Іосифъ, и 108. (51) ві. Вениаминъ, съ той же надп. и съ подп. „Иліа“ (№ 44); 109.

¹⁾ Перепеч. въ Кіев. изд. „Анакистовъ“ 1677 г.

²⁾ Простыя цифры въ скобкахъ послѣ жирныхъ означаютъ №№ по экземпляру Имп. Публ. Библ.; другія же — то же въ скобкахъ, но съ прибавленіемъ „№“, — обозначаютъ №№ по Ровинскому, пользовавшемуся, очевидно, очень перебитымъ экземпляромъ.

³⁾ Перепеч. въ Кіев. „Триоди“ 1648 и 1715 г., л. 181.

¹⁾ Оно перепеч. въ Кіев. „Триоди“ 1715 г., на л. 345 (Рос. № 364); ср. выше № 24.

²⁾ Ср. выше № 31.

(52) Смерть Іакова, съ надп. „Быт. глав. и“ и съ той же подп. (№ 45); 110. (53) Моисей передъ Неопалимой Купиной, съ надп. „Исход. глав. г“ и съ подп. „И“ (№ 46); 111. (54) Ааронъ присоедин. къ Моисею, съ надп. „Исход. глав. д“ (№ 47); 112. (55) Ааронъ превращ. жезлъ въ змѣя, съ надп. „Исход. глав. з“ и съ подп. „Илія“ (№ 48); 113. (56) Превращеніе воды въ кровь, съ тѣми же надп. и подп. (№ 49); 114. (57) Жабы, съ надп. „Исход. глав. и“ и съ той же подп. (№ 50); 115. (58) Мухи, съ тѣми же надп. и подп. (№ 51); 116. (59) Градь и молнія, съ надп. „Исход. глав. е“ и съ той же подп. (№ 52); 117. (60) Саранча, съ надп. „Исход. глав. г“ и съ подп. „Илі“ (№ 53); 118. (61) Тьма, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 54); 119. (62) Избѣженіе первенцовъ ангеломъ, съ надп. „Исход. глав. в“ и съ той же подп. (№ 55); 120. (63) Пасха Іудейская, съ тѣми же надп. и подп. (№ 56); 121. (64) Переходъ Израильтянъ черезъ Красное море, съ надп. „Исход. глав. г“ и съ той же подп. (№ 57); 122. (65) Гибель Фараона въ волнахъ, съ надп. „Исход. глав. д“ и съ той же подп. (№ 58) 1); 123. (66) Перепела, съ надп. „Исход. глав. зі“ и съ подп. „Илі“ (№ 60); 124. (67) Манна небесная, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 59); 125. (68) Источеніе Моисеемъ воды изъ камня, съ надп. „Исход. глав. зі“ и съ подп. „Илі“ (№ 61); 126. (69) Полученіе Моисеемъ 10-ти заповѣдей, съ надп. „Исход. глав. ег“ и съ подп. „Илія“ (№ 62); 127. (70) Трапеза, съ надп. „Исход. глав. ке: лз“ (№ 67); 128. (71) Хлѣбъ предложенія, съ надп. „Исход. глав. ке“ и съ подп. „Илі“ (№ 65); 129. (72) Свѣщники, съ надп. „Исход. глав. ке—лз“ и съ подп. „Илія“ (№ 66); 130. (73) Ковчегъ Завета, съ надп. „Исход. ка“ и съ подп. „Илі“ (№ 64); 131. (74) Пляска вокругъ золотого тельца, съ надп. „Исход. глав. лв“ и съ подп. „Илія“ (№ 63); 132. (75) Моисей принос. 10-ть заповѣдей, съ надп. „Исход. глав. лд“ и съ подп. „Илія“ (№ 68); 133. (76) Заветъ скнии, съ надп. „Исход. лз“ и съ подп. „Илі“ (№ 69); 134. (78) Ааронъ, съ надп. „Исход. м“ и съ подп. „Илія“ (№ 70); 135. (79) Принесеніе виноградной лозы изъ обѣтовъ земли, съ надп. „Числа. глав. г“ и съ той же подп. (№ 71); 136. (80) Наказаніе Корея, Даана и Авирона, съ надп. „Числа глава зі“ и съ той же подп. (№ 72); 137. (81) Воздвиж. мѣднаго змѣя въ пустынѣ, съ надп. „Числа глав. ва“ (№ 73); 138. (82) Ангелъ останавли. Валаама,

съ надп. „Числа. глав. кв“ (№ 74); 139. (83) Валаамъ благословл. народъ Израильскій, съ надп. „Числа. глав. кд“ и съ подп. „Илія“ (№ 75); 140. (84) Финеесъ убив. израильянина, блудо-дѣйствовавшего съ мадіаниткою, — съ надп. „Числа глава ке“ и съ той же подп. (№ 76); 141. (85) Іисусъ Навинъ, съ надп. „Ісуса. глав. а“ и съ той же подп. (№ 77); 142. (86) Рахавъ спас. посла Іисусова въ Іерихонѣ, съ надп. „Ісусъ глав. в“ и съ той же подп. (№ 78); 143. (87) Переходъ черезъ Іорданъ, съ надп. „Ісусъ глав. д“ и съ той же подп. (№ 79); 144. (88) Пасха въ Іерихонскомъ лагерѣ, съ надп. „Ісусъ глав. е“ и съ подп. „Илі“ (№ 80); 145. (89) Явленіе ангела Іисусу Навину, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 81); 146. (90) Паденіе стѣнъ Іерихона, съ надп. „Ісусъ глава с“ и съ подп. „Илі“ (№ 82); 147. (91) Побѣненіе Авана камнями, съ надп. „Ісусъ глава з“ и съ подп. „Илія“ (№ 83); 148. (92) Іисусъ Навинъ останавлив. солнце, съ надп. „Ісусъ глав. г“ (№ 85); 149. (93) „Ісусъ вѣщающій покорен. царей, съ той же надп. (№ 84); 150. (94) Гоговинилъ, — съ надп. „Судій глав. г“ (№ 88); 151. (95) Семергартъ, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 86); 152. (96) Ахидъ, съ той же надп. и подп. (№ 87); 153. (97) Варахъ, съ надп. „Судій глав. д“ и съ той же подп. (№ 89); 154. (98) Деворра умерщвл. Сисарру, съ той же надп. и подп. (№ 90); 155. (99) Гедишъ (sic), съ надп. „Судій глав. с“ и съ той же подп. (№ 91); 156. (100) Явленіе ангела Гедеону, съ той же надп. и съ подп. „Илі“ (№ 92); 157. (101) Испытаніе Бога Гедеономъ посредствомъ руна, съ той же надп. и съ подп. „Илія“ (№ 93); 158. (102) Ибраніе воиновъ Гедеономъ посредствомъ воды, съ надп. „Суд. глава з“ и съ той же подп. (№ 94); 159. (103) Авимелехъ, съ надп. „Судей глав. е“ (№ 95); 160. (104) Тгѡла, съ надп. „Судей глав. г“ (№ 97); 161. (105) Іаиръ, съ той же надп. (№ 96); 162. (106) Еоай, съ надп. „Суд. глава а“ и съ подп. „Илія“ (№ 98); 163. (107) Есевонъ, съ надп. „Суд. глав. в“ и съ подп. „Илі“ (№ 101); 164. (108) Елонъ, съ той же надп. (№ 99); 165. (109) Авдонъ, тоже (№ 100); 166. (110) Явленіе ангела Маное и женѣ его, съ надп. „Судей глав. г“ и съ подп. „ахме—Илі“ (№ 102); 167. (111) Самѡнъ, съ той же надп. (№ 103); 168. (112) Сампсонъ раздир. пасть льву, съ надп. „Судей глава д“ и съ обознач. „ахме“ (№ 104); 169. (113) Сампсонъ пуск. лисичъ съ поля, съ надп. „Суд. глав. ег“ и съ подп. „Илі“ (№ 105); 170. (114) Сампсонъ избив. филистимлянъ челюстью льва, съ той же

1) Она перепеч. въ Киевск. „Псалтирь“ 1697 г. (Рос. № 367, съ невѣрнымъ годомъ „1691“).

надп. (№ 106); 171. (115) Сампсонъ павод. воду изъ челясти, съ надп. „Суд. глав. SI“ (№ 107); 172. (116) Сампсонъ похип. городскія ворота, съ той же надп. (№ 108); 173. (117) Далила предасть Сампсона, съ той же надп. и съ подп. „Иліа“ (№ 109); 174. (118) Смерть Сампсона, съ той же надп. и подп. (№ 110); 175. (119) Саулъ, съ надп. „Книг. а прств. глав. 6“ (№ 111); 176. (120) Пръ Давидъ, съ надп. „Книги в прств. глава в“ и съ подп. „Иліа“ (№ 112); 177. (121) Пръ Соломонъ, съ надп. „Книги г прствъ глава г“ и съ подп. „Иліа“ (№ 113); 178. (122) Ровоамъ, съ надп. „Книги г прств. глава в“ и съ тою же подп. (№ 114); 179. (123) Авия, съ надп. „Книга г прств. глав. е“ и съ тою же подп. (№ 116); 180. (124) „Вгу Небесному работающей Асса: кумпры потребляющей“, съ тою же надп., — Асса принос. первосвященнику злато, сосуды п проч. для храма (№№ 117—8); 181. (125) Іу-сафатъ, съ тою же надп. и съ подп. „Иліа“ (№ 115); 182. (126) Іурамъ, съ надп. „Книг. д прствъ глав. г“ и съ той же подп. (№ 121); 183. (127) Шохзия, съ надп. „Книг. д прствъ глав. и“ и съ тою же подп. (№ 122); 184. (128) Іуасъ ..., съ надп. „Книги д прт. глава аі“ и съ тою же подп. (№ 123); 185. (129) Манасія, съ надп. „Книги д прствъ глав: ді“ и съ тою же подп. (№ 119); 186. (130) Азарія, съ надп. „Книги д прствъ глав: еі“ и съ подп. „Иліа“ (№ 125); 187. (131) Іуааанъ, съ той же надп. и подп. (№ 120); 188. (132) Ахазъ, съ надп. „Книги д прствъ главы сіа“ и съ тою же подп. (№ 126); 189. (133) Езекия, съ надп. „Книги д прствъ глав: ш“ и съ той же подп. (№ 127); 190. (134) Манасія, съ надп. „Книги д прствъ глава ка“ и съ подп. „Иліа“ (№ 124); 191. (135) Амонъ, съ тою же надп. (№ 128); 192. (136) Іусія, съ надп. „Книг. д прствъ глава кв“ и съ подп. „Иліа“ (№ 129); 193. (137) Іуахазъ, съ надп. „Книг. д прств. глав: кг“ и съ тою же подп. (№ 130); 194. (138) Іуахимъ, съ надп. „Книги д прт. глав: кд“ и съ тою же подп. (№ 131); 195. (139) Седекия, съ надп. „Книги д прств. глава ке“ и съ тою же подп. (№ 132).

„Библию въ лицахъ“, собственно Вѣтхій За-вѣтъ, можно считать послѣдней работой Львовскаго гравера Илія, исполнившаго ее въ 1645—49 гг. Какъ бы продолжателемъ его, тогда же явился мастеръ Прокопій, бывшій сперва діаконъ, а потомъ іереѣмъ, и выполнившій „Лицеву Апокалипсисъ“ въ 1646—62 гг., тоже въ 4-ку. Что же касается Евангельскихъ изображеній, то они были гравированы уже ранѣе ихъ, за очень немногими исключениями, именно

монограммистами: В или ВР (что можетъ означать такой-то рѣзалъ), въ 1620—35 гг., — для Кіевскихъ изданій и ВѠ съ прибавленіемъ иногда буквы З впереди или позади (что можетъ означать: знаменитъ такой-то), въ 1639—42 гг., — для Львовскихъ. Произведенію перваго изъ только что упомянутыхъ здѣсь Евангельскихъ иллюстраторовъ 1-й половины XVII в., какъ-то: 1. „Воскресеніе Га шигу Іо Ха“, 2. „Ѡмнино узбрѣніе“, 3. Жены Мироносицы у гроба, 4. „Ндія о разслабленномъ“, 5. „Ндія о самарянинахъ“, 6. (Н-я 6-я по Соместивъ Св. Духа): Исцѣленіе разслабленнаго, 7. „Н-д. аі по Сом.“: Прча о царѣ и его должникѣ, 8. „ХС вечеряетъ у Симона фарисеа“, 9. Христосъ распятый посреди разбойниковъ, 10. „Прбная Марна египетъ“, 11. Історія Іосифа въ 4-хъ отдѣл., съ вышепривед. монограммой или годомъ, съ прибавл. слова „рк“ впереди, а равно—32 подобныхъ же картинъ безъ обознач. пинцаловъ гравера, вмѣстѣ съ работами ТП (Соместивъ Св. Духа, 1624 г.), ТТ 1626 (Притча о блудномъ сынѣ), АЗС или АзС 1628 (Воскресеніе Лазарево), КЗ („Неделя всѣхъ святыхъ“), ВР или КР—ахъ? („Воздвиженіе честнаго креста“), АК—ахов („Страшный судъ“), и, наконецъ, Илія А. (Принятіе св. Троицы Авраамомъ, Лѣтвица Іакова, Жена просящая Христа исцѣлить ея дочь, Сотвореніе Евы 1640 г., „Вѣѣханіе в' іерлимъ“)¹⁾, прилетены въ новыя отпечаткахъ изъ Кіевскихъ изданій 1624 (Бѣсѣды І. Златоустаго), 1631 и 1642 (Тріоди), 1637 (Евангеліе учительное), 1666 (Мечъ духовный), 1688 гг. (Вѣнецъ Христовъ) къ численными выше изображеніямъ изъ „Библии“ Илія—въ экземплярахъ Имп. Публ. Библ., Моск. Публ. Музея и сенат. Д. А. Ровинскаго.

Въ экземпляръ Имп. Публ. Библ., хранящемся въ отдѣленіи рукописей, находится на 1 листѣ слѣд. надписи его прежняго владѣльца, сдѣланная довольно старымъ почеркомъ:

„Библия словянская вѣтхаго и новаго Заѣта, печатанная въ Кіевскихъ странахъ, съ рисунками на онныхъ по годамъ, изображенными рѣццкомъ Іліею, ясно павъ втораго щету видимо на листу 8-мъ [„Воскресеніе Лазарево“], что пачата печатать съ 1621 [1629 ?], т.-е. при Филаретѣ Патриархѣ, а (на) 23 листу [„Расплатіе“] годъ выставленъ 1630. Конченъ рисунокъ, по

¹⁾ Его же раб. (съ подп. „Ил.“): „Ндія А“ („о мытарѣ и фарисей“) и „Ндія В“ („о блудномъ сынѣ“) — нахожд. въ Львов. „Евангеліи“ 1665 г., на лл. 265 и 264.

годамъ видимымъ, — при Іосифѣ Патріархѣ [сѣдоват. между 1642 и 1652 гг.], а на послѣдокъ видно, что печатанныя реченія буквальнойности [т.-е. текстовъ] за ветхостію отяты, а рисунки обклеены бумагою, сдѣланною во время уже Іоакима Патріарха новаго [сѣдоват. между 1674 и 1690 гг.], а на листу 9-мъ одинъ рисунокъ только при обклѣнкѣ вложенъ новою — Страшнаго суда Христова, выгравированный уже искусно, на доскѣ не на деревянной, а мѣдною выпечатанъ въ 1676 году, на древнихъ же рисункахъ 1630 года — на листахъ перваго щета 125-мъ и 2-го щета 23-мъ — бумага ниже-означеннаго клейма“ [изображенъ двуглавый орелъ въ кругу]; по ту сторону этой надписи, очевидно, смѣшались работы Іилин съ произведеніями другихъ назв. выше мастеровъ.

Основываясь на бумажныхъ знакахъ, вообще встречающихся на гравюрахъ этой серіи въ родѣ: 1. шутовской головы (имѣющей сходство съ №№ 1316—7 и 1684 въ книгѣ *К. Тромонина* „Знаки писчей бумаги“, М. 1842, относимыми имъ къ 1676 и 1686 гг.), 2. двуглавого орла (иѣск. сходнаго съ бумажнымъ знакомъ Киевской „Псалтыря съ толковъ“ 1697 г., приведеннымъ у Тромонина подъ №№ 1342 и 1362) и 3. короны (составляющей верх. часть знаковъ, приведенныхъ у Тромонина подъ №№ 545 и 587 и относимыхъ имъ къ 1681 и 1701 гг.), *Д. А. Ровинскій* („Русс. Нар. Картинки“, СПб. 1881, IV, 590, примѣч. въ № 809) заключаетъ, „что Библия Іилин и тетрадка съ картинками изъ Новаго Завета изданы въ концѣ XVII в.“, хотя самыя доски гравированы гораздо ранѣе.

Относительно оригиналовъ, послужившихъ для изображеній изъ „Ветх. Завета“ мастера Іилин, тотъ же изслѣдователь удостовѣряетъ, что „всѣ 133 картинки этой Библии скопированы Іилею изъ знаменитой въ исторіи русс. художества Библии Инк. Ив. Пискатора“ (т.-е. Филера), перешедшаго въ 1631 г. карту Россіи Гесселя Герарда 1614 г., съ посвящ. царю Михаилу Ѳеодоровичу, и выпустившаго въ 1630 г. 1-е изданіе своей Лицевой Библии, выходившей до того тетрадами, подъ общимъ заглав.: „Theatrum Biblicum.. Opus praestantissimorum huius ac superioris seculi pictorum ac sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nic. Ioh. Piscatorem“, fol. obl., съ 459 гравюрами на мѣди, исполненными по рисункамъ Гемскерка, Март. Дево и др., — Садлерами и др. подъ надзоромъ И. В. Вишера; причемъ, по замѣчанію *Д. А. Ровинскаго*, „гравѣрь Іилин, копируя картинку Пискатора, уменьшалъ ихъ

изъ листов. формата въ 4-ку; выбрасывалъ изъ нихъ все то, съ чѣмъ не умѣлъ справиться; фигуры, разныя мелочи и даже цѣлыя партіи фигуръ; иногда соединялъ двѣ картинки Пискатора въ одну (2 п 3), а въ другихъ мѣстахъ допускалъ крупныя измѣненія: такъ образъ, многими сыновьямъ Іакова приданы совершенно друг. атрибуты противъ Библии Пискатора, въ Лотовомъ паденіи одна изъ дочерей (та, которая сидитъ у Лота на колѣняхъ) представлена голая, тогда какъ у Пискатора она одѣта, и т. д.“

Но еще *В. В. Стасовъ* въ своемъ разборѣ помин. сочиненія *Д. А. Ровинскаго* (въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1882 г., № 10, отд. II, с. 362—377 и 383, и въ „Отчетъ о 25-мъ ирпсудѣ, награждъ гр. Уварова“, 1883, с. 60—81), подробно сравнивъ съ „Библией“ Пискатора — „Библию“ Іилин и „Апокалипсисъ“ Проконія и В. Кореня, и найдя въ русс. „Библии“ до 40 картинокъ (№№ 16, 28, 52, 56, 58, 61, 61, 66, 69—73, 76, 78, 80, 85, 110, 119—139 по экз. И. П. В.), которыхъ вовсе нѣтъ въ латинско-голландской, и нѣсколько такихъ (№№ 21, 74, 79, и пр.), гдѣ сочиненіе совершенно иное, чѣмъ въ послѣдней, не говоря о разныхъ болѣ мелкихъ отличіяхъ, замѣтилъ, что „если обратить вниманіе даже на одну только хронологическую сторону дѣла, то какая намъ представляется надобность притягивать къ сравненію „Библию“ Пискатора, коль скоро она появилась въ свѣтъ въ 1630 г., а у насъ въ Киевѣ уже за цѣлыхъ 25 лѣтъ до того появилась, въ религиозныхъ книгахъ разнаго наименованія, гравюры на деревѣ съ явными доказательствами сильнаго нѣмецкаго и польскаго вліянія въ иллюстрируемыхъ ими сюжетахъ?“ — „Просматривая такія изданія, — поясняетъ онъ далѣе, — какъ „Бесѣды І. Златоустаго“, изд. въ Киевѣ въ 1624 г., или „Триодъ“, изд. тамъ же въ 1631 г., большой „Апостолъ“, изд. въ Львовѣ въ 1639 г., вездѣ пахнущій, среди коренныхъ изображеній иконописнаго стиля и склада, множеству подробностей иноземныхъ, всего болѣе въ костюмѣ и архитектурѣ... Именно въ этой „Триоди“ впервые появляются всѣ тѣ картинки „Нов. Завета“, которыя были потомъ много разъ повторены во множествѣ Киевскихъ позднѣйшихъ изданій и отпечатаны отдѣльными листками, — значитъ, были сильно распространены, а теперь составляютъ одно цѣлое съ „Библией“ Іилин въ 3-хъ единственныхъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ, экземплярахъ. Эти раннія Киевскія изданія, 1-й половины XVII в., со своимъ, во мно-

гих отношеніяхъ сильно высказавшимся, пѣмко-польскимъ обликомъ, прямо указываютъ намъ, гдѣ надо искать первообразовъ позднѣхъ изданій нашихъ XVII в., помимо „Библии“ Пискатора, намъ въ то время еще совершенно чуждой.—„Обратимъ при этомъ же вниманіе на то,—говоритъ тотъ же критикъ нѣск. выше,—что во всякомъ случаѣ было бы гораздо болѣе вѣроятности въ томъ, чтобы гравюры на деревѣ (каковы: Илья, Проконій, Вас. Корень) копировали съ гравюръ, дѣланныхъ тоже на деревѣ, каковы гравюры въ нѣмецкихъ и польскихъ Библияхъ и Апокалипсисахъ, сильно распространенныхъ въ XVI и XVII вв. на нашей западной окраинѣ, чѣмъ съ голландскихъ гравюръ, у насъ неизвѣстныхъ до конца XVII и начала XVIII в., да вдобавокъ рѣзанныхъ на мѣди, представлявшихъ совершенно новую технику и совершенно особ. трудности для воспроизведенія“.

„Пискаторъ (т.-е. латинизированный Фиперъ),—замѣчаетъ тотъ же авторъ въ друг. мѣстѣ,—является: со своими голландскими рисовальщиками и граверами, лишь компиляторомъ, популяризаторомъ композицій, уже и раньше того знаменитыхъ, распространенныхъ и любимыхъ. Чтò мудреного въ сходствѣхъ его изданій съ изданіями такихъ-то и такихъ-то нашихъ Киевскихъ монаховъ, когда они могли черпать изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и художники Пискатора, или, по крайней мѣрѣ, изъ изданій такихъ нѣмецкихъ и польскихъ художниковъ, которые, наврядъ же голландцами Пискатора, черпали изъ этихъ первоначальныхъ источниковъ“.—„Многія изъ крупнѣйшихъ особенностей, не находящихся у Пискатора,—добавляетъ онъ тутъ же, оказываются пменно въ изданіяхъ нѣмецкихъ и польскихъ, ... даже на цѣлое столѣтіе предшествовавшихъ Пискатору, напр.: во Франкфуртской Библии 1565 г. (гдѣ всѣ картинки — раб. знаменитаго Виргилия Солиса, но не самостоятельны, а воспроизводятъ нѣмецкіе оригиналы гораздо болѣе старые)¹⁾, въ Краковской Библии 1561 г. (впервые напечатанной польской Библии) и т. д.“—„Тѣ картинки, которыя являются сверхъ комплекта въ нашихъ изданіяхъ,—говоритъ онъ же нѣск. выше,—не могутъ быть сочтены новками композиціями, сдѣланными Ильей или Проконіемъ, и лишь прибавленными къ картинкамъ Пискатора: въ нихъ мы не находимъ ни самостоят. сочиненій, ни самостоят. подробностей,—онѣ составляютъ бужвальное

¹⁾ На заимствование изъ этой Библии рисунковъ въ Библии Пискатора указывать и самъ Ровпскій въ выноскѣ на цитиров. выше 590 стран. его соч.

продолженіе остальныхъ композицій, тѣсно связанное съ ними по стилю и по всѣмъ подробностямъ“.—„Ничаго нельзя было бы сказать при этомъ, вмѣстѣ съ г. Ровпнскимъ,—заключаетъ Стасовъ,—что наши рисовальщики и граверы измѣняли то, что было имъ въ оригиналѣ слишкомъ трудно, не подъ силу; нѣтъ, многія „измѣненія“ у нашихъ художниковъ гораздо сложнѣе, многодѣльнѣе, затруднительнѣе для выполненія, чѣмъ тѣ картинки, которыя находятся въ „Библии“ Пискатора. Нерѣдко въ данной картинкѣ Ильи, Проконія или Корень гораздо болѣе орнаментовъ, пейзажа, человѣческихъ личностей, вообще всяческихъ подробностей, чѣмъ у Пискатора; нерѣдко два сюжетъ, заключенные у Пискатора въ одной картинкѣ, являются у Ильи или Проконія разложенными на двѣ, которыя, значитъ, требуютъ болѣе подробностей, обстановки, деталей, вслѣдствіе вообще работы, сочиненія, нарисованія и награвированія. Какое же во всемъ тутъ облегченіе? Напротивъ, здѣсь только прибавляется трудности, хлопотъ и труда“.

Лишь черезъ нѣск. лѣтъ послѣ исчезновенія грав. „Илия А.“ появляется на сценѣ граверъ „Илия С.“²⁾. Ему принадлежатъ слѣд. работы: 1) „Свѣтъ Ішан. Предотеча“, съ подп.:

— въ Киев. изд.

„АКАѦИСТОВЪ“ 1677 г., въ 4-ку, на л. 111¹⁾; 2) въ „ПАТЕРИКЪ ПЕЧЕРСКОМЪ“ изд. 1661, въ л., и проч., размѣр. отъ 5,5 до 6,0 × отъ 4,3 до 4,5^{1/2}; отъ 1655 г.—1. „Соборъ прѣбывающъ онъ нашихъ Автопіа и Θεοδοσία Печерскихъ“, съ изображ. Божіей Матери съ млад. Христомъ на престолѣ, съ преп. Ангеліемъ и Θεοδοсіемъ по бокамъ,—съ подп. „И. С. С. К.—ахне“ (Ров., с. 222, № 105,—съ вѣрнымъ годомъ: „1665“) — на обор. л. 104 въ изд. 1661 г. (въ отд. отд., с. 1);

2. преп. Θεοδοсій, съ подп. **ИЛІА С. К. АХНЕ** (у Ров., № 8, безъ подп.)—на обор. л. 41, тамъ же; 3. преп. Ангелій, съ подп. „Иліа С ахне“, (Ров., № 3, съ вѣрнымъ годомъ: „1652“),—на обор. л. 1²⁾; 4. преп. Стефанъ, игум. Печерскій, съ подп. „Иліа С.—ахне“. (Ров., № 16, съ вѣрнымъ годомъ: „1665“) — на обор. л. 122 (с.

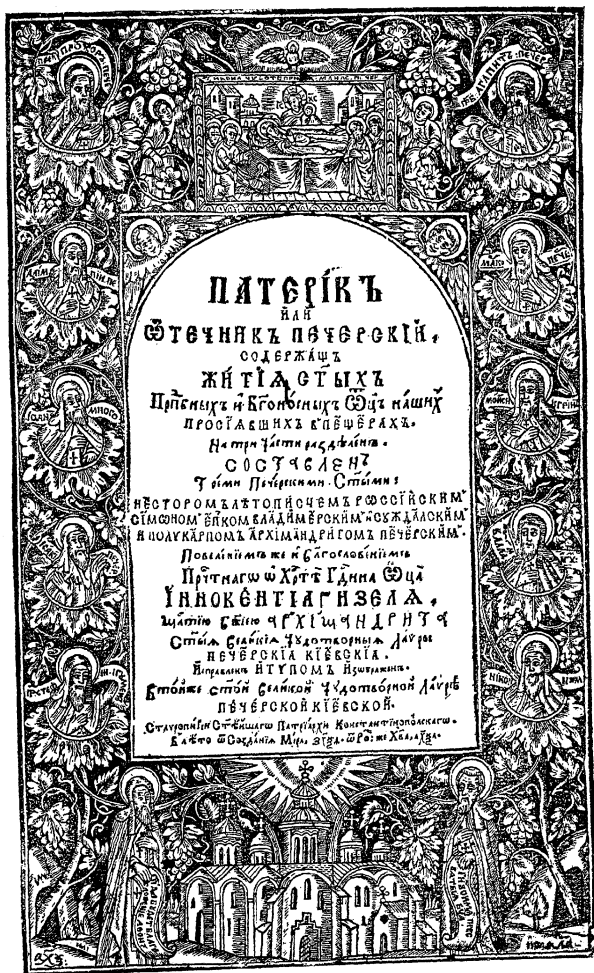
¹⁾ Въ этомъ же изд. (на л. 183) и въ изд. 1654—1663 гг. (л. 81 и 89 об.) помѣщ. другое изображ. того же святаго, съ подп.: „Иліа: а“; ср. выше, № 57 bis.

²⁾ Перепеч. въ Киев. изд. „АкаѦистовъ“ 1663 г., л. 231.

2); отъ 1656 г.—5. св. Ісаяна, игум. св. Димитрія въ Кієвъ, съ подп. „Ілія С.—ахнѣ кс —ахнѣ“ (*Рос.*, № 20),—на л. 139 (с. 6); 6. св. Пікига, еписк. Новгор., чудотворецъ, съ подп. „Ілія. апрі кн—ахнѣ“ (*Рос.*, № 25),—на л. 154 (с. 11); 7. преп. Атанитъ безмездникъ, съ подп. „Ілія. С. ахнѣ—мая з“ (*Рос.*, с. 223, № 28),—на л. 168 (с. 14); 8. многотерпеливый Іѡанъ, съ подп. „Ілія С.—ахнѣ мал о“ (*Рос.*, № 31),—на обор. л. 195 (с. 17); 9. преп. Алимпій, иконописецъ, съ подп. „Ілія ахнѣ—іюна ѿ“ (*Рос.*, № 27),—на обор. л. 160 (с. 13) ¹⁾; 10. св. Ефремъ, епископъ Переяславскій, съ подп. „Ілія ахнѣ —іюна н“ (*Рос.*, № 19),—на л. 136 (с. 5); 11. преп. Варлаамъ Печерскій, къ подп. „ахнѣ—іюл. кг. Ілія“ (*Рос.*, № 18),—на обор. л. 131 (с. 4); 12. преп. Моисей Угринъ, съ подп. „Ілія ахнѣ іюля кг.“ (*Рос.*, № 30),—на л. 178 (с. 16); 13. св. Григорій чудотворецъ Печерскій, съ подп. „Ілія—ахнѣ“ (*Рос.*, № 29),—на л. 173 (с. 15); 14. преп. Никонъ, игум. Печерскій, съ той же подп. (*Рос.*, № 17),—на л. 126 (с. 3); 15. преп. Даміанъ пресвитеръ, псѣлѣбникъ, съ той же подп. (*у Рос.*, № 21, безъ года),—на обор. л. 142 (с. 7); 16. преп. Еремия прозорливый, съ той же подп. (*Рос.*, № 22),—на л. 145 (с. 8); 17. преп. Матфій прозорливый, съ той же подп. (*Рос.*, № 23),—на обор. л. 146 (с. 9); 18. преп. Ісакій Печерскій, съ подп. „ахнѣ—Ілія“ (*Рос.*, № 24),—на обор. л. 148 (с. 10); 19. преп. Лаврентій затворникъ, съ подп. „Ілія С.—ахнѣ“? (*Рос.*, № 26),—на л. 158 (с. 12); 20. преп. Прохоръ Лободникъ, съ подп. „Ілія ахнѣ“ (*Рос.*, № 32),—на обор. л. 199; 21. преп. Маркѡ гробокопатель, печерникъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 33),—на обор. л. 204 (с. 18); 22. преп. Теофилъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 34),—на л. 211; 23. преп. Пимінъ Печерскій, съ той же подп. (*Рос.*, № 36),—на обор. л. 223 (с. 20); 24. „Влахернѣ Бда муларом злата даде икону, предстоящимъ Антони и Теофѡ“, съ той же подп. (*Рос.*, № 11),—на обор. л. 108 (с. 36); 25. „И придоша писци с Париграда в монас. пещер. ко Никону“, съ той же подп. (*Рос.*, № 13),—на обор. л. 113 (с. 38); 26. „Чудо изрядно в церкви Печерской“, съ тою же подп. (*Рос.*, № 14),—на обор. л. 116 (с. 39); 27. „Мученики прежде крещенія Владимірова“, съ той же подп. (*у Рос.* пропущ.),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отт., с. 34); отъ 1658 г.—28. преп. Никола Святоша князь черниговскій, съ

помѣт. „ахнѣ“ (*Рос.*, № 42),—на обор. л. 244 (с. 25); неизвѣст. годовъ: 29. преп. Ілія Муромскій, съ одной подп. „Ілія“ (*Рос.*, № 327),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отт., с. 33); 30. Евстратій Печерскій, съ той же подп. (*у Рос.*, № 38, подъ имен. Евстаіа),—на обор. л. 229 (с. 21); 31. преп. Аѳанасій затворникъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 41),—на обор. л. 242 (с. 24); 32. преп. Еразмъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 43),—на обор. л. 251 (с. 26); 33. „Виденіе преп. Арсеѣ в болѣзнь его“, съ той же подп. (*Рос.*, № 41),—на обор. л. 253 (с. 27); 34. Ніфонъ, еписк. Новгородскій, съ той же подп. (*у Рос.*, № 46, — безъ подп.), —на обор. л. 161 (с. 29); 35. преп. Несторъ лѣтописецъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 47),—на обор. л. 273 (с. 30); 36. преп. Поликарпъ, архим. св. Лавры Печерскія, съ той же подп. (*Рос.*, № 49),—на л. 281 (с. 31); 37. Вел. князь Михаилъ Черниговской... и Ѣшдоръ воевода его, съ той же подп. (*у Рос.* — пропущ.),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отт., с. 35); 38. Чудеса при основ. церкви Печерской, съ той же подп. (*Рос.*, № 12),—на л. 111; 39. Кієво-Печ. соборъ со св. Антоніемъ и Θεодосіемъ по бокамъ, съ той же подп. (*Рос.*, № 15),—на обор. л. 118 (с. 40); 40. предб. Антоній, предб. Θεωδοсій по бокамъ пламени (*у Рос.* — пропущ.),—нѣтъ въ изд. 1661 г. (въ отд. отт., с. 37); III) въ изд. „АКАΘΙΣΤΟΒЪ“ 1663 г., въ 4-ку, и проч.: отъ 1658 г.—41. загл. листъ, съ изображ. Божіей Матери съ Млад. Христомъ на рукахъ—вверху, св. Антонія и Θεодосіа—внизу равныхъ святыхъ—по сторонамъ текста, съ помѣтой „ахнѣ“; 42—165. мал. грав. „Матерь Божія“, съ подп.: „Ілія—ахнѣ“,—на обор. л. 180 и безъ обознач. года: еще 124 такихъ же гравюры (*у Рос.*, №№ 179—290—112-ть)—съ изображ. Б. М., І. Х., событій изъ ихъ жизни и проч., съ помѣт.: „И.“, „Ілі.“, „И—С“ (на обор. лл. 45 и 80: „Спасъ Емануилъ“—*у Рос.*, № 329), „Ілі: С. С. К.“ (на обор. л. 273, въ изд. 1677 г.,—шесть преп. Антонія и Θεодосія съ ангелами, несущ. иконы, хоругви и свѣтильники); IV) опять въ „ПАТЕРИКЪ“ отъ 1660 г.—166. загл. листъ съ изображ. Успенія Б. М. вверху, Лаврскаго собора съ предстоящими Антоніемъ и Θεодосіемъ внизу и 12-и святыхъ по сторонамъ текста, съ подп. „Ілі. ахѣ:—іюля ла“,—размѣр: 9.5 × 5.3 (*Рос.*, с. 221, № 1), и безъ обознач. года, но съ подп. „Ілія“, размѣр: 13.9 × 11.4,—167 и 168. „Изображеніе пещеры прѣбнаго Θεодосіа“ и „Изображеніе пещеры преподоб. Антонія“ (*Рос.*, №№ 4 и 7, и его же „Русс. Нар. Карт.“, IV, 484, № 613 А); V) опять

¹⁾ Онъ воспроизведенъ подъ № 29, на стр. 123, вып. I, т. I, настоящаго „Словаря“.

39. Загл. листъ къ Кіев. „Патерину“ 1661 г.,
 раб. монаха Илія С.

въ изд. „АКАΘИСТОВЪ“: 169. заставка съ изображ. св. Антонія, Θεοδοσία, Моисея и Захарія, съ подп. „Илья року ахѣ“ (у *Рос.*, № 328, по изд. 1674 г., на л. 233; VI) въ ненавѣст. изд.—170. изображ. Успенія Б. М. съ видомъ Киев. собора и предстоящими Антоніемъ и Θεοδοсіемъ внизу, съ подп. „Илья К.“ (?),—размѣр: 8.8×6.6 (*Рос.*, №№ 353—366; VII) въ Киев. изд. „ПРМОЛОГИЯ“ 1674 г., въ 16 д. л.,—множество мелк. изображеній изъ Нов. Завѣта, съ помѣтами (на 15-ти грав.): „Илі“, „И.“, „С.“, „И—С“, а также „И. А“ (Б. М. съ млад. Христомъ на престолѣ—на л. 9, соверш. выпечат.) и „Иліа.а“ (Б. М. съ I. X.—на л. 191 и Іоаннъ Предтеча—на л. 145).

Кромѣ того, въ „ПАТЕРИКЪ“ есть вѣск. гравюры безъ подписан мастера, какъ напр.: 1) Знаменіе Б. М. со св. Антоніемъ и Θεοδοсіемъ по сторонамъ—въ видѣ заставокъ 2-хъ разныхъ родовъ, на лл. 1 и 104 (*Рос.*, № 52?); 2) Успеніе Б. М. со св. Θεοδοсіемъ и Антоніемъ по сторонамъ, размѣр: $4\frac{1}{2} \times 4.2$,—на обор. в. л. (*Рос.*, с. 221, № 2); 3) и 4) преп. Антоній и Похвала ему—въ заставкахъ, размѣр: 2.1×4.9 ,—на л. А₂ и Г₂ (*Рос.*, №№ 5 и 6); 5) преп. Θεοδοсій—въ заставкѣ, тѣхъ же размѣр. (*Рос.*, № 9); 6) Б. М. и I. X. съ преп. Антоніемъ и Θεοδοсіемъ и 4 херув.—въ видѣ заставокъ, размѣр: $2.2\frac{1}{2} \times 4.8$,—на л. В (*Рос.*, № 332,—по Киев. изд. „Вѣнецъ Христовъ“ 1688 г., лл. 51 и 179 об.); 7) и 8) I. X. и Погребеніе Θεοδοсія—въ видѣ заставокъ на л. 42 и обор. 86; 9) „Сказаніе о чудесѣ, въ пещерѣ бывшемъ во время Пасхи“, размѣр: 5.7×4.6 ,—на обор. л. 286 (*Рос.*, № 50); 10) Знаменіе Б. М. съ медалями преп. Антонія въ солнцѣ и Θεοδοсія въ лунѣ и съ именами 52 чудотворцевъ пещерскихъ въ вѣтвѣдахъ, размѣр: $8.9 \times 5.3\frac{1}{2}$,—на послѣд. листѣ (*Рос.*, № 51); 11) преп. Θεοдоръ и преп. Василиій—на л. 213 =с. 19 (*Рос.*, № 35); 12) преп. Никонъ Сухій—на обор. л. 237 =с. 22 (*Рос.*, № 39); 13) св. Симонъ, еп. Владимирскій и Суздальскій,—на обор. л. 276 (*Рос.*, № 48), но т. к. на 2-хъ доскахъ встрѣчается монограмма—то изъ латинскихъ буквъ: „KP“—преп. Спиридонъ и Никодимъ на обор. л. 229 (*Рос.*, № 37), то изъ славянскихъ: „КП“—преп. Титъ на л. 258 =с. 28 (*Рос.*, № 45), а подъ одной есть даже подпись: „Проконій“—преп. Кушма и Пиминъ на л. 241 =с. 23 (*Рос.*, № 40), то безыменные гравюры едва-ли можно приписывать Ильѣ, обыкновенно отицавшему свои произведенія какому либо знакомъ. Точно также и въ „АКАΘИСТАХЪ“ большія гравюры—или безо всякой подписи,

напр.: 1) Похвала пресв. Богородицѣ—на обор. оглавл. и л. 149, 2) I. X. съ Б. М. и I. Предтечей по бокамъ—на обор. л. 46, 3) св. Николай—на обор. л. 118, 4) Второе страшное Христово пришествіе—на обор. л. 160, 5) „Наречено имя Ему Ис.“—на обор. л. 172, или же носить помѣты: „ ахѣ“, какъ „ІС ХС Пантократоръ“—на обор. л. 103, „1627 Л. М.“, какъ архистр. Михаилъ—на обор. л. 81, „ВР рк аха“, какъ три креста на Голгофѣ—на об. л. 141, то слѣдоват. опять не могутъ быть отнесены къ Ильѣ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ изчисл. здѣсь гравюръ попали у Ровинскаго въ списокъ работъ Ильи, на что указывалъ уже Стасовъ въ своемъ разборѣ его соч. „Русс. Гравюры“—въ „Отчетѣ о 7-мъ присуд. награжд. гр. Уварова“ (сгр. 37).

Относительно 40 изображеній изъ „Патерика“, отпечатанныхъ на 20-ти листкахъ съ двухъ сторонъ въ видѣ отдѣльныхъ тетрадошекъ въ 4-ку, экземпляры которыхъ наход. въ библиотекѣ Воскрес. мон.—ря („Нов. Иерусалимъ“) подъ Москвою (въ полномъ составѣ), въ Имп. Публ. Библ. (безъ сч. 21—22 съ изображ. преп. Евстратія Печерскаго и Никона Сухаго), и въ собраніи сенат. Д. А. Ровинскаго (тоже не полный), послѣдній замѣчаетъ въ своемъ изслѣдов. „Русс. Нар. Картины“ (Спб. 1881)—въ одномъ мѣстѣ (III, 625, № 1519), что: 1) изъ числа ихъ 32—отпечатаны съ досокъ, вошедшихъ въ изд. „Патерика“ 1661, 1678 и 1702 гг., а остальные 8—съ новыхъ досокъ, причѣмъ 4 (№№ 1 и 33—35, слѣдоват. изображенія: „Соборъ преп. Антонія и Θεοδοсія“, „преп. Илья Муромскій“, „Мученики прежде крещенія Владимірова“, „В. К. Михаилъ Черниговскій и Θεοдоръ“, см. здѣсь №№ 1, 29, 27 и 40) представляютъ изображенія вовсе не помѣщенные въ „Патерикъ“, другія же 4 (№№ 20 и 36—38, слѣдоват. изображенія: „преп. Пиминъ“, „Въ Влахеринъ В-да муларомъ злата даде икону“, „преп. Антоній и Θεοδοсій“—по бокамъ пламени, „И придоша писци съ Цареграда“ и „Чудо яврядно в церква“, см. здѣсь подъ №№ 23—26)—суть повторенія досокъ „Патерика“ одинак. съ нимъ содержанія, но въ друг. переводѣ; 2) тетрадь эта издава послѣ 1702 г., т. к. изображеніе преп. Нестора отпечат. въ ней съ попорченной доски—безъ лѣв. угла (съ цифрой „1“) и со сколот. надписями на его книгѣ, въ изд. же „Патерика“ 1702 г. доска отпечат. до этихъ поврежденій; а въ друг. мѣстѣ (IV, 763, примѣч. къ № 1519), что: опис. тетрадка отпечат., какъ видно, послѣ 1678, т. к. въ ней по-

мѣш. изображеніе преп. Нестора, сдѣл. съ доски попорченной и неполной, тогда какъ въ „Патерикѣ“ изд. 1678 г. доска эта отпечат. еще въ дѣльномъ видѣ.

Но къ этому надо сдѣлать двѣ поправки, а именно, что: 1) въ числѣ 4-хъ картинокъ, не вошедшихъ въ „Патерикъ“ и помѣщенныхъ въ помянут. тетрадь, наход. не „Соборъ преп. Антонія и Θεодосія“, т. е.: изображ. этихъ святыхъ не съ церковью по срединѣ (нашъ № 1), а изображ. ихъ съ пламенемъ въ срединѣ (нашъ № 40), и 2) что, напротивъ, въ эту тетрадь, кромѣ заставокъ, не попали еще изображ.: преп. Θεодосія и Антонія, Прохора Лободника, Θεοφιλα, Чуда при основ. церкви печерской (нашъ №№ 2, 3, 20, 22 и 36)—тѣхъ работъ Ильи, а также преп. Спиридона и Никодима, Симона и Знаменія Б. М. съ медалями Кіев. церк. святыхъ вокругъ — работы друг. мастеровъ; разницы же въ другихъ доскахъ между отпечатками „Патерика“ и назв. тетрадки мы не замѣтили.

П. Пекарскій, дѣлая въ своемъ извѣст. изслѣдов. „Наука и литер. при Петрѣ Велик.“ (СПб. 1862) обзоръ „Патериковъ“, высказалъ (II, 64, вып. 2) очень основат. предположеніе, „что, по всей вѣроятности, изд. русскаго „Патерика“ приготовлялось при жизни Сильв. Коссова (напечатаннаго еще въ 1635 г. „Patricon“ по польски) и, м. б., съ его участіемъ: онъ былъ тогда Кіевскимъ митрополитомъ и ум. въ 1657 году, между тѣмъ рисунки къ „Патерику“ уже заготовлялись, какъ видно изъ надписей на нихъ,—въ 1655—56 гг.“.

Другой изслѣдователь, *А. Родосскій*,—авторъ очень зачѣтат. „Описанія старопеч. и церков.-слав. книгъ, хран. въ бібліотекѣ Спб. Духовн. Акад.“ (СПб. 1891,—изъ „Христ. Чтенія“ 1884—91 гг.), тоже совершенно справедливо замѣтилъ, говоря объ изображеніяхъ къ „Акаѣстамъ“ (стр. 296), „что они хотя рѣзаны и на деревѣ, но очень искусно, и по фантазіи очень интересные и богаты; таковы всѣ мелкія изображенія въ акаѣстахъ Іисусу Сладчайшему, Вожіей Матери и св. Николаю [слѣдовательно, работы Ильи], а изъ большихъ—изображенія: Похвала Пресв. Богородицѣ, св. Архистр. Михаила [т. е. работы мастера Л. М. 1627 г.], Спасителя съ надписью „Пантократоръ“ [т. е. работы мастера УЗ. 1626 г.], „Тайны пресв. Тѣла“ [раб. Ильи А.], преп. Антонія [раб. Ильи С. 1655 г.] и Распятія [т. е. работы мастера ВР. 1630 г.].

Ровинскій же, не дѣлавшій различія между Ильей А. и Ильей С., перечисляя наиболѣе за-

мѣчательныхъ изъ Кіев. гравировъ XVII в., сказалъ только про этого мастера: „наконецъ, мастеръ Илья—работавшій для Кіев. и Львов. изданій и замѣчательный болѣе по своему трудолюбію, нежели художеств. достоинствомъ. Въ продолженіи 10—15 лѣтъ (сдѣдало бы сказать 26—27 лѣтъ, если соединить двухъ гравировъ въ одно лицо), онъ награвировалъ болѣе 200 (до 370) досокъ, въ томъ числѣ—цѣлую лицевую Библію и дѣльный Патерикъ (объ Акаѣстахъ тутъ не упомянуто). Доски его рисованы б. ч. весьма плохо и гравированы на скоро. Впрочемъ, въ числѣ досокъ, награвированныхъ къ Патерику, есть и довольно хорошо выполненные, вообще же работы этого мастера весьма неравнаго достоинства“ (см. „Русс. Гравюры“, М. 1870, с. 20).

Въ другой разъ, ссылаясь на свой прежній перечень трудовъ назв. мастера, тотъ же изслѣдователь замѣтилъ лишь одно, что „всѣ картины его рисованы весьма посредственно и гравированы на скоро, съ иностр. образцовъ“ (см. „Русс. Нар. Карт.“, СПб. 1881, IV, 591, прилѣт. къ № 809).

Стасовъ, хотя и находилъ, какъ мы видѣли выше, работу Ильи — „отличающуюся обыкновенно посредственностью и даже грубими, несравненно болѣе сильными, отрицат. качествами“, тѣмъ не менѣе признавалъ, что „между Моск. граверами невозможно указать ни на одного гравера, который былъ бы хотя сколько нибудь близокъ по искусству съ (Кіев.) граверами ЛМ, ВΘ, ТГ, Θεодоромъ А., даже самими Ильей въ лучшихъ его произведеніяхъ, и мног. друг.“ (см. его „Разборъ рукоп. соч. Д. Ровинскаго: Русс. Гравюры“ въ „Отчетѣ о 7-мъ присужд. наградъ гр. Уварова“ 1863, с. 24—25).

Наконецъ, польскіе ученые, какъ *Я. Г. Павликовскій* и *Ед. Раставецкій*, отзывались тоже съ похвалою о произведеніяхъ Ильи А., изъ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ извѣстно было лишь одно, съ помѣтой 21 іюля 1638 г. (изображ. Христа среди святыхъ),—по Львовск. изданію Евангелія 1670 г., причѣмъ первый изъ нихъ замѣтилъ, что находящіеся тамъ рисунки (Ильи и Дородея) надлежитъ причислить къ лучшимъ, исполненнымъ на деревѣ, а второй прямо называлъ помян. гравюру—прекрасной.

Какъ образцы гравюръ, встречающихся съ подписями Ильи А. и Ильи С. въ Львовскихъ и Кіевскихъ изданіяхъ съ 1637 и съ 1655 гг., здѣсь помѣщено по одной наиболѣе ранней и наиболѣе поздней изъ такихъ работъ—въ видѣ загл. листовъ къ Львовск. „Апокалипсону“ 1638 г.

и къ Киевск. „Патерику“ 1661 г., и, сверхъ того, изображенія: прор. Ильи—пзъ 1-го и преп. Ильи Муромскаго—пзъ 2-го, какъ соименныхъ святыхъ авторамъ, которые могли даже придать имъ свои черты, но западному обычаю.

См. *I. Gw. Pawlikowski* „O rytownikach, polakach i cudzoziemcach u nas osiadłych“ въ изд. „Czasopism... Ossolinskich“, Lwow 1829 (II, 113), и *Edw. Rastawiecki* „Słownik rytowników polskich“, Poznań 1886 (p. 147). — *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы и ихъ произведенія“, М. 1870 (главн. образомъ стр. 20 и 214—226), и „Русс. Нар. Карт.“, СПб. 1881 (примеч. т. III, с. 241—251, опис. № 809—„Библия“, и, въ видѣ дополн. къ этому: с. 383, № 982, и с. 486, № 1159; с. 625—632, опис. № 1519—„Патерики“; т. IV, с. 60 и 484—5, опис. № 613А—прибав. къ послѣднему; с. 588—591 и 763 4—примеч. къ обимъ назв. издан.). — *В. Стасова* „Разборы соч. Д. Ровинскаго“, „Обзорникъ русс. гравированія до 1725 г.“ (въ „Отчетъ о 2-мъ присудж. наградъ гр. Уварова“, 1858, с. 53—54); „Русс. Граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія Акад. Худож.“ (въ „Отчетъ о 7-мъ присудж.“, 1864, с. 37—38), и „Русс. Народ. Картинки“ (въ „Отчетъ о 25-мъ присудж.“, 1883, с. 60 и сл.).

Ильишевъ, Александръ, архитекторъ. Род. 1820. Воспитаникъ Строит. учил. (1836—43), онъ, по оконч. курса съ чиномъ XIV кл., былъ назначенъ архитект. помощ. въ Пензенскую Строит. и Дорож. Ком.

См. *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 134.

Ильенко, Евгений Михайловичъ, скульпторъ. Пигомецъ Харьк. ун-въ, онъ былъ вольнослуш. въ И. А. Х. (съ 1869) и выставлялъ въ послѣдней сѣдъ произведенія свои: въ 1870—бюстъ О. Литвиновой (исполн. изъ мрам., по его модели, В. Евстафьевымъ), въ 1873—„проектъ памятникъ композ. Глинкѣ въ Смоленскѣ“ и въ 1877—„Кіев. вѣдмчу“ (Чаровнику) по народ. повѣрью, изъ пов. Гоголя „Вій“, за что получилъ въ 1876 малую серебр. поощрит. медаль. Кроме того, онъ дѣлалъ въ 1874 эскизъ памятника Пушкину.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 12-II.—„Указат. вист. въ И. А. Х.“. 1870, 19; 1873, 3; 1877, № 183.

Ильина, Анна Павловна, художница, упом. въ рукоп. мастер. *П. Н. Петрова*.

Ильинскій, Константинъ, живописецъ. Вольноприход. ученикъ И. А. Х., онъ заним. подъ руковод. проф. А. Т. Маркова и выстав. въ Академіи сѣдъ свои произвед.: портретъ г. NN (1851, № 49), этюдъ съ нат., за который получ. 1 серебр. мед. 3 мая 1852, и портр. г-жи Иль-

инской (1852, № 5 и 56), портр. г-жи Писемской и „Смерть Гектора“—зад. 9 марта 1853 прогр. на 2-ю зол. мед., которой и былъ удост. 24 сент., по Имп. Николай остался недоволенъ этой картиною (1853, № 155 и 39), наконецъ, „Приндите ко мнѣ всѣ груждающіеся и обремененіи, и азъ упокою въ“—зад. 22 апр. 1854 прогр. на 1 зол. мед. (1854, подъ лит. А.), вмѣсто которой онъ получ. только званіе художника 14 кл.—30 сент. 1855.

См. „Указат. вист. въ И. А. Х.“ 1851—54 гг. и „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, III, 175. 195. 204. 210. 214. 248.

Ильинскій, живописецъ. Ученикъ Моск. Учил. живоп. и ваянія, онъ выстав. въ И. А. Х. въ 1864—этюдъ „Дерев. дѣвушка съ граблими“.

См. „Указат.“ той вист., III, 22.

Ильинскій 2-й, живописецъ. Тоже ученикъ Моск. Учил., выстав. на тамош. ученич. вист. 1889 г. (XII-II) сѣдъ пейзажн.: „Видъ Кіева“, „На бер. Днѣпра“, „Дерев. улица“.

См. „Катал.“ той вист.: №№ 241, 342, 350.

Ильинъ, живописецъ. Ученикъ Моск. Учил., онъ выстав. тамъ на ученич. вист. въ 1884 свою карт. „Прошлое и настоящее“.

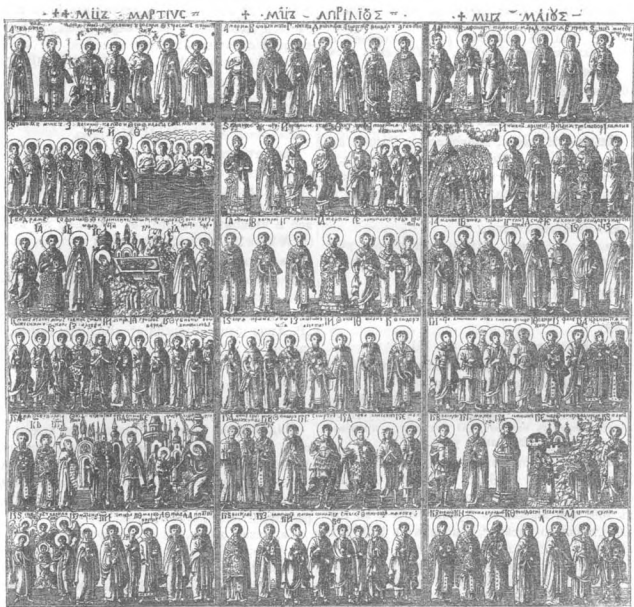
См. „Катал.“ VII-II вист., № 129.

Ильинъ, Александръ, художникъ. Род. 1764. Ученикъ И. А. Х. (1772—85), изъ Моск. Воспит. Дома, онъ, при оконч. курса, получ. аттестатъ 2-й формы, со шпайгой (17 іюля по опред. 14 апр. 1785).

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. Н. Петрова*, I, 143 и 282, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 11/1778.

Ильинъ, Андрей, иконописецъ, одинъ изъ исполнителей такъ назыв. Капповіановыхъ докопъ. Состоя „въ кормов. иконописцахъ“, долженъ былъ участвовать въ 1660 въ росписи „стѣн. письюмъ“ Арханг. соборн. церкви въ Москвѣ, за что былъ пожалов. въ 1666 г.; передъ тѣмъ былъ у иконописанія въ ц. Евдокіи мучен. въ 1664, а въ 1668 выход. уже въ числѣ „жалов. иконописцевъ“, каковымъ числился еще въ 1670, получая по 2 ат. въ день,—„противъ иконописца жъ Ив. Леонтьева, для того, что... пишеть мелкія лица воображеніе св. иконъ“.

См. *И. Забылина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 28. 32. 53. 67. 99. 107. 109—110, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школы иконопис.“, 34 и 151, а также *Н. Маркевича* „Б. Истор. Словарь“, М. 1836, с. 14 (изъ Карамз. III, пр. 258), и здѣсь—подъ Ивановымъ, Никитой.

40. 3-я из Наппониановых досокъ,
раб. Андрея Ильина, 1668 г.

Ильинъ, Василий, иконописецъ. Родомъ Костромичъ, онъ участвов. въ росписи собор. первей: Успенской въ 1644—въ качествѣ знаменщика, въ Саввин. мон. въ 1650—въ качествѣ уже иконописца большой статьи и Михаила Арханг. въ 1652.

См. *И. Забѣлина*, Матер. для исторіи русс. иконоп., 8, 11, 13, и *Д. Ровинскаго*, Истор. русс. школы иконописи, 151.

Ильинъ (Марковъ), Василій Марковичъ, живописецъ плодовъ и цвѣтовъ. Род. 6 апр. 1762, ум. послѣ 1815 г. Ученикъ И. А. Х. съ 1767, онъ исполнилъ вад. 1 нояб. 1781 программу на зол. медали: «ваза съ цвѣтами на пьедесталѣ и корзина съ виноградомъ близъ круглой галлерей

среди лѣса», а затѣмъ, служа при Фарфор. заводѣ, уже въ чинѣ колл. ассесс., былъ произвед. по представл. картишъ, изображ. цвѣты, — въ «назначеніе» 3 авг. 1801. Сынъ его Иванъ, получившій въ 1813 г. 2-ю сер. мед. за рис. съ нат., былъ взятъ имъ изъ Акад. въ 1815.

См. «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», *И. П. Петрова*, I, 162, 241. 424; II, 49, и въ Архивъ И. А. Х. дѣло 20/1815.

Ильинъ, Герасимъ, иконописецъ. Писалъ въ 1676 стѣн. писмомъ, вмѣстѣ съ Артем. Ивановымъ и Меркуш. Яковлевымъ, по сказкѣ Никиты Павловича, образъ Пресв. Богородицы Знаменія, что на Камен. мосту въ Москвѣ, и получ. за эту работу 2 р. 28 алт. (18 сент.).

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 449 (изъ книги Ор. Пал. № 958/234); у *И. Сметрева* въ „Памятн. Моск. Дрени.“, LXVI,—лишь упом.

Ильинъ, Григорій (Гришка), серебряникъ 1675 въ Москвѣ.

См. *И. Забѣлина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 120 (упом.).

Ильинъ, Михаилъ, иконописецъ. Родомъ изъ Кинешмы, живя у Козьмы Константинова, д. 6. участвовать въ 1660 въ росписи „стѣн. писмъ“ Арханг. собор. церкви въ Москвѣ, а въ 1666 наход. въ числѣ Моск. „кормов. иконописцевъ“ меньшей статьи.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 28, 67, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русск. школъ иконоп.“, 151.

Ильинъ, Никифоръ, иконописецъ. Получилъ грамоту отъ Переяславскихъ иконописцевъ въ 1659.

См. *Д. Ровинскаго*, тамъ же, 151.

Ильинъ, Нечай, серебряникъ въ Москвѣ. По-луч. въ 1585 жалов. 30 алтынъ.

См. „Дополн. къ Акт. истор.“ I, 202, и *И. Сахарова* „Обозр. русс. археол.“, 33; у *И. Забѣлина*, въ его соч. „О металлич. производ. въ Россіи“, 120,—лишь упом.

Ильинъ, Петръ, иконописецъ. Выпис. изъ Устюга Вел. въ 1666 для „писма“ Спасской церкви въ Москвѣ, онъ присылался оттуда еще въ 1668 для письма въ Арханг. соб. и въ 1669 для „травнаго письма“, наконецъ въ 1670 былъ „у дѣла“ въ с. Коломенскомъ.

См. *И. Забѣлина* „Матер. для истор. русс. иконоп.“, 75, 105—6, 120, и *Д. Ровинскаго* „Истор. русск. школъ иконоп.“, 151.

Ильинъ, Прокофій, иконописецъ. Пожалов. былъ въ 1644 за стѣнное письмо въ собор. церкви Успенія Пресв. Богородицы въ Москвѣ, исполн. имъ съ товарищ. въ предыд. году (іюня 24).

См. *И. Забѣлина*, тамъ же, 8, (у *Д. Ровинскаго*—пропущ.), и *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 413 (изъ кн. Оруж. Пал. № 944/973).

Ильинъ, гравиров. мастеръ при типогр. Св. Синода въ Спб., при Петрѣ I.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ильичъ, рисовальщикъ. Помѣстилъ „Разказы бабушки“ въ „Иллюстр.“ 1848 (VI, 23 и 364).

Ильиныхъ, Михайла, словорѣзъ на мѣди. Воспитанникъ И. А. Х., онъ, находясь въ 4-мъ возрастѣ, былъ назначенъ опред. Совѣта 8 авг. 1793 для обученія воспитанниковъ 2 возраста росс. чистописанію (въ помощь ученику 5 возраста Ив. Вогаевскому, назнач. 8 іюня того же

года), а 22 февр. 1795, по вступленіи въ 5 возрастъ и окончаніи ученія, опредѣленъ былъ къ выпуску съ аттест. 2 степ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 17/1793 и 26/1795.

Имгофъ, скульпторъ изъ Фленсбурга въ Сиб., ум. до апр. 1848, когда скончалась его вдова, 77-ми лѣтъ отъ роду.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Имеретинская (рожд. графиня Мордвинова), княгиня Анна Александровна, живописца. Художница-любительница, она выстав. въ „I Дамскомъ Худож. Кружкѣ“, учредительницей и членомъ котораго она состояла: въ 1886 (II, №№ 3 и 15)—аквар., „Старикъ“ и карт. „Осень“.

Имеретинская, княгиня Ольга Федоровна, художница-любительница. Она выстав. въ А. Х. слѣд. свои произвед.: въ 1885 (№ 162)—„Видъ въ Петроградъ“; въ 1886 (№№ 35, 165, 167)—„Р. Арно близъ Флоренціи“—„Кашино (выстав. также въ Одессѣ, Харьк. и Екатерин. въ 1886—87), „Закатъ на р. Колокшѣ“, „Утро“, „Осень близъ Клязьмы“.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 186/1890 и „Указат.“ означ. выст.

Индѣйцевъ, Василій Степановичъ, архитекторъ. Род. 1826. Сынъ гофъ-фурьера и воспит. Моск. Дворц. Ахтент. Учил., онъ выстав. въ Сиб. А. Х. въ 1845: „проектъ триумфальныхъ воротъ“ и „орнаментъ, рисов. тушью съ барельефа“.

См. рукоп. матер. *П. Н. Петрова* и „Указат. выст. въ А. Х.“.

Индѣйцевъ, Дмитрій Степановичъ, живописецъ и присовальщикъ. Род. 1813. Сынъ гофъ-фурьера и воспит. Моск. Дворц. Архит. Учил., гдѣ былъ потомъ учнт. рисов. Съ его рис. 1834 г. гравиров. Е. Скотниковымъ портр. Д. М. Львова.

См. рукоп. матер. *П. Н. Петрова* и „Подробный Словарь русс. гравиров. портретовъ“, *Д. А. Ровинскаго*, подъ буквой Д.

Иностранцевъ, Павелъ Александровичъ, архитекторъ. Род. 1835, ум. 5 февр. 1887 въ Самарѣ. Воспит. Сиб. Строит. Учил. (1849—56), онъ, по оконч. курса съ чиномъ колл. секрет., служилъ: сперва архитект. помощникомъ, затѣмъ помощникомъ начальника искусств. стола въ Ковенской губ. Строит. и Дорож. Ком., съ 1857—производителемъ работъ въ Сиб. Ком., съ 1865, по причисленію къ Мин. Внутр. Дѣлъ за преобраз. Комиссій,—Новгородскимъ губ. архитекторомъ, съ 1867—Астраханскимъ, съ 1873—Водооградскимъ и наконецъ Самарскимъ.

См. *Г. В. Барановскаго* „Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92“, с. 135.

Ипатьевъ, Фролъ, серебряникъ. Дѣлалъ въ 1641 оклады въ Моск. Благовѣщ. соборѣ.

См. *И. Забылина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 120.

Ипполитъ, старецъ, рѣшникъ изъ дерева XVII в. въ Москвѣ. Рѣзалъ изъ кипариса Распятіе, поставл. на большомъ бѣл. камнѣ, на камен. горѣ, въ пещерѣ, изображавшей Голгофу и устроенной по царскому повелѣнію среди верховныхъ церквей, въ узкомъ корридорѣ между предѣлами Живонос. Источника (освѣщ. въ 1631) и Іоанна Бѣлоградскаго, въ общ. (въ 1679) каменномъ верх. теремѣ.

См. *И. Забылина* „Домашн. бытъ русс. парей“ въ „Отч. Зап.“ 1851, № 3, отд. II, с. 2, и въ отд. изд.

Иринархъ, иконописецъ XVI в., чернецъ (Костромской обл.). Написалъ изображ. преп. Пахомія Нерехтскаго, который, являсь ему во снѣ на другой годъ послѣ своей кончины († 23 марта-1384), приказалъ написать „образъ подобія своего“.

См. „Очерки худож.“, *К. Тромнина*, 62; „Житіе преп. Пахомія“ XVI в. и *Д. Ровинскаго* „Подроб. Словарь русс. гравиров. портрет.“, прилож., с. 188 и 318.

Иринархъ, иконописецъ Псковской въ Новгородѣ XVII в., монахъ. Былъ присланъ мѣст. епископомъ, по просьбѣ Новгор. митроп. Исидора, вмѣстѣ съ іеродіак. Ниломъ, въ помощь Новгор. иконописцамъ, для возобнов. монастырей и церквей на Софійской стор., разоренныхъ шведами, подъ предводит. Делаярди, во время владычества Новгородомъ въ 1611—17 гг. Онъ жилъ тамъ въ Софійскомъ домѣ.

См. *Р. Ипатьева* „Древн. памятники Новгор. дѣтница“ въ „Новгор. губ. вѣд.“ 1850, ч. неоф., № 14, с. 108, примѣч. — Архим. *Макарія* „Археол. Описание церк. древн. въ Новгор.“, М. 1860, II, 2 (изъ рукоп. Сборника въ Соф. библиот., № 11, л. 7).

Иродіонъ, иконописецъ Тихвинскій XVII в. Составилъ хран. въ Тихвинскомъ мон. службу образу Тихвинскія Б. М., о которомъ былъ соборъ въ Москвѣ въ 1686 г., иллюстрировать свое рукоис. описание чудесъ—исполни. въ краскахъ фигурами и сценами въ лицахъ.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Исаакъ Собака, книгописецъ XVI в. Сперва инокъ Троице-Серг. Лавры, потомъ (послѣ 1554) архим. Чудова мон., онъ напис. въ 1527, по благословенію Троице-Серг. игум. Порфірія, „Толковое Евангеліе“, хран. въ Лаврской библиот.

См. „Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн.“, 1878, кн. 2, с. 81. (Библиот. Тр.-Серг. Лавры).

Исаакъ Суминъ, книгописецъ Іосифова мон. конца XVI в. Ученикъ Епифанія Лейкова, онъ напис. полууставомъ, впадающимъ въ скоросписъ, хран. тамъ подъ № 510 „Сборникъ“, въ 4-ку, на 203 лст., съ творениями Нила Сорскаго, подъ загл. „Книга Нила Заволожскій“.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Исаевъ, Алексѣй Исаевичъ (?), чеканщикъ Артиллер. вѣдом. 1737 г. Род. въ 1705.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Исаевъ, Григорій, басменный мастеръ XVII в. въ Москвѣ. Золотилъ въ мартѣ 1624, съ Бѣлѣйкой Ивановымъ и Микиф. Перфильевымъ, оклады образовъ, поля и оплечки басменные къ образамъ: Николы чудотворца, Благовѣщенія Богородицы, Архангела Михаила, Пречистой Богородицы запрестольному, а въ апр. 1625, вмѣстѣ съ друг.,—окладъ басменной раб. „къ Знаменію Преч. Богородицы, что у Государева у стараго дворца,—на двери царскія и на кіотѣ къ чудотв. образу Преч. Богородицы“.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“ II, 513 (по прих.-расх. кн. Моск. Оруж. Пал. № 1024/731).—„Древности“, IV, „Матер. для Археол. Слов.“, 83.105 (по кн. Арх. Ор. Пал. № 731).

Исаевъ, Дмитрій, знаменщикъ при Моск. Печатномъ дворѣ съ 11 дек. 1620 и до 1632 г. (когда получ. прибавку въ жалов. въ 3 р.—за то, что „прописалъ про Государя всякія книги золотомъ“). Онъ наводилъ всяк. красками одинъ изъ новоустроен. книгопеч. станковъ; знаменщикъ для рѣзбы на деревѣ украшенія къ типограф. воротамъ (1626), а также разныя книжныя украшенія и загл. строки—на грушев. доскахъ; росписывалъ золотомъ и красками Евангелистовъ, заставилъ и прописанія фрѣзскія слова на печат. рисункахъ въ 2-хъ книгахъ Евангелія 1627 г. (экз. коего хран. въ библиот. А. И. Хлудова) и потомъ въ 3-хъ книгахъ Евангелія 1628, назначавшихся въ подносіе Государю.

См. *В. Е. Румянцевъ* „Свѣд. о гравиров. и граверахъ при Моск. Печ. дворѣ въ XVI и XVII ст.“, В. 3 (на основ. расх. кн. № 1, л. 315 об.; № 13, л. 66 и 68 об.; № 5, л. 70 и 88 об.; № 3, л. 238, 405 об. и 406; № 4, л. 123 и об.; № 6, л. 2, 3, 8 и 12).—въ отд. изд. и въ соч. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870.—„Древности“, II, 26—28.

Исаевъ, Кондратъ, серебряникъ. Дѣлалъ въ 1653 оклады въ Успенскій соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забылина* „О металлич. производ. въ Россіи“, 120.

Исаевъ, Матвѣй Ѳеодоровичъ, архитекторъ. Род. въ 1753. Сынъ Госуд. Адмиралтействъ-Колле-

гиппильнаго и ручного дѣла мастера, принятый въ Акад. Худож. 11 авг. 1764, онъ, по получ. 2-й зол. мед. 21 сент. 1772 и 1-й — 17 мая 1773, былъ посланъ чрезъ Амстердамъ въ Геную, гдѣ работалъ подъ наблюд. Тальфинко и сочинилъ проекты: биржи, загород. дома съ церковью и оражереею и университетъ, но въ Римъ не попалъ, равно какъ и обратно въ Россію.

См. „Сборникъ матер. для исторіи П. А. Х.“, ... П. Н. Петрова, I, 186, 182, 183, и въ Архивъ И. А. Х. дѣла 69/1773, 129/1774, 69/1775, 68/1776, 67/1776 (по стар. нумер.) и 18/1776.

Исаевъ, Первой или Первуша, самопальный стрѣлокъ, золотильщикъ и замочный мастеръ. Золотилъ въ 1622, сент. 6, сиппъ желѣзные къ пряжкамъ къ госуд. зобанцу; въ 1623—замки къ пицалямъ: марта 4—птичей, чтѣ дѣлалъ И. Лучениновъ, августа 8—Туркъ (дѣл. имъ самимъ въ юнѣ), сент. 13—государевой семнадцатой, раб. И. Лученинова; въ 1624, янв. 17 и апр. 30—къ дѣланымъ тѣмъ же мастеромъ; въ 1625, февр. 16,—къ государевой, его же раб., февр. 4—саблю Теврикова выкова, и юнія 26—пятизаряд. пицаль.

См. А. Викторова „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 509 и 511 (изъ прих.-расх. кн. № 1024/731).—„Древности“, IV, Матер. для Археол. Слов., 83 и 105 (оттуда же).

Исаевъ, Первуша, водчій XVII в. въ Москвѣ. Будучи дворц. плотничьимъ старостой, выстр. для Госуд. въ 1620 (послѣ пожара 1619 г.) новыя хоромы, нов. столовую избу и постельную комнату, которыя на другой годъ были украш. иконописью нѣвѣстѣйшими въ то время иконописцами; въ 1626 (послѣ 2-го пожара)—нов. жилыя постельныя хоромы, а въ 1627—29 гг. нов. брусняную столовую избу.

См. И. Забѣлина „Домаш. бытъ русс. царей“ въ „Отеч. Зап.“ 1851, № 2, отд. II, с. 167—168, и въ отд. изд. (по „Дворц. Разрядамъ“, Сиб. 1850, и расх. кн. въ Арх. Ор. Пал., № № 912 и 776).—„Русс. Стар.“ Мартынова и Снегирева, годъ 3-й, с. 33 (—тетр. 1, с. 61, гдѣ онъ лишь упом.).

Исаіусъ, краснописецъ или каллиграфосъ. Писалъ „черное письмо“, какъ видно изъ послѣсловій, въ „Евангеліи“, пис. на бумагѣ въ 1508 и нахожд. въ половинѣ XIX ст. у поч. гражд. А. А. Медынцева въ Москвѣ.

См. Е. Тромомина „Очерки съ произвед. живописи и проч.“, с. 208.

Исаія или **Исакій**, иконописецъ. Родомъ грекъ, онъ росписыв. въ маѣ 1338, вмѣстѣ съ друг., по поруч. Новгород. архіеписк. Василия, церковь во имя Входа въ Іерусалимъ.

См. „П. С. Р. Л.“, III, 78, и Д. Ровинскаго „Истор. русс. школь иконопис.“, 152.—Карамзина, IV, пр. 328, с. 128 (по изд. Эйверлинга); „Справ. Энциклоп. Слов.“ Крайя, V, 172, и „Новгор. губ. вѣд.“ 1850, ч. неоф., № 14, с. 105. — „Словарь исторіи. о святыхъ“, Сиб. 1862, с. 48, и „Древности“, III, Матер. для Археол. Слов., 26.

Исаія, живописецъ XIV в. Въ бытность архимандритомъ Черепов. Воскрес. мон., написалъ икону своего постриженника Сергія Шухтовскаго.

См. „Истор. Росс. іерар.“, VI, 695; Д. Ровинскаго „Истор. русс. школь иконопис.“, 152, и „Подроб. Словарь русс. гравиров. портретовъ“, прилож., 188.

Исаковъ, Андрей, живописецъ. Оставленный для опернаго дѣла въ командѣ маст. Вишнякова, вмѣстѣ съ Ант. Ивановымъ, Андр. Ерошевскимъ и Алекс. Вировскимъ, онъ былъ назначенъ ген. Ферморомъ въ мартѣ 1750, какъ и послѣдніе трое, состоять при томъ же мастерѣ въ Анничев. домѣ.

См. „Архивъ дирекціи Имп. театровъ“, I, II, 9 (9) и 11 (11).

Исаковъ, Богданъ, серебрянникъ и рѣшникъ, иноземецъ. Онъ дѣлалъ въ 1656 двѣ печати государственныя для Моск. Царя.

См. И. Сахарова „Обозр. русс. археол.“, 43, и И. Забѣлина „О металлич. производ. въ Россіи“, 120.

Исаковъ, Василій Ивановичъ, скульпторъ. Род. 1819, ум. 17 марта 1879, въ СПб. Изъ Царскос. мѣщанъ, получ. въ 1849 предложеніе выгнать бюстъ живописца Лучанинова въ видѣ прогр. на званіе художника, въ которое и возвед. 23 авг. 1850. На бывшей въ 1861 въ Акад. Худож. „выставкѣ собр. картинъ и рѣд произвед. худож.“ нахожд.—принадлеж. П. А. Кочубею и рѣз. изъ дерева „подставка для лампы“, раб. Исакова. Имѣи званіе своб. (искл.) художника, но лишившись зрѣнія и находясь съ семействомъ въ крайней бѣдности, получ. въ 1861—73 гг. единоврем. пособія изъ комнатныхъ суммъ Его Величества.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 8/1849 (л. 126) и 22/II, и въ общемъ Архивѣ М. И. Д., дѣла Канц.: 1872—73, оп. 1277, № 151, и оп. 1278, № 80.—„Указат.“ упом. выст., с. 78, № 517.

Исаковъ, Филатка, иконописецъ. Высланъ былъ въ 1630 изъ Новгор. въ Москву.

См. И. Забѣлина „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 35, и Д. Ровинскаго „Истор. русс. школь иконопис.“, 152.

Исаковъ, Федоръ, серебрянникъ и образной мастеръ въ Москвѣ. Дѣлалъ въ нояб. 1637,

вмѣстѣ съ Кирил. Оеудуловымъ, золот. поля на Спасову икону нѣз хоромѣ царницъ, а затѣмъ—пару пистолей для ц. Алексѣя Михайловича.

См. *А. Викторова* „Описание книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 516 (изъ расх. кн. О. П. № 1025/1820).—*И. Сазарова*, Обзор. русс. археол., 33.—У *И. Забылина* въ его соч., „О металл. производ. въ Россіи“, 120, и у *И. Снегирева* въ „Памят. Моск. древн.“, LXXII, онъ лишь упом.

Исаковъ, Оеодоръ Моисеевичъ, архитекторъ. Ум. 2 нояб. 1745. Изъ дворянъ, находясь въ наукѣ съ 1706, сперва въ Латинскій, а потомъ въ Математ. школь, онъ былъ посланъ въ 1716 изъ Сиб. Адмиралт. Акад. въ Италію для изуч. архитектуры, но изучалъ это искусство и въ друг. странахъ Европы, а въ 1718 высланъ былъ изъ Рима въ Сиб. для сопровожденія ѣхавшаго на русс. службу римск. архит. Мекентія, при которомъ и состоялъ по 15 сент. 1725 (занимаясь между прочимъ и черевод. съ итальян. яз.), равно какъ при архит. Гайтанѣ Ксаверіи въ качествѣ ученика на разныхъ работахъ въ Петербургѣ, Петергофѣ, Кронштадтѣ, Стрѣльнѣ; затѣмъ служ. экзекуторомъ въ Канцел. отъ строенія до 1727, потомъ наход. при архит. Земцовѣ до 1730, послѣ чего, по приговору послѣдняго и архит. Трезини, показавъ былъ въ „архитектурн. гезельн.“ и опредѣл. въ помощъ къ архит. Морвинцильду въ тѣхъ же мѣстахъ; далѣе былъ съ 1732 по 1737 при перестройкѣ кад. корпуса, строеніи дворца для ловленія волковъ, ремонтѣ дома гр. А. Г. Головкина, достройкѣ деревяннаго манежа, сооруженіи птичьей кѣтки въ домѣ цесар. Елизаветы Петровны; въ 1737 прав. опять экзекутор. должность, съ 1739 опредѣленъ былъ вмѣсто умерш. архит. Ив. Давыдова въ Петергофъ, а съ 1740 состоялъ при Петергоф. конторѣ, замѣняя иногда инспект. тамошней команды П. Ариандера.

См. *Гомикова* „Дѣянія Петра В.“, изд. 2-е, VI, 154, и въ Общ. Архивѣ М. И. Д. дѣла Канцел. отъ строенія: 1725, № 45, л. 377; 1738, кн. 183, л. 30; 1737, кн. 163, л. 112, и кн. 166, л. 107; Гофъ-Интенд. Конт.: 1743, оп. 87/521, № 8, и 1745, оп. 78/190, № 32.

Искрицкій, Максимъ, живописецъ. Род. 1705, ум. 1756 (?). Состоя при дворѣ цесар. (впослѣд. императр.) Елизаветы Петровны, былъ возвед. въ дворянство.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*; ср. также въ Общ. Архивѣ М. И. Д. 1801, кн. 76, и 1808, кн. 93.

Истоковъ, Филиппъ Прохоровичъ, живописецъ. Род. 25 июня 1761, ум. послѣ 1830. Воспитанный И. А. Х. съ 1767 по 1782 г., онъ

исполнялъ зад. въ 1781 программу по кл. живописи плодовъ и цвѣтовъ; „стеклян. сосудъ съ цвѣтами, виноградъ и др. фрукты на столѣ посреди комнаты“. Съ 1 сент. 1782 по 1 іюля 1783 онъ обуч. начальному познанію въ росс. грамотѣ малолѣт. воспитанницъ при Воспит. Обществѣ благород. дѣвицъ, а съ 1 нояб. 1790 по 17 мая 1792 былъ надзирателемъ при ученикахъ I возраста въ Акад. Худож.; наконецъ, въ 1828, въ чинѣ надз. сов., состоялъ учителемъ во 2-мъ кад. корпусѣ.

См. „Сборн. матер. для исторіи И. А. Х.“... *П. Н. Петрова*, I, 162 (№ 42) и 241.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 14/1790 и 19/1828.

Истоминъ, Иванъ, живописецъ. Ученикъ Моисков. Училища живописи, ваянія и зодчества, онъ получ. 9 янв. 1858 отъ И. А. Х. званіе некл. художника по портрет. живописи за представл., при рап. его преподавателей, „этюдъ старика“.

См. „Сборникъ матер.“... *П. Н. Петрова*, III, 297.

Истоминъ, Каріонъ,—см. это имя.

Истоминъ, Назарій,—собств. Савинъ, см. это имя.

Истринъ, П., живописецъ. Воспитанный Моск. Училища живописи, ваянія и зодчества, онъ участвов. въ ученич. выставкахъ своимъ произвед.: въ IX-й, 1886 г.,—карт. „На охотѣ“ и портретомъ (№№ 166 и 181), и XIII-й, 1890 г.,—этюдомъ (№ 64).

См. „Каталоги“ означ. выст.

Исьевъ, Григорій Оеодоровичъ, живописецъ. Род. 13..., ум. 1889 г. Оренбург. помѣщ. полевой артиллеріи отстав. капит. онъ приним. участіе въ выставкахъ И. А. Х.—слѣд. своими произвед.: въ 1872—карт. „До свиданія“ (№ 231 bis.) и въ 1877—эскиз. „Вожій Судъ при Иванѣ Васильевичѣ“, изъ романа гр. А. Тостого „Кн. Серебряный“ (№ 149), причѣмъ за первую возвед. былъ въ званіе поч. волы. общинника. Былъ въ 1872—81, въ чинѣ надз. сов., депутатомъ отъ Акад. при выборахъ гласныхъ въ Сиб. Думу.

См. „Указат.“ означ. выст. и въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 1872 г., №№ 212 и 228.

Исьевъ, Сергій Григорьевичъ, архитекторъ. Род. 9 янв. 1859 въ с. Никольскомъ, Оренбургскаго у. Сынъ предмд., онъ, будучи помож. кандидатоу VII кл. Нахескаго корпуса, поступ. въ нояб. 1875 въ вольнослущ. И. А. Х., гдѣ и оконч. науч. курсъ въ 1882, а въ 1887 за „проектъ католич. церкви“ былъ удосто. званія некл. художника, послѣ чего получ. мѣсто въ Каменецъ-Подольскѣ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 216/1875.

Исѣевъ, Ѳеодоръ Григорьевичъ, архитекторъ. Род. 21 дек. въ 1855. Братъ предыд., воспитыв. въ 7-й Сиб. частной гимназiи Келлера и въ сент. 1873 поступ. въ учен. И. А. Х., а въ 1879, какъ окончившій курсъ наукъ и имѣющій мал. сер. мед. за познанія въ архитектурѣ, приобрѣлъ право на званіе некл. художника, и, наконецъ, въ 1881 удост. былъ званія кл. художника 3 степ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 186/1873.

И. Ф., граверъ на деревѣ XVII в.,—едва ли иером. **Филаретъ**, какъ предпол. *Д. А. Ровинскій*.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 130.

Ишинъ, Алексѣй Ивановичъ, живописецъ и рисовальщикъ Р. 1707, ум... г. Былъ рисов. под-

мастеремъ (учителемъ рисов.) и преподавателемъ русск. яз. въ Морской Акад. при Елизаветѣ Петровнѣ.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ишинъ (Ishin), живописецъ. Род. 1755, ум. 25 дек. 1820 въ Сиб., 65-ти лѣтъ, католич. исповѣд.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Ищенковъ, Филиппъ, живописецъ орнаментный. Росписыв. въ 1776, вмѣстѣ съ Ѳед. Кутейниковымъ парад. лѣстницу въ Акад. Худож.—квadrатурою и орнаментами, за что получ. 15 р. за мѣсяцъ работы.

См. „Сборникъ матер. для исторiи И. А. Х.“...
П. Н. Петрова, I, 214.

I.

Іановъ, пущечный мастеръ. Приѣх. въ Москву изъ Италіи въ нач. 1490, вмѣстѣ съ братомъ в. к. Софіи и съ русс. послами Дмитріемъ и Мануиломъ, сыновьями Ив. Палеолога Рала, привезшими съ собою разн. художниковъ.

См. *Карамз.* VI, пр. 104 (по Продолж. Нестор. Лѣт., с. 317). — *У И. Забылина*, въ его соч. „О металл. производ. въ Россіи“, 185, — ст. 1484 г.

Іановъ, Литовскій иконописецъ неизвѣст. врем.; ср. ниже **Яковъ**.

См. *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 152 (безъ обознач. года).

Іановъ, граверъ на мѣди (XVIII в.). Остав. послѣ себя: гравиров. крѣпкой волкой въ 4 д. л. „Изображеніе чудотв. Иконы Пресвѣтыя Бцы Ахтырской“ (явившейся въ 1739), въ рамѣхъ съ двугл. орломъ внизу (наход. въ Олсуф. собр. I, 72).

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Нар. Карт.“, III, 486, № 1219.

Іассоновъ, Василій Ивановичъ, живописецъ. Ученикъ И. А. Х. (1860—66), онъ посѣщ. также лекціи математ. и астрон. въ Спб. Унив., а по оконч. академич. курса улост. былъ 17 окт. 1866—званія учит. рисов.; послѣ того онъ предлагалъ въ 1876 Акад. поручить ему чтеніе приват. лекцій по дифференц. и интегр. исчисленію и попул. астрономіи, но получ. же отказа, пожелалъ вновь посѣщать академ. классы для усовершенствов. въ живоп.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“... *П. Н. Петрова*, III, 377, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 29/И.

І Г = грав. на деревѣ XVII в., см. подъ **Г**.

І Г = Иеромонахъ **Георгій**, см. это имя.

І Д. = монограмма грав. **І. Донаурова**.

І Д. ПА. = Иерей Дмитрій **Пастуховъ**, см. это имя.

Іевлевъ, Кондрать, живописецъ-икономъ въ Москвѣ. Въ 1661 (окт. 30) рисовалъ 4 дерев. бруска къ аналою въ хоромы царев. Алексѣя Алексѣевича; въ 1666 (мая 15) дѣлалъ потѣшную лошадку ему же, и приним. участіе (въ окт.) въ раскраскѣ Оруж. Пал., между прочимъ, золотилъ (окт. 27) 6-ть дерев. точеныхъ мако-

вокъ къ 3-мъ кресламъ для вселен. патріарховъ, а въ 1667 писалъ (мая 3 и 12) дерев. голубей Государю въ хоромы, работалъ (1 іюля 25—26) по устройству шатра Государева на Дѣвичьемъ полѣ, раскрашив. (сент. 13—14) дерев. золот. колымагу цар. Марьи Ильиничны, наконецъ, исполнялъ въ 1669—75 раз. работы въ Государ. и иныхъ хоромыхъ.

См. *А. Викторова* „Описаніе книгъ и бумагъ старин. Дворц. приказ.“, II, 433, 435, 438, 439, 440, 441, 442 (по прих.-раск. кн. Ор. Пал. №№ 951/835, л. 7; № 954/851; № 955/1028, л. 64; № 956/855; № 957/858). — *У И. Снегирева* въ „Памят. Моск. древн.“, LXV, — лишь упом.

Іевлевъ, Михайла, палатный мастеръ (на-меняцкѣ). Посланъ былъ лѣтомъ 1647, по царскому указу, изъ Москвы въ Архангельскъ, вмѣстѣ съ Дм. Костюсовымъ, съ платой по 5 к. за каждый рабочий день, — для окончанія выведеннаго въ 1646 подъ своды, стрѣльцами Прохоровымъ и Семеновымъ, зданія изъ бѣлаго камня (длин. 7—6, шир. 5, и выс. почти 2 саж.) для храненія пороха.

См. „Доп. къ акт. истор.“, III, 112—8.

Іевлевъ, Николай Васильевичъ, рисовальщикъ и каррикатуристъ. Род. 1835, ум. 9 февр. 1866. Сытъ ст. сов., самъ поручикъ, онъ, будучи не глупымъ и образованнымъ человекомъ, путешествов. заграничей и жилъ нѣкот. время въ Лондонѣ. Рисунки его помѣщ. въ разныхъ сатирич. и иллюстриров. изданіяхъ, какъ напр.: въ „Искрѣ“, въ „Иллюстраціи“ (1859, III, 205, 224, 356; 1860, V, 68, 293, 340, и VI, 29, 96, 192, 321, 369; 1861, VII, 176, и VIII, 160, 320, 384; 1862, IX, 141, 301; 1863, XI, 36), въ „Иллюстриров. Газ.“ (1863, 16; 1864, II, 64, 96, 144, 176; 1865, I, 256, 272, 373), откуда перепечатыв. въ „Нивѣ“ (1882, 748), а также издавались отдѣльно, — именно: „Шутки художника“, Спб. 1863; „Рисунки къ стих. Н. А. Некрасова“, въ 2 тетр., Спб. 1864—65, вмѣстѣ съ А. Лебедевымъ (это лучшія его произведенія). Въ его работахъ проглядывали талантъ, чувство и остроуміе, но нѣсколько безпорядочная жизнь

мѣшала ему въ его занятіяхъ и даже свела его преждевременно въ могилу. Послѣ его смерти, мать его исключотала себѣ право худож. собственности на фотограф. изданіе портрета имп. Александра II, но Высочайше одоб. эскизу, исполн. нѣм. не задолго передъ тѣмъ.

См. „Иллюстриров. Газ.“ 1866, I, 96 (№ 6).—
„Мѣсяцесл.“ на 1867.—Доп. въ „Наст. Слов.“
Толая.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 138/1869.

41. Рис. къ „Мертв. Душамъ“ Гоголя,
раб. Н. В. Іевлева, 1861 г.

Егеръ, І. Г., нѣмецкій медальеръ 1776—78
въ СПб., см. **Егеръ**.

Егетовъ, Иванъ Васильевичъ, архитекторъ.
Возобновлялъ Оруж. Палату въ Москвѣ въ 1810,
на мѣстѣ нахожденія дома бояр. Бор. Годунова.
См. „Отеч. Зап.“ 1820, III, 11.

Іенсень (Tenssen), Давидъ Ивановичъ, скульп-
торъ. Род. 7/19 нояб. 1816 въ Копенгагенѣ. Родомъ датчанинъ, онъ воспитыв. въ находившейся подъ руковод. Торвальдсена Королев. Академіи въ Копенгагенѣ, отъ которой получилъ сереб. и 1-ю зол. мед. Вызванный въ 1841 въ СПб. для скульптурныхъ работъ во дворцѣ в. кн. Маріи Николаевны, онъ исполнилъ тамъ нѣсколько большихъ барельефовъ и каріатидъ, а съ 1843 по 1847 преподавалъ скульптуру въ Рисов. Школѣ для вольноприход. (впослѣд. Имп. Общ. Поощр. Худож.), замѣнивъ П. И. Уткина, пока самъ не былъ замѣненъ Денеинымъ.

За исполненіе зад. 22 марта 1845 барельефа „Центавръ учитъ Ахиллеса стрѣлять изъ лука“ (наход. на Акад. выст. 1846), онъ признанъ былъ СПб. Акад. Худож. 13 ноября—некл. художникомъ; затѣмъ ему задано было 19 апр. 1849 выполнить на знаніе академика круга статуя „Кулачнаго бойца“ въ ростъ, но онъ не могъ ее исполнить, вслѣд. казенныхъ работъ для Имп. Музеума (Эрмитажа), для котораго

42. „Въ рекруты“.
Рис. Н. В. Іевлева, 1862 г.

онъ дѣлалъ съ 1847 всѣ статуи (за исключ. 6-ти на фасадахъ), нѣкот. барельефы, бюсты и группы внутри, послѣ чего онъ исполнилъ еще украш. для Зимняго и Мрам. дворцовъ, Импер. конюшенъ и кавалер. дома въ Петергофѣ, 4-хъ станцій на Петергофской ж. д. и для дачи княг. Вяземской-Вязовской на Каменномъ островѣ (1850), для зданія Мин. Госуд. Имущ. въ СПб. и дворца въ Гатчинѣ (1851), а потому ему задана была 10 мая 1852 другая программа—вылѣпить барельефъ „Авраамъ принимаетъ Троицу въ видѣ трехъ ангеловъ“ (былъ на выст. того года), однако, желаемого званія онъ удостоенъ былъ лишь 17 марта 1857 (по принятіи русс. подданства) за выставл. тогда же барельефъ „Ахиллесъ влечетъ тѣло Гектора“, произведя передъ тѣмъ украш. для биражи въ Ригѣ и дома Романовыхъ въ Москвѣ (въ 1855), церкви на Собств. Его И. Вел. дачѣ близъ Петергофа и павильона близъ

деревни „Бабы гонимы“ (въ 1856), а послѣ того— для домовъ Мысикова на Знаменской ул. и гр. Купцелова-Безбородко на Гагаринской въ СПб. (въ 1858); равнымъ образомъ опъ выполнилъ: фигуры женскую и лебедя съ двумя мальчиками для Знаменскаго дворца (1858), проекты памятниковъ баронету Вилліе съ барельефами— для Военно-Медиц. Акад. (1858) и имп. Екатерины II (1861), мрам. капище для в. к. Маріи Николаевны (1870), оконч. послѣ Реймерса и навод. у в. к. Владиміра Александровича, медаль для Моск. Археолог. Съѣзда (1868), статуя „Гигиен“ для Военно-Медиц. Акад.; затѣмъ— выставл. въ А. Х. въ 1868 и 1869 г.г. статуя „Диана“, за которую получ. званіе профессора (15 сент. 1868), „Ангела“ въ натур. велич. изъ бронзы— для монумента фабрик. Сазикову и мрам. бюстъ Датск. генер. консула Паллиена (1881); наконецъ, бывшій на Акад. выставк. 1886 г. проектъ памятника имп. Александру II по конкурсу (1886), и проч.

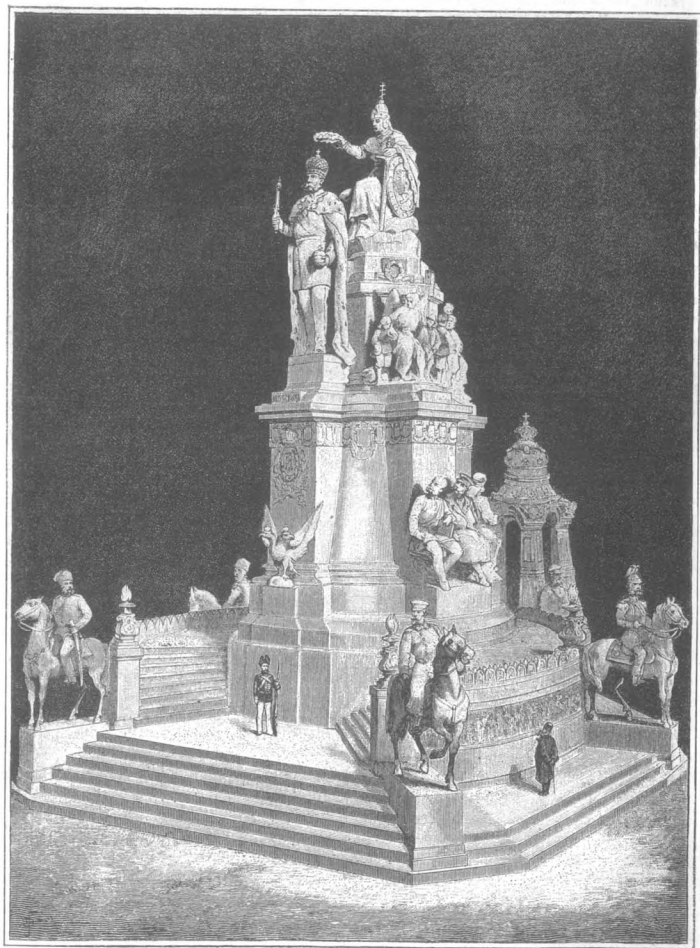
Основавъ еще въ 1845 г. (15 іюня) 1-ю и единств. въ СПб. фабр. для изготовленія наруж. украшеній изъ терракоты, Г—нъ исполнилъ, кромѣ указанныхъ, множество друг. художеств. работъ (барельефовъ, бюстовъ, фигуръ, фонтановъ, вазъ) для разныхъ дворцовъ и обществ. зданій, какъ-то: для дворцовъ вв. кн. Николая и Михаила Николаевичей, для дачи послѣдняго по Петергофской ж. д., Импер. конюшенъ въ Петербургѣ и дома ком. сов. Утина на Конногвардейскомъ бульв. (въ 1860), фасада дома бар. Фатингофа у Подъя. моста (1861), Петерб. станціи Варшавской ж. д. (1862), Ораниенбаум. желѣзнодорож. станціи, Гл. телеграф. станціи въ СПб., Мозаич. отдѣл. И. А. Х., надв. фасада дома бар. Штинглица и Маринск. двора или рынка въ СПб. (въ 1863), Петровско-Разумов. Землед. Акад. въ Москвѣ (1864), театра въ Гельсингфорсѣ, рыцар. замка и друг. сооруж. въ Ригѣ и дома Казазета близъ Сената (въ 1866), домовъ полк. Герварда на Фонтанкѣ и 2-хъ гр. Апраксина по Литейной близъ Сергіевской и Невского, а также для дачи Госуд. Императрицы въ с. Цылинскомъ близъ Москвы (въ 1867), Конногвард. конюшенъ съ В. Морской, Благовѣщенской и Почтамтской ул. и Аракчев. казармъ вмѣсто стар. писцовыхъ (въ 1868), Импер. манежа на Конюш. площ. и Гл. Артиллер. Управл. по Литейной (въ 1869), дворца въ Кіевѣ и церкви въ Кронштадтѣ при Исправит. тюрьмѣ (въ 1870), церкви при клиникѣ барон. Вилліе на Выборгской стор. (въ 1871), домовъ: гр. Шереметева по Фонтанкѣ и Пріюта крещ. еврей-

скихъ дѣтей (въ 1872), ген. Дурново на Англ. набер. (въ 1873), Воронина по Мойкѣ (въ 1874), Боргмана на Англ. просп., Пазарова на Михайл. площ. и бар. Фредерикса на Почтамтской (въ 1875), Челпапова на Караванной и Петрова въ 8 лин. Вас. Остр. (въ 1876), Мал. театра по Фонтанкѣ и Европ. гостин. на Михайл. ул. (въ 1877), Конногвард. манежа и зданія Крел. Общ. (въ 1878), дома Егорова въ Казач. пер., СПбург. станціи Царскос. ж. д., Эстлянд. церкви въ Офиц. ул., семинаріи въ Ригѣ (въ 1879), семинаріи въ Твери, часовни для кн. Паскевича въ Гомелѣ, домовъ Ушакова на Владимірской и Елисеѣва у Бирани (въ 1880), бывш. англ. магаз. на Невскомъ, ген. Войничкаго на Кирочной, ген. Туттолмина на Гороховой и Целибѣва на Бассейной (въ 1881), ген. Вильдерлинга на Б. Морской и докт. Красвскаго въ Эртел. пер., часовни для ген. Штандерфельда въ Финляндіи (въ 1882), часовни для Петров. казармъ Лейбъ-гренад. полка по Мал. Невѣ и дома Ушакова на Мал. Садовой (1883), дома Егорова на Бассейной и Штаба Гвард. корпуса противъ Эрмитажа (въ 1884), дворцовъ вв. кн. Сергія и Павла Александровичей и проч.

За свои работы Г. получалъ слѣд. награды: брильянт. перстень—по церкви на Собств. Его И. Всл. дачѣ (22 іюля 1860) и 3-мъ Импер. дворцамъ (18 янв. 1862), орденъ св. Станислава 3 ст.—по памятнику барон. Вилліе (14 мая 1861) и 2 ст.—по Мануфакт. выставкѣ въ СПб. (7 нояб. 1870).

См. въ Архивѣ П. А. Х. дѣла: 4/1849, 143/1856, 93/1860, 69/1861, 197/1868 и 16/И; въ Общевѣ Архивѣ М. П. Д. 1860, оп. 273, №№ 106 и 250. — Сборникъ матер. для исторіи П. А. Х., ...*П. Н. Петрова*, III, 30. 101. 104. 174. 280. 379. — Указат. выстав. въ П. А. Х.: 1846, с. 5; 1852, № 193; 1857, № 11; 1868, № 15; 1869, № 12; 1886, 267. — Отчеты П. А. Х.: 1857—58, с. 8; 1858—59, с. 20; 1860—61, с. 81; 1870—71, с. 59; 1880—81, с. 42. — Русск. Вѣст. 1857, т. VIII, № 6, совр. глѣт., с. 145 (отзывъ). — „Описъ произвед. работамъ 1-го въ Россіи терракотов. заведенія для наруж. украшеній зданій (существо. съ 15 іюня 1845), скульпт. Д. И. Генсена, въ СПб.“ (1885). — *И. П. Собоко*. „Историч. Очеркъ СПб Рисов. Школы И. О. П. Х. 1839—89 г.г.“, с. 23, пр. 24, и с. 25. — „Живоп. Обзор.“ 1890, I, 117 и 130, съ портр., грав. на дер. Б. Пудомъ, и изобраз. проекта памятника еми. Александру II.

Генсентъ, Северинъ, архитекторъ герц. Курляндскаго Петра Вирона. Родомъ датчанинъ, былъ въ Италиі, долго работалъ во дворцѣ, строилъ въ Митавѣ зданіе для гимназіи, въ 170 фут. длиною, съ колоннадою изъ 6 ко-

43. Проектъ памятника имп. Александру II,
 раб. Д. И. Іенсена, 1886 г.
 (изъ „Живоп. Обзор.“ 1890, № 18, с. 117).

лонтъ, поддерживающихъ украшенный колос. статуями Аполлона и Минервы фронтоны (1775); жилъ еще въ 1804.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

Іеремія, кам. маст. XV в., см. **Еремѣй**.

Іеремія, граверъ на деревѣ XVIII в. въ Бухарестѣ. Его раб. „Распятие съ предстоящими“, (размѣр: 5.1×4.4 во франц. дюйм, и лин.), съ подп.: „Іеремія 1722“, исполненное дов. грубо, — встрѣч. въ Бухарестскомъ изд. „Октоиха“ 1726; ему-же принадлеж., повидимому, отмыч. монограммой: „М. Іа.“ (мон. или маст. Іеремія?) и наход. въ собр. кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго — 4 заставки съ изображ.: архіерея съ крестомъ ($1.1 \times 7\frac{1}{2}$), 4-хъ святыхъ, архіерея съ священнослужителями и мучениками, архіерея и мученицы съ пальмовою вѣтвію (1.1×2.6 —7).

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 226—7.

Іерихсонъ (Эриксонъ?), скульпторъ иностр. въ Россіи. Имѣя званіе художника, выстав. въ И. А. Х. въ 1846 г. 6-ть нов. барельефовъ.

См. „Указат. выст.“ того года, с. 6.

Іерофей, граверъ на деревѣ XVIII в. Сперва іеродіаконъ, потомъ іеромонахъ, онъ награвировалъ изображ. Ап. Петра, съ Левитскаго, и Св. Матфея (размѣр: 4.2×2.6 во франц. дюйм. и лин.), повтор. въ Кіев. „Апостолѣ“ 1784 г.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 227.

Іехтъ, Вильгельмъ, архитекторъ иностр. въ Россіи. Род. 166., ум. 1763. Находясь на русс. службѣ со врем. Имп. Анны Іоанновны (1741), онъ строилъ Александр. дворецъ въ Москвѣ и дерев. манежъ для Бирона подлѣ Зимняго дворца въ СПб.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*.

І. Н. = граверъ на деревѣ XVII и XVIII вв., см. подъ **Н**.

І. Л. = моногр. Ів. Любцедаго.

І. М. = Іером. Макарій и Ів. Мякишевъ, см. эти имена; ср. также **Ил. Мигура**.

Іоанникій, иконописецъ XVII в. въ Ярославлѣ. Ему припис. образъ: Св. Дмитрія Селужскаго — въ церкви во имя этого святаго въ Ярославлѣ, постр. въ 1671; аналойный — тамъ же и Смоленской Б. М., напис. на церк. стѣнѣ снаружи.

См. *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школъ иконопис.“, 152.

Іоаннъ (Іванъ) Спаситель или Списатель **Фрязинъ**, иконописецъ. Капеланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова закона, онъ, пріѣхавъ въ Москву въ 1490 г., выѣхавъ съ друг. мастерами, принявъ въ 1492 г. православіе и женился; есть предполож., что онъ расписыв. въ греч. вкусь Успенскій соб., постр. Аристотелемъ Фіоравенти.

См. „Полн. Собр. Русс. Лѣтоп.“, VIII, 224. — „Временникъ“ 1849, III, смѣсь, 10—12. (зам. кн. *П. Оболенскаго*).

Іоаннъ, живописецъ XV в. Богатый купецъ Новгородскій, онъ, будучи невольнымъ свидѣтелемъ кончины Св. Савватія Соловецкаго 27 сент. 1435 г. въ часовнѣ на р. Выгѣ близъ дер. Сороки, въ одно изъ своихъ частыхъ торговыхъ путешествій до Вѣлаго моря, написалъ портрет. изображеніе преподобнаго и отдалъ послѣднее въ 1471 г. игум. Соловецкому Зосимѣ, который, перенеся прахъ покойнаго въ свою обитель, поставилъ надъ его гробницею этотъ образъ, напоминавшій его какъ живого.

См. житіе св. Савватія въ „Минеѣ-Читѣѣ“, апр., отд. II, с. 11—12, 17 об.—19, и „Учен. Зап. Моск. Унив.“ 1839, VI, 44 (упом.).

Іоаннъ, иконописецъ Вологодскій, 2-й похов. XVII ст. Напис., выхвѣстъ съ Борисомъ, какъ видно изъ надписей, образъ для Спасо-Нуромскаго мол. (что нынѣ приход. церковь въ Грязовецкой у.): въ 1682 г., іюля 24, — Происхожденія чест. древь Животвор. креста, и въ 1688 г., іюля 28, — преп. Сергія Обнорскаго и Нуромскаго.

См. „Древности“, III, Матер. для Археол. Слов., 26 и 21.

Іоаннъ Вишерскій, иконописецъ конца XVIII и начала XIX в., въ Новгородѣ. Изъ служителей Ѳ. И. Никитина, имѣя 13 л. отъ роду, возмѣнилъ охоту учиться живописи и былъ вѣчно въ услугахъ въ мон. Саввы Вишерскаго, а затѣмъ, посвящ. въ 1796 г. еписк. Досіеѣемъ въ іеродіаконъ, росписыв. церкви Вознес. въ томъ-же мон., изобразивъ сцены изъ жизни святаго.

См. „Новгор. губ. вѣд.“ 1849, № 40, с. 200, и 1850, № 22, с. 146, примѣч.

Іоаннъ, живописецъ въ СПб., погреб. въ Ямской 3 марта 1725 г.

См. 171 стр. метр. кн. I въ Арх. Спб. Дух. Консист.

Іоаннъ Михайловъ (иконописецъ XVII в.), см. это имя.

Іоаннъ, граверъ на деревѣ XVII в., см. **Рѣк-ленный**.

Юасафъ, живописецъ начала XVII в. Хитрописанный во епископа Вологод. и Перм. въ 1558, онъ сконч. въ 1570 г. и погреб. въ Серг. Лаврѣ.

См. "Истор. рос. іерарх.", VI, 576, 579, и I, 185.—*Н. Д.*, "Іерархія всеросс. церкви", М. 1892, с. 103, № 15.

Юасафъ, граверъ на деревѣ. Будучи казначеемъ Знаменскаго мон., вырѣз. въ 1678 и 1680 гг., по рис. знаменника старца Паисія, (храп. въ Моск. Синод. типогр.) олов. доску для антиписца, съ изображ. "Положенія во гробѣ".

См. *Д. Ровинскаго* "Русс. Народ. Карт.", IV, 625, № 940.—"Истор. Опис. Моск. Знам. мон.", М. 1866.

Ювъ, иконописецъ. Инокъ Оршина Вознес. мон., Тверской губ., онъ, придя въ 1595 во вновь устроен. Нилову пуст., вмѣстѣ съ Нифонтомъ, напис. на доскѣ изображ. лика преп. Нила († 1555).

См. "Древности", IV, 82.—"Успенскаго" Опис. Ниловой пуст., с. 12.—Ср. "Оршинъ мон. Тверской губ.", сказаніе о древ. богослужеб. вещахъ", М. 1847, изд. 2, и "Коничина" Оршинъ мон., древ. архимандрия"—въ "Памят. книж. Тверской губ. на 1865", отд. III, с. 131—146.

Югансенъ, В., рисовальщикъ. Участвовалъ въ "Иллюстраціи" 1860 (VI, 385) и 1861 (VII, 184) и въ "Иллюстриров. Газ." 1865 (II, 201).

Югансенъ, Вильямъ Юліевичъ, архитекторъ. Род. 10 іюля 1857 г. Сынъ проф. Спб. Консерваторіи, датскій (потомъ русскій) подданный, онъ былъ ученикомъ Преральнаго кл. и дополнит. к.л. реального отд. въ Училищѣ при лютер. церкви св. Анны (съ авг. 1868 по авг. 1874 г.), аттмъ вольно-слух. (съ сент. 1874 г.) и ученикомъ (съ авг. 1878 г.) въ И. А. Х., отъ которой получилъ серебр. медали: малую поощрительн. — за копію плана театра (9 февр. 1879), малую — за проектъ зданія для публ. концертовъ, выставокъ и проч. (6 февр. 1883) и большую — за проектъ правосл. церкви на кладбищѣ въ уѣзд. городѣ (29 окт. 1883), вмѣстѣ съ правомъ производить постройки, а въ 1886 (нояб. 4) — званіе кл. художника 3 ст.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 128/1874.

Югансенъ, Гаральдъ Рудольфовичъ, архитекторъ. Род. 18 дек. 1844 г. Сынъ докт. медиц., ученикъ Вытегор. уѣзд. учил. (1858—59) и вольнослушающій И. А. Х. (1861—62), онъ былъ, состоя агентомъ въ Глав. Обществѣ Росс. жел. дорогъ въ Вильнѣ, признанъ И. А. Х., за представл. на выст. 1867 г. "проектъ част. дома", — своб. художникомъ, съ утвержд. 31 мая 1869.

См. "Указат. выст. въ И. А. Х." 1867, архитект., № 33, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 23/И.

Югансонъ, Бернгардъ (Борисъ) Борисовичъ, архитекторъ Ученикъ И. А. Х., онъ заслуж. похв. за выставл. въ 1853 "практич. чертежи по классу теоріи стронт. искусства" проф. Желязевича, и получ. медали: 2-ю и 1-ю серебряныя — за проекты "барскаго дома", 29 сент. 1856 г., и "телеграф. станціи въ столнч. городѣ", 22 дек. 1858 г., и 2-ю золотую — за проектъ "бприж. съ пакгаузами и бассейнами на 200 кораблей", въ сент. 1860 г. (наход. на академ. выст. того года), послѣ чего работалъ на 1-ю зол. — проектъ "зданія публ. бібліотеки", за который былъ признанъ академикомъ въ сент. 1861 г. (былъ на выст. того года).

См. "Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х."... *П. Н. Петрова*, III, 271, 322, 334—5 и 356 365 и 366.—"Указат. выст. въ И. А. Х.", 1853, № 56; 1860, II, № 2; 1861, I, № 7.—Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 24/И (1858 г.).

Югансонъ, Іоганнъ (Іванъ) Егоровичъ, архитекторъ. Род. 18. въ Финляндіи, ум. 2 апр. 1873 въ СПб. Ученикъ И. А. Х., онъ заним. похъ руковод. проф. Вонштедта и получ. 23 дек. 1859 г. 2-ю серебр. мед. за "проектъ впазант. церкви", а затѣмъ признанъ былъ въ авг. 1862 — художникомъ 14 кл. за представл. на выставку работы и въ 1867 — академикомъ за бывшій на выст. того года "проектъ монастыря на 200 монаховъ". Между 1862 и 1867 г. онъ былъ город. архитекторомъ въ Выборгѣ и перев. на швед. языкъ соч. Красовскаго по архитектурѣ; переѣхавъ же въ СПб., служ. при Николаевскомъ Сирот. Институтѣ, гдѣ постр. отдѣленіе для малолѣтн. сиротъ, и при дворцѣ в. к. Елены Павловны, — вплоть до 1872, когда предприн. поѣздку въ чужіе края.

См. "Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х."... *П. Н. Петрова*, III, 297 и 402.—"Указат. выст. въ И. А. Х." 1867, архитект., № 8.—"Зодчій" 1873, № 3—4, с. 55.—"Отч. И. А. Х." 1872—73, с. 12 и 124 (некрол. *Д. Соловѣ*—извѣст. изъ предм.).— Въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 25/И.

Юдко, Пантелеймонъ Впкентьевичъ, архитекторъ. Род. въ 1823, ум. въ 1891. Юстинианъ-никъ Стронт. Учил. съ 10 марта 1841 по 6 авг. 1847, на счетъ Гродненской губ., онъ былъ, по оконч. курса съ чиномъ 14 кл., опредѣленъ помощникомъ архитект. въ чертежномъ при Правленіи I округа Пуг. Сообщ.; служ. тамъ, состав. проектъ застройки Яскихъ улицъ, пострад. отъ пожара. Затѣмъ, переведенный въ 1850 въ Волынскую губ. Стронт. и Дорож. комиссію, устранив. въ 1851, въ загерѣ при Лудкѣ, помѣщ. для Госуд. Императора и строплѣ поплавающей,

навод. парами, мостъ на Стырь, длин. 22 саж., а въ 1852—этажные дома въ уѣздѣ; въ 1855 устранив. подъездъ на р. Бугѣ для войскъ, шедшихъ изъ Ц. П., и построилъ тамъ же, въ течение 5 нед., при 24° мороза,—мостъ длин. до 400, шир. 13½ саж., а также дерев. мостъ на устояхъ въ Кременцѣ. Находясь съ 1860 по 1862 при Самарской комиссiи, построилъ въ Самарѣ домъ для лѣтнаго помѣщенiя 150 чел. большыхъ и устроилъ на бер. Волги въ город. саду навiальонъ съ цвѣточ. галлереею и заломъ для танцевт. Наконецъ, въ Новоросс. краѣ, по должности архитектора Ринельев. лицей, Новоросс. Унив. и Одесс. Учебн. Округа, въ Николаевѣ перестроилъ зданiе бывш. штурман. учили. подъ гимназiю, въ Симферополѣ дѣла въ пристройку (длин. 20, шир. 6 саж.)—тоже для гимназiи, въ Григорiополѣ строилъ домъ приход. учили. съ отдѣл. для дѣвушекъ и въ дер. Захарьевкѣ церковъ, а состоя въ Ринельев. лицей (1865), потомъ при Унив., перестроилъ все зданiе постаѣднато, устроилъ при немъ учеб. ферму и составилъ проектъ обсерваторiи для него, не считая разныхъ част. построекъ. Съ 1874 по 1876 былъ Херсонскимъ епарх. архитекторомъ, съ 1879 (съ причисленiемъ къ М.В.Д.)—городскимъ въ Измаилѣ, съ 1892—Олопецкимъ губернскимъ, съ 1884 причисленъ къ Технич. Стронт. Комит., а въ 1887 вышелъ въ отставку.

Изъ рукоп. матер. *П. Н. Петрова*,—болѣе подроб., чѣмъ въ составл. *Г. В. Барановскимъ*, «Юбил. Сборникъ Инстит. Гражд. Инжен. 1842—92», с. 136.

Иозефи, Г., медальеръ XIX в. Будучи част. граверомъ печатей, исполнилъ медаль для «Росс. Общ. покровит. живот.».

См. *Ю. Иверсена* «Словарь медальер.», 19, и въ Общ. Архивѣ М. И. Д. дѣло 1871, он. 271, № 81 (преж. номер.).

Юмудскій, см. Юмудскiй.

Иона (въ мiрѣ *Иоаннъ*), св., иконописецъ. Преставился 5 нояб. 1470 или 1471. Потерявъ въ молод. годахъ родителей, онъ былъ воспитанъ одною вдовою, пекшейся о немъ выѣсто матерн и отдавшей его въ ученье къ одному диакону. Св. Михаилъ Клопскiй, обративъ вниманiе на способности юного *Иоанна*, предсказалъ ему званiе Новгородской архиепископiи (1408). Достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, *Иоаннъ* принялъ отъ архим. Огнеской или Огней пуст. Харитона постриженiе подъ именемъ *Ионы* и сразу приобрѣлъ любовь не только братiй, избравшихъ его по копннѣ блаж. Харитона своимъ настоятелемъ, но и гражданъ Новгорода, пожелавшихъ видѣть его сво-

имъ архипастыремъ послѣ преставленiя святит. Евонiи (1458). Возведенный въ слѣд. году митрон. *Ионою* въ архиепископы Новгорода и Пскова, онъ удерживаетъ Новгородцевъ отъ покушенiя убить в. к. *Василiя Василевича* съ дѣтьми (1460), принимаетъ пѣмц. послонъ, пришедшихъ бить челомъ о перемирiи (1461), ставитъ церкви: каменную во имя св. *Николая Чудотв.* въ Огней пуст. и св. *Сергiя* въ Новгородѣ и освѣщаетъ церкви св. *Димитрiя* на Славковой ул. (все въ 1463) и обиденную во имя *Симеона Богопрiимца*, поставленную во Звѣрицкѣ по случаю мора (1467), посѣщаетъ Псковъ (1466 и 1469) и заступаетъ за вдовыхъ священниковъ и диаконовъ (1468 и 1470), требуетъ отъ Псковитянъ уничтоженiя составл. имъ безъ его вѣдома грамоты и докладываетъ митрон. Филиппу о ихъ желанiи имѣть свое церк. управленiе, на что тотъ однако не согласился (1469—1470). Провладевавшавъ 12 лѣтъ и 6 мѣс., онъ преставился въ глубокой старости и былъ погребенъ въ «своемъ строенiи», въ кам. церкви во имя трехъ святителей, *Иоанна Предтечи* и пустынножит. *Онуфрiя* въ Огней пуст., гдѣ мощи его почитаютъ понынѣ; по однимъ источникамъ мощи его перенес. были въ 1504, по другимъ обрѣт. въ 1600 въ изготвл. имъ еще при жизни дерев. гробѣ. Празднованiе ему установл. соборнымъ опредѣл. 1549 г. Житiе его «вышло изъ келiи пустын. монастыря» (состав. въ 1472) и любопытно какъ по содержанiю, такъ и по литерат. формѣ. Списки его XVI—XVIII вв. хран. во мног. собранiяхъ, изъ нихъ одинъ на печ. Н. И. Костомаровымъ въ «Памят. Стар. Русс. Литер.» (IV, 27), но какъ иконописецъ, написавшiй наход. въ Савво-Вишер. мон. икону св. *Саввы* († 1461), *Иона* уном. только въ «Новгор. губ. вѣд.» 1849 г. (№ 40, с. 197, 199, 202) и у архим. *Макарiя* въ «Археол. Опис. церк. древн. въ Новгор.» М. 1860, II, 12С.

См. объ его жизни и дѣлiяхъ: (*Кн. Аристовъ*) «Словарь историч. о святыхъ», Сиб. 1836, с. 188, и 1862, с. 122.—«Житiя святыхъ», Сиб. 1856, ноябрь.—«Полн. собр. русс. житiй», т. III, IV, V, VI, VIII, и «Акта историч.», I и IV (ср. «Указат.»).—Архим. *Сергiй* «Полный Мѣсяцесл. Востока», М. 1876, II, 1, 295, и *Н. Барсукова* «Источники русс. агиографiи», Сиб. 1882, с. 272—4 (гдѣ указ.: разные источники и рукоп. житiя, сказанiя о мощахъ и службѣ).—«Новгор. губ. вѣд.» 1850, № 14, с. 107.

Иона, иконописецъ и граверъ на мѣд. Нѣжинскiй урож., iеромонахъ Александрo-Невской лавры въ 20-хъ годахъ XVIII ст., онъ напис. на полотнѣ (размѣр. 48 × 22 верш.)—наход. въ

лаврѣ изображ. св. Дмитрія Ростовскаго († 1700) въ келіи, окруж. его творениями и ангелами, и гравиров. на мѣди—изображ. св. Александра Невскаго въ ростѣ съ копьемъ въ рукахъ и съ короной у ногъ (велич. $9 \times 1,6$ во франц. дюйм. и лин.).

См. составл. П. Н. Петровымъ „Катал. истор. выст. портрет. лицъ XVI—XVIII в.“, Спб. 1870, № 833 (с. 221).—Д. Ровинскаго „Русс. Граверы“, М. 1870, с. 228, и „Русс. Народ. Карт.“, II, 542.

Ионова, Марія Алексѣевна, по мужу **Федорова**, см. это имя.

Ионъ, Иванъ, архитекторъ. Род. 1744, ум. 1817. Петербургскій уроженецъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, наход. при казенныхъ строеніяхъ 5 лѣтъ безъ жалованья, за что опредѣленъ былъ „архитектурн гезелемъ“ въ рангъ прапорщика, а затѣмъ произведенъ въ „за-архитекторы“ и въ чины: тит. сов. въ 1765, колл. ассесс. въ 1784 и надв. сов. въ 1787.

О. И. Иорданъ
1871

44. Собств. портретъ О. И. Иордана, 1871 г.

См. въ Общ. Архивъ М. И. Д. дѣла по оп. 122/556, № 6 (1796), л. 13 об., и въ Архивъ И. А. Х. дѣло 6/1817.

Ионъ, Карлъ-Готтлибъ Ивановичъ, архитекторъ. Удостоенный званія своб. художника, онъ получ. въ 1860 прогр. на званіе академика—„проектъ город. думы“, который, однако, не могъ окончить ранѣе 1864 г., будучи производителемъ работъ у проф. Боссе по постройкѣ дворца и службъ для в. к. Михаила Николаевича на Михайловской дачѣ (1857—62) и у арх. Монигетти при постройкахъ различныхъ зданій, въ томъ числѣ церкви и мал. дворца въ имѣніи Ими. Маріи Александровны въ Крыму.

См. въ Архивъ И. А. Х. дѣло 26/И.

Иорданъ, Оедоръ Ивановичъ, граверъ на мѣди рѣзцомъ. Род. 13 авг. 1800 въ Павловскѣ, ум. 19 сент. 1883 въ СПб. Сынъ лютер. родителей: придв. обойнаго мастера Іог. Фридри. Иордана и жены его Катер. Регинны, рожд. Мартенсъ, онъ былъ крестникомъ наслѣд. принца Мекленбургъ-Шверинскаго Фридриха Людвига, въ честь котораго былъ назв. при крещеніи тѣмъ же именемъ, и имп. Маріи Оеодоровны, по желанію коей опредѣл. былъ въ 1809 въ Имп. Акад. Худож., гдѣ въ мар. 1819 назнач. былъ въ гравиров. классъ къ нов. преподават., академ. Уткину. Занившись напередъ копиров. съ иностр. образцовъ, какъ, напр.: 1. „Торса мальчика“ съ Герда (1821) и 2. „Портрета кардин. де Перефикса“ съ Нантѣля, онъ, по получ. 2-й и 1-й серебр. медалей за рис. съ нат. (въ авг. 1822 и въ дек. 1823), исполнилъ гравюры: 3. „Меркурій уснул. Аргуса“ съ карт. П. Соколова (1824) въ видѣ прогр. на 2 зол. мед., по награжденію которою былъ оставл. при Акад. вмѣстѣ съ 5-ю товарищ., въ числѣ пенсіонеровъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, но на правахъ помощниковъ кл. преподавателей; затѣмъ въ слѣд. (1825) году, по част. заказамъ,—4. портр. (мало похожій) извѣстной танцовщицы Истоминой въ балетѣ „Зефиръ и Флора“ для альман. Булгарина „Русс. Талія“, 5. портр. актера В. А. Каратыгина въ траг. „Фингалъ“ (съ рис. М. Теребенева) для издат. Альманаховъ Аладына (въ „Памятникъ Музѣ“), 6. статуя герц. Рихелье въ Одессѣ, раб. Мартоса (съ рис. Н. Тверскаго) для изд. конфер.-секрет. Акад. Худож. В. И. Григоровича „Журналъ Изящныхъ Искусствъ“, 7. „Собакою дружбу“ съ рис. И. Иванова (по наброску презид. Акад. А. Н. Оленина) для басенъ Крылова въ изд. книгопрод. Сленина, 8. „Умир. Авеля“ съ карт. Лосенко—въ видѣ

прогр. на 1 асл. мед., которая и была присужд. ему въ сент. 1827 г.; наконецъ,—каранд. рис. съ грав. Филиппа де Шампани „Полож. во гробъ“—для имп. Елизаветы Алексеевны, а въ 1828 г.—9 и 10. два загл. листа по рис. И. Иванова къ „Стихотв. П. Межакова“ и къ „Анатомико-хирургич. таблицамъ“ И. Буяльского и 11—12. двѣ табл. съ ханскими монетами для соч. акад. Френа de Pe-Chanogum numis“ и съ медалями въ честь гр. Суворова для гр. Хвостова. Награвировать еще: 13. рис. операциі камен. болѣзни для изд. 1831 г.—„Анатомико-хирургич. таблицы“ Саломона и Савенкова, Иорданъ отправилъ Рафаэлю—14. двухъ годовыхъ егои Перуджино изъ его „Аениской школы“ и 15. „Лоретской Божіей Матери“ (Св. Семейство), а въ сент., послѣ юльскихъ событий, переѣхалъ съ разрѣш. начальства въ Лондонъ, гдѣ и вступ. въ мастерскую грав. Раймбаха, подѣ наблюд. котораго въ 1831 исполнилъ двѣ грав. крѣпкой водкой, послѣ чего занялся у Бенгеля въ 1832 исполненіемъ акватинтой: 16. листа съ раз. предметами; по переѣздѣ же Раймбаха въ Гриничъ на покой, онъ опредѣлился къ не менѣе извѣст. грав. на стали Д. Г. Робинсону и въ 1833 награвиров. его способ.: 17. карт. „Изынвѣный“ съ Гогарта для одного англ. торговца, замѣниваго потомъ подписи русс. гравера—подписью англ. мастера; 18 и 19. портреты цунтир.—пож. члена Парламента Вильберфорса въ ростѣ, въ креслахъ у стола (примечъ онъ былъ оконченъ англ. грав. Couzens'омъ), и одного англ. капитана, умерш. въ Индіи; 20. „Богоматерь оплакив. смерть Спасителя“ съ карт. Чигли.

Получивъ въ нач. 1834 г. разрѣшеніе отправиться на остальное время своего загранич. пенсіонерства въ Италию, Иорданъ хотя и поѣх. туда черезъ Голландію и Францію, но, заболѣвъ воспаленіемъ глазъ въ Парижѣ, вернулся обратно въ Лондонъ, гдѣ и остался до осени, а затѣмъ уже, черезъ Антверпенъ, Брюссель,

Ахенъ, по Рейну (примечъ погибла доска грав. съ карт. Чигли), черезъ Швейцарію и Савойю, направ. въ Парму къ граверу Тоски и потомъ въ Болонью, гдѣ встрѣт. съ К. П. Брюлловымъ; тамъ онъ занялся рис. для грав. съ карт.: 1. Караччи „Преображ. Господне“ и Фр. Альбани „Св. Троица“. Однако, гравировать ихъ онъ не сталъ, а поселившись весной 1835 въ Римѣ, принялся, по совѣту того же Брюллова, за 21. рис. съ карт. Рафаэля „Преображеніе“ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ всѣ существовав. до того эстампы съ этого произведенія (рис. этого наход. въ Моск. Учлн. живописи и ваяніи). Трудъ этотъ требов. слишкомъ продолжит. времени для выполненія его въ задум. видѣ, между тѣмъ срокъ пенсіонерства кончался, и вотъ, подобно Иванову, начинаютъ постоянная хохотавшая какъ самого Иордана, такъ и друг. лицъ за него (Кривцова, К. Тона и проч.), о дальнѣйшихъ отсрочкахъ. Давая общія хлопотавшей за него Академіи не занимаясь ничѣмъ инымъ, кромѣ этой работы, Иорданъ награвиров. только: 22 и 23. портреты В. К. Михаила Павловича (1838) и Александра Николаевича (1839), съ рис. И. Каневского, и въ 1844 г. былъ признавъ академикомъ безъ задачи программы. Затѣмъ онъ исполнилъ еще въ Римѣ, въ контурахъ, рѣзцомъ: 24—29. шесть картинъ для книги Класовскаго „Систематич. Описание Помпей“, въ 8-ку (1848); 30—45. шестнадцать снимковъ съ произведеній англ. скульпт. Джибсона—14-ть для изд. „The Story of Psyché...by Elis. Strutt“ (1849) и два отдѣльно; 46. портр. поэта Языкова, по грав., — по зак. Хомякова и Кирѣвскаго, а по возвращ. въ Петербургъ и признаніи его профессоромъ въ 1850,—47. дипломъ на званіе академика и поч. волея. общника И. А. Х. (1851), и, затѣмъ, рисунки съ карт. Угрюмова: „Возвезд. на царство Михаила Феодоровича“, „Покор. Казани при Иоаннѣ IV“, „Испытаніе силъ Яна Усмошвича“.

Поселившись послѣ того во Флоренціи (1853) для исполненія: 48. грав. съ карт. Егорова „Истязаніе Спасителя“ по зак. Академіи (оконч. лишь въ 1867), онъ былъ однако вскорѣ вызвъ. для занятія должности профессора гравюр. класса въ Акад. по смерти Галактионова (1855), а вслѣдъ за этимъ сдѣлался хранит. эстамповъ и орг. рисунковъ въ Имп. Эрмитажѣ по вых. въ отставку Уткина (1860), у котораго онъ былъ сперва помощникомъ. Тѣмъ временемъ онъ награвиров. (на стали) портреты: 49. Гоголя (съ ориг. Моллера 1841 г.)—по зак. его племянника (1856—57), 50. Лермонтова—по

зак. А. И. Глазунова и 51. Бѣлинскаго — по зак. К. Т. Солдатенкова (1859), 52. Державина (съ ориг. Тончи) — по зак. Акад. Наукъ (1860—61), для изданія сочиненій этихъ писателей. Исполнив: 53. портр. Гоголя вторично, въ нѣск. меньшемъ видѣ (1865), онъ награвировалъ еще табл. въ контур. 54—58. пять съ изображ. Керчен. древностей (преимущ. вазъ) для „Отчетовъ Имп. Археолог. Ком.“ за года 1867, 1869 и 1870—71 (въ 1868—74) и 59 и 60. двѣ съ изображ. древнихъ статуй для ст. Стефани „die Antiken Sammlung zu Pawlowsk“ въ „Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences“, VII Série, T. XVIII, № 4 (1872), — послѣднія сдѣлавшись уже ректоромъ Акад. (1871), равно какъ и посв. портреты (на стали): 61. рект. СПб. Univ. П. А. Плетнева (1870), 62. собственный (1871), 63. лейбъ-мед. Здекауера (1872), 64. оберъ-гофмарш. гр. А. П. Шувалова (1873), а послѣ празднов. 50-тилѣт. юбилея—65. Имп. Александра II (1875), 66. Наслѣд. Цесарев. вполнѣд. Имп. Александра Александровича (1877), 67. игум. Валаам. мон. Дамаскина (1878), 68. сенат. Д. А. Ровинскаго (1869), 89. в. к. Владимира Александровича (1880), 70. основат. Моск. Univ. и Акад. Худож. И. И. Шувалова, съ ориг. К. Ф. Дойзена (1881), 71. грав. Г. И. Скороходова, съ его собствен. аквар. (1882), 72. живоп. А. Е. Егорова, Д. Г. Левицкаго и В. К. Шебуева (1885).

Послѣд. время своей жизни, Иорданъ, кромѣ ректорства въ Акад., председательствовалъ въ Комисіи для составл. пов. устава для нея (1872)¹⁾ и заведыв. еще Мозач. отдѣленіемъ послѣ О. А. Бруни (съ 1876); но въ гравюр. классѣ у него рѣдко бывало болѣе одного ученика. Наибольшую извѣстность изъ его учениковъ приобр. И. П. Пожалоостинъ.

Несмотря на лестные отзывы соврем. критики о произвед. Иордана, когда они появлялись передъ публикой, и частія сравненія его съ лучшими иностр. мастерами, знатоки и художники (знаменитый Ивановъ и др.) находили въ главнѣйшемъ трудѣ—гравюрѣ съ Рафаэлева „Преображенія“ не мало недостатковъ, а нѣкот. изъ учениковъ гравюр. класса (напр. Стряковъ, Пожалоостинъ) отзывались не совсѣмъ благоприятно объ отнош. къ нимъ ихъ преподавателя. Тѣмъ не менѣе Иорданъ приобр. по рѣдочную извѣстность не только въ отечествѣ,

но и за его предѣлами, какъ свидѣтельствуютъ иностр. художеств. источники.

Портреты Иордана были исполнены: аквар.—А. Вегнеромъ въ 1857, грав. на мѣди—В. Бобровымъ въ 1880 и на деревѣ—Э. Беренсомъ для „Всем. Иллюстр.“ 1874 (№ 308, с. 363, и тоже въ 1883 г., № 769, с. 265) и Ю. Барановскимъ для „Нивы“ 1883 (№ 43, с. 1032).

45. Медаль въ память 50-ти лѣтняго юбилея

О. И. Иордана,

раб В. В. Алексѣева, 1874 г.

Первый очеркъ дѣят. Иордана былъ помѣщ. В. Толбинымъ въ „Сѣв. Цветѣ“ 1860 (№№ 4 и 5, с. 15 и 20). — Затѣмъ слѣдов.: составл. П. Н. Пестровымъ по случаю его юбилея юбилей съ „Всем. Иллюстр.“ 1874 (т. XII, №№ 308, 310 и 312, с. 359, 391—4 и 443—5) и для „Отчета И. А. Х.“ за 1873—74 г. (с. 71—79); по поводу того же юбилея была еще напечат. статья П. Н. въ „Гражданин.“ (№ 46, с. 1137—8) и замѣтка въ „СПб. Вѣд.“ (№ 257, въ хрон.). — Наконецъ, въ „Русс. Арх.“ 1883 (VI, 321) и 1884 (I, 250) — бюгр. Иордана, а некрологи его появ. въ томъ же 1883 г.: въ „Нов. Врем.“ (№ 2717—дов. обстоят.), „Моск. Вѣд.“ (№ 264—сокращ. изъ предид.),

¹⁾ Труды этой Комисіи напеч. въ прилож. къ „Сборнику постановл. Совѣта И. А. Х. по худож. и учеб. части съ 1859 по 1890 г.“ (с. 329—360).

„Худож. Новост.“ (№ 19, с. 573—6, *А. Сомов*), „Всея. Иллюстр.“ (№ 769, с. 262—3, извлеч. *Петровым* изъ его же ст. 1874 г.), „Нивъ“ (№ 43, с. 1034—5, —дов. крат.), „Искусствъ“ (№ 38, с. 452, —от. крат.), „Газ. А. Гатчука“ (№ 15, с. 891, —от. крат.). — Кроме того, отд. замѣтки объ его работахъ встрѣч.: въ 1825 — въ „Журн. Извѣст. Искусств.“ (№ 1, с. 47), „Моск. Телегр.“ (I, 163, и IV, особ. приб. къ № 13, с. 15), „Сынъ Отеч.“ (ч. С, № 5, с. 57); въ 1826 — въ „Свѣд. Пч.“ (№ 146, с. 1), въ 1827 — тамъ же (№ 117, с. 3, столб. 2) и „Отеч. Зап.“ (XXXII, 143); въ 1835 — въ „Вѣст. для Чт.“ (XI, II, 87—88, въ ст. *Тимовскаго* „Русс. художники въ Римѣ“); въ „Худож. Газ.“ въ 1836 (с. 102), 1837 (с. 96—97, 193 и 274), 1840 (№ 1, с. 3); въ 1840 — въ „Сынъ Отеч.“ (I, 478); въ „Москвитан.“ 1841 (VI, 156, въ ст. *С. Шеврева* „Русс. художники въ Римѣ“) и 1842 (II, 342, въ ст. *М. Попова* „Мѣсяцъ въ Римѣ“); въ 1842 — въ „Свѣд. Вѣд.“ (№ 226, с. 989—9, въ ст. *Θ. Чижова* „Русс. художники въ Римѣ“); въ 1846 — въ „Моск. Литер. и Учен. Сборн.“ (с. 78—81, въ письмѣ того же автора) и въ „Иллюстр.“ (№ 38, с. 607); въ 1847 — въ „Выбор. мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, *Гоголю* (§ VII) и въ „Сынъ Отеч.“ (X, ч. 24); въ 1849 — въ „Москвит.“ (I, смѣсь, 76); въ 1850 — въ „Вѣст. для Чт.“ (CIV, II, 90—92, въ ст. *Д. Мичкевича*), „Современ.“ (XXIV, II, 127—130) и „Отеч. Зап.“ (LXXIII, II, 73); въ 1851 — въ „Москвит.“ (I, II, 113, въ извѣст. *И. Рамазанова*; II, II, 81—82 и 199—210, въ ст. *М. Попова*); „Журн. Мин. Нар. Пр.“ (LXXII, VI, 22—23), „Моск. Вѣд.“ (№ 35, опис. обѣда въ честь I. и Айвазовскаго); въ 1853 — тамъ же (№ 132, с. 1361—2, въ извѣст. *И. Рамазанова* съ извлеч. изъ „Dell' Arte“); въ 1856 — въ „Русс. Бес.“ (IV, VI, 143—4, въ ст. *Θ. Чижова* „Джов. Анджел. Физологическій“). — Сверхъ этого — въ „Русс. Стар.“ были помѣщ.: въ 1875 — автобіогр. *Д. Стрѣкова* (XIV, 388 и 384—5, съ зам. Иордана на с. 594), въ 1878 — ст. *П. Ефремова* о портретахъ Гоголя (XXII, 157—161), въ 1880 — воспом. объ Акад. Худ., *Художника* (XXIX, 391—2), въ 1881 — автобіогр. *И. Поклоустина* (XXXII, 162—136, 351—2 и 355—374), гдѣ также находитъ свѣд. о Иорданѣ, равно какъ и въ изд. въ 1880 *М. П. Боткин* изъ подъ ред. *Н. П. Собко* книгъ „Ал. Андр. Ивановъ, его жизнь и переписка“ (с. 38—4, 100—1, 161, 185, 188, 243, 251, 262—6, 271, 273—280, 326—7, 347, 361—2, 378—381, 386, 388, 397, 417). — Част. свѣдѣнія дополнялись оффиц., заключав. въ: „Указат. выст. И. А. Х.“ 1833 (№ № 512—3), 1850 (№ 69), 1868 (№ 151); „Отчет. Общ. Прогр. Худож.“ 1838—39 (с. 2), 1875 (36) и „И. А. Х.“ 1849—50 (с. 22), 1850—51 (30), 1851—52 (30), 1854—55 (33), 1855—57 (36), 1857—58 (26), 1858—59 (38), 1859—60 (42), 1860—61 (81), 1862—63 (79), 1864—65 (77), 1865—66 (65), 1866—67 (59), 1867—68 (49), 1868—69 (76), 1870—71 (46), 1871—72 (53), 1872—73 (44), 1873—74 (41), 1874—75 (36), 1875—76 (33), 1876—77 (34), 1877—78 (56), 1878—79 (37), 1879—80 (36), 1880—81 (36),

1882 — 83 (4 и 12); „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, *П. П. Петрова* (I, 569; II, 132, 172, 187—8, 190—1, 194—6, 222, 235, 275, 285—8, 293, 306, 309, 311—2, 315, 358—9, 361, 370—1, 441—2, 445; III, 13, 82, 102, 53, 102, 134—5, 139—140, 142—3, 155, 227, 238, 239, 241—2, 265, 281, 326, 339, 374, 389, 398, 409, 440). — Подлин. докум., касающіеся Иордана, хран. въ Архивѣ: И. А. Х. подъ № № 68/1827, 26/1830, 2/1834 (въ числѣ Президент. дѣлъ) и 21/1825, *140/1829, 6/1836, *14/1846, 110/1850, 76/1852, 118/1854, 130/1856, 88/1857, 80/1871, 126/1872, 65/1873, 86/1874, 83/1875, 32/1877, 83/1877, 84/1878, 18/1878, 121/1878 и *25/II (изъ нихъ особ. важныя отнѣя. знакомъ *), и *М. П. И.* — 1823, оп. 103, № 18; 1829, оп. 393, № 22; 1852, оп. 1311, № 1; 1856, оп. 946, № 9, и оп. 666, № 1 и 13; 1858, оп. 65, № 23; 539, оп. 669, № 39; 1862, оп. 672, № 9; 1866, оп. 1129, № 291; 1871, оп. 1304, № 57; 1873, оп. 1338, № 97; 1875, оп. 1341, № 63; 1878, оп. 1290, № 13. На основ. вышеуказ. источ. была напис. *Н. П. Собко* и помѣщ. въ „Вѣстн. Изв. Иск.“ 1884 г. (съ состав. *Д. А. Ровинскаго* списокъ гравюръ) — подроб. біогр. Иордана, гдѣ привел. были какъ выписки изъ его донес. изъ за гран. (съ опис. различ. приемовъ гравиров.) и др. докум., такъ и изъ разл. статей о немъ; статьи эта послуж. матер. для кратк. біогр., напис. *Θ. Булгаковымъ* въ его изд. „Наши художники“ 1889 (I, 162—3), и для настоящ. очерка. Послѣ назв. статьи въ „Полн. Словарѣ русс. гравиров. портретовъ“ *Д. А. Ровинскаго* 1889 г. встрѣч. разн. свѣд. о гравир. Иордана; въ „Русс. Стар.“ 1892 (т. LXXIII) печат. подъ ред. и съ примѣж. *Н. П. Собко* — автобіогр. Иордана, а въ „Русс. Худож. Арх.“ 1892 (III—IV, 214) поля. неб. зам. о немъ.

Иоръ Іульяно, колок. маст. XVI в., — гравир.

Ульяновъ, Юрій, см. это имя.

Юсифовъ, Исидоръ, иконописецъ. Состав. въ 1652 смѣту на стѣнописъ Арханг. соб. въ Москвѣ.

См. *И. Забылина*, „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 13, и *Д. Ровинскаго*, „Истор. русс. школь иконопис.“, 152.

Юсифъ, иконописецъ. Расписыв. въ 1343 въ Москвѣ, вмѣстѣ съ др. старѣйшими и начальниками (Денисомъ, Захаріемъ, Пискаремъ и проч.) и дружиной ихъ, церковь св. Арханг. Михаила у двора вел. князя (Симеона Иванновича Гордого), но не допис. въ то лѣто „величества ради и мелкаго письма“ и потому доканч. въ 1344. Церковь эта была сломана въ 1505 и на мѣстѣ ея воздвиг. нынѣшній Арханг. соб., но и прежняя была перепис. грекомъ Θεοφάνη въ 1399.

См. *Карамз.* IV, пр. 372 (ст. 172 по изд. Эйперлинга). — „Полн. собр. русс. лѣтоп.“, VII, 209, — *Д. Ровинскаго*, „Истор. русс. школь иконоп.“, 152 и 145.

Иосифъ, иконописецъ. Царскій изуграфъ, онъ напис. въ 1826 икону Благовѣщенія, очень похожу на Строгановскія 2-го письма, гдѣ ризы и палаты проблѣны золотомъ, и остав. любовитное посланіе къ иконоп. Симону Ушакову о живописи (извѣстное по рукоп. гр. Уварова, XVII—XVIII в.).

См. *Д. Ровинскаго* „Истор. русс. школь иконопис.“, 42 и 152, и „Подроб. Словарь русс. гравир. потретовъ“, прилож., с. 218 и 824. — *О. Буслаева* „О подлинникъ“ — въ „Русс. Вѣст.“ 1858, т. XVI (июль, кн. 2), с. 244—261, и въ его „Очеркахъ“, Спб. 1861, т. II, с. 410, 411, 413, а также 392 и 322.

Иосифъ Владиміровичъ или **Владиміровъ** (иконописецъ XVII в., ученикъ Симона Ушакова), см. это имя.

Иосифъ Гошемскій (граверъ), см. это имя.

Иосифъ Желтоножскій (живописецъ), см. это имя.

Иосифъ Турабойскій (граверъ), см. это имя.

Иосса, Андрей Николаевичъ, архитекторъ. Род. 26 окт. 1850. Сынъ полков., служившаго начальникомъ механич. производствъ на Спб. Монетномъ Дворѣ, онъ выдержалъ испытаніе изъ предметовъ полнаго гимназич. курса въ Олонекской гимназій, посѣщ. съ сент. 1871 до авг. 1873 лекціи юридич. факультета въ Спб. Ун-нѣ, а въ сент. 1873 поступилъ вольнослуш. въ И. А. Х. по живоп., потомъ переш. на архитект. (1873), за работы по которой, будучи пенсіонеромъ Его Величества, и получ. 2-ю серебр. мед.—8 апр. 1878 и 1-ю—27 окт. 1879, наконецъ 2-ю золот.—4 нояб. 1880, выѣстъ съ званіемъ вл. художника 2 ст. (за проектъ город. думы).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣла 187/1872 и 13/1878.

Иосилевичъ, Э., живописецъ. Ученикъ Моск. Ун-на. Живописи, вальдія и зооцества, онъ принималъ участіе въ тамаш. XII-й ученик. выст. 1889 г., выставивъ картины: „Падчерница“, „Проща какъ сонъ“, „Первое сомнѣніе“, „Странникъ“, и эту. С.

См. „Катал.“ означ. выст., №№ 91. 115. 124. 134. 345.

Иохимъ, Карлъ Ивановичъ, живописецъ и литейщикъ. Род. 1803, ум. 15 мая 1859. Сынъ извѣст. карет. мастера въ Спб., самъ заняи. въ ранней молодости ремесломъ своего отца Рисую для него еще въ дѣтствѣ новомод. экипажи, онъ обратилъ на себя своими способностями вниманіе окружающихъ, которые и старались развить въ немъ ихъ еще болѣе. Сдѣлавшись вольноприход. уч-

никомъ И. А. Х., онъ былъ тамъ ученикомъ Зауервейда и исполнялъ, между прочимъ, на камнѣ 12 больш. рисунковъ подроб. анатоміи лошади, которые и подарилъ Общ. Поощр. Худож., въ благодарностъ за снабженіе его средствами (1837—38); 11 апр. 1842 г. заслуж. 2-ю сер. мед. за рис. съ нат., а 26 сент. того же года оконч. курсъ съ званіемъ некл. художника по историч. живописи. На Акад. выст. того года наход. карт. его раб.: „Сцена изъ ром. Вальтеръ-Скотта—Карлъ II Стюартъ дѣлаетъ вѣскром. предложеніе дѣвѣцъ Алисъ въ домѣ отца ея, гдѣ онъ укрыв. отъ преслѣдов. Кромвеля“. По своей спеціальностью онъ избралъ отливку худож. произведеній съ припѣніемъ къ этому вновь изобрѣт. гальванопластики. Съ помощію послѣдней онъ придумалъ замѣнить въ типограф. букввахъ свинц. отко—мѣднымъ, чтобы придать имъ болѣшую чистоту и особ. прочностъ (за что удост. былъ Демидов. преміи отъ И. А. Н.). Это изобрѣтеніе такъ заняло его, что онъ бросилъ все остальное, тратилъ на это все свои деньги и часто отказыв. себѣ въ самомъ необходимомъ. Благодаря уму, терпѣнію и силѣ характера, ему удалось преодолѣть все препятствія; все машины и приспособленія для выдѣлки нов. буквъ были устроены имъ, какъ являлось нов. препятствіе со стороны типографовъ, которые должны были или мѣнять все шрифты, или оставить усовершенствованія логина безъ вниманія. Нѣкоторые казен. типографіи заказали ему, однако, нов. шрифты; онъ отлилъ ихъ до 100 пудовъ, и рассчитывалъ уже на сбытъ и за границу, когда ему пришлось подвергнуться серьезной операціи. Хотя онъ и вынесъ ее благополучно, но вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ холерой, и истощенный организмъ не могъ уже перенести этой болѣзни. Онъ умеръ въ страш. мученіяхъ, но дѣти его продолжали его дѣло.

См. Некрол.: въ „Сѣв. Пч.“ 1859, № 111, и въ „Мѣсяесл.“ на 1860. — „Отч. О. П. Х.“ 1837—38, с. 11. — „Указат. выст. въ И. А. Х.“ 1842, с. 18. — „Сборникъ матер. для истор. И. А. Х.“, ... *Ц. Н. Петрова*, II, 423 и 437. — Ср. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 166/1864 (преж. номер.).

Иохманъ, Николай Карловичъ, архитекторъ. Финляндскій урож., сынъ фабриканта, онъ былъ ученикомъ Гл. нѣмецкаго учил. св. Петра въ Спб. (съ авг. 1846 по июль 1851) и И. А. Х. (въ 1852—53 г.г.) и удост. 16 апр. (10 июня) 1859 званія некл. художника, съ правомъ производить постройки,—за „проектъ женск. училища въ губ. городѣ на 150 уч.“. Въ бытность затѣмъ въ

Выборгъ (въ 1865), произвелъ болѣе 10 построекъ (въ томъ числѣ зданія ратуши и магистрата), до того участвов. при постройкахъ станцій по Варшавской ж. д. отъ Динабурга до Вильны и былъ на изысканіяхъ желѣзнодорожныхъ: Московско-Брестской, Воронежско-Харьковской и Рязско-Скопинской, а послѣ того занял. проектами зданій по Кіево-Брестской ж. д. (въ 1872); наконецъ, былъ прикомандиров. къ Деп. Тамож. Сборовъ Мин. Фин. архитекторомъ-производителемъ работъ Ревельской порт. таможни, Сиб. и Рижскаго округовъ, равно какъ и друг. тамож. учреждений (въ Ялтѣ, Одессѣ, Радзивиловѣ, Мюльграбенѣ и Либавѣ); въ тоже время онъ состав. проектъ правос. церкви въ Александров. округѣ, приним. участіе въ разныхъ част. постройкахъ, между прочимъ, по поруч. Коммерч. Страх. Общества,—при заво-

дахъ купцовъ Мойина, Лесснера и Кенига. послѣ сего служ. съ конца 1877 до начала 1881 млад. архитекторомъ Ферганской обл.

См. „Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, ...
П. Н. Петрова, III, 329, а также 315, и въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 30/И.

Юхъ, живописецъ въ 1786, въ СПб., на Вас. Остр., по 2 л., д. 222.

См. „СПб. Вѣд.“ 1786, № 81, с. 1016 (объявл.).

Ю = Іоаннъ Рѣкленный, см. это имя.

ЮС = Іерод. Севастіанъ, см. это имя.

IS = монограмма грав. Ив. Стржибickaго.

IST = монограмма грав. Ив. Штенгльна.

Юльяновъ, Іоръ, см. Ульяновъ.

Юдины, Ив. Ил. и Илья, иконописцы въ Мстерѣ XVIII в., см. Юдины.

ДОПОЛНЕНИЯ.

(Къ стр. 287—297).

Ивановъ, Александръ Андреевичъ.

Почти одновременно съ печатаніемъ нашего очерка о жизни и дѣятельности этого художника (начатымъ нами еще въ началѣ сент. 1894), въ Москвѣ печатался „Опытъ полной біографіи А. А. Иванова“, составл. А. Новицкимъ и изд. художественной фототипіей К. А. Фишеръ (пропущ. Моск. цензурой 18 февр. 1895, но выпущ. въ свѣтъ лишь въ концѣ того года). Хотя отмѣчено уже было въ печати, что въ изд. М. П. Боткина, заклѣч. въ себѣ 243 письма и замѣтки А. А. И.—ва, вошло лишь около $\frac{1}{3}$ всего рукопис. матеріала, поступившаго послѣ смерти его брата С. А. въ Моск. Публ. и Румянц. Музей, авторъ вновь вышедшей книги все-таки не могъ, видимо, воспользоваться для своего труда всей этой массой рукописн. черновиковъ, а потому его „Опытъ“ не представляетъ почти ничего новаго противъ изложеннаго здѣсь на основ. опубликованныхъ прежде источниковъ (даже и въ количеств. отношеніи онъ не только не обширнѣе помѣщ. тутъ очерка, но еще на $\frac{1}{10}$ меньше послѣдняго). Безусловно новыми данными являются свѣдѣнія: (на стр. 83) о напис. И.—вымъ заграницей, неизвѣстно впрочемъ въ какое время, „не изъ за денегъ, а изъ чести, что французъ выбралъ русс. художника“, какъ онъ отъи. въ одной своей записочкѣ, —портретъ масл. красками съ лѣонск. купца М. Vivie, да (на стр. 250—3) о будто бы исполн. имъ (судя по запис. нѣкаго кн. Голицына), по заказу одного богача, маіора П. Д. Юрасовскаго, въ Римѣ въ 1832—33 г., за несоразмѣрно высокую сумасшед. дѣву, —большой картинѣ (размѣр.: $2\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ арш.) „Похищеніе Литовцами въ 1612 г. (послѣ сожженія одного села подл. г. Болховымъ, Орловской губ.) бояршии Ржевской“ (вышедшей потомъ замужъ въ Литвѣ за богатаго пана Юрасовскаго).

Затѣмъ, не мало любопытнаго представляютъ: выписки изъ неизвѣст. доселѣ писемъ и замѣтокъ И.—ва съ отъи. объ его товарищахъ: К. Брюлловѣ, архит. Ефимовѣ, Зассенѣ, Соболевскомъ, Вагантѣ, Марковѣ, Бруни, Габерпетелѣ, Гофманѣ, Лапченко, Карчевскомъ, болѣе или менѣе подчинявшихся первому изъ нихъ, или, напротивъ, держав-

шихся независимо отъ него (стр. 54—59), да, да, —чисто фантастич. планы И.—ва насчетъ преобразов. Акад. Худож. и быта ея пенсіонеровъ, положенные имъ въ письмахъ къ К. Брюллову и въ Общ. Поощр. Худож. (стр. 60—66), а также въ разныхъ отрывкахъ (стр. 103—109). Проекты эти, рекомендующіе между прочимъ награжденіе отличившихся носимыми на шеѣ золот. медалями на различныхъ орденскихъ лентахъ и предоставленіе имъ особыхъ преимуществъ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ роли, какую должна играть при этомъ Акад., явно свидѣтельствуютъ о перво-болѣзненномъ состояніи въ то время нашего художника и совершенно идутъ въ разрѣзъ съ высказ. имъ въ разныя эпохи своей жизни свѣтлыми мыслями о необходимости полной независимости художниковъ безъ всякихъ нѣмшихъ отличій и объ отсталости всякихъ академій, образцы чего, въ не маломъ количествѣ, приведены въ нашемъ очеркѣ изъ собств. писемъ того же Иванова.

Въ довершеніе всего, намъ необходимо указать на нѣкоторые пропуски, случайно вкрашіеся въ прилож. къ нашему очерку списокъ печат. источниковъ, объ И.—вѣ, а именно: на вѣсном. о немъ П. М. Ковалевскаго въ его ст. „Встрѣчи на жизненномъ пути“ въ „Истор. Вѣст.“ 1886 (апрѣль) и на очеркъ П. М. Чернышковой „Отнош. Гоголя въ его матери“—тамъ же, 1889 (іюнь), на письма А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву отъ 1858—въ „Русс. Архивѣ“ 1879 (кн. II, с. 296), гр. А. П. Толстого къ В. П. Григоровичу отъ 1845—въ „Русс. Стар.“ 1878 (февр., с. 351), О. В. Чижова къ Гоголю отъ 7 февр. 1848—тамъ же, 1889 (с. 366—7), и П. О. Смирновой къ нему же отъ 14 мая 1846—тамъ же, 1890 (с. 211).

(Къ стр. 341).

Ивановъ, Василій Моисеевичъ, архитекторъ.
Род. 22 янв. 1847 въ Гатчинѣ. Сынъ колл. регистр., служивъ помощникомъ столоначальника въ Гатчин. Дворц. Правл., онъ обуч. въ 3-й СПб. гимн., своекоштнымъ пенсіонеромъ, съ 17 авг. 1859 по 1 іюля 1864, но вышелъ оттуда по оконч. курса IV кл. и поступ. въ вольнослуш. А. Х. въ янв. 1866, а въ сент. перевод. былъ въ ученич. кл. Болѣе часто, онъ не могъ аккурат. сдавать

экзамен, а потому был исключ. изъ числа учеников и переш. опять въ разр. вольнослуш., получивъ же за „проектъ камен. 4-эт. дома съ магази.“—2 с. м., 30 апр. 1877, и пробывъ нѣск. лѣтъ, въ кач. помощ., при акад. архит. Людов. Франц. Шпегерѣ по болѣзненнымъ част. камен. постройкамъ въ СПб., при чемъ руковод. постройкой дома Макоханова въ Гатчинѣ, онъ думалъ было заявить жѣсто помощ. архит. при Гатчин. Дворц. Управл. (въ 1879), но это ему не было разрѣш. до сдачи экзамен. (въ 1881).

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 6/И.

Ивановъ, Гавріиль Алексѣевъ, живописецъ. Дойдя въ Моск. Училищѣ живописи и валяия до 3 антич. кл. (по свидѣт. 9 ноябр. 1860), онъ былъ затѣмъ учен. СПб. А. Х. съ 1861; въ 1865—66 гг. ѣздилъ на практич. занятія въ Черниг. губ. (Козелец. у., въ с. Воронки) въ имѣніе княг. Кочубей, а въ 1867 (окт. 20), не имѣя средствъ продолжать ученіе въ Акад., выш. изъ натур. кл. и получ. свидѣт. на званіе учит. рисов.

См. въ Арх. И. А. Х. дѣло 7/И.

(Къ стр. 345).

Ивановъ, Григорій Сергѣевичъ, граверъ. Род. 30 янв. 1870 въ СПб.-г. Сынъ писателя мѣщан., онъ обуч. съ 10 окт. 1861 въ домѣ призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ Имп. Человѣколюб. Общества, по достиженіи же 14-ти лѣтъ въ 1885, выбылъ изъ классовъ для поступленія въ литографію при томъ же заведеніи, а въ 1888 опред. былъ въ А. Х. вольнослуш., по граверному отдѣленію; переставъ тамъ заниматься съ сент. 1892 г., когда наход. въ натур. классѣ, былъ увол. изъ Акад. 5 іюня 1893, а 26 апр. 1894 получ., по прош., свидѣтельство на право преподаванія рисов. въ низшихъ учеб. заведеніяхъ.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 98/1898.

(Къ стр. 353).

Ивановъ, Ефимъ, рисовальщикъ. Опред. былъ въ А. Н. въ 1783.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Гравировъ“, М. 1870, с. 87 (въ алфавитѣ же тамъ онъ назв. Измайловымъ).

(Къ стр. 364).

Ивановъ, Иванъ Дмитріевъ, живописецъ. По представл. имъ портрету съ нат., онъ былъ возвед. 25 сент. 1850 (съ утвержд. 29 сент.) въ званіе своб. (некл.) худ., а въ іюнѣ 1871 просилъ о выдачѣ ему засвидѣт. копій съ аттестата, выд. ему изъ А. Х. въ 1844 и имъ утраченнаго.

См. въ Архивѣ И. А. Х. дѣло 10/И.

(Къ стр. 442).

Иванъ, иконописецъ Новгород. школы, удалившій въ занятии архимандрита, какъ разсказ. въ житіи (XV—XVI в.) Варлаама Хутынского († 1192).

См. „Археолог. Вѣст.“, М. 1864, с. 276—7.

(Къ стр. 448).

Игнатъевъ, Иларіонъ, дѣловой мастеръ. Род. 1759, поступ. на службу въ Контору Строенія въ 1777, наход. ученикомъ 2 кл. въ 1791.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д., дѣло по оп. 122/556, № 5 (1791), л. 17 об.

(Къ стр. 491).

Илія Н., граверъ на мѣди рѣзцомъ, XVIII ст. Остав. послѣ себя два изображ. очень плохой раб.: 1) „С. Григорій богословъ“ въ ростъ съ митрой и престолѣмъ на престолѣ передъ нимъ и Госп. Саваоомъ во главіи грубномъ вверху, съ посвящ. Григ. Дм. Строганову († 1715) въ день его ангела и съ подп.: „Heliasz K. Sculp.“ и „Theodorus Bogusz cum Okuczyzsky“ (размѣр.: 7,5¹/₂ × 6,2 по фронт. дюйм. и лин.); 2) „Стая мнѣца Гавкерія“, съ подп. „Илія“.

См. *Д. Ровинскаго* „Русс. Гравировъ“, М. 1870, с. 226.

(Къ стр. 495).

Ильинъ, Иванъ, чеканщикъ вѣдомства Кабин. Е. И. В., въ 1765.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д., дѣло по оп. 73/187, № 107, л. 31.

Ильинъ, Терентій, рѣзчикъ. Въ бытность ученикомъ Конт. Строенія, опред. былъ въ 1775 въ СПб. отдѣл. Воспитат. Дома.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д., дѣло по оп. 73/187, № 129, лл. 208—4.

(Къ стр. 496).

Инкень (рожд. Левенштернъ), Амація, живописца. Выстав. въ И. А. Х. въ 1830, подл. №№ 289—291, копій своей раб.: „Св. Фамилія“ съ Рафаэлемъ, „Гипшанская цвѣточница“ съ Мурлыбо и „Мальчикъ съ дѣвочкою“.

См. „Русс. Изнал.“ 1830, № 330, с. 1320.

(Къ стр. 497).

Иполитовъ, Лаврентій, литейный мастеръ. Посланъ былъ изъ Кабинета Е. И. В. въ 1753 черезъ Москву въ Тулу, съ цѣлью изготовленія на заводахъ Родіона Ваташова чугунныхъ черепицъ по двумъ моделямъ для Воскрес. Новодѣв. мон. въ СПб.

См. въ Общ. Архивѣ М. И. Д. дѣла Кабин. 1753, оп. 414/1132, № 88.